

ДЕТИ ВОЙНЫ - ДЕТИ ПОБЕДЫ

ПАМЯТЬ НА ВЕКА

**СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ
ЧАСТЬ IV**

75 ПОБЕДА!
1945-2020

Администрация
Сергиево-Посадского городского округа
Московской области

Совет ветеранов
Сергиево-Посадского городского округа
Московской области

ДЕТИ ВОЙНЫ - ДЕТИ ПОБЕДЫ

ПАМЯТЬ НА ВЕКА

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ
ЧАСТЬ IV

75 ПОБЕДА!
1945-2020

*Посвящается
75-летию Победы
в Великой Отечественной войне*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РЕМАРКО

г. Сергиев Посад
2020

Руководитель проекта – Кругликов В.С.
председатель Совета ветеранов Сергиево-Посадского городского округа,
заместитель председателя Московского областного Совета ветеранов.
Составители – Лукьянова Р.Г., Кириллова Н.А., Силакова С.Б.
Технический корректор Силаков Г.М.

Совет ветеранов
Сергиево-Посадского городского округа Московской области
БЛАГОДАРИТ

за содействие в издании книги

ПАО «Федеральная гидрогенерирующая компания РусГидро»

ББК 84 (2Рос=Рус)6
С62

ISBN 978-5-6243754-2-4

«Дети войны – дети Победы. Память на века». Сборник воспоминаний. Часть IV.
РЕМАРКО. г. Сергиев Посад. 2020 г. 384 стр. Ил.

В четвертой книге, вместе с воспоминаниями ветеранов Сергиево-Посадского городского округа Московской области о военном детстве в суровых условиях тыла и рассказах об отцах, которые сражались на фронтах Великой Отечественной войны, представлены стихи ветеранов, участников поэтического конкурса «Поклонимся великим тем годам». Конкурс был посвящен 75-летию разгрома немецко-фашистских войск в Сталинградской и Курской битвах.

Отдельный раздел составляют воспоминания жителей г.Краснозаводск, собранные биографом народного поэта В.Ф.Бокова В.И.Самсоновым.

Пережитые личные истории, пронизанные правдой о войне, являют высокий нравственный дух, мужество, патриотизм наших людей в годы войны и первые послевоенные годы. Книга будет интересна широкому кругу читателей.

Сборник воспоминаний «Дети войны – дети Победы», изданный в 2013 году, получил широкий отклик среди ветеранов Сергиево-Посадского района. Только за один 2014 год в Совет ветеранов района поступило в три раза больше рукописных воспоминаний, чем было опубликовано.

В 2015 году в канун 70-годовщины Великой Победы вышел второй сборник «Дети войны – дети Победы», который включил рассказы 191 автора.

Поток воспоминаний в Совет ветеранов не прекращался и вскоре к печати подготовили третью часть. 99 авторов рассказали о трагическом времени, труде, жизни в тылу, о героизме матерей в годы Великой Отечественной войны и в 2016 г. третья книга увидела свет.

Новую, четвертую, книгу написали 162 автора и посвятили её 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Совет ветеранов выражает огромную благодарность всем авторам и участникам проекта.

© Совет ветеранов Сергиево-Посадского городского округа Московской области. 2020
© Авторы текстов и фото. 2020
© ООО «РЕМАРКО». 2020

75 ПОБЕДА!
1945–2020

Посвящается
75-летию Победы
в Великой Отечественной войне

Дорогие читатели!

Вниманию читателя предлагается 4 том сборника воспоминаний «Дети войны – дети Победы». Время летит. Многое забывается. Но остаются в памяти суровые военные дни, дни лишений и борьбы за выживание. У воспоминаний нет срока давности. Это память на века. Они передаются из поколения в поколение без прикрас и фантазий. Это живая история, которую Совет ветеранов решил сохранить и донести правдиво до потомков.

В новом сборнике три составляющих: воспоминания детей войны; уникальные воспоминания жителей г. Краснозаводска, собранные биографом поэта Виктора Бокова В.И. Самсоновым и стихи ветеранов, которые были прочитаны на поэтическом конкурсе «Поклонимся великим тем годам», посвященные 75-летию разгрома немецко-фашистских войск в Сталинградской и Курской битвах.

Хотя сборник воспоминаний условно разбит на три части, он охвачен одной идеей – донести до потомков правду о войне, осветить ее глазами и сердцем очевидцев. Эту работу Совет ветеранов намерен продолжить и попытаться донести до широкой публики высокий нравственный дух и патриотизм наших людей в военные и послевоенные годы.

Валерий КРУГЛИКОВ,
Председатель Совета ветеранов
Сергиево-Посадского городского округа

Иван Рыбаков

Дети войны

Война шагала по Планете
В солдатских грубых сапогах.
И мы, разбуженные дети,
Лицо увидели врага.
Беда пришла к нам в однолетье
Июньской утренней порой
И наступило лихолетье
С неуправляемой «игрой».

Война и в небе, и на суше,
И в океанах, и в морях.
Она нам вывернула души,
И поселила в сердце страх.
Зима войны суровой нашей
Крепка стояла у ворот.
А мы оплакивали Сашу,
Который грудью пал на дзот.

Мы – дети войны самой кровавой,
Мы – дети любви небывалой,
Мы – дети войны нерушимо-священной,
Мы – дети любви невероятной!

В беде сильней мы духом стали,
И милосердней и добрей.
И потому не потеряли
Святую веру в матерей.
Мы научились делать сами:
Точить детали, косить и жать...,
Чтобы и нашими трудами
День Победы приближать.

Мы терпеливо ждали годы,
В любви к берёзам и полям,
Когда закончатся невзгоды,
И отдохнёт от бомб земля.
Когда придёт весна Победы,
Растают зимние снега,
Вернутся в дом отцы и деды,
Разбив коварного врага.

Мы – дети войны самой ужасной,
Мы – дети весны самой прекрасной,
Мы – дети войны для нас справедливой,
Мы – дети России непобедимой!

Абрамцево 19.11.2019 г.

В далёком сорок пятом

В далёком сорок пятом
Апрельским светлым днём
Советские солдаты
Дрались за каждый дом.

Овеянные славой
В боях за отчий край
Они под Братиславой
Сражались за Дунай.

Потом – за Злату Прагу
Шли в кровавый бой.
Немалую отвагу
Явили в битве той.

Там сотня тысяч где-то
Полегла бойцов.
И не вернулись к детям
Тысячи отцов.

И не вернулись к жёнам
Тысячи мужей.
Сердца их обожжены
Верностью ночей.

И бередит старушек
Тот беспокойный год.
Всё слышен грохот пушек,
Всё кто-то сына ждёт.

Для них ещё дымится
Пожарища войны.
И им уже не снятся
Розовые сны.

*Всё видят сорок пятый
Весеннюю порой,
Как шли вперёд солдаты,
Ведя победный бой.*

Апрель 2010 г.

День Победы

*Мажорно музыка играет,
Мерцает серенький экран.
Свой сорок пятый вспоминает
Весны Победы ветеран*

*А за окном морщит лужи
Холодный сиверко с утра.
Сырой асфальт весь день утюжат
Ежеминутно трактора.*

*А за столом с тяжёлой думой.
Тоскливо глядя в палисад,
Сидит в избе полуугрюмый
Забывший временем солдат.*

*Здесь он один, пожалуй, знает,
Что значит прошлая война...
И перед ним почти скучает
Бутылка крепкого вина.*

Дети войны – дети Победы

ПАМЯТЬ НА ВЕКА

Сборник воспоминаний

Часть IV

Акользина Валентина Александровна

Родилась я в 1941 году в деревне Лёвино Гладышского сельского совета Тамбовской области Токаревского района в семье рабочих.

Мать родилась в 1914 году там же. Отец родился в 1914 году в деревне Цыгановка. В семье у нас было трое детей, два брата и я. Старший брат родился в 1934 году, второй в – 1939 году. Все родились в одной деревне. С нами в одном доме проживала бабушка – мамина мать. Вот так и жили, пока не началась война.

Отца забрали на фронт. Мама осталась одна с тремя детьми. Мне было полгода. Маме было очень трудно нас прокормить. Она работала на скотном дворе. Скот надо кормить нечем, как и нас. Мы были маленькие. Как скотник ночной приходил за мамой и ей кричал в окно: «Клавдия, вставай, там завалилась лошадь или корова». Можно подумать, что мама, по его мнению, тяжеловес. Может ли женщина поднимать такие тяжести? Для меня это было непонятно.

Братья носили воду людям, которые работали в поле, потому что была сильная жара. Несут ведро воды и кричат: «Кому воды, кому воды холодной?» Домик у нас был маленький, к тому же весь развалился. Жили бедно, голодные, холодные, одеть нечего. Вкус хлеба до сих пор чувствую. Пекли его из соевого жмыха. Горсть жмыха подсолнуха после маслобойки носили в кармане и его грызли.

В сорок первом году пришла похоронка на папу. Когда я выросла и вышла замуж, мне свёкор рассказывал, что они с отцом встречались, когда отец шел в тыл, а свёкор шёл из тыла. Свёкор предупредил отца о том, куда они идут, оттуда можно не вернуться, так как в том месте были ожесточённые бои. Так и произошло. Отец погиб.

А жизнь продолжалась. Мы подрастали. Маме было тяжело растить нас, работать. Мы, дети, помогали ей, как могли. Стало легче лишь тогда, когда начали выдавать зерно за трудодни. Зерно мололи, пекли хлеб из картошки, добавляя немного муки. Стали понемногу выживать.

Вскоре умерла бабушка. А мы продолжали жить. Так мы и выросли.

Алёшина Александра Михайловна

Военное детство

Мы жили в совхозе им. Ленина Погарского района Брянской области, мои родители, Макеев Михаил Валентинович и Макеева Варвара Кузьминична, были учителями. В семье было трое детей – девочки, 4, 7, 10 лет. Помню, жили мы в кирпичном доме, жили дружно и сытно. В совхозе был большой яблоневый сад с вкусными яблоками разных сортов. Война пришла к нам бомбежкой с воздуха. В первые же дни войны папу и дядю призвали в ряды советской армии на защи-

ту Родины. От бомбежек мы спасались в бомбоубежище, в котором были сделаны «ячейки» для каждой семьи, а в них горели свечи. Мне было 4 года (я 1937 года рождения), но это сильно врезалось в память. Вскоре пожаловали сами немцы, которые оккупировали совхоз. Забирали всё, что им было нужно. Нас выгнали на улицу, много семей и мы с мамой нашли приют в большом старом бараке с печным отоплением. Кормились мы благодаря маминым умелым рукам, она была еще и хорошей портнихой. Помню, как часто приходили к нам мужчины, это были красноармейцы, связанные от партизан. Мамочка, как могла, их прятала и собирала им провизию. Только вот соседка увидела это однажды и выдала нашу маму фашистам. Ее, одного местного жителя и двоих неизвестных солдат увели из дому и вскоре расстреляли. Похоронили их 5 октября 1941 года в братской могиле возле яблоневого сада. А в 1985 году Погорский военкомат перезахоронил их останки в центр совхоза. При перезахоронении нашли три солдатских ремня и женский гребешок. Героям поставили памятник с фамилиями – моей маме Макеевой В.К. и Шинкову П.Н., а фамилии других солдат остались неизвестны. Нас не тронули немцы и дед Кузьма Дубинский забрал нас всех к себе, погрузил на повозку и повез за 5 километров от нашего села. И здесь мы хлебнули горя – бабушка была нам не родная, мы были ей в тягость. Старшую сестру отдали в няньки, в люди. Она убежала домой, а по дороге попадала под обстрел. Пули хлестали вдогонку, но она уцелела. У дедушки было хорошее хозяйство с пасекой. Но вот немцы пришли и сюда. Поселились в нашем доме, а нас выгнали, но не трогали – иногда даже угощали сладостями. Война завершалась, немцы готовились к отступлению. Немцы, которые жили в нашем доме, предупредили, чтобы мы забирали хозяйство, скarb и уходили в лес. Они при отходе должны были всё сжечь, но, видимо, не успели, наш хутор и дом уцелели. Наконец пришли наши освободители – советские солдаты. Сколько было слез, радости, но и печали по погибшим. После войны вернулся и наш отец. Пошел учительствовать и забрал нас всех к себе. Жили мы при школе в

одной комнатке. Обзавелись снова хозяйством, помогали ему, как могли – пасли корову, гусей, появилось много еды. И все бы ничего, но папа женился. И снова мы были не нужны новой хозяйке. Старшая сестра уехала и выучилась на агронома. Средняя сестра получила образование только 4 класса и стала работать разнорабочей. Затем завербовалась в карьероуправление в 1955 году. Я закончила 7 классов, затем в вечерней школе – 9 классов. И вскоре переехала к сестре в карьероуправление в Подмоскowie. Пошла работать на завод бетонщицей, затем выучилась на крановщицу. Труд был очень тяжелый, но мы не унывали. Строился завод, а вместе с ним и поселок Мостовик, который стал моей второй малой родиной. Со временем я получила общежитие, вышла замуж, вырастила двоих детей. Мой трудовой стаж 49 лет. Я удостоена звания «Ветеран труда». Тяжело всё вспоминать – не дай Бог это всё пережить нашим детям. Пусть живут наши дети и внуки и не знают горя войны. Пусть будет мир на Земле.

Алленова Галина Сергеевна

Мой отец, Алексеев Сергей Алексеевич, 1915 года рождения. Проживал в д. Чижево Загорского района. Был призван в июле 1941 года Загорским РВК Московской области. Воевал в 661 стрелковом полку 200 стрелковой дивизии 12 гвардейского стрелкового корпуса 2 ПрибФ, 2 УкрФ, командир батареи 107 отдельного истребительного противотанкового дивизиона. Награждён Орденом «Красная Звезда» 03.09.1943 г., медалью «За боевые заслуги» 19.08.1942 г., Орденом «Отечественной войны II степени» 11.02.1944 г.

В наградном листе изложен боевой подвиг: «Капитан Алексеев Сергей Алексеевич командир батареи 45 мм пушек в боях с немецкими захватчиками за населенные пункты Демьяново, Пожар, Станки, Ребле, сопровождая и находясь в боевых порядках пехоты, огнем батареи подавил и уничтожил 15 огневых точек противника и до 85 немецких солдат и офицеров.

23 января 1944 года во время контратаки противника капитан Алексеев выкатил орудия вперед боевых порядков пехоты и меткими залпами отбил две контратаки противника, уничтожив при этом до двух взводов немецкой пехоты.

За проявленный героизм и отвагу на фронте в борьбе с немецкими захватчиками награжден Орденом «Отечественной войны II степени».

Отец был членом ВКПб с 1941 года.

Погиб в бою 13.02.1945 года, не дожив до Победы всего три месяца. Похоронен в Польше, д. Гросс Мендромирц, р-он г. Тухоля Быдгощского воеводства.

Архипова Людмила Федоровна

* * *

*Ее в отряде звали Кнопка
За то, что больно мелкая была.
Но у неё была сноровка,
А за спиною два крыла.*

*Но сумка медсестры с бинтами
Висела ловко на плече.
Она ходила в бой с бойцами.
Не уступала им нигде.*

*Вот бой закончен, передышка.
Она же в поле поползла.
И перевязанных мальчишек
На плащ-палатке волокла.*

*Они кричали ей: «Сестричка,
Ты помоги и больними!»
И маленькая, словно птичка,
Она старалась их спасти.*

*Но тут опять бомбардировка,
Солдаты спрятались в окоп.
В окоп вернулась наша Кнопка,
И сумкою закрыла лоб.*

*Солдат смеялся: «Что ты, Кнопка,
А разве сумка здесь спасет?»
Сказал – и сполз на дно неловко...
Её же сумка сбережет.*

А в день Победы, где встречали,
Куда пришел остатков взвод,
Увидев, хором прокричали
«Иди сюда, скорей, вперед».

Слеза нечаянно скатилась,
Увидев тут своих ребят.
И Кнопке низко поклонился
Спасенный ею тот отряд.

* * *

На войну ушел он в сорок первом,
Когда была объявлена война.
А до этого он жил в деревне,
Где пахал и сеял, и растил хлеба.

Только год он жил здесь мирной жизнью,
Ведь на Финской тоже воевал.
Финнов отодвинул от границы,
И в пурге, в снегах он погибал.

Выжил он, там получив раненье,
И вернулся в дом родной на берегу.
Сам поправил все свое именье,
Вновь война, напали на страну.

Отступал со всеми в сорок первом.
Вот Москва, и дальше ходу нет.
Дан приказ: освободить деревни
Гнать врага, идти за ним вослед.

Он в бой шагнул совсем без берега,
Пехота шла за танками вперед.
Дрожало все, летели комья снега,
Земля стонала от солдатских ног.

А он стрелял, и опьянел от боя.
Упал, его настигла тишина.
Лежал среди он грохота и воя.
Все, для него окончилась война.

В родном доме заплакала вдруг дочка
И мать не может успокоить, вот дела.
И крик её со стоном маме сердце точит,
Колхознице советского села.

Потом уселась, повела глазами
И тихо молвила: – Наш папа не придёт.
За стол не сядет вместе с нами
Он на снегу лежит, руками снег гребёт.

Ее слова пророческими были.
А через месяц вдруг пришел пакет:
В нем фотографии и письма были,
Военная записка – папы больше нет!

Ее мечта – найти отца могилу,
Прийти и посидеть здесь у креста.
Молитва даст для жизни больше силы.
Ведь для нее еще не кончилась война.

Бабахов Сергей Михайлович

Родился в 1940 году в г. Москве. Его отец, Михаил Георгиевич, 1909 г.р. на начало войны имел плохое зрение, поэтому на фронт его не взяли, но он работал на заводе и его, как специалиста, отправили в эвакуацию в Краснокамск. Его мать, Прасковья Ивановна, была домохозяйка и воспитывала троих детей. Во время войны приехала в Хотьково с детьми, вела домашнее хозяйство. Из рассказов матери мы знаем, что бомбили железнодорожный мост, что были военные захоронения в д. Прокшино, что был госпиталь в Музее «Абрамцево». Жили очень трудно и голодно. Мать собирала на поле мороженую картошку и пекла лепешки, а мы их называли «тошнотики». С наступлением весны собирали молодые листья и почки, сушили их, растирали в порошок и добавляли в лепешки. После войны остались жить в Хотьково. Сергей закончил школу. В 1956 году поступил на работу на завод «Электроизолит» в ремонтно-строительный цех. В Советское время завод шествовал над совхозом «Хотьковский», и рабочие выезжали на сельскохозяйственные работы, где однажды Сергей и познакомился со Светланой из д. Тешилово. Проходил службу в Советской Армии в городе Гатчине Ленинградской области. После армии вернулся работать на родной завод. Будущая жена его также работала на заводе «Электроизолит». Женился он в 1964 году на Мазяевой Светлане Федоровне), которая любила и ждала его из армии. У молодой семьи родился сын Олег в 1965 году и дочь Татьяна в 1974 году. Внезапно жена стала слепнуть, но он семью не бросил, а наоборот, проявил большую заботу о своих близких и родных ему людях. Дети получили хорошее образование и воспитание. Своим примером Сергей Михайлович показывал, что надо быть прежде всего настоя-

щим, душевным человеком и жить без обмана. С 1983 года Сергей Михайлович работал в Московском учебном комбинате. За 17 лет подготовки водительских кадров более 1500 его учеников колятся по дорогам нашей страны. За многолетнюю работу на предприятиях награждался почетными грамотами и денежными премиями. Сергей Михайлович работал до последних дней своей жизни и умер в 2004 году в возрасте 64 лет.

Бажанова Марьяна Николаевна

*Ты подвиг совершил, солдат,
Ты был совсем ещё мальчишкой.
Явился ты в военкомат,
Ты молод был и юным слишком.
За Родину, родных и близких,
За отчий дом, родную хату.
Отдали молодые жизни,
Бойцы безусые, ребята.
Какой немислимой ценой!
Врагу ни пяди не отдали.
Победа ворвалась весной
Со звоном орденов, медалей.
И со слезами на глазах
О тех, кто с боя не вернулся.
Взметнувшись птицей в небеса.
Но под фашиста не прогнулся.
Героев помним имена,
За Родину отдавшим жизни.
Твой подвиг помнит вся страна!
Спасибо Вам, сыны Отчизны!*

Победный май

*Нам нелегко далась Победа,
Бесстрашно проливали кровь
Отцы, и матери, и деды,
Чтоб не узнать об этом вновь.
Отчизна позвала на бой,
С чумой коричневой когда-то...
Жестоко дрались под Москвой,
Бойцы безусые, ребята.
Беда ворвалась в каждый дом,
Снаряды землю разрывали.
Враг поливал её огнём,
Повсюду взрывы раздавались.
Народ сплотился в трудный час,*

*И дал отпор фашистской твари.
И от чумы Отчизну спас...
«Спасибо» скажем ветеранам.
Весной победа ворвалась.
И не было её дороже!
Что ликовала вся страна,
Природа радовалась тоже!
5 мая 2014 г.*

Ветеранам

*Отгремели залпы войны,
Но уходят от нас ветераны.
Не дожили до этой весны,
Отболели на сердце раны.
Нас спасли от фашистской чумы,
Воевали бесстрашно деды.
Чтоб не знали мы большие войны.
Приближается праздник Победы.
Вспоминаем погибших солдат,
Подарившим мирное небо.
Не дано нам о том забывать,
Как далась нелегко Победа.
Много им пришлось испытать,
Боль, страдания и болезни.
За Отчизну, за Родину-мать
Положили немало жизней.
Низко кланяемся ветеранам,
Отстоявшим свободу в боях.
Им праправнуки дарят тюльпаны.
Подвиг жив в наших душах, сердцах.*

Базаева Наталья Яковлевна

Вот увидите, мы всё равно победим

Эти слова 13-летней девочки Наташи, юной заключённой немецкого концлагеря в Дессау в годы войны. Она едва не лишилась ног после бомбежки военного завода «Юнкерс», когда снаряды угодили в русский барак. Её выхаживала русская чета, покинувшая родину ещё в гражданскую войну. Врачи княжеского рода спасали свою пациентку в лагерном лазарете. Боялись, что та уже не сможет ходить. А Наташа утешала соотечественников, говорила им: «Война скоро окончится, мы всё равно победим. Обязательно возвращайтесь домой...».

И откуда такие берутся?

Русская девочка уцелела в немецком концлагере. В этом году Наталье Яковлевне Базеовой из села Васильевское исполнилось 85 лет. На вопрос, откуда берутся такие семижилые люди, наша героиня отвечает: «У нас на Орловщине и в соседней Брянщине в каждом дворе такие орлята. Недаром же немцы как огня боялись знаменитого партизанского Брянского леса».

У бывшей малолетней узницы немецкого концлагеря великолепная память. Говорит, есть в кого. Её отец, Яков Грачёв, в деревне Ячное под Орлом был, как бы теперь сказали, сельским специалистом. Вся экономика колхоза с полями, амбарами, мельницей, скотобойней и массой другого добра была на нем. Мать Натальи, Евдокия, была простой дояркой, в семье растили шестерых детей. Вся жизнь большого села пошла под откос в июне 1941 года.

В семье Грачёвых в первые дни войны на фронт призвали главу семейства, добровольцем ушёл на передовую дядя Натальи, редактор местной районной газеты. Фёдор вскоре пропал без вести, а Яков вернулся через месяц тяжёлых боёв с такими ранениями, что вскоре его не стало. Когда немцы оккупировали Орловщину, старшая дочь Грачёвых, 18-летняя Аня, ушла партизанить в Брянский лес, что в семи километрах от Ячного. Следом за ней в лесное воинство вступил 16-летний Михаил. Евдокии с четырьмя младшими детьми приходилось партизанить не отходя от дома.

Одна ошибка – и село конец

Десятилетней Наталье запомнилось, как смело и находчиво действовала мать в самых рискованных эпизодах во время оккупации. Как-то в дом привычной тропой через кустарник, примыкавший к дому, пришла группа партизан. Хозяйка обогрела и накормила гостей, снабдила в дорогу теплыми вещами и провизией. Тут стук в дверь – немецкий патруль. Новые хозяева села бывали в Ячном наездами, с проверкой могли нагрянуть в любой момент. Евдокия нашлась мгновенно, вывела лесной отряд запасным ходом прямо в плотные заросли. Если бы не находчивость хозяйки, и сочувствующую партизанам семью, и всё село в придачу в тот же день бы расстреляли. В Ячном не было ни одной расправы за три года оккупации. Это значит, объясняет Наталья Яковлевна, что предателей в селе не было. А вот в соседней Дурновке такой Иуда был. Тамшний деревенский староста выдавал карателям коммунистов. Однажды по его сигналу схватили летучий партизанский отряд. Публично казнили всех, включая 16-летнюю девочку. Наша собеседница вспоминает, что предателю накануне освобождения в 1943-м пришлось бежать из села вместе с фашистами. Родной деревне он был худший враг.

Наталья Яковлевна удивляется, до каких пределов низости опускались некоторые из «своих» и на какое рискованное сочувствие решались, казалось бы, заведомые враги. Как-то в их скромной хате с земляными полами остановились на постой 17 немцев. Всех детей мать упрятала подальше от чужих глаз – на печку. Из своего угла малыши наблюдали,

как смачно ужинают немцы. Один из постояльцев поймал на себе голодный детский взгляд. Отрезал несколько ломтей хлеба и отнёс детям на печку. Другой немец набросился на добряка с руганью. Тогда тот достал фотографию с гурьбой малышей. Наталье хватило запаса выученных немецких слов, чтобы понять ответ. Немец говорил, что у него дома тоже осталась большая семья, и «когда русские придут в Германию, может, и они накормят моих детей...» Тот же солдат не позволял своим полностью опустошать запасы семьи. Буквально хватал за руку алчных сослуживцев со словами: «Хватит тебе, не забирай много. Ты видишь, сколько у неё детей?»

Погибать, так вместе

Наверное, потому что таких человеческих эпизодов было мало среди привычных зверств оккупации, они и врезались в память, считает Наталья Яковлевна. Вместе мы считаем, сколько раз их семья избежала верной гибели. Пока жили под немцами, десятилетняя Наталья, её братишка Иван и сестрёнка Нина регулярно совершали рейды в лес к партизанам. Им надевали все одёжки по две пары, привязывали под всем этим нагромождением хлеб и махорку – и они шли к условленному месту. Если встречали немецкий патруль, дети жестами показывали, что ловят убежавшую в лес корову. Добирались до Брянского леса, отдавали встречавшим партизанам второй комплект одёжек, продукты и налегке возвращались обратно. Ни разу юные партизаны не допустили промашки. Ещё и по памяти рассказывали, было строжайше запрещено взрослыми что-либо записывать, где у немцев техника припрятана. Партизаны по этой детской «карте» уничтожили в округе массу различной техники и боеприпасов.

В августе 1943-го партизаны послали своим весточку в Ячное. В этот день село должны были освободить от немцев. Но случилось непредвиденное, в 7 утра отступающий отряд немцев буквально выгнал всех сельчан от мала до велика на дорогу. Последнее, что запомнилось Наталье в этот жуткий момент, это как два немца решали, что делать с матерью и её пятью заболевшими тифом детьми, соседями Грачёвых по Ячному. В целях карантина заболевшие ютились в стороне от деревни в погребе. Поняв, что тут им прока не будет, один из немцев уже и гранату достал, чтобы покончить с «бесполезным» семейством. К счастью победила немецкая рациональность. Один из этой пары заметил, что ни к чему расходовать гранату, лазарету и без посторонней помощи конец. А судьба рассудила иначе, все пятеро детей выжили. После войны на них смотрели, как на чудо. Да и историю Грачёвых, которым выпали на долю два года в немецком концлагере, а они вернулись живыми и в полном составе, тоже иначе как чудом не назовешь.

До станции их гнали как скот 35 километров, спали пленники на траве. Перед отправкой началась сортировка собранных с разных деревень жителей. Фашисты старались разделить матерей и малых детей по разным вагонам, отобрали младших и у Евдокии. Конвойный улучил момент и шепнул ей на ухо, чтобы ни в коем случае не разлучалась с детьми. Успел сказать, что отобранным малышам уготована роль доноров крови для немецких солдат. Мать бросилась к вагону. Умоляла, уговаривала, напирала на постового, получила от него жестокие побои, но отбила своих малышей. Их состав двинулся в путь, и скоро стало ясно, какая роль отведена этому эшелону. Их использовали как живой щит от атак совет-

ских истребителей. Как только приближались самолеты, поезд останавливали и из вагонов выталкивали детей. Атаковавшим эскадрильям оставалось только ретироваться. Так добрались до Польши, где пережили ещё одну унижительную сортировку. Здесь у Евдокии едва не украли Нину, яркую, темноволосую, кареглазую малышку. Мать перевернула весь пересыльный пункт, но разыскала плячку, которой приглянулся красивый ребенок. Она была убеждена, что делает благо Евдокии, ведь в немецком концлагере им всё равно конец. Мать отняла дочку со словами: «Если погибнем, так вместе».

Снаряды с опилками от пленников концлагеря

Два года они провели в немецком концлагере при военном заводе «Юнкерс». Здесь многие погибали от болезней и истощения. К русским у немцев было самое свирепое отношение. У французских и английских пленников содержания был гораздо мягче, они даже получали посылки из дома. Советских кормили бурдой из шпината и хлебом из муки пополам с опилками. Пленный француз Мурис спас Наталью и её семью, отдав свою хлебную карточку и договорившись с лагерным начальством, что пайку будет получать вместо него девочка – уборщица в заводском цехе.

Партизаны-антифашисты и здесь нашли друг друга. На каком бы языке не говорили, всё понимали с полуслова. Быстро вычисляли среди пленного интернационала стукачей и умудрялись на конвейере по выпуску артиллерийских снарядов набивать гильзы опилками. Наталья, занимаясь уборкой цеха, подгоняла стружки для этих целей. Научилась мгновенно, пока конвой отлучался, заполнять гильзы таким «порохом». Еще и записку внутрь вкладывала: «Мы хоть и в плену, но своим помогаем!»

Во время бомбежки американцев по заводу, многие строения рухнули. Подруга Натальи Маша погибла, а её спасло только то, что плиты вокруг сложились шалашиком. Из бетонных обломков её вызволял всё тот же Мурис. Он же отвёз её в безопасное место, когда у девочки от ужаса отнялись ноги.

Освободили узников американцы в 1945 году. Они предлагали русским перебраться в Америку, чтобы не возвращаться в этот «ужасный СССР». Грачёвы об этом и слышать не хотели. Скоро свои военные переправили их на Родину. На железнодорожной станции всех пятерых встречал Михаил, которому ради такой встречи колхоз в Ячном выдал подводу с лошадьми. Семья опять была в сборе. Героическая многодетная мать воспитывала кроме своих детей ещё четырёх сирот из двух семей погибших односельчан.

«Катюша» и «Людочка» в Берлине

После войны Наталья жила в родном Ячном на Орловщине, а потом понесло её по свету. Была в Калининграде, больше десяти лет прожила в Красноярске. Остановилась на Загорском районе, окончательно осела в Васильевском. Всю жизнь была профессиональной портнихой, а вернувшись в село, занялась тем, что знает и любит с детства. Работала в хозяйстве «Васильевское» телятницей, на пенсию ушла ветераном труда. У неё большая семья, дочери, шесть внуков и восемь правнуков. Наталья Базаева официально оформила статус бывшего

малолетнего узника концлагеря и получила медаль «За верность Родине», этой наградой очень дорожит.

О войне вспоминает с высоты своего мудрого возраста. Есть у неё мечта узнать, кто написал замечательные фронтовые песни «Катюша» с ранним, менее известным текстом, о варежках-пуховичках, о двух товарищах и медсестричке Людочке. Она слышала эти песни в исполнении строя советских солдат, когда в 1945-м ехала по Берлину на железнодорожную станцию для отправки домой. Песни неизвестного автора ей запомнились с первого раза и с тех пор она поёт их друзьям. Недавно, на 9 Мая, спела военные шлягеры так проникновенно, что ей отдали все цветы, которые гостям дарили в этот день. Может, потому так запомнились фронтовые песни в покорённом Берлине, что никогда она не сомневалась в Победе своей Родины.

Светлана Аникиенко

Бакулина Любовь Герасимовна

Баллада

*Белая берёзонька, что невесела?
Ты когда-то в юности не такой была.
Ветки вниз опущены, отчего грустишь?
Может, тайну горькую ты в себе хранишь?
Ветер... Ветер знает всё, он везде бывал.
Лёгким дуновением нам повествовал:
«Под берёзой ранен был молодой солдат,
Догорал последний там для него закат.
Обнимая белый стан, из последних сил
Слабым хриплым голосом, чуть дыша, просил:
«Белая берёзонька, сжалесь надо мной,
Я вернуться не смогу к матушке домой.*

*Как же больно умирать, не увидев мать,
Будет, одинокая, без меня страдать.
Сердцем всё почувствует матушка моя,
Ей ногами длинными буду сниться я...»
И берёза белая парня поняла,
Ветками, как матушка, крепко обняла.
«Пей мой сок берёзовый, пей, как молоко,
Наберись силушки и вздохнешь легко».
Тут глаза потухшие юноша сомкнул,
Под берёзой белою навсегда уснул.
И с тех пор берёзонька с горевой душой
Укрывает листьями холмик небольшой.
И грустит берёзонька, так понятны ей
Скорбь и безутешное горе матерей.
Как тут не печалиться, как бы подсказать,
Что с войны домой сыночка не дожждётся мать.*

Мы помним всё

Ничто беды не предвещало –
 Сияло солнце высоко,
 И лето радостно шагало
 Звенящей поступью, легко.
 Плескались дети в водоемах,
 Играла легкая волна.
 И вдруг... Внезапно, вероломно
 Ворвался враг в страну – война!
 Был ранен лес, в огне болота,
 Повсюду минные поля,
 И, залитая кровью, потом,
 Стонала русская земля.
 Вокруг Москвы сгущались тучи,
 Враг в сердце Родины стрелял.
 Насколько наш народ могучий –
 Вот этого-то он не знал.
 Страшины бои под Сталинградом.
 Борьба за Курскую дугу
 Сравнилась с настоящим адом,
 Но сломан был хребет врагу!
 Фашистов планы провалились,
 Досталось немцам поделом.
 Разгромлены. Остановились.
 В войне свершился перелом!
 Ценою миллионов жизней
 Был уничтожен лютый враг
 И над рейхстагом сын Отчизны,
 Он водрузил наш красный флаг.
 Склоним же головы пред теми,
 Кто отдал жизнь за наш покой,
 Чтоб в счастье жили наши семьи,
 За радость на земле родной.

Балута Виктор Иванович

О послевоенном времени...

У возраста есть странное свойство: чем дольше живешь, тем ближе прошлое. И сейчас прошедшая когда-то война кажется ближе, чем в далеком послевоенном детстве.

Сейчас мне шестьдесят шесть. С высоты этого возраста шесть лет между окончанием войны и моим рождением представляются совсем незначимыми. Хотя в те годы, когда мне было четыре, пять, десять лет время войны казалась каким-то очень далеким, примерно на одном уровне с войной гражданской. В детских играх врагами для нас были и белые, и немцы в равной степени.

Несмотря на то, что родился я в Забайкалье, где не гремели бои, последствия войны ощущались во всем. В разговорах взрослых постоянно присутствовало это слово: «До войны... На войне... После войны...». На улице часто встречались люди с одной рукой или без рук, с одной ногой или совсем без ног. Одноногие ходили на костылях или на культе-деревяшке, безногие – на тележках-салазках, летом катились на громыхающих подшипниках, а зимой – на полозьях, отталкиваясь от земли деревянными колодками с ручками. Что характерно, в большинстве своем эти калеки работали наравне с обычными людьми: в сапожной мастерской, на почте, старьевщиком на телеге...

В те годы и одежда у всех была примерно одинаковая – поношенная, из простых тканей, неброских темных цветов. Новая или яркая была большой редкостью, бросалась в глаза, поэтому в будни в такой не ходили – слишком вызывающе она смотрелась на общем сером фоне бедности. Эта всеобщая бедность тоже была следствием недавно прошедшей войны. Тем не менее, это была обычная жизнь, мы, ребяташки, и не догадывались, что может быть иначе...

А родился я в Забайкалье потому, что там служил мой отец, который после окончания войны с Японией был переведен в одну из тыловых частей на повышение – на капитанскую должность. О его боевом пути напоминали ордена и медали – во время парадов на его мундире их было больше, чем у кого-либо из сослуживцев: два ордена Красной Звезды, медали «За победу над Германией», «За победу над Японией», «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа» и еще несколько, включая и какой-то монгольский орден. У других намного меньше, так как воинская часть была тыловой и фронтовиков там не было.. Так сложилось, что мой отец прошел обе войны – и с фашистской Германией, и с милитаристской Японией – от первого и до последнего дня.

Я всегда им гордился, причем не столько его наградами, сколько тем уважением, которое проявляли по отношению к нему окружающие. Он был спокойным, рассудительным, внимательным ко всем окружавшим его людям, будь то подчиненные ему солдаты, сослуживцы, соседи, попутчики на рыбалке, родственники.

Отец редко рассказывал что-то о войне, вспоминал о каких-то отдельных

эпизодах лишь по случаю. Как-то мы были с ним на рыбалке, ранним утром на реку лег густой туман, и он рассказал, как в такой же туман они чуть не разбились на самолете. Когда в каком-то фильме, который мы смотрели вместе по телевизору, всплыл эпизод о борьбе с паникерами, обронил, что и его однажды чуть не расстреляли за эмоциональное выражение чувств. Сейчас я уже не помню, чем были вызваны рассказы о других эпизодах его военной жизни, тем не менее, некоторые из них сохранились в моей памяти.

Кратко о его боевом пути. Балута Иван Иванович, 1921 года рождения, уроженец города Марганец Днепропетровской области, Украина. Служил в авиации. Войну встретил 22 июня 1941 года под Львовом, потом отступал с войсками на восток, до предгорий Кавказа, неоднократно пересекая линию фронта с заданиями командования, обратно прошел в составе наступающих войск через Украину, Молдавию, Венгрию, закончив войну в мае 1945 года где-то под Веной. После окончания войны на западе их вместе с техникой погрузили в эшелоны и перебросили на восток, в Маньчжурию. Там он принимал участие в разгроме японской Квантунской армии – тоже от начала боевых действий и до их окончания.

Родом из простой крестьянской семьи. Жили бедно. Родители перед войной работали в колхозе, за «палочки», которыми обозначали трудовни. Рассказывал, что первые ботинки ему купили перед школой в двенадцать лет, причем на деньги, вырученные продажей рыбы, которую он сам ловил в течение лета. Почти все это голодное лето жил в приднепровских плавнях в шалаше, обеспечивая семью и соседей едой. В том же голодном 1933 году он тяжело переболел тифом и пропустил один год в школе. Что означал голод в то время, я узнал много позже, когда однажды, приехав к родителям в гости, приготовил дома плов по новому рецепту, почерпнутому в общежитии от выходцев с Кавказа, – с большим количеством моркови. После того, как поели, отец обронил, что вообще-то вареную морковь он терпеть не может с детских лет, с тех пор, как отлежал в больнице с тифом. В течение нескольких месяцев их в больнице кормили только вареной морковью, больше вообще ничего не было.

Как и многие мальчишки, мечтал стать летчиком. Учился отлично, поэтому в 1939 году, после окончания девятого класса, еще не имея аттестата, но поскольку уже исполнилось 18 лет, поехал в Москву поступать в Военно-воздушную академию РККА имени профессора Н. Е. Жуковского – единственное в те годы высшее авиационное училище.

При поступлении в академию возникли сложности. В школе предметы им преподавали на украинском языке, и он просто не знал русских наименований физических терминов. На устном вступительном экзамене по физике преподаватель даже обратился к аудитории: «Пишет вроде все правильно, а что говорит, не пойму. Кто-то может перевести?». Тем не менее, несмотря на языковые сложности, на то, что закончил всего девять классов, все экзамены сдал хорошо, в училище его приняли. Вот только из-за недостаточного знания русского не на

командный факультет, а на новую и важную техническую специальность – «аэрофотосъемка». С высоты своих лет сейчас я думаю, что «русский язык» был поводом, чтобы смышленного паренька направить на новое дело, о котором тогда мало кто слышал, а сложностей при их подготовке было больше, чем у летчиков: помимо общих авиационных предметов им преподавали и химию, и картографию, и математику, и специальное оборудование. Впрочем, его и это устроило – молодым все кажется просто: «подучу язык – переведусь на летчика». Но перевестись уже не удалось, в преддверии войны их выпуск был ускоренным.

В июне 1941 г. в звании младший воентехник он прибыл в часть, стоявшую под Львовом на западной Украине. В этом же месяце началась война. Полк получил приказ на передислокацию, а его – как вновь прибывшего офицера технической службы, к тому же хорошо ориентирующегося по карте, оставили проследить за сбором имущества полка, затем возглавить автоколонну и привести ее на новое место дислокации полка.

Когда нынешние историки рассказывают, что немцы в первый же день войны бомбили спящие аэродромы и уничтожали стоящие на земле самолеты, я вспоминаю этот рассказ. Папы давно нет, и сейчас не у кого уточнить, что было раньше: начало войны или передислокация, выводящая технику из-под удара. Но по некоторым моментам его рассказа я думаю, что все-таки второе – полк убыл на запасной аэродром накануне войны.

Возвращаясь к его воспоминаниям, с поставленной задачей он успешно справился, но... сказались молодость и отсутствие опыта. По прибытии командир полка спросил про полевую кухню, которой в составе колонны не оказалось. Отец объяснил, что, во-первых, из-за приоритетного внимания к штабному и запасному техническому имуществу, во-вторых, он подумал, что война – не лагерь, и кухня теперь не очень-то нужна, чтобы таскать ее за самолетами. Ошибку понял, когда здесь же получил приказ вернуться за полевой кухней. На территорию, уже занятую врагом.

Помочь ему вызвался водитель из только что отобилизованных призывников: «Я из-под Львова, все дороги знаю, проедем окраинами». В те годы приказы не обсуждались, выбора не было, поэтому поехали. (Я иногда смотрю сейчас на кажущихся еще незрелыми двадцатилетних юнцов и пытаюсь представить, каково было отцу, который тогда был таким же юнцом). Отец вспоминал: «Еду и думаю: то ли и правда на аэродром за кухней едем, то ли он меня везет сдать в плен в качестве трофея, чтобы остаться дома?». Сомнения понятны: Западная Украина вошла в состав СССР в 1939 году, и не все местные были этим довольны. Водителя этого он видел впервые, хоть и украинец, но из местных – тоже «западный». Повезло. Водитель оказался честным и патриотически настроенным человеком, как и обещал, проехали по окраинам, немецкие танки они действительно видели только издали с пары перекрестков на встречно-параллельных курсах. К счастью, аэродром еще не был занят немецкой авиацией, поэтому вернулись с кухней.

Это был его первый рейд в тыл противника. Потом ему пришлось неоднократно пересекать линию фронта уже в качестве летнаба на фанерном биплане У-2 с задачами разведки или связи. Летнаб, как я полагаю, это сокращенное на-

именование «летчика-наблюдателя», хотя помимо наблюдения за воздушной обстановкой приходилось выполнять обязанности и штурмана для ориентирования по карте и вывода летчика в нужную точку местности, и курьера от штаба фронта при доставке пакетов с приказами, и картографа с нанесением на карту объектов противника в ходе воздушной разведки. Во время сумбурного отступления Красной армии после начала войны фоторазведка еще не была востребована, а вот экипажей самолетов для вылетов с перечисленными целями катастрофически не хватало. Они гибли. У-2 – это не военный, а низкоскоростной учебный самолет, биплан на основе деревянной рамы, обшитый частично фанерой, а частично полотном. Военным самолетом он стал на войне. Первый год войны характеризовался окружениями наших войск, потерей управления и связи. В этих условиях легкие самолеты, способные приземляться на непригодных площадках, были практически единственным средством передачи приказов или оперативного уточнения обстановки. Но именно поэтому же за этими беззащитными самолетиками противник охотился и с земли, и с воздуха. И каждый полет мог стать – а для большинства и становился – последним. Отец вспоминал, что почти всегда возвращались с дырками в корпусе, который техники латали, приклеивая заплатки. Иногда даже не замечали, где их обстреляли. Не возвращавшихся с заданий было значительно больше, чем выживших. Говорил, что летчики предпочитали летать с ним, считали, что везучий. А он просто был молодым и обладал хорошим зрением, поэтому крутил головой и успевал вовремя заметить самолеты противника. Это позволяло предпринять защитные меры: либо снизиться и пройти стороной, либо приземлиться на какой-нибудь полянке, чтобы переждать. В наградных документах на орден «Красной Звезды», которые я впервые увидел после публикации военных архивов, отмечено, что всего им совершено более восьмидесяти таких вылетов – через линию фронта.

В одном из таких вылетов он встречался с командующим Юго-Западным фронтом генерал-полковником М.П. Кирпоносом, который позже погиб в окружении. Рассказывал, что после вручения тому пакета генерал его вскрыл, просмотрел, устало ответил: «Поздно уже. Лети обратно, сынок». Наверное, это был приказ об отходе, но немцы уже замкнули котел окружения. Возможно, отец был одним из последних, кому довелось видеть знаменитого генерала живым.

Вражеские самолеты и обстрелы с земли были не единственной угрозой для жизни. Однажды – это было где-то на Донбассе – при их возвращении с задания на землю лег густой туман. Выручило то самое везение: зрение и умение ориентироваться. Отец заметил вдаль слегка выступающие над слоем тумана верхушки двух терриконов, которые помнил по предыдущим вылетам. По ним смог сориентироваться, чтобы вывести летчика на аэродром.

Был в его жизни и более сложный случай. Однажды при доставке штабного пакета недалеко от места назначения они увидели немецкую танковую колонну. На аэродроме, где они приземлились, царилла благодущие: кто-то гулял, кто-то играл в волейбол, кто-то загорал. Люди не догадывались, что они уже не в далеком тылу, а под угрозой окружения. Приземлившись, отец в сердцах обматерил встречавших, прокричал что-то про зашедших им в тыл немцев. И

здесь же был арестован «особистом» и сходу приговорен к расстрелу «за распространение паники». Изъяли оружие и повели к ближайшей стенке. И, наверное, расстреляли бы, если бы не успел вернуться летчик, которого командир выслал на проверочную разведку. Едва взлетев, тот развернулся и, приземлившись, подтвердил слова о немецких танках. Приказ о расстреле отменили, в полку объявили тревогу, а самолет отца взлетал уже под обстрелом этого аэродрома из танковых орудий.

Был момент в истории страны, когда после публикации воспоминаний Брежнева люди стали посмеиваться по поводу героизации «Малой земли». На одну из таких шуток, высказанных кем-то из соседей, отец возразил, сказав, что был там, и знает, что там было действительно «очень жарко». Эту небольшую территорию немцы в течение длительного времени непрерывно обстреливали из орудий и бомбили. Были на войне и исключительные моменты – приятные неожиданности. Так, он рассказывал, что повезло и отступить, и наступать через родные места. И оба раза нашел возможность отпроситься и навестить родной дом. В первый приезд своего отца он не видел, тот был кузнецом и находился где-то в полевой бригаде на уборке урожая, где косили, молотили и куда-то отправляли зерно. Как потом оказалось, они и не знали, что фронт уже у них дома. Мать – неграмотная крестьянка – уговаривала остаться, чтобы не погибнуть на войне. Он поблагодарил и ушел. Когда заехал через два года, узнал, что уже через день после его ухода к ним во двор за ним приходили немцы – кто-то видел и донес. А его младшего брата в 13-летнем возрасте угнали в Германию, где тот навсегда и сгинул. При втором посещении своего отца также не видел, его как кузнеца, арестовали и увели отступавшие венгры – для подковки лошадей.

И еще эпизод из серии приятных неожиданностей. Несколько позже, уже в Бухаресте, он встретил своего дядю – маминого брата, который служил в кавалерии (Чуприна Андрея Васильевича). И, как принято в мужской среде, на радостях устроили профессиональное соревнование, кто более стойкий – авиаторы или кавалеристы. Авиатор выиграл за счет проявленной хитрости, о чем потом они со смехом вспоминали, когда мы уже в шестидесятых бывали у «дядьки Андрея» в гостях, который тоже вернулся с фронта живым и здоровым.

Когда началось наше наступление, вспомнили и об основной специальности. Отца назначили начальником фотолаборатории по обработке аэрофотоснимков. И эта работа тоже была сложной. Как-то рассказал, что в ходе подготовки к большому наступлению они в течение трех дней без перерывов вели проявление непрерывно поступающих фотопленок, печать и дешифровку снимков, их описание. Когда этот вал работы закончился, он вышел из лаборатории, присел у дверей и провалился в полусон-полубред. Рассказывал, что видит проходящих мимо каких-то больших военных чинов, слышит их разговор, но не может даже пошевелиться от усталости. А проходящий мимо «чин» с недовольством цедит: «Смотри, как нажрался, спирта-то у него много». Отец рассказывал, что было очень обидно, но от усталости даже пальцем шевелить

не хотелось. В наградном листе об этом времени работы было указано, что он разработал метод дешифрования непосредственно с мокрых негативов, что позволяло докладывать руководству данные о выявленных объектах противника уже в течение получаса после возвращения самолета-разведчика. С августа 43-го по июнь 44-го им обработано «6275 аэрофотонегативов и отпечатано более 11 тысяч фотоотпечатков с их дешифровкой».

Пару раз отец вспомнил про некоторые фотоснимки из бывшего своего «фотоархива», в котором были зафиксированы не очень приятные моменты войны. Увы, как я узнал потом от мамы, этот архив он сжег, когда после войны вновь начались процессы против «врагов народа», а его родители относились к категории «бывших в оккупации». Остался только безобидный альбом с фотографиями сослуживцев. А в том самом архиве, о некоторых снимках из которого он случайно рассказал, как я понимаю сейчас, были уникальные свидетельства ужасов войны. Мне запомнились два эпизода. Про отступление немцев в ходе Корсунь-Шевченковской операции. Труднопроходимые из-за распутицы дороги, по которым фашисты пытались вывести из окружения технику, они мостили трупами (а может и не только трупами, но и ранеными) своих же солдат. Попадались среди них и лица в гражданской одежде. В архиве отца были снимки такой дороги – дороги из трупов, по которым прошла тяжелая техника. Второй эпизод – сделанные в Маньчжурии снимки японских смертников, прикованных цепями к пулеметам и орудиям внутри ДОТов. Эти ДОТы с живыми камикадзе японцы сооружали в труднопроходимых местах в горных ущельях для перекрытия единственных дорог. Рассказывал, что для сравнения сделал снимки преодоления таких препятствий – колеи от наших танков, которые пролегли прямо через сопки, по бездорожью, в обход оборонительных сооружений. Свидетельство опыта войны на западе...

Из армии отец был уволен по «хрущевскому сокращению» – в 1961 году. Этому предшествовал еще один эпизод, о котором я узнал много-много позже. На одном из партсобраний он резко раскритиковал старшего по званию – майора, заместителя командира части по политической работе (замполита) за неправильное воспитание солдат. Приводил два эпизода: на погрузочно-разгрузочных работах отец всегда наставлял солдат помогать другу – взаимовыручка должна быть, как на фронте. Полуграмотный замполит «пролетарского призыва» внедрял формулу «сделал дело – гуляй смело». И второе. Замполит нередко отдавал распоряжения о списании какого-то имущества, если оно ему было нужно для личных целей. И солдаты, которые слышали от него же лекции о необходимости бережного отношения к народному имуществу, это видели и обсуждали. Такой критики замполит не простил – и отец попал в первые же списки на увольнение.

После увольнения мы всей семьей вернулись на родину отца. Хотелось бы вспомнить еще один момент об отношении к военным в те послевоенные годы. Даже сейчас, когда прошло много лет, у людей до сих пор остаются проблемы с жильем. В то время этот вопрос был намного более острым – еще очень многие ютились в бараках, в коммуналках. И, несмотря ни на что, бывшим военным выделяли жилье без очереди. Уже через три месяца после нашего приезда в Марганец мы получили квартиру в только что построенном доме. Стройки шли интенсивно, сдавалось много домов, и в каждый дом вселялось несколько семей офицеров, уволенных со службы в запас.

Умер папа в 1990 году от стенокардии, не увидев разрушения страны, которую он защищал. Хотя и застал сложное время начинавшейся разрухи. Я в те годы был офицером, и у нас внешние изменения ощущались мало. А он в одном из последних наших разговоров обронил: «Нам пенсию повысили, как-то не к добру это». И, как всегда, оказался прав. Сейчас он похоронен в родном городе, который опять оказался «за линией фронта», на территории, захваченной врагом ...

Баринов Владимир Николаевич

*Зашёл я на Клементьевку,
Встречает батин друг –
Инвалид особенный:
Без обеих рук,
Сухонький и маленький,
Со шрамом в пол-лица...
-Давай, Володя, первую,
За твоего отца.
Какие песни пели с ним
Мы часто, на послед!
А сколько здесь, на кухоньке,
Отметили побед!
Мы ж до войны товарищи –
Призыва одного.
Налей, Володь, вторую мне
За батю твоего.
Он не любил рассказывать
Про раны, боль и кровь.
А командиров «чествовал»
Точно в глаз – не в бровь!
Жалел своих товарищей,
Погибших на войне,
Нас, инвалидов немощных,
Уважал вдвойне...
Мне об отце рассказывал
Его старинный друг –
Инвалид особенный:
Без обеих рук.*

Барченкова (Хмелёва) Ольга Александровна

Сильный духом человек оставляет о себе добрую память. Таким был и мой отец, Хмелёв Александр Федорович. Как быстро летит время. В этом году мы отметили 73 годовщину со дня Победы в Великой Отечественной войне. Редеют ряды ветеранов, но будет вечно жить память о их ратных подвигах и о войне. Вот уже 11 лет, как ушёл из жизни мой папа. На фронт папа ушёл добровольцем в 23 года, попал на Степной фронт, который вскоре переименовали в 1-ый Украинский фронт. Папа долго добивался отправки на фронт, но его не брали, так как он не был военнообязанным по причине потери зрения одного глаза

от полученной в детстве травмы. Но весной 1943 года пришла похоронка на брата, и папа добился отправки на фронт.

В молодости папа не любил рассказывать о войне, ему это было тяжело. Но в пожилом возрасте он иногда делился воспоминаниями. Папа был стрелок-пехотинец, участвовал в битвы на Курской дуге под Прохоровкой. Он рассказывал, что ожесточённые бои за Белгород и Курск шли с 5 июля до 23 августа 1943 года. От рассвета до заката шли бомбардировки авиации, наступления танков, залпы артиллерийских орудий, атаки немецких пехотных дивизий, рукопашные бои. Огненный шквал и грохот накрывали всё вокруг, казалось, горело небо и земля. Земля содрогалась от взрывов, черный дым закрывал солнце, как будто днём наступала ночь. Стояла знойная жара, хотелось пить, но до реки было далеко. Много бойцов было убито и ранено, выбывал из строя и командующий состав. Бойцы берегли от пуль знамя полка, его передавали из рук в руки раненые бойцы. Дошла очередь и до моего отца. Он обвязал знамя вокруг себя под гимнастёрку. Когда убило командира роты, отцу отдали его планшет и бинокль, сказав: «Ты комсорг, принимай командование на себя». Уже в конце битвы на Курской дуге за пять дней до её окончания ранило и отца. Ему осколком снаряда вырвало кусок из плеча и спины. Медсестра перевязала рану, как могла и сказала, что нужно идти в госпиталь, который находился на другом берегу реки, до которой было 3-4 км от поля боя. Отец пополз по обстреливаемому полю к реке, истекая кровью. Ночью ему удалось переплыть реку с одной рукой, другой рукой он держался за столбы взорванного моста. Выбравшись на берег, он дополз до дома, стоящего у реки и потерял сознание. Утром его окровавленного нашли женщины, заплакали около него и позвали деда, чтобы похоронить. Но дед обнаружил, что он жив и отвёз на телеге в госпиталь. В госпитале к нему подошёл раненый командир полка узнать,

Отец первый слева с автоматом

как дела на передовой и сберегли ли знамя? А через пять дней в госпиталь под Красным знаменем пришли 17 бойцов, все, кто остались от дивизии. Командир дивизии поблагодарил бойцов, и встав на колени поцеловал знамя. Папа подлечился и снова уехал на фронт. После этого было ещё одно ранение и контузия, но он снова возвращался в строй.

9 мая 1945 г.

Отец участвовал в освобождении Украины, Польши и Чехословакии. Был участником встречи на Эльбе с союзными войсками. На фронте было немало случаев, когда он был «на волоске» от смерти, но судьба хранила его. Однажды пуля попала в диск его автомата, который висел у него на груди, и это спасло ему жизнь. В конце войны отца часто отправляли с донесениями в штаб дивизии. Тут пригодилось умение ориентироваться на местности, способность к языкам, он знал немецкий, польский, чешский. После доставки донесений нужно было возвращаться в свой полк, который не стоял на месте.

День Победы папа встретил ранним утром стоя в карауле в Германии в г. Дрезден. Радости не было конца, бойцы устроили «салют» из автоматов в небо. А дальше их дивизия была направлена на освобождение столицы Чехословакии города Праги. В бою за Прагу полегло много бойцов, и это было уже после дня Победы. Жители освобождённой Праги встречали наши войска с радостью и цветами. Они приглашали наших солдат и офицеров в свои дома, где угощали их. На улицах был настоящий праздник, играли аккордеоны и гармони. Люди пели, танцевали. Домой с фронта папа вернулся уже в ноябре 1945 года. Их часть оставляли в Праге для поддержания порядка, борьбы с бандами. Папа привёз с фронта блокнот, в который записывал песни и свои стихи.

После войны отец работал служащим в учреждении, много занимался общественной работой, был лектором общества «Знание». Дважды избирался депутатом городского совета г. Челябинска. У папы была хорошая домашняя библиотека, особенно он любил поэзию. В свободное время писал стихи, написал около трёхсот стихотворений. 15 лет папа был внештатным корреспондентом газеты «Вечерний Челябинск». Папа собирал и записывал частушки и дважды был победителем конкурса частушечников. Папа хорошо пел, играл на балалайке, прекрасно танцевал. Перед войной он танцевал в ансамбле клуба железнодорожников и руководил кружком бальных танцев. Папа увлекался спортом и туризмом, в 65 лет ходил в турпоход по Северному Кавказу. Отец вместе с мамой посадил и вырастил прекрасный сад. В семье было трое детей, шесть внуков и шесть правнуков.

За действия на фронте папа был награжден 3 орденами и множеством медалей. Он прожил долгую, прекрасную жизнь – 87 лет и оставил о себе добрую память и свои стихи. Он и теперь идёт с нами дорогой «Бессмертного полка».

Фронтной блокнот

Светлой памяти моего отца,
Хмельёва Александра Фёдоровича,
стрелка-пехотинца
1-го Украинского фронта

Фронтной блокнот папы
Очень много повидал.
Вместе с ним бежал в атаки
И под Курском воевал.
Промокал на переправе,
В гимнастерке у отца.
Видел подвиг части, славы
И бесстрашия бойца.
Гнал врага он с Украины,
Пол-Европы прошагал.
На его страницах песни
И стихи отец писал.
День Победы встретил в Праге,
Слышал праздничный салют.
След от пули видал на стяге,
Что солдаты пронесут.
И всегда блокнот читая
Слышу, папа, голос твой.
Память в сердце сохраняя,
Незабвенно ты со мной.

01.04.2015 г.

Курская дуга

К 40-летию битвы —
однополчанам, участникам
битвы на Курской дуге

Была военная пора,
Горела Курская дуга.
Дымилась русская земля
И битва жаркая была.
В огне, тревоге и дыму
Встречали молодость свою.
Мы уходили воевать
Родную землю защищать.
В пороховом дыму туманном
Сражался полк на поле бранном.
На незнакомой Курской высоте
Фашистский танк горел в огне.
Клялись мы биться до победы
И честь свою не посрамить.
Преодолеть тревоги, беды
И наше знамя сохранить.
Мы победили в том бою,
Не уронили честь свою.
В бою неравном пал боец,
Не плачьте мать, жена, отец.
Прошла военная гроза,
Ушла тревожная пора.
Но в сердце память навсегда,
И битва Курская жива.

Июль 1983 г.

Участник битвы на Курской дуге, стрелок-пехотинец 1-го Украинского фронта, Хмельёв Александр Фёдорович (1920-2007 г. г.)

Мамаев Курган

К 40-летию Сталинградской битвы
павшим в бою и живым ветеранам
легендарной битвы посвящаю

На Мамаевом кургане скорбь и тишина,
Вечным сном уснули в нём герои.
Шли они на подвиг, смерть презрев сполна,
Вечной, светлой памяти достойны.
Боролись в схватке рукопашной и смертельной
Фашистский танк и наш солдат.
«За Волгой нет земли для нас отдельной,»
Такой приказ им отдавал комбат.
Был в огне и дыму фронтной Сталинград,
Подвиг тот не забыт и поныне.
Враг не смог победить Волжский град,
Крепость, гордость и нашу твердыню.
Не забудьте, люди всей земли
Подвиг тех, кто город защищали.
Жизнь отдали здесь отважные сыны
Мир беречь они нам завещали.

Февраль 1983 г.

Участник ВОВ, стрелок-пехотинец 1-го Украинского фронта,
Хмельёв Александр Фёдорович

Баукова Мария Степановна

Родилась 22.03.1925 г. Труженик тыла ВОВ с. Васильевское

Есть на что полюбоваться!

...Я еще совсем небольшая была, а помню, как мама мне на Пасху яичек крашенных давала. И я бежала на улицу их «катать», такая игра у ребятшек была раньше. И цветы мне мама красивые давала в этот праздничный день. Весело было в тот день даже нам, маленьким...

Вспоминает Мария Степановна Баукова:

Жили мы в мордовском селе Урей. Отца звали Степан Константинович, а маму мою Аграфеной Васильевной.

Нас пятеро у мамы было, я – предпоследняя. У нас церкви там не было, но мама научила нас молиться. Иконочку она поставит перед нами и все молимся. Мама воспитывала нас хорошо. Не ругала нас, а мы ее все слушались.

Во всем ей помогали, а как же?! Мама с отцом целый день на работе. А для нас добрых дел по дому много: то картошку мотыжить, то сажать, то полоть, то копать, то стирать... Мама, что нам скажет, то мы и выполняли. Каждому свое задание давала. Никогда мы не ослушались. Она придет, только радуется. Мама и поцелует каждого в щечку. Любила нас очень. А отец строго воспитывал, если из нас кто кого вдруг нечаянно обзовет, он как по столу стукнет: «Не смей так делать! Прямо сейчас язык оторву за это». Отца уважали и повинивались. И самое главное в воспитании нашем был труд. Мы маленькие, а понимали, что отцу с матерью надо помогать. Я вот и стирала, и полы мыла, и на огороде работала. Раньше по 40 соток была усадьба у каждого двора. И все сажали, и все убирали. И все мы дружны между собой были. Хорошо мы при родителях жили.

Это сейчас все огороды заброшенные стоят, белье машины стирают, воду носить не надо, печи не топятся. Как же дети без труда не избалуются?! Они уже трудиться не хотят. Не трудились, да устали! А раньше мы и не уставали как-то. Сколько бы ни работали, еще и погулять вечером успевали. Я уже не маленькая была, а мне мама строго скажет: «Иди, но только не долго!» И все мы слушались своих родителей.

Мне 16 лет всего было, когда война началась. Крапивы много тогда поели и щавеля, жизнь была голодная. Меня отправили на торфоразработки. Там работали из последних сил, а потом дадут кусочек хлеба – грамм 200 и кружку бульона. Вот и вся пайка на день. Работали много, ели мало.

В марте нас угнали под Брянск, первый раз убитых солдат после боев собирать и хоронить. А был мороз сильный. И снегу много. Откапывать было трудно. От некоторых тел мало, что осталось. Вот мы ямы копали и хоронили по три человека. А на могилах отмечали на дощечках: кто, с какого года, откуда. Десять могил, вот и считай: 10 на 3 – тридцать солдатиков упокоили.

А потом еще нас погнали в другое место окопы копать. Там пулеметный огонь, а мы копали, что делать, надо. А между нами и немцами солдатики наши убитые лежат. Нам сразу не разрешали их хоронить, чтобы под прямой обстрел не попали. Их позже собирали и в вырытую траншею хоронили. Получалась братская могила. Ох, тяжело было. Я все время плакала. А меня бригадир ругал: «Да ты бросишь скулить или нет?! Я тебя сейчас домой отправлю!» А разве не жалко – сколько людей полегло! Люди мы или кто?! Вот я и плакала. Сейчас, когда ветеранов собирают, и меня просят рассказать про войну, я не могу. Рада бы, да не могу – и сейчас, как вспомню – так слезы льются, я не могу говорить. Сколько же мы их за ту войну похоронили.

После войны долго еще голодом мучились. Много горя хлебнули. Дома сеяли хлеба. Урожай подходил, я стога метала. Мужики кидают мне вилами, а я сверху сперва края укладываю, потом середку набиваю. У нас стога высокие были. Бригадир придет, похвалит: «И мечете хорошо, и стога хорошие, есть на что полюбоваться!» Все время я на поле и в работе была. То на лошадях копны возили и снопы ржаные на молотилку. Мужики, бывало, пашут, а мы боронуем. Весь крестьянский труд мне знаком. А вечерами или в праздники песни пели. Я еще молодая была, но меня женщины часто звали: «Маруся, пойдем споем!»

Вот они басом, а я – первым голосом и запевали. Много песен я раньше знала.

А сейчас вот и руки, и ноги ломит. От ломоты иной раз и ночь не спится, пока не разотрусь мазями. Но Бог мне все время помогает. Не помогал бы, мы ничего бы и не смогли. А ведь в такие тяжелые годы выжили. Что бы я дома ни делала, мама мне всегда, помню, скажет: «Мария, ты сперва Богу помолись, а то ничего не выйдет». Я по маминому слову и живу. Вот я утром помолюсь, а потом уж на работу иду. Так всю жизнь. В детстве папа с мамой нас возили в церковь в село Каменка. Нас, всех пятерых детей, там и крестили. А по большим праздникам всех, бывало, на телегу родители посадят и везут в церковь исповедоваться, причащаться.

У нас в Уреях школа была. Я один год пошла в школу, меня отец от школы отнял. Обуть-одеть нечего. Один зипун был на пятерых детей. В школе не выучилась, но молиться умею. В деревне одна монашка жила. На площади у нас часовенка с иконами стояла. Она в ней псалтырь читала. Вот мы приходили все туда и молились. Как можно не верить в Бога, не понимаю? Я сейчас в церковь хожу, когда не болею. Давление у меня высокое бывает часто. Помню, меня раз батюшка так сильно святой водой на Пасху окропил, одна прихожанка и говорит другой: «Смотри, с нее течет, как с гуся!» Смеялись все вокруг. Хорошо так было. А я и не вытирала водичку, думаю: «Хорошо бы, чтобы я поправлялась, да выздоровела!» А мне уж 22 марта 87 лет исполнится. Сейчас вот опять Пасху жду. Статья из газеты от апреля 2012 г.

Бахирев Михаил Гаврилович

Эта статья была напечатана в июне 1980 года. Автор был тяжело ранен незадолго до Победы, выжил. Награжден «Медалью за Отвагу». На сайте «Подвиг Народа» есть информация о награждении: «в бою в р-не Зорау 31.1.1945 вынес с поля боя и доставил в санчасть тяжело раненого командира 1 батареи лейтенанта Караваева. В бою уничтожил до 20 солдат противника, проявил при этом отвагу и мужество».

В семнадцать мальчишеских лет.

Ноябрь 1943 года. Красная Армия наносила удар за ударом по немецко-фашистским полчищам, изгоняя захватчиков с родной земли. Уже третий год воевали наши отцы и старшие братья. Тыл тоже неустанно ковал победу. Настало и наше время. Нас, суздальских комсомольцев, 1926 года рождения, призывали в Красную Армию. Всех зачислили в танковые войска. Радости и гордости не было предела – мы танкисты!

У здания райвоенкомата, что на Владимирской заставе, много людей: родные, друзья. «Дорогие наши ребята! Хорошо учитесь военному делу, слушайте командиров, смело бейтесь с врагом. Возвращайтесь в родной город с победой», – напутствовал директор школы №1 Михаил Степанович Куликов и преподаватели Любовь Николаевна Лебедева, Василий Николаевич Кузьмичёв,

Николай Николаевич Белин, Ефим Николаевич Белин. Волнующее прощание с матерями и близкими. Крепкое рукопожатие остающихся друзей. По команде выстраиваемся и выходим на дорогу. Всё дальше и дальше...

Не слышно голосов провожающих земляков, лишь изредка порывами ветер доносит звуки духового оркестра, играющего марш «Прощание славянки».

Вот и Поклонная гора. С незапамятных времён она была местом прощания и встречи людей с родным городом, своим домом. Отсюда видно Суздаль как на ладони. Встали к нему лицом. Город суров в своём величии. Через пелену дождя купола на церквях кажутся шлемами русских воинов. Как бы наказывают они нам не посрамить чести древнего города в жестокой борьбе с врагом земли Русской. Много на своем веку перевидал наш город. Не однажды провожал он по этой дороге воинов на смертный бой с чужеземными захватчиками. И всякий раз встречал их с победой на Поклонной горе, златоглавый, волнуясь в мареве нагретого солнцем воздуха.

На сей раз в путь по неизведанной дороге новой жизни идут мои товарищи: Женя Агафонов, Толя Аркадьев, Женя Ануфриев, Женя Бардин, Коля Ксенофонтов, Гена Максимов, Женя Манукин, Лёня Морковкин, Витя Максимов, Гена Соловьев, Женя Сидельников, Вася Наумов, Витя Фирсов, Вова Шерышев.

Утро застало нас во Владимире. Прибыли в учебный танковый полк. Началась напряженная боевая учеба. До фронта еще далеко. Чуть начинается рассвет, а уже подъем. Летят кверху одеяла, еле успеваешь обуться, как раздаётся команда: «На физзарядку в рубашках – становись!».

В утренней мгле мерцают звезды, над горизонтом торчит серебряный рожок, на дворе крепкий морозец. Бегом к плацу. Круг, второй. «Умыться снегом!» – передается по роте.

Обтираемся. Снег в руках хрустит, как сухой речной пасок. В темпе делаем зарядку и снова бегом в казарму. С утра и до отбоя занятия с техникой, овладение оружием, изучение артиллерии. Вот где намгодились знания, полученные в школе. Наши новые учителя – кадровые командиры – много сил и труда вложили, чтобы мы росли в армейскую жизнь, полу чили как можно больше знаний и навыков, так остро необходимых в будущих боях.

Не забыть ходившее в полку тогда изречение: «пешим по танковому». Что это значит? Горючее было на строгом учёте. Мы поэкипажно в пешем строю, имитируя танковую атаку, управляли флажками, маневрировали, заходили «уступом справа, слева, углом вперёд». По полям перелескам, оврагам, в снегу по пояс. «Пешим по танковому...».

Потом мы вспоминали свой учебный полк, как частичку минувшего детства, из которого мы вышли сержантами, командирами орудий, танкистами-наводчиками.

Наши войска стояли на Сандомирском плацдарме по реке Висла в Польше. Здесь мы и приняли первый наш бой. Ранним утром загрохотали орудия артподготовки, огненными кометами с воем проскрежетали снаряды прославленных «Катюш». На линии обороны противника валы огня, столбы дыма поднимаются к облакам. Земля дрожит. И так полтора часа... Серия красных ракет рассыпается в небе. Дружно поднимаются в атаку цепи пехоты. Из лесочка,

на пол ной скорости, выскакивают вперед танки нашего полка. А на поле боя, куда ни глянь – брошенная вражеская техника, горящие танки, разбитые орудия. В воздухе не смолкает ровный гул самолетов. Краснозвездные армады идут волна за волной на Запад. Да, Родина-мать широко расправила свои могучие плечи. Сейчас мы уже превосходим врага по всем видам техники, авиации, артиллерии. Только по танкам было соотношение 6:1 в нашу пользу!

В одной из стычек за переправу мы потеряли первого товарища. Переправу удалось захватить сходу, не дав взорвать, но радость выполнения боевого приказа была омрачена: тяжело ранило Женю Бардина. «Миша, дай руку...» – на лбу пот, лицо бледное. Перевязывая, старались, полами шинели закрывать от него тяжелые раны в грудь и живот. Но он знал, чувствовал и хотел как-то скрыть от нас. Приходя в память, делал вымученную улыбку, шепча: «Все будет хорошо, мальчики», – и закрывал глаза. Умер он тихо. «Отца убили. У мамы теперь двое малышей на руках. Тяжело ей. Но ничего, скоро приду», – говорил он перед боем.

Земля и небо... Только и видишь их в прицел, когда машина, на полной скорости, раскачиваясь, идет в атаку. Спуск, подъем, крутой поворот. Тебя кидает к борту, под ногами вибрирует стальной пол. Запах горячего масла и отработанных газов, несмолкаемый рёв двигателей. Надо в считанные секунды совместить маховичками пушки перекрестие прицела с целью. Выстрел! Опрокинулась искорёженная противотанковая пушка, далеко отлетела в сторону. Мало, что осталось от немецкого расчета, – скорее догадываешься об этом, чем убеждаешься въявь. Не до этого. Исход поединка с врагом решают мгновения, а то и сам можешь стать мишенью. Мы быстро мужали и не по годам взрослели. Фронт ставил нас в ряды настоящих танкистов.

О подвиге Жени Агафопова нужно рассказать отдельно. Наши, уходя вперед, оказав раненым первую по мощь, оставляли их в пустых домах, подвалах и других укромных местах, недалеко от большака. Оставляли на первый случай поесть и попить, зная, что сзади идут санитары, подтягиваются по левые лазареты. Раненный в ногу, Женя лежал на сене вместе с другими в сарае. При них находились две девушки санитарки из медсанзвода. Клава с Валею смотрели за ранеными. Давали пить, укрывали, меняли повязки. «Что-то долго не появляются наши машины из санзвода», – думали девушки, глядя на дорогу. Быстро кончается вода. Собрали пустые фляжки. Закинув за плечо автоматы, и положив в карманы фуфаяк по паре «лимонок», санитарки пошли через овраг к лесу на озеро. Прошло намного времени, как в лесу раздалась частая стрельба, по звуку – наших и немецких автоматов, взрывы «лимонок». В полутемном сарае стало тихо. Поняли, что девчата столкнулись с немцами. «А, может, отбились, вернутся? «Погибли девчата» – кто-то простонал в углу. За стеной послышались топот, немецкая речь бряцание котелков, оружия. Настежь откинулись ворота. В проеме стояли немцы. Их много тогда бродило по лесам и хуторам остатков от разбитых и отрезанных, деморализованных частей. Мы их «пачками» забирали в плен. Отъявленные головорезы, эсэсовцы-фашисты упрямо сопротивлялись, стараясь вырваться из окружения. При обыске у Жени Агафопова нашли в нагрудном кармане комсомольский билет. Издевались, били... Домогались, где «русиш панцир», куда пошли. Но не таков был Женя, чтобы

враг увидел слабость его духа. С мальчишек, не принимая скидок на свой малый рост, не давал себя в обиду, трудился наравне со всеми. Школа, комсомол, армия воспитали в нем стойкость и мужество. Из него вырос боец. «Вперед пошли!» – выплёвывая кровь, отвечал комсомолец. Вырвав из грязных лап врага комсомольский билет, он прижал его к груди. Потом Женю нещадно били, повалив, пинали в голову, живот. Слабость подгибала колени. К горлу подступала тошнота. Женя вставал. «Только бы не упасть, не потерять память. Стоя, в глаза принять смерть», – стучало в висках. А потом, заламывая руки, приставили к стене и, засунув в окровавленный рот комсомольский билет, расстреляли. Замертво сполз парень на землю. Но огромная сила жизни заложена в русском человеке! Ожил наш Женя. Свежая роса и утренний туман помогли ему прийти в себя. А потом подлечился в госпитале, и еще крепко бил фашистов, мстил врагу за себя и павших товарищей по оружию. В майских боях, за освобождение Праги его танк подорвался на mine. Взрывом разбило ноги. Истекая кровью, горяча, Женя открыл люк, но вылез лишь наполовину... Машина сгорела.

Висла. Одер. А вот и Германия. Ох, как далеко от Суздаля!

*Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться сейчас губами.
Темная ночь, разделяет, любимая нас,
и тревожная черная степь пролегла между нами.*

Так в землянке, в часы передышек от боев, тихо напевал Гена Мокеичев. Он был человеком широкой и доброй натуры. Высокий, широкоплечий, белокурый красавец-парень. И дома он выделялся среди нас. С присущей ему особенностью обходиться с ближайшими доброжелательно и покровительственно, он быстро обрел уважение окружающих. Иногда между нами возникали конфликты, а порой и ссоры (для наших лет это было естественным). После перепалки мы гурьбой шли за советом «к старшему». Гена с присущим ему тактом «рядил нас и судил», и мы уходили примиренными. Короткие передышки, шутки, смех. И снова в бой.

В своем последнем бою Геннадий бился умело и храбро. Маневрируя машиной, на коротких остановках он точно посылал снаряд за снарядом в цель, подавляя огневые точки, накрывая скопление пехоты немцев. Немцы прикрывались артиллерийским и минометным огнем, отходили. Но разве в пылу боя все учесть? Подставил чуть борт, и есть-снаряд. Машина горит. А мы должны идти вперед, поддерживая пехоту. В перископ видно: Гена выскочил из танка горящим факелом, сбивая с себя пламя. И вдруг, повернувшись, опрокинулся, широко раскинув руки. Кончился бой. Таким и нашли его: распростертым на земле, обгоревшим, изрешеченным осколками вражеского снаряда. Похоронили. Дали прощальный залп.

Сегодня у нас передышка. Пехота окопалась впереди, а танки замаскировались в редколесье, вдоль дороги. Редкая стрельба, одиночные взрывы пристрелочных снарядов не помеха для короткого отдыха. Чистим технику, приводим в порядок обмундирование, отмываемся. От длительных маршей и боев все прокоптились. Блестят одни глаза да зубы.

«Но знакомую улицу позабыть он не мог, где ж ты, милая девушка, мой родной огонек»: Услышали мы приближающийся голос. А вот и он выходит из чащи леса – наш Вася! В руках треугольник – письмо. Почта приехала! Счастливчик – получай весточку из родного города!

Вася Наумов, не торопясь, садится на пенек, осторожно раскрывает конверт и медленно достает фотокарточку. Долго смотрит, в улыбке подрагивают губы. Его нет с нами. Он и его мысли улетели в Суздаль. Потом дает нам посмотреть. На нас смотрит милое знакомое лицо с глазами, затуманенными грустью. Весеннее открытое платье, прекрасные косы на плечах. Бережно прячет Вася письмо в нагрудный карман. Свертывает сигарку, прикуривает... Внезапный артналет противника разметал нас кого куда. Мигом попали в канавки, кто успел – прыснул в машины, захлопнув люки. Обстрел длился долго. Видимо, разведка наблюдения противника обнаружила наше место сосредоточения и скорректировала огонь. Наконец, наступила тишина.

Отряхиваясь от земли и песка, вылезаем из укрытий. Когда улеглась поднятая сверху вместе с сучками, листвой, пылью земля и рассеялся дым, перед нами открылись поврежденные сломанные сосны, березы, елки, разбитые повозки, опрокинутые кухни, стонущие раненые, убитые бойцы. Рядом с оголенной и иссеченной осколками сосной, на месте, где была щель, и куда прыгнули Вася Наумов с товарищами из экипажа, – глубокая воронка от тяжелого снаряда. И все.

Пошла домой, печальной дорогой, похоронка – к отцу, матери, братьям и сёстрам.

Темный город молчал, разделяя горькую печаль и любящей девушки. Никому не измерить глубины постигнутого ее несчастья. В жизни она не нашла себе пары. Буря военного лихолетья сломала ее счастье, надежду на ожидание встречи с любимым. И по сей день, одиноко живет она, вспоминая нашего Васю.

Мощным танковым ударом – клином во фланг – наша 3-я гвардейская танковая армия прославленного генерала Рыбалко взломала оборону и на плечах противника вступила в предместье Берлина, завязала уличные бои. Город горел, обволакиваясь тучами дыма. Гитлеровцы сопротивлялись упорно, с диким фанатизмом. Наши танкисты, артиллеристы, пехота шаг за шагом продвигались вперед, выбивая немцев из подвалов домов, чердаков, занимали улицы и кварталы. Перед стеной сплошного огня пулеметов, взрывов мин, снарядов, преодолевая завалы и надолбы, наши русские солдаты в сопровождении танков добивали немецко-фашистского зверя в его же логове.

В уличном бою из фаустпатрона, выпущенного с чердака, немцы подбили танк экипажа Лени Морковкина. Из-за тяжелой раны – осколок пробил грудь навывлет – Ленья почти не приходил в сознание. Товарищи старались вытянуть его из машины, но он, придя в себя простонал «Оставьте, я умираю», – и, вздрогнув, вытянулся, рухнул на лафет орудия. Танк, объятый пламенем, догорал.

Вот и еще потеряли друга. Веселого и не по годам умудренного житейским опытом парня. Всего несколько часов не дожидаясь Алексея до окончания войны.

Отгрохотала тяжелейшая в истории всех народов война. Остались разрушенные города и села. А сколько жертв она унесла с собой, скольких сирот оставила без крова! ...Моим друзьям пошел 54-й год. А давно ли все это было – время огненных лет, тяжелых боев, военных дорог? Мы и сейчас при встречах называем

друг друга по-прежнему, как и во времена крепкой дружбы, суровой молодости.

Живут и работают в родном городе, с семьями мои друзья однополчане: Женя Ануфриев, Витя Максимов, Гена Соловьев, Витя Фирсов. Во Владимире: Толя Аркадьев, Коля Ксенофонтов.

А многие остались лежать в далекой земле, на чужбине, сложив свои головы за свободу и счастье нашего города, всех людей. В свои 17 мальчишеских лет они мало что увидели в жизни, кроме трудностей, пламени огня, грохота снарядов и свиста пуль на фронте. Наш город склоняет перед ними свои купола-шлемы, и память о них будет хранить в своих седилах.

Безрукова Зоя Павловна

Безрукова (Козлова) Зоя Павловна 1936 года рождения. Мы живем в Хотьково, здесь мы родились и выросли. Нас было семеро детей у мамы, Евдокии Ивановны Проворновой, из деревни Митино. Трое детей умерли в младенчестве. Отец, Павел Егорович Козлов, работал в колхозе, подвозил на лошади сено и другие грузы. Умер он очень рано, в 1938 году, и нас осталось четверо. Старший брат – Анатолий с 1924 года, ушел на фронт в 1942 году. Погиб, защищая Родину в Калининградской области в 1945 году. Был он танкистом, награжден медалью «За отвагу» и орденом «Отечественной войны». Награды вручали маме в Загорском военкомате уже после войны. Помню, она плакала по брату года четыре.

Брату Ивану, 1931 года рождения, на начало войны было 10 лет. Он много помогал маме по хозяйству. Чтобы прокормить семью, мать держала скотину: корову, кур. Когда удавалось купить комбикорм – заваривала его скотине.

Младший брат, Алешка 1938 года рождения, был совсем маленький. Я еще помню, что во время войны не было света. За хлебом мама ходила в Хотьково за монастырь, около речки, слева от моста стояла пекарня, а за мостом был магазин. Иногда мама посылала меня за хлебом. Когда летели вражеские самолеты, мама всегда кричала: «Зоя, ложись!». Однажды над 2-й Больничной улицей пролетел очень низко самолет, около дома Капустиных упал осколок, на этом месте образовалась воронка, а потом стал пруд. На территории больницы около здания терапии (основное здание) стояла наблюдательная деревянная вышка, а где было детское отделение, там находилось бомбоубежище. Около железной дороги, на месте автовокзала, стоял большой сарай, мы его называли «Бакалос или Бокаус», туда привозили очень много леса, и немцы-военнопленные его чистили. Помню, как они косили траву у нас вокруг дома, а взамен попросили лук и соль (соль была крупная – куском).

Все мы дети окончили школу № 1 на улице Станционной. Я выучилась на парикмахера и работала в Загорске, напротив Лавры, а потом перешла на завод «Электроизолит» в 4-ый цех клейщицей и отработала там 30 лет.

В 1966 году вышла замуж за Бузрукова Александра Дмитриевича, 1933 года рождения, из Рязанской области г. Рязька. Пять лет он работал в колхозе

«Вольный труд», а потом служил в армии. Вернувшись, уехал работать на Стекольный завод в Лыткарино, там выпускали части для танков. А познакомились мы в доме отдыха «Конабеево». От профкома завода мне дали путевку, и ему тоже. И вот уже более 50 лет живем вместе, вырастили двоих детей и всем дали образование.

Благинина Любовь Алексеевна

Я родилась 11 декабря 1936 года. Мой отец, Мокрицын Алексей Сергеевич, 1911 года рождения, родился в деревне Корытцево Загорского района Московской области.

Участник Великой Отечественной войны, призван Загорским РВК 25.07.1941 года. Воевал в 64 стрелковой дивизии 10 Армии Западного фронта, командир саперного отделения 167 отдельного саперного батальона. 20 октября 1943 года был представлен к награде орденом «Красная Звезда».

В наградном листе описан его личный подвиг: «С 12-18 сентября 1945 года старшина Мокрицын А.С. под ураганным огнём противника при постройке деревянно-балочного моста под нагрузкой 60 тонн, через реку Снопом, показал себя одним из лучших руководителей работами. Мост был построен вовремя, своевременно пропущена военная техника и другие военные грузы. Через реку Десна, под ружейно-пулемётным и артиллерийским огнём противника было наведено,

под руководством ст-ны Мокрицына, два штурмовых мостика. Тов. Мокрицын показал себя храбрым и решительным в боевой обстановке. Представляется к правительственной награде – ордену «Красная Звезда».

Был ранен, лежал в госпитале, был инвалидом II группы.

После войны работал на ЗЭМЗе в отделе главного механика. Последние годы жил в г. Загорске на Звёздочке. Умер 1 марта 1971 года от рака лёгкого.

Боброва Эмма Михайловна

Я родилась в Сибири, но из-за болезни сестренки в 1940 году мы переехали в Подмоскowie. Поскольку мама была партийная, то в Москве в ЦК она попросила направить ее в Загорский район, где жили ее родные братья и сестра. Мама получила работу на Репиховской фабрике. Здесь я закончила первый класс в начальной сельской школе. О начале войны мы с сестрой узнали по радио, которое работало на фабрике. Мы встречали маму из Москвы. Мама,

узнав новость, поехала в райком, а я подумала: «Как всегда». В начале войны я ухаживала за сестрой, поскольку в сад из-за болезни она ходить не могла. Мы, школьницы, помогали колхозу в прополке моркови. Собирали листовки, сбрасываемые немцами с самолетов.

Что запомнилось еще: воздушная тревога, гул самолетов, я бегу с сестренкой на руках к общежитию, кто-то выхватывает из рук сестру и кричит, чтобы я прижалась к стене какого-то здания. Когда самолет улетел, незнакомая женщина возвращает мне сестру и говорит, что стреляли из пулемета. Сидим в общежитии, мамы нет, приходит женщина и говорит, что мамы не будет продолжительное время, и мы с сестрой будем жить в ее семье. Сколько прожили у неё, не помню. Кормили хорошо, но после голодных дней, организм сестренки не мог освоить эти продукты, и она заболела желтухой. Мама, пришедшая за нами, с трудом ее узнала. Лекарством от болезни был голод.

Помню еще случай, когда женщины на проходной фабрики помогли «военным». В проходную вошли двое и начали расспрашивать о населенных пунктах и расстоянии между ними, дорогах, мостах, о продукции фабрики и ее руководстве. Женщины, после того, как незнакомые ушли, позвонили на фабрику, но этих людей не нашли.

Однажды вечером я вышла на крыльцо общежития и услышала голос сверху, который спрашивал, нет ли здесь поблизости поля. Оказалось, это был дирижабль. Пилот сообщил, что они сбились с пути и их могут сбить. Я посоветовала пролететь к домам, где были люди. Дирижабль и пилоты были спасены.

В районе готовились к созданию партизанского отряда, и, как я потом поняла, моя мама принимала участие в этом, поэтому ее часто не было дома. Шла эвакуация, мама надела нам ладанки со свидетельствами о рождении. Мама хотела нас отправить, а сама собиралась остаться здесь. Я много читала те книги, которые передавали мне знакомые мамы: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Гайдара, и как они мне помогли.

После разгрома немцев под Москвой мама уже не пропадала, но мы голодали. Мама свой обед отдавала нам, говорила, что сыта, но очень исхудала и отекала. От сестры из Дмитровского района она привезла немного муки и картошки. Голодные годы продолжались до 1945 года. Летом мы собирали щавель, корни лопухов, крапиву, листья липы. Ели дудки. Заготавливали грибы, малину.

Огорода у нас не было, только в 1942-43 годах колхозы выделили землю, и стало легче. Огородные работы были на нас, ребятах. Урожай получали хороший, но помещения, где хранить урожай, не было, поэтому мама раздавала огурцы, помидоры, а морковь сушили для супа и чая. Домашние заботы тоже лежали на нас. В десять лет мы пилили дрова с мамой, кололи. Печь топили тоже мы. Золу берегли для удобрения и для щелочи во время стирки. Воду доставали из колодца.

Уроки делали при коптилке. Берегли керосин, спать ложились рано. Все новости слушали по радио – черной тарелке. У дикторов учились произношению, интонации, лексике. Потом это очень помогало во время учебы и в работе. Слушали спектакли из Малого театра, МХАТА, классическую музыку, оперы. Певцы: Лемешев, Козловский, Михайлов, Пирогов были нашими любимыми артистами.

Школу свою очень любили. Наш директор, Щекатурин В.М., участник парада на Красной площади 7 ноября 1941 года, участвовал в Сталинградской битве. Он воевал, а его жена Татьяна Владимировна, возглавляла школу во время войны. Она старалась делать нашу жизнь веселее, устраивала елку на Новый год, делала подарки. Хорошистам – премии: тетрадь, карандаш. На пришкольном участке сажали картофель и на большой перемене ели горячий картофельный суп. Наш физрук, лейтенант после ранения, проводил кроссы, заставлял ползать по-пластунски и быстро строиться. Участники художественной самодеятельности выступали на фабричных собраниях, поздравляя работников с праздником.

От болезней нас лечила фельдшер Агния Антоновна Шаркевич, которая обслуживала жителей деревни и рабочего поселка. Много проводила профилактической работы с детьми детсада, школы и рабочими. Осмотр проводила с обязательным осмотром каждой головы. Учила нас оказывать первую медицинскую помощь, как сделать повязку, обработать раны, сделать искусственное дыхание, наложить шины. Ученица и медсестра знаменитого хирурга С.И. Спасокукоцкого, она пользовалась всеобщим уважением и доверием.

Бородулина (Антонова) Александра Егоровна

Мне повезло, что я его не помню

«Сколько вас, узников концлагерей, сегодня живёт в Сергиевом Посаде?» – вопрос заставляет Александру Егоровну задуматься на секунду. «Три, четыре, пять...» – Александра Егоровна негромко пересчитывает. Она вспоминает от силы человек пять, но это только тех, кто нашёл в себе силы дойти до экскурсионного автобуса, который несколько лет назад возил их на Поклонную гору.

Слово «концлагерь» – общее название одного явления. Нацисты создавали трудовые и пересыльные лагеря, стонали пленных, «неблагонадёжных», и представителей «низших рас», были «фабрики смерти», настоящие конвейеры уничтожения. Первые появились за несколько лет до начала войны, например, Дахау был создан в 1933 году.

Лагерь, в который попала Александра Егоровна, находился в городе Рославль, рядом с белорусской границей. Этот пересыльный лагерь существовал с августа 1941 по сентябрь 1943 года. Почти все пленные оттуда пропали без вести, но оказавшимся за колючей проволокой той осенью, судьба дала шанс – они уцелели, их спасла Красная Армия.

Среди этих пленных оказалась и Александра с мамой. Федосья Васильевна на тот момент была беременна вторым ребёнком. Их забрали, скорее всего, по доносу, как родственников партизана – отец семейства ушёл на войну, вскоре под Брянском попал в окружение, и сражался в лесах. Интересно, что даже в мирное время детей партизана Антонова, когда те приезжали к бабушке в деревню, сверстники по-прежнему продолжали звать партизанами. Всего их было семеро, Александра – старшая из них.

Семьдесят пять лет спустя мы сидим с бывшей узницей на скамейке около Дворца культуры имени Ю.А. Гагарина, как раз после репетиции сергиевопосадского хора Ирины Манягиной, где поёт Александра Егоровна. Хор готовится к большому событию – концерту в честь собственного 25-летия. Александра Егоровна старше своего хора в три раза, и даже чуть-чуть побольше – ей 76, и несложная математика подсказывает, что месяцы, проведённые в концлагере, она почти не помнит. «Наверное, мне повезло, что я его не помню. Мне было всего два года. Будь я постарше, то, конечно, запомнила бы». Потому спасибо судьбе, что уберегла от кошмарных подробностей. Единственная картинка, что осталась в её памяти – голодные дети, оборванцы, собравшиеся в круг, а рядом какая-то властная фигура надзирателя. Никаких цветов, кроме одного – тусклого, серого.

От брянской деревни до Рославля примерно столько же, сколько от Посада до Москвы, и всю эту дорогу их с мамой и другими пленными вели пешком. Что в концлагере делали пленные? Работали, рыли укрепления. Информации на этот счёт у Александры Егоровны мало – мама почти не рассказывала о концлагере, не вспоминала, чем они питались, как с ними обращались охранники.

После войны родители недолго работали на восстановлении Беломорканала, а позже семья Антоновых осела в Истре. Родители, неграмотные брянские крестьяне, нашли самую простую работу – уборщицей в школе, грузчиком в РАЙПО. Александра Егоровна работала в пенсионном отделе. Вышла замуж, уехала в Ярославль, а оттуда, девять лет спустя, с мужем перебралась в Загорск, где устроилась экономистом. Сослуживцы, конечно, были в курсе, что рядом с ними работает женщина, которая очутилась, хоть и в совсем юном возрасте, в нацистском концлагере. Вызывало ли это сочувствие с их стороны? «Да о чём вы говорите?!» – восклицает Александра Егоровна. Даже сейчас пожилая женщина, которая получает выплаты от государства, время от времени сталкивается с непониманием. Её, узницу концлагеря, сравнивают с теми, кто сражался с оружием в руках, – говорят: «Другие воевали и им не платят денег, а вы, даже на фронте не были, а получаете...». Александра Егоровна только разводит руками – не виновата же она, что судьба распорядилась именно так.

Только раз за весь разговор Александра Егоровна не удержалась от слёз, когда вспомнила, как в 1946 году домой вернулся её отец. Лето, деревня, она сидит на окне и кричит маме: «Мам, солдат идёт!» Мама едва увидела солдата и тут же, на крыльце упала в обморок. Это пришёл домой отец, Егор Максимович, который впоследствии тоже не любил говорить про войну и часто отшучивался, что прошёл её с отцом. Как с отцом? Да очень просто, говорит, с пулемётом системы Максима – с легендарным «Максимом».

Статья из газеты «Вперед» от 09.05.2018 г. Автор Владимир Крючев. Фото Сергея Борисова

Братишко Николай Максимович

Николай Максимович Братишко – служащий армии. Более полувека трудится в одной из воинских частей Подмосковья. Ветеран труда.

Поэт, художник, член Союза писателей России, автор нескольких поэти-

ческих сборников. Публиковался во многих военных окружных газетах бывшего СССР, в том числе Московского военного округа: «На боевом посту», «Красный воин», а также в журнале «Советский воин», а также в коллективных сборниках Сергиево-Посадских поэтов.

Отцовский китель

*Там, где торчит над траншеей
Выцветший в зной сухостой,
Грозно снаряд длинношей
Предупредил меня: – Стой!*

*Мне повезло: без царапин
Я ускользнул от войны.
Китель заштопанный папин
Просят надеть пацаны.*

*Детство – водица да репа.
И не моя здесь вина
В том, что Россию свирепо
Измордовала война.*

*Неузнаваем от вмятин,
Жив до сих пор котелок.
Китель с наградами батин
Занял в шкафу уголок.*

*И, не привыкший к покою,
Сам уже батя давно,
Часто небритой щекою
Трусь об отцово сукно.*

Краюшка хлеба

*Доставалось вызревшему полю –
Жгли пшеницу, чтоб не сдать врагу.
Мы тогда не ели хлеба вволю –
Крошку хлеба ныне берегу.*

*Возвратившись
вновь к родным пенатам,
Вспоминаю голод, боль и страх...
Поклонитесь павшим вы солдатам
За тот хлеб, что держите в руках.*

На месте боя

*В окопчике, где в мох оделся камень,
Где чахнет травка, на ветру дрожа,
Обойму гильз, лежащих под ногами,
Не съест никак прожорливая ржа.
Но у истории свои законы.
Хоть правда солоня и дорога:
Будь начеку и береги патроны,
Покуда у границы тень врага.*

Поле Куликово

*Вся Россия – одно
Поле есть Куликово.
Может, нам суждено
Защищать его снова.
Помню годы и я,
Помню все поневоле,
Как под крик журавля
Мама плакала в поле.
Ох ты, поле мое,
За тебя мы в ответе...
Знают имя твое
Беспризорные дети.
Вся Россия – одно
Поле есть Куликово...
Может, им суждено
Защищать его снова?*

Боль святая

Мамам, которые не дождалась
своих сыновей

Куда ни глянь, а в зеркала земли
Заглядывают тучи грозовые.
Мне снова птицы видятся вдали,
Тревожный глас их слышу не впервые.
Их обнимает высь родной земли,
По-матерински прижимая к лику.
Остановись и сердцу им внемли,
Прильни душою к горестному клику.

Летите птицы, только поскорей.
Ваш плач разносит ветер над полями.
Тревожит боль о сыне матерей.
Всплакнул и я, но это между нами.

Метелям белым локоны под стать.
На сердце раны, как в земле воронки.
В руках, дрожащих, вымокли опять,
Как от дождей соленых, похоронки.

Я помогу уставшим журавлям,
И встречу стаю, как свою родную.
Но кто поможет нашим матерям
О сыне боль в душе нести святую.

Эхо войны

Качает эхо колокол Хатыни,
Усталый ветер плач несет в поля.
Увиденное снится мне и ныне.
В поту холодном просыпаюсь я.

Таких, как я, в России миллионы,
Прошедших пепелищами войны,
Но до сих пор слышны Хатыни звоны,
И ветер треплет пепел седины.

Поэтам боль не вызвонить стихами,
Тревожны гулкие колокола.
Нет, не дождями вымыты, слезами,
Дворы людей, сожженные дотла.

От бед на души не найти доспехов,
Попробуй, врач, осколок боли вынь.
Кричать, пока живу, мне будет эхо:
– Не умерла, жива твоя Хатынь!

Бесконечные войны

Покидает дед свое жилище.
Засмотрелись в синь его глаза.
Сунул острый нож он в голенище:
Кончилась у мастера лоза.

Плохо жить ему без бабы Зины,
Скуку разгоняет ремесло.
Всеми днями он плетет корзины,
Дарит их – довольно все село.

Кто-то принесет краюху хлеба,
Кто яиц, сметаны, молока...
Только крыша прохудилась, небо
Видно через щели потолка.

Льются слезы дождевые в хату,
Дед с культей садится у окна.
Достаётся нашему солдату:
За плечами не одна война...

Срок придет и по сухим амбарам
Щедро закрома озолочу.
Вытеку хлеба и с пылу – с жару
Всех, кто был со мною, угощу.

У обелиска

В последний бой ушли солдаты,
И не вернула их война.
Молчат на сером камне даты,
Фамилии и имена.

За то, что мы не в этом списке,
Спасибо павшим ты скажи,
И, поклонившись обелиску,
Цветы к подножью положи.

Найдя на этих скорбных гранях
Фамилии родных и близких,
Прозреньем тут же будешь ранен
Навyleт. Здесь, у обелиска.

Бурова Людмила Петровна

Родилась 25 декабря 1948 года в г. Краснозаводске. Мои родители, мама Калинина Римма Евлампьевна и отец Леонов Петр Никитович, были участниками Великой Отечественной войны.

Отец родился 25 октября 1924 года в Тамбовской области г. Мичуринск. Ему было 17 лет, когда началась война. В семье было 5 детей, он – старший. В 1942 году был призван в армию и попал на Ленинградский фронт. Его отец также был на фронте и погиб в 1945 году, захоронен в Австрии.

Мой отец был дважды ранен, но остался в строю до конца войны. К сожалению, за боевые заслуги сохранилась только медаль за отвагу, выданная в 1943 году. Как

говорил отец, были и другие награды, но пропали. В мирное время был награжден многими юбилейными медалями и орденом Отечественной войны I степени. Перестроечные времена ударили по здоровью отца. Он умер в 1989 году.

Мама родилась 31 января 1924 года в Архангельской области поселок Каменка на берегу реки Мезень, которая впадает в Белое море. В семилетнем возрасте она потеряла мать, которая сильно простудилась, встречая иностранные пароходы с товаром. Покупая ткани у матросов, она шила платья и тем зарабатывала семье на хлеб. Младшие дети остались с отцом и мачехой.

Мама часто рассказывала мне про своё детство. Как она мечтала учиться музыке. Как разливалась река во время прилива, и они спасались на стогах сена, которые располагались на возвышенности. Рассказывала про болота, богатые ягодами: морошкой, клюквой, брусникой. Про рыбу, которую заготавливали на зиму – семгу, корюшку.

В 18 лет её призвали в армию. Она закончила курсы радисток и попала на Ленинградский фронт. Особенно тяжело приходилось зимой, когда надо было ползти по снегу, чтобы найти обрыв провода связи.

На фронте мои родители и познакомились. После окончания войны вернулись в родной город отца Мичуринск, в дом родителей, а там у матери было ещё четверо детей, младшей – 4 года. Было очень голодно и моя мама потеряла первого ребенка.

Через некоторое время мои родители перебрались в г. Краснозаводск к родственникам. Мама работала на заводе, отец был служащим. Сначала жили у чужих людей в бараке, потом получили комнату в 11 квадратных метров. В 1961 году заработали двухкомнатную квартиру.

Я часто вспоминаю, как мама играла на гитаре и пела военные песни: «Темная ночь», «Вьётся в тесной печурке огонь» и другие. Это были любимые песни отца. Мама умерла в 2002 году, сказались военные годы.

Сейчас мы остались с сестрой вдвоем. Она живет в Белоруссии с мужем и сыном. У меня двое детей и четверо внуков.

Я знаю войну по рассказам и фильмам, но пусть наши дети и внуки проживут свою жизнь без войны.

Васильева Татьяна Дмитриевна

*В каждом селе и деревне,
В малых, больших городах
Памятник, им возведенный,
Так и стоит на часах.*

*Помните, люди, не спите,
Прячься в суетах пустых,
В душах любовь сохраните
К тем, кто сберег нас, живых.*

*Войны, и войны, и войны –
Кто же в них против кого
Правит с усмешкой спокойно
Черное дело свое?*

*Господи, враг твой бесстыдно
Эту затеял игру:
Люди как пешки пустые –
Косит он их, как траву.*

*Новая вырастет, что же...
Только весенней порой
Кто запретить ему может
Снова заняться игрой?*

*Встаньте, проснитесь с молитвой:
Господи, слышим твой глас!
Люди, душою поймите –
Спасенье зависит от нас!*

*Детям – достаток и радость,
Старшим – любовь и покой.
Молитесь – и мирный порядок
Снова вернется домой!*

*Те, кто погибли, не встанут –
Отдали жизни за нас.
Пусть горечь утраты нам станет
Благою надеждой в сей час.*

*Да обретут наши души
То пониманье, что мир
Сильным и правым послушен,
И Господом будет храним!*
2015

* * *

*Уходят бабушки, уходят дедушки...
Уходите из жизни непростой.
Для многих, как ни страшно это,
Хорошее все кончилось с войной.*

*И пусть поют вам гимны, орденами
Усталую увешивают грудь,
Но должен праздник этот с вами,
Быть постоянно хоть чуть-чуть.*

*На «лучших» и на «худших» не поделишь,
Кто за станком, кто с автоматом был,
Страдания на граммы не измеришь:
Везде был фронт – окопы то иль тыл.*

*Жила любовь, рождались дети.
Боль за ушедших и за тех, кто там...
Мы просим вас пожить еще на свете,
Порадоваться солнышку и нам.*

Май 2005 г.

Веденева (Зайцева) Лидия Сергеевна

Родилась 14 февраля 1933 года первым ребенком в семье. Моя мать, Александра Васильевна Парамонова, из д. Ахтырки, вышла замуж в Мутовки за Зайцева Сергея Сергеевича 1909 г.р. Позже родились еще двое детей – Зоя 1935 г. и Юрий 1938 г. и в 1941 году нас было уже трое. Отец ушел на войну в июле 1941 г. В деревне остались старики, женщины и дети. Немцы наступали быстро, все начали рыть землянки, готовясь уйти из домов, когда придут фашисты. Только наша мать не могла копать из-за большого сердца после осложнения от гриппа, нервные срывы забирали её силы. Я помню нас, плачущих, облепивших ее колени. Мы понимали, что-то страшное может быть. «Ой, ребята, не выкопать мне землянку, придет немец, нас первых убьёт». Женщины, все кто мог, отправлялись рыть окопы, за деревней валили лес, устраивая завалы для танков. По ночам слышали гул: фашистские самолеты -бомбардировщики летали бомбить железнодорожный мост в Хотьково. Чтобы сбить их, ловили лучами прожекторов. Помню, мы, детвора, идем в школу и видим низко летящий немецкий самолет, который разбрасывает много листовок. Собрали мы их и отнесли учительнице, а она, естественно,

уничтожила их. С начала зимы бои были уже близко – под Дмитровом, начались сильные морозы. Через нашу деревню шло пополнение, на ночь они занимали все избы, спали и на полу, и на лавках, где можно только лежать. Это было перед последним переходом до линии фронта. Такие красивые, сильные, хорошо одетые в полушубки и валенки, шли солдаты. Наша изба была тоже полна солдат. Уходили они в сторону г. Дмитрова, а обратно везли и на машинах, и на санях раненных солдатиков в госпиталь Абрамцево. Матери похоронка на мужа приходила два раза. Она плачет, убивается, а прошло немного времени – письмо: «Жив, здоров». Видеться с отцом получилось у нее два раза. Один раз, когда стояли под Москвой, ждали отправления на другой фронт, а другой раз – после тяжелого ранения, когда он, чудом уцелевший, лежал в клинике Склифосовского в Москве. Его тогда с тяжелым ранением в живот на поле боя подобрал сосед из соседней деревни Быково, случайно встретил, узнал – надежды, что выживет после такого сложного ранения было мало, но погрузил на телегу, довез до переполненной медчасти и оставил на ступенях, зная, что не бросят. Оказав первую помощь, отца отправили в госпиталь Склифосовского самолетом в Москву. Мы знали, что он там лежит, но навестить было нельзя и, только узнав о дне выписки, мы поехали, чтобы встретиться. Помню, спускаемся мы по эскалатору, а на другом эскалаторе солдаты поднимаются, и вдруг отец нас увидел, закричал и бегом по ступеням вниз спустился. Увиделись несколько мгновений, все обнялись и услышали: «Быстрее, не задерживаться!» Он только успел нам сунуть свои варежки и убежал. Будет ли еще встреча? Мы не знали. Здоровье матери таяло, пришла похоронка на любимого брата Сергея Парамонова. Сердце не давало двигаться, и поэтому вся работа по дому лежала на нас. Принести дров, растопить печь, запастись хворостом в лесу, подоить, напоить корову. А летом нужно было идти «на полдни», чтобы подоить корову в поле и тяжелую полденку с молоком донести домой. Я маленькая, полденка большая, тяжело поднять. А весной надо сажать картошку, вытаскивали мешки из подвала дома на спине, сделать хотелось побыстрее, чтобы успеть поиграть, поэтому таскали не по полмешка, а по целому мешку, так скорее. У кого матери были здоровые, тем было полегче.

Пришел отец с фронта в конце лета 1945 года. Мать умерла в больнице в возрасте 33 лет в 1946 г. и остался он, израненный, один с тремя детьми. 1947 год – трудный и голодный, но учеба в школах не прерывалась даже в военные годы. Я окончила 7 классов. Правда выбор профессии, живя в деревне, был не простой. Чтобы где-то устроиться на работу, нужно было взять справку в колхозе, что колхоз в данном человеке не нуждается. Поэтому все старались всеми способами пойти учиться, получить какую-либо специальность и уйти из подневольной, плохо оплачиваемой работы в колхозе. Поэтому, в 15 лет меня устроили на платные курсы «Кройки и шитья с дополнительным обучением моделирования одежды» в Загорске (ныне Сергиевом посаде). После окончания учебы устроиться на работу в

Хотьково было невозможно в обход колхоза и, поэтому, родная сестра моего отца, Александра Сергеевна, устроила меня швеей в Военторг г. Балашихи. Только через 2 года, имея на руках трудовую книжку, возвратилась в Хотьково. После экзамена комиссия по принятию специалиста и подтверждению разряда, давала задание: сшить три платья, затем очень внимательно рассматривала, оценивала работу. Так я была принята на работу закройщицей платья в ателье г. Хотьково по ул. Ленина, где и проработала до пенсии 40 лет. В 1955 г. я вышла замуж за Веденеева Юрия Гавриловича, в 1956 г. родилась дочь Татьяна. Образование она получила средне-специальное в г. Хотьково. В настоящее время я проживаю в деревне Мутовки.

Отец, Зайцев Сергей Сергеевич, гв.сержант 134 гв.о.саперного батальона 11 гв.танковый корпус был призван на фронт 02.07.1941 г. Загорским РВК. Воевал на Северо-Западном, Воронежском, 1-м Украинском, 1-м и 2-м Белорусском фронтах. Был ранен: 06.10.1941 г., 04.02.1943 г. Награжден: медалью «За отвагу» в 1943 г., орденом «Красной Звезды» в 1944 г., орденом Отечественной войны I ст. в 1945 г.

Водолазов Александр Федорович

Александр Федорович родился в г. Загорске в 1939 году. всю войну прожил в родном городе.

Подвиг во имя матери

Очень часто люди восхищаются подвигами. Но есть подвиги, которые незаметны, каждодневны. Именно таким является подвиг любви. В 30-е годы 20-го столетия в районе Вифанки основали институт птицеводства. Приехали сотрудники из разных уголков СССР. Одна из них привезла из-под Воронежа 15-летнюю девочку Лену, которая нянчила, а потом растила ее детей. Когда дети выросли, Лену приняли в институт техничкой, в нем та проработала до пенсии.

В 1938 году Лена вышла замуж, а в 1939 – родила сына Сашу. В 1941 году муж ушел воевать за Родину, институт эвакуировали, трудовые книжки были увезены в эвакуацию. А Лена осталась в городе с маленьким сыном, без трудовой на работу не брали. Можете представить, каково ей было? Легче стало, когда ее неофициально приняли на работу в техникум. В доме появились какие-то средства. В 1944 году институт вернулся из эвакуации. Лена стала работать в нем. Было голодно, тяжело, но институт выделил ей комнату в многоквартирном доме. В 1945 году родился второй сын, его нянчил первый. Муж с войны не вернулся, погиб. Стало еще труднее жить. Лена бралась за любую работу: стирала белье работникам института, вышивала им кофты и платки, мыла полы, полдела огорода. У нее самой был всегда превосходный огород, так что все завидовали. И очень обидно было, когда с огорода воровали. Больше всего срывал и уносил овощей с ее огорода комендант института. И пожаловаться было некому, так как он мог в любую минуту ее уволить.

Первым помощником Лены стал старший сын. Вместе с ней он, хотя и был еще очень маленьким, трудился на огороде, пас институтских гусей, тер на терке морковь для подопытных птиц института, ходил зимой в лес за дровами. Сугробы были большие, санки тяжелые, иной раз по пояс проваливался в сугроб. Саша видел, как маме тяжело, всеми своими детскими силами старался ей помочь. Еще подспорьем была ловля рыбы, сбор грибов, ягод. Как многие дети военного времени, с весны ел все: щавель, клевер, сныть, осоку – все, что можно было съесть. Чувство голода преследовало его до тех пор, пока сам не начал трудиться.

Самое страшное событие произошло в конце войны. В то место, где сейчас дачи на Запрудном, свозили танки, старшие ребята ходили туда играть. Однажды они нашли мину, положили ее в костер, а мина не взорвалась. Один из пацанов решил ее расшевелить, раздался взрыв... Ужас охватил всех, так как от него ничего не осталось. Это Саша запомнил на всю жизнь, хотя ему было всего 6 лет.

После войны легче не стало. Правда, детей взяли в детский сад. Не было денег не только на еду, одежду, в доме не было часов. А Лена была не только техничкой, но и истопником. Если приходила рано, сторож не пускал. Она брела домой, так и не ложилась – боялась проспать. А еще стирка, мытье полов у сотрудников института – все это вечером. А Саша сидел с младшим братом. От такой работы Лена надорвалась, отказали почки, ей было очень плохо. Ее положили в больницу в Правде, а детей хотели отдать в детский дом. Без мамы Саша решил вскопать огород и все посадить, как мама. Когда он шел, еле волоча лопату, его увидели женщины, расспросили. Он сказал: «Вот хочу картошку посадить». Женщины расплакались, пошли с ним, все посадили. Мама выздоровела благодаря завхозу института, которая помогла достать дефицитные лекарства. Но работать техничкой не смогла, ее поставили сторожем.

Саша рос, приходилось ему трудно, часто дрался, защищал мать, брата, защищал себя, когда обзывали «нищетою». Трудно пришлось ему и в школе. Первая учительница часто била, за это он обзывал ее. В начальной школе плохо учился, а когда пошел в 5 класс, его посадили за одну парту с Юрием Пионишкевичем, тот ему сначала все объяснял, а потом Саша сам начал учиться хорошо. Не только Юрий, но и сам Эраст Эрастович Пионишкевич, будучи одним из руководителей института птицеводства, помогал семье Лены: давал одежду детям, защищал Лену, когда ее хотели уволить после болезни. С благодарностью вспоминает Саша и соседа по дому, австрийца Пауля (в годы войны тот перешел на сторону Советской армии), который охранял припасы Лены от воров.

Когда Саше было 15 лет, у мамы случился инфаркт, работать она не смогла, и Саша бросил школу посреди учебного года и пошел работать. Работа была разной. Строил он первый двухэтажный дом в Птицеграде, сначала подавал кирпичи, потом стал каменщиком, а потом основной работой стала профессия грузчика. Грузчиком он работал сначала в институте птицеводства, а потом в подсобном совхозе. Маленький, худой, а через год уже поднимал 80-килограммовые мешки, а ночью был кочегаром в новом двухэтажном доме. Однажды от усталости заснул, топка затухла. Проснулся и голыми руками выгреб уголь и снова зажег топку. Все, казалось, кончилось благополучно, но тогда он получил склероз легких, да руки до сих пор не выносят холод.

А потом была Скобянка, где два фронтовика дали ему основную специальность слесарь-инструментальщик. Работать и работать бы ему на Скобянке, но хотелось, чтобы мама ни в чем не нуждалась, поэтому дальше менял работу, искал, где больше зарплата. Мама была счастлива, у нее было все: масло, сыр коробками, мясо, колбаса, сосиски, любая рыба, сладости. Все это Саша после работы доставал в Москве. Он боялся огорчить маму, поэтому не женился, не уехал на Север. Когда младший брат женился, Саша продолжал ухаживать за мамой, она к этому времени оглохла и ослепла. Но у нее опять было все: еда, лекарство три раза в день, проглаженная одежда и белье. Утром он покормит ее, даст лекарство, приготовит на обед лекарство и еду, обцелует маму и бежит на работу. Вечером прибегают, обцелует, покормит и бежит на огород. Огород далеко, но он все успевал.

В 1972 году Саша устроился на завод в Лозу, где проработал 35 лет. Там он приобрел новую специальность наладчика приборов. Самые трудные годы 90-е и двухтысячные, он был единственным наладчиком в Лозе. За это был награжден именными японскими часами и грамотой Министерства машиностроения. В 2007-2009 годах, несмотря на возраст, успешно трудился в Королеве на заводе Тактических Ракетных Вооружений. И сейчас он продолжает трудиться. Можно считать, что его жизнь – это подвиг во имя любви к матери. Когда его спрашивают, почему он не ушел от матери, он отвечает: «Я помню, как трудно жила моя мама, я не мог ее оставить».

Вознесенская (Шугаева) Галина Алексеевна

Родилась 13 апреля 1940 года в Ивановской области Комсомольского района в селе Кулеберьево.

*Храм в Кулеберьево.
В годы страшные лихие
Разрушался и терпел.
Божий храм наш самый лучший
Пусть живет он много лет.*

В детстве (1954 г.) мы взбегали по ступеням старого разрушенного храма, где через одну ступеньку можно было провалиться. С большим риском добирались до самого купола. И с высоты птичьего полета любовались природой родного края, протекающей внизу, красивой и чистой, речкой Ухтомой.

*Монастырь над речкой быстрой
Где кресты поднимаются ввысь
Там росла я и там крестилась
За небесный цепляясь карниз.*

Галиной меня назвала набожная до корней волос моя бабушка, Шугаева Агрофена (с. Губино), мать моего отца, Шугаева Алексея Степановича. Моя мама, Шугаева Татьяна Андреевна, жена погибшего младшего лейтенанта, моего отца. Приняв вдовий обет верности отдала свои годы жизни воспитанию двух дочерей. Отца своего я не помню, мне тогда было всего 2 года, но память о нем храню всю жизнь по воспоминаниям бабушки и моей мамы.

Бабушка рассказывала, что папа был старательным, хорошо учился в Марковской школе Ивановской области, куда ходил учиться за 3 км. Он хорошо владел лобзиком, выпиливал им красивые узоры – круги, овалы под часы, иконы и оконные украшения. В 1937 году успешно закончил школу. Бабушка вспоминала своего сына, брала веретено, кусочек сухого хлеба, накручивала нить на палец и внушала нам: «Ваш отец вернется живым, сначала придет к вам, а потом придет к нам с отцом». Тогда, выслушав рассказ об отце, я долго плакала. Все детство, пока была жива бабушка, ждала его возвращения.

Еще я хорошо помню дом, где жил мой отец. Это была теплая уютная деревенская изба с заваленкой, где хранились метлы, лопаты для уборки двора. Двор был ухожен, «вылизан» словно языком. За порядком следил мой дедушка, Шугаев Степан Васильевич. А какие «золотые шары» росли перед домом родителей моего отца!

Я очень ждала отца, чтобы он вернулся с войны, поэтому все выходные дни после школы проводила у бабушки. Мне нравилось, когда она провожала меня домой, вынимала из-под фартука кусковой сахар, конфетки-подушечки и долго-долго махала мне рукой, пока я не исчезала на дороге. А когда она умерла, то я укрыла её теми «золотыми шарами», которые росли перед домом в палисаднике, оборвав их все и убежала домой. Долго-долго не посещала тех дорогих, милых мест моего счастливого детства.

Сейчас мне 77 лет, а я до сих пор навещаю это место, колодец под окном, памятью о котором осталась глубокая яма. А большой камень-валун, который лежал у калитки, кто-то забрал. И еще помню постоянно, день и ночь, горевшую лампаду в доме отца.

Мой отец, младший лейтенант, Шугаев Алексей Степанович, родился в 1920 году, там, где родилась и я. Учился в городе Иванове в коммунально-строительном техникуме, получив диплом с хорошими отметками (он до сих пор хранится в семейном архиве), по распределению был направлен в город Ковров. Работал до войны 2 года техникум-строителем. Отец до войны еще успел устроить меня в детский садик, который посещала я всю войну. Мама, Шугаева Татьяна Андреевна, работала на военном заводе г. Коврова, так как она после 9 класса школы закончила курсы лаборантки. Она находилась под «стеклянным колпаком», определяла марку стали для орудий фронта. Работали без выходных. Когда она забирала меня из детского сада, спрашивала: «Что ты сегодня кушала?» Я отвечала: «Опять солянку, я её не люблю». Мама говорила: «У меня целый день не было даже крошки хлеба». Вот так мы переживали злое лихолетье

тье проклятой войны. В 1942 году мой отец, окончив в Москве курсы офицеров пехотных войск и получив звание младшего лейтенанта, был направлен в самое пекло сражений, название которому.

«Курская дуга»

Когда отец, собрав свои вещи, стал выходить из дома, не поняв, что уходит в вечность, хотел еще вечером вернуться, мама его даже не проводила. В 1942 году ему было 22 года. 5 июля 1943 года попал в пекло сражений в районе Прохоровки, где развернулось крупнейшее танковое сражение, где не уцелели не только люди, но и боевая техника. Был ранен дважды, лечился в госпитале села Назаровка. Снова вставал в строй. Домой маме писал «складные письма»: «Завтра предстоит жестокое сражение», «Береги дочь, учи её, а если меня не станет, что поделаешь, Таня? Будь проклята эта война. В кармашке маленьком моем есть карточка твоя».

Третье ранение было смертельным. Долго не было письма, а когда оно с запозданием пришло, в нем сообщалось: «После третьего ранения Ваш муж погиб защищая Украину», так как бои проходили в Днепропетровской области. Когда я спросила маму: «Почему ты не сохранила письма отца?», она ответила: «Нам нечем было даже растопить печь, чтобы согреть вас».

Несмотря на пришедшую похоронку, бабушка продолжала ждать сына, приложив ладонь ко лбу, стоя у окна своей деревенской избы. А я с детской наивностью верила, что отец вернется с войны, так как воочию видела вернувшегося с войны соседа – дядю Петю Головина.

23 августа 1943 года навсегда вошло в историю Великой Отечественной войны, как крупнейший успех Красной Армии в битве с фашистскими захватчиками. В этот день победоносно завершилась Курская битва.

*Танковое сражение на Курской дуге
Мир еще не знал такого боя!
Сотни танков бились среди равнин,
Темным стало небо голубое -
Заволок его тяжелый дым.
Все рвалось, пылало, грохотало,
Разгоралась битва все сильней
Кажется, что Мать-земля стояла
И своих жалела сыновей.*

Поиск могилы отца

Сделав запрос в Днепропетровский военкомат, я получила ответ: «С радостью сообщаем Вам, что мы смогли разыскать сведения о Вашем отце. Сообщаем Вам, что Ваш отец, Шугаев Алексей Степанович, погиб. Похоронен в братской могиле села Назаровка Софийского района Днепропетровской области. В 1944 году 02 февраля был перезахоронен в село Николаевка в братскую могилу №21».

Еще до военных действий на Украине я обратилась в Сергиево-Посадский Совет депутатов помочь мне в поиске могилы, связаться с Днепропетровским военкоматом, чтобы по приезду туда, меня приняли и помогли начать поиск.

Но дальше начались военные действия на Украине. Ежегодно на родине отца я принимаю участие в общественном движении «Бессмертный полк».

*Великой войны Победу
Мы не должны забывать!
В боях отстояли деды
Священную Родину-Мать.
Она посылала на битвы
Лучших своих сыновей,
Она помогала молитвой
И праведной верой своей!*

Свой материал о поиске отца-офицера 9 мая я передам в музей школы, где жил и учился мой отец.

Гинсбург (Соколова) Татьяна Анатольевна

Время бежит неумолимо, унося годы и дорогих нам людей – ветеранов войны.

Мой папа, Соколов Анатолий Андреевич, прошёл дорогами войны с весны 1942 года по май 1945 года. Папа родился в Москве в 1924 году. В 1934 г. семья переехала в Московскую область в дер. Жизнеево Талдомского района. Окончив школу, папа работал в совхозе. Когда началась война, папе было 17 лет, на фронт его не брали, но как только исполнилось 18 лет, он ушёл на фронт добровольцем. Папа был связистом Гвардии ефрейтором. Он обеспечивал связь передовой линии со штабом дивизии, часто приходилось это делать на простреливаемой противником местности. Папа воевал сначала на Донском,

Центральном фронтах, а затем с октября 1943 года на 1-ом Украинском фронте в 1-ой Гвардейской артиллерийской Краснознамённой ордена Суворова дивизии. Папа был очень скромным человеком и не любил рассказывать о войне. О его подвигах мы узнали уже, когда папы не стало, выйдя на сайт «Подвиг народа» в 2015 году, когда это стало доступно. Там мы узнали, за что он был награждён орденом «Красной Звезды».

15 апреля 1944 года отец под сильным арт. и миномётным обстрелом бросился устранять повреждение линии связи, и невзирая на явную опасность от рвущихся снарядов, за 10 минут устранил 4 повреждения. Это происходило в районе дер. Ходочки Вельно. А 16 апреля 1944 года в том же районе с опасностью для жизни ползком по простреливаемой из пулемёта местности натянул 2,5 км связи, благодаря чему связь была установлена раньше срока.

Весной 1945 года папа был представлен к Ордену Славы III степени за восстановление связи в районе Берлина. 26.04.45 г. в районе юго-восточного Берлина из окружённой группировки немцев прорвалась группа гитлеровцев. Пройдя боевые порядки, они вышли на место прохождения линии связи 98 бригады и перерезали связь в нескольких местах. Выйдя на линию для исправ-

ления порывов, мой отец встретился с группой в 6 человек. Огнём своего автомата он убил четырёх гитлеровцев, остальные убежали в лес. Исправив повреждения, он своевременно обеспечил связью штаб дивизии 98-й бригады. А 5 мая 1945 года в районе города Дрезден папа под сильным арт. миномётным огнём противника исправил 11 порывов, обеспечив бесперебойную связь и нормальное управление частями. За бесстрашие и умелые действия был представлен к Ордену Славы III степени.

У папы было много медалей, в том числе медаль «За Отвагу», «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина». Папа участвовал в освобождении Украины, Польши, Чехословакии. За всю войну у папы не было ни одного ранения. День Победы встретил в Берлине и вместе с другими бойцами распился на рейхстаге.

После войны папа работал в совхозе, а затем на заводе в посёлке Запрудня Талдомского района. Там он создал семью, они жили с мамой в любви и согласии, родились сын и дочь. Но, к сожалению, мама тяжело заболела и в 35 лет ушла из жизни, мне тогда было 3 года. Папа многое пережил, но не падал духом, воспитывать детей помогла ему моя бабушка. Через всю жизнь пронесу я папину доброту и улыбку. Мой папа ушёл так рано, в 52 года, он прошёл нелёгкую, но достойную жизнь. Мы, трое его детей, 5 внуков и 2 правнука храним о нём светлую память. Он вместе с нами идёт 9 мая в колонне «Бессмертного полка».

Глазер Вениамин Евгеньевич

Венок сонетов к 40-летию Победы

1

*Память огненных лет мы навек сбережем.
Их России досталось сполна.
Полоснуло в ту ночь, как по сердцу ножом,
Ненавистное слово: война!
Мирный был договор белой ниткою шит.
На клочки договор разорвав,
Разрывными его доконал «мессеримитт»,
Разметал средь посевов и трав.
Дым и пепел вокруг. Все пылало окрест.
И казалось: грядущего нет,
Но уже на пути героический Брест
Встал прологом грядущих побед.
Так в июньский рассвет начиналась война.
Этих дней не забудет страна.*

2

*Этих дней не забудет страна.
Подмосковный рассыпчатый снег.
И как будто стальная стена
Двадцать восемь стоят человек.*

Танки с свастикой черной чадят.
 Фриц от злобы жует рукава.
 Но нельзя им ни шагу назад,
 За спиной – столица, Москва.
 Миф о быстрой победе увял,
 А затем и рассыпался в прах.
 Так брицкриг был сражен наповал
 В подмосковных глубоких снегах.
 Твердо верил солдат: мы к победе придем
 Под разрывы гранат, под свинцовым дождем.

3

Под разрывы гранат, под свинцовым дождем,
 Все напасти фашистам суля,
 Уводил машинист на восток эшелон,
 Чтоб начать за Уралом с нуля.
 Над Сибирью бураны свирепствуют. Пусть!
 Ведь с природой всегда мы на «ты».
 Крыши нет, но станки на фундамент – и пуск!
 Ждут снаряды и танки фронты.
 По шестнадцать часов проводил у станка,
 Гнал и сон, и усталость с лица
 Мужичок с ноготок, от горшка два вершка,
 У станка заменивший отца.
 По фронтам и тылам, как цунами-волна,
 Шла священная наша война.

4

Шла священная наша война.
 В декабре – ну какой ледоход!
 Это, Волга, не наша вина,
 Что раскромсан снарядами лед.
 Взвод огнем над обрывом прижат.
 Но за Волгу врагу не пройти.
 Весь израненный жил Сталинград,
 Жил в начале большого пути.
 Еще долго военный буран
 Будет вихрем кружить над страной.
 А над Волгой Мамаев курган
 Не покроется долго травой.
 Мы от Волги на запад погналы врага.
 Впереди топь болот, переправ берега.

5

Впереди топь болот, переправ берега.
 Сорок третий. Небес синева.
 Курск. И фронт в ожиданье – Большая дуга –
 Натянувшийся, как тетива.
 В поле танковый грохот встречает зарю.
 Каждый выложил карты на стол
 Наши тридцать – четверки бесстрашны в бою,
 Ждут их Белгород, Харьков, Орел.
 В летний вечер в Москве пушки залпами бьют.
 Небо словно в букетах цветов.
 Это первый в столице победный салют
 В честь вернувшихся в жизнь городов.
 А солдата на запад в дорогу зовет
 Крутизна безымянных высот.

6

Крутизна безымянных высот,
 Ощетинился залпами склон.
 И Матросов ложится на дот
 Под кинжальный свинцовый огонь.
 Смят пехотой вражий заслон.
 Завтра снова бои и бои.
 Но останется в памяти склон,
 Где товарищи пали твои.
 Там, где топь и спасает лишь мат,
 Там, где техника «дуба» дает,
 Там советской пехоты солдат
 Через все загражденья пройдет.
 Шел солдат через топи, туманы, снега,
 Пядь за пядью страну очищал от врага.

7

Пядь за пядью страну очищал от врага.
 Сбил солдат с неприятеля спесь,
 А в тылу закружила фашистов пурга –
 Партизан и подпольщиков месть.
 Кто с огнем и мечом в край советский родной
 К нам пришел, от меча и падет.
 Каждый кустик здесь свой, каждый холмик здесь свой.
 Он прикроет, поможет, спасет.
 Не дождутся подмоги фашистов фронты,
 Им погибнуть в тылу довелось
 Как в ночном фейерверке взлетали мосты,
 Эшелоны валя под откос.
 И лишь только мечтой о победе живет
 Наш единый сплоченный народ.

8

Наш единый сплоченный народ.
 Делом жил и дыханьем страны.
 И не нужен в полку полиглот,
 Переводчики нам не нужны,
 Чтоб понять, что солдат защищает в боях,
 Чем живет нашей родины сын.
 Белорус и мордвин, армянин и казах,
 Осетин, украинец, грузин.
 В сорок первом суровом бедою одной
 Еще крепче сплотило Союз.
 Вместе жизнь или смерть,
 Вместе – в праведный бой.
 И победу не праздновал трус.
 Вы вбирали в себя средь боев и побед
 Горечь, радость и боль этих огненных лет.

9

Горечь, радость и боль этих огненных лет.
 Не опишешь в обыденной сводке.
 С океанских глубин поднималась на свет,
 Чтобы залп дать торпедный, подлодка.
 В Заполярье, на Балтике, в южных морях,
 Где отвагой решались вопросы,
 Наводила панический ужас и страх
 На врага бескозырка матроса.
 Над волной океанскою отблеск зарниц,
 Орудийные точны расчеты.
 Много вписано в летопись славных страниц
 Морьяками российского флота.
 Вас, матросов войны, властелинов морей
 Сохраняем в душе мы своей.

10

Сохраняем в душе мы своей
 Город, Лениным дышащий весь.
 Тишина опустевших аллей,
 Надпись, что безопаснее здесь...
 Голод, холод... Лишь вдоволь свинца.
 Враг буквально у самых ворот.
 День за днем – и не видно конца...
 Это после сочтут – девятьсот.
 Ленинград не поник головой.
 Стойко вынес лишение войны.

И дорога по льду над водой
 Проходила по сердцу страны.
 Мы все дальше уходим, но слышится вслед
 Эхо грозных боев, отзвук славных побед.

11

Эхо грозных боев, отзвук славных побед,
 И за далью – родные нам лица,
 Сколько ж вынести надо несчастий и бед,
 Чтобы вновь встать ногой на границе.
 Стало ясно врагу, что их дело «труба»,
 Что фашизму лежать на погосте.
 И в дорожную пыль полетел со столба
 Указатель злоеущий «Нах остен».
 Гнали мы супостата метлой на закат.
 Гнали гневом своим всенародным.
 И смеялся, и плакал от счастья солдат,
 Видя край свой советский свободным.
 И считает он высшей наградой своей
 Благодарность спасенных людей.

12

Благодарность спасенных людей
 Всюду слышал советский солдат.
 Средь широких венгерских степей
 И в отрогах судетских Карпат.
 Автомат к плащ-палатке прижав,
 Через горы, поля и леса
 Шел солдат по столицам держав.
 Мир и дружбу народам неся.
 Всю Европу от рабства он спас.
 Пол-Европы прошел он насквозь,
 А навстречу сияние глаз
 И букеты тюльпанов и роз.
 С дня, как дружбы связали нас прочные нити,
 Сорок раз проносилась Земля по орбите.

13

Сорок раз проносилась Земля по орбите,
 Свой у Солнца верши оборот,
 С той поры, когда падали парни на плиты
 На виду Бранденбургских ворот.
 Все решали в тот миг быстрота и отвага.
 Сердце к полной победе рвалось.
 И как символ ее над вершиной рейхстага
 Наше алое знамя взвилось.
 Так у нас повелось, что в любых перепалках
 Быть людьми честь и совесть велят.

*И по праву занял пьедестал в Третьяков-парке
Спасший девочку русский солдат.
Ветеранам всегда наше сердце открыто.
И никто не забыт, и ничто не забыто.*

14

*И никто не забыт, и ничто не забыто.
Вас все меньше и меньше в строю.
Но, смыкая ряды, ветеранов элита
И в труде, как когда-то в бою.
Это дело живых, чтоб не зря та победа,
Все напасти военной поры.
Чтоб всегда над Землей было мирное небо,
Всюду слышался смех детворы.
Сорок лет пролетело с времен тех неблизких.
Пусть законы вселенной круты,
Вечной памятью вам на груди обелисков
Пламенеют живые цветы.
Вам спасибо за то, что мы в мире живем.
Память огненных лет мы навек сбережем.*

1-14

*Память огненных лет мы навек сбережем,
Этих дней не забудет страна.
Под разрывы гранат, под свинцовым дождем
Шла священная наша война.
Впереди топь болот, переправ берега,
Крутизна безымянных высот.
Пядь за пядью страну очищал от врага
Наш единый сплоченный народ.
Горечь, радость и боль этих огненных лет
Сохраняем в душе мы своей.
Эхо грозных боев, отзвук славных побед
Благодарность спасенных людей.
Сорок раз проносилась Земля по орбите,
И никто не забыт, и ничто не забыто.
1985 год*

Память

*И победная радость и горечь утрат
И слезами и кровью обильно омыты.
Время мчится вперед, и стареет солдат,
Но никто не забыт, и ничто не забыто.
В смертных схватках не раз рисковали собой
Под огнем и свинцом свою линию гнули.
И для Вас все еще продолжается бой –
И сейчас достают вас осколки и пули.*

*Время мчится вперед. Ваши внуки растут,
Лишь в кино приближаясь к годам тем неблизким,
Память павшим храня, на бесменном посту
Свою вечную вахту несут обелиски.
А на них имена... Средь лесов и полей
Сколько вас до победы война покосила.
Но своих сыновей и своих дочерей
Не забудет спасенная Вами Россия.
Защищать мы Отчизну сумеем опять.
Если надо, пройдем мы любые науки.
Отдыхай, ветеран, наши нивы топтать
Не позволят врагу твои дети и внуки.
Распускаются снова цветы на лугах.
И Земля совершает свой путь по орбите.
Только подвиг народный навеки в сердцах.
И никто не забыт! И ничто не забыто!
1985 год*

Памяти павших

*С первых дней им пришлось оборону держать,
Танки, бомбы, бои, переправы.
Им бы жить бы да жить, и любить, и рожать,
Но легли пацаны за Державу.
Не забудутся в памяти нашей года,
Когда шли вы отважно на запад.
Но погибшим ребятам, увы, никогда
Не услышать приветливо: «Папа».
Роковая на всём поколении печать.
Но храним дорогие нам лица.
Им бы правнуков надо сегодня качать,
Кому враг не позволил родиться.
Семь десятков годов пронеслось над страной.
Разных лет, и плохих, и хороших.
Но в любых передрыгах всё время со мной
Те, что пали в сражениях прошлых.
Пулемётным огнём оцетинился склон.
Но сдержать ваш порыв он не в силах.
Вам, солдаты войны, самый низкий поклон
От всего населения России.
Отстояли вы нашей земли рубежи.
Снова мир воцарился на свете.
Но откуда опять появилась, скажи,
Тень фашизма на нашей планете?
Нам фашизма ростки надо рвать на корню.
То, что ожил он – это не новость.
Я политиков западных в этом виню,
Здравый смысл потерявших и совесть.*

Гончарова Роза Витальевна

Мой отец, Васильев Виталий Васильевич, 1915 года рождения. Прошёл Великую Отечественную Войну в звании старшего техника-лейтенанта. Принимал участие в освобождении Кавказа, Румынии, Словакии, Германии, и Венгрии. Награжден орденом «Отечественной войны II степени», медалью «За оборону Кавказа».

Будучи военным строителем, отец восстанавливал памятники в разрушенных фашистами городах. После войны был направлен служить на Семипалатинский полигон. Был одним из первых испытателей ядерного оружия. Награжден Орденом Мужества.

Затем попал в город Загорск в воинскую часть 51105. Строил военные объекты в Шарапово. Закончил службу на ракетном комплексе в Йошкар-Оле. Является ветераном подразделений особого риска, полковником в отставке. Сослуживцы отца вспоминают его как очень требовательного, исполнительного и в то же время очень отзывчивого и человеколюбивого наставника.

Горлова Лидия Дмитриевна

Помолитесь за Родину

*Помолитесь, люди, за Родину,
Она у каждого в жизни одна.
За деревни, города и сёла,
Где жестоко гремела война.
Помолитесь, люди, за близких,
Кто домой не вернулся с войны,
Кто остался лежать на чужбине,
Их могилки совсем не видны.
Они травой заросли и бурьяном,
К ним никто не пришёл на поклон.
Лишь слезой заливаются мамы,
Ждут солдат у открытых окон.
Помолитесь, люди, за всех,
Кто инвалидами с фронта пришли.
Мечтали встретить победу в Берлине.
Не судьба, они туда не дошли.
Помолитесь, люди, за женщин,
Что в тылу помогли войне.
И детей защищали грудью,
Похвалу заслужили вдвойне.
Помолитесь, люди, за всех,
Кто сейчас с нами рядом в строю.
Их осталось совсем уже мало,
Они выжили в страшном бою.
Помолитесь, люди, за Родину,
Преклоните колени перед ней.
Помолитесь перед богом всем миром,
Чтоб не видеть нам страшных тех дней.*

Память

*Стоит солдат у памятного места
И вспоминает прошлые года:
Как проводив на фронт его невеста,
Ему шептала: «Встретимся когда?»
Откуда знать, насколько разлучились!
Была война, а не игра в любовь.
Мы целовать девчонок разлучились.
Четыре года непрерывный бой.
Четыре года в дождь, жару и слякоть,
Мы продвигались метрами вперёд.
Нам было трудно и хотелось плакать,
Спросите друга, он вам не соврёт.*

*На поле боя кровь лилась рекою,
Отцов теряя, братьев и сестёр,
Мы заслоняли Родину собою,
Чтоб разгоревшийся гасить костёр.
И мы добились этого венчанья.
Простите, братицы, те, что нет сейчас.
Мы память чтим минутою молчанья
Мы это можем сделать лишь для Вас.*

Горячев Алексей Юрьевич

Мой дед, Горячев Алексей Васильевич, в 1941 году работал агрономом райземотдела Осташевского района, недалеко от города Волоколамска. Во время оккупации он был назначен комиссаром партизанского отряда, а после освобождения – руководил колхозом до ухода на пенсию. Мои родители назвали меня в честь моего дедушки – Алексеем.

Осенью 1941 года, когда гитлеровские дивизии подходили к Москве, в Осташевском районе был сформирован сводный партизанский отряд, командиром которого был назначен секретарь райкома по кадрам Василий Федорович Проскунин, а комиссаром мой дедушка, Горячев

Алексей Васильевич. На территории Осташевского района в лесах были оборудованы склады боеприпасов, землянки. На них подводами завезли мины, гранаты, ящики с патронами и толом. До оккупации родственников, членов партизанского отряда, старались отправить в тыл, и мой отец в возрасте 9 лет, с младшей сестрой и матерью уехали к родственникам в Казахстан, где они голодали и ловили тушканчиков для еды.

Ранним утром 14 октября до Осташева докатились орудийные раскаты. Гитлеровцы обошли противотанковый ров, форсировали реку Рузу в окрестностях села Чернево. Во второй половине 17 октября 1941 года в помещение райкома вошел мужчина в плаще и в фуражке со звездами и представился: «Генерал-майор Панфилов». Он сообщил, что бой ведет их прикрытие и через несколько часов немцы войдут в Осташево. Затем Панфилов сказал: «Воевать должны армии. И нам, военным, тяжело видеть, когда штатские, мирные люди вынуждены взяться за оружие. Но если так все же случилось, разрешите мне дать вам совет... Сообразуясь с вашими силами, действуйте решительно с первых дней – это важно. Враг почувствует: захвачена территория, но не люди. Население увидит: гитлеровцев можно с успехом бить. У вас преимущество, общее для всех партизан, – внезапность нападения. Но у вас и свои, особые трудности: вы будете действовать в прифронтовой полосе, где концентрация вражеских войск особенно велика. Поэтому выбор места, времени и характера боевой операции для вас имеют особое значение. Решительность, быстрота,

непрерывность действий и в то же время нецелесообразность крупных боев. Вот, пожалуй, все, что я хотел сказать».

Захватив Осташево, немцы двумя клиньями устремились по Волоколамскому и Рузскому большакам. Лесисто-болотистая, бездорожная местность в треугольнике между клиньями осталась незанятой врагом. Как раз здесь и размещались партизанские базы.

16 января 1942 года село Осташево было освобождено. За время боев партизанами было уничтожено почти 300 гитлеровцев, в том числе 34 офицера. Взорваны четыре танка и несколько десятков автомашин с живой силой врага, боеприпасами и горючим. Уничтожено пять мостов. Сорок раз перерезали связь врага, 68 раз минировали дороги. Но, конечно, не всё они могли сосчитать и записать.

Около тридцати человек, включая моего дедушку, было награждено орденами и медалями Советского Союза. Юные комсомольцы, Толя Шумов и Володя Колядов, павшие смертью героев, награждены посмертно: Шумов – орденом Ленина, Колядов – орденом Красного Знамени. Их имена присвоены Осташевской школе, где они учились, а в центре села установлен памятник юным героям партизанам.

После возвращения в село, бывшие партизаны приступили к работам по восстановлению села и колхоза: за время оккупации, длившейся почти три месяца, немцы не смогли восстановить электростанцию, но уже через три дня после освобождения она заработала.

В 1965 году бывшие партизаны, Николай Васильевич Второв и Сергей Александрович Любвицкий, издали документальную повесть «На ближних подступах», посвященную борьбе партизанского отряда.

В моей семье сохранился дневник, который вел Алексей Васильевич, находясь в партизанском отряде.

Мой дедушка был награжден орденом «Красной Звезды», медалью «За оборону Москвы», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и юбилейными медалями.

Горячева Татьяна Петровна

О моей любимой маме

Я хочу рассказать о своей маме Куделиной Евдокии Федоровне, женщине сильного характера, волевой и очень хорошей матери.

Родилась она в д. Козицино в 1916 году в многодетной семье, имеющей 8 человек детей, седьмым ребенком. В два года осталась без мамы и это её за-

ставило рано повзрослеть. В 4 года ей доверяли топить печь, готовить еду на семью и ездить в город на рынок продавать молоко, творог и другие продукты. В пятнадцатилетнем возрасте пошла работать на военный завод в г. Краснозаводске, приписав себе в документах один год. И всю свою жизнь трудилась на этом заводе. Имеет много наград, среди них медаль за трудовое отличие в 1952 году и медаль «60

лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годах».

Из воспоминаний моего брата 1940 года рождения.

Из ранних воспоминаний: 1940 год и чуть позже проживали мы в гостинице на нижнем поселке. Это двухэтажное здание со сквозными проходами на этаж. Комнатка на втором этаже около 10-15 м², печное отопление.

Жили там с матерью, отцом и старшим братом Юрием 1938 года рождения.

Что из военных лет отложилось в моей памяти: это очень светлый день (может день Победы или другой радостный день) – я сидел на коленях у матери, и она мне пела, ее лицо светилось радостью и это в военное время. Матери в то время было 27 лет, она работала станочницей в пиротехническом цеху, это было очень вредное производство Краснозаводского химического завода.

Маму звали Евдокия Федоровна. Во время войны у нее было 2 сына, дочка родилась в 1950 г.

Из послевоенных воспоминаний: отец работал в строительной бригаде и часто находился в командировках, мать в три смены работала на заводе. Помню, мне 7-8 лет, продукты по карточкам, продовольственный магазин находился около деревянного моста через реку Кунья. Хлеб привозили с хлебозавода, что на поселке Возрождение, на лошадях, в деревянном коробе. И народ с ночи скапливался в очереди у магазина и ждал, когда появится с горки заветная лошадка с хлебом. И начиналось столпотворение на входе в магазин. Так как я был маленький и худой, то я как-то прошмыгивал между рук, ног более взрослых людей и успевал отovarивать хлебные карточки. Каким вкусным нам казался этот ржаной хлеб!..

Поблизости от гостиницы находился небольшой молокозаводик, и я часто бежал с бидоном на этот завод за сывороткой-отходами производства. Ее в то время сливали в канализацию. Еще помню, как мы, ребяташки, вылавливали баграми доски и бревна из Куньи (в весеннее время она была чистой и многоводной), эти бревна мы использовали для печного отопления жилья. На перекатах речки ловили обычными милками пескарей, все подспорье в питании. Где-то в 1953-1954 году мы переехали на «летний поселок» в комнату шлакоблочного дома по ул.1 мая, дом номер 27.

Что врезалось в память того тяжелого времени:

а) Возле деревни Семенково совхоз выращивал на полях картофель. По

весне при перепашке картофельного поля мы шли следом за трактором и собирали картошку, оставшуюся не убранной после осенней уборки. Ох, какие вкусные получались лепешки из мороженного картофеля!

б) С приходом весны мы с братом пропадали в лесах, на полях – собирали щавель, крапиву, делали из них похлебку.

в) Очень тяжелыми были заготовки топлива для печи. Для отопления разрешали только пни от деревьев, очень тяжело было идти в лес корчевать пни и на тачке перевозить до сарая, потом рубить их.

г) Мать работала на заводе в три смены. Рожденную в 1950-м сестренку устроили в детский сад-ясли, который находился на нижнем поселке возле продовольственного магазина. И вот, нам с братом часто по очереди зимой приходилось рано утром на санках везти сестру в сад-ясли на нижний поселок, а вечером уже в гору везти её домой, а это 4 км в одну сторону.

Тяжелое было время. Мать работала во вторую смену, она приходила домой поздно вечером. И я ждал, когда мать вернется и принесет гостинец – кусочек сливочного масла, который давали за вредные условия работы. Иногда это был кусочек ароматной колбасы. Тот запах и я помню до сих пор.

Такие героические женщины, как моя мама, помогали солдатам на фронте, приближали победу над врагом. Всё для фронта - всё для победы. Несмотря на то, что в 1945 году (когда родилась я) мама осталась одна с тремя детьми, но подняла всех на ноги и прожила долгую жизнь. Умерла в возрасте 90 лет.

Крепкое и сильное наше старшее поколение.

Гришина Людмила Брониславовна

Родилась в 1949 году в городе Загорске. Мой папа, Лукашук Б.Ф., после окончания школы в 1941 году пошел работать на оборонный завод в городе Горьком. Завод выпускал танки КВ-2 для фронта. В 1946 году был курсантом артиллерийского училища в городе Пушкино Московской области. Он приезжал в гости к тётке Ванде в город Загорск. Ванда по национальности полька. Перед войной с беженцами переселилась из города Луганска. Её муж, Куренков Д.В., в 1938 году был репрессирован и скоро умер. Ванда шила одежду для фронта и очень берегла свою швейную машинку «Зингер». Когда мой папа женился, семья стала жить у тётки Ванды. Отец устроился работать на оборонный завод ЗЭМЗ. Он брал на целый день 2 бутерброда, а вечером носил ведрами воду из колодца, который был очень далеко от дома. Моя мама, Ковальчук Зинаида Фёдоровна, родилась в селе Бужаниново Загорского района. Там молодой учительницей работала её мама (моя бабушка) Ковальчук А.Н. Она родилась в 1897 году в городе Карабаново Владимирской области в семье красильщика ситцев, который работал у фабриканта Барашкова. Мамин отец, Ковальчук Федор Филиппович, 1894 года рождения, белорус. Сначала он работал на железной дороге.

Когда в молодой семье родился сын Серёжа и дочь Зина, он перешел работать в ЗОМЗ на оборонный завод начальником отдела снабжения. Семья переехала в город Загорск на улицу Кировская. Жили в комнате в двухэтажном доме, где селилось много семей. В 1937 году дедушка Федя был репрессирован, осужден по статье 58-8 и выслан в Красноярский край. В 1957 году Ковальчук Ф.Ф. был реабилитирован коллегией Верховного Суда СССР. Дело за отсутствием состава преступления прекращено. За 20 лет лагерей и поселения дед пережил многое, вспоминать об этом не любил. Он быстро включился в общественную жизнь в поселке Семхоз. Завел много друзей, был в обществе охотников. Мы с дедом ходили за линию железной дороги за грибами, орехами. Он любил работать в саду, завел кур. Семье «врага народа» пришлось тоже нелегко. Его жене с двумя детьми пришлось освободить помещение, на работу не принимали. Устроилась от Ярославской железной дороги в начальную школу № 32 учительницей, а в 1941 году ее перевели на должность заведующей школой № 52. Бабушка обладала математическим складом ума. Знала наизусть много стихов, особенно любила произведения Некрасова. Давала фундаментальные знания ученикам, прививала любовь к учебе и многие ее ученики в дальнейшем поступили в ВУЗы города Москвы. Я в шесть лет приехала к бабушке в Семхоз, в старую школу, где теперь детский сад. Помню, электричества ещё не было, зимой темно рано, я сидела на теплой печке и смотрела, как бабушка Аня вечером, после работы, с керосиновой лампой проверяла тетрадки. Днем в её маленькой комнате целый день было слышно, как каждые 45 минут звенел звонок на урок и перемену.

Бабушкиными медалями гордятся мои внуки. В 1945 году Народным Комиссариатом путей сообщения бабушке выдан нагрудный знак «Отличный административный работник», в 1946 г. – медаль «За доблестный труд в ВОВ 1941-1945 г.г.», в 1947 г. – медаль «В память 800-летия Москвы», а в 1949 г. награждена медалями Президиума Верховного Совета СССР «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие».

Моя мама, Ковальчук З.Ф., в 1941 году окончила школу РККА №1 города Загорска. В день выпускного вечера началась война. Враг рвался к Москве. Мама, вместе со всеми, ездил под Дмитров, вокруг которого строились оборонительные укрепления, противотанковые рвы, работала на лесоповале. В 1942 году поступила на отделение иностранного языка в Загорский Государственный учительский институт, который во время войны работал по программе 4-х годичных педагогических институтов. С 1946 года работала преподавателем немецкого языка 5-7 классов в средней школе №3 города Загорска. В 1957 году совмещала работу с заочным обучением в Областном Педагогическом Институте. С 1962 года работала преподавателем немецкого языка 5-11 классов в своей родной школе, где училась. Бывшие ученики всегда вспоминали её с любовью. За плодотворную работу по военно-патриотическому воспитанию учащихся награждена медалью «За доблестный труд в ВОВ 1941-1945 г.г.», «50 лет Победы в ВОВ 1941-1945 г.г.». В 1945 году мама была на Красной площади в городе Москве на параде в честь Победы и видела, как на брусчатку падали поверженные флаги рейхстага. Ассоциацией жертв политических репрессий, как дочь репрессированного, мама признана пострадавшей. Сразу после войны к бабушке в Семхоз привезли сироту Васю. Он родился в 1941 году в Белоруссии.

Его папа, Ковальчук Николай (дедушкин брат), героически погиб в Брестской крепости, а маму, Александру Воримовну, расстреляли немцы за связь с партизанами в деревне Виторож Синчанского сельсовета Пуховичского района. Вася пошел в школу, она была далеко. Обувки не было, не было денег, чтобы ее купить. Он ходил по осенней слякоти и снегу босиком. Когда его привезли в Семхоз – нарядили ёлку. Вася не мог радоваться, безразлично смотрел на ёлку, сказал: «Цапки». Бабушка в войну завела козу Маньку-кормилицу. Вася жил у бабушки, учился, пошёл работать, женился в 20 лет, потом уехал в город Минск.

В 1943 году случилась еще одна страшная непоправимая беда: бабушка получила похоронку с фронта на сына Сергея. Он родился в 1922 году в городе Загорске. Был призван Загорским РВК, воевал на фронте красноармейцем 21 гвардейского стрелкового полка 5 гвардейской стрелковой дивизии. Шли жестокие бои под Смоленском. Ему оторвало ноги, умер от ран 20 марта 1943 года в 4 медсанбате. Похоронен в д. Высокое Доргобужского района Смоленской области, о чем записано в книге памяти (том 23 РФ МО). Сергей Ковальчук был в детстве заводилой двора, защищал слабых, умел дружить, но война прервала его жизнь, как и многих других защитников Родины. Он не успел еще жениться, порадоваться детям, их звонкому смеху. Но мы помним его всегда – восемь его двоюродных внуков с гордостью прошли на 72-ю годовщину Победы в общем строю Бессмертного Полка к Вечному огню с фотографией своего героя, отдавшего свою жизнь за их счастье.

Гуральник Зинаида Петровна

Родилась на Украине в 1944 г. Трое моих дядей с маминой стороны ушли на фронт: Николай, Сергей и Иван. Вернулся только Иван. Он воевал под Ленинградом, участвовал в прорыве блокады.

Дядя Николай погиб после Победы, их танк подорвался на mine.

Дядя Сергей был ранен и попал в плен на Украине. Наши пленных держали в лагере в городе Бердичеве. С ближайших сел шли толпы матерей, чтобы узнать о судьбах своих детей. Моя бабушка каждый день ходила в город, расположенный в 7 километрах, неся узелочек с едой, чтобы хоть чем-то покормить пленных. Она говорила, что, если Сереже не достанется кусочек хлеба или картошки, а достанется другим, то ему от другой мамы что-нибудь достанется.

Немцы женщин отгоняли, для этого стреляли из автоматов по земле. Так было каждый день. Однажды, когда бабушка пришла к лагерю, немец сказал, что здесь

никого нет, надо идти на Лысую гору (в городе была такая гора, на которой не росла трава). Когда бабушка пришла к этой горе, то увидела толпу воющих от горя женщин, от ужаса бабушка потеряла сознание. Ее привели в чувство, она посмотрела и увидела, что земля на горе ходит волнами, так как наших пленных закапывали еще живыми. Как можно забыть об этом ужасе!

С папой ушли на фронт дядя Павел, который погиб, младшая сестра семнадцатилетняя Катя. Она была активисткой, комсомолкой, ее вызвали в горком и сказали, что ей надо уходить из города, поскольку немцы уже близко, но она, прибавив себе год, ушла на фронт. По воспоминаниям тети Кати, их было четыре девчонки: Валя из Иванова, Женя из Ленинграда, Нина из Москвы. Их всех обучили водить автомашины «полуторки», потом они стали возить боеприпасы на передовую. Часто попадали под бомбежки, выбегали из кабин и падали на землю. Однажды бомба попала в машину Нины. Она осталась жива, но у нее оторвало ногу. Тетя Катя встретила на фронте свою любовь, Пикунова Бориса, родом из Загорска. Он награжден Орденами Славы 1 и 2 степени. Они оба дошли до Берлина и были в толпе военных у рейхстага. После войны приехали в Загорск и прожили долго, счастливо. Похоронены на новом кладбище в Сергиевом Посаде. Военкомат увековечил их память общим памятником.

Сейчас бандеровцы – герои Украины, но это не люди были во время войны, это звери в человеческом облике. Даже фашисты того не делали, что творили эти звери, как издевались эти изверги над детьми, женщинами и стариками. Мои брат и сестра были еще маленькими, но вспоминали ужасы: бандеровцы на кострах кипятили в больших чанах воду и живьем бросали туда детей, женщин и стариков. Когда дети начинали кричать, изверги брали их за ножки и били об стены. Разве можно назвать их людьми?

Мне очень обидно за мою Родину, ведь я родилась на Украине. Но теперь у меня, моих детей и внуков Родина одна – Россия, и я горжусь, что живу в этой стране.

Гусаров Анатолий Петрович

О фронтовых девчонках

*Целую руки женщинам войны
И голову склоняю виновато.
Пусть перед ними нет моей вины,
Но все равно прошу простить солдата
За то, что вы попали на войну;
За то, что нахлебались выше меры;
За сломанные судьбы, седину;
За насмерть исковерканные нервы.
Спроси у тех, кто там повоевал
О женщинах – ответят без улыбок:
«Спасибо им, всем тем, кто нас спасал.
Огромное солдатское спасибо!»*

*В огне войны, где каждый миг, как век,
В удачу боевую только веря,
Звереет постепенно человек,
Порою, становясь страшнее зверя.
И вот среди такой душевной тьмы,
Когда на мир глядишь сквозь нить прицела,
Встречаешь женщину среди войны
И понимаешь, что достиг предела,
Где ты теряешь все, чем ты богат,
Где ты душой становишься калекой,
Где только шаг, – и нет пути назад
К тому, чтоб называться ЧЕЛОВЕКОМ.
Фронт изменял, калечил и ломал.
Порой братва трепалась меж собою:
«Вчера у рыжей Соньки ночевал.
Пойду-ка нынче покружусь с другою!»
А завтра эта Сонька из него
Заплачет, горсть осколков извлекая.
Потом сквозь слезы скажет: «Ничего!
Все хорошо! Домой поедешь, Ваня!»
И никогда солдатам не понять
Устоев женских, истинной причины,
Того, как ухитрились устоять
Они там, где ломались мы, мужчины.
А стойкость от природы им дана:
В их слабости есть истинная сила.
Ломала силу силою война.
Она же силу слабостью лечила.
Мы были все перед войной равны:
Они, как мы, страдали, погибали.
И, все пройдя, как ангелы войны,
Сердца и души наши согревали.
Порою, к помешательству близки,
Пройдя живыми сквозь потоки стали,
Могучие лихие мужики
Опору в слабых женщинах искали.
Да, женщина слаба, но в битве злой,
Где человека зверь одолевает,
Делами, лаской, телом, всей душой
Они мужчин от зверя отрывали.
Себя мы на войне не берегли,
Сгорали в стычках, пьянках, медсанбатах.
Нас женщины спасали, как могли,
Хоть им досталось больше, чем солдатам.
И поклониться низко мы должны
Всем женщинам прифронтового края.*

*Им, херувимам жизни, в лик войны
Глядевшим, нас от смерти заслоняя.
Где властвовали пули и фугас,
Где, озверев, друг друга убивали,
Себя для жизни потеряв, всех нас
Они собой для жизни сохраняли.
Пусть нас все меньше, но среди живых
На улицах, в кафе, в своих квартирах
Пусть выпьют все*

ЗА ГРЕШНЫХ

И СВЯТЫХ

За наших ЖЕНЩИН,

Самых чистых в мире.

*Сейчас стране все больше не нужны
Все те, кто за нее страдал когда-то...
Целую руки женщинам войны
И голову склоняю виновато.*

Гуцин Станислав Федорович

Не пропал без вести

21 апреля 1945 года командиру пулемётного взвода 62 гвардейского кавалерийского полка 16 гвардейской кавказской дивизии Александру Третьякову исполнился 21 год, а через пять дней в очередном бою он был тяжело ранен и 1 мая 1945 года скончался от ран в полевом госпитале, практически на пороге Победы.

Родился Александр в селе Попова Лощина Рязанской области. Накануне войны многодетная семья Третьяковых, родители и шестеро детей, переехала в наш район. Обосновались они в деревне Барканово, где находилось в то время подсобное хозяйство института ветеринарии.

Саша до призыва успел получить в ФЗУ профессию каменщика и поработать на стройке. Началась война. Летом 1942 года Александра призывают в армию. Он едет на учебу в Новочеркасское кавалерийское училище, по окончании которого ему присваивается звание младшего лейтенанта и его назначают командиром пулеметного взвода. Сначала воевал на Ленинградском фронте, а потом был переброшен на 1-й Белорусский фронт. В 45-ом от него перестали поступать письма. Жив он или нет – семья терялась в догадках. Пришел радостный День Победы, а в семье Третьяковых тревога: нет известий ни от старшего сына Александра, ни от отца Тимофея Васильевича, который воевал с 1943 года. И лишь спустя 7 лет пришло извещение из Загорского военкомата, где сообщалось, что Третьяков Александр Тимофеевич

пропал без вести в последний месяц войны. Мать, Марфа Семеновна, до конца своих дней (прожила она около 90 лет) не верила, что сын погиб, надеялась получить от него весточку, но так её и не дождалась.

Спустя 70 лет через интернет и центральный архив г. Подольска мы узнали много нового о судьбе Александра Третьякова. Прежде всего, он не пропал без вести, а героически воевал. Сохранился его наградной лист, где четко описан его последний бой: «За время марша 22.04.45 г. на пути в населенный пункт Шмахенхаген во время прочесывания леса тов. Третьяков наскокил с двумя расчетами на засаду противника. В короткой схватке уничтожил четырех немецких солдат, взял в плен одного немецкого капитана и одного солдата, которые дали ценные сведения о силах противника.

В бою в населенном пункте Герден 27.04.45 г. тов. Третьяков после ранения командира эскадрона взял по своей инициативе командование эскадроном на себя. Когда противник превосходящими силами с левого фланга начал обход, то он, подпустив на близкое расстояние, отразил контратаку, нанося противнику большой урон. В этом бою он был ранен, тов. Третьяков достоин награждения орденом «Отечественной войны» II степени.

Командир 62 гв. Кав. Полка гвардии подполковник Маркарян. 13 мая 1945 г.»

Существует и официальный приказ о награждении по 7 гв. Кавалерийскому Брандербургскому ордену Ленина Краснознаменному ордену Суворова корпусу за №027/н от 15 июня 1954 г., где в числе награжденных под цифрой 202 есть и имя Третьякова Александра Тимофеевича.

На сегодняшний день из большой семьи Третьяковых в живых осталась только родная сестра Мария Тимофеевна. И она хочет узнать, можно ли получить хотя бы удостоверение о награждении (посмертно) брата орденом и узнать, где он похоронен, чтобы поклониться праху родного человека.

Денисов Сергей Вячеславович

Моя прабабушка, Емашкина Аграфена Андреевна, родилась 10 августа 1940 года. Её отца, Андрея, забрали на фронт в 1942 году. С войны он так и не вернулся. Родилась она в Казахстане, войны у них не было. В селе, где жила моя прабабушка, был госпиталь, куда привозили раненых солдат, и все жители помогали, как могли. Она хорошо помнит послевоенные годы. Всем было очень трудно и тяжело, так как очень многие мужчины не вернулись с фронта. Все заводы, колхозы восстанавливали, в основном, женщины. Было очень трудно с питанием. Детки бегали по полям и лесам, собирали всё, что пригодно в пищу. Практически всё то, что было выращено в полях, садах отправляли в Московскую и Ленинградскую области. После войны многие умирали от голода, холода и болезней. Прабабушке очень трудно вспоминать эти годы – гибель отца на фронте, смерть родных и близких людей.

– Только одно было хорошо, – говорит бабушка, – жили очень дружно, помогали друг другу, как могли, не было ни злости, ни зависти, одно село, как одна большая семья.

Дорожинский Александр Леонидович

На войне бывает

На войне бывает –
Кто-то погибает,
Кто-то доживает
Век свой до седин.
Будет кто героем,
Станет кто изгоем
И чего мы стоим –
Там и поглядим.

Грозная натура –
Вражья амбразура.
Да и пуля-дура
Не даёт вздохнуть.
И лежит вся рота,
Но встаёт тут кто-то
И под пулемёты
Подставляет грудь.

В небе – напряжённый
Бой. И многотонный
Самолёт сражённый –
Звёзды на крыле –
Расстреляв патроны,
Прямо на колонны,
Вражьи эшелоны
Полетел к земле.

Армий столкновение.
Битва. Окружение.
Тяжкое ранение.
Плена круговерть.

Лагерь. Унижение.
Самоотвержение.
Казнь. Обморожение.
Генерала смерть.

Крепость, что над Бугом,
Взяли не испугом.
Вражеским потугом
Было несть числа.
Как уничтожалась,
Как она сражалась,
До конца держалась,
Слава донесла.

Долг международный
С целью благородной –
Помощь несвободной
Стороне чужой.
Парень из народа
(Такова природа)
Командира взвода
Заслонил собой.

Где-то вновь стреляют.
Где-то – погибают.
Где-то защищают
Землю, что окрест.
И один пленённый,
Пыткой измождённый,
Но непокорённый,
Не снимает крест.

На войне бывает –
Кто-то погибает,
Кто-то доживает
Век свой до седин.
Быть кому героем,
А кому – изгоем
И чего мы стоим –
Знает Бог один.

Евдокимова Вера Ананьевна

В старых кадрах – была, а не игра:
Перебежки, взрывы, тишина,
Смертный путь вселенского костра,
Что зажгла чужая сторона.
В раненых снегах лежит боец,
Отчужденность губ и боли мгла.
Так похож... Да это мой отец!
Что же дочь на помощь не пришла...
Вот склонилась каска над отцом –
Санитар – и все. Других солдат
Камера снимает под свинцом,
Оператор в том не виноват.

Пушка откатилась и молчит,
Уцелевшим – отдых, наконец.
...Диктор про Воронеж говорит.
Под Смоленском ранен был отец...

Военным вечером

Подбородки на ладонях.
В стол уперлись локотки.
От котилки круг неровный
Ловит детские зрачки
И зазубринки живые
Разгоняет по столу.
Тени зыбкие, кривые
Собираются в углу.
За окошком затененным
Снег под валенком скрипит.

* * *
...Издали запыленный
Красный воин к нам летит,
Соскочил с коня, – Чапаев!
Просит пить (и, верно, есть?)

Что-то мама пропускает!
«Ты не там читала, здесь!»
Мама грустно усмехнется:
«Перебили вы меня».
И опять земля толчется
Под копытами коня...
«Мама, им хватало хлеба?»
«Не хватало. Был там зной.
И студеность. Крыша – небо,
То поход, то ближний бой...»

...Огонек взметнулся резко.
Замолчали все о том,
Как отец в снегах смоленских
Управляется с врагом.

Егоров Анатолий Алексеевич

Двухлетним мальчиком Анатолий Егоров попал в концлагерь. О тяжелой жизни в лагере у Анатолия Александровича осталось немного воспоминаний, но и эти картины из жизни ребенка войны помогают понять, как сложно было жить и выжить.

Мы жили в городе Кондопога, Карело-Финская ССР. Отца призвали на войну, он служил на Соловецких островах в Белом море. В 1941 году, когда финны наступали, советские солдаты отступили. Местные жители спасались бегством. Маме убежать далеко не удалось, у неё на руках было двое маленьких детей – я и мой брат, он 1941 года рождения. Мама рассказывала, что когда вместе с другими жителями мы пытались убежать, нас встретили финские солдаты и отвезли в Петрозаводск, где на окраине организовали концлагерь, куда отправляли мужчин, женщин и детей. Всех русских – за колючую проволоку, а всех националистов – финнов, карелов, вепсов – оставляли на свободе.

Из тех страшных лет запомнилось – на обед тарелка с какой-то коричневой кашей ужасного вкуса, но кушать хотелось страшно, и мы это ели. Качаясь от голода, я шел к колючей проволоке в надежде найти еду, а мама думала, что кто-нибудь сжалится и положит хотя бы кусок хлеба. Но я не дошёл, у меня закружилась голова, я упал, а чашка разбилась. Перед падением мне запомнился сапог финского солдата: он стоял недалеко от меня. Когда я стал старше, мама рассказывала, что я голову поднять не мог: есть было совсем нечего, даже хлеба не было. Она думала, что я не выживу. Маме я поклоняюсь: сколько она пережила за годы войны и после неё, при этом прожила она до 92 лет!

Помню ещё, мы с братом лежали в кровати, к нам вошли финские солдаты, они искали листовки, вместе с нами перевернули кровать, обыскали всё. Такое вот было отношение к узникам.

В концлагере мы прожили с 1941 года по 1944 год, до тех пор, пока советские войска не освободили Петрозаводск. Финские солдаты, не дожидаясь прихода наших солдат, бросали всё, в том числе лагеря, и убежали. Я помню груды битых кирпичей, а на берегу озера стояли сгоревшие развалюхи-машины. В момент освобождения мне было пять лет.

После освобождения мать повезла нас к отцу на Соловецкие острова, добирались мы по морю. Некоторое время мы там жили, это был 1945 год, война тогда ещё не кончилась. Я помню, что там была организована школа юнг. Поражаюсь тому поколению мужчин: шла война, кругом разруха, а они беспризорных детей учили в школах. Однажды мама привела нас туда в столовую, голод ещё сказывался, хотя питание уже было другое, но мне запомнился запах хлеба. На одном столе остался кусок колотого сахара, я побежал, схватил его и скорее понёс маме, а мама сказала, что у нас сахар есть, попросила вернуть на место. Мама вроде бы работала в общепите, мы с братом предоставлены сами себе. Маме нужно было уходить на работу, она оставляла нас в какой-то комнате, мне кажется, что это был детский дом. Брат описался, няня посадила его на печку, которая топилась дровами. У печки были такие раскаленные металлические круги, на которых готовили, брат свалился сверху на них животом. Надулся огромный пузырь на животе. Ему сделали операцию, но случайно бинт зашили внутри, потом удаляли его. Брат выжил.

После войны, в 1945 году, вместе с отцом мы уплывали на корабле «Краснофлотец» в Петрозаводск. Помню, шторм был страшный, качало так, что невозможно было стоять. Мама лежала, а мы возле неё на полу, отец крепкий, и то не

выдержал – ушёл на палубу воздухом подышать. Через какое-то время пришёл боцман, принёс большую буханку хлеба и американскую тушёнку, открыл её, помещение пропиталось этим вкусным запахом, он стал намазывать тушёнку на хлеб, а мне стало плохо от этого запаха.

В Петрозаводске нам дали квартиру, дом был деревянный, все удобства на улице, за водой ходили далеко. Дрова покупали, чтобы печь топить, иначе отопления не будет.

В 1946 году на улице Пробная 5, пленные немцы крутились возле нашего дома, вытаскивали корень из земли и выковыривали ядра. Однажды у пленного немца увидел котелок, а в нём была крупа и молоко. Для нас бутерброд – это черный хлеб с крупной солью, а немцу суп молочный давали, мы молока не видели. Относились к немцам нормально. Они делали самодельные игрушечные pistols, пытались их продать или обменять на еду, а нам нечего было дать взамен.

В послевоенной жизни помню первый класс, пошёл я в школу №3 в городе Петрозаводске. Помню свою первую учительницу, Елизавету Ивановну Манину. Мы в учёбе ничего не понимали, учиться не хотелось, голова была забита мыслями о хлебе. Какие же крепкие нервы были у наших учителей: мы-ребята были невоспитанные, да кто бы нас воспитывал во время войны! Мы доводили их до слёз, а они с нами воевали, старались хоть какие-то знания в наши головы вбить. Мужчин не было, учили в основном одинокие женщины, у всех проблемы с питанием. Я им низко кланяюсь. Как-то захожу на перемене в класс, а учитель стоит за классной доской и жуёт кусок чёрного хлеба.

После школы я пошёл работать в Управление связи Карельской ССР монтажником линии связи, в семье финансовое положение было тяжёлое, поэтому было не до учёбы. В 1958 году поступил заочно в Ленинградский технический институт связи им. М.А. Бонч-Бруевича, после первого курса ушёл в армию. Хрущёв в 1960 году сократил Вооружённые силы, и наша часть попала под это сокращение. Не дослужив срок, я вернулся домой и пришёл опять в управление связи инженером по технике безопасности. От заочной учёбы проку мало, и я перевёлся на очный факультет в Ленинградский авиационный институт приборостроения. В 1967 году институт окончил, при распределении было выделено несколько мест в Московскую область. Студенты узнали, что дают комнаты и зарплата хорошая, я и попал по распределению в Пересвет. В НИИхиммаше проработал до 2016 года, в апреле меня сократили. Официально пенсия наступила в 55 лет, но я работал до 76 лет, был начальником бригады, начальником сектора, с работы ушёл в должности инженера. На предприятие пришло много молодежи, нужно им место уступать. Это правильно, поколения сменяют друг друга, это жизнь и куда от неё не денешься.

Статья из газеты «Город Пересвет» от 12.05.2016 г. Автор Евгения Кинтушева

Емельяненко Николай Иванович

Родился 09 августа 1942 года в Кабардино-Балкарской ССР Прохладненского района в хуторе Ново-Вознесенском. Отец, Емельяненко Иван Андреевич 1909 года рождения до войны работал в колхозе, мать, Анастасия Степановна 1912 года рождения, тоже работала в колхозе. Имели свой дом, огород и большое подсобное хозяйство. До начала войны в семье было двое детей: Любовь 1935 г.р. и Алексей 1939 г.р. Отца на фронт не взяли из-за инвалидности.

Я родился, когда хутор уже оккупировали немцы. Годы войны я не помню, но со слов мамы знаю, что во время оккупации колхоз не работал, выживали своим хозяйством, в котором была скотина. Немцы приходили в хату и говорили: «Матка, давай яйца и молоко». Всё отдавали немцам. От голода я всегда сильно плакал. Однажды пришел к нам в хату немец за яйцами и молоком, а я плачу, он показывает на меня и говорит матери: «Матка, пух-пух». Мать заплакала и начала

уговаривать немца не убивать меня. Немцы в хуторе сильно не лютовали, показательных расстрелов не устраивали, но были полицаи из местных, которые доносили фашистам на своих же хуторян. За городом Прохладным фашисты выкопали огромный ров, куда привозили мирных жителей по предательству полицаяв, там их расстреливали, а потом закапывали.

В 7 км от г. Прохладного были сильные воздушные бои, стоял сильный гул. Из нашего хутора немцы выгнали всех жителей под село Прималка. Где в Прималке жила семья – не знаю. Зимой 1943 года советские войска пошли в наступление, и немцы ушли из нашего хутора. Когда семья вернулась назад в хутор, дом наш оказался сожжённым. Родители смогли построить маленький домик, в котором и жили. Потом в семье родились еще трое детей: Василий 1945 г.р., Владимир 1951 г.р. и Сергей 1957 г.р.

После войны тоже был сильный голод. После уборки зерновых мы, дети, ходили в поле собирать колоски, но объездчик с кнутом всегда нас гонял.

В 1950 г. я пошел учиться в 1 класс. В том же году нам в хутор провели в каждый дом радио. Радио представляло собой большую круглую «тарелку» с регулятором громкости посередине. Вспоминается, как в 1953 году по радио слышали о смерти Сталина. В школе писали перьями. Чернила разводили из порошка, пока разведешь, весь перепачкаешься. На парте стояла одна чернильница на двух учеников. Три класса учился в своем хуторе Ново-Вознесенском, в четвертый класс ходил в соседний хутор Матвеевку за 3 км, а пятый класс был в селе Прималка за 7 км от дома. В любую погоду мы шли в школу. Зимой температура опускалась до -35°С. Помню, даже птицы от холода падали мертвые. Снега наносило столько, что заносило окна в домах. По хутору ночами

ходили и выли волки. После пятого класса я школу бросил и пошёл работать в колхоз – нужно было помогать семье. Мать работала на ферме дояркой. За каждой дояркой было закреплено 20-30 коров, я помогал ей доить их.

В селе Прималка был колхоз имени Ленина. Выращивали, в основном зерновые, были овощные поля и фруктовые сады. Дети всегда помогали колхозу. Больше всего мне нравилась уборка зерновых. За каждым подростком было закреплено две лошади. Мы возили зерно на лошадях, в бричках, с полей от комбайнов на ток.

Весной и летом на Кавказе красота необыкновенная! Цветут сады. В полукилометре от хутора река Баксанёнок. Мы ловили в ней раков. Сунешь руку в нору, а из неё или рака, или рыбу вытащишь. Рыбу в реке на мелководье можно было ловить руками. Жили очень трудно, но детство вспоминается с большим удовольствием.

После службы в армии, в 1965 году, приехал в город Краснозаводск, устроился работать в пожарную часть, потом в милицию. Встретил свою вторую половину, женился и до сих пор живу в г.Краснозаводске.

Ерёмины Александр Феоктистович и Мария Дмитриевна

Александр Феоктистович и Мария Дмитриевна Ерёмины переехали в Сергиев Посад из Магаданской области в 2010 году. Александр Феоктистович, участник Великой Отечественной войны, награждён Орденом Славы III степени, Мария Дмитриевна труженик тыла.

Сам себя отправил на фронт.

Когда началась война, Александр Феоктистовичу ещё не было 18 лет, он учился в ремесленном училище на токаря. Вместе с двумя товарищами решил идти на фронт – не взяли. Через год, когда ребята стали совершеннолетними, пришла повестка из военкомата. Вместе с другом, молодого и кудрявого Александра отправили во Владимирскую область в город Костерево. Здесь в течение 6 месяцев он учился в учебно-танковом полку на наводчика самоходной установки. Курсы были ускоренные, после выпуска новобранцу присвоили звание сержанта и отправили в посёлок Правдинский Московской области, недалеко от железнодорожной станции «Правда». «А хотелось-то пойти на фронт...», – с улыбкой вспоминая о событиях 74-летней давности рассказывает Александр Феоктистович.

У новоиспечённого сержанта был хороший почерк, поэтому начальник штаба взял его к себе в помощь – составлять списки тех, кого отправляют на фронт. Шёл июнь 1944 года. «Однажды сижу, пишу список, попадается фамилия, похожая на мою, я и исправил её на Ерёмин», – улыбается ветеран. Конечно, начальник штаба «ошибку» заметил. «Что, сержант, повоевать захотелось?» – спросил он. Воевать нашему герою хотелось давно, начальник пошёл навстречу стремлению Родину защищать, только и сказал: « Ну, не пожалей».

И отправил вещи собирать, да спешить на станцию, там должен был подойти состав с самоходками, в одной из них как раз не хватало наводчика. Командиром самоходки был двадцатилетний Георгий Вартанов, он принял Александра к себе, и вместе они двинулись на фронт...

А фронт шёл в наступление.

В составе второго Украинского фронта Александр Феоктистович отправился в Румынию под город Яссы. Для него это было первое наступление, а для Советской Армии одна из важнейших и удачных операций – Яско-Кишинёвская, она закончилась победой Красной Армии, полным разгромом противника и освобождением Молдавской ССР и части Украины.

В то утро Александр Феоктистовичу запомнилась зелёная трава с росой, которая не успела ещё сойти, и след от танка. Водитель не поехал по следу, а взял левее, самоходка подорвалась на mine: «Я успел только 3-4 выстрела сделать и всё», – вспоминает тот бой ветеран. Весь экипаж самоходки остался жив и продолжил воевать.

В тылу оказалась вражеская группировка, примерно в 300 тысяч. Её было приказано уничтожить. За эту операцию Александр Феоктистович получил свою первую боевую награду. Местность, по воспоминаниям ветерана, была неровная, лесистая. Наши солдаты – в низине, а враги – на пригорке. Советские солдаты двинули в наступление, но вместо пехоты их встретили залпы пушек. Впереди идущий Т-34 сразу же загорелся. Второй залп неприятеля достал самоходку. «Не помню, как выбрался из машины. Нырнул в кукурузное поле. Две оставшиеся самоходки повернули назад. Я за ними, мне подали руку и помогли взобраться. И всё это на полном ходу», – словно кадры из старого кинофильма всплывают в памяти Александра Феоктистовича те страшные эпизоды войны.

«Сдаёмся добровольно...».

«Следуем в русский тыл» – с такой надписью на листе бумаги вышли фашисты после ночи тяжелейшего сражения. В ту ночь солдатам пришлось стрелять, ориентируясь по вспышкам залпов и менять позицию, чтобы гитлеровцы не заметили. Потом три дня был перерыв, и бой продолжился снова.

Фронт переместился к городу Плоешти. Солдаты пошли через Карпаты. Под Сигишоарой немцы задержали продвижение Красной Армии. «Самоходку мы замаскировали в кукурузном поле. А немцы на самолётах летали, отбомбят – и восвояси. Бомбардировщики видно было хорошо, только они появляются – мы ныряли в машину. Один раз не успели в машину спрятаться, легли под неё, нас заметили и прямо на нас скинули металлический ящик, его называли «хлопушкой». Ранило всех четверых. Мне сильно задело бедро», – это был октябрь 1944 года, для Александра Феоктистовича боевые действия закончились.

Вернулся домой на костылях, но победителем.

Пять месяцев раненый солдат пролежал в госпиталях, а затем вернулся домой в Кемерово на костылях со второй группой инвалидности. Токарем работать не смог, устроился диспетчером. Тем временем брат, который ушёл на войну со второго её дня, уехал в Магаданскую область. Братья списались, и Александр Феоктистович решил уехать вслед за ним. В поезде он встретил свою судьбу...

Судьбоносный поезд.

Мария Дмитриевна в тот поезд села, чтобы уехать из Казахстана к родителям в Магаданскую область. Всю войну она, девчонка, с 13 лет работала в полях. Вспоминает, что к ним в дом подселили двух эвакуированных девушек из Ленинграда. Жили бедно, но дружно, всё лучшее отправляли на фронт. Позже, Мария Дмитриевна выучилась на пчеловода. Познакомились будущие супруги в октябре 1951 года, а в марте 1952 поженились. В той дороге Александр Феоктистович нашёл не только свою судьбу, но и работу. Познакомился с начальником механического цеха, ему как раз требовались люди.

В этом году исполнилось 66 лет, как супруги живут вместе. За эти годы у них родилось трое детей: старший сын и две дочери, появилось четверо внуков и уже пятеро правнуков. Правнучке Тае 4 года, вместе с родителями она приехала в отпуск из Магадана к прабабушке и прадедушке. С ними же она встретит очень важный и радостный для семьи праздник – день Победы.

Благодаря сайту «Память народа» сын Александра Феоктистовича нашёл его сослуживца и командира Георгия Вартанова, оказалось, что он погиб в 1945 году в Вене.

Статья из газеты «Вперёд» от 9 мая 2018 г. Автор Евгения Кинтушева. Фото Сергея Борисова

Жильцова Клавдия Сергеевна

Я, Жильцова Клавдия Сергеевна, в девичестве Кириллова, родилась в селе Бужаниново Московской области в семье служащего. Отец, Кириллов Сергей Андреевич, 1908 года рождения, работал в городе Загорске в Райфо налоговым инспектором. В сентябре 1939 года был взят на войну с Польшей для освобождения западной Белоруссии и западной Украины. По возвращении с этой войны его направили в г. Краснозаводск в качестве заведующего городского финансового отдела. Мама, Кириллова Мария Степановна, 1909 года рождения, была домохозяйкой. Наша семья жила в большом доме, нас, детей, было четверо: я, самая старшая с 1930 года, Константин 1932 года рождения, Александр 1935 года рождения и Анатолий 1940 года рождения.

В школу я пошла в 1938 году. Начальная школа, с 1 по 4 классы, была в Бужаниново в двухэтажном здании. На все четыре класса была одна единственная учительница – Евдокия Ивановна.

Когда началась война, мне было 10 лет. Отцу на работе дали бронь, зачислили в истребительный батальон г. Краснозаводска: днем – на работе, ночь – в расположении казармы истребительного батальона. Отец домой приходил очень редко. В начале 1943 года ушёл на фронт.

В первые же месяцы войны почти все мужчины Бужаниново ушли на фронт. Помню, как в июле 1941 года провожали на фронт папиного брата, Алексея Андреевича, он ушел добровольцем. У него осталась жена и трое детей, младшей Люсе было всего 5 месяцев. Дядя Лёня нес ее в одеяльце до станции, потом по-

целовал всех на прощание и уехал навсегда. Потом ушел на фронт 17-ти летним подростком мой двоюродный брат Николай и его отец Михаил Андреевич, старший брат моего папы, два старших брата моей мамы, Яков Степанович и Сергей Степанович.

Под Москвой были сильные бои, даже у нас в Бужаниново было видно сильное зарево. До декабря 1941 года Бужаниново бомбили почти каждый день. Станция Бужаниново была уз-

ловой станцией стратегического назначения, отсюда шли поезда на фронт с продуктами, оружием, живой силой. На окраине села стояли зенитчики, но они так и не смогли сбить ни одного бомбардировщика. Помню, как бомбардировщик разбомбил эшелон с продуктами, в котором была пшенная каша в пакетиках, мы ходили её собирать. Наш дом был вторым от железной дороги и, когда начиналась бомбежка, мы все выбегали из дома и бежали вглубь села к родственникам, чтобы не остаться под обломками в случае попадания бомбы. Младшего брата Толю, мама выносила из дома на руках, самолет летал так низко, что было видно лицо немецкого летчика, Толя ему всегда грозил кулачком и кричал: «Иди отсюда». В один из таких налетов немецкого бомбардировщика на станции находился состав со снарядами. Бомба, сброшенная с немецкого самолета, попала рядом с составом, в котором были снаряды для передовой. Вагон разрушился и несколько снарядов выпали из поврежденного вагона, чтобы не нарушать движение поездов, их тут же, около железнодорожного полотна, закопали в землю в образовавшуюся от взрыва воронку. В 60-х годах, когда железную дорогу ремонтировали, эти снаряды были обнаружены и взорваны саперами в ближайшем овраге.

Очень запомнилась одна из бомбардировок, когда на станции стоял санитарный поезд с ранеными, кто мог, пытались выбраться из поезда, ползли по земле. Тогда погибло очень много раненых, а хоронить их было некому.

В день бомбардировок в школу мы не ходили. Сильный голод начался с 1942 года, дети и взрослые опухали от голода. Всегда хотелось есть. Иногда в школе давали по 50 граммов хлеба. В начале войны у нас была корова, но косить траву колхоз не разрешал, корову стало нечем кормить, и её забрал колхоз. Все, что выращивали в собственном огороде, сдавали колхозу, все шло на фронт. Выживали только картошкой. Мы, дети, тоже работали в колхозе: сушили сено, пололи морковь. Помню, нас однажды летом даже возили в Москву в зоопарк.

Из ушедших на фронт сельчан домой вернулись совсем немногие. Папины братья – Алексей Андреевич, пропал без вести в ноябре 1941 года под Ельней Смоленской области, Михаил Андреевич погиб в 1944 году, его сын Николай – в сентябре 1943 года. Из маминых братьев тоже никто не вернулся. Отец вернулся с войны в конце 1945 года, на фронте был разведчиком. О войне никогда ничего не рассказывал.

Очень тяжелыми и голодными были и послевоенные годы. Выдавали хлебные карточки, но получить по ним хлеб было невозможно – хлеба не было. После отмены карточек жить стало немного легче. В старшие классы ездили учиться в Краснозаводск. В 7 часов утра из Бужаниново ехал поезд «Кунья», мы ласково называли его «Кукушкой». На нем мы и добирались до Краснозаводска, а вечером, в 18 часов, на нем же возвращались домой.

Завьялова Елизавета Георгиевна

Ежегодное празднование Дня Победы в Великой Отечественной Войне, это событие, которое касается всех. Для меня, Завьяловой Елизаветы Георгиевны, родившейся 10 января 1941 г. в Тульской обл. с. Михайловка Мордвесского района, война началась, когда мне было шесть месяцев, а в декабре, когда мне было одиннадцать месяцев, немцы были уже в нашем районе. Битва за Москву от Каширы до Венёва в конце ноября 1941 г. проходила под командованием генерал-майора Павла Алексеевича Белова 1-м Кавалерийским корпусом (родился в 1897 г. в г. Шуя Ивановской обл.). Ожесточённые бои велись по всему направлению от Каширы до Венёва (Гриднево, Гремячая, Алёсово, Уваровка Пряхино, Михайловка – деревни эти располагались вдоль дороги Кашира-Венёв), из источников о битве под Москвой. В деревне Пряхино был немецкий штаб, в нашей д. Михайловке расселены были немцы, и в нашем доме, где жили мои родители и нас шестеро детей, из дома пришлось переселяться в погреб. Тёплые вещи и запасы продуктов были упакованы в деревянные ящики и закопаны в земле, не далеко от погреба (по рассказам матери). Так поступали все жители деревни, иначе немцы всё могли бы отобрать. Начало декабря 1941 г. было очень холодным.

У отца (Горбунова Георгия Михайловича с 1901 г.р.) была «бронь» в связи с его работой, брат в 1942 г. ушёл на фронт и дошёл до Берлина, два раза был контужен, вернулся после войны уже после 1946 года. До сих пор помню, какое красивое платье мне привез из Германии. Четыре сестры уехали в Москву, кто в ФЗУ, кто просто на работу, а позже поступали в учебные заведения. (Из рассказов родителей).

После освобождения нашей деревни оставались пленные немцы, они проживали в бараке на краю деревни, что-то им приходилось строить в нашем районе. По деревне они ходили свободно.

Помню, что сложно и трудно всем было жить. В еде зимой был жмых, картошка, хлеб на половину с отрубями. А летом жили на подножном корме, трава: кочетки, боржовки, касатки, цветки акации, а некоторые уже не помню, как назывались. А из лебеды, крапивы, щавеля пекли пышки с малым количеством муки и картошки (помню очень хорошо зелёные пышки), из щавеля и крапивы варили щи. В нашем районе было много полевой клубники, вот её набирали ведрами. Заготавливали орехи лесные на зиму.

После войны по деревням ходило много нищих, но и им всегда помогали, чем могли, то подавали что-то или из продуктов, или из одежды. Но самое главное, двери домов никто на замок не закрывал, ставили палочки к двери, это уже говорило о том, что дома никого нет.

9 мая День Победы отмечали весело, праздновали каждый год, и каждый раз на устах всех было одно: как хорошо, что нет войны. Радовались за тех, у кого вернулись родственники с войны, сочувствовали тем семьям, у кого не вернулись.

В 1948 г. пошла учиться. После занятий ходили вместе с учительницей собирать колоски. В возрасте 10 лет работали со взрослыми – летом днём на сенокосе (с покоса возвращались люди с песнями, несмотря на усталость). После уборки зерновых ночью ходили скирдовать солому. По дому нашими обязанностями были в

огороде поливка, прополка, пасти скот вечером, наносить воды из колодца на коромыслах (два ведра по земле). Но нельзя сказать, что не было детских игр, правда, в малом возрасте игрушек не было, в основном самодельные мячики и куклы из тряпок. Играли в прятки, скакалки (через верёвку), в ручеёк, качались на качелях. А когда появились мячики натуральные, до сих пор у меня к мячам осталась детская любовь, потому что в детстве не наигралась, играли в русскую и круговую лапту, в вышибалы. Вечерами собирались и пели песни, у нас дома был патефон и много пластинок. Летом собирались на улице на пятачке, ходили в ночное пасти лошадей, а зимой поочередно по домам – на вечеринки. Были позже настольные игры: лото, шашки, шахматы, домино, карты (всё это покупал отец, он работал бригадиром в Мосэнерго высоковольтной линии Москва – Сталиногорск, сейчас Новомосковск). Мама, Горбунова Елена Григорьевна с 1902 г.р., вела домашнее хозяйство. В летнее время ходила работать в колхоз, а иначе не давали нам земли, так как наша семья не считалась колхозниками. Земли было 30 соток, потом отрезали 15 соток.

Учебники не покупали каждый год, а переходили от старших к младшим, так же и в одежде. К Новому году наряжали всегда ёлку. Украшением были фонарики, снежинки, серпантины, которые вырезали сами из бумаги, вешали конфеты, печенье (пекли маленькими). На Рождество Христово ходили ряжеными колядовать по домам, пели песни, а нам что-то подавали. Это такие были обычаи. После старого Нового года сжигали ёлку, водили хоровод. К Рождеству и Троице мама всегда шила нам новые платья (мне с сестрой). Трудное было детство, трудно жилось всем, но люди были добрыми, помогали друг другу, чем могли.

Окончила школу в 1958 году – это уже другой этап жизни и другая история.

Звягина Галина Николаевна

Дети войны

Что за грохот, мама, и крик,
Что за люди к нам в двери стучат?
Почему от небес такой смрад
И нельзя нам идти на родник?
За пожаром не виден закат.
Нет еды. Вот бы хлеба с водой.
Потерпи, хоть немного, поспи.
Бог спасет нас от этой беды,
И наш папа вернется домой.
Ты его только, доченька, жди.
Устаю, на ногах не стою.
Этот голод страшнее, чем смерть.
Мама, сколько скажи все терпеть?
Колыбельную спой мне свою.
Бог поможет, не надо реветь.
Стихнут звуки кровавых боев,
И наш папа вернется с войны...
Все листаю я горькие сны.
Мама в черный оделась покров.
Сколько сирых детей той поры.

* * *

*И снова тревога становится болью.
И ноют предательски старые раны.
Ты все еще помнишь бои в чистом поле
С глухой амбразурой во всю панораму.*

*И снова солдаты встают на защиту
Того, что не вымереть денежной мерой,
С простым образком
под подкладку зашитым.
И снова надежда становится верой.*

*Помянем всем миром погибших на поле,
Что плачет,
дичая смертельно жатвой.
И снова тревога взрывается болью.
И снова молитва становится клятвой.*

*Вы мерили землю полями сражений.
Вы верили свято в часы перемирий.
Вы так и не поняли всех поражений.
Вы так и не жили
в том радостном мире.*

*Понятно одно – вы устали от мести.
Всех армий погибших
не спится солдатам.
Они размеряют шаги свои песней
В бессмертном полку
с их высокою датой.*

Земляная Таисия Петровна

Когда началась война, мне было 20 лет. Я была самой младшей в многодетной семье, мама поднимала одна восьмерых детей – трех сыновей, пятерых дочерей. Отец умер, когда мне исполнилось три года. Война застала нашу семью в Череповце.

Почти сразу призвали братьев. За ними сестру – на противотанковые оборонительные работы под Ленинградом. Я работала делопроизводителем-машинисткой в Череповецком пароходстве. Печатать выучилась сама. Врожденная аккуратность помогала всю документацию держать в полном порядке, на работе за это ценили. Работающим давали по 400 граммов хлеба, неработающим всего 200. Спустя год, в мае 1942-го, пришла повестка и мне.

Вызвали в военкомат для прохождения медкомиссии. Много нас было из Череповца и Череповецкого района. В повестке было написано, что с собой надо взять сухой паёк на несколько дней, ложку, кружку и полотенце. Куда отправляли, никто не знал. Привезли нас в Североморск.

Служить меня распределили в 26-й инженерно-аэродромный батальон, что базировался на станции Пинозеро Мурманской области. 26-й инженерно-аэродромный батальон строил и обслуживал аэродромы. Спустя месяц пришел допуск к секретной работе. Делали запрос в Череповец, проверяли. Я печатала «Секретно», «Совершенно секретно» и документы серии «К». Эти конверты мы не имели права вскрывать, пока не вскрыет начальник штаба или командир части.

Во время войны я научилась винтовку держать в руках. Девушек, наряду с мужчинами, водили на стрельбища, на лыжах преодолевали по 30 километров. Рабочий день заканчивался поздно. После шести вечера нас вывозили на аэродром и мы выбирали мелкие камни, которые могли помешать самолету при взлете и посадке. Работали до 10 вечера. Летом, когда выдавалась свободная минута, бежали в лес, собирали грибы и ягоды: клюкву, бруснику, чернику, голубику.

Несмотря на войну, ее тяготы и опасности, в душе молодых оставалось место для любви. Инженерно-аэродромный батальон – это 1000 мужчин и всего 10 женщин: врач и фельдшер, несколько трактористок и водителей, да машинистка. Его взгляд сошелся с моим и любовь с первого взгляда. Так я познакомилась с будущим мужем, Аполинарием Земляным.

За несколько месяцев до окончания войны я вернулась в родительский дом. Пришла с наградами на груди: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.» и «За оборону Советского Заполярья». А в апреле 1945 г. появился на свет сын. Нашей семье очень повезло. Все братья и сестры остались живы.

После войны семью офицера Земляного служба привела на Украину, где Таисия Петровна прожила более 50 лет. Последние 15 лет живет в городе Пересвет у сына. 29 апреля 2016 года Таисии Петровне исполнилось 95 лет.

Статья из газеты «Город Пересвет» от 12.05.16 г. Автор Оксана Мирошникова

Зубова (Авдюшина) Маргарита Александровна

Наша бабушка, Стрельцова Мария Александровна, по материнской линии из села Ахтырки Загорского района. Дед – поляк, Демус Франц Иосифович, попал в плен в 1914 г. Работал у помещика Анисимова в д.Жучки, там же работала и моя бабушка, там они познакомились и поженились. Дед был бондарь – делал деревянные лоханки для мытья детей, ведра, бочки и прочее. У них было 4 детей: моя мама, Антонина Францевна, Коленька – умер в младенчестве, Александр и Сергей. Мой отец, Авдюшин Александр Михайлович с Люберецкого

р-на пос. Михельсона, закончил школу 7 классов и ФЗО, работал на железной дороге, а жил в сторожке около линии. Он был сирота, воспитывали его сестры. Мама работала тоже в Люберцах, только прислугой у соседней. Они познакомились, мама его очень жалела. Они поженились.

Я, старшая дочь Маргарита, родилась в 1937 году в Ухтомском районе города Люберцы. Потом родители приехали в 1938 году в Ахтырку к бабушке, и в этом же году родилась дочь Тамара, сын Виктор в 1940 году, Александр в 1942 году и Галина родилась в 1945 году.

Отец был коммунистом, до войны работал сначала на заводе «Лакокраска», а потом слесарем-сборщиком 7 разряда на заводе ЗЭИМ. У него была бронь, поэтому на фронт отца не брали, и он пошел добровольцем, но в пути его, как хорошего специалиста, вернули обратно на завод. Своему мастерству слесаря-сборщика он научил многих ребят из Ахтырки.

После войны по партийной линии, его перевели с завода ЗЭИМ в колхоз им. «Сталина». В деревне Ахтырка налаживал и обслуживал вакуумную установку для дойки коров, сам дробил еловые ветки для корма, ремонтировал поилки и был электриком одновременно.

Мама растила детей, работала в детском доме, а потом в доме отдыха в д. Жучки. В войну была конюхом. Зимой пилили лес и возили на железнодорожную станцию Хотьково.

Через нашу деревню шли солдаты на фронт в город Дмитров Московской области. Остановившись на ночлег, спали везде. Одна врачиха подарила мне шарфик в горошек: «На тебе, дочка, может обратно не вернемся», а из Дмитрова везли раненых в госпиталь «Абрамцево».

Осенью 1941 года копали: и картофель на своём огороде, и ездили копать окопы. За деревней тоже пилили лес и копали окопы. В ямах жгли березы, из которых выгоняли деготь и получали угли. Это место потом стали называть Адеевской делянкой, позже узнали, что там работал в качестве мастера леса Адеев Виктор Васильевич из нашей деревни. При съезде с основной дороги «Хотьково– Жучки» в деревню Ахтырка, справа тоже копали оборонительные рвы и ставили противотанковые ежи. Знаю, что на месте стадиона «Энергия» стояли зенитки.

В день победы все бегали по деревне, собирали стол всей деревней и пели песни. В боях за Родину погибли оба маминых брата:

ДЕМУС Александр Францевич, красноармеец-рядовой, 1919 г. рождения д. Ахтырка Загорского р-на Моск. обл. Призван 21 ноября 1939 г. Загорским РВК. Пропал без вести в сентябре 1941 г. (ЦАМО, фонд 58, оп.18004) Увековечен: Книга памяти. Московская область. Том 23 стр.184.

ДЕМУС Сергей Францевич, мл.сержант 55 гв. сд. 168 Гв.сп, б/п, 1921 г. рождения д. Ахтырка Загорского р-на Моск. обл. Призван Загорским РВК. Умер от ран 04 сентября 1944 г. в госпитале 61 МСБ. (ЦАМО, фонд 58, оп. 18002, А-71693) Похоронен: Польша, с.Хрусцеле А.Малопольский р-н, могила № 5. 1-ый с западной стороны. Увековечен: Книга памяти. Московская область. Том 23 стр.184.

В 1949 году маму наградили орденом «Материнская слава». Кроме мамы наградили еще двух женщин деревни Ахтырка: Казанцеву Лидию, Квартальнову Лену.

В 50-х годах в деревне были пионерские лагеря. Дети выезжали из Москвы на отдых и жили в домах у Нестеровых, Кривоноговой, у Монаховых, Гавриловых. Пионерскую линейку проводили прямо на газоне перед домом Нестеровых, а в другом году ее перевели в парк Трубецких, около реки.

В память о тяжелых днях войны и погибших земляках, в деревне поставили обелиск, куда мы приходим и возлагаем цветы защитникам нашей родины.

Ивахнова Нина Дмитриевна

Я родилась 30.01.1936 года в г. Озеры Московской области. Мои родители – Авдеевы Дмитрий Алексеевич и Екатерина Алексеевна. Отец умер в 1937 году от пневмонии. Мама осталась с двумя детьми: братом в трехлетнем возрасте и мной, полуторогодовалой. Жили в маленьком доме с дедушкой и бабушкой. Когда началась война, провозжали будущих бойцов с гармонью, но люди плакали, а я не знала, почему. Во время войны мама и дедушка работали на ткацкой фабрике по 12 часов, после смены ходили в лес заготавливать дрова на зиму. Дедушка ходил слушать сводки Информбюро на улицу, где висело радио. Приходил и говорил, что наши отстают. Дедушка верил в нашу победу и считал, что это такая стратегия.

В 1942 году бомбили нашу ткацкую фабрику. Мы, дети, были в детском саду, слышали грохот и звон разбитых стекол. Погибло много народа, дедушка остался жив. Нас, детей, выводили в коридор без окон, где мы, испуганные и притихшие, стояли до прихода родителей. Мы радовались, что мама жива. Несмотря на продолжающуюся войну, с нами в саду занимались: разучивали стихи, песни и готовили к праздникам, на Новый год давали подарки с яблоком, мандаринами, конфетами и печеньем.

«На фронте дела стали лучше», - так говорил дедушка. Но похоронки приходили соседям, и тогда плакали все: и у кого погибли родные, и у кого еще живые, на фронте. Почтальона боялись, какую весть принесет. В нашем городе от голода не умирали, выживали огородами, грибами, ягодами.

В нашей семье погиб мамин брат Калинин Петр Алексеевич в 19 лет.

Когда пришла Победа, радости не было конца. После войны жизнь еще долго была трудной – разруха, не хватало мужских рук, их заменяли женскими. Дедушка умер в 1954 году, мама в 1993 году. Светлая им память.

Исаев Павел Александрович

Я, Исаев Павел Александрович, привожу воспоминания моей матери, Исаевой Валентины Северьяновны, которые она написала для нас с братом. Моя мама родилась в городе Шуя Ивановской области 30.09.1934 года в семье краснодеревщика Волкова Северьяна Яковлевича и ткачихи Волковой Анны Георгиевны. В городе были ткацкие фабрики, военный городок и аэродром. Перед войной жизнь налаживалась: в парках играли духовые оркестры, устраивались народные гуляния. На летном поле по выходным прыгали парашютисты, с самолетов сбрасывали мешочки с конфетами и пряниками. Дедушка провел в дом радио и первое, что они услышали, было объявление о начале войны. Вскоре мамин отец ушел на фронт. Офицеры и солдаты из воинской части отправлялись на фронт с духовым оркестром под звуки «Прощание славянки». Дети каждый раз выбегали провожать воинов, многие плакали. Мамина мама работала ткачихой на ткацкой фабрике. В ноябре 1941 года всех работниц отправили рыть траншеи и рвы (семь километров от города). Там они и жили. Жгли костры, чтобы земля стала мягче, так как морозы в это время стояли лютые. Бабушка сильно застудилась, ее отправили домой. В дальнейшем она, больная, по 12 часов работала на фабрике. Все очень боялись, что фашисты захватят Москву, ведь тогда надо было куда-то уходить, так как в семье было 3 воина, один из них политрук. Мамин отец, Волков Северьян, воевал в пехоте, мамин дядя, Виктор Петухов, служил в Кронштадте на корабле «Стерегущий», прошел все войну и вернулся домой в 1945 году. Второй дядя Стаханов Алексей Арсеньевич был политруком и погиб в 1944 году в Венгрии. Последний раз мама видела своего отца, когда он приезжал с фронта на несколько часов. Они возили снаряды к Москве из тыла. Погиб он в болотах под Великими Луками в 1942 году, их полк окружили и уничтожили по частям. Взвод отца был последним, оборонявшимся от врага, их осталась всего шестеро. Отец и сослуживцы

выучили адреса друг друга, чтобы выживший рассказал родным о последних часах жизни своих сослуживцев. Мы, дети, в годы войны, как могли, помогали своим родителям. Ранним утром вместе с бабушкой ездили за дровами в лес. Тележка была двухколесная, нагружали ее доверху, и бабушка тащила ее спереди, а мама толкала сзади, упираясь палкой. Питались очень скудно, поэтому летом часто бегали в лес за грибами. Заготавливали травы для корма козы, это входило в мамины обязанности. Собирала колоски, окучивала картошку, присматривала за маленьким двоюродным братиком – все успевала. Мама рано осталась сиротой, воспитывалась бабушкой. После окончания школы поехала в Москву сдавать экзамены. Получила высшее художественное образование. Жила очень бедно, помочь было некому, иногда приходилось не кушать по два дня. И всегда была веселая, жизнерадостная, иначе бы не выжила. Вышла замуж за Исаева Александра Павловича. Воспитала двух сыновей и двоих внуков.

Каган Михаил Леонидович

Память поколений

22 июня 1941 года наши мать, Каган Анисья Петровна, и отец, Каган Леонид Зиновьевич, рано утром должны были ехать на отдых к Черному морю в Ялту. Профсоюз завода №11 за хорошую работу выделил им путевку в санаторий. Но не случилось — началась война. Отец родился в 1911 г. в г. Полтава. В 1935 г, после прохождения службы в рядах Красной армии, он был приглашен работать в г. Краснозаводск на оборонный завод №11. В 1937 г. отец был избран секретарем комсомола завода. Здесь же на заводе работала и наша мать Кошелькова Анисья Петровна, родившаяся в 1916 г. в селе Чихочиха Тамбовской области. Она приехала в 1931 г. к работавшему на заводе старшему брату, окончила ФЗУ и пошла работать на завод. В 1938 и 1940 г.г. в семье родились два сына. Основная масса работников завода имела «бронь» и не подлежала призыву в армию. Но в октябре 1941 г. группа комсомольцев 497 человек добилась отправки в действующую армию на фронт. В их числе был и наш отец. Об этом написано в книге, выпущенной к столетию Краснозаводского химического завода (завод №11). Отец был направлен в авиационный бомбардировочный полк 711. Полк участвовал в боях под Мценском, Орлом, на реке Лисица и других сражениях в составе Брянского фронта. В 1943 г. отец стал курсантом 4го отдельного авиаполка. В одном из боев их самолет был подбит. Но они с командиром спустились на парашютах ночью в незнакомом месте. Через сутки они смогли дойти до деревни. К счастью, немцев в деревне не было. Спросили, как выйти к своим и еще через сутки дошли до места дислокации части. Зайдя в столовую, они поняли, что товарищи их уже считали погибшими. Напротив их мест на столе стояли два стакана водки, накрытые хлебом. Всего отец участвовал в нескольких сотнях боевых вылетов, во время которых погибло много его товарищей и разбилось самолетов. За-

тем был Украинский фронт. Конец войны застал отца на Одере и Нейсе, они братались с американцами. За боевые заслуги отец награжден орденом Красной звезды и орденом Защитника Отечества 2 степени.

С первых дней войны завод круглосуточно работал на выпуск боеприпасов для фронта. Как и многие работники завода, мать по много дней не покидала рабочее место. Там же они спали и ели скудные пайки, от которых откладывали часть своим детям, находившимся круглыми сутками в детских садах и яслях. Питание в них было очень скудное, и дети в них были очень слабы. Младший сын ослаб так, что в два года перестал ходить и мог только ползать. Матери разрешили в цеху отпуск на два дня по уходу за ослабевшим сыном. Добросердечная соседка по дому тетя Настя Селезнева ежедневно давала стакан козьего молока, пока сын не встал снова на ноги.

Вместе с нами жила мамина сестра Кошелькова Полина Петровна. Она была на два года старше матери, но своей семьи у нее не было, и все мы считали ее членом нашей семьи. Она тоже работала на заводе. Все тяжелые военные и послевоенные годы она помогала нам выжить. За многолетний и добросовестный труд она была награждена Орденами Ленина, Трудового Красного знамени и многими медалями. Еще с нами жила бабушка Катя. Когда мы оставались дома одни, и гудела сирена (сигнал о налете бомбардировщиков на завод), она вводила нас в бомбоубежище. Умерла бабушка Катя в 1945 г.

В самое голодное, тяжелое военное время, когда было совсем нечего есть, женщины города ходили по деревням, чтобы обменять там какие-то свои вещи на продукты. В один из таких походов наша мать чуть не погибла. Это была зима, глубокий снег и холод. Свои нехитрые вещички везла на санках и так сильно устала, что присела на них и стала замерзать и засыпать. Очнувшись она от ясно слышавшегося ей плача сына, и это ее спасло. Очнувшись, она увидела, что не дошла всего 100 м до домов деревни Выпуково.

Но время шло, война подходила к концу. У людей появилась надежда на лучшую жизнь. Все страдания и горе людей оставались позади. Отец демобилизовался в 1948 г. в звании старшего лейтенанта и сразу пошел работать на родной завод. Жилось трудно, но интересно. В семье родились еще два сына. Старшие учились в школе, помогали родителям растить младших братьев. Родители с детства приучали детей к труду. Все принимали посильное участие в выращивании картофеля на огороде. Постепенно жизнь налаживалась. Все дети в семье закончили Краснозаводскую школу №7. Каждый из нас в свое время отслужил в армии. Несмотря на все трудности жизни, родители помогли всем сыновьям получить хорошее образование. Трое старших получили

высшее, младший — средне-техническое. А вот съездить отдохнуть и подлечиться у Черного моря родителям так и не удалось. Отец трагически ушел из жизни в 83 года. Чудом уцелел во время войны, погиб от рук пьяного водителя, въехавшего на тротуар. Мать ушла из жизни в 93 года. Она мужественно несколько последних лет боролась с недугами. К этому времени кроме сыновей, снох у нее были еще 7 внуков и внучек, 10 правнуков и правнучек. И мать и отец никогда не жаловались на прошлые трудности жизни. Они просто радовались настоящему.

Теперь немного о детях. Первый сын Ким родился в 1938 г. После окончания школы пошел работать токарем на завод. Затем служба в армии, где пришлось участвовать в ликвидации последствий ядерной аварии на предприятии «Маяк». После армии снова работал на заводе. Перешел работать в Ниихиммаш на Новостройку (Сегодня г. Пересвет), где без отрыва от производства закончил МВТУ им. Баумана. Через несколько лет, после появления семьи, переехал жить и работать в г. Черноголовка. Более 40 лет работал там в академическом институте химической физики, основателем и директором которого был Нобелевский лауреат – Николай Николаевич Семенов. Второй сын Михаил родился в 1940 г. После школы окончил Краснозаводский техникум. Затем служил в армии. После армии закончил институт МИХМ, вернулся в Краснозаводск и поступил работать на завод. На заводе прошел путь от мастера участка до заместителя директора завода. Проявил себя прекрасным организатором и хозяйственником. Он много сделал как для завода, так и для города. Люди, работавшие с ним, до сих пор относятся к нему с большим уважением. Третий сын Борис родился в 1948 г. После учебы в школе, закончил Краснозаводский техникум. Служил в армии, потом работал на заводе и одновременно учился в приборостроительном институте. Перешел работать в Ниихиммаш. Четвертый сын Анатолий родился в 1952 г. После учебы в школе закончил Краснозаводский техникум и пошел работать на завод. Потом перешел работать в городские службы. И все жены сыновей тоже работали на заводе.

Все мы с большим уважением и любовью относимся к нашим родителям и другим старшим членам семьи. Бережно храним память о них. Эти же чувства стараемся привить и нашему младшему поколению.

Все прошедшее и хорошее, и плохое мы бережно храним в нашей памяти. Это наше прошлое. Недаром говорится, что «у кого нет прошлого, нет и будущего».

Камышников Александр Андреевич

Родился я на самом юге Тамбовской области. Степь. Семья у нас большая, 9 братьев и сестёр, кроме папы, мамы и бабушки. Началась Великая Отечественная война. Отца сразу же забрали на фронт. Дома остались мама, бабушка и 4 брата, старшему было 8 лет, младшему – 1 год. Отец из своей части попал в окружение, плен. Освободился, реабилитировали. В конце 1944 года вернулся домой по ранению.

У нас все работали в семье. Старшие братья учились и помогали родителям. Отец летом пас овец, а зимой был старшим по уходу за ними и был ночным сторожем. Старший брат Константин рассказывал: «Иногда подменял отца «в ночную». Ночью овцы ведут себя тихо, но иногда шаркались по помещению. Утром считает, не хватает одной головы и так не один раз. Перед смертью виновник кражи признался. У него была кличка «Грабина».

Я, как себя помню, помогал в работе и по хозяйству. Приходилось пасти овец целыми днями, потом коров, потом лошадей. Отец в 1958 году строил новый дом, братья и сёстры учились и работали.

Сегодня осталось три брата и три сестры. Старший брат Константин, 1938 года рождения, ушёл в армию, попал в высшее военное училище имени Верховного Совета СССР. Закончил, служил в разных военных округах. Затем поступил на высшие военные курсы. Окончив курсы с красным дипломом, был направлен в город Ленинград преподавателем политэкономии в высшее военное училище. В настоящее время находится на пенсии в чине полковника.

Я и брат Вячеслав пошли по ветеринарной части. Вячеслав закончил Московскую ветеринарную академию, а я – Саратовский зооинститут. Родителей похоронили, братья и сёстры разъехались по всей стране.

До сих пор в моей памяти встают трудные послевоенные годы, тяжелый труд моих родителей.

Кириллов Николай Васильевич

Военное детство

Я родился 26 мая 1933 г. в деревне Гусарниково Петровского района Ярославской области.

Наша семья – отец Кириллов Василий Арсентьевич, мать Кириллова Евдокия Ильинична, младший брат Евгений и я. Родители работали в колхозе «14-ый Октябрь» в деревне Гусарниково.

Колхозники, в том числе и мои родители, сеяли зерновые, выращивали горох и овощи – морковь, свеклу, брюкву, турнепс, цикорий. Серпами жали рожь, пшеницу, овес. Убирали снопы в копны и скирды. Молотилку привозили из Петровской МТС, подсоединяли ремненным приводом к мельничному колесу. Молотили всю осень до снега. Еще молотили на гумне у риги вручную цепями. Практически все дети колхоза помогали взрослым в этой работе.

Отец работал на разных работах в бригаде Кабешова А.В: пахал, возил навоз, дрова, плотником строил лабазы для хранения картошки, рубил дом мельнику Шашкину. Два лета отец пас колхозное стадо совместно со скотиной колхозников. Подпаском у него был Муравьев Митя.

До войны все жители деревни трудились в колхозе за «пустые трудодни», кроме того, в колхозах страны существовал принудительный закон, запрещающий выдавать паспорта колхозникам. До войны и после многие жители деревень бросали земельные участки (50 соток), а некоторые перевозили дома в город. Так из деревни Гусарниково было перевезено 5 домов на окраину районного города Петровск.

Семью надо содержать, —детей в школу готовить, одевать, кормить, учебники и тетради покупать. Отец едет в Москву, устраивается с помощью дальних родственников Барашковых на работу грузчиком развозить почту. Проработав год, приехал домой с зарплатой, продуктами, с подарками детям.

Начало войны запомнилось мне на всю жизнь бомбежками железнодорожных станций Петровск и Сильницы, зловещим воем самолётов и падающих бомб, страшными взрывами железнодорожных цистерн с огромным пламенем и чёрным дымом.

Отец, Кириллов В.А., и его близкие друзья, Барашков А.А., Барашков И.А., Ломов А.И., Репин А.Н. добровольцами ушли на фронт. Все они погибли в 1941 году. Папа погиб в Керченском проливе во время бомбежки немцами нашего военно-морского транспорта.

С фронта приходили похоронки жёнам. Жёны продолжали ждать и верить, что мужья живы. Такой случай произошел с Матвеевой Верой Дмитриевной, которая получила похоронку на мужа, а он вернулся домой живым. На радостях Вера Дмитриевна поехала в Ростов в парикмахерскую, где сделала завивку волос, возвращаясь домой на попутной грузовой машине, застудила голову и заболела. Таких случаев было не единицы. Про таких женщин стих сложили.

В деревню Гусарниково периодически в дом Ломовой Аксиньи приходила гадалка и всегда врала вдовам, у которых погибли мужья и впроголодь жили в каждом доме по двое, трое и четверо детей. Она на картах и на словах убеждала, что муж жив, лечится в казённом доме и скоро вернется домой. Вдовы, в том числе моя мама, ей приносили куски мяса, яиц, картошки, последний кусок хлеба от голодных детей. Я пытался объяснить маме, что гадалка врёт ей и другим вдовам, но убедить не мог. Решил лгунью вывести на «чистую воду». Провел секретную операцию с Репиным Иваном. Когда вновь появилась гадалка, Иван, в присутствии вдов, задал ей вопрос: «Кто украл хромовые сапоги у Фаины с подошника боковой избушки Аксиньи Ломовой». (Мы с Иваном сапоги спрятали в штабель снегозащитных щитов). На этот раз гадалка ушла без мяса, яиц, хлеба и больше не появлялась, а вдовы убедились, что она лгунья.

В военное время и после люди не доедали. В Петровске был крахмально-паточный завод, на котором из картошки получали крахмал, а выжимку сбрасывали в яму у реки. Иногда в этой выжимке находили слой крахмала, Многие жители деревень: Гусарниково, Щипачево, Маурино и др. на санках возили эту выжимку для приготовления блинов. Их ели с молоком. Коровы были почти в каждой семье. Это спасало нас от голода. Хлеба почти ни у кого не было.

Встреча

Со скаткою шинельною
Отец пришел домой.
Такой
Насквозь простреленный,
Измученный хромой,
Контуженный, простуженный,
Ни дать ни взять – мертвец!
Готовились мы к ужину,
Когда пришел отец,
– Ну что, возьмёте
Золотце?
Спросил он со смешком,-
– Не золотце, а молодца?!
-Тогда ведите в дом!
Мать в кофточке с заплатами
Застыла пред отцом,
Она его оплакала
Ещё в сорок втором,
Потом –
В сорок четвертом...
Не ждали мы чудес,
И вдруг отец из мёртвых
Воистину воскрес.

Минутное смятение
В распахнутом дому...
Прошло оцепенение –
И бросились к нему.
Уткнулись в грудь солдатскую:
– Любимый наш, родной!
Прошел сквозь муку адскую,
Пришел домой живой!
А я вдруг неожиданно
Взлетел под потолок.
– Какой ты, право, жиденький,
Лёгонький сынок.
Теперь, дружище, новая –
Такая жизнь пойдёт!
Была бы кость здоровая,
А мясо нарастёт...
Как скатерть – самобранку
Раскрыл он вещмешок,
Тушёную баранину
Оттуда он извлек,
Подал краюху хлеба мне:
– Держи, сынок – тебе!
И краше пира не было
С тех пор в моей судьбе.

Мне пришла мысль завести собаку. На Петровском рынке я поймал собаку и приручил к дому. Очень она была умная, и нюх позволял ей быстро находить мышей и вытаскивать из нор. Перед войной папа купил маме ручную швейную машинку. Мама перешивала и шила платья, куртки, штаны, шапки не только себе, но и жителям деревни. Когда в дом приходил заказчик с узлом тряпья, собака его пропускала, а при выносе шитья её приходилось держать. Собаку я не привязывал, она далеко не убегала. Однажды она подарила нам счастливый день. Неизвестно где-то нашла и притащила буханку свежего черного хлеба. У нас в доме, можно считать, праздник. Мы досыта наелись хлеба с молоком. Но вскоре объявился хозяин собаки, который с радостью увел её на станцию Сильницы, а я ревел горькими слезами.

Вспоминая школьные годы, одноклассников помню единицы, а учителей помню всех. Вспоминаю с особым чувством благодарности во время учебы в Гусарниковской начальной школе Кашину Александру Дмитриевну. В Хмельниковской неполной средней школе – Марию Павловну Верину, в Петровской средней школе – Екатерину Николаевну Красавину. Это преподаватели с большой буквы. Они дали мне настоящую путёвку в жизнь, убедили в необходимости учёбы, дали знания не зубрёжкой, а пониманием сущности предмета, заставили поверить в свои силы, научили быть справедливым.

Надо было идти в школу в первый класс, а у меня на голове рыжие волосы. Я очень стеснялся из-за этого, спрятался в подполе и просидел весь день. В школу пошел на следующий год. Первыми моими учителями в Гусарников-

ской начальной школе были Кашина Александра Дмитриевна и Барашкова Варвара Васильевна.

В четвертом классе я сидел за одной партой с Вьютовым Володей. Мы быстро справились с решением задач и начали отвлекаться. Александра Дмитриевна заметила это, подошла к нам, похвалила за решение и предложила дополнительно следующие задачи. Мы их решили, но получили еще и еще. С этого момента мы с Володей стали передовиками в классе по математике и добрыми друзьями на всю жизнь. Володя Вьютов приехал в д. Гусарниково вместе с мамой, бабушкой, старшей сестрой и двумя братьями. Их семья в 1941 г. эвакуировалась из Смоленской области.

Когда я учился в Хмельниковской неполной средней школе, на перемене мы играли в снежки. Школа была деревянной, одноэтажной. Отапливалась дровами кирпичной печью с трубой. Ребята на перемене выбежали на улицу и стали кидать снежки в трубу. На фасаде школы висел портрет И.В. Сталина в застеклённой рамке. Я случайно твёрдым комком попал в портрет и разбил стекло на глазах ребят и директора Сильницкого гравийного карьера Брауна (немца по национальности). Директор школы Корнев Алексей Николаевич, узнав об этом, побелел в лице, хотел сообщить в милицию Петровского района.

МВД в это время возглавлял Берия Л.П. Подобный случай произошел в деревне Жуклино Владимирской обл., где жил мой дедушка. В клубе разодрались взрослые ребята короткими кнутами. Гусев А.А. случайно ударил в портрет И.В. Сталина. Директор клуба заявил в милицию. Гусев был осуждён на 3 года по 58-ой статье, как враг народа.

Мне повезло. Браун пришел в учительский кабинет к директору школы и убедил его не заявлять в милицию, потому что ребенок случайно попал в портрет. Разбор в милиции может привести к аресту ученика или его матери. Алексей Николаевич по совету Брауна не стал заявлять в милицию. В моей памяти на всю жизнь остались справедливые действия Брауна.

С большим чувством благодарности я вспоминаю учителя «от бога» Красавину Екатерину Николаевну. Она преподавала химию в Петровской школе. Ученики её любили, уважали и очень боялись. На её уроках все были очень дисциплинированы. Она двоек не ставила, а давала дополнительно задание, обязательно на следующий день спрашивала у доски. Её ученики, которые сдавали приёмные экзамены в ВУЗы, практически все получали отличную оценку, в том числе и я. Екатерине Николаевне было заслуженно присвоено звание лучшего учителя СССР.

Военные и послевоенные школьные годы – это школа трудового воспитания. Я научился косить и отбивать косу. В каникулы после 5 и 6 классов я косил в колхозной бригаде за маму, выполняя норму колхозника. В 7-ом и 8-ом классе летом работал в Петровской МТС молотобойцем, а брат Евгений работал помощником тракториста на тракторе ХТЗ.

Детство кончилось после 9 класса, призван был служить в Военно-морской флот. После демобилизации вся моя жизнь связана с железнодорожным транспортом. Заочно закончил десятилетку, Всесоюзный заочный институт транспорта. 35 лет проработал начальником поезда «Москва-Пекин».

В 1961 г., по инициативе Бурова Николая Александровича, в деревне Гусар-

никово односельчанами на свои средства сооружен памятник в честь 33-х односельчан, погибших на полях войны. Ежегодно в день Победы у памятника встречаются жёны, дети, внуки, правнуки участников войны, родные, близкие. Я постоянный участник торжественных мероприятий с друзьями детства у памятника, на котором увековечено имя моего отца.

Кириллова Елена Сергеевна

Мой прадед, Кириллов Сергей Андреевич, родился в 1908 году в селе Бужаниново Сергиевского уезда Московской губернии. Начал свою трудовую деятельность с 1924 года с должности сторожа леспромхоза, быстро шел, как сейчас принято говорить, по карьерной лестнице, и уже в 1940 году работал заведующим Горфинотдела г. Краснозаводска Загорского района Московской области. Был очень обра-

зованным, начитанным, обладал уникальной памятью. Всю свою сознательную жизнь учился и развивался. Его любознательность и жажда познания не имела границ.

За свою жизнь прошел две войны. В 1932 г. он был взят в кадровую армию РККА. В сентябре 1939 года отправлен на войну с Польшей за освобождение Западной Белоруссии и Западной Украины.

Участник Великой Отечественной войны. После окончания войны написал свои воспоминания.

«22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война с фашистской Германией. Инспекторов по налогам и бюджету в первые же дни взяли на фронт. Мне дали бронь. В сентябре 1941 года меня зачислили в истребительный батальон г. Краснозаводска. Днем на работе, ночь в расположение казармы истреб. батальона. 16 октября 1941 года немецкими шпионами была спровоцирована паника населения, в Краснозаводске растащили весь запас муки на хлебозаводе, в Загорске разбили водочный магазин. На другой день нашему батальону поставили задачу: собрать всю муку обратно на хлебозавод, что и было выполнено с помощью местных рабочих, которые показывали, кто взял муку. И снова заработал хлебозавод. В ноябре 1941 года наш истребительный батальон объединили с Загорским, перевели всех на казарменное положение и расположили в помещении института игрушки. Обмундировали: шинели, телогрейки и даже маскировочные халаты, выдали винтовки СВТ и 500 штук патронов у каждого в вещь-мешке. Половина батальона патрулировала в городе, вторая половина дежурила в блиндажах за городом. Немец находился в г. Дмитрове от нас всего в 40 километрах. В конце ноября месяца половину нашего ба-

тальяна отправили в тыл к немцу в район г. Нарофоминска. Перейти реку Нару нашим не удалось, немец заметил, обстрелял и все вернулись, за исключением двух раненых, оставленных в госпитале в Москве. В ноябре месяце в Загорске, Хотьково, Софрино выгрузились сибирские кадровые дивизии и своим ходом были направлены в сторону Дмитрова, т.е. на Калининский фронт.

6-го декабря 1941 года начался разгром немецких войск под Москвой. За первые же дни немца отогнали за несколько сот километров от Москвы. В декабре 1941 года наш батальон расформировали, некоторых товарищей послали на фронт, других оставили на своих работах, я вернулся на свою работу. Весь 1942 год я был бронирован на своей работе. В феврале 1943 года броня была снята, и я через Мособлвоенкомат был направлен в г. Алатырь Чувашской ССР на курсы военных политруков (в 1941 г. в г. Краснозаводске я был принят в члены ВКПБ).

Курсы политсостава были 4-хмесячные. Проучился я в школе политсостава 3 месяца, а 27 мая 1943 года был приказ т. Сталина политсостав ликвидировать, ввести единовременно, а поэтому нашу школу всю целиком направили в г. Арзамас в пулеметно-минометную школу офицеров.

Школа офицеров тоже была рассчитана на 4 месяца. Сдали зачеты: за отделение, за взвод, начали сдавать зачеты за роту. Приехал командующий военного московского округа генерал-полковник Щербаков и объявил: «Зачеты будем сдавать или в Курске, или в Орле».

Эшелон курсантов, без 5-ти минут офицеры, прибыл в Москву. Наши два пульмана отцепили в Москве и направили в школу имени Верховного Совета РСФСР в Лефортово.

Нас распожили в казарме в Лефортово, которая занимала целый квартал. Внутри двора – маршировки «выше ногу», на тактические занятия ходили за город за 15 километров. Комиссия, вызов по одному: «Кто желает остаться в школе?» Я отказался наотрез: «В школе не останусь, пойду на фронт». Из 190 человек желающих нашлось не более 20 человек. На другой день, кто не пожелал остаться в школе, были отправлены в г. Горький в маршевую роту. Мы были офицерами двух незаконченных офицерских школ. Звание мое было старший сержант. Поставили сразу пом. ком. взвода, и в моем подчинении оказались 60 человек бойцов. Были у меня во взводе люди разные: бывшие фронтовики, награжденные, и были такие, которые не имели понятия о винтовке. Мне был дан приказ: «За две-три недели твои подчиненные должны освоить винтовку и стрелять». Так было на самом деле. Через 15-20 дней отправляется маршевая рота на фронт. С октября по февраль 1943 года я отправил на фронт не одну сотню своих воспитанников.

Питание было плохое, недоедали, за каждую булочку, которую приносили спекулянты, мы платили по 30 рублей, которая стоила после войны 1 рубль. Все люди, в том числе и я, просились на фронт. Долгожданный день настал и для меня. 12 февраля 1944 года я попал в маршевую роту и попал во вторую танковую армию 1-й мех. корпус в 57-й отдельный разведбатальон. Командир корпуса т. Кривошеин С.М., комбат т. Писаренко. Приехали в г. Павлоград Днепропетровской области. Павлоград весь разбит. Знакомство с генералом и офицерами. Недели через две генерал т. Кривошеин С.М. на плацу, т.е. в поле, выстроил весь наш корпус для знакомства с личным составом. Сначала ото-

брал людей, воевавших в прошлую Германскую войну, и всем присвоил звание, если солдат – ефрейтора, если сержант – старшего сержанта и т.д. Показал, как нужно не бояться самолетов и танков. Должен сказать, что в батальон разведки отбирали самых грамотных людей и с большей партийной, комсомольской прослойкой. Офицеров было в батальоне недостаточно, а их нужно водить на задание, знать карту, знать компас и мне дали 3-й взвод 2-й роты. Сразу, как только ознакомился с батальоном, я на партсобрании был избран парторгом 2-й роты. В роте было четыре коммуниста и четверо кандидатов партии, время было перед наступлением. Кандидаты в члены партии были приняты в члены ВКПБ, и человек 8 было принято в кандидаты партии из числа комсомольцев.

Корпус был силен и технически, и морально-политическим воспитанием. Командиром 2-й роты был у нас старший лейтенант Маликов, сибиряк, примерно с 1920-1922 года рождения, молодой, но отчаянный парень. Командиром 1-й мотоциклетной роты был старший лейтенант Майданник, примерно тоже с 1922 года рождения. Из рассказов наших ветеранов разведбатальона первый техкорпус формировался в г. Петушках Владимирской области. Командовавший корпусом генерал-лейтенант тов. Соломатин О.Н. подорвался на mine, и корпус принял генерал-лейтенант тов. Кривошеин С.М. Это был бесстрашный генерал, он все время был впереди с нашим разведбатальоном. Слава генерала Соломатина долго после его ухода из корпуса существовала. Наш батальон немцы называли «головорезами-соломатинцами». А почему называли так? На Днепре наши войска, вернее передовые разведчики, сидели на обрыве Днепра наверху, а немцы ниже к воде и не было ночи, чтобы наши разведчики не прищипали «языка» или не зарезали немца.

В апреле 1944 года нас из Павлограда перевели в летние лагеря в лес около деревни Новотроицк. По рассказам местных жителей из деревни было угнано в фашистскую Германию около 700 человек только одной молодежи. Весна, вся деревня в белом цвете садов. Насколько она была красива в мирное время! Надо сказать, насколько хорош наш украинский народ. Мы стояли в доме вдовы, ее сын был на фронте. Хлеба им немец не давал, они жили на одной свекле. Мы ей принесли мешок кукурузы. Она целую неделю кормила нас варениками. 12 июня 1944 года нас погрузили в эшелон. Поехали на фронт. Наша задача была взять Гомель. Мы пошли в наступление 14 июня 1944 года на город Гомель. После шестичасовой арт. подготовки Гомель мы взяли».

Кириллова Наталья Анатольевна

Посвящается 2-ому Московскому пулеметному училищу

Я хочу написать рассказ курсанта, выпускника второго Московского пулеметного училища, один из многих примеров мужества, героизма и преданности Родине.

Нам не хватит слов, да и нет таких слов благодарности, которые мы обязаны сказать людям, защитившим нашу Родину, в знак признательности и уважения за Великую Победу. Наши деды и прадеды, люди всех наций и народностей, не жалея своей жизни, долгие четыре года вели упорную борьбу с захватчиками на фронте и в тылу, их объединяла единственная цель – выстоять и победить и они завоевали для нас право жить под мирным небом. А потом, после Великой

Победы, перенося тяжкие испытания, голод и холод, восстанавливали страну из руин за себя и за того парня, который не вернулся с войны.

Без той Победы 9 мая 1945 года не было бы сегодняшней Великой страны – России. Их подвиг является примером для ныне живущего поколения. Вечная слава и память павшим в борьбе с фашизмом! А всем нам никогда не забывать, какой ценой было завоевано наше счастье!

Абаев Георгий Филиппович

«Шутя училище называли «инкубатором», а курсантов «инкубаторными». В училище получали навыки и закалку в военном деле. Изучали основные азы будущего офицера. Хорошо стали представлять тактику и поведение на войне. Изучать предметы было трудно, много было сведений и только военного характера. Учеба проходила по 12 часов в день без выходных. Дополнительно по 8-10 часов в неделю проводили ночную тактику – ведение ночного боя, плюс 2 часа ежедневно самоподготовки. Всегда хотелось спать, есть, хотя в училище достаточно жирно по тому времени, в сравнении с тыловыми частями, но казалось мало. Многие курсанты, не выдержав нагрузки, просились на фронт.

Поэтому, на политинформациях этих товарищей часто склоняли и разъясняли о цели такой подготовки. Поскольку училище пулеметное, большое внимание уделялось пулеметам. Изучали наши и немецкие пулеметы, стрелковое оружие. На огневые и тактические занятия пулеметы несли только на плечах, а станок «максима» весит 34 кг. Спину и плечи так надавливало, что у всех они кровоточили. Все ждали привала или конечного пути. Расстояние от училища до учебного поля было около 2-х км по бульажной мостовой и через вонючее болото по гати. Многие натирали ноги, отчего хромали, отставали от строя, но на это поблажек не давали, наоборот, только ругали за неумение намотки портянок. В училище много времени уделялось на политподготовку, где у нас поднимали дух, воодушевляли на подвиги, учили преданности Родине, выносливости к тяготам. Учились с большим энтузиазмом, зная термин знаменитого полководца старины: «Тяжело в учебе – легко в бою». Принимали этот военно-учебный термин за основу основ, что курсантов значительно воодушевляло. А какое было состояние, когда возвращались с учебного похода? Преодолевая водные и горные преграды с марш-бросками, ноги совершенно не держали, просто валились с ног. Но километра два не доходя до училища встречали нас духовым оркестром, как заиграет марш, откуда и сила бралась, ноги сами пошли, строй выровнялся.

Программа в основном была закончена. В полночь подняли всех по тревоге, выстроили, прочитали приказ Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина: «Всё училище – на фронт». Это было в первых числах августа.

Прощай 2 Московское пулеметное училище!

Прибыли в район г. Мценска. После нескольких часов пешего хода прибыли на огромную площадь, груды обожженного камня и кирпича со стоящими остовами домов, невидящими провалившимися глазами просят от нас пощады и

спасения. Вот так вчерашние курсанты встретили следы войны и ужасы своими глазами. Было слышно, где-то близко шел сильный бой, кругом все грохотало, сказали, что идет бой за Орел. Бой, то чуть затихал, то снова беспрерывно клокотал. Продвигались мы медленно, поднимаясь и вновь залегая под непрерывным оружейно-пулеметным огнем. Многие курсанты так и не успели получить полевых погон – погибли в курсантских за освобождение Орла. Кроме стрелкового оружия по нам стреляли из орудий и минометов. Понять было нельзя, кто стреляет и откуда, кругом грохотало, рвалось, и вся земля кипела огнем.

Преследуя бегущих немцев, мы тоже решили незаметно подняться на высоту, но к нашему удивлению там немцев не оказалось, хотя по всей высоте проходили усовершенствованные траншеи с перекрытиями, добротные блиндажи. Заняли высоту и к нам еще присоединилось человек 8-10 стрелков, догнавших нас. Протянули между собой кусочки кабеля, установили сигналы, условились без команды не отходить, держаться до подхода наших сил, чаще дергать проводом друг друга. Ночью не спать. Со стороны противника каких-либо активных действий не наблюдалось, но эта тишь настораживала. Мы догадывались о подготовке немцев к контратаке. И мы готовились тоже, дозаряжали диски, проверяли гранаты, наличие боеприпасов и тщательно наблюдали. Ждать нас долго не заставили. Вначале появились одиночные выстрелы. Немцы с силой пошли в контратаку, которая была нами отражена. Чувствуя нашу малочисленность, немцы решили нас уничтожить и занять расположенную за нами высоту. К вечеру подтянули минометы и начали обстрел. Ночью дежурили посменно, но учитывая серьезность обстановки, спать никто не отважился. С наступлением темноты не курили, хотя в такой обстановке курящему без курева просто невыносимо. На рассвете вновь заработали минометы, и пошли «фрицы» в контратаку уже с большим числом пехоты. Мною была дана команда: «Огонь вести только прицельный, короткими очередями, подпускать, как можно ближе до уверенного автоматического огня». Все команду выполняли четко, подпускали насколько хватит нервов. Стреляли мы почти в упор, но не отходили, боеприпасы были на исходе, проигрыш наш был явным, вот-вот на головы прыгнут. Говорят, чудес не бывает, на сей раз – наяву. Вдруг все немцы, как по команде, поворачивают обратно и сколько есть сил бегут, нам осталось жару поддать. Когда повернул голову назад, увидел нашу наступающую цепь за нами. Это шла рота из соседнего полка нам на помощь. Чуть задержись – быть нам на том свете.

Нас стали обнимать, хлопать по плечу, говоря: «Вот какие вы молодцы, славяне!» Так из наших глаз покатились скупая мужская слеза. Да, именно так воспринимается дружба и радость от совсем незнакомых славян, но самых родных и близких. Дали нам по куску хлеба, по самокрутке махорки, указали, как добраться до ближайшей части. Но мы, изможденные контратаками, рытвем окопов, без сна проведенными ночами, высшим напряжением нервной системы с большим трудом могли передвигаться. Нас в части накормили, напоили. Командир полка записал наши данные, указали куда кому идти. Позже получил медаль «За Боевые заслуги».

Выражаю искреннюю благодарность сотрудникам музея «Набат памяти» г. Можги, куда было эвакуировано 2-е Московское пулеметное училище в годы войны, за предоставленное воспоминание курсанта училища Абаева Г.Ф.

Клеймёнова Пелагея Андреевна

Клеймёнова Пелагея Андреевна родилась 14 октября 1930 года в селе Семёно-Александровка Бобровского района Воронежской области.

Когда началась Великая Отечественная война, ей было всего 10 лет. Вспоминая о военном детстве, на глазах слёзы, так трудно жили, что и вспоминать трудно до сих пор. «О том, что началась война, – вспоминает Пелагея Андреевна, – в деревне узнали из сообщения по радио». Люди сходились к дому учителя, у которого было радио, и внимательно слушали каждое сообщение диктора.

– Отца не сразу призвали на войну, – рассказывает Пелагея Андреевна, – только на пятый день. Помню, мама была на работе, а я с отцом на огороде тяпала картошку. Может он уже знал о повестке, этого я не знаю. Помню, только очень грустным был. С работы пришла мама и стали отца собирать в дорогу. Вечером всех призывников собирали возле сельского совета. Моей младшей сестрёнке было всего три года. Она думала, что родители собираются в гости, просилась с ними, долго плакала, но нас оставили дома. От сельского совета на машинах всех повезли в город Бобров. Пять дней отец находился в этом городе, пока не сформировали военный эшелон. Мама и бабушка каждый день ходили навещать отца. Однажды, придя навестить его, фотограф сфотографировал их. Эта фотография сохранилась до сих пор.

В день отбытия эшелона на фронт я с деревенскими женщинами, по просьбе мамы, отнесла отцу узелок с едой. На перроне при прощании отец мне наказывал передать его слова матери: «Война кончится быстро, а если до зимы я не вернусь, то на дрова пилите яблони, не жалейте. Потом посадим новые».

Эшелон ушёл на фронт. Пелагея Андреевна последний раз в жизни видела отца. В 1943 году семья получила на него похоронку. Погиб её отец в боях под Сталинградом.

Десятилетняя девочка, проводив отца, с разбитыми ногами и измученная дальней дорогой возвращалась домой. Начиналось трудное военное детство.

Матери работали, не покладая рук: обрабатывали вручную колхозные поля, косили траву, сушили её, жали руками хлеба. Поздно вечером возвращались домой, но на отдых не было времени, надо накосить для коровы, обработать огород и т.д.

Пелагея Андреевна вспоминает: «Помогала матери, чем могла. Жить было трудно, еды не хватало, да и есть было совсем нечего. Муки не было, пекли хлеб из картошки. Несколько испечённых пирогов каждый раз откладывали, чтобы можно было продать их на железнодорожной станции. Однажды у меня и моей подружки наши пироги украли солдаты. Мы так плакали, просили, чтобы, хоть вернули мешочек из-под пирогов. Мешочек был чужой, а сшить было не из чего.

Один солдат подбежал и вернул нам пустой мешочек». Тяжело люди жили – голодали.

Помню, ранней весной ходили за желудями. Листья руками разгрёбёшь, вот они, желуды. Набирали их много. Дома мыли, сушили. Затем их мололи, просеивали и получалась мука. Из этой муки пекли лепёшки, от которых даже зубы чернели и на желудке было нехорошо. Радовались, когда вырастал подорожник. Его аккуратно срезали лопатой, сушили и пекли из него зелёные лепёшки. Ели всё, что росло под ногами. Однажды немецкий самолет бомбил деревню. Спасло деревню от пожара только то, что ни одна бомба не попала в дома. Деревня большая и каждый дом покрыт был соломой. Загорись один дом, то сторела бы вся деревня.

Дети без дела не сидели. У каждого были свои обязанности по дому и в поле. Женщины на быках пахали поля, а дети бороновали их на коровах.

Боронуешь целый день на своей домашней корове, к вечеру корова уставшая, измороженная пощиплет немного травы, где там было набраться молока, после трудового дня больше литра молока не давала, – вспоминает Пелагея Андреевна.

Овец в колхозе тоже держали и сдавали шерсть фронту. Всё было. Вспоминать трудно. А закончилась война, стали мужчины в семье возвращаться. А мы с мамой в день Победы плакали. Ждать с войны было некого. Последнее письмо от отца долго хранили.

Пелагея Андреевна окончила шесть классов. В седьмой не пошла, ведь надо было помогать матери. Работала в колхозе, выращивала на полях сахарную свеклу. Участок дали большой, но с работой справлялась.

Долго после войны ещё в стране царили голод и разруха. Надо было после войны всю страну восстанавливать. Тяжело, даже вспоминать не хочется.

В конце 90-х годов переехала с семьёй в деревню Кузьмино Сергиево-Посадского района Московской области, поближе к своим дочерям.

Автор: Губанов Константин ученик 8 класса МБОУ «Кузьминская ООШ»

Ключникова Галина Николаевна

Начало оккупации

За несколько дней до начала войны маме и младшему брату Мише повезло – им удалось купить почти пуд соли. Соль им была просто необходима. Семья выживала только тем, что выращивала на огороде и продавала. Основной статьёй дохода были огурцы. Летом – свежие с пупырышками, а зимой – солёные.

С трудом дотащили они соль до дома. Нести пришлось от самого центра города до окраины. Их дом был среди тех, которые первыми встречали путников со стороны г. Орла. Первыми они встретил и отступающую Красную Армию. Бойцам несли всё, кто, что мог. Кто нёс

молоко, кто хлеб, кто овощи. Мама угощала бойцов огурцами.

– Хозяюшка, а солёцы нет?

Мама отдала им всю соль. Была война, и все желали Победы.

А на следующий день мимо потянулись немецкие колонны. Они шли почти, не останавливаясь и жители, спрятавшись, кто в доме, кто в сарае, кто в огороде, с опаской посматривали на нескончаемый поток людей и техники. Одна колонна неожиданно остановилась. Мама с сестрой Ниной, которой было 18 лет, притаившись в кустах смородины, затаили дыхание. Немцы остановились покушать. Они брали воду из колодца, умывались, громко кричали на своём языке, заходили во дворы.

– Панинки! Где панинки? – на ломаном русском спрашивали два фашиста соседа-старика.

Дед растерялся и молчал.

– Панинки! – требовательно прокричал один немец и направил автомат на старика.

– Там, там панинки, – в панике закричал дед, показывая рукой на мамин дом.

Немцы направились к дому. Вошли в сенцы. Дома была только лежащая больная бабушка. Как только немцы вошли в дом, мама с сестрой бросились бежать огородами подальше от них. Сердце выскакивало из груди. Через два огорода они забежали в дом к дальнему родственнику, деду Василию, который давно жил один и жалел сирот Серковых (это мамина фамилия).

– Спрячь нас, нас немцы ищут.

Василий, не раздумывая, велел ложиться на печку и прикрыл их перинами. Печь была большая и широкая, кирпичи горячими, видно дед недавно протопил её. А немцы, не обнаружив девушек дома, шли по их следу. Они скоро вошли в дом Василия.

– Где панинки?

– Нету! Один я живу, давно один, -бормотал дед, -сами смотрите.

Понимали ли немцы, что говорит им этот русский или нет, но они стали обыскивать дом, тыкая дулом автомата в ворох одежды, в постель и в перину на печи. Дважды дуло больно ударило маму в бедро, но она, зажав руками рот и почти теряя сознание от страха, от жара печи и от боли, молчала.

На улице раздался какой-то звук немцы, погрозив хозяину автоматом, вышли. Дед вышел за ними. Через какое-то время он вернулся.

– Всё, девочки, вылезайте! Ушли, слава Богу!

Красные, как раки из кипятка, но живые и невредимые мама и сестра слезли с печи и поблагодарили деда Василия. Все они отлично понимали, найди их немцы, всем троим был бы конец. С тех пор они были очень осторожны и старались не попадаться немцам на глаза. А потом город занял постоянный полк, их с большой мамой выгнали в сарай, а в доме поселился какой-то немецкий офицер.

Быль

*Мне было лет восемь всего, но я помню,
Как папа привёл к нам товарища в дом.
Хоть жили мы в общем-то больше, чем скромно,
Но рады друзьям были мы за столом.*

*Но вдруг наша милая добрая мама
Мужчине тому указала на дверь!
Был холод в глазах, губы сжаты упрямо...
Отешил отец:*

-Маши, пыл свой умерь!

Мужчина, рукав свой пустой потирая

Смотрел виновато:

– Маруся прости...

С братишкой притихли мы, не понимая,

А мать прошептала:

– Егор уходи.

Ты немцам служил верным псом, полицаем!

Ты выгреб картошку из погреба всю...

Из дома в сарай с мамой нас выгоняя

На голод обрёл...Никогда не прощу!

-Маруся, вину искупил я в штрафбате,

Там руку оставил я в первом бою...

Мой трусости грех полной мерой оплачен,

И ты не терзай злобой душу свою.

Весь город сожгли, отступая, фашисты!

Погибли в огне и твой дом, и мой дом,

Солдаты пехоты, герои-танкисты...

Мы живы! Давай забывать о плохом!

Но мама ушла. Мы за ней, утешая,

Пытаясь унять её памяти боль...

Обицался ль отец с тем Егором? Не знаю!

В тот день с братом поняли жизни мы соль...

Отец ордена заслужил боевые,

А мама медали за доблестный труд.

Они, как и весь наш народ, рядовые,

За Родину жизнь попроси – отдадут!

Но только предательство, подлость и трусость

Едва ли понять смогут, или простить...

Сгорела в войне их нелегкая юность,

Учились они снова жить и любить!

Я помню всё, мама и папа!

Я помню и дядю – героя, и павших родных.

И в сердце своём в уголочке угрюмом

Храню я рассказы о днях фронтовых.

Уходят солдаты – герои, уходят

И дети войны. Память дальше нести

Нам – детям и внука! Будь каждый достоин

Их гордость, достоинство, честь обрести!

Здесь земля вставала на дыбы

Мой город из пепла восстал, посмотри!
 Пройдись по широким кварталам.
 Здесь Курско-Орловской дуги шли бои,
 Земля здесь от взрывов дрожала!
 Цеплялась за каждую сотку земли
 Танкистов отважная рота.
 И каждая пядь утопала в крови,
 Её проливала пехота.
 Фашист отступал, подрывая дома,
 Заводы, театры и храмы.
 Чернела от дыма небес синева,
 Воронки зияли, как ирамы.
 Деревья в стволах и доньне хранят
 Осколки снарядов и пули.
 А храмов глазницы глядят на меня,
 Хоть многие годы минули.
 А в том сорок третьем жестоком году,
 Оставшись без отчего дома,
 Отец в восемнадцать ушёл на войну,
 А маме – землянка, солома!
 Трудились на совесть, свободы глотнув,
 Одна, без родительской ласки,
 К грядущей победе с надеждой шагнув,
 Девчонка рабочей закваски.
 Промчались года, мой Карачев воскрес,
 Старинным был, стал – новостройка!
 Как много здесь братских могил и тех мест,
 Где бились достойно и стойко:
 С врагом и разрухою, с долей своей,
 Такою сиротской и горькой...
 Нет в мире достойней советских людей!
 Но сколько ж терпеть ещё? Сколько?

Отцу

В тифу, в бреду, в седой пыли
 Вы несгибаемые шли.
 Стук эшелонов, полустанки,
 И краткосрочные стоянки,
 И незнакомые девчонки
 Стояли, оробев, в сторонке,
 Несмело выходили в круг,
 Когда гармонь врывалась, вдруг.
 Никто не знал, в каком бою
 Отдаст он молодость свою,
 Но верил, принесёт домой
 Победу он, никто другой!

И ты принёс Победу в мае
 В свой дом и в дом своих друзей;
 Но раны долго заживали,
 И жёг металл в груди твоей.
 Да, эхо отшумевших гроз
 Нашло тебя в восьмидесятых,
 И ты ушёл, ушёл, ушёл
 В сороковые к тем солдатам.
 А слёз и горя не исплакать,
 Когда к неведавшим войны
 Стучит она, зовёт солдата –
 Отца, товарища, и брата –
 И покидают нас они!

Наградные листы

Наградные листы... Дядя мой и отец
 На войне ордена заслужили.
 Молодые совсем. Для других – образец
 И в отваге, и в храбрости были.
 В восемнадцать ушли за Отчизну свою
 Постоять, бить врага, не жалея!
 За родимый порог, за любовь, за семью,
 Чтоб домой возвратиться скорее.
 Им, двоим, повезло. До Победы дожив,
 Возвратились. Дома – пепелища!
 И, герои свои рукава засучив,
 Возвели на руинах жилища.
 Слова жизнь потекла. Жены, дети, семья...
 Мирной жизни счастливые лица.
 Раз в году, майским утром, надев ордена,
 Шли к могилам, друзьям поклониться.
 Кто на нашей земле лёг от пули врага,
 Тем, кто вечно лежит на чужбине,
 Тем, чьей кровью политы поля и луга,
 Тем, кто без вести в списках доньне.
 Кочергин Николай и Василий Серков,
 Вы – Великой Отчизны солдаты!
 Подвиг ваш не забыт. Пусть во веки веков
 О погибших рыдают закаты.
 Наградные листы... Сколько их за войну
 Командиры бойцам подписали...
 Не за эти награды, за нашу страну
 Свои жизни солдаты отдали.

18.04.16

Ветеранам

Который год встречает май Победу!
 Всё меньше собирается друзей,
 Чтоб вспомнить горький грозный сорок первый,
 Год переломный для планеты всей.
 Лез Гитлер на страну стальной лавиной.
 Ах! Сколько не проснулось в эту ночь!
 Бедой день обернулся, самой длинной.
 Ломая жизни, счастье... Годы – прочь!
 Война испытывала болью и огнём,
 Потерей крови и потерей друга...
 Любили, дорожили каждым днём,
 Лишь вырвавшись на миг из ада круга.
 Солдат Иван, не богатырь по виду,
 Хребет сломал фашисту и рога,
 Освободил Россию и Тавриду,
 И из Европы вытеснил врага.
 Вас с каждым годом меньше остаётся
 Героев, кто прошёл огонь и смерть...
 Ваш подвиг к внукам памятью вернётся
 И укрепит собой земную твердь!
 В который раз вскипят сады цветеньем,
 Вам салютуя грозovým дождём.
 Весна наполнит утро птичьим пеньем,
 С цветами в парки и сады пойдём.
 Могилам братским в пояс поклониться
 И повторить героев имена.
 И, взглядываясь нынче в ваши лица,
 «Спасибо!» – говорит вам вся страна.

Козлова Нина Пантелеевна**Прикосновение войны**

(отрывок из повести «Огоньки моего детства»)

Часто, перед сном, я просила бабушку рассказать мне что-нибудь о прошлой жизни, Так было и на этот раз.

– Да что ж тебе рассказать-то?

Бабушка задумалась, собираясь с мыслями, и начала свой неторопливый рассказ.

«После революции чего мы только не пережили: и голод видели, и холод, и разруху – всё было. Дай Бог, вам такого никогда не увидеть!»

И только стала жизнь налаживаться, как началась война. Объявили, что Гитлер напал на нас.

В деревне все только и говорят: «Война, война!»

Потом стали молодых на фронт брать. У моей сестры Ньюши Портновой мужа Сергея отправили на фронт. Сначала никто не верил, что немец до Москвы дойдёт. Думали, ну, повоюют маленько, и войне – конец.

Жатву закончили, и уж сентябрь наступил; картошку стали копать в огородах. А после, как картошку убрали, дедушка твой, Сергей Егорыч, стал в огородах, на задах, рыть убежище, на всякий случай.

Подошёл к нему сосед Иван и спрашивает:

– Чего это ты, Егорыч, копаешь?

А дедушка отвечает:

– Вот решил вырыть убежище от бомб.

– Неужто, думаешь, немец и до нас дойдёт? – опять спросил Иван.

– Да кто ж его знает, война ведь! Может, придётся схорониться.

– Чудной ты, Егорыч! Никто в деревне не копает, один ты.

– Ну что ж! Всяк по-своему живёт! – ответил дедушка и стал продолжать работу.

Через неделю убежище было готово. Это была глубокая яма, поверх которой дедушка наложил брёвен и засыпал их землёй, оставив только вход, а чтобы спускаться вниз, он сделал ступеньки.

А мы с каждым днём слышали, что война всё ближе и ближе. Уже немецкие самолёты прилетали бомбить нас. Вот тогда-то мы и спрятались в убежище. Потом стало слышно стрельбу.

Тётя Ньюша с грудным ребёнком на руках приехала к нам, в Спас, думала, что сюда немцы не придут, – наша-то деревня стоит в стороне от дороги.

И вот как-то утром, мы все сидим за столом, пьём чай. Как вдруг вбегает в избу наш русский солдат и приказывает:

– Все быстрее уходите из дома! Здесь сейчас всё будет гореть!

Мы выскочили в чём были. Ничего даже взять с собой не успели. Только машинку швейную «Зингер» да старые часы. Вон они и сейчас на стене висят.

Выбежали на улицу, а кругом горят дома. Наши войска, отступая, сжигали всё, чтобы ничего не оставлять немцу. В наш дом тоже бросили горючие бутылки, и дом запылал. Мы все, кто был, побежали в убежище.

Вскоре началась сильная стрельба, а мы и носа из убежища высунуть боимся.

Потом, через какое-то время, стрельба стала утихать, а затем и вовсе прекратилась. Но из убежища мы не вылезали.

Вдруг слышим, над нами раздалась незнакомая речь. Вход в убежище открылся, и мы увидели, что на краю убежища стоят и смотрят на нас немецкие солдаты. Один из них, видимо старший, делает нам знаки, – вылезайте, мол, наверх.

Потихоньку, один за другим, мы стали выбираться из убежища, а тётя Ньюша с грудным ребёнком никак не может вылезти. Тогда один из немцев взял у неё ребёнка, а ей подал руку и помог подняться наверх. Потом они поставили нас всех в один ряд и показывают на горящие дома. А тот, старший, говорит:

– Смотри, что рус делает!

Вид нашей деревни был ужасный. Кругом дымились кострища от домов. Нашего дома тоже не было. Вместе с нашим домом подряд сгорели шесть домов. Напротив – была такая же картина.

На улице уже вечерело; было по-зимнему холодно и нужно было куда-то устроиваться на ночлег.

Дом моей племянницы уцелел, и мы все пошли к ней.

Пришли. В доме уже полно немцев. Тоже собрались погреться и переночевать.

Одежка-то у немцев плохонькая. На головах пилоточки, шинелишки из тонкого сукна, а на ногах штиблеты. Ох, и помёрзли же они!

Мы потихоньку залезли на печку и сидим помалкиваем.

Немцы стали ужинать. Режут колбасу, достали тушёнку, печеньё, шоколад и вино (по-ихнему – шнапс). Выпили, стали весёлые такие, смеются. Песни свои поют и на губных гармошках играют. Нас тоже стали угощать, а мы всё отказываемся, но они суют нам в руки еду и смеются, глядя на нас, как робко мы едим их угощение. Один из немцев подошёл к нам, улыбается, похлопал меня по плечу и говорит:

– Матка, Москва наша! Наша Москва! Сталин капут!

Так жили мы с неделю, а может и больше. Только однажды видим, что-то они уж больно засуетились. Стали собирать свои мешки и всё лопочут по-своему. Один из них подошёл ко мне, подаёт свою гимнастёрку и на чистом русском языке говорит:

– Мать, пришей мне пуговицу!

Я пуговицу ему пришила, а потом осмелилась и спросила:

– Куда это вы все засобирались?

– Мы отступаем! – ответил он.

– А почему Вы так хорошо по-русски говорите? – опять спросила я его.

– Надо учиться! – коротко ответил он, взял гимнастёрку и стал быстро одеваться.

И вот один за другим немцы покинули дом. А мы сидим на печке и слышим, что на улице идёт бой, раздаются стрельба, взрывы. Думаем, – ну, будь, что будет!

Потом всё стихло, но на улицу мы выходить боимся.

Вдруг в сенях раздался шум, топот ног, голоса. Дверь отворилась, и в избу вошли наши русские солдаты. Все в полушубках, шапках, валенках, тёплых рукавицах.

– Есть кто живой?

Мы как услышали родную речь, обрадовались, слезли с печки, плачем обнимаемся.

– Мать, – обратился ко мне командир, – свари нам чего-нибудь горяченького!

Я скорее в подпол, набрала ведро картошки и сварила им. Потом все сели за стол, а мы не нарадуемся, что наконец-то своих увидели.

Но недолго они у нас пробыли. Дня через два командир подходит ко мне и говорит:

– Мать, завтра, как только чуть начнёт светать, разбуди нас и согрей нам чугунок горячей воды. На дорожку чайку попьём!

– Да куда же это вы? – спросила я его.

– Надо немца дальше гнать, пока он не очухался!

Утром, чуть только забрезжил рассвет, я разбудила командира. А чугунок горячей водой уж на столе стоит. Быстро все попили чайку, собрались и ушли.

А потом начался бой. Ох, и много же полегло и наших, и немцев в мякининском овраге! Уж очень долго не могли оттуда немца выбить.

Дедушка твой, Сергей Егорыч, не пережил все эти испытания. Он ещё в гражданскую войну был ранен и часто болел. А тут, как началась эта канитель, он и умер. И у тёти Нюши грудной ребёнок тоже умер. Девочка была.

Так вот и стали мы жить – сначала у моей племянницы, а потом колхоз дал мне старый амбар, из этого амбара и построена наша изба».

Выслушав бабушкин рассказ, я спросила:

– Бабушка, а ты видела наших солдат убитых или раненых?

– А как же! Конечно, видела. Помню ещё в первый день, как немцы взяли наше село, идём мы на ночлег, а по дороге ползёт раненый в живот солдат, молоденький такой, и след кровавый за ним по снегу тянется. Ползёт он и всё стонет: «Мама! Мама моя родненькая!»

– А потом, что с ним стало?

– Подобрали его бабы и потихоньку в уцелевший дом отнесли. Только он всё стонал, бредил, а ночью помер. Схоронили его вместе с нашими погибшими солдатами у нас на задах, всех в одной могиле.

О войне мне бабушка рассказывала не раз. А я всегда задавала ей вопросы, и она вспоминала всё новые и новые подробности.

Мне было десять лет, когда однажды весной к нам в деревню приехали две военные машины: «газик» и грузовая. Из «газика» вышли военные, среди них были два офицера. Они подходили к местным жителям и о чём-то с ними разговаривали. Потом они направились прямо к нашему дому и попросили позвать бабушку. Бабушка вышла на улицу, и один из офицеров обратился к ней с вопросом:

– Послушай, мать, ты во время войны здесь жила?

– Здесь, – ответила бабушка, – И при немцах здесь жила, и наших встречала.

И бабушка начала подробно рассказывать, как немцы заняли деревню, и какие здесь были бои.

– А что вам нужно-то? – спросила она.

– А ты не знаешь, где похоронены наши погибшие воины?

– Как же не знать, знаю! Даже и показать могу.

И бабушка повела военных на зада и показала небольшой холмик, где, по её мнению, были захоронены наши солдаты.

– А зачем это вам? – спросила бабушка.

– Да вот, уж десять лет прошло со дня Победы, а памятника воинам, защищавшим эти места, до сих пор нет. Решено, собрать останки всех погибших, захоронить их в одной братской могиле и поставить им памятник. А 9 мая, в день Победы, будет открытие этого памятника.

Солдаты, вооружившись лопатами, стали вскрывать могилу, которую им показала бабушка. Мы, ребятишки, да и взрослые стояли рядом и наблюдали за всем происходящим. На душе у нас было как-то тревожно. Останки погибших складывали в грузовик.

Тут один офицер вдруг засомневался.

– Мать, а ты точно помнишь, что здесь похоронены именно наши солдаты? А то может это немцы? Уж больно бедренные кости длинные. Немцы-то они длинноногие все.

И он взял одну из костей и приложил к своему бедру.

– Точно, точно, здесь! – ответила бабушка, – Немцы своих хоронили отдельно, в другом месте.

Но видно было, что военные всё-таки сомневаются. Вдруг бабушка что-нибудь забыла или перепутала, ведь с тех пор прошло почти четырнадцать лет.

Неожиданно лопата наткнулась на полуистлевшую сумку-планшет. Офицер внимательно осмотрел её и нашел в ней небольшой круглый пенальчик. Когда он его открыл, на ладонь ему выпал скрученный в трубочку, маленький листок бумаги. Офицер осторожно развернул его. Это была записка. Бумага отсырела и полуистлела, чернила расплылись, но всё же офицер смог разобрать, что там было написано. Вслух он прочитал «Если меня убьют, то сообщите по адресу...». Теперь сомнений не было – да, здесь похоронены наши советские солдаты.

Потом попались красная звёздочка, военный ремень, фляжка – всё это солдаты аккуратно складывали в машину. Полностью очистив могилу, они уехали, а мы долго ещё обсуждали это событие.

А потом стало известно, что захоронили эти останки в общей братской могиле на горе и установили памятник погибшим.

В школе нам сказали, что 9 мая мы все пойдём на открытие этого памятника. Там будет митинг, возложение венков, приедут солдаты, и будут давать салют в честь погибших воинов. Это нас, ребятишек, больше всего интересовало. Всем хотелось посмотреть, как солдаты будут стрелять.

И вот этот день наступил. Во дворе школы мы построились по классам и с шутками и смехом пошли к памятнику. Настроение у всех было отличное. Такое мероприятие было впервые.

Ещё издали мы увидели, что у памятника уже собралось много народу, а люди всё шли и шли со всей округи. Чуть в стороне стоял фабричный духовой оркестр.

К назначенному времени подъехали две военные машины. Из них вышли солдаты с автоматами и встали перед памятником «на караул».

Сначала нам всё это было очень любопытно. Мы стояли и тихонько переговаривались, обсуждая увиденное. Однако я обратила внимание на то, что у взрослых очень серьёзные лица, а некоторые женщины стояли и тихо плакали, прикладывая к глазам носовые платки. Нам тоже стало не до смеха.

Начался митинг. Сначала выступил незнакомый военный. Он говорил о войне, о тех, кто защищал нашу Родину и отдал за неё жизнь.

– Вечная вам память! – сказал он.

Заиграл духовой оркестр.

И тут случилось невообразимое. Вся толпа, что собралась у памятника, заплакала, заголосила, запричитала. Напротив меня стояла женщина. Она кусала зубами носовой платок, слёзы ручьём текли по её лицу, а она навзрыд, громко кричала:

– Сыночек мой! Сынок!

Рядом с ней плакали и кричали другие женщины. Они тоже произносили имена своих родных и близких, не вернувшихся с войны.

Зрелище было страшное. Плач стоял на всю округу. Кому-то стало плохо, кого-то поддерживали под руки, кому-то в нос совали нашатырный спирт. Мы не ожидали увидеть такое, и были потрясены происходящим. Я и мои подруги не выдержали и тоже заплакали.

Потом ещё выступали люди и рассказывали о тех далёких военных событиях, которые происходили здесь. Я узнала, что в нашей больнице скрывались наши раненые, а медсёстры тайно выхаживали их, выдавая за местных жителей. Прозвучала автоматная очередь. Это солдаты салютовали погибшим.

Тут-то я поняла и почувствовала всем сердцем, что такое война. До этого дня мы только слышали о войне от взрослых, читали в книжках или видели в кино, теперь же наяву почувствовали её жестокое прикосновение.

Расходились мы с митинга грустные и подавленные, как-то сразу повзрослевшие, унося навсегда в своих сердцах эту тяжёлую и светлую память.

Коробкина Альбина Филипповна

Коробкины
Валентина 10 лет,
Альбина 3 года

Когда началась Великая Отечественная война в 1941 году, мне, Альбине, было 3 года, а старшей сестре Валентине – 10 лет. Мы местные жители. Родились в бывшем Загорске. Папа Филипп Алексеевич Коробкин был по профессии водитель. Ушёл на фронт добровольцем.

Мама Коробкина Екатерина Михайловна по профессии портниха, работала надомницей в меховом ателье.

У папы всю войну в гимнастёрке была с собой наша фотография.

Папа воевал на Сталинградском фронте, на Белорусском, участвовал во взятии Варшавы, Берлина.

Папа расписывался на Рейхстаге. Сейчас это всё уничтожено.

У него благодарности от командования на красных бумажках с портретами Ленина и Сталина. Он награждён орденом боевой Красной Звезды, медалями за взятие Варшавы и Берлина, за победу над Германией.

На войну ушёл красивым и здоровым, а пришёл с фронта без зубов и с подорванным здоровьем, хотя ранений у него не было. Работать шофером уже не мог, работал вахтёром.

Мама от эвакуации отказалась, осталась на родине. Когда формировалась армия генерала Кузнецова, к нам в квартиру временно подселили двух офицеров. Одеты они были в новенькие белые полушубки. Это было красиво и запомнилось на всю жизнь.

Моя обязанность была с наступлением темноты, когда зажигали свет, закрыть итальянское окно листом фанеры. Это была обязательная светомаскировка. Его нужно было отвязать справа, закрыть окно и привязать слева верёвочками за гвоздь. А утром всё повторить в обратном порядке.

У нас был низкий первый этаж в деревянном доме с удобствами в кори-

Коробкин
Филипп Алексеевич,
рядовой

Коробкина Екатерина Михайловна, труженик тыла

доре. Отопление было печное. Я очень любила смотреть на огонь, когда мама или сестра добавляли в печь дрова. А погреться спинкой о стенку печи, «голландки», было истинным удовольствием.

Готовили на керосинках. Другой моей обязанностью было занимать очередь в магазине № 40, чтобы отоварить продовольственные карточки. Позже ходила с алюминиевым бидончиком на колонку за водой. Она была на проспекте им. Красной Армии на выходе с нашего двора.

Летом на улицу во дворе, где мы жили, выставляли металлическую детскую ванну, в которой меня купали у топленной печи (её ставили на два стула). В жаркие летние дни нужно было с утра наносить бидончиками воду. Солнце её очень хорошо нагревало, и мне разрешали, как и другим детям, в неё залезть и купаться. Так нас закаляли.

Зимой лазали по сугробам. На валенки нужно было хорошо натянуть байковые шаровары с резинками, чтобы не попадал туда снег.

К весне лепили снеговиков. Жили очень дружно и помогали друг другу. До сих пор нас связывают очень тёплые отношения с соседями со всего двора. А это три двухэтажных дома и пять – одноэтажных. Позже, когда получали квартиры с удобствами, постепенно все разъехались, но кто жив и встречается в городе или звонит по телефону, вспоминают наше замечательное детство, хотя была война и послевоенный период.

Чтобы прятаться во время бомбёжки, во дворе была вырыта «щель», в которую мы, дети, спускались в неё и отщипывали кусочки влажной глины со дна и стенок. И на завалинках лепили из неё всё: посуду (тарелочки и чашечки), маленькие яички в размер «драже», колбаски, овощи. А ведь никто нам не преподавал, а сами всё соображали. Делали весы: ставили на ребро кирпич и клали на него дощечку, получалась игра в магазин. Летом срывали разные травы, лук и овощи.

Помню, что не часто, но ходили в баню за парк. Там было очень жарко, нас накупают, тепло оденут и мы идём домой. Не помню, чтобы болели.

Сестра ходила в школу, училась. Мама шила на машинке «Зингер» варежки для бойцов, тульи для шапок. Она ездила менять вещи на продукты. Мы оставались одни на несколько дней. Возвращалась мама с маслом подсолнечным и топлёным. Я оставалась со старшей сестрой. Она топила печь, готовила.

И школьники, и взрослые ездили на лесоповал. Моя мама и другие женщины пилили лес для заграждений от танков.

У нас был патефон с пластинками. Его дали папе, как премию за работу до войны. Его собирались слушать все соседи.

В Новый год ёлку ставили. Когда разрешили ставить ёлки, папа очень много сделал красивых игрушек до войны из бумаги: гитары, мельницы, башмачки. Их обсыпали блёстками. Были и грецкие орехи, покрашенные бронзовой краской. Во время войны всю начинку мы, дети, съели и склеивали две пустые половинки.

Гора (Машенька) на Кооперативной улице была с ухабами, и мы ездили туда

кататься на санках. Никто нас не контролировал. Взрослые работали. Но никаких ЧП с нами не было.

Когда подросли, ходили на Келарку купаться со старшими ребятами с нашего двора. Никто не утонул. Мы, малыши, ходили на мелководье на руках по песку, воображая, что плаваем, а большие купались дальше, где было глубоко.

Находили ракушки. Их было много, и вода была чистой, прозрачная. А позже, когда стали жить материально лучше, стали частники делать себе такие туалеты, что не стеснялись спускать гадость в пруд. И купанье закончилось. Также было позже и с Вифанкой. Я была уже студентка, и мы компанией ходили туда купаться. Никто не считал, что это далеко. Автобусов не было. Там проходили интересные Дни молодёжи. Вместо сцены стоял грузовик для выступлений с откинутыми бортами. Было всё здорово и весело. Народу было много.

Когда папа в 1945 году вернулся с войны, он нам по вечерам прочитал все три романа Льва Толстого. Сначала «Войну и мир», потом «Анну Каренину» и «Воскресенье». В 1955 году папа скоропостижно скончался, я училась в 9 классе. Сестра закончила школу в 1949 году с серебряной медалью. Поступила в Тимирязевку, кандидат с/х наук. Я закончила школу в 1956 году с золотой медалью, потом МВТУ им. Баумана, 39 лет проработала в ОКБ ЗЭМЗа и ушла на пенсию. Нам целый год не давали зарплату, а руководители уже строили особняки. Судились с заводом, потом ещё год тянули «резину» приставы, пока наша зарплата попала на сберкнижку, получить деньги в кассе было нельзя. Мама вспоминала, что такого безобразия не было даже в войну.

В нашем дворе жило 59 детей, не считая юношей и девушек. Никто никого не обижал. Играли в прятки, в казаки-разбойники, в двенадцать палочек, в штандарт, в лапту. Позже – в городки, волейбол, в пинг-понг. Не дрались, не скандалили. В трудное военное детство мы могли выменять у деда Калача калейдоскоп. За несколько корнеплодов свеклы, моркови или турнепса он дарил нам своё чудо. Приставишь к одному глазу трубочку из плотной бумаги, вращаешь её, внутри пересыпались осколки зеркала, цветных стекол, а ты любуешься красочными орнаментами. Особенно было красиво в яркий солнечный день. У него где-то хранились старинные серебряные ложечки, красивые чашечки, золотые колечки. Он их продавал и тем жил. Помню эпизод: мама пошла к нему, чтобы купить изящную чашечку для подружки моей сестры Татьяны Федоровой на её день рождения в мае 1949 года. Я увязалась с ней. Он попросил такую сумму, что мама ретировалась. Я не запомнила год, когда он умер. Но отлично помню, что кто-то выволок из его комнатки в 6 или 7 кв.м. перину на весенний снег, а оттуда высыпались «петеньки» и «катеньки» – дореволюционные деньги, а пакетики с пасхальными красками для яиц размокли и окрасили снег в причудливые узоры. Он это хранил, наверное, думая, что власть может измениться.

Другой житель нашего двора, кто носил красивую бороду, был бывший земский врач Михаил Антонович Крылов. Он работал в железнодорожной боль-

Крылов Михаил Антонович

нице у вокзала на Вокзальной улице. Деревянное уютное здание погубили не так уж и давно.

Летом, обычно после окончания сокодвижения, все завозили топливо на зиму. Работал весь двор. Бревно клали на деревянные козлы и пилили ручной пилой на чурбаки. Затем их кололи колуном или топором на поленья. Образовывалась огромная куча. Звали нас, детей, и мы подавали поленья тому, кто делал поленницу у стены сарая, чтобы дрова просохли. На укладке дров вместе с нами работал и наш любимый доктор, который лечил всех: и взрослых, и детей в городе.

Когда созревали ягоды черёмухи, мы гурьбой ходили в «козий» лес по берегу реки Копнинки. Там были заросли черёмухи. Лазали по сучкам и собирали веточки ягод в алюминиевые бидончики. Дома ягоды сбивали с сахарным песком и ели это лакомство.

Помню, как мы всё лето ждали прихода из леса с ягодами Лины-«трясучки» (у неё всегда дрожали руки из-за болезни). Она стояла у ступенек магазина № 40 и продавала по 10 копеек за кулёчек из бумаги ягоды земляники, малины, черники. Нашим родителям ходить в лес было некогда.

Позже, уже после Победы, на этом месте стояла мороженщица, которая тоже продавала лакомство – мороженое, которое она накладывала на вафлю в формочку, покрывала её другой вафлей и выдавливала. Формочки были двух габаритов с разной ценой. Это была радость: получать у мамы монетку и бежать за мороженым.

Очень ярким воспоминанием остались дни выборов. В нашем районе они проходили или на улице Болотной в здании школы № 9, или в Спортивном переулке, в школе № 3 имени КИМ, где мы с сестрой учились. В 2004 году вышла книга «Моя любимая школа», где я – составитель и автор многих воспоминаний. Я вдвоём со своей соседкой по детству Светланой Шумовой собрала много материалов и более 1000 фотографий. А в книге 215 листов. Светлана весь материал передала в краеведческий музей нашего города. Это лирическое отступление, а теперь о выборах.

В школе № 9 комиссия сидела в зале, где был красивый камин, облицованный коричневой керамической плиткой, и я каждый раз шла с родителями на выборы, чтобы им полюбоваться. Позже хозяева Никольского храма разобрали школу и на её месте построили двухэтажное здание для своей воскресной школы. Не пощадили они и резное декоративное убранство – резные наличники на втором этаже дома с противоположной стороны улицы Болотной.

Дни выборов, которые проходили в школе № 3, собирали весь город. В актовом зале, где шли выступления, не только сидеть было негде, но и стоять. На сцене каждый раз показывали новый спектакль, который легендарная учительница начальных классов Мария Сергеевна Когтева готовила со своими учениками и их родителями. В основном это были спектакли по сказкам великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Шили костюмы и готовили декорации родители. Это оставило неизгладимые воспоминания на всю жизнь.

Стадион «Спартак» – это тоже веха из детства. После войны там собиралось население города на выступления фигуристов и на футбол. Это была новинка –

выступление фигуристов Аллы Милюковой, Тамары Селиверстовой и других. Когда я работала на «Скобянке», Тамара Селиверстова после работы в выходные преподавала детям азы фигурного катания на городском стадионе. Тогда не было такой сложной акробатики в фигурном спорте, а пользы детям было много, юные спортсмены закалялись на свежем воздухе и переставали болеть простудными заболеваниями. На футбольных матчах все места на трибуне были заняты. Помню, вратарём был Борис Волков – брат моей школьной подруги. Посещение матчей было бесплатным. Когда зимой стали заливать каток на «Спартаке», мы катались от открытия в 19 часов до 22 часов. Иногда бегали в теплушку погреться. Редко кто из нашего класса не катался на коньках. Когда позже в своей жизни я познакомилась с девочками Люсей Лукьяновой и Светланой Спициной, которые учились в школе № 5 и жили на Северном поселке в частном секторе, то они рассказали, что на коньках или «ножах» – «гагах» они шли через весь город, а на обратном пути, усталые висели на всех штaketниках вдоль проспекта Красной Армии, отдыхали и шли дальше. На стадионе была раздевалка, но предпочитали идти на каток прямо на коньках. После 8 класса мы переключились на лыжи и ездили на Гремячий в Семхоз вдоль всей Копнинки.

Ещё нужно вспомнить, как летом всем двором – дети и родители – ездили в Абрамцево купаться и загорать на берегу реки Вори.

Дело было так. Кто-то из детей кричит утром в выходной день: «Едем в Абрамцево, электричка в такие-то часы». Все разбегаются по квартирам и собирали с собой еду и игры (мячи, шашки, домино, шахматы и карты). Еда была такая: свежие и малосольные огурцы, помидоры, зеленый лук, отварной картофель, хлеб и вареные яйца. Уезжали на весь день до вечера. Брли с собой подстилки, чтобы постелить на траву. Воря – речка ключевая, купались и не болели.

Когда появились в продаже велосипеды, «гимназуха» (гимназический сад, где стоит памятник Загорскому), была местом сбора велосипедистов. У меня велосипеда своего не было, но обладатели «колёс» давали покататься. По улицам и проспекту не гоняли, а ездили среди лип в саду, общались, играли в мяч.

Ни во дворе, ни в школе не слышала мата, у нас не было среди жителей пьяниц. Сейчас на месте нашего большого двора построен микрорайон малой этажности с благоустроенной придомовой территорией. Там много декоративных кустов и клумб с цветами. Такую красоту создал Стройсервис под руководством Сергея Владимировича Колойденко. Они сохранили дом, куда приезжал трижды Герой Советского Союза летчик Покрышкин со старинными туями на углу Первомайской улицы и Кооперативной. В нашем городе туи были редкостью, тем более такие старые.

А три года назад его уничтожили вместе с туями и возвели жилой дом на этом месте. Мы, дети, с нетерпением ждали лета, чтоб полакомиться лесными ягодами, родителям ходить в лес было некогда.

Корниенко Анатолий Степанович

Сталинград

Я вышел на балкон восьмого этажа,
Где рядом небо и осенний холод,
И вижу Волгу – как широкая межа,
Разрезала великий этот город.
Глубокий вечер, в мире тишина,
Вдали огни, как звёздное скопление,
Но группа звёзд мне на меже видна,
При мне она пришла в движение.
То теплоход везёт простых людей,
Чтоб память воскресить

и передать поклон,

Святой земле и всем солдатам в ней,
Поднявшись на курган,
Услышать тяжкий стон.
Громадный город приготовился ко сну,
И лишь река живёт и днём и ночью.
На берег этот, знаю, я приду.
Закрыв глаза, увижу всё воочию.

Разрывы бомб, звенящая пальба,
Орудий не смолкающих на йоту.
За каждый дом, за пядь земли борьба,
И гибель тех ребят,
что составляли роту.

Таких ребят немало полегло
На берегах реки и на Мамай-кургане.
Героями ушли в небытие,
А для меня возникли из тумана.
Врага крушили лютой зимой.
“За нами Волга, не жалеть патронов!”

И школьник юный, и старик седой
Насмерть дрались
за каждым отчим домом.

И память вечную река хранит,
А по утрам над ней висит туман.
Молва по миру много лет летит,
Героев славя, что легли в курган.
И сверху Мать глядит
в лицо потомкам,

Подняв громадный меч
в защиту всех людей,
А над рекой несётся возглас громкий:
“Круши врагов и защити детей!”

Покинув свой балкон,
я долго размышлял,
Как жизнь несправедлива
к нашим людям.

Прожив года, я многое познал,
Мы подвига отцов
в веках не позабудем.

Благодаря солдату тех времён,
Живёт страна, и радуются люди,
А если кто придёт сюда с мечом,
И мы с мечом поднимем наши руки

Курская битва

Там, где пели всегда соловьи,
Где звучали их звонкие трели,
Там армады металла сошлись,
Там снаряды протяжно запели.

Задрожала в тревоге земля,
Потемнело багряное небо.
На поля, где пшеница росла,
Вражких туч саранча налетела.

Хлеб родимый замешан с землёй,
И кровавым на поле стал он,
И не пел соловей как весной,
Человеческий слышен был стон.

Он стонал, но металл победил,
Совершив грандиозное чудо.
Сердцем, волей, отвагой спалил
Весь металл и оставил лишь груды.

И опять там поют соловьи,
И колышется в поле пшеница,
А металл – отголосок войны,
Иногда под ногами случится.

Человек родился

Он родился потому,
Что мы выиграли войну,
Что отец вернулся с фронта,
Боевой и молодой,
И кричал на двор он громко:
“Я живой!!!”

А душа у мамы пела,
Что она не овдовела,
И воздела руки ввысь –
К ней опять вернулась жизнь.
Сохранили своё счастье,
Будут дети, будет дом.
Все прошли через ненастье,
Вот теперь-то заживём.

Потому что там, где дети,
Там и слёзы, там и смех.
Будет мир на белом свете,
То в семью придёт успех.

И он рад, что появился,
Впереди вся жизнь видна,
Что он рос и что учился,
Что есть братик и сестра.
Благодарны всей семьёй
Тем, кто счастье подарил,
И хотят, чтоб над землёй
Расцветал счастливый мир!

Дети выигранной войны
Все мы вместе – я и ты –
Дети выигранной войны,
А сражалась за победу
Наши деды и отцы.
И на суше, и на море,
И в горах, и на полях.
Через ужасы и горе
Мир добыли в тех боях.
Как же можем мы забыть
Тех, кого должны любить,
Помнить, чтить, боготворить,
И таких детей растить.

В этом мире всё возможно,
Рождены мы, чтобы жить.
Нам, живущим, невозможно
Всё, что было, повторить.
Не должны мы допускать
Этот ужас, что случился.
Поколенья не простят
Нам ад, который повторится.

Священный огонь

Подхожу к священному огню,
И невольно пробирает дрожь.
Там, где я сейчас стою,
Он горит и в зной, и в дождь.
И горит не просто так
Этот светоч, как завет.
Он горит во всех сердцах,
Знамя тех лихих побед.
Рядом с символом народа,
Златоглавым и святым,
Факел мира и свободы
Всем погибшим и живым.
Здесь не надо торопиться,
Здесь весь мир притих.
В храм народ идёт молиться,
Вспоминая их.
Не задуют это пламя
Непогода и не время,
Он колышется, как знамя,
В святость веры веря.

Коршунов Борис Александрович

Я родился в крестьянской семье в деревне Хмельники Переславского района Ярославской области.

До войны в нашей семье было четверо детей: Капитолина 1932 года рождения, я 1935 года рождения, Алексей 1938 года рождения и Александра. Шура родилась 6 июля 1941 года, когда папа Александр Алексеевич 1911 года рождения уже ушёл на войну. С нами остались мама, Мария Дмитриевна, 1912 года рождения и бабушка Дарья Лукьяновна, 1893 года рождения, – мать отца.

Из довоенных лет помню горы стружки у столярно-го верстака папы, собаку Норку, с которой он ходил на охоту. Однажды папа взял меня на рыбалку, где я уснул прямо в лодке. Помню воздушные шары, которые в те годы пролетали над деревней. Папа брал меня на руки, выносил на улицу, и мы долго смотрели на их полёт. Помню поля, луга и перелески. Помню деревенские праздники, разные игры. Один раз с мамой ходили в церковь в соседнее село Купань, один раз ходили в церковь в соседнее село Гора-Новосёлка. Потом, в первые месяцы войны, церкви были закрыты, колокола и другие предметы увезли в город Переславль. В церквях сделали склады. Когда ходили в семилетнюю школу, в селе Гора-Новосёлка забирались иногда на колокольню посмотреть вокруг.

Начало войны тоже помню. Однажды летом 1941 года народ собрался в клубе. Мы, дети, туда побежали. Из читальни был слышен тревожный голос радио. Взрослые стояли в читальне и слушали. На нас покрикивали, чтобы не шумели. Потом стали медленно расходиться. Звучало одно слово – война.

В конце июня первая большая группа призывников отправлялась на войну. Много лошадей, запряженных в телеги, за которыми шли мужики, женщины, дети, старики. Громко и тихо звучали последние наставления, пожелания. Слезы тоже помню. Потом вся толпа скрылась за деревней. Старики, дети стояли и молча смотрели в ту сторону. Потом это повторялось не раз, призвали всех.

Всю войну наш колхоз «Свой труд» отправлял в г. Переславль и на станцию Берендеево Ярославской железной дороги лошадей, скот, зерно, картошку и другую продукцию. В течение всей войны и после неё, колхозники должны были из своего личного хозяйства сдавать в государство молоко, мясо, яйца, сушеную картошку. Семьи были большие, часто не хватало, голодали.

Легкие работы, сенокос, уборку урожая первого года войны и последующих лет выполняли старики, женщины, дети. Запомнились тёмные от загара руки, с глубокими трещинами на ладонях. Наступали осень, зима, холода. Помню, мама и бабушка осваивали мужскую работу, инструменты – топор, пилу, молоток и другие.

В те годы труд был в основном ручной. Дети рано приобщались к любой работе: заготовка дров, сена, работа в огороде, принести воду, походы в лес за ягодами, грибами, прополка овощей дома и в колхозе и многое другое. Многие не стали ходить в школу.

Нам помогали родители мамы: дедушка, Дмитрий Михайлович и бабушка, Анастасия Александровна, у которых была своя семья, дом, хозяйство. Помогало и то, что в нашей деревне крестьяне, потом колхозники, умели делать всё своими руками: от домов, разных построек до многочисленной утвари, одежды. Работала пилорама, мельница, зимой столярная мастерская. Дети рано учились всему, помогали родителям в уходе за крупными и мелкими домашними животными. Помню, когда в деревню приходили известия о гибели мужей и сыновей, горевали всей деревней. У большинства родные были на фронте. Стали приходиться первые раненые, слушали их рассказы о войне, переживали. Фронтовики, поправившись, делали разные приспособления и помогали семье, работали в колхозе, даже косили без кисти на одной из рук.

Однажды мне показали писателя Пришвина. Михаил Михайлович с женой шел по дороге в соседнее село (Гора-Новосёлка) в гости к знакомым учителям в школе. Немцы в то время были около Москвы. Пришвины не захотели уезжать далеко от Москвы и жили у знакомых в селе Усолье, в сосновом бору, красивое место. До сих пор их помнят, рассказывают об их прогулках на природу, о беседах с сельчанами.

Об отце не было вестей. Где-то в середине войны пришло из военкомата известие, что он числится без вести пропавшим. В школе нам стали рассказывать о первых победах на фронте. Помню первые фильмы о войне. В клубе иногда появлялась кинопередвижка, многие приходили посмотреть, дети – всегда.

Закончилась война, стали приходиться первые солдаты. Стало веселее. Но многие ещё служили, работали на восстановлении народного хозяйства. О нашем отце по-прежнему ничего не было известно. Однажды, в июле 1945 года к нам прибежала почтальонша и сказала, что видела в Усолье нашего отца, что он идет домой по дороге, ведущей с Купавны. Я с ребятами побежал навстречу. В километре от деревни встретил отца. Он обнял нас сдержанно. Оказалось, что он серьёзно болен – туберкулёз. Пришли домой. Потом встретили бабушку, его маму. Когда папа сказал о своей болезни, она сникла, замолчала. Это я хорошо помню. С такой же неизлечимой в те годы болезнью она встретила своего мужа, Алексея Дмитриевича, с первой Мировой войны, от которой он умер в 32 года. Потом была встреча с мамой. К нам приходили родственники и знакомые, слушали рассказы отца и сами рассказывали о своей военной жизни. Уходили от него, молча, с опущенной головой. Моему отцу в то время было 34 года.

Папа рассказал, что сразу после мобилизации их повезли на фронт. Примерно через неделю разгрузились в Белоруссии, где было уже очень много войск – сотни тысяч. Немцы бомбили. Всем вскоре объявили, что наши войска в окружении. Разбившись на маленькие группы, пошли на восток, к линии фронта. В их группе было 30 солдат, командовал сержант. Карты не было, шли по солнцу и звездам, чаще по ночам. Однажды утром послышались крики немцев, которые их окружили. Так они оказались в плену. Везли в вагонах на запад, не кормили. Солдаты разобрали пол в вагоне, удалось бежать. Ночью пришли в деревню, это была территория Белоруссии. Немцев не было. Утром появились другие наши солдаты. Стали готовиться к походу на восток. Вскоре ночью немцы снова их взяли в плен. Снова повезли на запад. Так они оказа-

лись в плену на территории Чехословакии. Жили в концлагере в бараках. Работали на разных работах. Отец простудился, получил воспаление лёгких. Без лечения всё перешло в туберкулёз.

В мае 1945 года их освободили советские войска. Отца сразу отпустили домой. Помню его тяжёлые сапоги, синие брюки с большим номером на коленях, зелёную гимнастерку, рюкзак, частый кашель. Умер он в марте 1946 года в возрасте 35 лет.

Помню очень голодные послевоенные годы 1946 и 1947 годов. До сих пор перед глазами всё то, что приходилось есть. Есть хотелось всегда.

Моя мама умерла рано, в 1960 году в возрасте 48 лет.

У моей жены, Коршуновой Валентины Николаевны, 1940 года рождения и её сестры, Гужовой Галины Николаевны, 1942 года рождения, аналогичная судьба – дети Великой Отечественной войны.

Родились в деревне Суропцево Загорского района Московской области. Их отец, Калёнов Николай Александрович, 1912 года рождения, в 1941 году был призван в армию. До сих пор о нём ничего неизвестно, с 1943 года числится в списках пропавшим без вести. Их мать, Калёнова Феодосия Фёдоровна, умерла тоже рано, в 1957 году.

День Победы со слезами на глазах – это про нас.

Я и моя жена после окончания Краснозаводского химико-технологического техникума, Всесоюзного заочного машиностроительного института, Казанского химико-технологического института всю жизнь работали в НИИ прикладной химии на Звёздочке. Там и живём.

За успехи в труде награждены орденами и медалями.

Ветераны труда, пенсионеры, садоводы-любители. Выращиваем цветы, ягоды, овощи, есть фруктовые деревья. Во всём нам помогают дочери Ирина, Юлия, внуки Михаил, Валерия. Все закончили разные ВУЗы, Валерия заканчивает 5 курс.

Котов Иван Павлович

Иван Павлович Котов осенью 1941 года должен был пойти учиться в восьмой класс. Но началась война. Отца сразу призвали на фронт, и Иван Павлович стал в эту лихую пору главным кормильцем. В колхозе, где трудился Иван Павлович, работы было много – зимой в кузнице меха качал, весной днем помогал сортировать на посевы зерно, а ночью шел на поле пахать землю. Тогда трудились круглосуточно, чтобы побыстрее завершить посевную. Иван Павлович вспоминает: «Какой гул стоял на полях и сколько пыли было!» После работы приходил домой весь грязный – только зубы белые. Мать постоянно плакала, глядя на него...

7 ноября 1944 года Ивану Павловичу исполнилось 17 лет, и 18 ноября его забирают на фронт в стрелковый полк снайпером. До конца войны он сопровождал эшелоны в Германию. Несколько раз попадал под обстрелы.

Кривошея Надежда Владимировна

История жизни моих родителей похожа на миллионы других историй, которые пришлось пережить людям того поколения.

Моя мама, Чернова Елизавета Ивановна (девичья фамилия Балясникова) родилась 12 сентября 1924 года в деревне Дубна Александровского района Владимирской области.

Когда ей было 6 лет, а ее двум младшим сестрам еще меньше, их отца, Балясникова Ивана Васильевича, моего дедушку, в 1930 году убили кулаки. В деревнях началась коллективизация, дед был большевиком, активистом, работал на колхозе, возил на лошадях колхозное зерно, сено. В одну из таких поездок, кулаки подкараулили его в лесу и убили, и сама лошадь привезла деда в телеге мертвого прямо к дому. Вот такое страшное горе постигло семью моей мамы. Хоронил деда весь колхоз с Красным знаменем.

После его смерти (мамина мама), моя бабушка, Балясникова Мария Андреевна, пошла работать в колхоз. Ведь на ее руках осталось трое малолетних детей. Всех детей бабушка брала с собой в поле на работу, и они в силу своих возможностей помогали ей. Нужно было зарабатывать трудовни, чтобы выжить и прокормиться. Спасал свой огород, где сажали картофель и другие овощи. Так и жили без кормильца.

В 1931 году, когда маме исполнилось семь лет, она пошла в начальную школу, которая располагалась прямо в деревне Дубна и окончила там четыре класса. А в пятый класс ей пришлось пойти в Краснозаводскую среднюю школу, это был 1935 год. Всю осень мама вместе с другими деревенскими детьми ежедневно проходила пешком по 7 км, добираясь от деревни Дубна до Краснозаводска разными путями (пешком, на попутных машинах, на поезде «Кунья»). В любую погоду надо было идти в школу, и дети шли, самостоятельно без взрослых, вот так им хотелось учиться. А к зиме пришлось снять жилье в Краснозаводске, чтобы мама могла учиться дальше до конца учебного года. В 1937 году мамин дядя (брат бабушки) нашел бабушке работу уборщицы в начальной школе, и семья мамы переехала жить на постоянное место из деревни Дубна в Краснозаводск. Бабушке дали при школе крохотную комнату на четырех человек. Опять жили очень бедно, трудно, так как зарплата у бабушки была всего 15 рублей в месяц.

В 16 лет, окончив школу, мама устроилась работать на завод. Их семью выселили со старого места жительства и дали комнату 12 м² в бараке на нижнем поселке в городе. Барак был без удобств, холодный, топили печь картоном, отходами, а дрова возили на себе из леса.

В июне 1941 года Германия вероломно напала на Советский Союз, началась Великая Отечественная война. У людей изменился весь ритм жизни. Подмоковье оказалось в тяжелом положении, немцы рвались к Москве.

Началась частичная эвакуация Краснозаводского завода в г. Чебоксары,

уезжали целыми семьями. Мужчин и молодых ребят отправляли на фронт, а в тылу почти полностью их заменили женщины, молодые девушки и подростки.

Самым трудным и тяжелым, постоянно страшным был первый год войны.

Как и все, мама работала в цехе по 12 часов (порой ночевали в цехах), помогали фронту, изготавливали просяльники для смазки орудий и много было других работ (делали ручные гранаты, патроны, мины).

В цехах было холодно, хотя стояли железные печки, где иногда можно было погреть руки и снова работать.

Всех работников, а также и молодых девчонок, по очереди посылали в лес пилить дрова, чтобы заготовить топливо на неделю.

Немцы знали о месте нахождения завода и часто бомбили близлежащую к нему территорию, вели обстрел, но из цехов почти никто не уходил. Люди перестали бояться и работы продолжались.

Люди понимали, что враг будет разгромлен, и впереди – Победа над врагом! И жизнь у людей в стране наладится. В конце войны маму перевели работать в другой цех на роторные линии, где изготавливали охотничьи патроны. Там уже работали по 8 часов в сутки.

И хотя была прожита нелегкая жизнь, для моей мамы Краснозаводский завод стал судьбой и профессией на всю жизнь – это 47 лет трудового стажа от простой работницы до контролера ОТК. Сложилось так, что учиться дальше после войны маме не пришлось. Самые лучшие годы молодости были отданы работе в тылу – все для фронта, все для Победы.

Всю свою трудовую жизнь мама активно занималась профсоюзной и общественной работой, много лет была профгруппоргом цеха. Она была добрым, светлым, отзывчивым и уважаемым человеком.

После войны в 1947 году была избрана депутатом 2го созыва Краснозаводского городского Совета депутатов трудящихся Загорского района Московской области. Люди шли к ней за помощью, и она всегда всем помогала в силу своих возможностей.

За свой героический труд в тылу на производстве мама награждена медалью «За оборону Москвы», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», удостоена звания «Ветеран труда» и других наград. Всего мама имеет 12 медалей, которыми ее награждали в разные годы ее трудовой деятельности.

В 1949 году мама вышла замуж за Чернова Владимира Алистаровича, а в 1951 году родились у них две дочери: я – Надежда и Татьяна. У обоих родителей была нелегкая жизнь – в их юность ворвалась война. Вместе они прожили 65 лет, воспитали нас двух дочерей.

Семья наша была дружной, гостеприимной. В городе до сих пор с большой теплотой и уважением вспоминают моего папу, Чернова Владимира Алистаровича, все те, кто был с ним знаком.

Он родился в 1923 году 20 июля в деревне Панарино Щекинского района Тульской области.

В семье папы было четверо детей. Его отец, мой дедушка, Чернов Алистарх, умер, когда папа был маленьким. И его мама, моя бабушка, Чернова Прасковья Васильевна, растила детей одна. В те годы в деревне все жили бедно, в нищете. Работали в колхозе от зари до зари, успевали обработать свой огород и садик. И, конечно же во всем бабушке помогали дети (одна дочка и трое сыновей).

В 1930 году папа пошел учиться в Панаринскую деревенскую школу в первый класс, окончив 7 классов, решил учиться дальше и поехал в г. Тулу. Поступил в училище при оружейном заводе, получил специальность слесаря и был направлен на завод, где изготавливал детали к оружию. Работая на заводе, папа был счастлив, казалось, что вся жизнь впереди. Он и его товарищи работали, мечтали, строили планы на будущее...

Весть о начале войны застала папу в цехе за станком.

Летом 1941 года, немцы захватывали наши города и села один за другим, продвигаясь в сторону Москвы. Тульский оружейный завод отправляли в эвакуацию в г. Златоуст и г. Челябинск, но молодые ребята не поехали, они с нетерпением ждали повестки из военкомата для отправки на фронт. Но им было пока по 17 лет. Для всей страны начались тяжелые трудовые будни.

Формировались добровольные комсомольские отряды, куда папу направили от завода. В Туле ребята рыли окопы, траншеи, строили баррикады. А для Москвы наступило самое страшное время, немцы готовились в кратчайшие сроки взять нашу столицу. Пришел приказ, чтобы Тульский оружейный завод срочно направил своих работников – добровольцев в г. Яхрому рыть противотанковые рвы на подступах к Москве. И папа оказался среди этих добровольцев. Работали на совесть. Насколько близок враг и какой ожесточенной будет схватка с немцами ребята узнали уже в октябре 1941 года.

Однажды (в октябре) на строительный отряд налетела немецкая эскадрилья и начала все вокруг бомбить. Тогда папа и получил свое первое боевое крещение, осколок угодил в правую руку, ранение оказалось серьезным. Лечили в госпитале в Яхроме, а потом он вернулся домой в свою деревню, где его мама жила с младшими детьми. А в деревне оказались немцы, которые собирали по домам валенки, тулупы, картошку и забирали молодежь для отправки в Германию. Вдвоем с товарищем они сумели убежать из деревни и спасались на болоте в лесу. Когда немцы ушли, в деревне Панарино стояли конногвардейцы генерала Белова. В кинофильме «Битва под Москвой» показана папина деревня тех дней.

В начале января 1942 года папе пришла долгожданная повестка из военкомата, он был призван в ряды Красной Армии.

Служить его отправили на Дальний Восток, полк их стоял около озера «Хасан». Там он окончил школу младшего комсостава. Ему присвоили звание сержанта и назначили помощником командира взвода.

Еще на Дальнем Востоке у папы появились музыкальные способности, он мог самостоятельно подобрать и сыграть на гармошке любую мелодию к песням. Он был ротный запевала, а это было очень важно в армии. Песня помогала бойцам перед боем, подбадривала.

В мае 1943 года стали отправлять роты солдат на Западный фронт. По призыву в г. Покров всех сержантов оставили учиться в полковой школе, а после обучения отправляли на фронт. Так папа попал в звании старшины роты в 199-й Гвардейский отдельный стрелковый полк. Позднее его назначили начальником боепитания батальона. Он обеспечивал передовую линию фронта оружием, боеприпасами и доставлял солдатам сухари.

Папа воевал в составе Белорусского фронта по освобождению Прибалтики, освобождал Паневежис, Шауляй. В 1944 году в октябре был тяжело ранен под Кенигсбергом. Немецкий снаряд угодил прямо в блиндаж, рядом с которым находился склад боеприпасов. Трое суток папа пролежал без сознания в полевом госпитале на соломе, закрытый простыней, врачи не надеялись, что он выживет, но он выжил, победив смерть.

После этого ранения папа потерял слух и частично зрение. Врачебная комиссия признала его негодным к боевым действиям, но для несения внутренней службы – способен. Так из госпиталя он попал в войска МВД. Служил в г. Орше в 76-м полку Министерства внутренних дел. Обеспечивал охрану железнодорожных мостов, туннелей, перевозку грузов. После Победы его полк направили в город Витебск, там они охраняли железную дорогу до г. Полоцка. Служил папа старшиной гарнизона в Полоцке, на легендарном железнодорожном двухколейном мосту, который немцы при отступлении не успели взорвать. А в 1946 году прибыл в город Краснозаводск на охрану военного завода. В этом городе он встретил свою любовь, мою маму, Балясникову Елизавету Ивановну и остался там жить навсегда.

После демобилизации в декабре 1948 года папа пошел работать на завод. Он честно трудился не только на благо своей страны, но и ставшего родным города Краснозаводска. Для туляка-оружейника Краснозаводский завод стал совершенно естественным продолжением мирной профессии. На заслуженный отдых папа ушел, далеко переступив за пенсионный возраст.

За боевые заслуги в годы Великой Отечественной войны и мирное время у папы более 20ти Правительственных наград, а Орден Отечественной войны II степени нашел его уже после Победы.

Уже в мирное, после войны, время в расцвете своих лет у папы вдруг открылся стихотворный дар. Он стал сам сочинять стихи. Они посвящались войне, Победе над фашистами, мирной жизни земляков, родному заводу, садоводам, милым женщинам и т.д. В знак своей любви, преданности и уважения папа посвятил стихотворение своей любимой, верной спутнице жизни – жене – Елизавете Ивановне на их золотую свадьбу. Ниже я приведу это стихотворение.

Многие его сочинения, в том числе и это, публиковали местные газеты. Он до глубокой старости мог прочитать без усилий любое свое произведение, особенно любил и знал наизусть «Василия Теркина». Об этом все в городе знали и называли папу «Наш Теркин». Я говорю о людях его поколения – Краснозаводцах.

Как же он радовался, когда в 2012 г. был издан сборник его стихов. Папа был добрым, жизнелюбивым, общительным и открытым для людей человеком. Он активно участвовал в общественной жизни города и района. Был заместите-

Свадьба Золотая

Посвящается моей любимой жене
Черновой Елизавете Ивановне

*Повстречались мы случайно
В летнем парке городском.
Я одет в военной форме,
А ты – в платьице простом.
Познакомились. Влюбились.
И не думал я тогда,
Что вот здесь, в Краснозаводске
Я останусь навсегда.
Кончив срок военной службы,
Не поверил сам себе,
С вещмешком и чемоданом
Я пришел тогда к тебе.
Помню вечер новогодний,
Как полсотни лет назад
За столом – родные, гости
Ты – невеста, я – солдат.
Помню нежный звон бокалов,
Кто-то «Горько» прокричал,
Помню, как тебя, родная,
Я так нежно целовал.
Пели песни и плясали,
Пили водку и вино.
Будто все недавно было.
Было все давным-давно.*

*Ревновал тебя частенько,
Были случаи – грубил.
Но пойми меня, родная,
Я всю жизнь тебя любил
Вот с жильем проблемы были.
Все же дали нам потом.
Походили, попросили
И нас выручил Завком.
Дали комнатку и сразу
Стало как-то веселей.
И тут вскоре родились
Двое маленьких детей.
Были шепот, пересуды
У завистливых людей.
А мы, милая, растили
Симпатичных дочерей.
А теперь мы постарели.
Дочки замужем давно.
Внуки тоже повзрослели.
Всех их любим все равно.
Когда были молодыми,
Мчались годы чередой.
Незаметно так дожили
Мы до свадьбы Золотой!*

Чернов Владимир Алистарович
1999 год

лем Совета ветеранов войны г. Краснозаводска, почетным ветераном Подмо-сковья, помогал в решении любых вопросов семьям ветеранов-земляков.

В школах города встречался ежегодно с учениками, рассказывал им о страшных днях войны, о людях, которые стали «бойцами тыла». Старался при-вить детям патриотизм и любовь к своей Родине. Иногда читал им свои стихи, и они слушали его с замиранием сердца.

Со своими стихами папа выступал на торжественных мероприятиях горо-да, района. Участвовал в концертах. А 9 мая – День Победы – был самым люби-мым его праздником. На городском митинге у Мемориала Боевой Славы ему всегда предоставляли приветственное слово, и он это делал охотно, с душой, ему всегда хотелось искренне поздравить ветеранов войны, тыла и всех жите-лей города.

Неоднократно его приглашали на торжественные приемы губернатора Мо-сковской области, а в 2010 году ему выпала честь присутствовать на Параде на Красной площади в Москве, посвященном 65-летию Победы в Великой Отече-ственной войне.

Папа прожил достойную, сложную и счастливую жизнь длиной почти в 91 год. Был представителем Кагорты истинных героев нашего Отечества, вынес-

ших на своих плечах тяготы военного времени, невероятными усилиями поднявших из руин великое государство.

Его имя земляки увековечили в списках участников Великой Отечественной войны на Краснозаводском Мемориале боевой Славы.

Крякин Владимир Григорьевич

*А на Курской Дуге снова травка растёт,
Ей осколки от мин не мешают.
Редко кто-то теперь к месту битвы придёт,
Смерть, оставшихся жить, прибирает.
Позабудутся годы той страшной войны,
Танков лязганье, скрежет металла.
Бились насмерть там нашей России сыны,
Им страна свои судьбы вверяла.
Много пролито было там крови и слёз,
Хрип звучал там и мат чисто русский.
Средь зелёной травы, шума белых берёз,
Где растили птенцов трясогузки.
Сколько русских парней схоронила Дуга,
Сколько их там навеки осталось.
Там к зиме, как всегда вырастают стога,
Чтоб пурга мёртвых тел не касалась.
Может быть, там лежат чей-то брат и отец,
Их немногие близкие помнят.
Хорошо, что теперь не свистит там свинец,
Сочной травкой порос каждый холмик.
25.07.2018 г.*

Кулешова Людмила Александровна

Реквием времени

*Я чувствую – время во мне преломляясь,
Пронзает мой разум и душу, и сердце,
Проходит сквозь пальцы, мои пробивая,
Ладони. От времени некуда деться.
Как многие, предана им я, распята.
Ладони и сердце моё кровоточат.
И ангел-хранитель, покинув когда-то,
Как видно, ко мне возвращаться не хочет.
О, время! Ему подавай виноватых.
За все прегрешения прадедов, дедов,
За зло совершенное кем-то когда-то
С нас, нынешних ждет покаянья, ответа.*

*Ответа за мужество? Наши победы?-
Изгнали ордынца, поляка и шведа,
Повергли французов надменных когда-то,
Ответить должны мы за дух Ленинграда,
Что выстоял, выжил в фашистской осаде?
За подвиг бессмертный солдат в Сталинграде?..
За все злодеянья на нашей планете
Мы ныне за всех перед всеми в ответе.
Да, время жестоко, но время и лечит.
Воскреснем, сойдем мы с распятия однажды.
Поставлю я в храме за здоровье свечи.
А тех, кто погиб – будем помнить о каждом.*

Началу Великой Отечественной войны

*Ту далекую юность встречала война.
Враз взрослели вчерашние дети.
Как жестоко, порой, вырывала она
Их из детства, навеки пометив,
Болью страшных, неведомых сердцу потерь
Сколько гибло друзей закадычных!
Как заноза сидит эта боль и теперь
В них, и сердцу она непривычна.
Мирно дремлет июнь... В этот ранний рассвет.
Кто-то встретился с тем, в сорок первом.
Вновь взорвался пред ним, потомнев, белый свет...
Мысль мелькнула: «Ученья, наверное...»
Но летели снаряды. Осколками смерть
На пути все живое косила...
И уже нету сил, сон сей страшный смотреть:
«Помоги им небесная сила!»
И ребята стояли: ни шагу назад...
Пограничная Брестская крепость
Принимала в бессмертье мальчишек-солдат...
Ранним утром, туманным на редкость.*

* * *

*Я – плод любви. Представьте на войне
В огне сражений та любовь случилась.
Война влюбленных с жизнью разлучила.
Но их любовь жива, живет во мне.
За них двоих теперь я жизнь люблю,
Вот это поле, лес за синей синью.
Все то, что называется Россией.
До боли в сердце я за них люблю!*

*Бывает иногда тревожно мне,
И снова, во мне что-то колобродит.
Вдруг видится селение в огне,
Солдат к нему я вижу на подходе...
О, это предков дух во мне живет.
Он до сих пор войну, сраженья помнит
И раненых бойцов я слышу стоны
И командирское: «За Родину! Вперед!»
Я – плод любви. Представьте на войне
Под пулями меня носила мать
И родилась я, видно, ей под стать:
За дом свой жизнь отдать не страшно мне.*

Курлянич Людмила Матвеевна

С любовью

Ещё А. С. Пушкин заметил, что эмоциональная память народа глубже и обширнее памяти исторической. И, поэтому, вспоминая родную землю, землю детства и юности, давшую счастье жизни, счастье борьбы и познания, человек не может оставаться спокойным и душа его охвачена тягой возвращения к своим истокам. И чем сильнее этот зов, тем прочнее связь человека с родной землёй, с тем, что принято определять коротким и необычайно ёмким по смыслу словом РОДИНА.

Я родилась 7 октября 1938 года в городе Брянске. Что я могу помнить о войне, только отдельные эпизоды, так как мне не было и трёх лет. Очень хорошо помню один эпизод. Мы ехали в эвакуацию. Слышали гул налетающих самолётов. Поезд останавливается, и все бегут в лес. Очень было страшно! Не все, конечно, вернулись к поезду. Более подробно об этом мне уже позже рассказала мама. И ещё никогда не забуду вкус манной каши. Моему двоюродному брату было 6 месяцев. И ему варили кашу. А я стояла и ждала, когда мне достанется доесть эту кашку. Помню этот стук ложечкой о стенки эмалированной кружки.

Мы вернулись домой в октябре 1943 года, когда советские войска освободили Брянщину. Брянск представлял собой сплошные руины и пепелища. Общий ущерб, нанесённый городскому хозяйству фашистами, исчислялся в десять миллиардов рублей. Наш дом располагался на окраине города. Он уцелел.

Началась послевоенная, не менее тяжёлая жизнь. Особенно запомнились зима 1943-го и весна 1944 годов. Наступили холода. Топить печь было нечем. Каким-то чудом раздобыли печку, «буржуйка» она называлась. Топили её день и ночь углём. И надо было чем-то кормить семью. Нас было четверо детей. Папа мой – Иванов Матвей Иосифович – день и ночь работал на заводе. А все

заботы по дому легли на мамины плечи.

Пришлось маме, как и многим матерям, ходить по деревням и менять наши вещи на картошку, муку (если её можно так назвать). Весной ходили всей семьёй на колхозные поля выкапывать из замёрзшей земли мороженую картошку. Пекли из неё «блины» и «лепёшки».

У мамы было два обручальных кольца самой хорошей пробы, как говорила мама. Одно кольцо она обменяла на хлеб, а другое сберегла и подарила его мне на свадьбу. Я его до сих пор берегу и ношу как самую дорогую память о маме.

К лету 1944 года стало немного легче. У нас был свой маленький огородик, сажали в основном картофель, одну штучку делили на 4 части.

Закончилась война. Жизнь потихоньку налаживалась. Старшие брат и сестра пошли работать. Но ещё долго существовали карточки на хлеб и огромные очереди за продуктами, особенно за мукой. Это была наша с папой обязанность.

Купить вещи было очень трудно. Но у моей мамы были золотые руки. Она сама шила, вязала. Была у нас старенькая швейная машинка «Зингер». К 1 сентября 1946 года, когда я пошла в первый класс, мама сшила мне такое красивое платье! Я его помню до сих пор.

У мамы были не только золотые руки, но и доброе сердце. Она старалась помочь всем, чем могла.

Прошли годы. Все стали взрослыми, обзавелись своими семьями. Появились внуки, внучки. Никто не ходил в детские сады, всех воспитывала наша мама. Даже готовила на всех. Все жили в родительском доме. Были годы, когда наша большая дружная семья состояла из 13 человек. И был у нас, одних из первых, телевизор КВН. Все усаживались перед ним в 3-4 ряда, как в кинотеатре. Да ещё и соседи приходили. Мама всегда всех встречала с открытой доброй душой.

Вот такая была моя мама – Иванова Мария Панфиловна. Жаль только, что когда я уже стала жить самостоятельно, не успела помочь маме. Её не стало в 1965 году.

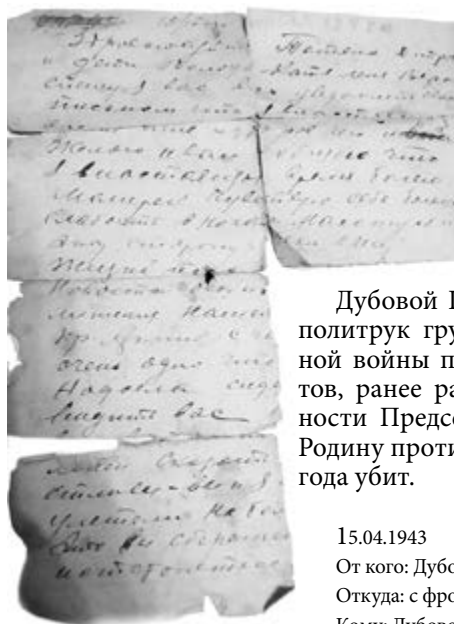
Такое искреннее, доброе отношение к людям, и прежде всего к детям своим, в какой-то мере передалось и мне. Стараюсь жить по заветам мамы. Как могу, помогаю детям и внукам своим. Сейчас растут уже три правнучки.

В Краснозаводске я живу с 1964 года. После окончания института муж получил направление в Краснозаводский химико-технологический техникум. А я поступила на работу в больницу, где отработала 51 год.

Но родные места никогда не забывались. Пока был жив папа, я и старшие сёстры ежегодно ездили ДОМОЙ. Так всегда звучало из моих уст. И сейчас, по мере возможности, езжу туда, где я родилась, где родились мой брат и две сестры, где жили мама с папой, где до сих пор стоит наш дом, в котором живёт уже четвёртое поколение.

*Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда...*

Кутловская Екатерина Сергеевна

Письмо, присланное моим прадедом — это всё, что осталось от него. Больше ничего не сохранилось. Написано с двух сторон.

Дубовой Павел Герасимович, 1901 г. рождения, политрук группы, участник Великой Отечественной войны против немецко-фашистских оккупантов, ранее работавший в Рябчевском с/с в должности Председателя, в бою за Социалистическую Родину против немецких захватчиков 13 июля 1943 года убит.

15.04.1943

От кого: Дубового Павла Герасимовича

Откуда: с фронта

Кому: Дубовой Татьяне Дмитриевне

Куда: Брянская область, Трубчевский р-н, с. Рябчевск

Текст письма:

Здравствуйте, Татьяна Дмитриевна и дети Володя, Катя, Леня, Вера. Спешу я вас всех уведомить своим письмом, что я в настоящее время жив и здоров, чего и вам желаю. В настоящее время болею малярией, чувствую большую слабость в ногах. Нахожусь по ту сторону реки в лесу. Жизнь пока.....Новостей особых.....(обрыв бумаги)

Если буду я живой, то, безусловно, увидимся с вами. Я вам послал три письма, от вас получил три письма, за которые я вас сердечно благодарю. Одежда у меня есть, обмундирование все новое. Сапоги, гимнастерки, брюки хорошие. Фуражка, ту, которую в прошлом.....(обрыв бумаги)

Таня, жду ответа, Ваш муж и отец,

Лапченко (Андрианова) Валентина Ивановна

Родилась в 1931 году в д. Селково Константиновского района Московской области. Мама, Федосеева Ефросинья Федоровна, 1910 года рождения, этой же деревни. Папа с нами не проживал и воспитывал меня отчим Константин Иванович Моряков. У мамы было еще двое детей — Анатолий Константинович и Юрий Константинович. В начале войны в 1941 году мама работала на кирпичном заводе. Ездил в командировки на лошади за сеном на неделю. А я остава-

лась (9 лет) с маленькими детьми: 6 месячным Юриком и пятилетним Толиком. Жили мы в холодном бараке, голодные, кушать было нечего. Я просила своего двоюродного брата Николая Васильевича Егорова распилить столб для топки печки. На печке готовила еду в чугушке, варила суп. Я получала карточки на продукты. Хлеб получали по карточкам в палатке на поселке «Теплоизолит», а за коммерческим хлебом ездили в Москву. Когда была бомбежка, прятались в метро «Комсомольская», иногда приходилось там ночевать. Утром выходили занимать очередь за хлебом, он был в два раза дороже, вставали несколько раз в очередь, привозили по 10 кг. И из него сушили сухари. Помню в Хотьково не было хлеба, тогда я с незнакомой женщиной встала на буфера между вагонами товарного поезда, который остановился на станции, и поехала в Загорск за хлебом. В магазине продавец отрезал карточки и, пока я расплачивалась в кассе за хлеб, у меня их украли. Мы остались без хлебных карточек на целый месяц. Мама очень плакала. Ели суп из крапивы и лебеды. Мама сказала: «Валя, лебеду есть больше не будем, от нее пухнут». Мы стали рвать конский щавель, подорожник, а за щавелем ездили в Монино. Весной, после перекопки совхозного поля, собирали гнилую картошку и жарили на плите «тошнотики». Немцы очень бомбили Хотьковский мост, но ни разу не попали. Он очень хорошо охранялся зенитками, мост служил важным объектом во время войны. Из Москвы шли эшелоны с ранеными, а из Сибири шли эшелоны с военной техникой и солдатами.

Мой брат, Егоров Иван Васильевич, воевал на фронте рядовым в 49-ой стрелковой дивизии. В 1942 году был связистом под Сталинградом. В 1943 году получил ранение, отправили лечиться в Ярославль, но т.к. ранение в бедро было тяжелым, его из Ярославля отправили в Читу. Возвращаясь из госпиталя, поезд остановился на станции Хотьково, ему помогли сойти с поезда, и он на костылях дошел до пожарной будки, а оттуда уже сообщили родным. Была зима и родственники на санках привезли его домой на поселок «Теплоизолит». Награжден орденом Отечественной войны 1 ст. С 1944 года работал на заводе «Электроизолит» автослесарем, затем шофером.

Еще помню, когда объявляли военную тревогу по радио, мы бежали в бомбоубежище. Однажды мы прибежали, а оно было наполнено по пояс водой.

Потом маму перевели вместе с работой в г. Щелково в артель «Красный перевозчик», где она также работала на лошади. Там было много лошадей, всех их забрали на фронт, а три лошади оставили. Мама продолжала работать с тремя женщинами на лошадях. Я оставалась одна с детьми дома. Училась я в школе в г. Щелково, который также подвергся бомбежке. Помню, как я с подружкой сидела на крыльце, ели зеленый горох, вдруг на это гороховое поле упал вражеский снаряд и взорвался. Барак задрожал, и мы убежали от испуга. Брат Юра умер в 5 лет от плеврита. В Щелково работали пленные немцы, копали кюветы для дороги под трамвай. Они просили в обмен на кольцо папиросы или хлеб. Однажды я шла с хлебом домой поздно, в меня мальчишки кинули

камнем, попали в голову, я пролежала сколько-то времени без сознания, но хлеб у меня никто не взял.

После войны отменили карточки. Закончила я шесть классов и, так как нечего было носить, поступила в ФЗО на хлопчатобумажный комбинат, там выдали обмундирование: бушлат, ботинки, чулки, платье синее. Там я участвовала в соревнованиях, ходила на политзанятия. После окончания ФЗО работала на хлопчатобумажной фабрике прядильщицей в Щелково. В 1950 году вышла замуж за военного Леонида Семеновича Лапченко, который служил и работал на аэродроме сварщиком. В 1952 году родился сын Вячеслав. Вместе с сыном уехала на Украину к свекрови и прожила там 9 месяцев. Вернулась опять в Щелково и поступила на работу. Сына оставляла с восьмидесятилетней бабушкой. Муж отслужил в армии, и мы переехали в Хотьково в 1953 году в МЖБК, где нам дали комнатку. Пошла на работу в детские ясли. Родился 1954 году второй сын – Валерий. Я уже работала арматурщицей на строительстве железобетонного завода в Карьероуправлении (п. Мостовик). После завершения строительства завода работала на станке по изготовлению бетонных плит и колец. В 1961 году родилась дочь Ирина. Вступила в члены КПСС в 1964 году. Затем перешла работать на завод «Электроизолит» клейщицей миканитов – изоляционных материалов для самолетов, пароходов, паровозов. От ПМК получили квартиру в 1974 г. в городе Хотьково. Была награждена за хорошую работу медалями «Победитель социалистического соревнования 1973 г., 1976 г., 1979 г., грамотами и подарками от Министерства электротехнической промышленности. Имею звание «Мастер золотые руки». На демонстрациях в городе от завода «Электроизолит» ассистировала Красное Знамя завода. В 1977 году меня с мужем послали в Монголию для передачи опыта. Работали там три года. За участие в Соцсоревновании правительство Монголии меня наградило медалью и почетной грамотой «Соцсоревнование за 1980 г.». Была активным участником общественной жизни: пела в хоре, участвовала в спортивных соревнованиях. Закончила университет «Советская женщина – строитель Коммунизма» в 1981 году. Директор был доволен моей работой и продлил срок командировки в Монголии на целый год. После командировки вернулась на Родину в Хотьково Сергиево-Посадского (Загорского) района и ушла на заслуженный отдых.

Лебедева Лариса Ивановна

*70 лет прошло
После войны,
Глубокие раны зажили
Всей нашей огромной страны.
Но видим в кино мы
Частенько сейчас,
Как жизнь отдавали
Солдаты за нас.
Чтоб жили все долго,
И горя не знали,*

*В то время они
Лишь об этом мечтали.
И все мы должны
И обязаны им,
Таким дорогим,
Ветеранам живым.
Всё меньше и меньше
Становится их.
На параде мы смотрим
С уважением на них.*

*И так нужно всем нам
Их старость уважать.
И дела их большие
Всем нам продолжать.
И мир наш беречь,
И детей нам растить.
За тех, кто погиб
Мы обязаны жить.*

*И будем мы помнить
Мёртвых и живых,
Таких всем нам близких,
Таких всех родных.
Пусть солнышко ярко всем светит,
И бежит по вселенной года.
Пусть на свете рождаются дети,
И не будет войны никогда!*

Левченко Евгений Иванович

Мой отец, Левченко Иван Степанович, родился 10 декабря 1912 года в сельском поселении Валуевское Ремонтнеского района Ростовской области. С ноября 1934 года по декабрь 1936 года проходил службу в Советской Армии в Загорском районе. После службы остался в Загорском районе и поступил на работу на предприятие №11, впоследствии переименованное в Краснозаводский химический завод.

В 1938 году мой отец женился на моей маме, Моисеевой Анне Ильиничне и 27 декабря 1939 года у них родилась моя сестра, Левченко Зинаида Ивановна.

В июне 1942 года отца освобождают от работы в связи с призывом в рабоче-крестьянскую Красную Армию (РККА). Призывают в 316-й противотанковый артиллерийский полк по специальности шофер. По распределению его направляют на курсы водителя-механика танка в город Арзамас. После окончания краткосрочных курсов он получает технику. Формируются экипажи танков Т-34 и в составе эшелонов их перебрасывают в район Великих Лук, где идут ожесточённые бои. Отец принимает свое боевое крещение в составе 3-й Ударной Армии. Он был одним из участников пленения немецкого генерала фон Засса в Великих Луках.

Отец много рассказывал о военной поре, особенно запомнился один из случаев. Его танк шел по дороге во главе колонны, и командир танка неожиданно приказал моему отцу остановиться, но не смог четко объяснить причину остановки. В это время, пока командир общался с экипажем, сзади идущий танк обогнал их и возглавил колонну. Пройдя около одного километра, головной танк подорвался на mine.

В составе 3-й Ударной Армии мой отец участвовал в штурме Берлина. На стене Рейхстага он оставил свой автограф и написал слова: «Хотел взять Москву, а сдал Берлин». Награжден Орденом Отечественной войны II степени, медалью «За Отвагу», медалью «За Победу над Германией» и юбилейными медалями.

Отец был демобилизован в январе 1946 года. После демобилизации вернулся на предприятие №11 на должность шофера.

23 октября 1948 года родилась моя сестра, Левченко Нина Ивановна, а 13 сентября 1958 года родился я, Левченко Евгений Иванович.

Отец продолжал работать вплоть до 1990 года. В возрасте 79 лет он ушел с завода на заслуженный отдых и посвятил себя воспитанию внуков. 28 января 2001 года он умер.

Лешкова Нина Борисовна

Наши фронтовики.

Мой папа Борис Иванович Куров вспоминает о своей сестре.

Курова Юлия Ивановна

Период Великой Отечественной войны с 27 июня 1941 года по 18 октября 1945 года Юлия Ивановна работала в эвакогоспитале №1987 старшим лаборантом.

Участие её в Отечественной войне с Германией с мая по декабрь 1942 г. проходило на Волховском фронте; с декабря 1942 г. по июль 1944 – на Ленинградском; и с февраля по май 1945 г. на 2-м Белорусском фронте.

Приказом от 6 ноября по управлению местного эвакопункта №99 старшему лаборанту Куровой Ю. И. вынесена благодарность за самоотверженную работу по сохранению жизни и здоровья и быстрейшему возвращению в строй раненых бойцов, командиров и политработников, создание наилучших условий по уходу и заботу о советских воинах.

Приказом №73 от 22.02.44 по управлению фронтового эвакопункта №211 за образцовую работу по организации лечения раненых и их материально бытовое и культурное обслуживание старшему лаборанту Куровой Ю. И. была объявлена благодарность.

Приказом №0506 от 14.05.45 по войскам 2-го Белорусского фронта Курова Ю. И. награждена орденом Красной Звезды.

Курова Ю. И. состояла в звании младшего лейтенанта медицинской службы.

Юлии Ивановне в связи с призывом в армию пришлось оставить на произвол судьбы необеспеченную престарелую мать. Ее брат Куров Борис Иванович в то время также был на фронте, а его семья в эвакуации. Юлия в письмах ободряла мать и поддерживала её посылками.

В письме из Боровичей от 15.07.42 Юлия писала маме: «Как же мне хочется в Калинин, ты и представить себе не можешь, но начальник об этом и слышать не хочет. Всё время в голове у меня одна мысль: «Когда было бы лучше тебе – при мне в Боровичах или одной в Калининне? Как ты живёшь и как твоё здоровье? – это меня волнует. Ведь я знаю, что одной тебе трудно очень, но как быть не придумаю. Как бы мне хотелось попасть к тебе.»

Сохранился единственный военный снимок Юли в гимнастёрке и пилотке. На обороте карточки написано: г. Боровичи, Новгородской области 22.10.42 года «На добрую память Маме. Помни, что я всегда с тобой. Юлия.»

Из характеристики Куровой Ю. И. «Это безукоризненно знающая, сознательно растущая в своей области, исключительно трудолюбивая и трудоespo-

собная товарищ Курова, совместно с коллективом лаборатории, обеспечила 100-процентный охват всех массовых потоков больных раненых госпиталя квалифицированными лабораторными исследованиями. Наряду со своей основной работой товарищ Курова постоянно проводила курсы повышения квалификации лаборантов.

На фотографиях однополчан, подаренных ей, написано: «В память вместе проведённых лет в РККА во время Великой Отечественной войны Куровой Ю.И. – помощнику и другу, с которым делили радость и горе в дни тяжелейшей и напряжённой работы. Скромному и Самоотверженному человеку. Человеку в полном смысле этого слова.»

После войны работала лаборантом во 2-й областной больнице г. Калинина, а когда вышла на пенсию – библиотекарем. На протяжении всей жизни вела большую общественную работу.

Мой муж Лешков Борис Григорьевич

Родился 29.04.1925 г. в селе Чеховка Погарского района Брянской области, в 1941 году окончил второй курс Трубчевского зооветтехникума. С октября 1941 года по сентябрь 1943 года проживал на территории временно оккупированной фашистскими захватчиками. Был связным в партизанском отряде. В сентябре 1943 года призван в ряды РККА. Воевал в составе 1-го Белорусского фронта 397 стрелковой дивизии затем 3-й Прибалтийский фронт в декабре 1944 года 1-й Белорусский фронт 12 гвардейская стрелковая дивизия.

Приказом от 01.06.45 года химик разведчик взвода химзащиты 448 стрелкового полка красноармеец Лешков Борис Григорьевич за то, что в боях с фашистскими захватчиками при форсировании реки Одер под огнём противника производил задымление участка переправы, а также под артиллерийским огнём противника своевременно переправил дымовые средства на западный берег реки Одер награждён медалями За Боевые Заслуги и За Отвагу. Его воинское подразделение участвовало в освобождении Варшавы, бра-ло Берлин, за что красноармеец Лешков Б.Г. имеет соответствующие награды.

После окончания войны служил в рядах советской армии по март 1950 года.

Затем продолжил обучение в Трубчевском техникуме, после которого поступил в Московскую ветеринарную академию. По окончании её работал завучем Всесоюзного заочного сельскохозяйственного техникума.

Мне хочется вспомнить замечательную семью моего мужа: отец Лешков Григорий Васильевич – учитель сельской школы, мама Лидия Степановна, старший брат Владимир

– полковник, был призван в армию до войны, сестры Людмила – учительница младших классов, Зина – помощник агронома.

В сентябре 1941 года немцы захватили Брянскую область. Семья Лешковых поддерживала связь с партизанами. Но уже выявились полицаи, которые предавали, доносили немцам о партизанах.

Зина была связной в отряде. Встречи назначались в бане. Полицаи выследили Зину и затем немцы угнали её в Германию. Отца Григория Васильевича забрали в гестапо.

Пытали несколько дней, но он ничего не сказал. Избитого, больного выкинули на улицу. Жена Лидия Степановна выходила его, и он прожил до 1950 года.

Сестру Зину в Германии выставили на продажу. Её купила немка с семьёю детьми и заставляла стирать каждый день по двести штук белья. Хозяйка была строгая и жадная, кормила впроголодь, хотя подвалы были забиты продуктами: маслом, окороками, головками сыра. Зина выполняла всю грязную работу – мыла, убирала, готовила, стирала, от усталости валилась с ног.

Однажды она познакомилась с другой русской девушкой, работавшей на другую немецкую семью, и они решили бежать. На третий день побега их поймали. Девушки не знали, что в фартуках вшиты записки с их именами и фамилией хозяйки. Их вновь выставили на продажу и вновь они оказались у прежних хозяев, но кормить их стали получше. После освобождения Зину отправили на Дальний Восток на войну с Японией.

Владимир Григорьевич Лешков

Старший брат Владимир Григорьевич – кадровый военный, командир пулемётной роты. Воевал на Карельском фронте. Награждён Орденом Отечественной войны 2-ой степени, медалью За оборону Советского Заполярья. Из приказа о награждении: «В бою 12.12.41 будучи политруком пулеметной роты в районе озера Ори-Ярва лично из станкового пулемёта отразил атаку немцев истребив при этом до взвода гитлеровцев, 20.03.44 лично руководя боем 2-х рот сумел окружить разведроту противника захватив 2 офицеров и истребив взвод немцев.» После войны полковник Лешков В.Г. служил в Кандалякше, а затем был назначен начальником штаба ГО города Горького.

Мама Лидия Степановна в войну готовила передачи партизанам, шила и ремонтировала для них одежду. Она умела шить без выкройки по размерам на глаз. Мама делала всё, чтобы её сыновья получили высшее образование. Когда младший Борис учился в Ветеринарной академии она отказалась от помощи старшего сына Владимира в пользу младшего хотя жили после войны очень бедно. Её уважали и любили все жители села Чеховка.

Лопатина (Малых) Татьяна Александровна

15 лет как ушёл из жизни мой отец, Малых Александр Алексеевич, но наша семья, родственники и хорошие знакомые храним память о нём и о его фронтовом пути.

Папа родился 12.09.1915 г. в городе Загорске, в семье рабочих. Окончив школу, он учился в Москве в ФЗУ по специальности электромеханик железнодорожной связи. Затем он работал электромехаником на Московском железнодорожном ремонтном заводе. Через год его призывали в армию, он служил в пограничных войсках, за отличную службу его направили в спецшколу командиров младшего состава. После учёбы он служил в погранвойсках в Белоруссии, в Прибалтике. Он участвовал в Фин-

ской войне в звании старшего лейтенанта.

Весной 1941 года папа приезжал в отпуск в Загорск, где женился на моей маме и увёз её на место службы в Эстонию в г. Реквер. Но счастье их длилось недолго, началась война. Военнослужащим было дано 10 минут на сборы и прощание с семьями. Семьи были эвакуированы в тыл. Во время эвакуации были частые бомбёжки, а моя мама уже ожидала меня, но к счастью мама благополучно добралась до Загорска. А отряд отца был направлен пешим строем по Финскому заливу в Ленинград. По дороге были развешаны репродукторы, из которых доносилось: «Сдавайся, рус! Сдавайся, вы окружены!» Отряд моего отца попал на Пулковские высоты, где папа командовал взводом. Папа рассказывал, что силы противника превосходили наши в несколько раз. Много было пролито крови и потеряно друзей. В одном из боёв под деревней Кискино отец был ранен и контужен, попал в медсанбат, но поправился быстро и снова на поле боя. Он был направлен в 330-ый стрелковый полк на «невском пятакче». С февраля по апрель 1942 года отец участвовал в 8 переправах, в десятках ожесточённых боёв. Папа рассказывал, что в одном из боёв на «пятакче»: «Огненный вал бушевал более двух часов, авиация противников нанесла невиданный бомбовый удар. Фашисты бросили на нас танки и три тысячи пьяных солдат. Но противник просчитался, наши бойцы сражались до последнего вздоха. Зрелище было ужасающее, на переднем крае лежали сотни убитых. Горел металл, горела земля, а люди сражались. Тогда говорили: « Кто на «пятакче» не бывал, горя не видал, кто на Дубровке смерть миновал, тот во второй раз рождён». В течение 8 дней в апреле 1942 года 330-ый стрелковый полк, в котором держал оборону командир взвода, мой отец, выдерживал по 15 ежедневных атак немцев. Каждый день уносил около 800 солдат. Здесь же получил второе тяжёлое ранение и мой папа. На его теле не было живого места от осколков, перебиты рёбра, повреждены сухожилия. Несколько кусочков металла врачи извлекли из тела, и папа хранил их, а несколько осколков так и остались в его теле на всю жизнь. Отец чудом избежал смерти. У отца было много наград, в том числе два Ордена Красной Звезды 1 и 2 степеней, Орден Отечественной войны 1 степени

и много медалей, в том числе: «За оборону Ленинграда». Будучи в госпитале с тяжёлыми ранениями, папа узнал, что его полку было приказано прикрывать отход наших войск с «пяточка» и все его однополчане погибли. Об этом в своём стихотворении написал поэт Л.Хаустов:

*По Неве отходили солдаты,
И стонал под дивизией лёд,
Оставался лишь 330-й
Полк, стрелковый, прикрывший отход.
В дело шли и штыки, и гранаты,
И накатывал огненный вал –
Этот доблестный 330-й
Полк, стрелковый, отход прикрывал.
Словно спички ломались наматы,
Но закрыты фашистам пути,
И последним он, 330-й
Должен был по Неве отойти.
Только тронулся лёд ноздреватый,
Зашумел ледоход, закипел,
И случилось, что 330-й
Не успел отойти, не успел.
В сердце есть незабвенные даты,
Долу клонится знамени шёлк –
То сражается триста тридцатый
До последнего писаря полк.*

После выписки из госпиталя папа в составе 2 Украинского фронта освобождал Украину и страны Европы. День Победы папа встретил в Румынии в Бухаресте. Из армии по сокращению, по состоянию здоровья, он ушёл в 1954 году в звании капитана.

После войны папа трудился в военкомате, а затем 20 лет проработал в НИИ прикладной химии. До конца своих дней папа занимался общественной работой по патриотическому воспитанию молодёжи. Он написал лекцию о «Блокадном Ленинграде» и читал её в учебных заведениях и на предприятиях. Папа часто ездил в посёлок Березняки в школу №102 с лекциями, помог оформить там комнату Боевой Славы. Туда он передал осколки от своего ранения и кусочек хлеба из блокадного Ленинграда. Папа подарил в библиотеку этой школы много книг, всю свою библиотеку. Пока позволяло здоровье, ездил каждый год на 9 мая в Ленинград на Путиловские высоты. Папа ушёл из жизни 6 июня 2003 года. В мае 2003 года он подарил все свои фронтовые награды на хранение в краеведческий музей г. Сергиева Посада.

Мазаева Татьяна Алексеевна

*Бессмертный подвиг
В Сталинграде на Кургане
Стоит памятник «Родина-мать».
Его создали мы, россияне,
Чтобы подвиг не забывать.
Подвиг героический наших солдат,
Что в землю здесь полегли,
И даже у мертвых стрелял автомат,
Чтобы Волгу враги не прошли.
На этом кургане сейчас тишина,
А в сорок втором было море огня.
Рев самолетов, снарядов и бомб,
Кто же мог выстоять в аде таком?
Враг был уверен: падет Сталинград.
Медали готовы и будет парад.
Но только одно враги не учли:
Солдаты Чуйкова у них на пути.
Снайпер Зайцев сказал: «Нет за Волгой земли
Немцам, ребята, нас не пройти!»
Сражались за дом: за подвал, за этаж,
Закончился Гансов «победный вояж».
Ватутина славные наши бойцы
Фронт немцев, румын рассекли.
Удар был столь мощен, напорист, силен,
Враг дрогнул, смешался и был окружен.
Что ж, немцы, позабыли вы?
Заветы Бисмарком даны:
С Россией надо торговать,
Но никогда не воевать!*

Майорова Алевтина Михайловна

Забывать нельзя, хотя до сих пор помнить страшно
Депутат Государственной Думы РФ Сергей Пахомов очень четко отозвался о подростках-тружениках тыла: трудовые достижения тех, кто в 1941-1945 годах детьми успешно трудились на полях сельского хозяйства, снабжали армию продуктами. Их труд можно сравнить с подвигами солдат на полях сражений. После окончания войны на их плечи легла тяжелая ноша восстановления разрушенных городов и деревень, развития сельского хозяйства.

Они заслуживают признательности и уважения.

Любая война – событие очень страшное, связанное с гибелью людей и военных, и гражданских, с многочисленными разрушениями многих объектов, которые потом трудно восстановить. Война с немецкими фашистами внезапно ворвалась в нашу жизнь, принося боль и страдания в каждый дом, в каждую семью. Она переложила на хрупкие плечи женщин и подростков, оставшихся в тылу, непомерный труд и душевные переживания. Мне в июне 1941 года было шесть лет, но я до сих пор помню, как развивались события, особенно, когда рассказываю детям и внукам о том времени, после чего не могу уснуть.

Жили мы, три сестры, на окраине города Ярославля в маленьком собственном доме с отцом, матерью. Я была младшей. Помню, как весной мы перекапывали картофельные поля с целью найти перемороженные, оставшиеся с прошлого года картофелины. Мама их жарила, делила по штукам, с голода они казались очень вкусными.

Во время войны люди часами стояли в очередях за получением хлеба и продуктов по карточкам. Очереди были очень длинные. На руках химическим карандашом писали номера очереди. Всегда находился энергичный человек, который наблюдал за очередью, заносил в список всех очередников, иногда производил переключку.

На протяжении всех военных лет городские жители ходили по деревням с целью поменять какие-то свои вещи на овощи, особенно картофель. Прожить только по карточкам было очень сложно, голодно. Осенью, после уборки зерновых, иногда оставались колоски, не захваченные комбайнами, люди начинали их собирать, но очень быстро было запрещено это делать из-за возможного оставления колосков специально комбайнерами. За сбор колосков можно было попасть под суд.

В первые дни войны военкомат объявил мобилизацию мужчин на фронт. Наш отец в числе первых был тоже призван. Мы сразу осиротели, в доме остались четыре женщины. Все, кроме меня, работали: мама на лесопилке, старшая сестра, Валентина – на аэродроме медсестрой, средняя, Людмила – токарем по металлу.

Вышел приказ – у каждого собственного дома выкопать окоп для своей семьи. Мама с моими сестрами выкопали. Окоп был маленький и представлял собой сырую яму, закрытую сверху досками. Вблизи находился гражданский аэродром, при объявлении тревоги мы бежали в окоп, мне голову закрывали подушкой, чтобы меньше слышала грохот. При близких взрывах всё ходило ходуном, было страшно там находиться, казалось, что нас засыплет землей. Очень страшно было слышать, как приближается самый огромный немецкий самолет «летающая крепость». Он летал на большой высоте недоступной для наших зениток. Гул у него был особый, душераздирающий. Мы всегда его отличали от других самолетов.

Аэродром охранялся несколькими истребителями, на одном из них летал Козлов Виктор Ефимович, муж моей сестры Валентины. После полета им иногда давали шоколад, он как младшей, приносил мне шоколадку. Чтобы хватило на несколько дней, я её не ломала и не кусала, только лизала, боясь уронить крошечку.

После воздушного боя Виктору Ефимовичу приходилось иногда с трудом

посадить подбитый самолет. В одном из боев немецкий фашист протаранил самолет его друга. Виктор очень долго переживал его смерть, сам имел ранения и контузии, но остался в живых.

От страха у меня начались заикания, говорить могла только «на распев». Отец возвратился с войны в 1944 году инвалидом 2 группы, без ноги. До конца жизни ходил на костылях, не было денег на приобретение протеза. В 1946 году сестра Людмила устроилась на работу в ЖКО Загорска, ей дали маленькую квартиру. Мы всей семьей переехали к ней, кровати ставить было негде, спали на полу.

В Загорске я пошла в 4 класс школы, продолжала заикаться, долго лечилась у врача – логопеда. Жили мы бедно, как правило, одежду и обувь я донашивала после сестер до полного износа. Отец начал работать извозчиком на лошади, а мать – в прачечной. Купили гнилой домик на улице Рыбной, на его месте построили новый дом.

Я начала работать с 13 лет в торговле по продаже велосипедов, затем работницей в ЗОМЗе и оператором в НИИ прикладной химии до ухода на пенсию. Любую работу я выполняла добросовестно, с удовольствием.

В НИИ прикладной химии награждалась почетными грамотами, знаком «Победитель социалистического соревнования», медалями «Ветеран труда», «За доблестный труд», которую вручали в Кремле.

Малышева Галина Ивановна

Моя семья до начала войны жила во Владимирской области в деревне Полувзвоз. У папы с мамой уже было шестеро детей. Семья в 1941 году переехала в Московскую область поселок Зеленый Загорского района. В этот же год отец, Ягненков Иван Петрович, 1898 года рождения, ушел на фронт, а через пять дней на свет появилась и я, в семье стало семеро детей.

Отец на фронте был сапером. По рассказам мамы, Ягненковой Натальи Семеновны, 1898 года рождения, было очень тяжело. Леспромхоз выделил нам в поселке комнатку в бараке с печным отоплением. Постарше братья ходили в лес собирать хворост, помогали маме добывать еду. Мама не работала, со старшими детьми корчевали пеньки и разрабатывали землю для выращивания овощей. Мама рассказывала, как однажды два брата подобрали несколько картошин на улице и милиция забрала их в отделение, а мама ходила их выручать. Очень хотелось хлеба и вообще катастрофически не хватало еды. Хлеб делила мама на маленькие кусочки. Один из братьев однажды, еще не понимая происходящего, сказал ей: «Иди, мама, купи 10 буханок хлеба». Была очень страшная беднота и голод, не было одежды и обуви, чтобы ходить в школу. Наша мама была очень терпеливая и добрая женщина, как только смогла она все это вынести. Папа вернулся с войны в 1945 году и впервые увидел меня. После войны начался восстановительный период.

Посвящается матери

Об этом, конечно, не вспомнить нельзя.
 У нее осталась большая семья.
 И было всего из богатства у них,
 Лишь хлеба горбушка на всех семерых.
 Как трудно ей было, тому не понять
 Чьи мужья не ушли воевать
 И короткой казалась темная ночь.
 Работать голодной
 Ей было не в мочь.
 А утром вставали они ровно в шесть.
 Хором просили у мамы поесть,
 Но тихо молвила детям она:
 — Скорее бы кончилась эта война.
 Стояли детишки с тоскою в глазах
 И слезы застыли у них на щеках.
 И так захотелось всем детям тогда,
 Чтоб мир был на свете для всех и всегда!

Маслова Валентина Викторовна*Строки памяти*

Моя мама, Никитина Евдокия Матвеевна, родилась в 1916 году в с. Воловниково Клинского р-на М.О., работала и стеклодувом в д. Корост и пионервожатой в Воловниковской школе. В 1939 г. она окончила Клинскую фельдшерскую школу и была направлена на работу в Зубовскую больницу, где и проработала до своей смерти (1969 г.).

В конце ноября 1941 года, когда немцы рвались к Москве и подступали к городу Клину, то все больницы в Клину были закрыты, были открыты лишь полевые госпитали. Однако Зубовскую больницу из-за удаленности от города никто не закрывал, поэтому всем раненым красноармейцам оказывалась помощь. За это время была оказана помощь более 300 раненым. При приближении немцев медперсонала осталось мало. Кто-то скрывался в деревнях, кто-то уехал; остались: главврач Анна Тимофеевна Рыбакова со своими двумя малолетними детьми, моя мама с трёхлетним ребёнком, санитарка Пелагея Орлова и повар больницы Ксения Ефимовна Белоусова. После отступления Красной Армии в больнице оказались раненые бойцы, которые не смогли уйти с отступающими частями. Вот и пришлось оставшемуся персоналу лечить и обслуживать больных и раненых. Многие бойцы переживали, что их могут выдать немцам, но медперсонал сделал всё возможное, чтобы скрыть раненых. Больных не брили, переодели в гражданское бельё, а всё их обмундирование и оружие было спрятано и завалено окровавленными бинтами. К тому же у них лежал тяжелораненый работник штаба,

которого они постарались отправить на машине в сторону Дмитрова, т.к. понимали, что в случае прихода немцев, его могут выдать.

Когда 24 ноября 1941 г. немцы оккупировали территорию больницы и потребовали от главврача и медсестры, чтобы они выдали командиров и красноармейцев, то им было объявлено, что здесь лежат только крестьяне из близ лежащих деревень с подозрением на тиф. Поскольку в госпитале света не было и для освещения пользовались коптилкой (это пузырёк с керосином и фитильком), а для осмотра больных зажигали лучину, то света было мало. К тому же, было сказано, что в больнице кроме раненых крестьян лежат и тифозные больные, поэтому немцы не решились на осмотр помещений, а только выставили пост у дверей и кроме врача, которая два раза в день приходила на осмотр и медсестры, никого не допускали. Кормили больных бедновато, но регулярно. Штабная машина, в которой были продукты, оставленные для больных, подорвалась на mine. Кое-что из продуктов удалось собрать и спрятать. Повар использовала это для приготовления скудных обедов больным. Ведь во время оккупации никаких поставок питания и медикаментов не было, пользовались тем, что было в наличии. Девятнадцать дней хозяйничали немцы на территории д. Зубово, и все эти дни моя мама любовно ухаживала за ранеными, спасая их жизни, оказывая им помощь, не думая, что в любую минуту может быть расстреляна фашистами.

12 декабря 1941 г. Первая ударная Армия под командованием Кузнецова В.И. перешла в наступление и выбила немцев из этих мест. Медики обратились к командирам, и попросили забрать раненых бойцов для оказания более квалифицированной помощи. Сначала им не поверили, что на оккупированной территории сохранились бойцы Красной Армии. Для этого к ним прислали проверочную бригаду, которая опрашивала самих раненых, как их спасали, как к ним относились врач, медсестра, няня и опрашивали даже население, которое тоже лежало в госпитале. Медики представили спрятанные документы, оружие, обмундирование. Это тоже опасная сторона спасательной операции, которая могла обернуться бедой, но никто из опрошенных не сказал плохих слов в адрес медиков. Бойцов забрали, а через некоторое время от командования Первой ударной пришла благодарность за спасение раненых.

Прошло время, шла война, в Зубовской больнице так же трудились медики на своих местах, но однажды в июле 1942 г. мою маму и гл. врача вызвали в Москву в Кремль, где им Суслов М.А. вручил по правительственной награде: ордену «Красной Звезды». Там же мама была сфотографирована с орденом на груди, и это была единственная фотография с наградой. К орденской книжке прилагались и проездные билеты для бесплатного проезда по железной дороге и на водном транспорте один раз в год. Но мама так ни разу этим и не воспользовалась. В 1946 г. мама была награждена медалью «За доблестный труд в Великой отечественной войне», но она была скромным человеком и никогда об этом не рассказывала. Все награды хранились в комодке и никогда не до-

ставались. Она продолжала трудиться в той же больнице всю свою жизнь, очень любила свою работу и людей, которым оказывала медицинскую помощь. На территории посёлка и в близлежащих деревнях не было человека, который бы не знал Евдокию Матвеевну, через неё прошли тысячи людей и все были ей благодарны за приветливое участие в их жизни и её квалифицированное обслуживание больных. Маме писали и те спасённые солда-

ты, но мы не понимали ценности тех писем, которые я видела в портфеле на чердаке – эти маленькие треугольники из тетрадных листов. Как бы хотелось вернуть то время и сохранить эту память для потомков.

Жизнь в стране постепенно налаживалась, наступило время «оттепели», когда понемногу стали открываться архивы, кого-то реабилитировали, кого-то отпускали на волю из тюрем. В это время комсомольцы поисково-исследовательской группы во главе с Полётовой Майей Андреевной стали собирать материалы о времени оккупации г. Клина и района в 1941 г. и разыскивать героев этой войны. Так они вышли на мою маму, и так наступило время, когда к 20-летию Победы её пригласили в школу, чтобы она рассказала о том героическом времени. Она очень волновалась, когда готовилась к этой встрече. У меня осталась тетрадь с её записями об этих событиях, которая мне очень дорога. Когда в 2015 г. мы всей страной отмечали 70 лет Победы над фашизмом, я эту тетрадь дала своей внучке Масловой Даше, и её учительница зачитывала эти записи перед всем классом. В этот год я со своими родными принимала участие в марше Памяти «Бессмертный полк». У моей мамы Никитиной Евдокии Матвеевны: первый муж Лялин В.Г. погиб в 1942 г. под Смоленском; старший брат – Алексей – рядовой, пропал без вести в 1942 г.; средний брат – Иван – красноармеец – убит в 1944 г.; младший брат Александр – мл. лейтенант 254 истребительного авиаполка погиб в первом бою под Киевом 26.06.1941 г. Ведь если задуматься, то около одного человека было столько погибших родных в эти суровые годы. Будем помнить и чтить. Слава всем, кто помог защитить нашу Родину и выстоять!

Матьяш Светлана Александровна

Ветеранам

*Поклон Вам низкий ветераны!
За доблесть, честь и за любовь!
За то, что Русь Вы отстояли,
В атаках проливая кровь.
Вы были молоды когда-то,
Надеждою своей страны.
Вы, не моргнув, пошли в солдаты,*

*Когда сверкнул оскал войны.
В лишениях, в испытанье тяжком
Свою Вы юность провели.
Звучал набат в сознанье Вашем:
«За Родину! За пядь земли!»
Вы не считали время, даты,
Стремилась в бой громить врага.
Не уронили честь солдата,
Она была Вам дорога.*

*Благодаря напору, силе
Врага Вы лютого сломили.
И над рейхстагом флаг России
Под бой свинцовый водрузили.
Не все пришли с победой гордой
В борьбе за Родину свою.
Но память наша – вечной одой
С мольбой за тех, кто не в строю.
Вы наша честь и наша Слава!
Вы нашей Родины оплот!
Солдату Слава! Слава! Слава!
Горда за Русь, за мой народ!
2004 г.*

* * *

*Сыну Дмитрию,
а так же сынам Отечества нашего
посвящается*

*Сыны Отечества родного!
Юнцы безусые пока.
Российской армии основа.
Вы – гордость наша на века.
Вы – память наша о погибших,
Что пали грудью навсегда,*

*Державу нашу отстоявших
У зверски лютого врага.
И пусть вы юны и безусы,
И не солдаты вы пока.
Но твёрдо знаю я – у русских
Солдата слава велика.
И знаю я, не дрогнет сердце
У вас – мальчишек молодых,
Когда вдруг кто-то по соседству
Решился дать нам всем под дых.
Надеясь, веруя, любя,
Свои колеуи преклоняю
Перед тобой – моё дитя
И песнь свою тебе слагаю.*

Мелешкова Светлана Николаевна

3 декабря 2017 я встретила юбилейный день рождения. Мне исполнилось 80 лет. Много это или мало? Наверное, много. По мере возможности готовилась к встрече гостей, но большую помощь оказали дети: столы, сервировка и покупки всего необходимого. Вот тут-то пришло ощущение, что 80 – это много. Много уже не можешь сделать самостоятельно.

Собрались дети, племянники, внуки и правнуки. А правнуков уже 5 человек от школьников до нескольких месяцев (самой маленькая, Кира, появилась совсем недавно). Внуки сидят за столом на правах взрослых, а ведь были недавно маленькими, а их дети – правнуки. Малышам очень весело, они бегают, играют, прячутся, кто куда, никто их не ругает.

Мне, глядя на этот праздничный стол, на веселье и игру малышей, вспомнилось моё военное детство. Я рада, что всем моим родным, детям и внукам, не довелось пережить то, что пережили мы в таком возрасте...

Они не знают, что такое колоски. А мы ходили их собирать в поле после того, когда сожнут пшеницу или рожь. А собирать-то, оказывается, было нельзя, за нами гнались верхом на лошади, и мы бежали врассыпную по Язвицкому полю, на котором сейчас находятся коллективные сады. А ещё собирали картошку после зимы. С осени ее не успевали убирать, и она оставалась в земле. Называли мы эту картошку пончиками. После того, как мама запечет ее на сковороде в печи, то вкуснее ее с хрустом песка на зубах мы ничего не знали. Вот такое военное время нашему поколению пришлось пережить.

А жили мы на Нижнем посёлке. За рекой Куньей были два двухэтажных дома, которые назывались гостиницами. Это самая окраина Краснозаводска. Когда идут передачи по телевизору про войну, сразу встают детские воспоминания. Вспоминаю, как пришёл брат с работы с повесткой на фронт. Часто у меня стоит в памяти, как от нашей гостиницы, через мост, отправлялись новобранцы на фронт, а мы рядом бежали, не понимая, что это навсегда. В моей памяти всегда вспоминается гул бомбардировщика, и мы с сестрой бежим куда-то. Она несёт какой-то узелок и документы, а меня ведет за руку. Разница в возрасте с сестрой у нас 10 лет, она с 1927 года, а я – с 1937. А моя старшая сестра, 1921 года рождения, всегда носила меня на руках.

Очень хорошо помнится, как ночью дежурили взрослые у домов...

Около 1-го цеха был лес, вот в этом лесу были выкопаны окопы, где все прятались во время воздушной тревоги. Помнится, что очень хотелось есть. Моя мама работала в 1 цехе. Им давали спецпитание, но она его не съедала, а кашу приносила в бумажке, а иногда в лопуховом листочке. Мы всегда ждали ее, кипятили самовар и, когда самовар закипит, разбавляли эту кашу водой. Но иногда был праздник! Сестра сдавала кровь и после сдачи крови она привозила брикеты каши. Это была радость. Большое ей спасибо. К сожалению, она рано ушла из жизни.

Самые горькие минуты были те, когда мы получили письмо из госпиталя. Брат оказался тяжело раненным и лежал в госпитале в Ярославле. Мама в это время собиралась на работу. А пришла такая весть: брату ампутировали ноги. Слава богу, что жив. Прочитав этот треугольничек, мама пошла на работу, а я провожала ее до горы.

А самое приятное воспоминание – это возвращение брата с фронта. Очень хорошо запомнилось, это мне сейчас так кажется, был очень солнечный день. Помню, как я стояла на стуле между тумбочкой и столом, и около меня стояла мама, а сестра Нина стояла около окна, и я услышала крик: «Мам, Алексей идёт!» Вошел брат в комнату, и мне не понятно: «А почему у него две большие палки под мышкой?» А это, оказывается, большие костыли – он пришел без ног. У него были протезы, которых я очень боялась, когда они стояли около кровати. Помню, как я все время помогала брату расправлять длиннющие бинты. Алексей держал бинт в руке, а я выходила даже в дверь в другую комнату, чтобы натянуть. Потом я сматывала их в трубочку. А зрелище не очень приятное, когда смотришь на истерзанные больные ноги.

Тяжелое было военное время, а после войны тоже было нелегко. В первый класс я пошла в школу, которая называлась «Нижнепоселковая начальная

школа». Мне мама связала тапочки, а на подошву пришила клеенку. Можно представить, как пройти в таких тапках по влажной земле или траве. Помню, поскользнулась я и упала, книги и тетрадки рассыпались, когда из рук выпала шитая сумочка (портфель).

Но все-таки, как бы горько и трудно не жилось, все равно у нас было детство. Мы видели поля, засеянные и колосившиеся, в которых приветливо мелькали васильки. Современные дети с телефонами в руках, с пивом и сигаретами не знают и не видят, не замечают такую красоту. Никто даже не представит, что такое пройти по дороге, по которой с двух сторон растет пшеница или рожь. Мы собирали васильки и плели венки из них.

Целый день на улице едим дудки, пеструшки и щавель. А когда созревала черемуха, только и сидели на деревьях и ели ягоды черемухи. Сейчас это даже представить никто не может.

А мельница, которая была на реке Кунья! Это район подножия Выпуковской горы со стороны церкви. Сколько было впечатлений от шума падающей воды с вращающихся колес! А рядом, в сторону деревни Григорово, протекал ручей с прозрачной ледяной водой, мы называли его Гордоль. В настоящее время все это ушло в прошлое, а ведь раньше на коромыслах из-под горы носили вкусную ледяную воду. А какая была заводь около мельницы, в которой росли кувшинки и лилии!

Мы любили играть в лапту, штандеры, 12 палочек, в прятки. Прятки – самая любимая наша игра. Прятались за сараи, которых вокруг было предостаточно. Любили играть и в лапту. Лучше всех играл в лапту Виктор Смирнов, ударит по мячу – попробуй, поймай. И это не случайно – в послевоенное время он стал тренером по футболу и много лет работал на нашем стадионе «Старт».

Вот такие картины-воспоминания о военном детстве и той трудной поре жизни запечатлела моя память...

Мерзлякова (Лугинина) Мария Кузминична

Родилась 23 июля 1929 г. в д. Казань Кировской области. Бабушка и дедушка были людьми богатыми. Мама, Татьяна Семеновна, вышла замуж за моего папу, Лугинина Кузьму Григорьевича, и уехала в Москву. Прожили там два года, потом в 1936 г. приехали в Хотьково. Вначале сняли комнату и прожили в ней 4 года, а потом построили свой дом на ул. 3-е Митино. Папа работал проводником на поездах дальнего следования Москва-Дальний восток, а потом на заводе 717 (Электроизолит) в Хотьково. Я окончила 7 классов. В июне 1941 г. по радио-тарелке объявили о начале войны, папа сразу пошел в военкомат. Его определили пекарем хлеба на пекарню, а потом взяли на фронт. Мама не работала, вела свое хозяйство, детей было шесть человек.

Мне не было еще и 15 лет (не хватало двух месяцев), я пошла работать на завод 717. После окончания курса мастеров в 1947 г. меня поставили заместителем мастера цеха. В 1949 г. уволилась по состоянию здоровья и уехала ра-

ботать в Москву, где работала в метрополитене эл.механиком. С мужем, Женей Мерзляковым, познакомилась в 1957 г., когда он приехал в отпуск домой к родителям, жившим тоже в Хотьково. Через два месяца мы расписались и уехали в Мурманск, где прожили 5 лет. Там родилась дочь Светлана, но так как это север и солнечных дней меньше, чем пасмурных, дочка стала болеть, и мы вернулись обратно в Хотьково. Я пошла работать на завод «Электроизолит» уже контролёром и работала до самой пенсии. За работу в тылу меня наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.» Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 марта 1946 г.

Это фото сделано в 1944 г. – был почти конец войны. Слева в первом ряду Майорова Лидия Григорьевна, рядом с ней я, Лугинина Мария Кузьминична, во втором ряду Фадеевы – Аня, Тоня и Зинаида. Вспоминать войну очень тяжело и страшно. Нас было шесть детей. Хлеба давали по 200 граммов на человека, и он почему-то прилипал к ножу, когда его резали. Однажды мы поехали за хлебом в Загорск, и, не доезжая станции Семхоз, поезд стали бомбить и обстреливать. Все попрятались в вагоне под скамейки, а мой брат выставил ручку и стал ловить пули, но, слава богу, все обошлось. Мы выскочили из поезда и пошли пешком обратно домой. Брат меня повел через лес, через д. Гаврилково, через кладбище, было очень страшно, а он меня успокаивал. Бомбили железнодорожный мост. Одна бомба упала в пруд по ул. 3-е Митино. Нас отправили к дому № 4 (красный магазин) переждать, пока её найдут, а вот нашли или нет, не помню. Тогда это был единственный дом четырехэтажный, везде были деревья и кусты, около него стояла колонка, где люди брали воду. Еще одна бомба упала около больницы на станции Хотьково.

Еще помню: из Москвы или в Москву шел поезд с цистернами с бензином. Опять началась бомбежка, в состав попала бомба, и вылилось очень много бензина. Люди стали заполнять все ведра, бидоны бензином и носить домой, керосина – то тоже не было. На поле около завода № 717 (сейчас построен стадион «Олимп» («Энергия»), стояли зенитки. В музее «Абрамцево» был госпиталь и мы ходили выступать перед ранеными.

Под строительство завода военнопленные немцы копали каналы. Около завода были бараки (вдоль дороги к ЦНИИСМу) и землянки. Сейчас там гаражи и овощехранилище.

Где жили люди, еще был деревянный клуб и показывали кино.

Муравьев Иван Федорович

Мое раннее детство прошло в военное время, но войну, как всенародное бедствие, я не ощущал, так как наша Горьковская область не была прифронтовой полосой. Поэтому ужасов войны, последствий вражеских действий я не пережил.

Родился я в июне 1940 года, а папа ушел на фронт в июне 1941 года. Я не успел осознать, что у ребенка должен быть папа. Война не лишила меня отца, она мне его не дала. Поэтому время войны, вернее, жизнь в военное время у меня связано только с мамой, с ее тревогами и радостями в этот период. Тревоги? – понятно: нет писем от мужа, надо чем-то накормить детей, а нас у мамы было двое, я и брат, старше на два года. Радость приходила весточкой с фронта и отправлялась по тому же адресу обратно: дети здоровы, вроде бы сыты, есть работа, которая дает на хлеб. Мама была учительницей в начальных классах.

Свое детство помню с трех лет. Конечно, это время меня чем-то обделило, что-то отняло. А что? – отцовскую любовь, но не отняло, а просто не дало. Можно сказать, что жил я безотцовщиной до 1945 года. Раненый, но живой, с руками и ногами, без физических потерь, папа пришел с фронта.

До этого я жил с мамой, понимал, вернее, чувствовал ее тревоги, но в чем наши беды не понимал. Хотя, что-то в моем сознании гнездились. Вот случай, дело было зимой. Мы с другом, тоже безотцовщиной, пошли за три километра в районное село, называлось оно Вад, что в Нижегородской, тогда Горьковской области, к его маме, работавшей в столовой. Она нам дала по кусочку колбасы, понимала, что мы голодные. Как уж она могла выкроить эти кусочки? Я не знаю, только помню, что кусочки, мой по крайней мере, были маленькие, полностью скрывались в горсти. Ну какая горсть у трехлетки? И вот возвращаемся мы в село, называлось Мордовское, зима, три километра. Родился-то я в селе Зеленые Горы, но война заставила переехать в с.Мордовское, так как только там нашлась работа для мамы. Идем, колбаска в ладошке вкусно пахнет и так хочется есть. Но помню мысль, которая роилась в голове: надо отдать маме. Понимал, каким-то десятым чувством, что мама голодна. Понимать-то понимал, но голод есть голод. И я по чуть-чуть отщипываю от кусочка, вернее, очищаю его, сначала кожицу, а потом и основную часть, но не откусываю. Очевидно, догадываюсь, что если откушу, то съем весь кусочек. Так и донес до дома, до мамы эту общипанную колбаску, а мама поделила ее между мной и братом. Очень вкусная была колбаса. Я потом за свою долгую жизнь не ел больше такой вкусной колбасы, разве только в Казани, в студенческие времена, колбаса из конины была столь же вкусна.

А тревоги? Были тревоги небоевого характера, так как у нас не бомбили, не жгли избы. Я воспринимал тревоги по-маминому поведению, по ее лицу. Понимал, что что-то случилось, так как мама не улыбается, когда обнимает нас с братом, а тесно прижимает к себе, гладит наши головы, что-то тихо говорит:

то ли себя успокаивает, то ли нас напугать боится. И так каждый вечер, когда приходит из школы, да еще и слезы на глазах. Мне тепло от ее ласки, хорошо. Это потом я узнал, что от папы не было писем более трех месяцев. Он был сильно ранен в правую руку и еще в нижнюю часть живота. Это потом сказало-сь на его здоровье, он умер в 1956 году. Писать он не мог, а других не просил, понимал, что написанное чужой рукой будет восприниматься, как похоронка.

А радости, чисто детские радости? Конечно, были. Помню, как помогал маме на сенокосе. У нас была коза Люська, ее надо было кормить зимой венниками и сеном. Без козы мы бы жили очень скудно. Тогда я узнал, что траву можно косить, а можно жать серпом. Это мама мне объяснила, посылая ворочать траву, которую она косила, а соседка жала. На вопрос: «Мам, а как я узнаю наша трава и бабушки Дуни?» «Наша скошена, а другая сжата», – отвечала мама.

Ну, а коза Люська – наша кормилица была, конечно, благодарна зимой за хорошее сено, давала достаточно молока и кашу сварить, и картошку молоком заправить, да и нам с братом иногда перепало. Выручала она нас, но нашлись лихие люди и украли ее осенью из нашего сарайчика. Как мы прожили зиму без нее, я не могу вспомнить, но как-то перебились, а летом, в июне, вернулся с фронта папа. Помню, мама была дома. Был выходной день. Прибегает из школы сторожика и говорит, что ее в школе ожидает какой-то военный. Как мама бежала в школу, а я за ней (брат, наверно, тоже бежал, но у меня в памяти это не отложилось). Прибежали, видим, на ступеньках сидит какой-то дядя в гимнастерке, в обмотках, рядом вещмешок, не толстый, на поясе фляжка, на голове пилотка, усатый улыбается. Что это мой папа, я не понял, но, что это человек не чужой, догадался по маме: «Феденька», – крикнула она и обняла этого усатого дядю. Так я познакомился с папой. Он меня сразу узнал, потому что на фотографиях, которые мама высылала ему в письмах, я был уже большой и толстый.

Из его военных трофеев запомнил штык-нож и котелок, наполненный чем-то желтеньким. Я решил, что это масло, но это был маргарин. Сначала он был не очень вкусным, но потом вкусно ели с хлебом. Три медали украшали его гимнастерку.

Из военного детства, до пятилетнего возраста, запомнились танки. Событие было поздней осенью. Кто из моих друзей, а может быть и из взрослых, первым увидел танки, я не помню. Помню, как мы, малышня, крутились около них, трогали гусеницы, пытались на них залезать, видели танкистов. Помню их хмурые лица. Танки шли из Горького, где их производили и капитально ремонтировали, на станцию Бобьельская, что на Ваду. Остановились танки в Мордовском по какой-то причине. Может быть, среди танкистов были земляки. Постояли машины недолго и пошли на станцию. Мы их провожали взглядом до околицы. Брат мой позже говорил, что кроме танков он видел и самолеты, немецкие самолеты, летящие бомбить Горький. Но это было редкостью.

*Война гремела где-то глухо.
Бомбежек нет, есть вдовий крик.
А горе, страх и голодуха
Казнят, почти, как вражий штык.*

*Не знали мы войну с изнанки,
Но и в тылу она не мед.
Я в детстве видел наши танки,
Их гнали осенью на фронт.
Танкисты хмуры, как из клетки
Глазами шарили родню.
А мы, военные трехлетки,
Настырно лезли на броню.*

После войны мы переехали в село Зеленые Горы. Было обычное деревенское детство. Я осознал, что у меня есть папа, что он главный в доме. Потом была учеба в Зеленогорской школе. Это трудное, военное время, но и там были радости: печеная картошка, лесные витамины – дикий лук, щавель, много других трав; рыбалка на речке Сережа, премии за отличную учебу (тетради или книги). Папа приучил к охоте и доверял нам с братом ружье, курковую двустволку 16 калибра. Это у меня текла обычная жизнь, а у моих друзей, отцы которых не вернулись с войны, она была другой. Этим пацанам приходилось туго, очень туго, некоторые нищенствовали, ходили в «куски». Если бы не колхоз и школа, было бы еще труднее. Школа самым бедным давала верхнюю одежду, колхоз помогал выжить, особенно многодетным вдовам. Было очень много сирот-безотцовщин. В нашем селе было полтора десятка дворов и только в двух были мужики: один в возрасте, был в плену у немцев еще в Первую Мировую войну, другой не был мобилизован по какой-то причине. В остальных избах дети есть, а отцов нет. У моего друга, с которым просидели десять лет за одной партией, другая трагедия: отец с фронта вернулся, но бросил семью. Не оказывал никакой помощи сыну, но Виктор выучился и стал волжским капитаном. Будучи уже взрослыми. Мы затрагивали эту тему, он не простил отца и контактов с ним не искал. Все мы, наши деревенские, выжили, выросли, выучились, не утратили чувства любви к Родине, к своему селу. Понимаем сейчас и понимали тогда, что без любви, без своих корней, настоящей жизни, за которую не стыдно, не бывает.

* * *

*Были мы голодны, но не нищи
Духом деревенским, блеском глаз.
Верили, что перст судьбы отыщет,
И удача чмокнет в лобик нас.
Нам ни что не сковывало души,
Нас манил свет радужных огней.
Как одной шестой частью суши
Восхищались Родиной своей.
Родиной своей большой и малой.
Что крылит под солнцем и луной.
Мы гордились, что отцы со славой –
Кто полёг, а кто пришёл домой.*

*Эта слава, эта гордость стала
Нашей путеводной звездой:
Повзрослев, не испугались далей,
Зашагали по одной шестой.
Мы пошли, к пути равнодушны.
Мы прошли и вдоль, и поперёк.
И строптивы были, и послушны:
Как смогли, вернее, кто как смог.
Есть награды, есть успех житейский.
Не бывало доли без беды.
Сохранили дух мы деревенский,
Сохранили, этим и горды!*

Об отце

Солдатом шёл дорогой долгой,
 Как вехи, ставя обелиски.
 Заря надежд взошла над Волгой,
 Но до Берлина путь неблизкий.
 ...
 Не канут кровь и жертвы в лету,
 За Сталинградскую зарю.
 «Спасибо деду за победу»,
 А я отца благодарю
 За зов «Ура» в аду атаки
 И за автограф на рейхстаге.
 За то, что в схватках, в муках, в бе-
 дах
 Он смерть свою не повстречал.
 За то, что он победным летом
 В своей любви меня зачал.
 Дышал и жил любовью этой:
 В его руке – моя рука.
 ...
 В победный день с его портретом,
 Я – в строй «Бессмертного полка».
 Он молчалив, я бессловесен,
 Но доложу, не промолчу:
 Мой внук, ему семнадцать вёсен,
 Стоит со мной плечом к плечу.
 05.2016 г.

Николаенко Нина Алексеевна

Мой отец, Говорков Алексей Петрович, 1915 года рождения был уволен в запас с действительной военной службы в 1939 году. Там он получил армейскую специальность орудийного и минометного мастера. Но не долго ему пришлось быть гражданским человеком. В июне 1941 года началась Великая Отечественная война, а в январе 1942 года отец ушел добровольцем на фронт. В тылу у него осталась беременная жена с маленьким ребенком. Брат родился в марте 1942 года и мама, неуверенная в том, что муж останется живым назвала сына его именем. Воевал отец в звании гв. сержанта в 41 Гвардейском корпусном артиллерийском ордена «Александра Невского» полку РТК на Западном, Калининском, 2-м Белорусском фронтах.

Командование полка высоко ценило его как специалиста – орудийного мастера, в шутку называя «орудийным доктором». Находясь постоянно в полевых

Письмо

Пламя доски сырые лижет,
 А солдат, посветлев лицом,
 Потянулся к огню поближе
 С чуть развёрнутым письмецом.
 Не читает – изгибы гладит-
 Помнит слово в слово строку:
 «Папка, папка, ну, как там гады,
 Скоро ль сгинут в русском снегу?»
 Это пишет сынишка-школьник,
 Что осилил четвёртый класс.
 Развернул боец треугольник
 И читает в десятый раз.
 ...
 Что ответить тебе, сынуля?-
 Немцы сами не гибнут..., а жаль.
 Убивают их наши пули,
 Их сжигает сердце наших жар.
 Ты спросил: «Этих фрицев много ли?»
 Обещаю, сыночек мой,
 Что добью их в берлинском логове
 И с победой вернусь домой.
 Всё. Кончаю: ракета светит.
 Значит снова в атаку, в бой...
 ...
 Я шепчу тебе строчки эти,
 Веря в жизнь и храним тобой.
 30.10.2009 г.

условиях, в любой боевой обстановке, используя свой и трофейный инструмент, он устранял все неисправности орудий (так было написано в наградном листе).

В декабре 1943 года в кровопролитном бою под Витебском был ранен и отправлен в госпиталь. После выздоровления отцу очень хотелось вернуться в свой полк. Но его полк с боями далеко продвинулся вперед. Он уже думал, что ему больше не доведется воевать в родном полку, с боевыми товарищами. Но ему повезло, он случайно встретился с однополчанином и тот помог ему отыскать свой полк. А 4 марта 1945 года, когда батарея подверглась ожесточенному артиллерийскому обстрелу противника, в стволе одного нашего орудия застрял снаряд, выведя его из строя. Отец решил рискнуть и зарядить орудие вторым снарядом, тем самым после выстрела освободить ствол. Чем закончится эта операция, не мог предвидеть никто. Но отцу повезло. Невзирая на обстрел, он быстро восстановил повреждение, чем дал возможность орудью вести огонь и поддерживать наступающие части пехоты (так было написано в наградном листе). Его представили к правительственной награде – ордену «Красная звезда».

Мой отец, Говорков Алексей Петрович, закончил Великую Отечественную войну в Польше. Был демобилизован в октябре 1945 года. Имеет орден Отечественной войны, медали «За отвагу», «За боевые заслуги». В мирное время трудился до 75 лет на Краснозаводском химическом заводе, имел несколько рационализаторских предложений.

Умер в возрасте 92 лет в 2008 году. Похоронен в Краснозаводске.

Новикова Людмила Николаевна

Новикова Людмила Николаевна (Кузнецова) родилась в 1937 году в деревне Стройково Сергиево-Посадского (Загорского) района Московской области. Моя мама, Домна Ивановна Коновалова, 1902 года рождения из деревни Васильевское Загорского района вышла замуж за Рузакова Павла Ивановича и переехала жить в деревню Стройково. У них родился в 1923 году сын Владимир. Отец много работал, труд тяжелый – он копал колодцы. Однажды он очень сильно простудился, настолько сильно, что умер, и мама осталась с маленьким сыном и со своей матерью. Второй раз мама вышла замуж за Кузнецова Николая Матвеевича 1911 года рождения из хутора

Калабино – это недалеко от деревни Стройково. Он был моложе мамы на девять лет. От Николая она родила еще четырех детей. Отец ходил по деревням – строил дома, а мама работала в колхозе: сначала на свиноферме, а потом дояркой на ферме. Когда началась война, отец ушел на фронт. Я не понимала, что это такое, но помню, как было нам тяжело. Сестры ходили с мамой на ферму, она учила их доить коров, кормить. Они помогали, как могли, и я с ними тоже бегала. А бабушка была слепая, но все равно сидела с внуком Сергеем. Отца забрали на фронт 23 июня 1941 г. Он прислал только одно письмо с дороги, и только в 1946 году, по запросу матери в Загорский горвоенкомат, ей ответили,

что он пропал без вести. Так мы стали сиротами. Старший брат, Володя, работал на заводе ЗОМЗ, там начинали гранаты порохом, а потом, весной в распутицу, все очень плакали, потому что его провожали на фронт.

Между деревнями Стройково и Шапилово рубили просеку, там были завалы, не знаю для чего.

Сестра Нина ездила в Еремино пилить лес. Летом мы кушали траву, мама где-то покупала жмых и пекла лепешки с конским щавелем, а суп из лебеды был очень вкусным. Собирали дудки и ели. Весной копали гнилую картошку и вместе с отрубями пекли лепешки. За работу в колхозе за трудодни маме давали зерно. У соседа Михаила Савинова

были жернова и он разрешал молоть муку. Из крупного помола варили кашу. Потом приобрели кур, овец, корову. Молоко возили продавать в Москву.

После войны до 1950 года в деревне Стройково не было света, учиться бежали в соседнюю деревню Кудрино. Одеть было нечего, мама залатает дырки на локтях, и носим. Если валенки на пятках прорвались, отнесет сапожнику, он подошьет их, и опять ходим. В Кудринской школе закончили 4 класса, а дальше надо было ходить в 1-ую школу на ул. 2-я Рабочая в г. Хотьково. Сестры не могли ходить так далеко, поэтому оставались работать в колхозе. Перейти на работу на Горбуновскую фабрику тоже не могли, директор колхоза не давал справки, а без нее не брали. Семь классов окончила только я одна. Сначала тоже работала в колхозе, а с 1954 по 1957 год работала на Горбуновской фабрике ткачихой, а потом на заводе «Электроизолит» намотчицей изоляционных материалов. Вышла замуж в 1962 году и родила двоих детей.

Сестра Валя сначала работала нянкой в Загорске, потом, когда исполнилось 18 лет, пошла работать на завод «Электроизолит». Мы, три сестры: Валя, я, Нина и брат Сергей работали в одном цехе на одном заводе. Валя получила звание «Ветеран труда».

Только сейчас, когда появился Интернет, мы смогли найти документы о гибели отца и брата: Володя был убит в бою 15 марта 1943 г. под д. Киево-Ленинградской обл. Моему отцу было всего 30 лет, когда он погиб в плену. 9 июля 1941 г. попал в плен и 30 сентября 1941 года он умер в лагере шталаг I В.

Слева – мой отец Николай Матвеевич Кузнецов, а справа – брат Володя Рузаков.

Носкова Мария Александровна

Носкова (Сычева) Мария Александровна родилась 8 декабря 1933 г. в Костромской (Ярославской) области Парфеньевского района д. Костылево. Мама, Мухина Александра Ивановна, 1905 года, родилась в деревне Якимцево. Папа, Сычев Александр Иванович, 1903 года рождения. У родителей нас, детей, было семь человек:

Жили мы бедно в Костромской области, отец с братьями ездили на заработки строителями в город Долгопрудный ст. Водники. В 1937 году у него случился инфаркт сердца, и 26 марта он умер. Мама не работала, но все жители были

привязаны к колхозу, и документы были в колхозе, а без документов мы ехать никуда не могли.

В то время вышло какое-то распоряжение Сталина, по которому на седьмого ребенка выдали деньги, и мама дала взятку председателю колхоза, чтобы он отдал документы. Тогда мы все переехали в Водники к старшим братьям. В доме было всегда много молодежи, они приходили в гости к братьям и сестрам. Мама очень дружила с соседской семьей, которая тоже была без отца. Мама была добрая, и все дети приходили к нам. В Водниках был завод по ремонту морских судов, а на территории завода росли шампиньоны, и мы, ребяташки, подлезали под колючую проволоку и собирали там грибы.

Старший брат Николай женился на Лидочке и уехал в Выборг под Ленинград. Когда началась война, его призвали на фронт, он был шофером в 71-ой стрелковой дивизии, а 7 декабря 1941 года пропал без вести. Лида с сыном приехала в Водники. Помню, что в Водниках жили еще заключенные, которые строили канал Волга – Клязьма. Немцы были уже близко, и нас предупредили, что откроют шлюзы на заводе, если враг подойдет еще ближе. Тогда мы эвакуировались в Костромскую область в родной дом. Дом был большой, просторный, пятистенок. Работали в совхозе, помогали полоть и колотить лён, жать серпом рожь и пшеницу, вязали снопы, зерно сушили в сарае: укладывали снопы наверху, а внизу жгли костер, – так сохло зерно. За работу давали зерно, и мы ходили на ручную мельницу, крутили жернова и мололи зерно на крупу. Заготавливая дрова, мы с братом пилили ручной пилой, ему тогда было шесть лет. У мамы заболела двоюродная сестра, надо было ухаживать за ней. Было холодно и голодно, тогда мама продала дом на дрова эвакуированным детям в детский дом в обмен на продукты, и мы уехали к маминой сестре в марте 1944 года. Учились мы в избе, где в одной половине дома шли уроки, а в другой половине жили люди. Закончила я 4 класса в этой деревне. От деревни, где мы жили, до школы ходили пешком 5 км.

Четыре моих старших брата погибли на фронте: Сычев Николай Александрович 1914 г. рождения.

Сычев Александр Александрович с 1916 года рождения, красноармеец 4 сбр, призванный Краснополяским РВК, погиб 8 марта 1942 года под деревней Павловка Думинического р-на Калужской обл. Похоронен в Маклаки Калужской обл. Увековечен: Книга Памяти. Московская область. Том 5 ч.2. стр. 363, Калужская область. Том 9 стр.503, Костромская область. Том 9 стр. 116.

Сычев Павел Александрович 1921 года рождения проживал до призыва: ст.Водники поселок М.К.В. Савеловской ж.д. Московской области. Призван 3 ноября 1940 года Краснополяским РВК. Рядовой ППС 515. Пропал без вести в декабре 1941 года. Увековечен: Книга памяти. Московская область. Том 29 часть 1 стр. 528.

Сычев Алексей Александрович с 1924 года учился в Москве в училище и проживал на ул. Горького, д.27, кв.5. Когда началась война, он ушел в народное ополчение, был телефонистом, погиб 26 августа 1943 года около д. Поляна Хомутовского р-на Калужской обл.

В 1945 году к нам в Костромскую область приехали вербовщики на работу

на железную дорогу. Я уговорила маму завербоваться и в конце мая 1945 года приехали в Хотьково Загорского р-на. Жили в бараке около железной дороги. В комнате жили 3 семьи. Потом дали комнату в 12 метров. Мы жили с мамой и братом Володей. Нас тоже оформили на работу, на железную дорогу, чтобы получать карточки на продукты. Мы пололи траву, насыпали специальной лопатой песок под шпалы, чтобы они не гремели, копали кюветы от снега, чтобы снег не засыпал шпалы. У нас была козочка, траву косить не разрешали, мы жали серпом под кустами и сушили сено. Жили в бараке дружно, старались не ругаться. Потом, к 25-летию Победы, маме дали квартиру на улице Черняховского за погибших сыновей.

Сестру Валю, с 1926 года рождения, в 15 лет забрали на трудовой фронт. Одеть было нечего, т.к. всю одежду променяли на еду. Валя работала в Ярославле клейщицей, делали понтоны для перекидных мостов. Потом с Ярославля перевели в Рыбинск, где работала токарем. В 1945 году мама стала хлопотать о переводе сестры. Собрала все документы о гибели детей и направила их Калинин. Валю отпустили, и она приехала в Хотьково Загорского р-на, работала в санатории «Абрамцево». Во время войны госпиталь находился в музее, а санаторий – за прудом. Валя вышла замуж и жила в комнате в двухэтажном доме, потом дом сломали и построили гостиницу, а сестру переселили на улицу Серова в дом 38.

Я окончила 4 класса, а потом три года мы рубили метлы и продавали, чтобы купить хлеба. В 1948 году я поступила в ФЗУ и училась 1,5 года, потом работала вязальщицей на трикотажной фабрике, изделия которой отправляли за границу. Окончила семь классов в вечерней школе в 1952 году.

Со своим будущим мужем, Мишей Носковым, я познакомилась, когда он учился на 3-ем курсе Хотьковского техникума, а в 1952 году по приказу Сталина он поступил в Житомирское артиллерийское училище, а я поступила в Московский техникум Советской торговли на ул. Бакунинская. Хотела поступить в педагогический, но не приняли – прописка была пригородная. В 1955 г. я окончила техникум, а муж – училище. За хорошую учебу его зачислили в воинскую часть в Мытищах. 30 сентября 1956 года мы поженились. Нам дали комнату 14 метров в офицерском доме в Новых Мытищах. В 1958 году родилась дочь Татьяна, жили в этой в/части до марта 1959 года, потом часть расформировали и мы переехали в Солнечногорский район в часть полка ракетчиков. Прожили мы там 8 лет. Работы в части не было, и я вместе с соседкой устроилась на птицефабрику «Майдарова» и работала там до 1967 года. Дочку взяли в садик. Я работала сначала секретарем директора совхоза, а потом в ветеринарном кабинете. В 1963 году родился сын Саша. Потом, через 2 года, устроилась в сельпо на ст. Поварово товароведом. В 1967 году муж окончил заочное отделение Академии и перевелся в Нарофоминский район в часть ПВО. Там жили по 2 семьи в комнате. Потом приехали в Хотьково к маме. Муж работал в ЦНИИСМ, и в 1981 году мы получили квартиру на ул. Академика Королева.

Брат Володя работал на Хотьковской фабрике резных изделий по специальности – «костерез – ажур». У него были золотые руки. Был он очень добрым, как мама, всегда помогал всем. Очень жаль, что теперь нет с нами самых дорогих нам людей.

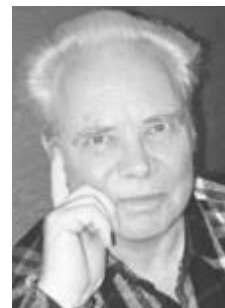
Орехова Татьяна Борисовна

Любите Россию!

*Любите Россию, родные края,
Где в колыбели качали тебя;
Это овражки и звон ручейков,
Где в детстве ловили мы майских жуков.
Любите Россию, где мысли простор
Рождает на ткани чудесный узор,
Где каждый, в ком радостно сердце поёт
Мог выплеснуть в песне душевный полёт.
Любите Россию, там блеск куполов,
Там колокол в сердце проникнуть готов,
Там Лавры могучей натуженный зов
Россию спасал от внезапных врагов.
Любите Россию, в которой сыны
Сражались за Родину в годы войны,
Где плачут берёзы о павших бойцах,
Чей подвиг находится в наших сердцах.
Любите Россию такую, как есть –
Господь указал нам достоинства честь,
Он сам испытанья терпел не скорбя,
И нам завещал жить и верить любя.
Любите Россию, любовь победит!
Весь мир на Россию с надеждой глядит.
Великий Творец за собой нас ведёт,
Земля возродится и счастье придёт!*

Островский Валерий Семенович

Защитникам Отечества

*Вы из тех, кто в руках не однажды держал автомат.
Для кого жизнь – сплошная граница,
Кто вставал на заре под тревожный набат,
Кем Россия достойно гордится.
Вы из тех, кто в кровавом 41-ом году
Заслонил своей грудью Россию,
И в бессмертье ушел, превратившись в звезду,
Что рубином горит в небе синем!
Вы из тех, кто с последней гранатой в руке
Замер в бронзе – стоит на разъезде,
К ним, бессмертным, с поклоном идут старики,
Им цветы возлагают невесты.
Вы из тех, кто прошел пол-Европы пешком,
И в цене для кого лишь отвага;
Кто тогда написал: «Рядовой Иванов!»
На поверженных стенах рейхстага.*

*Вы из тех, кто всегда себя видит в строю,
Хоть и жизнь вас нещадно косила.
Вы из тех, кто дал главную клятву свою:
«Мы тебя защитим, Россия!»*

Солдатам той войны

*Мы идем, в руках несем цветы,
Скорбью припорошенные лица.
Долг отдать солдатам той войны,
Им, бессмертным низко поклониться!
Поклонимся всем тем, кто жизнь отдал,
Кто в тень не спрятался, не юркнул под скамейку.
Парнишке, кого ещё лишь ветер целовал,
Избравшего в подружки трехлинейку.
Поклонимся созревшим мужикам,
Кого война от дела оторвала,
Кого любимая с ребенком на руках
Последний раз от дома провожала.
Поклонимся в сединах старикам,
Хоть им исполнилось чуть-чуть за тридцать.
Поклонимся старушкам-матерям
Полвека верящим: «Сынок мой возвратится!»
Покоится мечтатель здесь, он зажигал огни,
А рядом с ним лежит несостоявшийся в той жизни гений...
Поклонимся им низко, до земли,
И станем перед ними на колени!*

Паршина Ирина Филипповна

Я родилась в 1939 году в г. Коломна Московской области. В нашей семье были ещё брат и сестра на 10 и 13 лет старше меня, а в 1941 году родилась ещё сестрёнка, но вскоре умерла.

Мой отец, Локтев Филипп Федорович, ушел на фронт в 1941 году, а мама, Евдокия Федоровна, всю войну работала санитаркой в детской больнице нашего города. Много детей умирало, а также приходилось зимой на санях отвозить в дом малютки отказных детей. Так как фронт проходил недалеко от нашего города, мама помогала в морге вскрывать трупы, которые привозили с фронта. Вокруг города велись оборонительные работы, копали окопы. На эти работы маме приходилось брать меня с со-

бой. Она снимала с себя телогрейку и заворачивала в неё меня, чтобы обогреть. В городе был машиностроительный завод, на нем изготавливали грампластинки. На заводе работали пленные. Даже маленькие, мы понимали, что это наши враги и когда их вели на работы, все ребята бросали в них камни. Мы

видели, как плакали дети, когда приходили похорожки на их отцов. Наш папа за всю войну не прислал ни одной весточки. Домой вернулся в 1946 году. Сказал, что был в плену в Германии, привез красивые вещи и платья. Одно из них я надела, а ребята стали звать меня предательницей, так как на нем была немецкая свастика.

Вскоре папа ушел из семьи. Кроме меня связь семья с ним не поддерживала. Я повзрослела, вышла замуж, теперь живу в городе Краснозаводске.

Петрашев Василий Семенович

Родился 11 октября 1934 года в городе Ипатово Ставропольского края. В 1957 году окончил речное училище в городе Ростов-на-Дону, с 1958 года по 1966 год работал на Волге, начал с третьего помощника капитана и закончил капитаном на линии Москва-Астрахань. После окончания Института инженеров водного транспорта в Горьком с 1966 года работал в НИИ-химмаше, пройдя по служебной лестнице от инженера до начальника бригады, с 1994 по 2011 годы работал на Байконуре. С 2011 по 2014 годы – педагог в клубе юных техников «Спутник», где возглавлял судомодельный кружок. В настоящее время свободный пенсионер – активный член литературного объединения «Виток» в городе Пересвет.

Последний мирный ужин

День 21 июня 1941 года был очень жарким. Солнце нещадно выжигало все, что было на его пути. На небе ни одной тучки. Листья деревьев поникли. Птицы, особенно многочисленные воробьи, попрятались в листву акаций. Куры искали тень, лапами разгребая землю ложились на бок, пытаясь найти прохладу. Гуси на пруду держались у берегов и не производили характерных звуков. В хуторе было тихо. На улице ни человек, даже собаки и те не лаяли. Мы с Витей, моим соседом и другом детства, находились на пруду и изредка окунались в воду, чтобы хоть как-то почувствовать прохладу. Однако вода была теплая, как парное молоко, и наши неоднократные купанья ни к чему не приводили. Наконец нам надоело, и Вита предложил идти домой, мы побрели по пустынной улице хутора. У нас был самый большой сад в хуторе. Июнь – сезон вишни. Вишня крупная, чуточку чёрная, сладкая. На ветвях вишни было так много, что была незаметной листва. Крупные плоды вишни висели на своих плодоножках, плотно прижимаясь друг к другу, украшая вишнёвое дерево как волшебники. Вишня напоминала красавицу-женщину, на которой на подвесах висели яркие украшения. Вита снял с головы кепочку, которую мы быстро наполнили вишней, далее мы забрались в заросли молодых кустарников и с наслаждением уплетали ягоды. Шла уборка урожая. Всё взрослое население находилось в степи.

Вечер. Солнце ушло за горизонт, воздух был ещё горячим, но наступала прохлада. Бабушка начала готовить ужин. Приехала с поля мать и начала помогать бабушке. Мама привезла с поля молодую кукурузу и сразу поставила её варить. Пришли от подруг домой сёстры Маруся и Ира, вышел из-под навеса брат Коля. Он следил за спящей в кровати сестрой Таей. Появился дедушка с лопатой в руках, которую бережно поставил в угол сарая. Приехал на одноконке отец, и я побежал открывать ему ворота усадьбы. У отца был персональный транспорт – одноконка, поскольку он был бригадиром и зампредседателя колхоза. Отец распряг лошадь, привязал к одноконке, разгрузил привезённое сено. Часть сена оставил для лошади. Бабушка с мамой накрывали на стол. Ужинали под навесом. Навес защищал от солнца и ветра. Сели за стол. Бабушка каждому налила борщ, а каждому работнику – дедушке, отцу и маме – положила по куску мяса. Мама половину своего мяса отдала бабушке. Борщ был невероятно вкусным. Только бабушка могла варить такой! Я не заметил, как моя чашка опустела и попросил добавки. Затем принялись есть кукурузу, она была молодая, сладкая. Затем бабушка принесла компот и пироги со свежей вишней, затем на стол поставили большую чашку с вишней – кушай сколько хочешь. Это был последний ужин, когда не было войны. А до войны оставалось несколько часов. После ужина я забрался в привезённое отцом сено и лежа смотрел на чистое голубое небо, на котором было много много звезд... Сено одурманивательно пахло полем, жизнь казалась бесконечной и прекрасной...

Напали без предупреждения

Утреннее солнце уже припекало, когда я проснулся. Рядом со мной упал камешек. Это Витя таким образом меня зазывал. Я поднялся, махнул ему рукой, встал и пошёл на летнюю кухню. Налил из кувшина в кружку утреннего молока, отломил ломоть мягкого вкусного хлеба. Съел хлеб с молоком, отломил ещё один ломоть хлеба, положил в карман штанов и побежал к Вите. Мы пошли по направлению к колхозу. Когда пришли, там уже было много хуторян, все ждали важного сообщения. Правление колхоза, клуб, библиотека находились в одном здании. Возле клуба была единственная в хуторе радиоточка. Чёрная тарелка была закреплена на высоком столбе, откуда и сообщались новости. Подъехали две подводы с людьми, тарелка трещала, что-то говорила... Вдруг тарелка трескотать перестала и чёткий голос сказал, что сегодня, 22 июня, в 4 часа утра вероломно без объявления войны напала на нас германия. Сначала была тишина, затем всё громче и громче заплакали женщины, мужчины были серьёзными и тихонько разговаривали друг с другом. Нам возле клуба делать было нечего, мы с Витей, как всегда, пошли на пруд. Шли молча. Каждого из нас волновал плач наших матерей. Это уже серьёзно. Когда сидели на берегу пруда, Витя сказал, что наша армия самая сильная, немцев мы запросто победим. Я припомнил нашу любимую игру в войну в красных и белых, где красные всегда побеждали, и никто не хотел быть белым. Были и убитые, но это была игра. Домой идти не хотелось, решили отсидеться на пруду. Прошло 10 дней. С фронта приходили плохие новости. Наши войска сдавали город за городом, немцы рвались к Москве и Ленинграду. Шла уборка урожая, в армию пока никого не брали. Но уже в начале сентября почтальон принёс повестки многим хуторянам, в том числе моему отцу и отцу Вити. Им было велено явиться с

вещами в военкомат. На следующий день хутор готовился к проводам. В этот день весь хутор пропах свежим хлебом и пирогами в опасную дорогу нашим защитникам. Колхоз выделил три подводы, запрягли лучших лошадей. Провожали всем хутором. Лёня Крылов играл на баяне «Марш Славянки». Женщины и дети рыдали. Дедушка Матлах женщин постыдил: «Что вы ревёте, они ещё живы, а вы их оплакиваете...»

Первые похоронки

Через месяц после проводов стали приходиться письма. Получили и мы письмо от отца. Он писал, что находится в городе Каменске Ростовской области на переподготовке. Второе письмо мы получили спустя несколько месяцев: «Нахожусь у села Добринка Днепропетровской области, завтра в бой». Просил не волноваться. А через несколько дней получили похоронку. Слез было море, их не хватало, мать теряла сознание. Для нашей семьи это была трагедия, мать осталась одна с пятерыми детьми: старшая – Маруся 15 лет, младшая – годовалая Тая. Невероятные испытания легли на мать. Почтальон тем временем всё чаще и чаще приносил похоронки то в один дом, то в другой. Невероятно трудно было быть почтальоном в это непростое время. Он первым приносил горе в дом и плакал вместе с семьями. Получила похоронку и семья Вити.

Наступила весна 1942 года, май. Сведения с фронта приходят очень плохие. Немцы приближаются к нам, они уже заняли Ростов-на-Дону, до нас остается 350 км, готовится колхозный обоз к отступлению. Грузеных телег было больше десятка. Они должны сопровождать стадо овец, коров, телят. Через несколько дней в хуторе расположилась воинская часть. К нам в дом поселили трех солдат. Утром они уходили на службу, вечером в саду чистили оружие. От руководства пришла команда – всем выкопать окопы. Окоп вырыли в саду солдаты. Через несколько дней по шоссе стали двигаться отступающие воинские части. Шли груженые повозки, рядом с повозками шли уставшие солдаты. Нам было жалко солдат, но нам нужна победа. На следующий день пошел слух, что наши отступающие войска взорвали элеватор и машинно-тракторную станцию.

Жизнь при немцах

Над хутором стали пролетать немецкие самолеты. Их гул был угрожающим. Наш хутор их не интересовал, они летели на Сталинград. По шоссе пошли колонны немецких войск. К нам в дом поселили немецкого офицера, к соседям – солдат. Через несколько дней вернулся наш обоз, который попал в окружение. Началась уборка урожая. Люди очень боялись немцев, выходили на работу безупречно. Урожай хлеба был высоким.

Наступила осень. Мы с Витей пошли в школу. В классе было холодно, сидели одетыми. Вдруг к нам в класс пришли два немецких офицера. Учительница, Нина Ивановна, испугалась не на шутку. Они подошли к холодной печке-буржуйке, потрогали ее и ушли. Через два дня в школу привезли дрова, в классе стало тепло. В ноябре, как обычно, выдали зерно за трудодни.

Гитлер «капут»

Наступил январь 1943 года. В хуторе люди шепотом передавали друг другу радостную новость: немцы окружены под Сталинградом. И действительно, через несколько дней в хутор пришла машина, остановилась у нашего дома, офицер, живший у нас, подошел ко мне, похлопал по плечу и шепнул на ухо:

«Гитлер капут, приезжай в Берлин, когда вырастешь». На следующий день по шоссе в сторону Ростова пошли отступающие колонны немецких войск. Но радоваться было ещё рано, немцы, отступая, могли сжечь хутор. И только через двое суток по шоссе пошли наступающие советские войска, радости не было предела. С фронта приходили хорошие новости, наши войска шли на Берлин.

И вот 9 мая, Победа. Я не знаю, чего было больше: радости или слез. Люди радовались, что больше не будут убивать их мужей, детей, сестер, и оплакивали тех, которых уже нет, которые погибли, защищая всех нас. Вечная память Вам, отдавшим свою жизнь за нас живущих, за мир на нашей войнами истерзанной земле!

Статья из газеты «Город Пересвет» от 12.05.16 г. Автор В.Петрашев

Петрук Элла Анатольевна

Нет – войне!

Ранним утром маленькая девочка
Рисовала пальцем на песке,
И песок струился, словно ленточка,
Оживая у неё в руке.
На рисунке солнышко лучистое,
Папа, мама, море и цветы.
Небо безмятежное и чистое,
Охраняло детские мечты.
Мир вокруг дышал теплом и ласкою,
Плыли белой ватой облака...
Вдруг – война... И всё, что было сказкою,
Рухнуло, как замок из песка.
Расколосось небо чёрной птицею,
Запылали сёла, города...
Освещая путь себе зарницами,
В каждый дом нагрязнула беда.

Страшный враг напал
на землю русскую,
Жёг огнём, расстреливал людей.
Только он не знал простую истину:
Нет России – матушки сильней!
Доблестно сражались наши воины,
Чтоб родную землю отстоять.
Не боялись, защищая Родину,
Если надо, жизнь свою отдать.
Русские солдаты-победители,
От фашистов целый мир спасли.
Чтобы дети все и их родители
Жить счастливо на земле могли.
Много лет назад война закончилась,
Миллионы жизней унесла.
Ветераны помнят и надеются,
Что она последняя была.
Майским утром маленькая девочка
Написала пальцем на песке:
«Поздравляю бабушку и дедушку
С праздником Победы! Нет войне!»

Ветераны

От нас уходят ветераны
В край вечности и тишины,
Болезнь не будут больше раны,
Доставившие от войны.
Прославившись в минувшем веке,
Победу кровью оплатив,
Они, как чудо-человеки,
Сумели Родину спасти.

Тогда девчонки и мальчишки
Хлебнули горюшка сполна:
На долю их досталось слишком,
Их жизнь войной опалена.
Работали, детей растили,
Вливаясь в жизнь своей страны.
Богатств особых не скопили,
Кроме наград с былой войны.
Они не думали,
Что доживут до той поры,
Что будут братские могилы

Потомками осквернены.
И каждый год, в их праздник мая
Мы замечаем вдруг с тоской,
Что их становится всё меньше,
Они уходят в мир иной.
Давайте помнить эти лица,
В душе их бережно хранить,
И будем даже тем гордиться,
Что довелось нам рядом жить!

Пикалева (Платонова) Нина Ивановна

1941 год. Мне одиннадцать лет. Помню 22 июня. Мы с мамой шли с рынка. Встретили друга семьи, который сообщил нам, что началась война. Придя домой, все было спокойно. Напротив моего дома на Бульварной улице гор. Загорска находилась воинская часть «Питомник розыскных собак». Солдаты в это время, ничего не подозревая, играли в волейбол. Услышав сообщение о нападении врага, все побежали в казарму. Помню, как за несколько дней до начала войны (2 – 3 дня) над городом пролетело звено самолетов. Летели с северо-востока очень низко. Было страшно. В то время самолеты летали редко, а если появлялись, дети кричали, в том числе и я: «Ироплан, ироплан, посади меня в карман!» В день объявления войны мама пошла в магазин, но уже ничего не было, принесла только две пачки чая «Малинка».

В первые дни войны папе пришла повестка идти воевать на фронт. Мама стала собирать ему вещи. Узнав об этом, пришла соседка тетя Феня (монашка), принесла иконку папе. Я помню мамины слова: «Я зашью иконку папе в одежду». Потом мама положила полотенце, а я попросила положить то полотенце, на котором я вышила собачку. В тот день мама на кухне уронила тарелку и разбила, при этом сказала: «Ну, все!» Эти слова я запомнила. На следующий день мама, я и сестра провожали папу до вокзала. Он был битком заполнен народом. Не могу себя простить, что я ушла раньше прихода электрички и не простилась с папой.

Мама работала на трикотажной фабрике браковщицей ОТК. Рабочий день был 10-11 часов без выходных и отпусков, так как фабрика находилась на военном положении до окончания войны. Все для фронта – все для Победы! Отключили электроэнергию. Вечером зажигали фитилек, наливая в лампадку церковное масло. Огонек светил слабее, чем свечки. Начались налеты вражеских самолетов. Бомбили Москву. Вечерами мамы залезали на крышу и наблюдали за мерцающими огоньками зениток и лучами прожекторов. На улице было выкопано бомбоубежище типа окопа в полный рост. По сигналу

«Воздушная тревога» бежали в это укрытие. На хлеб и продукты была введена карточная система. Однажды мама послала меня к родственникам в Москву за «коммерческим» хлебом, который продавали без карточек. Они жили в Сокольниках. Проезд в Москву был ограничен. Я попросила людей купить мне детский билет. В эту ночь бомбили район Сокольников. Мы ушли в бомбоубежище (водоканализационный люк). Были слышны бесконечные взрывы, дрожала земля. Утром мы увидели: где нет половины дома, где дом полностью разрушен. Страшно было смотреть. Но буханку хлеба я привезла, которую мама делила по маленькому кусочку. Я услышала и увидела, что такое бомбежка – не дай Бог это увидеть.

Через два месяца после начала войны враг очень быстро подошел к городу Дмитров. Обстановка была тяжелая. Всех работников отпустили домой, в том числе и маму. Жителям объявили, чтобы в случае сдачи города они, по возможности, покинули его. Мама выкопала яму под домом для сундука с вещами. Сшила мешочки вроде рюкзака, кое-что в них положила. Мы собрались уходить к бабушке в деревню, находящуюся в 50 км от Загорска. Помню этот день, когда сообщили по радио — не уходить из дома и ждать дальнейших сообщений. Я сидела и ждала. Во второй половине дня сообщили по черной тарелке сообщили, что наступление врага остановлено. Это была радость. Мама обняла меня и сестру и заплакала от радости.

В нашем городе были организованы госпитали для раненых. Помню, как везли на лошади погибших солдат из Птицеграда по Вифанской дороге (Комсомольской улице).

Я училась в четвертом классе школы №3 на Бульварной улице, и мы всем классом, ни один раз, ходили пешком в госпиталь, находящийся в 3-й Горбольнице. Выступали перед ранеными. Я читала стихотворение. Помню, в пятом классе я послала на фронт сшитый и вышитый в цветочек кисет. В кисет положила бумагу и карандаш. Сбор и отправку организовала школа. Вскоре мне домой пришло письмо с фронта от пулеметчика – гвардейца, Шарина Васи 1922 года рождения, в котором был написан завет Ленина: «Учиться, учиться и учиться!» Письмо было интересное, патриотичное, так что его читали другие классы. К сожалению, письмо не сохранилось. Я училась в 6 классе и всем классом ездили в колхоз на уборку картофеля. Ездили на простой машине, сидя на лавке. С нами ездил преподаватель военрук. В деревне нас расселили по домам. Нас было 8 человек – девочек. Пошли на поле, день был без дождя. Вечером хозяйка дома постелила нам матрас, а мы накинули свое пальто. Утром встали, а на улице выпал снег, было грязно. Мне нечего было обуть на ноги. Мама отдала свои замшевые сапожки, которые лежали в сундуке. Она берегла их, а я в этих сапожках работала на поле, вся промокла.

Весна 1942 года. Нам выделили участок на Козьей горке. Мне приходилось копать целину каждый день по заданию мамы. На следующий год у нас отобрали этот участок, а дали в другом месте, где росли кусты. С двоюродным братом корчевали. Он моложе меня на два года, но все равно он мужчина. Посадили картошку. Семенами помог папин брат. Осенью по ночам сторожили, чтобы не выкопали.

Я была маленького роста, худенькая девочка. Все военные годы мне приходилось выполнять дела по дому и зарабатывать на пропитание. Работала ня-

ней в семье И.И. Рулева, бывшего директора механического завода. В доме Соловьевых носила воду и мыла полы, за что меня перед школой кормили обедом. В доме, где жила семья Фишер, они занимались разведением белых мышей для института в Москве, я носила воду на коромысле 3 раза в неделю по четыре ведра. За это получала пять стаканов пшеницы в месяц. Ходить за водой порой было далеко, колодцы часто ломались. Воду брали из колодцев-«вертушек» на другой улице. Однажды я чуть не нырнула в колодец вместе с ведром. Под ногами был лед, и я поехала, держа ручку и ведро. Хорошо подросла женщина и спасла меня. Дров не было, я ходила за еловыми сучками к Черниговскому скиту. Варила еду на кирпичиках, в основном, крапивные щи с лебедой. Питались «подножным» кормом, ели дудки, липовые листья и семена, какие-то «гусиные лапки», цветочки клевера и т.д. Одни «витамины», поэтому я живу до сих пор. Мне 90 лет. Несколько раз пешком ходила в воинскую часть, которая была в районе нынешнего поселения Лоза. Там жил брат мамы, и он давал мне мешочек отрубей. Мама из них пекла лепешки-колючки на морсе с сахарином. Морс покупали. От этого морса снег вокруг палатки и дорожки к ней были красные.

Прошли военные годы. Меня многие спрашивали: «Было ли страшно?» Нет. Жизнь шла своим чередом, просто очень хотелось кушать, и с нетерпением ждала конца войны. Пришел день Победы. О нем я узнала поздно вечером от хозяев, у которых была в няньках. Они приехали из Москвы и уже знали о Победе. Я радостная прибежала домой, а через некоторое время было объявление по радио. Это был незабываемый день. По всей улице песни, пляски, радостные и плачущие люди, среди них и мама.

Папа воевал под Ржевом. Был санитаром, присылал письма. Однажды приходит письмо, в котором пишет: «Меня перевели в стрелки. Прощайте, прощайте, прощайте». Через некоторое время нам пришло обратно наше письмо: «Доставить невозможно». И на этом вся переписка прекратилась.

В 2003 году издали книгу памяти погибших, умерших и пропавших без вести. Платонов Иван Андреевич в этой книге числится, как безвести пропавший в ноябре 1942 года. Я все надеялась, вдруг да вернется, хоть в песнях, хоть в мыслях вернется домой.

Событие. Мой правнук собрал все данные отца и разослал по «Отрядам поисковиков». В 2017 году пришло сообщение, что нашли останки моего отца в деревне Веригино Тверской области. Нас пригласили на торжественный митинг, посвященный 75-летию освобождения города Зубцово от немецко-фашистских захватчиков. Вся семья, 8 человек, поехали на захоронение. Мне помогла администрация города – выделили транспорт. Приехали в деревню Веригино. Там находится огромный мемориал захороненных погибших солдат. После торжественных мероприятий прошло отпевание погибших солдат. Затем, поисковик Денис Слепников и командир отряда «Победа» Сергей Шербинин, вручили мне вещи отца: деньги, очки, карандаш и иконку «Черниговский Скит». Я помню, как мама зашила эту иконку папе. Прошел почетный караул.

На 23 августа 2017 года в братской могиле №29 захоронено 206 советских воинов, 7 человек именные, в числе них, мой отец, и 199 неизвестных солдат. В ноябре-декабре 1942 года южнее деревни Веригино развернулись ожесточенные бои, оставшиеся в истории, как Ржевско-Сычевская операция.

Попова Зоя Ивановна

Вальс

Был бал для ветеранов,
 Я в одиночестве скучала.
 На танец пригласил седой мужчина.
 Я так давно не танцевала.
 И в вихре вальса закружились,
 Вдруг, ощутила молодость и силу,
 И даже голова кружилась,
 Как будто снова полюбила.
 Вдруг – цветы весны,
 И небо голубое видишь ты,
 И слышится журчание ручья,
 И шелестит зеленая листва.
 И муза ласково нашептывает мне:
 «Живи и радуйся, что мир прекрасен!
 И этот мир принадлежит тебе,
 Он так красив, мечтателен и ясен».
 В партнере музыка проснулась,
 Коснулась и меня,
 А в душе что-то всколыхнулось,
 Отогревая нам сердца.

Мы ходили за малиной

Мы с подружкой ходили в лес за малиной,
 Чтоб малину на соль поменять.
 Ведь без соли цингой все болели.
 А соли негде было взять.

И вот однажды в лес вошли,
 А на поляне танки увидели,
 И в ужас мы с подружкой пришли,-
 На танках мёртвые тела висели.
 А рядом, вдруг, стрельба случилась,
 Мы испугались и под танк укрылись
 Ведь некуда нам было скрыться.
 Пока стрельба не прекратится.
 Потом стемнело, да темно.
 И в темноте до дома добираться
 Нам было очень страшно, далеко,
 И здесь нельзя нам оставаться.
 Но мы дошли до той деревни.
 Куда фашисты не смогли попасть.
 Не для того, чтоб рассказать там бредни.
 А просто напросились ночевать.
 Старушка нам была так рада.
 В углу иконы, и горит лампада.
 И сам Иисус, и Божья Мать,
 Но как же ей нас было не понять.
 И накормила нас, и напоила.
 А утром с богом нас в дорогу проводила.
 Спасибо ей сказали, поклонились,
 И вместе мы от счастья прослезились.

Плакали Берёзы

– А знаешь, бабушка, как плакали берёзки?
 От взрывов, рядом во дворе.
 Я видел сам, когда текли их слёзки
 По белой, по берёзовой коре.
 Бомбили лес, стреляли так умело,
 А рядом были люди на горе.
 Я наблюдал, – сказал мальчишка смело.
 -Я видел всё, гуляя во дворе.
 Я не боялся! Пусть стреляют!
 Всё в восемь лет увидеть довелось!
 И видел я, как люди погибают.
 Не плакал я – слёз не нашлось.
 Но вот когда заплакали берёзы
 Тогда и сам я зарыдал.
 Я не забуду той берёзки слёзы.
 Не смог я защитить – я мал!

Пролетарская Людмила Сергеевна

Я, Пролетарская (Сорокина) Людмила Сергеевна, родилась 10 мая 1941 года в г. Загорске Московской области.

Помню, в годы войны, у соседей в огороде дома 258 стояла конусная конструкция из четырех смолёных столбов. На противоположной стороне Ярославского шоссе был лес. Там тоже стояла такая же конструкция. По этим столбам шли провода в сторону аэродрома в лес, где сейчас ЦРБ. Я была маленькая, но помню, как в воздухе висел аэростат, по небу шарили прожекторы. На шоссе, мощенном булыжником, стояли противотанковые ежи. Помню, как мама отсылала меня отнести беженцам кипяток без сахара, заваркой была сушеная морковь. За водой

ходили на колодец. Я помню, как на кухне схватила с окна остаток хозяйственного мыла, от голода приняла его за кусочек хлеба. Мне было года четыре-пять, мама послала меня отдать долг (меньше полбуханки хлеба) соседке тётке Тасе Кондратьевой. Я прихватила с собой двоюродную сестру (2-3 года). Мы шли по тропинке, я отщипывала кусочек горбушки то себе, то ей. Тетя Тася вышла на крыльцо, я протянула ей «долг» – общипанный мякиш, небольшой шарик.

По воспоминаниям мамы, в каждом доме жили солдаты, сколько окон в доме, столько солдат размещали. Однажды мама у них обменяла самогон на крупу. Сердитый офицер пришел к нам «трясти» маму, папа спрятался за сарай. Мама в этот день была в няньках, ей подкинули моих двоюродных сестру и двух братьев. Мы облепили маму, мал мала меньше. Четыре пары голодных детских глаз спасли маму от наказания.

Как-то мама с соседом из дома 266 Макаровым Кузьмой, ездила в Кашин. Там недорого купили 7 коров. Туда добирались, где пешком, где на попутках. Обратню с коровами шли больше недели. С одной коровой по пути расстались, очень бодливая, её сдали где-то в столовую.

Перед праздником Троицы устраивали праздник Семик для пастуха и пели песни: «Выйди подруга к поезду друга. Друга на фронт проводи» на мотив «Синий платочек».

Бабушка куклу для меня делала следующим образом: снимала с вешалки телогрейку, скручивала её лицевой стороной внутрь, повязывала платочек. Кукла готова! На другой день я эту телогрейку скручивала изнанкой внутрь, лицевой стороной наружу, повязывала платочек. Мне очень хотелось, чтобы взрослые заметили, что у меня другая, новая кукла. Свою первую и последнюю в жизни куклу я получила в подарок на свадьбу от мужа в 28 лет. Кукла Маша закрывала глаза и говорила: «Мама».

Мой дедушка по отцу, Сорокин Александр Иванович, имел красивый почерк. Он служил писарем, где Бутырские казармы. Там родился в 1909 году брат отца, Сорокин Пётр, участник войны и мой отец в 1912 г.

Мой прадедушка, Сорокин Иван, был урядником, следил за порядком во всей округе. В 1917 году он с дедушкой Сашей спрятал от царских ищеек Калинина Михаила Ивановича, «Всесоюзного старосту», соратника В.И. Ленина. В

годы раскулачивания Советская власть вспомнила ему доброе дело, семью не раскулачили.

В 1936 году мой дедушка, Сорокин Александр Иванович, перевез дом из д. Лазарево в Загорск на Северный поселок. В конце октября 1940 года недалеко от дома дедушку сбила машина. Осталась бабушка Пелагея Дмитриевна. У неё два сына – Пётр, Сергей и три дочери: Клавдия, Шура, Галина, внук Виктор и я, внучка Людмила 1941 г.р. Клавдия с заводом ЗОМЗ была в Томске в эвакуации.

Хочется рассказать о Победе. На кухне я была одна, когда вошел брат отца, Пётр. Он был ранен в голову на войне. Его ждали, я сразу поняла, кто пришел. Он сел на табурет, закурил. Я прижалась к его коленям: «Дядя Петя, дай курнуть!» Я курнула в свои 4 года.

Моя подруга юности, Лида, с мамой, братом и сестрой уезжали в Казахстан, там был кто-то из их родных. Её отец Левицкий Сергей был на войне. Мама, брат и сестра там умерли от голода. Лиду из детдома забрал её дядя и привёз в Загорск. Взрослые говорили ей: «Никому дверь не открывай. Ходит мужик с мешком, собирает детей на мыло». Вот она одна дома сидит у окошка, поглядывает на улицу. Под окном появился дяденька с мешком: «Лида, открой». А у самого слёзы из глаз. Пришлось ему соседей на помощь звать. Папа с фронта пришёл!

Муж маминой сестры, Чебадудин Дмитрий Сергеевич, уроженец хутора Зимняк на реке Дубна, на войне был шофёром. Он перегонял машины ЗИЛ с завода Москвы на передовую. Последний рейс был куда-то, где Ока впадает в Волгу. Колонна машин шла по грунтовой дороге около леса. Появился немецкий самолёт. Все побежали в лес. Чебадудин семь машин загнал в лес, спрятал их во время бомбежки. Командир предложил ему за этот подвиг: «Хочешь «Героя» дадим, хочешь домой на три дня». Служивцы собрали ему в дорогу сухарей. Домой поехал с подарком. Вернувшись в расположение части, никого из боевых товарищей не нашёл. Все убиты. Его определили в другую часть.

Моей двоюродной сестре, Солнцевой (Калининой) Нине Ивановне, было 17 лет, когда она стала участником ВОВ. В годы войны она была шофёром. Девчонка ездила на полторке, подкидывала чурочки в топку, такая была техника. Возили разные грузы: и патроны, и солдатское бельё. После войны закончила МГУ, защитила диссертацию. Преподавала в МГУ русский, английский и язык хинди. Делала переводы художественной литературы. Её отец, брат моей матери, Калинин Иван Васильевич, почти всю войну был в плену. Как выжил, расскажет так и не смог: душили слёзы, в горле комок.

После войны бабушка Варвара ходила к батюшке в с. Кикино с фото родных, не пришедших с войны. Батюшка отложил фото дяди Вани: «Этого отпевать не буду, он живой». Из плена его освободили наши войска. Пришёл с войны седой, без зубов, в 45 лет. Поднял мороженую свеклу в поле – немец одним ударом кулака выбил все зубы, хотел добить вилами, но увидев кровавое месиво, решил: «Сам умрёт». Дядя Ваня воспитывал племянника-сироту. Свои дети, сын и три дочери, стали учёными, большими начальниками.

«Дочка, живи честно, никогда об этом не пожалеешь», – говорил папа.

В школу я пошла с мешочком, сшитым из маминой юбки. Детства не было, был труд.

В шестнадцать лет ходила с мамой за 4 км на Бубяковское болото за мхом. Мох сырой, тяжеленный. Потом сушили его, как сено. Пакли не было, был мох.

Весной 1958 года началась стройка. Мне семнадцать лет. Готовую яму под фундамент заполняла вместе с мужиками битым кирпичом, раствором и конопатила заготовленным мхом сруб своей комнаты. Зимовали уже в новом доме. Моя личная жизнь не сложилась. Живу с сыном инвалидом детства I группы, лежачим с 2002 г. Занимаюсь краеведением, пенсия хорошая. Стаж 40 лет на заводе ЗОМЗ плюс 19 лет по уходу за сыном. Для меня война продолжается. Что живу честно, не жалею.

Протоиерей Борис Можаяев

Настоятель Ахтырской церкви с. Ахтырка Сергиево-Посадского района

Дети – цветы жизни. Всё лучшее – детям. И как же огорчаются люди, которых Господь не дает детей или если они заболели. За преступление против детей наказание усиливается по сравнению с тем же наказанием против взрослых.

Война – несчастье, бедствие для всех, кого она затронула. Гораздо тяжелее в войну слабым, немощным, беззащитным. А кто слабее и беззащитнее, чем дети? Два слова, две реальности: война и дети, несочетаемы. Их совместное существование противоестественно. Вспомним, как это было.

Я родился 19 июня 1941 года в городе Кировограде на Украине. Отец был летчик, командир полка дальних бомбардировщиков. Самолеты ДБ-3, на которых он летал, уже в 1941 году бомбили Берлин. Итак, отец на фронте, а мы с мамой и 10-летним братом Юрой – на Украине в Кировограде. Одни, без родни, без мужчин, никому не нужные. Брат пользуется тем, что маме не до него и бродит по городу, который вот-вот займут немцы. Пришёл на железнодорожный вокзал, проник на перрон. На путях стоит воинский эшелон. Летчики. И вдруг среди них видит капитана, который когда-то был адъютантом у отца.

– Юра, ты что здесь? Вы не уехали?

– Нет.

– А папа?

– На фронте.

Капитан где-то раздобыл машину и приехал за нами. Привез на вокзал и пошел к коменданту эшелона. «Это моя жена и дети. Разрешите посадить с собой!» Воинские эшелоны не имели права возить гражданских. Разрешение получено. Путь предстоял в Грузию. По дороге попадали под бомбежку, но уцелели. Я – малыш, без пеленок не обходился. Мама стирала их в туалете, потом раздевалась, обматывала их вокруг тела и одевалась. Пеленки сушила своим телом.

Добрались до места. Борис Павлович (так звали спасшего нас капитана) устроил нас в частном доме (хозяева грузины, как и все жители города) и ушел обустройства подчиненных. Освободился через 2-3 дня, пришел проведать нас. А мама плачет:

– Все голодные, есть нечего!

– Я же оставил деньги, почему не купила продукты?

– Хозяйка отказалась что-либо продать.

Капитан скрипнул зубами и пошел на хозяйскую половину. Положил на стол деньги и пистолет (личное оружие офицера) и сказал, какие нужны продукты.

Сразу появились все продукты, мама смогла покормить нас с братом и поела сама.

О бедственном положении русской деревни после революции писали много. Положение в Грузии при Сталине, по словам мамы, было иным. С грузин сняли все налоги. А люди были трудолюбивые, в поле уходили затемно, возвращались тоже. Земля и климат не обижали. И когда наступала осень, то колхоз расплавивался щедро, продукты везли и везли телегами. Да и без денег не оставались. Как-то мама зашла к хозяйке без стука, а она сидела с распоротым валиком от дивана (цилиндрическая подушка на обоих краях дивана), а перед ней лежала куча крупных купюр, извлеченных из валика. Мама поняла, почему хозяйка требовала, чтобы мама платила за жильё самыми крупными купюрами.

Запомнился рассказ мамы об одном эпизоде. Зашла на хозяйскую половину, беседует с хозяйкой на веранде. Забегает мальчик, хозяйский сын. На столе стоит ведро, прикрытое фанерной крышкой (как в русских деревнях во времена моей молодости), сверху стоит вверх дном кружка. Мальчик снял крышку, зачерпнул, напился и убежал на улицу. Мама спросила: «Можно попить?», «Пожалуйста». Мама зачерпнула, глотнула и поперхнулась. В ведре было домашнее вино. У хозяев его пили как воду.

Брат год, пока мы жили в Грузии, не учился, поскольку обучение шло на грузинском языке. Но на улице быстро познакомился с соседскими мальчишками и через месяц бойко болтал по-грузински, ходил с мамой на рынок, где умело торговался с продавцами. Недавно был у брата в гостях (ему 86 лет, он только год назад перестал работать, но занимается огородом и ведет весьма активный образ жизни). Пересказал ему мамин рассказ: «Знаешь, ни одного слова по-грузински не помню».

Мы с мамой и братом так и жили при воинской части, как семья капитана. А 26 декабря 1941 года началась Феодосийско-Керченская десантная операция. Наши войска высадились в Крыму, удалось освободить значительную территорию Крыма. Десант продержался в Крыму около года, но уже без отца. Он погиб при возвращении после бомбардировки 26 декабря 1941 года. Нам пришла похоронка. А фиктивный мамин брак, спасший нам жизнь, постепенно перешел в настоящий.

Мои первые отрывочные детские воспоминания начинаются с 3 лет. Мы уже живем на Украине в городе Василькове, рядом аэродром. Стоят частично разрушенные дома. В одной из больших комнат – двухэтажные нары, на них спят солдаты. Но это не современный солдатский молодняк, у многих дома семьи: жены, дети. Меня встречают приветливо. Я – сын капитана, со мной играют. У брата воспоминания другие. В углу комнаты стоят ящики с патронами для самолетных пулеметов. Солдаты вставляют их в пулеметные ленты. Брат просит: «Дяденьки, можно патронов взять?», «Бери, там в ящике». Брат набивает карманы и убегает. Я под присмотром брата. Вместе с его друзьями лезем в полу – разрушенную многоэтажку. Стены дома стоят, а лестничный пролет разрушен. Старшие ребята как-то без лестницы залезли наверх, снизу передают меня наверх. Брожу по совершенно пустым комнатам. Нашел металлический шарик от бильярда, еще белый цилиндр, на одной стороне которого отгиснено изображение шахматной фигурки. У меня появились игрушки.

Отчим ездил в Киев, купил мне маленькую, со спичечный коробок, игрушку-автомашину. Первая настоящая игрушка.

Ребята играют в прятки. Я, самый младший, спускаюсь по металлическим скобам в канализационный колодец. На дне лежит авиационная бомба, разряжена или нет – не знаю, не задумываюсь. Как сейчас помню «хвостовое оперение». Сажусь на нее и жду, когда крикнут: «Иди искать». Сам считать еще не умею.

Однажды брат взял меня с собой на кладбище самолетов. Посадил в кабину, а сам полез в мотор «вырывать детали». Потом из них сделает радиоприемник. А я «летаю», кручу какие-то ручки.

На территории воинской части есть яблоневый сад. Его охранял пожилой солдат. Меня привели туда и угостили яблоком. Таких больших и таких вкусных яблок я больше никогда не ел.

Мама вспоминает, как удалось где-то достать целый мешок репчатого лука. Она нажарила полную большую сковороду этого лука, у нас был праздничный обед: ели жареный лук с хлебом. Я изредка до сих пор повторяю этот пир.

Солдатам показывают кино. Зал – улица, натянут экран, сзади зрителей стрекочет кинопроектор, зрители сидят на лавках. Я в первых рядах на руках у солдат. Мама с отчимом где-то сзади. Захотелось есть, я кричу во весь голос: «Мама, титю» (мама долго кормила меня грудью). Солдатский хохот, меня передают с рук на руки, «столовая» открывается.

Часть перевели на новое место. Западная Украина, Бородянка. Родители возвращались после киносеанса домой, сзади метрах в пятидесяти шли солдаты. Вдруг выстрелы по родителям. Бендеровцы. Они убежали от бежавших нам на помощь солдат.

Мамины рассказы о бендеровцах. Нашли тело убитого солдата из нашей части. На лбу вырезана звезда, вспорот живот, в него насыпана пшеница. Пропал еще один солдат. Нашли нескоро. Висел в дымовой трубе частного дома связанным, с кляпом во рту. Так местные жители коптили туши свиней. И солдатика живьем коптили, пока не умер. А один солдатик чудом спасся. Шел по дороге один, вдруг останавливают три вооруженных бендеровца: «Руки вверх!». А у солдата за поясом оказалась заряженная ракетница (авиация!). Он из ракетницы выстрелил в лицо одному из врагов. Лицо мгновенно превратилось в сплошной ожог. Раненный страшно закричал, закрыв лицо руками, а его товарищи кинулись бежать, напуганные страшным и непонятным оружием. Солдат спасся.

Война в жизни моих сверстников жила еще долго. В играх нередко можно было услышать военный лексикон. Один ребенок кричит другому: «Нальт! Не-нде хох!» (Стой! Руки вверх!)

Когда мне было лет шесть, более старшие ребята устроили военную игру. Меня, как малыша, в эту самостоятельную «зарницу» не приняли. А старшие ребята с нескольких соседних кварталов делали себе «оружие», делились на две воинствующие стороны, а затем происходило сражение. В ходе этого сражения мальчик из соседнего дома «попал в плен», при допросах не выдержал и выдал «воинские секреты». По окончании сражения все участники военных действий судили парня и довольно жестко начали бить. К счастью, это увидела его мать и спасла своего сына-предателя от расправы. Таков был дух ребят, свидетелей

и участников Великой войны и Победы.

Расскажу некоторые из запомнившихся мне рассказов моего старшего брата, родившегося в сентябре 1931 года. Летом 1945 года воинская часть, в которой служил отчим, перебазировалась на Украину. Места, через которые дважды прошел фронт, вначале на восток, потом на запад. Кругом следы войны: полуразрушенные дома, воронки от снарядов и бомб, бесхозное оружие и боеприпасы. Правда, к нашему приезду военные действия в этих местах закончились уже более года назад, и «сливки» по сбору оружия сняли местные жители, у которых можно было купить что угодно. И брат начал запасаться. Что-то находил, что-то покупал. В итоге, в его арсенале были мелкокалиберный пистолет и мелкокалиберная винтовка, винтовка Мосина, состоявшая на вооружении нашей армии, автомат ППШ. Когда брату одноклассник предложил купить боевой пистолет, он отказался: «Зачем мне пистолет, когда есть винтовка и автомат?» И весь этот арсенал хранился у брата под кроватью! Родители об этом знали и относились к этому спокойно! То же самое было в семьях его одноклассников!

А еще у этих 13-15 летних мальчишек была стрельба минами, которые можно было найти, порывав по окрестностям. Находили трубу, подходящего размера, устанавливали ее под углом к земле, бросали в трубу эту мину, она ударялась о землю (или устроенный этими «оружейниками» боек, не знаю) и мина летела куда-то. Но такие простые стрельбы надоели. Тогда трубу стали устанавливать нижним концом в лужу, и мина, вылетая из трубы, затягивала из лужи воду, и за летящей миной летела красивая струя воды!

Где-то в пределах досягаемости моего братика была воронка, глубиной около 2 метров и шириной 3 метра, заполненная нераззорвавшимися боеприпасами. Один снаряд был треснувшим и был виден тол (взрывчатое вещество). Брат знал, как выплавить этот тол и пользоваться им вместо дров, знал, как его взорвать. Был большой соблазн взорвать разом всё содержимое воронки. Но в 100 метрах от воронки стоял жилой дом, брат опасался, что от взрывной волны вылетят стекла и ему за это попадет. Только этот страх предотвратил подрыв. А когда брат учился в военном училище, то на занятиях по взрывному делу он рассчитал последствия планировавшегося взрыва. Оказалось, что взрывная волна смела бы все строения на находившемся в километре аэродроме. Так жили дети на освобожденной от войны территории.

И еще один маленький рассказ жены моего близкого друга, поволжской немки Гертруды Герхардовны Дик, в замужестве Лавровой, в крещении Екатерины. Я был в гостях у моих друзей. Пошел рассказ о Гериной родне, проживавшей тогда на Северном Урале. Гера рассказывает о внучатом племяннике, которого русские товарищи по играм топили в бочке с водой с криками: «Фашист, фашист!» Я спросил: «Гера, что там к немцам так плохо относятся?» «Нет, ты что? Тебя бы топили с криками: «Очкарик», другого с криком: «Рыжий». Дети, возраст такой!» - сказала врач психиатр-педиатр. А затем сказала: «Для меня национальный вопрос навсегда решился в 1941 году, когда поезд с ссыльными женщинами-немками прибыл в Казахстан и остановился посреди степи. Неподалеку был поселок. Нас выгнали из вагонов, и мы стояли кучкой, прижавшись

друг к другу. Из поселка бежали женщины, которые плотным кольцом окружили нас, немцев. Вокруг стояли те, чьи отцы, мужья, дети воевали против немцев. Что эти женщины сделают с нами? Изобьют? Растерзают? Молчание, напряженное ожидание длилось минут пять. И вдруг из толпы окружавших нас женщин послышался громкий возглас: «Бабы! Та це ж таки ж людины, як и мы!» И женщины пошли к нам, смешались с нами, стали разбирать нас по своим домам. Благодаря им мы все выжили». И это тоже дети войны, русские и немцы, таки ж людины, як и все мы!

Брат мой окончил школу с серебряной медалью, военное училище с золотой медалью, защитил кандидатскую диссертацию, дослужился до полковника. Сейчас живет в Подмоскovie. Я окончил медицинский институт, получал Ленинскую стипендию (два человека из 1200 студентов), защитил кандидатскую диссертацию. С 1990 года священнослужитель. Отец жены, капитан Бисярин, погиб на фронте в 1943 году. С женой мы познакомились в институте в первый день учебы. Быстро подружились, вместе готовились к экзаменам. Фотографии висели на институтской доске почета рядом. У нас двое детей и десять внуков.

Спасибо всем, кто защитил нас, кто дал возможность выжить, выучиться, жить. Как говорили в детстве: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» И товарищу Хрущеву, отменившему в 1959 году получение пенсий за погибших на фронте отцов, если дети после школы продолжали учебу в институтах.

Пупкова Валентина Петровна

Песня – сила и гордость

Радость и грусть.

И тот, кто с песней по жизни шагает,

Тот никогда и нигде не пропадет.

Мой отец, Петр Сергеевич Пупков, ушел на фронт с гармошкой. Его провожала вся деревня, а он веселил рыдающих односельчан и свою беременную жену.

Битва с немцами уже была в Кашире, 150 км от Москвы. Срочно формировали войска на станции Михнево. Немцы прорывались к железной дороге Воскресенск-Москва. Узловая станция Жилёво-прямая от Каширы до Москвы. По ней шли эшелоны с красноармейцами, удовольствием. Самолеты сбрасывали бомбы на железную дорогу, но они взрывались рядом. Деревня Верзилово-здесь в церкви молились прихожане, просили Бога о помощи в спасении Родины от врагов, о здоровье раненых в госпитале в деревне Петрово. В госпиталь ушла работать

сестра Петра (отца) – Анна. Она прибавила себе года и таскала раненых на своих детских плечах. Наш дом в деревне Кольчево, 1,5 км от Верзилова, где проходили ожесточенные бои в 100 км от Москвы. Идя в атаку, солдаты пели песни всегда. Песня заряжала бодростью солдат, народ. Давала силу и терпенье. Война тяжелой ношей легла на плечи женщин. Детей рожали в поле, землю пахали лошадьми, косили серпами зерновые и никогда не забывали петь пес-

ни. Молились Богу о Победе, о возвращении живыми мужей, сыновей, родных. Я родилась 02 сентября 1941 года, Валентина Петровна Пупкова. Не помню, когда мать ласкала меня. Просыпалась, её не было, засыпала, она ещё не приходила с работы. Вскоре пришло извещение – отец пропал без вести. Так я осиротела, не узнав ласки отца.

После Победы над врагом стали возвращаться солдаты домой. В 1947 году в нашу деревню Кольчëво пришел с фронта солдат, Иван Михайлович Алябьев. Высокий, красивый, статный, поселился у соседки. Я звала его «бабкин Варварин жилец». А он перешел жить к нам с наградами: за Сталинград, Брест, Будапешт и Берлин. Всю войну он проехал на полуторке, снабжая снарядами бойцов. Рассказывал, как переправлялись по льду, как многие тонули. Он без единой царапины доехал до Берлина. В семье родились две сестры, Ольга и Капиталина. Для них я была нянькой и хозяйкой в доме, когда родители уходили на работу. Отчим был жестоким и грубым. Он был коммунистом и гордился этим. Всегда читал книги, а мы тихо сидели по углам. На полке красовались тома Ленина и Сталина в золотом переплете. А мы были голодными. Бежали на свинофермы за жмыхом, он был таким вкусным. Блины из мерзлой картошки, суп из лебеды. Отрадой было лето. Ели всякую зелень.

Отчим презирал церковь, выкинул все иконы. Но веру из души не выкинешь и мы бегали в церковь. Я была комсомольским секретарем. С ребятами мы помогали восстанавливать сельское хозяйство. За хрущевскую кукурузу получила приемник.

В 1957 году нашлась сестра отца, Анна из госпиталя. Она проживала на Вакцине. Впервые в 17 лет я приехала в Загорск.

Я горжусь старшим поколением, они научили нас уважать старших, любить семью, быть равнодушными к хулиганству, быть культурными в обществе.

В Загорске повстречала сироту Алексея Филипповича Емануилова. 50 лет шагаем вместе.

Судьба Алексея Филипповича Емануилова

Родился он в мае 1942 года в деревне Григорово Ново-Шурмовского с/совета. Его мать, Демина Татьяна Ивановна, приехала на заработки в Краснозаводск со своим отцом и братьями: Сергеем, Федором, Василием. Мать у них умерла. Строили свою жизнь кто как мог. Строили домики из дощечек от ящиков, жили впроголодь. Отец Иван нашел жилье в деревне Григорово Ново-Шурмовского с/совета, дочь Татьяна ходила работать 12,5 км в Краснозаводск. Познакомилась с Филиппом. А тут весть о войне. Филипп ушел на фронт, братьев разбросала война в разные уголки Родины.

Мать, Татьяна Ивановна, беременная проживала в доме Филиппа. Родился сын Алексей. Дядя Василий погиб под Москвой, Федор вернулся в Краснозаводск, Сергей воевал матросом на Малой земле. На фронте получил осколок в голову и стал инвалидом. В мирное время проживал у Алексея на Новостройке.

Детство Алексея, как и всех сирот, было трудным. Хозяйство колхозное. Ни еды, ни обуви, ни одежды. Животы пухли от картошки. Тяжелая работа по заготовке леса подрывала здоровье. Помогал матери. После армии приехал на

Новостройку (по вербовке), так и остался жить. Война откликнулась в мирное время для дяди Сергея. С осколком в голове его признали инвалидом труда. Десятки лет прошло, но восторжествовала справедливость, разыскали госпиталь военных лет и признали, наконец, Сергея Ивановича Демина инвалидом войны.

Вот так в семье Алексея Филипповича жили двое сирот, муж и жена, и инвалид ВОВ. Борьба за жизнь, такая наша доля, 75 лет. Видно закалила нас беднота, борьба за справедливость. Как наши отцы отдали жизнь за свои семьи и детей, так и мы в борьбе за счастливое детство потомков добиваемся у чиновников уважения и нормальных условий проживания.

Рольщикова Надежда Алексеевна

Родилась 09 июля 1944 года в Краснозаводске Загорского района Московской области. У мамы нас было двое детей (девочек). О своей жизни она никогда не рассказывала, растила нас одна. Ни бабушек, ни дедушек у нас не было. Работала мама в три смены. С пяти лет она нас оставляла на попечение соседей. Так с раннего детства мы с сестрой приобщались к самостоятельности. Еду разогревали на керосинке, которая находилась в коридоре. В мои обязанности входила покупка продуктов. Пока несую домой ароматный хлеб, не выдержу и надкушу хрустящую корочку. Мама увидит и спросит: «Тебе что, такой хлеб продали?». Никогда не ругала, понимала, что очень хотелось есть.

Одежду мама старалась шить сама. Так дешевле обходилось. Шила платья одинаковые мне и сестре. Я не могла с этим смириться и, поэтому, ждала, когда сестра изорвет свое. Рвала одежду она быстро, т.к. играла только с мальчишками.

Школа на Нижнем поселке, где мы жили, была четырехлетняя, семилетку заканчивали на Возрождении. В школе часто занимались дополнительно. Жизнь налаживалась, мама перешла на работу в столовую. В летнее время нас оформляли в детский лагерь, который располагался рядом, на горе. Об отдыхе в лагере остались только хорошие воспоминания.

На зиму заготавливали дрова, у каждой семьи была своя поленница. Туалет располагался во дворе. Несмотря на все трудности, жили дружно, помогали друг другу. С детства мама прививала только хорошее, уважение к старшим, к учителям.

Для поддержания семьи держали небольшой огород. Мы, по мере своих возможностей, помогали маме, подходили к этому ответственно. За водой ходили на родник, т.к. на колонке всегда была очередь.

До сих пор хожу на этот родник. В настоящее время его обустроили. Очередной раз под впечатлением при его посещении нахлынули чувства и я сочинила строки:

*Я посетила незабвенный край,
Где звезды моей юности горели.
Уж изменился милый сердцу край,
Мы вместе незаметно постарели.
Прости меня, родимая земля,
Что я тебя так редко навещаю.
Мой родничок, леса, поля, луга —
И дай мне знать, что ты меня прощаешь.
Пускай хоть много лет пройдет.
Я в памяти всю жизнь перебираю,
С работы мама вечером идет
И пишена в миску курам насыпает.
А мы с сестрою на крыльце сидим,
Своих тряпичных кукол пеленаем,
На ласковое солнышко глядим,
И никаких забот пока не знаем,
Как далеко все это, не вернешь.
Не верю в старость и словам не внемлю.
И превратился внук уж в милого юнца.
Ногами внучки топчут землю.
Я Нижнему поселку поклонюсь — «Прощай»,
Наверно свидеться уж больше не придется.
Но ты живи, родник, и жизнь мне обещаи.
Дай Бог и все к тебе должны вернуться.
Дорога серой лентой впереди,
И я в машину сяду со слезами.
А сердце так и рвется из груди
И дом родной всегда перед глазами.*

Романова Людмила Николаевна

Моя мама, Максимова (Алексеева) Нина Акимовна, родилась 03 августа 1942 года в деревне Ивино Смоленской области (около деревни Арсаки).

Шла война. Отца мамы, Акима, забрали на фронт ещё до начала оккупации.

В деревне стояли немцы. Дом, где жила семья мамы, тоже оккупировали фашисты. Выгнали жить всю се-

мью в хлев к скотине. В этом хлеву под дулом пистолета и родилась моя мама. Бабушке Федосье повезло в том, что родился ребенок женского пола, если бы родился мальчик, то «пиф-паф», как выражались фашисты.

Но среди немецких солдат тоже были сострадающие люди. Один из них украдкой носил кормящей матери молоко, чтобы она могла кушать и кормить свою дочь.

Брата мамы, которому было 17 лет, как и многих подростков округи, угнали в Германию. По дороге в Германию, ночами, подростки пытались бежать, их расстреливали. Утром местные жители хоронили расстрелянных детей. Видимо, брат мамы именно так погиб, потому что был шустрый и очень не хотел покидать Родину. Из плена он не вернулся. Не вернулся с фронта и отец мамы. От большой и счастливой семьи моей мамы в живых, после войны, осталось трое детей и мама моей мамы.

Мама много лет пыталась выяснить судьбу своего брата, но поиски остались без результата. До последних дней своей жизни с болью сожалела о том, что ничего не знает о судьбе своего брата.

Уже 6 лет её нет в живых, она умерла 29.10.2011 года в возрасте 69 лет.

Русаков Анатолий Васильевич

Я родился 4 сентября 1941 года в г. Загорске. Мой отец, Русаков Василий Григорьевич, 1910 года рождения, был призван на фронт в конце 1941 года и пропал без вести уже в феврале 1942 года.

У моей мамы к моему рождению было трое детей – сын и две дочери. Отец видел меня четырехмесячным, я его, соответственно, не видел. Слово «папа» никогда не произносил, хотя понимаю глубинный его смысл. Жили мы на Пионерской улице, и я был не один на улице, у кого отцы погибли на войне. Тогда мы ещё не понимали, что происходило с нашими семьями, с нами без отца в доме. Для меня всем была мама и помогавшие ей во всем дети.

Личных впечатлений о военном детстве у меня не может быть. В памяти остались отдельные фрагменты нашей жизни конца 1945-1947 г.г. Все ощущения времени связаны с постоянным чувством голода, давящей холодной атмосферой быта, отсутствием одежды и элементарного тепла. Я до сих пор не могу понять, как мама смогла нас вырастить.

Работать не было никакой возможности, так как детям было: 12 лет, 8 и 4 года и ещё родился я. Мама продала и обменяла на продукты всё, что было в доме из скудного скарба. Отлично помню, как по городу громыкала колонна танков с зачехленными пушками. И ни с чем несравнимые очереди за хлебом у магазина №13. Мать, сестры и я, пятилетний, занимали очередь за хлебом с ночи. Все руки были исписаны чернильным карандашом с номером очереди. Постоянно были переключки, отлучаться из очереди было нельзя, иначе вычеркивали. Если удавалось получить по карточкам хлеб, его надо было ещё

донести до дома, потому что кругом толкались воры. Они нас, ребят, подкарауливали, чтобы отнять хлеб, но я прокладывал себе путь домой дворами Пожарного переуллка, где знал все тропки, поэтому избегал грабителей. Особой гордостью считал то, что приносил маме хлеб, не съев дорогой ни крошки.

Мама, спасая нас от голода, придумывала практически из ничего приготовить какую-нибудь еду и она казалась очень вкусной, особенно крапивный суп. Крапиву я собирал на склоне оврага возле Уточьеи башни. Иногда удавалось добыть кусок «жмыха» – это отходы при изготовлении из семечек подсолнечного масла.

Очень важным способом выживания было прислуживание в богатых семьях. Я это прошёл сполна. Мама стирала белье обеспеченным людям, были такие и в то тяжелейшее для загорчан время. Мама кипятила белье на печке, а затем полоскала его в корыте на улице, а я носил ей воду с колонки. За стирку и глажение белья маме давали какие-то деньги или еду и одежду.

Иногда мама отправляла меня к знакомым в деревню Козлово Константиновского района. Там я зарабатывал на завтрак, обед и ужин, помогая строгать дранку – кровлю на крышу. Иногда я крутил колесо, но чаще стоял возле ножа, из-под которого вынимал дранку, складывал её себе на руки, прижимая к груди. Для шестилетнего пацана работа была нелегкой, зато кормили, как взрослых работников. Таким образом, примерно месяц я был сыт.

Когда старший брат Николай поступил в военное училище, а сестры пошли работать на завод, матери стало несколько легче. К семи годам я умел читать и писать. В первый класс школы №2, что располагалась рядом с Трикотажной фабрикой, приняли меня после долгих уговоров матери, так как до семи лет мне не хватало четыре дня. Помогла моя дошкольная подготовка. Семь классов я закончил в школе №2. В первых классах успевал хорошо благодаря домашней подготовке. Начиная с пятого класса, учеба моя покатила вниз, я стал троечником. Меня относили к ученикам из бедной семьи. Отлично помню, как в школе матери для меня давали ботинки или хлопчатобумажный костюмчик, так как нормальной одежды у меня не было. В классе периодически всем давали по ложке рыбьего жира, не хватало витаминов, и обязательно заставляли съесть цитварное семя.

Я не могу сейчас объяснить причину моей неуспеваемости, предполагаю – отсутствие способностей, однако меня увлекали книги, которые я запоем читал по ночам. Книги я брал в детской библиотеке на улице Вальной. Читал много поэтов, особенно западных, несколько раз библиотекари просили меня сделать обзор тех или иных прочитанных книг для таких же пацанов, как я, в читальном зале.

Как-то я пришёл в библиотеку сдать книги и получить новые, а сядя пожилая библиотечарша попросила завтра прийти в библиотеку с мамой. Я, конечно, не был пай-мальчиком, и мы с мамой были очень удивлены этому неожиданному приглашению в библиотеку. Оказалось, что библиотека проанализировала абонентские книжки своих несовершеннолетних читателей, и моя книжка была самой объемной. Это обстоятельство побудило работников библиотеки выяснить кто такой Толя Русаков, в какой семье он воспитыва-

ются. Они убедились, что моя семья одна из многочисленных семей г. Загорска, где отцы погибли на фронтах войны и матери воспитывали своих детей одни. Переговоры закончились тем, что мне предложили выступить по местному Загорскому радиовещанию. Отказаться от такого предложения у меня не возникло ни малейшего желания, наоборот, охватило чувство гордости. Через некоторое время в библиотеке мне сказали, чтобы я с мамой пришёл на радиовещание. Студия находилась на втором этаже первого дома Советов, где сейчас гостиница Лавры. Меня усадили перед микрофоном, дали текст и я его прочитал без ошибок в прямом эфире. Таким образом, я получил первый в своей жизни гонорар, который истратил на книги.

Ручнова (Кривоногова) Любовь Петровна

Родилась в 1933 г. в д. Ахтырка Сергиево-Посадского (Загорского) района Московской обл. Училась в начальной школе в д. Жучки, потом в школе № 1 на 2-й Рабочей улице. Окончила 8 классов, в 1949 г. поступила в медицинское училище в Москве при Басманной больнице. Получила профессию медсестры широкого профиля. В 1952 г. по окончании училища направили в Морозовскую клиническую больницу № 1 в хирургическое отделение старшей медсестрой.

Из Морозовской больницы передовых комсомольцев посылали в пионерские лагеря вожатыми. Там однажды прочитала статью в газете «Комсомольская правда» об освоении целинных земель и тоже решила поехать. В это время собрали медицинских работников в больнице, и я вместе с хирургом Бондарь Марией Сергеевной и терапевтом Маховым Александром Владимировичем по зову сердца и Коммунистической партии СССР 3 декабря 1953 г. поехала на Целину: Алтайский край, Тончихинский район с. Чистюнька, бывший «Сиблаг» (сибирский лагерь заключенных). Провожали нас с Ярославского вокзала с духовым оркестром. У нас был мягкий купейный вагон. Ехали пять суток. Встретили нас в Барнауле. На население 5 тыс. человек «Мосгорздрав» скомплектовал больницу на 25 мест. Директор «Чистинского свеклосовхоза» Колупаев Кирилл Иванович направил меня в Барнаул на курсы по «Рентгентехнике», потом я опять работала в совхозе. Проработала там до 1956 года, пока не приехала замена, и тогда мы вернулись в Москву 1 сентября 1956 г.

Уже в октябре того же года вышла замуж в г. Загорск за Ручнова Алексея. Сначала работала в Морозовской больнице в Москве, потом, после замужества, устроилась в медсанчасть № 1 завода «ЗОМЗ» и проработала там 35 лет в кабинете «физиотерапии».

В 1958 году родилась дочь Елена Алексеевна – также стала медицинским работником.

В начале войны мы жили в д. Ахтырка Загорского р-на. Мне было тогда 8 лет. Был жаркий день, мы купались в речке, отец ловил рыбу, вдруг в с/ совете

по радио объявили, что началась война. Мама побежала кричать отца по берегу реки, и на второй день его забрали по повестке. В 1931 г. отец, Кривоногов Петр Николаевич, родившийся в 1911 г.в д. Ахтырка, служил на Дальнем Востоке, в Хабаровске, где был награжден грамотой и именован ружьем. На фронт провожали его до песочной ямы. Слез почему-то у меня не было, а все плакали. Еще помню, как копали сзади дома землянку, а зачем? Не знаю. Так её и не выкопали. Мне надо было пойти к Парамоновой Вале, а по дороге шли солдаты и тащили пушки – отступали. Наш дом был крайним на деревне, к нам всегда заезжали машины с ранеными спросить дорогу в госпиталь «Абрамцево». Мы часто сами оказывали помощь раненым: перевязывали раны, стирали бинты, кормили. Однажды, ноябрьским холодным утром, проснулась и негде наступить – вокруг спали люди в тельняшках. Мы ходили в госпиталь «Абрамцево» с концертами. В школе д.Жучки была учительница Секованова Антонина Александровна, она учила нас шить кисеты для табака и вышивать крестиком. Мы это отправляли на фронт. С фронта отец не вернулся, он пропал без вести в сентябре 1941 г. Нас осталось у мамы, Фёклы Васильевны, трое детей: я – Любовь 1933 г., Владимир 1938 г. и Алевтина 1940 г. Конечно же, было очень тяжело, но выдержали. Мама работала в колхозе, а мы помогали ей дома: воду носили с колодца, а для стирки – с речки. Стирали вручную, надо было воду принести, потом вынести. Полы были не крашенные. Их мыли с золой и тёрли берёзовым веником. От голода спасал огород, где сажали картошку, свеклу и морковь. А жили дружно, все окончили школу, получили хорошее образование.

Кривоногов Петр Николаевич, красноармеец, 1911 г. рождения д.Ахтырка Загорского района Московской области. Призван 23 июня 1941 г. Загорским РВК. Пропал без вести в сентябре 1941 г. (ЦАМО, ф. 58, оп.977520) Увековечен: Книга памяти. Московская область. Том 23 стр.261

Кривоногов Владимир Петрович родился 16 октября 1938 г. в г. Хотьково. Окончив 10 классов школы, Владимир устроился работать на завод «Лакокраска». Был призван в Советскую Армию. Служил три года шофером в Семипалатинске. После Армии устроился на работу в КТБ, где проработал до 2004 г. За успешную работу был награжден: орденом Трудового Красного Знамени, орденами Славы 3 и 2 степени, многими почетными грамотами. Вырастил троих дочерей: Веру, Надежду и Любовь.

М л а д ш а я сестра Алевтина родилась 15 июля 1940 г. Помню, мама её где-то сфотографировала и, когда папа уходил

на фронт, она эту фотографию положила в грудной карман пиджака и очень сильно плакала. Алевтина закончила школу на ул. 2-й Рабочей, потом Хотьковский с/х техникум бухгалтерского отделения и работала на заводе «Электроизолит». Потом вышла замуж за Федора Кожеватова, и уехала вместе с ним в Монголию на 7 лет. Вернувшись, работала в г. Пушкино в Мосэнерго до самой пенсии. У них дочь Наталья и двое внуков.

Самигуллин Наумир Абдуллович

Восемнадцатилетним подростком с третьего курса Казанского речного техникума ушёл он на войну. До июня 1944 учился во втором Московском пулеметном училище, которое было эвакуировано в Удмуртию г. Можга.

Окончил училище в звании младшего лейтенанта и был направлен на I Прибалтийский фронт, 3 танковый корпус Котельниковской танковой бригады, служил автоматчиком. А уже в ноябре того же года в ночном бою получил тяжелое ранение. 27 осколков немецкой гранаты до сих пор он носит в себе.

После длительного лечения в госпитале медики поставили пациенту неутешительный диагноз – инвалидность на всю оставшуюся жизнь. Категорически запрещалось пить, курить, заниматься тяжелым физическим трудом. Осколки вынимать опасно, поэтому необходимо было научиться жить с ними. «Осколки потихоньку сроднились со мной. Мы с ними договорились: я их не трогаю, они меня не беспокоят», – шутит ветеран. На рентгеновских фотоснимках наглядно видно, какими «подарками» наградила война фронтовика. У ветерана Самигуллина двадцать правительственных наград. Среди них – орден Отечественной войны I степени, медали «За отвагу», «За победу над Германией» и другие.

Впечатлений о событиях военных лет не может забыть до сих пор. Наумиром Абдулловичем написана книга воспоминаний о войне, часто он выступает перед молодежью. Воспитанию подрастающего поколения отдано 35 лет, 15 из них был директором школы.

После войны Наумир Абдуллович нашёл свое призвание в педагогике. Работал военруком, учителем географии, потом директором школы. Принципиальность, активная жизненная позиция всегда заставляла его быть в гуще событий.

Сейчас ветерану 82 года. Несмотря на жестокие испытания, которые приготовила ему судьба, он считает себя человеком счастливым. Наумир Абдуллович состоялся как гражданин – с честью выдержал все испытания. Как профессионал – имеет звание «Отличник народного образования», в знак уважения и признания заслуг Маскаринской средней школе в Кукморском районе присвоено его имя. И как семьянин – вместе с женой, с которой прожили 60 лет, вырастили и достойно воспитали двух сыновей и двух дочерей. У них растут 9 внуков и 2 правнука.

Статья из газеты от 05.06.2007 г. Автор Ирина Новикова

Помню, всё ещё помню...

Солдат, вставший на защиту Отчизны, не знает, что с ним будет завтра. Но одно знает точно: ради победы над врагом надо все перетерпеть. Сынов Родины, одевших серую шинель, ждет разная судьба. Но каждый из них при мысли, что придется, быть может, сложить голову, обязательно заключит про себя: «Ну, что ж! Умирают всего один раз...»

Утро 9 мая мне лично пришлось встретить в госпитале. Меня ранило на побережье Балтийского моря. После лечения в госпиталях разных городов, я постепенно встал на ноги. Правда, в то время не все раны были зарубцованы. Хожу весь в бинтах. В середине апреля санитарным поездом нас отправили в Кисловодск, чтобы мы быстрее поправились на Кавказе. Целебные воздух, лечебные источники – все это нужно было раненым. Страна делала все, чтобы поставить своих защитников на ноги. Только на меня, пролежавшему на госпитальных койках восемь месяцев, были, должно быть, истрачены сотни метров бинтов и большое количество медикаментов.

Когда я лежал в московском госпитале, хирург Серафима Николаевна Векличева сделала мне три операции.

Никогда не забуду, как она приносила нам, раненым, из дома овощи, гостинцы. Более трех месяцев я лежал без движения. Никогда не забуду, как медсестра Лида обтирала ватой заживающие раны. Лида не скупилась на ласковые слова, в нас видела самых близких ей людей. За все это спасибо им.

В Кисловодске нас разместили в военном госпитале. Здесь лечили воинов с ранами в области дыхательных путей. Харьковчанина Александра ранило при взятии окопов врага. Десять пулевых ран в грудь навывлет получил молодой сержант. Саша набрал дым папиросы в легкие и приостановил выдох – дым тонким фонтанчиком стал выходить из легких через открытые раны.

Всё ещё в памяти: я уже освободился от повязок. Как-то ночью я проснулся раньше обычного. Вышел на балкон. Почувствовал себя необычно здоровым. Да и что должен был чувствовать двадцатилетний парень, перенесший множество тяжелых ранений и оставшийся в живых?! Заря только намечалась в стороне Кавказских горных хребтов. В то же время зашипел, а потом заговорил репродуктор, что находился на территории госпиталя. Послышался голос Левитана. Он сообщал, что наши войска окончательно разгромили немецко-фашистские полчища, что фашистская Германия капитулировала. Это было утро 9 мая 1945 года.

Из открытых окон палат, с балконов полились песни. В этих песнях отразились и пройденные нелегкие фронтовые дороги, и горечь утрат, и желание скорее вернуться в родные края, увидеть родную мать. После выздоровления все ждали отправки на фронт, а сейчас каждый мечтал скорее вернуться домой. Победа всех окрылила...

...На крыльях своей мечты и я вернулся в родную деревню. Набрал из ко-

лодца студеной воды, пью её, смешивая скатывающимися из глаз слезами. В мыслях пожимаю всем близким руки, были бы живы мать, отец, конечно, они вышли бы встречать сына-фронтовика. Не вернулись с войны друзья моего детства. Всего из Мамашира отдали свои жизни в боях с немецко-фашистскими захватчиками 162 человека.

Возвращаясь в родную деревню в июне победного 1945 года, я вступил на зеленые улицы, мою радость возвращения на родину еще более ошастливили приветствия, радостные лица хлеборобов-односельчан. Чистый воздух, тихое журчание родников, ласковый ветерок помогли мне окончательно прийти в себя от ран и равноправно со всеми трудиться. Я твердо знаю: ничто не заметит мне родные края.

Самсонов Владимир Ильич

Из книги «Возвращение к истоку»

Посвящается моей маме, Самсоновой Вере Васильевне

22 июня 1941 г. началась война. После выходного дня я вышла на работу в цех №1. Мастер смены всех попросил выйти на улицу. Весь цех собрался на бережку пруда, около 53 мастерской. На пригорок поднялся начальник цеха, помолчал и произнес:

– Началась война, прошу завтра всех прийти с паспортами. Сейчас идите на рабочие места.

Завод работал круглосуточно, продукция была необходима фронту. Нам говорили, что война к осени закончится.

28 сентября 1941 г. завод и город подвергся бомбежке. Это было в обеденный перерыв. Одна бомба упала в колодец около детских яслей, но не взорвалась. Поле бомбежки города и завода детские ясли, что около стадиона, эвакуировали в Богородское. Заведующей была Карамышева Тамара Дмитриевна. Ясли разместили в старой, деревянной школе. Кроваток не было, постельки разместили на полу.

Дня через два, после бомбежки, завод стали готовить к эвакуации. В середине октября ушел первый эшелон с оборудованием в Челябинск, потом в Чебоксары. Завод и город сразу осиротели, народу стало мало. Кто уехал, кто ушел в деревню. Завод готовили к уничтожению. Немец стоял под Дмитровом. На работе нам приказали собраться, повезут в Челябинск работать. С утра все собрались на ж\д станции, погрузились в вагон товарняка. В нем были сооружены из досок полати, застеленные соломой для ночлега. В середине вагона стояла «буржуйка». Мужики, женщины, дети – все в одном вагоне. Ехали, спали, а в туалет ходили прямо на железную дорогу. В углу вагона была «клетуш-

ка», а в полу дырка. Старшим у нас был Саванин Иван из д. Федоровское.

Доехали до Александрова, а пути закрыты. Мы ночь ночевали, другую ночь ночевали. Иван Саванин выдал паспорта и сказал:

– Товарищи, как сами решите, так и делайте. Я за вас не отвечаю. Идите, кто куда хочет. Попадете, сами будете держать перед органами НКВД.

Пошли в Краснозаводск в отдел найма. Иван Саванин доложил:

– Ждали поезда, так и не дождались. Людям питаться стало нечем. Все разбежались.

Нормально завод заработал с января 1942 г., рабочие стали возвращаться на завод. В городе сталолюдно. Завод работал в четыре смены.

Осенью 1942 г. Москву бомбили, было много разрушенных домов. Нас послали разбирать завалы. Ехали на открытой машине. Целая бригада от завода прибыла на Смоленскую площадь Проточный переулок.

Нам давали талоны на обед и возили на Арбат в столовую. В Москве я проработала с год. Разбирала руины, вытаскивала погибших. Однажды откопали мать с ребенком. Она девочку к себе прижала. Обе мертвые. Как только мы доберемся до погибших, нас отстраняют, вызывают скорую помощь, милицию, трупы забирают и увозят.

После разборки разрушенного дома кого-то вернули на завод, а кто-то остался. Мужиков всех оставили на разборке домов.

Я приехала домой. В наше отсутствие на заводе появились заключенные.

Отработав немного в мастерской, нас посылают на лесоповал к Горелому болоту. Работа на лесоповале шла полным ходом. Заводу было необходимо топливо для работы котельных. Из леса проложили узкоколейную железную дорогу. По ней спиленный лес вывозили к шоссеиной дороге, которая шла около рынка. Вагонетки толкали вручную. Этим занималась транспортная бригада.

За перевыполнение нормы, в конце недели, нам выдавали по 500 гр. спирта. Утром на работу шли голодные. Есть нечего, воды из ведра попьешь и идешь лес валить.

На лесоповале я работала до 1943 г. Был случай на лесоповале. Наша бригада ушла раньше с работы на один час, нас за это судили товарищеским судом. Нам дали штраф 25% от зарплаты выплачивать шесть месяцев. Наша бригада состояла из шести человек. Были случаи, когда за провинность сажали на гауптвахту.

На пенсию я ушла в сентябре 1964 г. В один день со мной ушел на пенсию Никита Сергеевич Хрущев, наш Генсек.

Такая судьба у большинства жителей нашего прекрасного города Краснозаводска. Рабочий поселок завода №11 городом стал согласно постановлению Совета министров РСФСР с 7 октября 1940 года.

Седов Евгений Николаевич

Наша семья жила в деревне Рогачево Сватковского с/совета. Отца, Седова Николая Ефимовича, взяли на фронт в августе 1941 года. Когда отец уходил, мама очень плакала, ведь на ее плечах осталось пятеро детей, я – самый старший. Без отца ощущались большие трудности. Мама работала с утра до вечера, управлялась со своим подсобным хозяйством, а мы, как могли помогали ей во всем.

Отца взяли военным водителем на оборону Москвы. Подвозил снаряды, боеприпасы. Когда отогнали немцев от Москвы, пошло наступление. В это время были сильные морозы, около 40°. Немцы были одеты налегке, вся техника у них замерзла, всё побросали. В 1942 году отец попал на Брянский фронт. Там вступил в партию больше-

виков. Как рассказывал отец, расписывался за партбилет на пеньке.

Воевал вместе со своим начальником, полковником особого отдела, которого возил на машине. Шли дорогами войны через Белоруссию, Украину, с боями закончил боевой путь в Берлине, там праздновал дорогую Победу. После этого оставался служить там же в качестве водителя. Был мобилизован в 1946 году.

Отец был награжден орденом Отечественной войны II степени и орденом за взятие Берлина.

Мой дядя, Седов Федор Васильевич, житель д.Рогачево Загорского района Московской области, воевал в 1-ю мировую войну 1914 года, был ранен, вернувшись с войны стал работать фельдшером в посёлке Зеленый.

У Федора Васильевича было три сына: Виктор, Николай и Анатолий – это мои двоюродные братья.

В 1941 году все трое ушли на фронт. Только Седов Виктор Федорович вернулся с фронта, а два других считаются пропавшими без вести. Известно только об одном из пропавших братьев – Николае Федоровиче.

Он родился 22 октября 1922 года в д. Рогачево. В 1941 году окончил 9 классов. С ноября 1941 г. по октябрь 1943 г. находился в 88 спецшколе подрывников Управления НКВД и 63 истребительном батальоне НКВД г. Москвы и Московской области в звании старшего сержанта. Принимал участие в обороне Москвы, как боец спецроты, ходил на боевые задания. Был награжден медалью «Партизан Отечественной войны II степени». Три

раза направлялся в тыл противника в составе группы «Казбек». За время пребывания в тылу действовал смело и решительно. На его боевом счету до 20 убитых немцев, отлично действовал при захвате «языка», регулярно вёл наблюдения за железнодорожными перевозками, давал правдивые и своевременные сведения командованию. 9 августа 1944 года, уже в звании старшины, в составе той же группы был десантирован с борта самолета в лесной массив, находившийся в 30 км северо-западнее восточно-прусского города Тройбурга (ныне польский город Олецко). В бою с немцами группа была окружена. Седов Н.Ф.

пропал без вести в августовских лесах, в тылу врага. 23 августа 1944 г. посмертно представлен начальником диверсионных действий полковником третьего Белорусского фронта Г.И. Орловым к награждению орденом «Красной звезды».

Имя Седова Николая Федоровича увековечено в книге Памяти Московской области т.23 стр.378. Как пропавший без вести – в книге Памяти Калининградской области «Назовем поименно дважды», на обелиске погибшим героям в родной деревне Рогачево.

Это всего лишь короткие выдержки, взятые из книги «Ястребки московские, без грифа секретности». Книга издана в 2014 году объединенной редакцией МВД России, где рассказывается о героических подвигах в годы Великой Отечественной войны.

Наш тыл был надежно защищен людьми в васьковских и милицейских фуражках. Более того, НКВД СССР посредством участия в руководстве партизанским движением, а так же, заброской за линию фронта многочисленной стратегической оперативной разведки, наносило фашистам мощный удар по тыловым коммуникациям, чем приблизило Победу.

Симан Валентина Константиновна

Мамаев курган

*Достойный герой Сталинград,
Ты вправе героем себя называть
Без слёз не войдёшь на Мамаев курган
Не взглянешь на «Родину-мать».
Ты многое выдержал, горе видал
Ты дрался за каждый кусочек земли.
Слезами и кровью землю пропитал,
Но выдержал натиск войны.
Пусть слёзы обильные льются сейчас
У тех, кто пришел на Мамаев курган,
Они не забудут тот памятный час
И павших на нём россиян.
Я тоже была и роняла слезу.
В том месте «Скорбящая мать»
Не слёзы достойна увидеть мои,
А слышать, как могут рыдать.
Рыдают и те, кто своих потерял,
И те, кто увидел «Ансамбль солдат».
И каждый слезою своей подписал
Ты дважды герой, Сталинград!
А тем, кто забудет об этой войне
Напомнит Мамаев курган.
Как памятник будет он в нашей стране
На веки, для всех россиян.*

Смердынская (Парамонова) Татьяна Сергеевна

Я родилась в 1938 г. в д. Ахтырка Загорского района. Когда началась война, мне было 3 года. Помню о войне из рассказов матери и своих детских отрывочных воспоминаний.

Было лето и было тепло, когда папу (Сергея Васильевича Парамонова 1914 г.р.) провозжали на войну. Мы дошли до риги. Мама (Екатерина Васильевна) с папой пошли на электричку, а мы с бабулей зашли в ригу, она что-то собрала в фартук для курочек и мы вернулись домой. Еще помню полумрак, горит лампадка у икон, бабушка плачет и молится, похоронная на папу пришла, а я смотрела, смотрела, а потом подумала (в 1943 г. мне было 5 лет), что я уже больше никогда его не увижу и тоже заплакала. В 1941 году, когда немцы шли к Москве и стояли уже у города Дмитрова Московской области, пошли резервные войска сибиряков. Они шли день и ночь, печь в доме не переставала топиться и все продукты были подъяедены. Спали на полу на шинелях, а Валечку (сестренку – один годик) передавали с рук на руки (у всех же свои остались дома). Бабушка уже сидела с узлами, а они ей сказали: «Мамаша, развязывай свои узлы, все ляжем, но немца к Москве не допустим», – и действительно их очень мало вернулось с той битвы, но немца отбили. Зарево хорошо было видно вечером с крылечка. А когда закончилась война, некоторые стали возвращаться домой. Мы вместе с Валею, как собачки, бегали встречать, не дай бог такое пережить.

Приходили к нам потом посочувствовать, говорили о начале новой войны с Японией, и я плакала, что не хочу больше войны.

Дедушка умер от голода, он старался, чтобы детям больше досталось.

Помню, как Валя бегала по деревянному дивану и кричала: «Бабаня, дай хлеба», – а она ей отвечала: «Где же я тебе возьму, хулиганка? Ни чего-нибудь, а хлеба». Пекли оладьи из гнилой картошки, которую в поле собирали весной, на рыбьем жире. Я не могла их есть и от недоедания кружилась голова и я часто падала.

Дядя Вася (Парамонов) писал с фронта, чтобы мама выслала ему «чайной» соды, т.к. у него болит сильно желудок. Он, видимо, еще был в «учебке» и ничего не писал о войне. Не знаю, посылала она или нет соду, я при ней этих писем не видела. Она почему-то это хранила в тайне. Во время войны голодно было и он в риге или где-то в хранилище взял сколько-то ржи или пшеницы и его за это осудили. Ему подсказали, чтобы на суде сказал: «Отправьте

меня лучше в штрафной батальон», – так и было сказано. Возможно, в первом бою и погиб, но извещения не было, только приходили два треугольничка.

Папа погиб 13 сентября 1943 г. около деревни Крутой Лог Брянской области. Посмертно его наградили «Орденом Отечественной войны 2 ст.», позже он пропал. Нам за этот орден к пенсии добавили 280 руб. и за прошедшее время что-то вернули. Тогда мне купили пальто зимнее с воротником каракуль, а Вале – синее с котиковым воротником. Страшно вспоминать, как жили, но выжили. Всего не опишешь. Помню, когда меня мама брала в Загорск, то мы в Хотьково проходили мимо небольших сараев, там жили пленные немцы. Видимо, они строили завод, а я только крепче за руку маму брала.

После окончания войны поступила в ФЗУ (фабрично – заводское училище), закончив которое работала закройщицей на фабрике Розы Люксембург. Вышла замуж, родила сына Владимира. Жизнь сложилась непросто – умер муж, погиб сын. В настоящее время проживаю в г. Владимир с племянницей.

Парамонов Сергей Васильевич, ст.сержант 837 сп 238 сд, 1914 года рождения с.Ахтырка Загорского района Московской области. Призван Загорским РВК. Ранен 1 декабря 1942 г. Погиб на фронте 13 сентября 1943 г. д. Крутой Лог Брянской области. Похоронен: Брянская область, Жуковский район д.Ким, братская могила Похоронен: д.Крутой Лог Красногорского р-на Брянской обл.

Сокова Вера Васильевна

Сокова Вера Васильевна, 10.09.1928 г.р. Труженик тыла ВОВ. Жительница с/п Васильевское пос. Мостовик.

С Богом везде легко!

«Родилась... Осталась сиротой без матери... Мачеха отправила «в люди»... Пережила войну... Родила восьмерых... Работала и держала хозяйство... Вырастила добрых детей...» Вот, пожалуй, и вся нехитрая биография Веры Васильевны Соковой. А то, что едва ухитрялась спать, порой падала от усталости, иногда плакала от обиды и горя, – об этом забылось, как будто и не было. Но человеческая жизнь измеряется, в основном, тяготами и лишениями. Их было немало у Веры Васильевны, но скромная женщина во всем уповала на помощь неба и всегда была вознаграждена сторицею. Про неё можно сказать словами поэта: «Гвозди бы делать из этих людей, крепче бы не было в мире гвоздей!»

Рассказывает ветеран, прихожанка Васильевской церкви и жительница пос. Мостовик, Сокова Вера Васильевна. Родилась я в 1928 году в деревне Крутиха Горьковской (сейчас Нижегородской) области. Мама моя, Надежда Федоровна, умерла рано. Я с трёх лет осталась сиротой – без матери и совсем ничего про неё не помню. Отец мой, Василий Михайлович трудился на химическом заводе и потому не воевал, ему была выделена «бронь» из-за работы. Сам он был человеком верующим.

Потом отец женился на другой женщине. Мачеха моя Мария была очень строгая женщина. С девяти лет я пошла в няньки и жила «в людях». Когда вой-

на кончилась, вернулась жить домой. Ходила с мачехой работать в колхозе. Была разнорабочей. А с 1946 года на торфяном болоте отработала три года.

Потом вышла замуж, а через год переехала сначала в Шапилово, затем в Мостовик – завербовалась на бетонный завод. Работала в арматурном цехе. Трудилась ещё на железной дороге и в школе техничкой. В моей семье родилось восемь детей. Свекровь мою звали Прасковья, она очень мне с детьми помогала. За это я очень ей благодарна. Царствие ей Небесное! Она 28 лет прожила с нами.

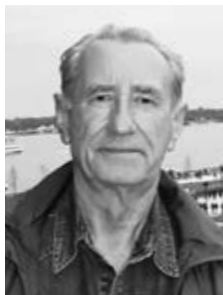
Первый домик мы выстроили в 1959 году. Он был маленький, жить большим семейством тесновато. В 1978 году поставили дом уже побольше. Выросли, выучились все мои дети. Добросовестно отслужили в армии, все обзавелись семьями. Стали получать свои квартиры. А я все время работала, ещё и держала хозяйство, скотину. И как умела, помогала сыновьям и дочерям встать на ноги. Дети и внуки меня не забывают.

Самое большое потрясение было в жизни, когда похоронила сына, а через год и мужа. С мужем прожила я 51 год, в жизни с ним всякое бывало.

В Бога я веровала всю жизнь. Вся семья наша была верующей, особенно тетя Клавдия. Она часто паломничала по святым местам. Раньше я храм посещала редко из-за ревности мужа, сейчас, не смотря на трудности и болезни, посещаю почти все службы в Васильевской церкви. Потому что только Бог даёт мне силы и здоровье. И что бы я ни просила у Него, Он во всем мне помогал всегда. Только благодаря Ему родила и вырастила хороших детей, Господь помог их направить на путь истинный. За это я всю себя без остатка отдаю Богу. И пока есть силы, буду ходить в храм, потому что без Бога жить очень тяжело, особенно в наше время. Конечно, бывают и у меня скорби, но молитва помогает мне их легко перенести. Благодарю Господа и Пресвятую Богородицу за все Их милости!

Газета «Мостовик: вчера, сегодня, завтра» июнь 2012 г. Записала Валентина Каверина

Сорокин Рудольф Федорович

Отрывки из поэмы «Отчий дом»

(мальчишеские воспоминания о Великой Отечественной войне и первых послевоенных годах)

...И в сорок первом грянула война.
Казалось, Сталин лишь её не ждал.
На наш завод наложена «броня».
Завод с людьми отправлен на Урал.

Челябинск встретил холодами.
Трамвайное кольцо невдалеке.
Дом рубленый, хозяйка с нами,
Корова при сарайном уголке.

Я помню: как-то зимней ночью
Раздался грохот страшный очень.
Стучался в двери кто-то сильно,
А кто там был – уж нам не видно.

Мать нас одела, собрала,
Заставила сидеть всех тихо,
От страха всем нам стало лихо –
Топор решительно взяла.
А утром стала из окна видна
Корова – день не доена она.

.....
«Нам мама часто говорила:
«Придёт конец войне любой».
Она, как ангел нас хранила,
Забыв про отдых и покой.
Но вот окончилась война
И у двора, где тишина,
Собрались женщины гурьбой –
Солдат с войны идёт домой!
Немая сцена у родни.
Детишки смотрят с интересом.
Жена стрелой из-под навеса
Летит... У мужа на груди
Повисла. Слёз сдержат нет мочи.
Счастливым дом шумел до ночи.

.....
И жизнь пошла всё интересней:
По вечерам веселье, песни,
То радость, то печаль кругом
Звучат в том доме иль другом.
В бараке вход с отдельного крыльца,
Где огород на стороне торцовой,
Картофельный участок за дорогой,
Суп из крапивы, лука и яйца.
От фото тех невольная слеза –
Худые лица, велики глаза...

.....
Свои: коза, то поросёнок.
С утра траву им рвал спросонок.
А вечерами и ночами –
В очередях за отрубями.
И это было в радость мне:
Толпой весёлой собирались,
Когда туда нас посылали
Ту помощь оказать семье.
Дни в лихолетье пролетали,
Мы, ребяташки, подрастали.

.....
Я вспоминаю с трепетом
свой первый класс:
Великовозрастных
мальчишек и девчонок,
И свой «портфель»,
где прежде был противогаз,
Где школьный гомон
всё же радостен и звонок
От вшей имели мы гребёнки,
Делились хлебом с собачонкой,

В лесу «зорили» птичьи гнёзда.
Одежда: кто во что – немодно.
В реке ловили пескарей
И по грибы ходили в дали,
В футбол азартно мы играли,
Мечтали подрасти скорей.
Хоть детства с нас не спала пелена,
Украла детство наше та война.

У могилы ветерана
Уходят от нас ветераны,
Редеет их строй боевой.
Дают о себе знать им раны
В нелёгкой судьбе фронтовой.
Стоим у могилы за кромкой,
Винясь перед Вами, отцы,
Что были Вы всем для потомков,
А мы – лишь в запасе бойцы.
Уходят, героями ставши,
В родную землю навек.
Заслуги, награды все наши
Пред Вашими меркнут в ответ.
1998

Степанкина (Соколова) Людмила Александровна

Я родилась в Ленинграде в феврале 1937 г. Мое детство первых лет жизни было счастливым. Родители перед войной жили в одном из красивейших городов мира, в центре города, рядом с Невским проспектом. Они были влюблены в Ленинград. Папа, Соколов Александр Иванович, был военнослужащим. Мама, Соколова Мария Максимовна, в 20-30-е годы помогала в воспитании детей многодетным семьям, жившим неподалеку. Это были интеллигентные семьи. По словам мамы, глава одного из этих семейств интересно рассказывал, как ранее служил в Зимнем дворце. И воспитанники, и их родители были довольны гувернанткой. С некоторыми из них я общалась уже после войны, так как они приезжали к маме, чтобы выразить ей свою благодарность. Педагогическая жилка мамы помогла мне выбрать профессию.

С 20-х годов мои родители особенно дружили с семьей Голубева Михаила Дмитриевича. Все свободное время обе семьи проводили вместе, любили отдыхать в пригородах Ленинграда. Эту счастливую жизнь прервала война. Я храню фотографию еще мирного времени. На ней я и мама в Ленинграде в феврале 1941 года, в мой день рождения.

Скорбный день 22 июня 1941 года изменил судьбу моей семьи. Враг быстро приблизился к городу. На защиту Ленинграда поднялись все его жители, в том числе наши родственники, знакомые. Участвовали в строительстве оборонных рубежей, в работе оборонных предприятий. Моя двоюродная сестра, Анна Никитична, добровольцем ушла на фронт. Воевала на Ленинградском фронте, награждена боевым орденом Красной Звезды. Папа служил в танковых войсках. В годы войны награжден орденом Ленина. Защищали город многие из наших знакомых и родственников. Наш друг, Голубев М.Д. всю блокаду был на службе в Ленинграде.

В 1941 году началась эвакуация жителей из Ленинграда. Было страшно. Немцы бомбили поезда с женщинами и детьми. В августе 1941 г. железнодорожное сообщение Ленинграда со страной было прервано. Я и мама в результате эвакуации оказались в городе Рыбинске (в то время г. Щербаков) Ярославской области. В первое время жили на барже, пришвартованной к берегу Волги. Продуктов не хватало. Воду брали из той же Волги. Чувство голода преследовало меня еще долгие годы. Через некоторое время нам дали комнату в коммунальной квартире старого двухэтажного дома без всяких удобств, где, кроме нас, жило еще несколько семей. Электричества не было. Готовили пищу на керосинках, примусах.

Вскоре начались налеты вражеской авиации, обстрелы города. Каждую ночь сирена предупреждала об опасности. Мама поднимала меня с постели, брала сумку с необходимыми вещами, документами, и мы выходили из дома. До бомбоубежища необходимо было преодолеть несколько кварталов. Мы бежали по

неосвященным темным улицам, прижимаясь к домам. Мама иногда интуитивно прикрывала меня собой, так как раздавался грохот разрывавшихся бомб, снарядов, слышался гул моторов вражеских самолетов. Под утро возвращались из бомбоубежища домой. А ночью все повторялось снова. Это было страшное время. Мама очень боялась потерять меня. Здоровье ее было подорвано. Из убежища утром она возвращалась совсем обессиленной. Днем надо было думать о еде. Какие-то люди приносили голубей и предлагали их жильцам дома на суп. Люди голодали.

Необходимых продуктов, конечно, не хватало. Как – то мама сказала, что мы не можем пригласить мою подружку на мой день рождения, так как в доме совсем нет сахара. Тогда я протянула руку и показала ей горсточку маленьких кусочков сахара. Я тайно собирала эти крошечные четвертинки кусочков, которые иногда давали мне на завтрак. Праздник состоялся. Даже в эти тяжелые годы мне хотелось жить интересно, хотя случались и голодные обмороки.

В 1944 году я пошла в школу. Обстановка в Рыбинске была уже спокойной. Люди были уверены в Победе. С большой теплотой я вспоминаю свою первую учительницу, своих одноклассников. Несмотря на трудности военного времени, в школе был танцевальный кружок, который вела удивительная женщина. Говорили, что в прошлом она была хореографом или балериной. Я помню только ее фамилию – Новикова. Мы выступали в кинотеатрах (перед началом показа фильмов), в больницах, школах и других учреждениях.

С семьей наших друзей Голубевых я и мама встретились в 1946 году. Михаил Дмитриевич оформил нам пропуск в Ленинград, и мы поехали в гости. Мы увидели израненный город, покалеченные уникальные памятники старины. В окрестностях города без слез невозможно было смотреть на варварски разрушенные всемирно известные памятники искусства, дворцы и парки. Видели, с каким энтузиазмом ленинградцы восстанавливали город. Голубев М.Д. не захотел рассказать нам о его жизни в блокадном городе, но его жена и дочь, к этому времени возвратившиеся из эвакуации, немного рассказали о том, как тяжело ему пришлось в блокадные годы. Об этом говорили все те, с кем мы общались. В бывшей нашей комнате уже жили другие люди.

Ленинградцы пережили ужасы голода и холода, бомбежки, обстрелы, все то, что может принести война. Но Ленинград выстоял, и этот подвиг города-героя люди никогда не забудут.

В 1947 году наша семья переехала в город Загорск (ныне Сергиев Посад). Первые послевоенные годы были для многих людей голодными и трудными. Страна восстанавливалась после войны. Много трудностей было и в жизни моей семьи. Папа еще некоторое время продолжал служить в танковых войсках в другом городе. Меня и маму спасал огород. Я помогала маме копать

огород. Я помогала маме копать

огород. Я помогала маме копать

землю. Выращивали картошку, овощи. Мама еще находила время и силы, чтобы помогать бедствующим семьям, растить детей. Она любила заниматься с детьми. Но все это послевоенное время мама мечтала о возвращении в Ленинград, она очень тосковала по городу на Неве, где прошли лучшие годы ее жизни, где остались родственники, друзья. Папа хлопотал по этому вопросу. Но, хотя он был ветераном Вооруженных Сил страны и ветераном Великой Отечественной

войны, с переездом в Ленинград как-то не сложилось.

После окончания военной службы, он перешел на работу в 12 Центральный Научно-исследовательский институт Министерства обороны СССР (сейчас это микрорайон Ферма). В 1957 году папа умер. Ему было 55 лет.

Здоровье мамы уже было подорвано в годы войны. Она тяжело переживала потерю мужа. Вскоре ее не стало. Мама была добрым, светлым человеком с богатым внутренним миром. Жаль, что в те далекие послевоенные годы ее мечта о возвращении в Ленинград так и осталась несбывшейся.

В Ленинграде у нас остались родственники. И я очень часто там бываю. Но после войны моя жизнь большей частью связана с Загорском, ставшим постепенно родным для меня городом. А также с народным образованием. С 1947 года я училась в школах Загорска. Сначала в семилетней Птицеградской школе (Птицеград – микрорайон Загорска). В то время в этой школе обучалось много детей из Птицеградского детского дома. Были они и в моем классе. Как же они переживали, что у них нет мамы и папы! Но пытались держаться с достоинством. Столько сломанных войной детских судеб! Повзрослев, я стала понимать, как им было тяжело. Война никого не пощадила. У меня сохранилась фотография моего 6-6 класса 1949 г.

С удовольствием я вспоминаю интереснейшую работу в этой школе на садово-огородническом пришкольном участке. Спасибо учителям биологии и руководителям кружка. Мы выращивали различные растения, саженцы. Участвовали в выставках. О нашей работе был снят фильм, издана небольшая книжечка. Выращенные нами лимоны даже возили в Москву на презентацию.

Затем я перешла учиться в среднюю школу № 3 имени КИМ. Ее в то время возглавлял Рудометов Василий Иванович. Я благодарна всем преподавателям, среди которых были и бывшие фронтовики. Учиться было интересно. Мы получили очень хорошие знания. Школу №3 закончила в 1954 г. с золотой медалью. Сохранилась фотография моего выпускного класса.

Высшее образование я получила в педагогическом институте. Два года работала по распределению в сельской школе Пушкинского района. А с 1961 года трудилась в школах Загорска (Сергиева Посада). Педагогический стаж – 50 лет. Из них 22 года работала директором сначала школы № 20 (пос. Лакокраска), а далее школы №24 и лицея №24. Отличник народного просвещения. Дав-

но не работаю. Живу на пенсию. Учительскую династию продолжила моя дочь Гаврилова Наталия Юрьевна. Она учитель начальных классов. Почетный работник общего образования РФ. Больше 30 лет трудится в лицее №24 имени Героя Советского Союза А.В. Корявина.

Много лет прошло с того страшного военного времени. Но в моей памяти эта жестокая война осталась навсегда. Я не могу забыть вой сирены, гул вражеских самолетов, грохот взрывов, небо, освещенное прожекторами, изломанные судьбы людей.

Во время войны дети быстро выросли, так как им приходилось участвовать в решении сложных проблем сурового военного времени, испытывать боль потери близких людей, иногда просто выживать. Так пусть никогда не будет войны. Я желаю всем мира на Земле.

Когда я увидела, как Сергиево-Посадский район празднует 73 годовщину Великой Победы, увидела 9 мая бесконечные ряды 18-тысячного «Бессмертного полка» района, услышала, как трепетно люди рассказывают о подвигах своих родных и близких, то меня захлестнуло чувство гордости и за тех, кто ковал Победу, и за тех, кто сохраняет память о героях. Передо мной лежит ленинградская газета 1970 года, где напечатана статья А. Воробьевой к 25-летию Победы под названием «Наша Аня» и помещен портрет моей любимой двоюродной сестренки. Пользуясь фактами из этой статьи, я перескажу лишь некоторые эпизоды военной жизни Ани.

Когда враг в 1941 году стал подходить к Ленинграду, молоденькая девушка Анна Никитична Чижова пошла в военкомат и попросилась добровольцем на фронт. Ее направили на курсы, и через три месяца она стала медицинской сестрой 94-го минометного полка 42-ой армии. Первые бои, первые схватки с врагом. Аня оказывала помощь раненым на так называемом «смертельном поле». А затем, под огнем противника, на плащ-палатке или на своих по-детски худых плечах тащила их в безопасное место. Однажды, направляясь за очередным раненым, Аня сама была тяжело ранена, упала и потеряла сознание. Немцы в это время предприняли контратаку. Из наших траншей за медсестрой наблюдали бойцы. Кто-то крикнул: «Нашу Анку фашисты в плен забирают! Спасай Аню, товарищи!» Несколько наших бойцов перешли в атаку на врага, отбросили его назад и вынесли Аню с поля боя. После госпиталя Анна продолжала воевать. Десятки раненых вынесла с поля боя бесстрашная девушка. Не раз вместе с бойцами была в разведке, принимала участие в захвате «языков». За отличное выполнение заданий командования Анна Никитична была награждена боевым орденом Красной Звезды. Моей маме Аня прислала в 1944 году свою военную фотографию.

Сохраним память о тех, кому мы обязаны Великой Победой!

Строгалин Александр Васильевич

Александр Васильевич Строгалин за свою долгую жизнь в 91 год только раз надолго разлучался с родной деревней Ярыгино Васильевской округи. Это было, когда он получил в январе 1943-го повестку на фронт. Деревенскому парню в 18 лет выпало участвовать в прорыве блокады Ленинграда. Заряжающий орудийного расчёта вместе с другими артиллерийскими постами воевал на подступах к городу до полного разгрома немцев, так и не сумевших сломить героических защитников Ленинграда.

Вся семья Строгалиных из Ярыгино до войны трудилась в местном колхозе им. Ленина. Родители и дети владели всеми сельскими рабочими профессиями. На одном подворье можно было собрать бригаду полеводов и животноводов. Первые два года войны Строгалины пахали на трудовом фронте. В 1943-м пришли повестки Александру и его сестре Надежде. Они воевали в одном артиллерийском полку под Ленинградом.

Он ещё в юности, когда был пастухом, повредил кнутом правый глаз. При мобилизации парня проверили, и оказалось, что винтовку ему надо держать как левше, а на точности глазомера травма не отразилась. Он бил в цель без промаха. Так и стал заряжающим расчёта 85-мм зенитной пушки. В это время артиллеристы были особенно нужны под Ленинградом.

Город уже два года был в смертельной немецкой блокаде. Его окружали сотни вражеских пулемётных постов и орудий, все подходы были заминированы и окружены стеной колючей проволоки. Александр Васильевич вспоминает, что к своим позициям они пробирались через Ладожское озеро ночью, в крошечной темноте, чтобы не дать обнаружить себя противнику. Эта позиция в десяти километрах от Ленинграда была замечательна тем, что немецким штурмовикам и бомбардировщикам на пути к городу надо было непременно проскочить этот рубеж, а здесь они как на ладони.

Но зенитчики были под прицелом, крылатые разведчики противника непрерывно проводили облёт опасной зоны. У подвижных и скрытных орудийных расчётов была целая наука маскировки. Главное правило снайперов с пушкой – не разводить огонь ни в коем случае. Струйка дыма тут же становилась мишенью для немцев. Эти навыки 18-летние бойцы осваивали прямо на боевых позициях.

Даже командир расчёта, вспоминает Александр Васильевич, тоже был, как вся их команда, рядовым. Всех стариков с передвижных артиллерийских постов отправили, как видно, на ещё более тяжёлые участки. Фронтовик считает, пожалели командиры необстрелянную молодежь. Фашистам пришлось иметь дело фактически с мальчишками, и эти вояки немецких асов буквально загоняли.

Однажды тот самый рядовой командир, а это был москвич, парень грамотный и сообразительный, заметил над их постом самолёт-разведчик. Что-то уж очень внимательно присматривался дозорный к их заснеженной поляне. Как только разведчик улетел, артиллеристы вместе с пушкой стремительно поки-

нули пост. Если бы промедлили хоть на час – остались бы в одной воронке вместе с разнесёнными бомбами в щепки землянкой и окопами. Они потом рассматривали этот курган и радовались, что остались целы.

После стремительной передислокации каждый раз заново строили пост – землянкой и пунктом для пушки. Это была стихия Александра – строил он так же замечательно, как стрелял. У него и дорожный набор инструментов имелся. Тут деревенский парень показывал искусство выживания в самых тяжёлых условиях. Бывший фронтовик говорит, что за время летучих манёвров с пушкой под Ленинградом построил целую деревню землянок.

На соседних постах вахту несли девичьи команды зенитчиц-проектористок. Специалистом по приборам была сестра Александра Надежда. Эти расчёты распознавали немецкие самолёты даже в ночной темноте и прожекторами вылавливали их в небе. Кто из орудийных расчётов сбил вражеский самолёт, не выясняли и не вели счёт убитым машинам, радовались общей удаче.

А чаще бывало так: поняв, что угодил в капкан, немецкий бомбовоз сбрасывал свой смертельный груз, где придётся и скорей убирался восвояси. Снаряды не достигали обескровленного блокадой города, и это уже был успех. В том же 1943-м под натиском ударных группировок Ленинградского и Волховского фронтов немецкая осада города дрогнула. Полное снятие блокады произошло через год – в январе 44-го, и в измученный город стала возвращаться жизнь. Вот тут только Александр впервые увидел тех, с кем воевал два года и под чьи снаряды рисковал попасть каждый день. На его глазах по деревне провели строй плененных немцев в 150 человек, которых захватили в одном из ленинградских «котлов». Это был март, по деревенской дороге шли грязные, измазанные глиной, обтрёпанные, навоевавшиеся досыта люди. Запомнилось фронтовику, какими глазами провожали толпу деревенские жители. Если бы не автоматчики со всех сторон шеренги, не миновать бы этим завоевателям расправы от тех, кому сломали жизнь.

Александр Васильевич вспоминает лучшего друга Кольку Зубкова. Всё ярыгинское детство они провели вместе. Саша сам провожал друга в 1942 году на фронт. Николай с расчётом «Катюши» попал в самый водоворот кровавых боёв на переломе войны и навсегда остался молодым.

Александр Васильевич говорит, что на фронт их с сестрой провожала мама, Анна Борисовна, собирала вещи, что-то чинила, и видно, шепнула своим детям, отправляя их в трудный и опасный путь, какое-то особенное слово. Брат и сестра вернулись с фронта живыми, ни единой царапины за два года ежесекундных боёв за Ленинград. От опасности фронтовой артиллерист никогда не прятался. К сожалению, затерялось где-то в домашнем архиве ветерана фото фронтовой поры, сделанное в Ленинграде. Александра и ещё одного бойца часть направила за провизией для артиллеристов. Они с изумлением любовались городом, который даже в горестную пору поражал своим величием, и зашли по пути в фотоателье. Победителей блокады фотограф снял с благодарностью, бесплатно и потом прислал снимки на передовую. На том фото у Александра на гимнастёрке медаль «За отвагу». Позже артиллериста наградили медалью «За оборону Ленинграда».

До недавнего времени он жил в доме, который сам построил в Ярыгино после войны. И только из-за преклонных лет уступил домашним и землякам, которые хлопотали перед юбилеем Победы о благоустроенной квартире для бывшего фронтовика. На переселение в жильё с удобствами фронтовик согласился при одном категорическом условии. Он хочет жить в родных местах среди близких ему людей. Ветерана уважили, и поселили в благоустроенном жильё в селе Васильевское неподалеку от любимой деревни. Когда Александр Васильевич выходит на ежедневную прогулку, всегда встречает своих. Он ведь прожил здесь всю свою жизнь. И отбивая атаки бомбардировщиков под Ленинградом, он защищал и вот эту свою родную деревенскую жизнь.

Статья из газеты от 18.01.2017 года Автор Светлана Аникиенко

Сысоева (Грибцова) Галина Акимовна

Моя мама, Грибцова Екатерина Михайловна, в девичестве Кириллова, родилась в 1923 году в семье служащего. Её отец, Кириллов Михаил Андреевич, 1894 года рождения и её мать, Кириллова Александра Тимофеевна, 1899 года рождения жили в селе Бужаниново Загорского района Московской области. Семья была большая, детей – 11 человек: Анна 1920 г.р., Екатерина 1923 г.р. – моя мама, Николай 1924 г.р., Татьяна 1930 г.р., Александр 1932 г.р., Константин 1934 г.р., Сергей 1939 г.р. и еще четверо детей умерли в младенчестве. Семья имела свой дом и подсобное хозяйство.

До 1941 года мой дедушка, Кириллов Михаил Андреевич, уже прошел две войны: Первую мировую и Финскую, имел награды, были ранения. Когда началась Великая Отечественная война, был уже непризывным из-за имеющихся ранений и непризывного возраста. Весной 1942 г. дедушка взял в колхозе лошадь для хозяйственных нужд, которая сдохла. За это происшествие Кириллов М.А. был осужден военным трибуналом г. Загорска и находился под стражей с 20 апреля по 18 декабря 1942 года (из-под стражи освобожден на основании определения Мосгорсуда от 11.11.1942 г. в порядке ст.461 УПК справка №588/у от 18.12.1942 г. Отдельного лагерного пункта УИТЛ и К Управления НКВД г. Москвы и Области). Затем он был отправлен на фронт в составе 30 запасной стрелковой бригады 204 стрелкового полка 10 стрелковой дивизии. Данная стрелковая бригада продолжительное время находилась в болотистой местности (по письмам дедушки). Умер он от болезни ног в январе 1944 года в Терапевтическом полевом подвижном госпитале №5480. Похоронен в братской могиле в деревне Волосово Лихославльского района Тверской области.

Мой дядя, Кириллов Николай Михайлович, окончив ФЗУ и получив профессию каменщика в июле 1941 г. был направлен на работу в г. Москву на стройплощадку.

Но в августе 1941 г. семнадцатилетним подростком вместе со своими сверстниками из деревни Бужаниново ушел на фронт. Почти никто из них не вернулся домой. Похоронка на Николая Михайловича пришла 5 октября 1943 года: «Ваш сын гв. кр-ц войсковой части №06703, Кириллов Николай Михайло-

вич, уроженец д. Бужаниново Загорского р-на М.О. в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество был убит 7 сентября 1943 года. Похоронен на высоте 141,0 что в 1 км. от города Краматорска Сталинской области». В конце 1943 года в семье оставалось четверо детей в возрасте от 4 до 13 лет, моя бабушка Александра Тимофеевна и моя мама. Старшая сестра мамы, Анна, на тот период вышла замуж и жила в г. Краснозаводске. Затем она с мужем, военнообязанным, в 1944 году уехала на Украину.

Моя мама, Екатерина Михайловна, после окончания школы, в августе 1941 г. поступила работать на оборонный завод №11, где все работали с утра до поздней ночи без выходных дней. Зимой 1941 г. началась эвакуация завода на Урал. Мама уволилась. В зимний период приходилось работать на расчистке железнодорожных путей на станции Бужаниново. С 20 мая 1942 года мама вновь поступила работать в аппарат Военной приемки завода №11 (далее название ВП №60 МО), где она проработала до 30 июня 1979 года.

Грибцова Екатерина Михайловна является участницей трудового фронта. Награждена медалями: «За оборону Москвы» – 1945 г., «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» – 1946 г., «В память 800-летия Москвы» – 1948 г., «В память 850-летия Москвы» – 1997 г., «Ветеран труда» – 1977 г., а также юбилейными медалями.

Умерла мама 05 января 2009 г. в г. Москве.

Танченко Нина Анатольевна

Подвиг над Сожем

Сергей Васильевич Плешков был младшим братом в семье моей матери. Он учился в одной из школ г. Загорска. В авиацию пришел девятнадцатилетним юношей. Вскоре комсомольская организация полка рекомендовала своего комсорга в ряды КПСС. С первых дней Великой Отечественной войны коммунист Плешков на фронте. Он командир штурмового звена. Долгое время родные и близкие не знали о его дальнейшей судьбе.

О подвиге своего дяди, Плешкова Сергея Васильевича, я более подробно узнала из статьи в газете «Вперед».

О героическом налете одиннадцати советских штурмовиков на белорусский г. Кричев в конце июля 1941 года вспомнили местные жители. Как один из наших летчиков меткими бомбовыми ударами разбил переправу через реку Сож тогда, когда его машина была подбита, и следовало бы уходить к линии своей обороны. Помнили, как сотрясаясь от взрыва мощных бомб, штурмовик здесь же, у Сожа, вошел в свое по-

следнее пике. Тогда же героя летчика местные жители похоронили на заливном лугу, в двух километрах от Кричева.

В 1958 году с помощью очевидца бессмертного подвига и гибели советского пилота была найдена могила героя. Его останки перенесли в городской парк «40 лет БССР», что в центре Кричева. Прошло несколько лет, местный краевед Михаил Мельников разыскивал документы

о жизни и боевых сражениях летчика-бомбардира. И поиски увенчались успехом. С помощью архива Министерства обороны СССР было установлено, что погибший воин – старший лейтенант Сергей Васильевич Плешков, родом из г. Загорска, мой дядя. Случайно обнаруженное личное дело старшего лейтенанта Плешкова кратко рассказало о его мирных и фронтовых дорогах.

В 1961 году была издана книга маршала Советского Союза С.С. Бирюзова «Когда гремели пушки», где была опубликована фотография моего дяди с летчиками-штурмовиками.

Помню, как моя мама гордилась своим братом. И когда у меня родился сын, мы назвали его в честь моего дяди Сергеем. Моя семья бережно хранит немалые документы в память о Плешкове Сергее Васильевиче. Моему старшему брату удалось побывать на могиле дяди и в музее г. Кричева, где хранятся его личные вещи: летный шлем, медальон, документы, останки самолета.

Тараканов Николай Николаевич

*К 70-летию Победы
в Великой Отечественной войне
1945-2015 г.г.*

Ветераны

Музыка и слова Николая Тараканова

*Люди! Я прошу открыть глаза,
Катится не прошена слеза.
Погубленные жизни в той войне,
Затаились в сердце, в глубине.*

*Припев: Ветераны, ветераны,
По ночам тревожат раны.
Как Вас мало осталось в строю, (2 раза)
Вы друзей потеряли в бою!*

*Обелиски, кресты, бугорки,
Это метки страданий и боль,
Километры дорог нелегки
И во сне все кричите: «Огонь!»*
Припев:
*Дорогие мои земляки,
Тропы жизни совсем нелегки.
Берегите героев страны,
Кто с Победой вернулся с войны!*

Припев:
*Ветераны, ветераны,
По ночам тревожат раны.
Как Вас мало осталось в строю, (2 раза)
Вы друзей потеряли в бою!*

День победный мая

Слова и музыка Н. Тараканова
*Ястребы фашизма заслонили небо
Над Россией-матушкой землёй.
В летний день июня враг принёс войну нам,
Чтобы уничтожить край родной.
Сколько было горя, боли и разлуки
В нашей человеческой судьбе!
Весь народ поднялся, одолев все муки,
Чтобы победить врага в борьбе.
От границ до края встала Русь Святая,
Вражью силу одолеть смогли.
Мы врага сломили, с честью победили,
Знамя правды к небу вознесли.
День победный Мая, каждый год встречая,
Как ликует Родина моя!
Не забудем павших, давних, настоящих,
Крепни, расцветай моя Земля!*
22.02.2015 г.

Бессмертный полк

Слова и музыка Н. Тараканова
*Люди, посмотрите в небеса,
Вы слышите погибших голоса?
Загубленные жизни в той войне
Затаились в сердце в глубине.*
*Припев: Бессмертный полк в колокола звони,
Бессмертный полк народы разбуди.
Бессмертный полк погибших помяни,
Бессмертный полк все войны – запрети!*

*Потоки душ колоннами идут...
Бессмертие в граните все найдут.
И подвиг Ваш не меркнет никогда,
В сердцах потомков – Память на века!*
Прпев: *Бессмертный полк в колокола звони,
Бессмертный полк народы разбуди.
Бессмертный полк погибших помяни,
Бессмертный полк все войны – запрети!*

Тарарина Татьяна Петровна

Моя жизнь много лет была связана с Сергиевым Посадам. Детство и юность прошли в Курской области, где родилась в учительской семье из династии Поповых-Рубинских, более 100 лет служивших делу просвещения. Исполнилось 150 лет со дня смерти главы династии – статского советника Александра Никифоровича Попова, сына губернского секретаря; 100 лет со дня рождения его дочери – моей бабушки – Александры Александровны Поповой; ушли из жизни их внуки – последние представители династии – дядя, Шукин Дмитрий Степанович, и мама, Моисеева Наталья Стефановна – дети войны.

Моя бабушка, Александра Александровна Попова (9.03.1901–29.03.1977), получила общее среднее образование в Дмитриевской женской гимназии. В августе 1918 г. сдала экстерном за VIII дополнительный общеобразовательный класс Харьковской 1-ой женской гимназии. С 1918 г. поступила на работу сначала делопроизводителем в УОНО, потом запасной учительницей в Дмитриевском районе Курской области. В 1920 г. назначена заведующей Дмитриевской начальной школы.

*Семья Поповых. Александр Никифорович, Анна Ивановна, Дмитрий, Наталия, Валериан, Борис, Александра
г. Дмитриев, 1916 г.*

В 1941 г. бабушка работала сестрой – хозяйкой военного госпиталя Западного фронта. Госпиталь располагался в здании железнодорожной школы № 26 при станции Дмитриев – Львовский. Все ужасы войны испытали Александра Александровна Попова и ее дети. В феврале 1943 года был насильственно угнан в Германию сын Дмитрий. Находясь на территории, временно оккупированной немцами в период войны, бабушка вынужденно работала учительницей начальной школы г. Дмитриева в 1942 году.

После освобождения города от немецкой оккупации в 1943 г. она была назначена ответственным секретарем Дмитриевского Городского Совета Курской области, а затем вернулась на учительскую работу.

До и после войны она возглавляла организованный по ее инициативе интернат для детей путевых обходчиков, пе-

реездных сторожей, рабочих транспорта и детей фронтовиков в количестве до 30 человек. Чтобы прокормить детей, приходилось при школе и интернате иметь скотину, лошадь, обрабатывать поле и теплицу. Кроме обслуживающего персонала там работали члены ее семьи. Посвящение ее памяти написал один из бывших детей-сирот Николай Харитонович Леонов, ныне подполковник в отставке, писатель, почетный профессор, проживающий с семьей в Москве.

Попова А.А., 1940 г.

После моего появления на свет с 1945 по 1952 г. бабушка преподавала в школе деревни Фокино. Меня она отдавала няньке, а когда я подросла, то сидела на уроках вместе с учениками. Многие годы в качестве дополнительной нагрузки она преподавала в «школах грамоты», обучала взрослых неграмотных людей.

Всю жизнь ею руководило огромное чувство ответственности. Своим долгом она считала заботу об обездоленных войной людях. Сотни людей в Дмитриевском районе обязаны ей получением пенсий по потере кормильца в годы войны, по инвалидности и ранению, по получению льгот участников войны – многие годы днем и ночью для всех она составляла прошения. Часто бабушка привлекала меня к переписыванию составленных ею черновиков. Если обычно за такие услуги люди берут деньги, то бабушка не только не брала ничего, а кормила посетителей. Сама довольствовалась получением маленькой пенсии, т.к. госпиталь, где они работали с мамой, был разрушен во время бомбежки и документы об их работе не сохранились, льгот участника войны не имела. Когда меня распределили в НИИПХ, а затем я перешла на работу в МосНПО «Радон», бабушка не раз приезжала в Загорск, чтобы помогать мне в воспитании сына Василия.

Бабушка скончалась 29 марта 1977 г. в г. Красный Луч и по ее завещанию погребена рядом с родителями в г. Дмитриеве.

Мой дядя, Дмитрий Степанович Шукин (18.07.1926 – 24.01.2014), в 1941 г. окончил 7 классов средней школы. В 1943 г. во время фашистской оккупации был насильственно угнан из г. Дмитриева в Германию и продан на принудительные работы крестьянину Альберту и Эмми Сайферт, проживавшим в районе Хильдбургхаузен в Тюрингии в деревне Тахбах, возле г. Темар. Бежал, но был пойман и отправлен в штрафной лагерь Ромшильд в Тюрингии. Возвращен на прежнее место принудительного труда, где находился до освобождения из неволи союзными войсками в марте 1945 г. Проверку прошел в спецлагере Майсен. После проверки был призван полевым военкоматом 8-й Гвардейской армии на службу в Армию в группе советских войск в Германии в 898-м Гвардейском отдельном корпусном саперном батальоне. С 1946 г. по 1950 г. – в саперном батальоне 21-й механизированной дивизии 8-й Гвардейской армии в должности заведующего складами военно-механического имущества в столице Саксонии г. Галле старшим сержантом и военным переводчиком с немецкого языка. В конце 1950 г. демобилизовался, вернулся в г. Дмитриев. Много лет он мало разговаривал по-русски, в разговоре часто переходил с русского на немецкий, а меня учил считалкам. Когда я мешала, он в плетеной корзинке вы-

вешивал меня за окно. Работал в Новочеркасском политехническом институте в г. Дмитриеве, был завхозом и завучем детского дома, потом много лет до 1992 г. работал воспитателем Курского детского приемника УВД.

Курская городская общественная организация «Союз несовершеннолетних узников фашистских лагерей» в книге «Дети – узники фашизма 1941-1945 г.г.» опубликовала статью о его жизни, которую я привожу ниже. Он всегда очень переживал, вспоминая войну. С 2004 г. правительство страны для инвалидов – несовершеннолетних узников фашистских концлагерей, проживающих на территории Российской Федерации, предоставило льготы, установленные для инвалидов Великой Отечественной войны. Только после этого Дмитрий Степанович начал получать достойную пенсию. Когда началось восстановление храма Христа Спасителя, он приезжал в Москву, чтобы передать свою пенсию на строительство. Часто бывал в Загорске у меня.

47 лет состоял в браке с З.В. Двужильной, старшим экономистом контрольно-ревизионного отдела областного управления сельского хозяйства Курского облисполкома. Центральный архив Министерства обороны СССР подтвердил ее участие в Великой Отечественной войне и Курской битве в составе 19-го Краснознаменного Перекопского танкового корпуса. Награждена Орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями. Представляла 19-й танковый корпус при подготовке 50-летия Курской битвы, занималась охраной памятников войны. В Сергиев Посад любила приезжать и встречаться с ветеранами-танкистами, в Совет ветеранов ВОВ г. Загорска к Г.И. Набоке, В.С. Сарайкину, Н.П. Козлову. После продолжительной болезни скончалась 3.10.2007 г., похоронена на Северном воинском мемориальном кладбище г. Курска. Ее альбом с памятными фотографиями о встречах с ветеранами войны и жителями освобожденных городов я передала в музей 19-го танкового корпуса в г. Москве (646 школа, Измайловский бульвар, 7). Дмитрий Степанович умер после тяжелой болезни 24.01.2014 г., похоронен рядом с женой в Курске на Северном кладбище.

Мама, Моисеева (Шукина) Наталья Стефановна (18.08.1927-01.02.2016), родилась в г. Дмитриеве. Росла вместе с братом Дмитрием под присмотром бабушки Анны Ивановны. До войны окончила 7-летнюю школу. В войну подростком осталась на оккупированной территории с мамой и братом. После того, как его угнали в Германию в рабство, она переживала, ждала и верила, что он вернется. Вышла замуж в 1945 году за моего отца, Моисеева П.М., молодого лейтенанта, который служил в полку, освобождавшем наш город. Курс средней школы сдала экстерном уже после моего рождения. В 1951 г. окончила Калининский учительский институт, в 1954 г. Курский пединститут. Работала учительницей старших классов в средней школе № 1 г. Дмитриева, затем завучем, потом директором Дмитриевской заочной средней школы. Поэтому моим воспитанием занималась бабушка. С мамой я любила походы в лес за грибами, испытывая восторг от их видов и разнообразия лесов. Ходила по дорогам, по сторонам которых еще сохранялись землянки, рвы, разрушенные дома и гибли мальчишки, как теперь говорят, «черные копатели».

Во втором браке родился сын Александр (18.07.1958–13.12.2004), который при получении паспорта сменил фамилию Носов на фамилию Попов. В 1967

Шукин Д.С., 1950 г.

г. мама переехала с братом и бабушкой в г. Красный Луч, где работала преподавателем в спецпрофтехучилище. Она очень жалела трудных подростков, попавших в училище, приводила в свой дом, кормила домашней едой, заботилась о них.

Украшала города и школьные территории: разбивала парки-цветники.

Отечественная война 1941–1945 г.г. была очень тяжелой для нашей семьи. С 1938 г. семья наша жила в станционном хорошем доме на двух хозяев. В одной половине жила семья начальника станции Дмитриев, в другой половине жила семья заведующей начальной школой моей мамы, Поповой Александры Александровны. Школа располагалась в красивом доме, за которым находился огромный фруктовый сад, а перед домом был красивый фонтан. В конце июля 1941 г. стали привозить раненых и размещать в классах школы. Врачей и медсестер было мало, питания вообще не было, и мама организовывала знакомых женщин, которые приносили готовую пищу и кормили раненых. Мама отдавала свои простыни и белую материю для перевязки раненных солдат. Я и брат Митя помогали, чем могли, в госпитале. Мыли полы, подметали, поили водой и чаем раненых, мыли посуду. Бинтов не было, и поэтому после перевязок мама стирала и гладила бинты. В июле 1941 г. раненых стало много. Ими были заполнены все классы и коридоры, а также сараи. У нас был огород, выросла картошка, и ее стали копать, чтобы кормить раненых. В кухне с утра до вечера горела плита и готовилась пища. Мы уходили с мамой из госпиталя очень поздно вечером, а утром, когда мы еще спали, мамы уже не было с нами, она уходила в госпиталь очень рано. Было много забот и работы.

В конце июля стали бомбить железную дорогу, поезда. Люди стали прятаться, рыть убежища. Военные вырыли в саду бомбоубежище, и при налетах медперсонал убегал туда. Мы прятались редко. Около нашей квартиры на огороде был ледник. 17 сентября начался страшный налет немецких самолетов. В ледник забежал милиционер с винтовкой. В это время самолет делал круг и милиционер выстрелил. Самолет развернулся, сбросил бомбы, и одна из бомб угодила в ледник. Милиционер погиб, люди, которые прятались там, тоже погибли. В доме были выбиты все стекла. 20 сентября опять прилетели фашисты, и, несмотря на то, что медсестра вывесила простыню с красным крестом, фашисты бросали бомбы в сад. В дом бомбы не попали. Одна бомба угодила в бомбоубежище и пробила два наката из бревен. В то время в убежище были и мы, но остались живы. Те люди, которые были недалеко от двери, погибли.

8 октября пришли в город немцы. Из госпиталя ушли те, кто могли, а остальных перевезли в город в бывшее здание тюрьмы. Немцы заняли нашу квартиру, и мама со мной и братом оказались на улице. Было еще тепло. Стало темнеть. Мы пошли на Фокино, к жене дяди Александра Александровича, Поповой Варваре Петровне, которая работала заведующей школой. Вначале она приняла нас, когда мы пришли к ней в темноте. Прожили два дня, и Варвара

Моисеева Н.С., 1950 г.

Петровна сказала маме, чтобы мы ушли от нее, потому что есть нечего и она боится, что ее расстреляют. Хотя мама никогда не состояла членом партии, все считали ее коммунисткой.

Начались наши мучения. Ночевали, где нас пускали на несколько дней. Пришли на Фокино к уборщице школы, в которой работала мама. Прожили у нее два дня, и ее мать попросила нас покинуть ее хату, боялась немцев. Есть нам было нечего, зимней одежды не было. Мама привела нас в город к мужчине, который работал в школе столяром. Вначале они нас не приняли, но потом сжалились. Мама ходила в поле, рыла картошку, и приносила нам. В декабре в один день мама ушла с братом на поле, я осталась. Вошли гестаповцы с бляхами на груди и начали искать маму, кричали: «Коммунистка». Я поняла, что они заберут и меня. Открыла окно в спальне и, в одном платье и галошах, выбежала в сад. Немцы в это время еще были в коридоре. Я бежала очень быстро и вдруг услышала, что из окна по мне стреляют, я спряталась в кустах, а затем побежала к реке, где было много кустарников, и легла на землю.

Стрельба затихла, но я боялась подняться. Когда стало темно, я встала и пошла к отцу Дмитрию Виноградскому. Он жил с Дарьей Дмитриевной Залозновой, которая предоставила ему жилье и ухаживала за ним после возвращения из ссылки на Соловках. Они испугались моего вида: я была раздетая, раскрята и обморожена. Дарья Дмитриевна обмыла меня и одела в свою одежду, накормила и положила на печку. У меня был жар, я долго болела, и они меня вылечили. Где мама и брат, я не знала. Когда мама подошла с братом к дому столяра, то он вышел и сказал, что были немцы, и чтобы она убиралась от них, и не пустил ее в дом, сказал, что я убежала.

Когда я выздоровела, стала ходить на колодец за водой, и меня увидел немец. Ночью стали стучать и требовать, чтобы я открыла дверь и вышла. Вышел отец Дмитрий с крестом на груди и сказал, что меня нет. Пока он разговаривал, Дарья Дмитриевна спрятала меня в подвал. Немцы вошли в дом и не нашли меня. Маму несколько раз забирали в полицию, но добрые люди помогали избежать смерти. Мама поняла, где я могла прятаться, пришла к отцу Дмитрию и ночью забрала меня. Потом нас приютила хорошая семья Валентины Ивановны, затем Гранины – учительница Вера Кирилловна и ее брат.

В декабре 1942 г. пришел Орефьев, который до войны был завмагом на станции и сказал, чтобы мы шли в его квартиру, т.к. он кушил себе дом. В период оккупации мама часто виделась с бывшим директором школы Ерешко Иваном Никифоровичем. Он был связан с партизанами и давал маме разные задания. На Октябрьском поселке жил его брат, и у него останавливались партизаны. Ерешко Иван Никифорович часто посылал меня к его брату отнести письма, что я и делала. Мама собирала облигации у населения и отдавала Ерешко, а он отдавал их партизанам. Наступил февраль 1943 г. Нас часто посылали чистить дорожки от снега не только в городе, но и далеко за его пределами. А обувь у

Совещание директоров школ в Дмитриеве Красный Луч, 1970 г.

меня была одна – чулки и галоши. На морозе ноги вначале мерзли, а потом переставали чувствовать холод. Одетая я была в демисезонное пальто. Питались в основном очистками от овощей из кухонь немцев. Другой еды не было. Молодость побеждала все, я не болела.

Стали слышны артиллерийские разрывы. Уже все знали, что немцев отбросили от Сталинграда. К городу приближалась линия фронта. В Дмитриеве было много немцев, множество орудий, немцы укреплялись. Они говорили, что железную руду они не отдадут никому. Начались угоны молодежи в Германию. Из домов, где люди болели тифом, никого не брали, но требовались врачебные справки. Мама ходила к знакомым врачам, но все отказывали выдать справку, боясь расстрела. 22 февраля пришел полицай с немцем и забрал брата Митю. Всю молодежь погнали на станцию и посадили в товарные вагоны. Митя не успел даже поесть. Вечером мама достала немного картошки, и я понесла ее на станцию. Немцы ходили возле вагонов и отгоняли родных. Я плакала, кричала и звала Митю. Гул от крика родных стоял такой сильный, что он не слышал меня. На другой день, 23 февраля, молодежь угнали, и брата не стало. У мамы болело сердце, и она слегла. 23 февраля стал для нас днем траура на всю оставшуюся жизнь.

25 февраля ночью кто-то постучал в окно, потом в дверь. Я подошла к двери и мне сказали: «Открой, свои!». Я открыла дверь, на пороге стояли 5 советских солдат, они вошли в дом спросив, есть ли немцы. Мы очень обрадовались, когда они сказали, что скоро нас освободят от немцев. У нас был сварен суп из очисток картофеля. Я подогрела его, и солдаты его съели. Потом пили кипяток. Сказали, что сразу придут к нам, как войдут войска. И вот свершилось: 3 марта нас освободили. Сразу же пришел военный и сказал, чтобы мама шла в горсовет. В горсовете играл духовой оркестр, маму назначили секретарем горсовета, а председателем – Е.Т. Милютину. 4 марта началась страшная метель, но, несмотря на это в небе появились немецкие самолеты и начали бомбить. В нашем доме располагался штаб, много военных, топили печку и сидели солдаты, которые были у нас 25 февраля.

Я им готовила еду, мама была на работе. Вдруг вбегает соседка, и тащит в погреб. Не успели мы войти в погреб, как раздался страшный взрыв, и бомба попала в дом. В углубление погреба попала маленькая бомба и ранила всех, кто там был. Я стояла на первых порогах погреба, не успела спуститься вниз, и меня завалило глиной и досками. Меня оглушило, осколок попал в руку и бок, потекла кровь. Через некоторое время прибежала мама и стала звать меня, но я ее не слышала. Я освободила руку из-под земли, по ней мама узнала меня и стала разгребать землю. Мама вытащила меня, и я увидела, что дома нет, стоит одна труба, живых людей нет, лежали только мертвые тела солдат. Около трубы

сидел военный, рука его болталась на одном сосуде, текла кровь, и он просил, чтобы ему отрезали руку. Мама сняла платок и им перевязала ему руку. Она повела меня и этого военного в госпиталь. Сначала там меня полечили и перевязали, а потом я работала в госпитале до его отъезда. Документы о моей работе не сохранились, льгот участника Великой Отечественной Войны у меня нет.

* 5 марта 2015 г. меня пригласили на торжественное собрание в Администрацию и вручили медаль «70 лет Победы в Великой Отечественной войне» с удостоверением и подарком. Вручали на сцене под музыку и аплодисменты только тем женщинам, которые участвовали в партизанском движении – ведь я была в оккупацию связной и носила от директора школы Ерешко в поселок Октябрьский сведения, которые собирала мама. Один раз в мае 1942 года видела волка, но не испугалась его, и он убежал. Остальным медали передали по рядам.

Дмитрий из города Дмитриев. Из книги «Дети-узники фашизма» 1941-1945 г.г.

Шел сорок третий год. Отступая, фашисты разрушали города, угоняли людей в Германию. Александра Александровна Попова, пытаясь уберечь сына от немецкого рабства, прятала его в подполе. Диму немцы увезли буквально за несколько дней до освобождения родного города.

Сегодня Дмитрий Степанович Шукин не может говорить без волнения о своей юности. Война перевернула всю жизнь. Он рос в учительской семье. Дедушка был инспектором народных училищ, мама преподавала в школе. Дима много читал, мечтал учиться дальше. Но...

Дмитрий Степанович рассказывает:

– Всех моих сверстников затолкали в вагон и повезли в Тюрингию. Миша Нелидов оказался в числе них. Нас одновременно угоняли в Германию.

Я был очень болезненным, но в каменном карьере надо было работать кувалдой. Только остановишься – подбегает немец-заключенный (мы его звали «фурман») и начинает бить. Утром и вечером каждый проходил через строй «фурманов», избивавших пленных дубинками.

Потом я попал к бауэру, но вскоре бежал. После побега нас с Иваном Докукиным поместили в штрафлагерь. Утром давали пластину хлеба, 40 граммов мармелада, кружку горячей воды, вечером – суп из брюквы. Иногда над нами зло шутили, выбивая из рук алюминиевые миски.

Мы были обуты в ботинки с деревянными подошвами, одеты в рабочие пиджаки и брюки, на головах – береты. Комендант часто забавлялся, командуя «Снять берет – надеть, снять – надеть». Тех, кто не успевал это сделать – били.

Начальник лагеря был без руки, он потерял ее на русском фронте. Он отличался особой жестокостью. Однажды распорядился забить до смерти поляка, который, не выдержав этого ада, пытался сбежать.

Нас снова вернули к бауэру, звали его Альберт. Приходилось пахать, сеять, научился я косить, водить лошадь.

Таббах

Хозяин был злой, ругался на нас, обзывая свиньей, собакой. Однажды мне приказали идти на уборку пшеницы. Навстречу шла пожилая немка. Увидев на моей груди «OST», схватила косу и бросилась на меня, но спасла хозяйка. Иногда они жалели меня. Может, вспоминали своего сына, пропавшего без вести под Москвой в сорок первом.

Возвратившись на родину, Дмитрий Степанович все же осуществил свою мечту – работал воспитателем в детском приемнике, в доме-интернате, преподавал математику.

Теперь он на пенсии, живет в Курске. Часто встречается со школьниками.

В 2001 году в нашей области гостила группа немецких ребят. Дмитрия Степановича позвали на встречу. Оказалось, что дети из округа Хильдбургхаузен, где во время войны находился Шукин. Вскоре обербургомистр города Теймар прислал Шукину фотографию усадьбы Эммы и Альберта Сайферт, проживавших в Таббахе. А.Марцева

Трифонова Оксана Олеговна

Моя бабушка, Сорокина Любовь Ивановна, родилась 30 сентября 1923 года. Была призвана в сентябре 1942 года Звенигородским РВК Московской области. В действующей армии с 21.12.1942 г. в должности радистки штабной батареи 660 артиллерийского Неманского полка 220 стрелковой Оршанской Краснознаменной дивизии 3 Белорусского фронта (на тот момент Калининский фронт). Трижды ранена – тяжело ранена 22.10.1943 г. в д. Петрики Дубровенского района Витебской области. Еще раз ранена 21 октября 1944 года и в январе 1945 года в Восточной Пруссии.

Награждена орденом «Славы» III степени за участие в боях «по прорыву обороны противника в районе Эйгцишки – Леполаты и у границ Восточной Пруссии. Во время артиллерийского обстрела 21.10.1944 г., будучи ранена, не оставила свою радиостанцию, а перевязав рану, осталась в строю и продолжала выполнять поставленную задачу, несмотря на то, что кругом рвались снаряды». (Из наградного листа).

Награждена орденом «Красная звезда». Из наградного листа: «5 февраля 1945 года нп. командира полка был окружен к/атакующей пехотой противника, находясь в окружении Сорокина Л.И. обеспечивала бесперебойную связь с командиром дивизиона, чем обеспечивала бесперебойный вызов артогня по контратакующей пехоте противника. В результате чего к/атака была отбита. Лично из своего оружия Сорокина Л.И. застрелила унтер-офицера».

Воевала на Калининском, Западном, 3-ем Белорусском фронтах. Войну закончила в Чехословакии в составе 1-го Украинского фронта в звании ст. сержанта. 9 мая 1945 года Сорокиной Л.И. был 21 год.

Украинцева Любовь Алексеевна

Моя мама, Надина Анна Петровна, родилась 2 мая 1934 года в семье Солуниных в деревне Веригино Сергиево-Посадского района Московской области.

В 1941 году ей исполнилось всего семь лет. У родителей четверо детей. Отец, Солунин Пётр Васильевич, в то время находился в Карелии, станции Надвоицы на строительстве Беломорканала.

В июле 1941 года должен был вернуться домой. Моя мама рассказывает, что первый день войны запомнился тем, что по деревне прошёл слух, якобы у населения конфискуют радио и велосипеды. Но в деревенских семьях ни радио, ни велосипедов не было, за исключением одного из жителей, который и сообщил о том, что началась война. Уже днём несколько мужчин ушли на фронт. Колхозный скот эвакуировали в Ярославскую область. Место в коровниках заняли овцы.

Ноябрь и декабрь 1941 года запомнился особенно. Через деревню Веригино на защиту Москвы проходили войска Калининского фронта. Три дня без передышки шли танки друг за другом.

«Деревенский колодец от нашего дома, – вспоминает моя мама, – находился через дорогу. Мы три дня не могли сходить за водой, так и сидели без воды, пока не прошли танки. Затем шли солдаты. Их было очень много, тысячи. Морозы были под сорок. Солдаты заходили в дома, чтобы обогреться. Ночевали они в школе и в каждом деревенском доме. На еду солдаты резали колхозных овец и готовили их самостоятельно. Один из жителей, Солунин Алексей, пытался успокоить возмущённых женщин сказав, чтобы они молчали и не возмущались, так как солдаты голодные, а полевая кухня отстала и придёт через сутки или двое».

В начале зимы на трудфронт стали забирать матерей. Вместо матери моей мамы пилить лес пришлось её старшему брату Лёве. На тот момент ему было всего двенадцать лет. В лесах деревень Сахарово, Шубино, Ерёмино пилили лес, оставляя пни в рост человека, на тот случай, если немецкие танки прорвутся, то пни послужат для них хоть каким-то заслоном, а также в помощь советским лётчикам для лёгкой видимости врага и его уничтожения.

Моей маме в семь лет пришлось научиться шить рабочие рукавицы для брата. Мама вспоминает: «Мне в семь лет пришлось научиться шить варежки. Шила их из всякого старья. Для большого пальца оставляла дырку, а потом к ней пришивала оставшуюся деталь, уж как получится. Брат придет побывать домой и скажет: «У всех варежки как варежки, а у меня палец торчком».

Лёва две зимы ходил на трудфронт. Заготовливали чурочки для машин полугорков. Машины ходили с двумя баками с газогенераторами.

Голодно было во время войны. Сахара, соли и хлеба не видели вообще. Негде было взять. Трудились для фронта, для Победы. Всё, что выращивали, отправляли на фронт. Картошку оставляли только на посадку и немного на еду. Хлеб пекли из картошки.

Мама вспоминает: «Мы, дети, вымоем картошку, а очистки высушим. Сушёные очистки мололи на жерновах и добавляли в натёртый картофель. Буханки из такого теста не получались, а получались пироги, которые мы называли «кодобашки». Горячими их ещё можно было есть, а как остынут, кушать их было неприятно, так как они делались горькими. И такому хлебу мы были рады! Ведь в основном ели только молоко. Мать подоит корову и нам, четверым, небольшие кружки нальет. Вот так и питались утром, в обед и вечером. Картошку варили поштучно. Очень голодно было, но всегда говорю: «Лучше голод, чем война». По весне собирали гнилой картофель на полях и из них пекли пироги «тошнотики». А вот летом было хорошо, где листик какой сорвешь, горчицу, щавель, ходили за грибами и ягодами. Детей летом в деревне не видно, все в лесу».

Младшая сестрёнка Шура, однажды, увидев кусочек чёрного хлеба, который валялся под лавкой, очень обрадовалась и полезла его доставать. Когда достала, то горько расплакалась, думала хлеб, а это засохшая гнилая картофелина. И после войны тоже не видели хлеба вдоволь. Помню, к тётке Татьяне в гости ходила в Барово, а у неё на столе хлеб и пироги. Она своей сестре хоть булку послала бы, я украли два кусочка хлеба, чтобы маму покормить, положила в подмышки и несла эти два кусочка до самой нашей деревни. Соли тоже не видели. Мать от ларя, где соль раньше держали, отрубил косарём дощечку, мы рады, по очереди её пососём.

Три года скотины в деревне не было. Коровы в эвакуации, а лошадей забрали на фронт. Где-то в 1943 году в деревне корова Катюха бежала и так громко мычала, все обрадовались – скотина вернулась. А это была только одна корова. Как уж пришла, не знаю, только с рёвом добежала до фермы и встала в своё стойло, хотя там находились овцы. Вымя большое, попытка стёрлись. Уже в конце войны стали скотину контрабандировать. Что это такое? Это у кого отелится корова, месяц-два находится на откорме дома, затем забирали в колхоз. Особенно нужны были бычки, лошадей-то не было. Нас, детей, заставляли приучать быков к работе, чтобы на них затем пахать поля. И меня однажды посадили к быку, которого звали Фаворит. Быка – то запрягли в стромке и бревно, – вспоминает мама, – меня на бревно посадили. В носу у быка кольцо, чтобы им можно было управлять. Помню, жарко было, быка одолели слепни, он и бросился к пруду, а я его удерживать не могу. Бык в пруд вошёл и разлёгся, а я на бревне сижу, реву. Плавать-то не умела. Такое детство было, спаси и сохрани».

Моя мама рассказывала, как дети учились во время войны. Тетрадей в войну не было, писали на газетах между строк. Чернил тоже не было, брали сажу в печи и разводили её водой. Сделают уроки, сложат газету, всё высохнет, где что писали плохо видно. В школе больше спрашивали устно, учитель писал на доске, а ученики отвечали с места. А когда появились тетради, то ученикам было трудно писать, выводили каллиграфию, писали с нажимом и наклоном. А сейчас дети не знают, что такое промокашка, чернильница-непроливайка. Зимой в школу ходить было не в чем. Кто первый успеет надеть сапоги, тот и идёт в школу. Трудно вспоминать военное детство.

«В конце войны, – вспоминает мама, – через нашу деревню прокладывали линии электропередач ЛЭП. Вели с Рыбинского водохранилища. На установках ЛЭП работали пленные немцы. Несколько человек поставили и к нам на

постояй. Один из них отдавал свой паёк нам. Объяснил это тем, что в Германии, дома, у него осталось трое детей. Может и им кто-то поможет. Говорил, что воевать пошёл не по своей воле. Паёк состоял из буханки хлеба и яичного порошка, который мы увидели впервые.

Как радовались окончанию войны! Радовались каждому вернувшемуся с фронта. Всей деревней плакали от радости, слушали рассказы фронтовиков.

У наших родственников, Федориных, которые жили тоже в Веригино, - рассказывает мама, - во время войны умерла мать. Детей осталось шесть человек, один меньше другого. Однажды ночью в их дверь постучался солдат, а мальчишки ему дверь не открывают, мол, чужих в дом не пускаем. Солдат попросил позвать маму, а дети ответили, что их мама умерла. Тогда солдат попросил позвать старшую сестрёнку Лиду. Сестра вышла на крыльцо и заплакала от радости. Это их отец вернулся с фронта».

Отец моей мамы с фронта не вернулся, пропал без вести в октябре 1941 года. Но наша семья надеялась на чудо и ждала его возвращения во время войны и после войны. В девяностых годах мы подавали в Подольский архив о местонахождении его захоронения. Нам пришёл ответ о том, что он в списке значится только как пропавший без вести.

Мы до сих пор храним письмо, которое прислал мой дед, папа моей мамы, Солунин Пётр Васильевич, с фронта. Это письмо было последним, от 6 октября 1941 года, в котором сообщил, что 9 сентября был ранен в шею, но рана была очень легкая и лежал в госпитале только пять суток. В этом письме он прислал свой адрес: 956 полевая почта, станция 1070 сп 1 батальон, 1 рота, 2 взвод.

Несколько лет назад в деревне Федорцово Сергиево-Посадского района Московской области открыт памятник погибшим воинам ВОВ. В памятном списке высечена и фамилия моего деда, Солунина Петра Васильевича. После открытия памятника у меня родились стихи, посвящённые памяти моего деда.

* * *

Посвящение моему деду,
Солунину Петру Васильевичу
Автор Украинцева Любовь Алексеевна

*Много лет, как кончилась война,
Но мы часто вспоминаем деда.
Нелёгкая ему выпала судьба
Он не дожид до Победы.
С любовью мы храним его письмо
И читаем снова-снова.
Между строк как будто взгляд его,
Будто слышу его ласковое слово.
Ушёл он в грозном сорок первом
Ему лишь было тридцать пять.
Как нелегко пришлось наверно,
Родную землю защищать.*

*Земля горела под ногами,
Солдаты шли на смертный бой.
За Родину, за голубое небо,
За то, чтоб жили мирно мы с тобой.
Один вопрос: «А где ж мой дед?»
А лишь посыпан пылью лет.
Я вновь держу письмо от деда.
И пусть за столько лет
Чуть виден след карандаша,
Снова отмечаем День Победы.
Смотрю я на письмо, и вновь болит душа.
Как жаль, что не вернулся с поля боя.
Погиб он где-то в нарвской стороне.
Как жаль, что он не дожил до Победы,
Но подарил нам жизнь,
Тебе и мне.
И в день Победы буду я стоять у обелиска,
В руке свеча, в душе тоска.
И будет грустно в праздник моим близким
Его внукам с сединою у виска.
Погиб он в сорок первом.
Не смог пройти войны огонь и дым.
Его внуки постарели,
А он на век остался молодым.*

Моя мама, Надина Анна Петровна, с 18 лет работала на стройке. Участвовала в строительстве г. Мытищи, г. Подлипки, на стройке в Торгашино жили в палатках. По всему Загорскому району строила школы, детские сады, дома, фермы. Сейчас ей 83 года. Без дела не сидит. Вышивает картины, иконы. В 2016 году приняла участие в ежегодном проекте премии губернатора Московской области «Наше Подмосковье», за что получила грамоту участника.

Моя мама часто повторяет слова: «Сейчас так хорошо живу, как в детстве не жила. Не дай Бог познать ужасы войны нашим детям».

Часов Юрий Петрович

Фронтовики в нашей семье

В семье у дедушки и бабушки было трое сыновей и три дочери.

Старший сын Часов Алексей Михайлович (1914 – 1941), родился в д. Сменки, Талдомского района, Московской области. После окончания школы 1929 году, работал в меховой артели. В 1930 году Талдомским райфинотделом был послан на учебу в город Калинин (Тверь) на курсы финансово-банковских работников. В 1931 году работал в Талдомском райфинотделе инспектором. В 1932 году на строительстве канала Москва – Волга (канал имени Москвы) в качестве ответственного секретаря стройкома профсоюза. С 1932 года в ар-

тели «Союзпушнина» г. Москва. С 1935 года в Загорской артели «Красный швейник» заведующим цехом, откуда был призван в ряды РККА. В 1938 году по прибытию из армии, по рекомендации горкома комсомола был направлен в Морозовскую артель и был избран председателем.

25.06.1941 года, т.е. на третий день после начала войны, Часов А.М. был призван Загорским РВК и направлен в г. Двинск (Даугавпилс). Что интересно, г. Двинск был занят немцами 26.6.41 г.

В письме с фронта он сообщает, что находится на защите города Ленина, с адресом – Действующая армия, полевая почта № 366, 169 стрелковый полк, политруку

взвода снабжения.

169 стрелковый полк входил в состав 86 стрелковой дивизии 55 армии, а затем в составе 8 армии, которая вела боевые действия в районе Невского «пяточка». Боевые действия были частями операций советских войск, главной целью которых был прорыв блокады Ленинграда. Все операции имели схожий замысел – форсировать Неву и развивать наступление на Мгу и Синявино силами Ленинградского фронта с запада.

Самые жестокие бои происходили на так называемом «Невском пяточке», про который Г.К. Жуков сказал: «Без Невского пяточка» не продержится Дорога жизни, а без нее не продержится Ленинград.

20 октября 1941 г. началась Синявинская операция по прорыву блокады войсками Невской оперативной группы. На этот раз фактор внезапности использовать не удалось. Противник предвидел возможность наступления советских войск. Едва началась переправа через Неву, как весь район сосредоточения шлюпок и катеров подвергся обстрелу из пушек и пулеметов. Только что спущенные на воду лодки разом превращались в щепки. Тем не менее, переправа продолжалась, и в результате многодневных боев частям 86 стрелковой дивизии удалось расширить плацдарм по фронту на один километр. Но в итоге в дивизии осталось всего лишь 177 человек.

Отметим, что политрук Часов А.М. был ещё жив.

8 ноября Сталин лично потребовал провести новую операцию с Невского плацдарма, предложив создать «ударные полки из смелых людей, которые смогут пробить дорогу на восток». Начавшись 11 ноября, она стала одной из самых кровопролитных для наших войск, находившихся на пяточке. По неполным данным за пять дней боев 8-я армия потеряла свыше 5000 человек.

В декабре 1941 г. Часов Алексей Михайлович пропал без вести.

Последнее письмо датировано 25 октября 1941 г.

Отец В.В. Путина, Владимир Спиридонович Путин, участник войны, воевал в той же 86 стрелковой дивизии, только 330 стрелковом полку. Защищая Невский пяточок, был тяжело ранен, работал в последствии на вагоностроительном заводе.

Память о героических боях на Невском пяточке увековечена в памятниках, стелах, обелисках.

*«Без вести пропал ...» Неправда это!
Он солдат – его терять нельзя.
Он остался там, на дне кювета,
Где его засыпала земля.*

*Он сожжён, расстрелян, иль повешен,
Танковой гусеницей смят.
Он как все простые люди грешен,
Как солдат он безупречно свят.*

*Славлю жизнь за Родину отдавших,
Смерть принявших в роковом бою.
Нет у бога без вести пропавших,
Все они стоят в одном строю!*

Николай Рачков, СПб

Средний сын Часов Владимир Михайлович (1918–1942) родился в д. Сменки, Талдомского района, Московской области. К сожалению, никаких данных, до 05.05.1942 г. о Часове Владимире Михайловиче нет.

В семейном архиве сохранилось его письмо от 5.5.1942 г. из Арзамаса, в котором он пишет, что, жив и здоров, работает механиком в швейном цеху на улице Володарского, д. 2. 5.5.1942 г. он был призван в армию Арзамасским РВК Горьковской области.

Обучался на артиллериста и, после обучения, в звании сержанта был зачислен в 492 Истребительный Противотанковый Артиллерийский Полк Резерва Главного Командования (492 ИПАП РГК) на должность командира орудия 76 мм пушки.

Днем рождения истребительной артиллерии принято считать 1 июля 1942 года, когда был подписан приказ Сталина об их создании.

Этот своеобразный артиллерийский спецназ был смертельно опасен. Необходимость продублировать основную фигуру в составе орудийного расчета – наводчика – была продиктована высокими потерями среди личного состава противотанковой артиллерии. Вынужденные работать на открытых позициях, порой находясь на одной линии с пехотой, «номера» артиллерийских противотанковых расчетов нередко погибали быстрее, чем их орудие. Об артиллеристах – истребителях в армии существовала поговорка «длинный ствол – большой оклад – короткая жизнь».

Проект приказа предусматривал более крупные премии – величиной 1000 и 500 рублей соответственно. Однако И.В. Сталин собственноручно поправил цифры красным карандашом, вдвое меньше.

492 ИПАП РК входил в состав 51 армии. 51 армия входила в Сталинградский фронт (командующий генерал Ерёмченко А.И.) по состоянию на 13 октября 1942 года. Сохранилась справка о том, что сержант Часов В.М. находится на действительной военной службе в 492 ИПАП РК и членам семьи положены льготы. К тому времени 51 армия занимала рубеж южнее Сталинграда.

14 ноября 1942 года первый день боевых действий 492 ИПАП.

19 ноября 1942 г. началась операция «УРАН», стратегическая наступательная операция, с целью окружения и уничтожения вражеских войск в районе города Сталинград, в которой 51 армии отводилась особая роль с освобождением г. Котельниково. Наступило утро 20 ноября. Ничего не было видно. Туман покрыл землю. Авиация (8-я воздушная армия) действовать не могла. Вышла роль артиллерии, хотя и ей было трудно: туман мешал наблюдателям корректировать огонь. Командующий фронтом перенес начало наступления на один час позже. Но вот несколько прояснилось, и ровно в 7 часов 30 минут загремела реактивная артиллерия. Вслед за ней открыла огонь вся артиллерия – из всех орудий и миномётов. Она была по врагу по тщательно продуманному плану в течении 60 минут. На 29.11.1942 года части 51 армии заняли разъезд Небыковский (оперативная сводка Генштаба от 29.11.42 г.).

Таким образом, можно проследить боевой путь и район боевых действий Часова Владимира Михайловича. Сержант Часов Владимир Михайлович, находился в Красной Армии с мая 1942 года, а на Сталинградском фронте с 13 октября 1942, участвовал в боевых действиях 14 дней и погиб 29 ноября 1942 года, честно выполнив свой солдатский долг.

Похоронен в братской могиле на хуторе Небыков, Сталинградской области.

В завершении напомним, что ежедневные потери в Сталинградской битве составляли 5500 человек.

*Когда Он умирал под Сталинградом,
Двадцатый век стоял понуро рядом
И принимал в суровый час прощанья
Написанное кровью завещанье:*

*«Я завещаю всё, что уцелело,
Свою мечту, душа с которой пела,
Свою любовь, светившую в несчастье,
Тебе, двадцатый, может быть, на счастье.»*

*Впредь не позорь судьбу свою земную,
Не поджигай планету голубую.
Останови враждующие кланы,
Поставь для войн надёжные капканы!*

*Да не забудь и мне доставить радость,
Уважив незатейливую слабость:
Нарви цветов, шагая мирным садом,
Тому, кто умирал под Сталинградом.»*

М. Ромашкинская

Младший сын, Часов Пётр Михайлович (1920 –1991) родился в д. Сменки, Талдомского района, Московской области. После окончания школы работал скорняком в меховой артели. После переезда в Загорск (Сергиев Посад) одно время работал на ЗОМЗе токарем.

10 октября 1940 года был призван в Красную Армию и направлен на Ленинградские краснознамённые бронетанковые курсы усовершенствования командного состава РККА, окончил и получил звание сержанта.

Первые сведения о Часове Петре Михайловиче относятся к январю 1942 года, когда был сформирован и отправлен на фронт 147 ОЛБ (отдельный лыжный батальон).

Лыжникам первой военной зимы досталась самая трудная и незавидная солдатская судьба, благодаря своей манёвренности они успевали к самым горячим боям. Лыжные батальоны считались элитой Красной Армии. Это скалось в первую очередь на укомплектовании личным составом – в лыжные батальоны предпочтительно брали молодых, крепких, физически и морально выносливых парней. Отбор был на уровне десантных войск, порой именно действия лыжников позволяли переломить ход боя в нашу пользу.

По прибытию на фронт 147 ОЛБ придан 22 армии, где в составе группы генерала Березина (119 и 179 стрелковые дивизии) вел бои за город Белый Тверской области.

29 января 119 стрелковая дивизия подошла к городу и атаковала его с трёх сторон, ворвалась на окраины, но полностью взять город не смогла, практически несколько месяцев в городе шли упорные бои.

2 февраля 1942 года сержант Часов П.М. получил тяжёлое ранение левой стопы и был эвакуирован.

Красноармейская книжка заведена и заверена печатью 884 стрелкового полка 196 стрелковой дивизии. В связи с тем, что 196 стрелковая дивизия была в резерве Ставки ВГК, её переброску, передачу и переподчинение с фронта на фронт, из армии в армию трудно отследить.

Боевой путь 196 стрелковой дивизии включает в себя периоды подготовки и участия в боевых действиях согласно хроники событий:

- июнь 1942 – сентябрь 1942 года участие в Сталинградской битве.
- январь 1943 – июль 1943 года участие в обороне Ленинграда.
- август 1943 – участие в боях за Синявинские высоты.
- декабрь 1943 – март 1944 года участие в боях на Ораниенбаумском плацдарме, освобождение города Гатчина.

11.9.1942 года сержант Часов П.М. получил тяжёлое ранение в подбородочную область и был эвакуирован в тыл.

*Медный грохот, дымный порох,
Рыжелипкие струи,
Тел ползущих влажный шорох...
Где чужие? Где свои?*

*Нет напрасных ожиданий,
Недостигнутых побед,
Но и сбывшихся мечтаний,
Одолении – тоже нет.*

*Все едины, всё едино,
Мы ль, они ли... смерть – одна.
И работает машина,
И жуёт, жуёт война...*

Зинаида Гиппиус

196 стрелковая дивизия имела не простую военную судьбу, после боев под Сталинградом в ней осталось 115 человек. 27.11. 1942 года была выведена из Сталинградского фронта, зачислена в Резерв Ставки ВГК и отправлена под Москву в Кубинку. С 20.11.1942 года Часов П.М. находится на излечении в эвакуационном госпитале.

20.03.1943 года – п/п 09415, 884 стрелковый полк 196 стрелковой дивизии, расквартирован в г. Ленинград.

– 18.8.1943 г. начался штурм Синявинской высоты 43,3, два дня ожесточенных, кровопролитных боев успеха не принесли.

20.08.1943 года помкомвзвода Часов П.М. в боях за Синявинские высоты, получил тяжелое ранение в грудную клетку, правой ушной раковины и был эвакуирован в ЭГ 267 (г. Озерки, Ленинградской области). 196 стрелковая дивизия отведена в тыл. Выбыл из госпиталя 28 сентября 1943 г.

За дни боев было ранено и убито 2658 человек. Безвозвратные потери составили 760 человек. Синявинская высота 43,3 была взята в сентябре 1943 года.

1.02.1944 года командир отделения 602 стрелкового полка сержант Часов П.М. при форсировании реки Луга, в боях за освобождение Гатчины получил касательное осколочное ранение правой кисти. Выбыл из госпиталя 11 февраля 1944 г.

10.06. – 9.9.1944 г. Выборгская наступательная операция.

29.06.1944 года командир расчёта 194 гвардейского стрелкового полка 64 гвардейской стрелковой дивизии, гвардии сержант Часов П.М. на Карельском перешейке получил множественное слепое осколочное ранение обеих бедер. выбыл 10 ноября 1944 г.

Фото после госпиталя (в чужой гимнастёрке по понятным причинам)

Выписка из приказа по 194 гвардейскому стрелковому полку 64 гвардейской стрелковой Красносельской Краснознамённой дивизии от 27 июня 1944 г. № 026/н, действующая армия.

От имени президиума Верховного Совета Союза ССР награждаю:

Медалью «За Отвагу»

п.23. командира минрасчёта 1-го батальона гв. сержанта Часова Петра Михайловича, за то, что он в бою 14 и 15 июня 1944 г. за высоту 140,0 огнем миномета уничтожил 19 финских солдат, один станковый пулемет, разбил 2 землянки противника. (так в документе).

Командир 194 гвсп гв. п/п-к Шарапов. В.М.

– 338 отдельный пулемётно-артиллерийский батальон 135 танковой бригады 23 армии 17 укрепрайона, бои на Карельском перешейке. Ранен.

Выписка из приказа № 325/н от 10.07. 1945 г. Действующая армия. 23 армия. От имени президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награждаю:

Орденом «Отечественной войны 2-ой степени»

п.5 сержанта Часова Петра Михайловича командира расчёта 338 отдельного пулемётно-артиллерийского батальона, 17 укреплённого района, ныне находящегося на излечении в эвакуационном госпитале 55, 23 армии.

Командующий 23 армией генерал-лейтенант Швецов.

26.08.1945 г. – армейский распределитель, 85 полка связи 42 Армии.

Демобилизован. Итого не был дома 5 лет без двух месяцев.

После Победы работал на предприятиях гг. Москвы, Пушкино, Загорска (Сергиев Посад).

В 1948 году женился на Часовой (Морозова) Зинаиде Никитичне с которой вместе работал на швейно-картонажной фабрике.

В 1985 году в честь 40-летия Победы награждён орденом «Отечественной войны 1-й степени» пр. № 73 от 06.04.85 г. и другими юбилейными медалями.

Умер 1991 году, похоронен на новом кладбище г. Сергиев Посад.

Из личных воспоминаний. *У отца в хряще правой ушной раковине навсегда застрял осколок. Когда в детстве ходили в баню, куда по субботам я занимал очередь, было видно, что спина у отца синяя от вьёвшихся осколков. В прочем тогда полбани были такими. С левой стороны подбородка заметно входное отверстие от пули, которая снесла несколько зубов и вышла в правую щеку. Потом я спрашивал, какая это была пуля винтовочная, снайперская или пулемётная, пытаюсь понять, почему так повезло? А как определишь, если она улетела. Рассказывал, что после госпиталя он очень просился в свой полк и ему пошли навстречу. Каково же было обоюдное удивление командования 884 стрелкового полка на вернувшемся из госпиталя бойца и его, не увидавшего ни одного знакомого лица из прежнего состава полка. К тому времени от 196 стрелковой*

Фото фронтовое

дивизии остался один номер и знамя. С тех пор он говорил, что однополчане бывают только у штабных и не рвался к своим, а ждал куда пошлют.

Муж старшей дочери Часовой Клавдии Михайловны, Голубев Николай Семёнович, 1915 – 1987, родился в д. Гатчино, Велижского района, Смоленской области.

После окончания школы, переехал в Ленинград, где работал на стройке завскладом. В 1934 году был призван в армию, прошел медкомиссию и по спецнабору направлен в 1-ю Качинскую авиационную школу. По окончании обучения, уже с семьей, направлен для дальнейшего прохождения службы в 69 истребительный авиационный полк, дислоцировавшийся в г. Одесса. Там же его застала война.

В то время 69 авиационный полк, Приморской армии, Южного фронта был единственным авиаполком Одесского оборонительного района. Полк участвовал в приграничных сражениях в Молдавии и обороне Одессы. На вооружении состояли истребители И-16.

При последней штурмовке вражеских войск и автоколонны зенитная артиллерия открыла интенсивный огонь по самолету т. Голубева.

Он штурмовал войска противника, выполняя боевое задание до тех пор, пока не был сбит зенитной артиллерией и не получил ранение.

Самолет вынужденно приземлился на линии наших войск в р-не Дубоссары, откуда т. Голубев и был отправлен в госпиталь.

После госпиталя Голубев Николай Семёнович вернулся в свой полк и продолжил воевать.

7 ноября 1942 года 69-й истребительный авиационный полк был преобразован в 9-й гвардейский истребительный авиационный полк (командир полка Герой Советского Союза майор Шестаков Лев Львович), 268-й истребительной авиационной дивизии, 8-й воздушной армии. На базе этого полка был организован «полк асов», где собрали лучших лётчиков из всей 8 воздушной армии, для противодействия немецкой авиации (господство в воздухе) в Сталинградской битве.

В ноябре 1942 года полк получил новые истребители ЯК-1.

Таким образом, под Сталинградом пересеклись фронтовые пути 3-х родственников:

- пехотинец Часов Пётр Михайлович участвовал в Сталинградской оборонительной операции с июля по 11.09.1942 г.;
- артиллерист Часов Владимир Михайлович участвовал в Сталинградской наступательной операции «Уран» с июня по 29.11.1942 г.;
- лётчик Голубев Николай Семенович поддерживал их с неба с июня 1941 по декабрь 1942 года. Жаль, что они не знали об этом, а может оно и к лучшему.

До Победы Голубев Николай Семёнович продолжал воевать на штабных и командных должностях. Войну закончил в звании майора. Награжден двумя орденами «Красного Знамени», медалями:

- За оборону Одессы, За оборону Сталинграда и юбилейными медалями.

Во время войны и после Победы дружил с однополчанином, дважды Героем Советского Союза Головачёвым Павлом Яковлевичем (1917-1972), часто встречались в Свердловске, Горьком, Москве и п. Кучино.

После Победы служил командиром части, начальником штаба, начальником школы переподготовки лётчиков стран народной демократии, в штабе ВВС ПВО в разных городах страны (Липецк, Дзержинск, Пермь, Кубинка, Свердловск, Кировоград) и в Чехословакии. Вместе с ним переезжала и его семья.

После демобилизации работал в штабе ПВО дежурным по КП и в Центральном научно-исследовательском институте комплексной механизации (ЦНИИКА) начальником отдела снабжения.

Полковник Николай Семёнович Голубев и Клавдия Михайловна Голубева похоронены на Пуршевском кладбище в г. Железнодорожном, Московской области.

Муж средней сестры Часовой Лидии Михайловны, Степанов Иван Яковлевич {1913 – 1961}, родился в д. Вяжищи, Темкинского района, Смоленской области.

28.6.1941 года Иван Яковлевич Степанов, член ВКП(б), был призван в Красную Армию Износковским РВК, Смоленской области. Отправлен на Западный фронт в составе 34 стрелкового полка, 75 стрелковой дивизии, 28 стрелкового корпуса, 4 армии.

Из наградного листа

Мл. лейтенант СТЕПАНОВ Иван Яковлевич на фронте находился с 1 июля 1941 г. по 1 августа 1941 г. по должности командира стрелкового взвода 34 стрелкового полка, 75 стрелковой дивизии. 1 августа 1941 г. во время наступления на местечко Петриково /Белорусская ССР/ тов. Степанов со своим взводом первым ворвался на переднюю линию окопов врага и проявил при этом смелость, инициативу, храбрость и энергию. Во время рукопашной схватки было убито лично СТЕПАНОВЫМ несколько немцев. В этот момент СТЕПАНОВ был тяжело ранен в предплечье правой руки, но поле боя не покидал. В настоящее время СТЕПАНОВ инвалид 3-й группы работает Начальником Контрольно-Учётного Бюро Пушкинского р-на, М.О.

Характеристика с места работы положительная.

Выписка из приказа

От имени Президиума Верховного Совета ССР от 06.11.1945 г.

Наградить медалью «За Отвагу» младшего лейтенанта Степанова Ивана Яковлевича.

Зам. Командующего войсками МВО

Генерал-лейтенант артиллерии /Рябов/

*Я только раз видала рукопашный,
Раз наяву. И тысячу – во сне...
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Юлия Друнина

Демобилизован 28 августа 1941 года. Работал начальником Контрольно-Учётного Бюро Пушкинского района, которое занималось учётом и распределением продуктовых карточек.

После войны женился на Часовой Лидии Михайловне. Работал директором сначала Пушкинского, а затем Щелковского торга. Умер в 1961 году похоронен на Ивanteeвском кладбище.

Единственная сохранившаяся фотография. Морозов Н.В. на рабочем месте

Второй дедушка, Морозов Никита Васильевич (1893 –1943), родился в дер. Рамешки, Калязинского района, Тверской области. Работал парикмахером в д. Озерецкое, как раньше говорили, центральная усадьба колхоза.

В 1943 году (по данным Книги памяти, Калязинского района в 1942 г.) был призван Троицко-Нерльским РВК, Калининской области в действующую армию. Участвовал в Брянской наступательной операции в составе 830 стрелкового полка 238 стрелковой дивизии.

Вот как написано в архивной справке центрального архива медицинских документов: «Стрелок 830 сп красноармеец Морозов Никита Васильевич, 1893 года рождения, на фронте Великой Отечественной войны 12 сентября 1943 года получил слепое пулевое проникающее ранение левой брюшной полости, по поводу чего с 13 сентября 1943 года находился на излечении в ЭГ 1057, г. Тула, в котором умер 25 октября 1943 года от гнойного перитонита».

Похоронен на Всехсвятском кладбище (мемориал) г. Тула.

*Наши очи померкли,
Пламень сердца погас
На земле, на поверке
Выкликают не нас.
Нам свои боевые
Не носить ордена,
Вам – всё это, живые,
Нам отрада одна:
Что не даром боролись
Мы за Родину-Мать,
Пусть не слышен наш голос –
Вы должны его знать...
Александр Твардовский*

Муж старшей дочери Морозова Никиты Васильевича, Блинов Николай Григорьевич, (1911 – 1978) земляк моего отца, родился в д. Сменки Талдомского района Московской области. После окончания школы работал в местной артели скорняков. Отслужил действительную службу в Красной армии.

Перед войной женился и переехал в Талдом, где также работал скорняком. Великую Отечественную войну по воспоминаниям старших товарищей начинал в кавалерии, а потом в пехоте. Инвалид Великой Отечественной войны, был тяжело ранен в челюсть, из-за чего в последующем ему на работе давали время на обед 2 часа. Имеет боевые и юбилейные награды. После Победы продолжал работать скорняком на Талдомской фабрике, хотя много раз звали на работу в Москву. Похоронен на Талдомском муниципальном кладбище.

Дед, отец и пятеро дядек вложили жизнь и здоровье в Великую Победу.

Вечная им память и Слава!

Чернухина Галина Ефимовна

Мой папа, Чернухин Ефим Викторович, 1898-1972 г.г. Родился в Молдавии в г. Бендеры. Во время гражданской войны, в возрасте 17-18 лет, он добровольно вступил в отряд Котовского. В ходе сражений с Румынскими войсками отряд Котовского разбили, большая его часть попала в плен. Всех пленных выстроили и тем, кто хочет жить, предложили воевать в Румынской армии, а несогласных расстреляли.

Папе было всего 18 лет, и он выбрал жизнь. При первых столкновениях с Красной Армией он сбежал из Румынской армии и перебрался в центральную Россию в Тульскую область.

В 1924 году после смерти В.И. Ленина по призыву партии он вступил в партию. В 1927 году женился на моей маме, Челькис Адель Матвеевне. Ее мама, Анна Петровна Челькис, была против их брака и не принимала в своем доме. В 1928 году у папы с мамой родился сын Виктор, в 1934 году еще один сын Евгений, а 19 апреля 1937 года родилась я, Чернухина Галина Ефимовна.

В 1937 году в результате очередной чистки партии папу исключили из партии, забрали паспорт и выгнали с работы слесаря по ремонту железнодорожных вагонов, а семью в 24 часа выселили из квартиры. Вся семья перебралась в частный дом к Челькис Анне Петровне и Матвея Викторовича в г. Тулу улица Одоевская д.14.

Папа четко пытался найти новую работу, но^ когда выяснялось, что у него нет паспорта, его каждый раз выгоняли. Одним из последних мест его работы была мельница. Периодически он пытался вернуть свой паспорт и ходил по раз-

личным инстанциям, добиваясь восстановления. В очередной раз, в январе 1938 года, он ушел из дома и больше не вернулся. Позже семья узнала, что он арестован. Приговор вынесли в июне 1938 года: 10 лет лагерей с поражением в правах на 5 лет. Срок отбывал в г. Воркуте. Чернухиных признали семьей врага народа и лишили продовольственных карточек. Позже, в 1938 году был арестован и брат моей мамы, Челькис Анатолий Матвеевич (1908 г.р.) и сослан в г. Магадан.

Во время войны и оккупации города Тулы вся семья сильно голодала, ели картофельные очистки, которые собирали у соседей для коровы. Выжили благодаря огороду и корове. В 1943 году умер мой дед, Челькис Матвей Викторович. Во время бомбежек он никогда не уходил из своего дома в бомбоубежище, которое находилось недалеко от дома.

Женщин и юношей забирали на рытьё противотанковых рвов и окоп вокруг города Тулы.

Мой папа вернулся в 1948 году, но еще 5 лет не имел права проживать в г. Туле.

Брат, Виктор Ефимович Чернухин, закончил Тульский механический институт и пошел работать на Тульский машиностроительный завод, где доработал до должности главного инженера.

Второй брат, Евгений Ефимович Чернухин, в 18 лет, сразу после школы, уехал на строительство БАМа. Затем вернулся в г. Тулу, где продолжил свою трудовую деятельность на заводе.

Меня по распределению после института направили на завод в г. Загорск, где я проработала до глубокой пенсии, проектируя станки и оборудование. Получила звание заслуженного работника ФГУП «ФНПЦ НИИ прикладной химии».

Чулков Валентин Павлович

Мой отец, Чулков Павел Никонорович, 1901 года рождения, колхозник из села Новая Шурма, был отправлен на фронт в первые дни войны. Воевал рядовым солдатом в пехоте. Участвовал во многих сложных операциях и часто смотрел смерти в глаза.

Например, в 1943 году он и еще один солдат получили приказ: на двух санях доставить горючее нашим танкистам, находящимся в овраге, с противоположного берега которого немцы вели прицельный огонь. Ехали на расстоянии 50 метров друг от друга. Прямым попаданием снаряда был убит первый солдат и его лошадь. Отец продолжает движение под градом фашистских пуль. Начался спуск в

овраг, снаряд попал в сани, и лошадь погибла, а отец получил несколько ранений. На размышления было всего несколько секунд. Обливаясь потом, он перерубил оглобли и пытался толкать сани вниз, но сил не хватало. Тогда, используя оглоблю как рычаг, отец скатил бочку с горючим с саней и начал катить её вниз. Уже видны танкисты, которые знаками показывают, чтобы он полз обратно, а бочке катиться помогут они сами.

Ранения Павел Никонорович лечил в госпитале в Москве на территории Яузской больницы и снова был отправлен на трудовую линию фронта. Опять очередная атака. Картина была страшная: работала артиллерия, в небе происходили воздушные бои, пехотинцы, стреляя, бегут вперед, прыгают через фашистские окопы. Там, где немцы стояли, подняв руки вверх, без оружия, их оставляли в живых. Отец чувствовал, как пули обжигают его тело, из-под обмоток текла кровь. Он продолжил атаку. Но когда осколок снаряда раздробил ему руку – упал без сознания. Раненых было много. Но выносить их можно было только с наступлением темноты.

В госпитале подсчитали, сколько было ран у отца, а их оказалось девятнадцать! С тяжелыми ранениями отправляли в глубокий тыл. Отец был отправлен в госпиталь города Читы. Лежал там восемь месяцев, возвратился инвалидом второй группы, без руки. Вернувшись домой в 1944 году, продолжил работать в колхозе, даже управляя одной рукой плугом на пашне. При сенокосе привязывали косу к рукаву.

В 1947 году моего отца неожиданно вызвали в Константиновский районный военкомат, где в торжественной обстановке вручили орден Отечественной войны второй степени, что для рядового солдата было очень высокой наградой. Отца долго разыскивали, были потеряны адреса. А отец не знал, что его представили к награде за подвиг по спасению танкистов. Без танков солдаты не выбрались бы, а танки оказались без горючего.

С немцами пришлось повоювать и моему дедушке, Чулкову Никонору Филипповичу, вернувшемуся с Первой мировой войны с многочисленными ранами. Одна из пуль застряла в затылке. По медицинским показаниям врачи не рискнули ее удалить. Он до конца жизни пронесил эту пулю. Она была видна из-под кожи в виде шишки. Очевидно, пуля врезалась в голову в конце полета.

После войны он освоил профессию пчеловода и вместе с женой, Чулковой Матреной Павловной до конца жизни трудился на колхозной пасеке. У них проходили практику многие студенты. Например, Лариса Межох, Марина Иванова и другие. За высокие показатели по получению меда и воска, росте пчелосемей дедушка несколько раз становился участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Награждался медалями, грамотами, свидетельствами. В семье были воспитаны семеро детей.

Второй мой дедушка, Андрианов Василий Семенович, воспитанник детского дома в Москве. По состоянию здоровья не призывался в армию, но внес определенный вклад в развитие жизни в деревне и выращивании урожаев для отпра-

ки на фронт в Отечественную войну. Он с детства отличался организаторскими способностями, благодаря которым его заметил Ворошилов К.Е. – будущий маршал СССР. Работал на красильной фабрике в Москве. Когда начались работы по созданию партийных ячеек в коллективах, Ворошилов направил дедушку в сельскую местность для организации создания этих ячеек. Он оказался в деревне Малинки, ныне Сергиево-Посадского района. Получая отчеты о проделанной работе, Ворошилов давал новые указания и инструкции. Проработав несколько лет в сельской местности, дедушка там женился. Вместе с женой, Андриановой Евдокией Алексеевной воспитали восьмерых детей.

В деревне дедушка пользовался особым уважением. К нему многие обращались за советом. Я был очевидцем, как во время Отечественной войны, при получении похоронки, обливаясь слезами, приходили к нему матери и жены за помощью. Он старался вывести людей из критического глубокого шока и у него это получалось, доказать необходимость продолжения жизни во имя воспитания детей с сохранением светлой памяти их погибших близких. Он мог найти для конкретной души теплые слова со ссылкой на бога, с использованием примеров из библии, действовал, как лучший психолог.

Вся тяжесть труда в тылу с первых дней войны легла на плечи женщин и подростков.

Вероломное нападение немецких фашистов на Советский Союз вынудило в короткие сроки перестроить на военный лад и на фронте, и в тылу всё наше население.

Выступая по радио, министр иностранных дел В.М. Молотов сказал: «Мы ведём справедливую войну, враг будет разбит, победа будет за нами!» Тяжёлое положение создалось в Подмосковье.

При обращении к народу Советского Союза И.В. Сталин просил не поддаваться панике, самоотверженно участвовать в боях с фашистами, а оставшихся в тылу – трудиться под лозунгом «Все для фронта, все для победы», работникам сельского хозяйства не оставлять необработанных земель, выращивать высокие урожаи, не допускать голода в стране.

По плану Гитлера война должна была закончиться до наступления холодов захватом Москвы и 7 ноября 1941 г. на Красной площади у Кремля планировалось вручение орденов немецким солдатам.

С первых дней войны Загорск готовился к обороне. На улицах города были установлены противотанковые «ежи», началась эвакуация больших заводов на восток, провели тщательную светомаскировку, из деревень угоняли скот. Женщины и дети с горечью наблюдали эту картину и готовились вместе с оставшимися жителями активно включиться в события. На фронт ушли многие из близких из каждой семьи. В небе над Загорском по ночам прожекторы вылавливали вражеские самолёты, в селе Хребтово солдаты военной «точки» пытались залпом из винтовок сбить фашистский самолёт, а он развернулся и сбросил на них несколько бомб. В Краснозаводске немецкий самолёт на бреющем полёте обстрелял ремесленников, идущих строем по шоссе. Город Загорск неоднократно подвергался вражеским бомбардировкам.

В битве под Москвой участвовало большое количество солдат и многие выдающиеся военные деятели. На встрече со студентами Московского инсти-

Во время встречи рядом с С.М. Будённым проректор института Е.М. Лялин и секретарь наркома К.А. Салазкин (автор фото)

тута химического машиностроения маршал Советского Союза С.М. Будённый рассказал, как ему – заместителю

командующего войсками Московского военного округа, первому заместителю наркома обороны приходилось по несколько ночей подряд не спать, находясь в центре боевых действий, отражая мощнейшие наступления противника. В эти дни немецкие мотоциклисты прорывались в Москву, а 21 июля 1941 г. двести немецких бомбардировщиков совершили групповой полёт на Москву.

В нашей деревне Новая Шурма учителя ушли на фронт, школа была закрыта и мы, школьники, с 12 лет вместе с женщинами начали без выходных и без оплаты от зари до зари трудиться на полях. Оплата за труд производилась один раз в год по учтённым трудодням овощами и зерном в ноябре-декабре после расчёта с государством.

Особенно тяжело женщинам и подросткам было копать большие участки земли вручную, пахать на быках, а иногда запрягаясь в плуг по пять-шесть человек, доставлять мешки с зерном на склад по крутому трапу, косить и стоговать сено. Ни от каких работ труженики не отказывались, в том числе и от работы с риском для жизни. Например, мне с одногодком Виктором Мартьяновым пришлось приучать четырёх быков к труду. Разъярённые, они бросались на нас, угрожая рогами и копытами. Было страшно к ним приближаться, много раз они отбрасывали нас в сторону и прижимали к земле. В конечном итоге они стали основной тягой в колхозе, все лошади были отправлены на фронт.

На всех направлениях сельскохозяйственных работ женщины всегда были в первых рядах. Многие из них, например, Мартьянова Екатерина, Шувалова Агриппина, Блохина Мария, Спиридонова Наталья, Орлова Анастасия и другие, имея, по пять – семь детей, младшим из которых было по 2-4 года, ни на один день не останавливали работу. Нянчили младших старшие дети. Ни яслей, ни детских садов в деревнях не было. Также, не было ни дородовых, ни послеродовых отпусков. Работали до последних дней. Иногда рожали в полевых условиях. Меня мама родила в лесу «Голузино» в трех километрах от де-

ревни «Новая Шурма». Принесли меня домой в фартуке.

Девочки в возрасте 13-15 лет самостоятельно запрягали лошадей и быков, выполняли на них требуемые виды работ. Женщины и подростки вручную проводили сев зерновых, посадку овощей, прополку всех культур.

Кроме зерновых в деревне сеяли много льна. Это растение особое, очень колючее. Лён нельзя косить, можно только вытаскивать из земли с корнями, иначе волокно будет коротким. Делали все вручную. Самыми сложными операциями со льном были: вытаскивание из земли, околот (механическое разрушение корбочек (головок) с семенами, мятьё (ломка оболочек льна), трепание (удаление разрушенных оболочек и получение чистых волокон).

Женщины не просто машинально выполняли эти операции, а часто проявляли изобретательность. Например, Нина Спиридонова из многодетной, очень трудолюбивой семьи, состоящей из родителей Натальи и Андрея, и детей Марии, Анны, Николая, Нины, Валентины, Раисы и Ивана для околата льна предложила изготовить ударное устройство новой конструкции, что позволило значительно повысить производительность труда. Она являлась рационализатором и по другим направлениям. У неё как-то получалось лучше, чем у других. Активно трудиться она начала с 13 лет, с первых дней войны и быстро стала лидером среди сверстников. Ольга Орлова всех снабжала сельскохозяйственной литературой.

Особенно тяжело было дояркам коров. Каждая женщина вручную доила по 10-12 коров трижды в день. Первая дойка была в три часа утра. Бессменными доярками были: Полякова Анастасия, Блохина Мария, Соловьева Наталья, Чулкова Зинаида, Фомина Анна. Моя мама, Надежда Чулкова, работала телятницей.

Она уходила из дома в 3 часа утра, чтобы напоить и отправить в стадо телят. Перед уходом она будила меня, чтобы я отправил домашнюю скотину в стадо. Иногда она возвращается, а я сплю у окна, а скотина дома. Приходится мне догонять стадо вдалеке от деревни. Моя мама была неграмотная, но очень добрая, внимательная, постоянно трудилась сама и уважала труд других. Знала, как тяжело мальчику в 12 лет с трех часов не спать, никогда за это не ругала меня, лишь поплачет сама.

В свои неполные 15 лет я начал работать слесарем на Краснозаводском химическом заводе в комсомольско-молодежной бригаде. Руководил бригадой Степан Романов, который очень грамотно обучал учеников и строго контролировал выполнение операций. Из-за маленького роста я не доставал до тисков и мне под ноги ставили ящик. Между бригадами организовывали соревнования, а победителям вручали переходящий красный флажок. Мы радовались, когда он украшал наш верстак.

Директором завода работал полковник Тимофей Иванович Агафин, профессионал высокого класса, очень строгий, но добрый человек. Дисциплина на заводе поддерживалась по законам военного времени, за малейшие нарушения немедленно наказывали. Мой шестнадцатилетний брат в зимнюю вьюгу по без-

дорожью из деревни на расстоянии 12 км добирался до работы. Часов в те годы ни у кого не было, и он опоздал на 15 минут. Через день суд. Присудили 6х25, т.е. в течение 6 месяцев удерживали 25% заработной платы. Мой ровесник на проходной при выходе из цеха был задержан из-за запаха алкоголя. На вопрос главного инженера М.П. Локанцева, как он мог так поступить, ответил: «Я не подумал». На что главный инженер сказал: «Ну, теперь подумай». И в течение пяти дней после рабочей смены его «под ружьём» доставляли на гауптвахту.

Завод работал слаженно и успешно. За годы войны 11 раз отмечался в министерстве оборонной промышленности как передовой. В 1944 году завод был награждён переходящим красным знаменем ЦК ВКП(б). Тимофей Иванович был награждён орденом Ленина, Трудового Красного знамени и другими орденами и медалями, в том числе иностранными.

Однажды в ночную смену я, стоя на ящике, обрабатывал в тисках деталь. Вдруг кто-то прикоснулся к моему плечу. Я повернулся, передо мной стоял Тимофей Иванович в военной форме, в папахе. От страха, что я мог что-то нарушить, у меня подкосились ноги. Он спросил: «Пилим»? Я из-за кома в горле не мог сказать ни одного слова.

Спустя много лет мы с ним встретились на отраслевой конференции в Челябинске. Он в эти годы работал в министерстве. Я напомнил ему тот эпизод, он вспомнил его и сказал: «Проходя по цеху, я увидел, как ребенок, стоя на ящике, усердно выполняет операцию. Решил подойти к нему и подбодрить его». С тех пор, когда Тимофей Иванович приезжал на Звёздочку, где я работал, он приходил ко мне. Мы беседовали по техническим вопросам, он всегда давал полезные советы. Это был человек с энциклопедическими знаниями и с удовольствием делился ими.

Как сложилась в дальнейшем судьба женщин и всех военных подростков.

По окончании войны Елизавета Коробова продолжила деятельность директора школы, Дарья Заломова начала работать, стала председателем колхоза, Мария Полякова – председателем сельского совета, Анна Фомина – заведующей молочно-товарной фермы, Татьяна Заломова – бригадиром колхоза, Нина Спиридонова – секретарем сельского совета, Устинья Ремнева организовала пункт по переработке грибов, Ольга Орлова возглавила сельскую библиотеку, Валентина и Раиса Мартьяновы стали звеньевыми колхоза. Многие девушки и женщины продолжили работать в колхозе, выполняя все виды сельскохозяйственных работ. Часть подростков продолжили учёбу в пятом классе школы. Через годы многие получили высшее образование, некоторые стали учёными. Например, Сергей Петрович Соловьёв из деревни Малинки стал доктором технических наук, профессором.

Это человек с особым талантом, все учебные заведения: школу, техникум, институт, аспирантуру, докторантуру закончил с отличием. По окончании учёбы был направлен на работу в г. Обнинск директором предприятия атомной энергетики. Его многочисленные научные труды опубликованы в Советском Союзе и ряде других стран.

Брат Сергея Петровича, Алексей, по окончании института работал главным контролером на Кременчукском автомобильном заводе, затем главным

конструктором на Ярославском заводе. Второй брат Георгий через несколько лет по окончании военной академии получил звание полковника. Два старших брата высшего образования не имели, работали в промышленности и сельском хозяйстве. Родители – крестьяне, мать неграмотная, отец закончил один класс церковно-приходской школы.

В нашей деревне была только начальная школа, до четырёх классов. Учёбу мы с Сергеем Петровичем продолжили в Хребтовской школе в пяти километрах от нашей деревни. Мы ежедневно преодолевали 10 километров пути по лесным тропам. Особенно трудно было в дождливую погоду – ни зонтов, ни непромокаемой обуви не было. Возвращаясь домой, кроме школьных заданий, было необходимо оказывать помощь родителям.

По окончании школы мы поступили учиться в Краснозаводский техникум. Не ежедневно, но часто ходили к родителям. Расстояние от техникума до деревни 12 км. Я ориентировочно подсчитал, сколько километров мы прошли за эти годы пешком, в основном по бездорожью. Оказалось, более 30 000 км.

Техникум мы оба закончили с отличием, имели право продолжить учёбу. Но у меня были материальные трудности. Пенсия по инвалидности у моего отца, подобранного с последнего боя с девятнадцатью ранами, составляла 25 рублей в месяц, а из-за наличия земли и скота в хозяйстве она уменьшилась на 50%. Родители поделились средствами на помощь мне после окончания техникума. Я очень хотел продолжить учёбу. На семейном совете решили вопрос положительно. Я поступил в Московский институт химического машиностроения (МИХМ). С первого курса был старостой группы и старостой машиностроительного потока.

Но меня постоянно мучила совесть, что ещё долго не смогу оказывать помощь родителям: отцу – инвалиду войны и маме – инвалиду труда. По окончании 2 курса я с «большой болью в сердце» решил перейти на заочную учёбу, стал работать на Звёздочке. Первые зарплаты потратил на замену соломенной крыши на доме на основную дранку. Под соломенной крышей во время дождей и таяния снега было трудно найти место, где бы не капала и не журчала вода.

По окончании института поступил в аспирантуру МИХМа, где и защитил кандидатскую диссертацию. Докторскую диссертацию подготовил на Звёздочке, защитил в МИХМе. Основную работу совмещал с обучением. 55 лет работал в НИИ прикладной химии (на Звёздочке) конструктором различных категорий, начальником отдела, главным конструктором и главным научным сотрудником. Стал лауреатом Государственной премии СССР, имею более ста изобретений, заслуженный изобретатель РСФСР, имею 320 научных трудов, в том числе 9 книг.

Постоянно выполнял общественную работу: ректор Народного университета в течении 22 лет (до распада СССР), преподаватель на курсах повышения квалификации сотрудников отраслевых предприятий, профессор кафедры «Техническая физика» в Индустриальном университете, подготовил 5 кандидатов технических наук.

Юрий Гагарин

С Юрием Гагариным я встречался в Москве, а его родителями в Гжатске.

Имя Юрия Гагарина теперь известно всем во всем мире – и детям, и взрослым, и школьникам, и крупным ученым, и людям, говорящим на разных языках.

С полета Юрия Гагарина в космос началась новая глава истории нашей планеты – эра завоеваний человеком околосолнечного пространства.

Рассказывать о нем легко и трудно. Обыкновенный, располагающий улыбчивый человек, но он не просто веселый, не просто мужественный, не просто веселый, он обладал энергией деятельного, очень способного и разносторонне одаренного человека.

Жизнь Юрия с детства была нелегкой. Родился он в многодетной, бедной семье. В 1919 году, когда ему исполнилось 15 лет решил оставить учебу в средней школе, чтобы быстрее начать помогать родителям, для чего надо начать работать, а учебу продолжить заочно.

Поступил в ремесленное училище в Люберцах по литейной специальности и продолжил учиться в вечерней школе. По окончании учебы в школе поступил в саратовский техникум по той же специальности. Одновременно поступил в аэроклуб. Получив диплом в техникуме. Подал заявление в Оренбургское авиационное училище, где совершил первые полеты на самолете и прыжки с парашютом. Пытливый, образованный, мужественный он прошел путь от курсанта училища до школы космонавтов. Первоклассный летчик-истребитель начал подготовку к полету в космическое пространство.

Кандидатуру Гагарина на роль космонавта №1 предложил Королев, но решающее слово произнес Н.С. Хрущев. Рассматривая анкеты кандидатов в космонавты, некоторые отложил в сторону. Внимательно читая анкету Титова, удивился его нерусскому имени – Герман. Когда глянул на улыбающегося Гагарина и прочитал, что он внук путиловского рабочего и сын крестьянина, дал добро.

Конструкторы и психологи опасались, что психика человека в космосе может не выдержать. Полет «Востока» должен был проходить без активного участия космонавта в управлении. Но на случай отказа автоматики была предусмотрена возможность аварийного управления посадкой вручную. Но прежде, чем нажать на особую красную кнопку, космонавт должен был доказать, что он в здравом уме. Тумблер включения тормозного двигателя заблокировали логическим замком. Гагарину было решено дать числовой код в запечатанном конверте, который бы он при необходимости вскрыл, если бы остался вменяемым. К счастью мы знаем, что все закончилось благополучно, никаких указанных действий не потребовалось.

С Юрием Алексеевичем я встретился в Москве, в доме ученых. Когда он, улыбающийся, появился на сцене весь зал, стоя долго аплодировал ему. Загаив дыхание слушали его выступление. Он рассказал о подготовке к полету. Ведь все было впервые. Никто раньше не знал конкретных советов. Рассказал о перегрузках, самочувствии при полете, как он видел Землю. С особой теплотой отзывался о Сергее Павловиче Королеве, как он строго, но по-отечески, по-доброму проводил занятия. Был ли страх, а он конечно присутствовал. Только робот не волновался бы в такой обстановке.

Затем выступил полковник, сопровождающий Гагарина в зарубежных поездках. Во всех странах встречи были многочисленными, все хотели поближе подойти к нему, забрасывали цветами. Но были случаи недоброго отношения

к нашей делегации В одной из стран, с которой у Советского Союза были «натянутые» отношения на улицы вышло мало встречающих. Вдруг наперерез к автомобилю Гагарина выскочил мужчина, держа в руках предмет, похожий на гранату. Подбежав, наливает в стакан вино (оказалось в руках у него была бутылка) и протягивает его Гагарину. По инструкции из чужих рук брать нельзя было ничего, но Юрий Алексеевич поступил как дипломат – взял стакан и сделал несколько глотков со словами: «Сколь – это на их языке – за ваше здоровье» и проглотил. На следующий день об этом у них написали все газеты и на улицу вышли тысячи людей.

Вопрос о том, когда объявлять о полете Гагарина обсуждался на самом высоком уровне. Решили сообщить после того, когда будет получено подтверждение, что корабль вышел на орбиту и космонавт жив. Орбита оказалась нерасчетной – апогей получился выше заданного, из-за чего приземление произошло не в заданном районе, а в саратовской степи, чуть не угодив в Волгу. На вспаханном поле его увидела женщина с внучкой, которые очень испугались, но Гагарин скинул гермошлем и закричал: «Я свой».

Подбежали трактористы с полевого стана. Когда поисковый отряд причался к «шарику», в его кабине еще работал вентилятор. Пока выставляли караул, в кабине успел побывать тракторист, который «прихватил» сувенир – тубу с питанием, которую с трудом у него отобрали, а снаружи, прибежавшие люди, успели поцарапать и взять на память элементы обшивки.

Юрий Алексеевич, как обычный человек, много работал, но находил время и для отдыха, любил рыбалку, охоту, был отличным семьянином, вместе с женой Валей вырастили двоих детей – истинных тружениц. Одна из них, Галя, в настоящее время доктор технических наук, профессор, заведует кафедрой в университете, вторая дочь Лена – генеральный директор музеев Кремля. Юрий любил юмор. При всей серьезности и сложности работы он вместе с Алексеем Леоновым не упускал случаев устроить веселый розыгрыш. Однажды один из будущих космонавтов решил отметить событие по поводу покупки автомобиля, который только что пригнал, и она стоит около дома. Собрав друзей, в разгар торжества Юрий вместе с Леоновым незаметно вышли на улицу, загнали машину в чужой гараж и так же незаметно возвратились.

В конце праздника хозяин обнаружил пропажу машины, поднял тревогу, и все начали бегать по поселку искать угонщика. Через некоторое время под хохот присутствующих дорогая иномарка была возвращена.

Мне довелось несколько раз бывать в доме Гагариных в Гжатске, беседовать с родителями – Анной Тимофеевной и Алексеем Ивановичем. Когда я в первый раз открыл их дверь – ноги подкосились: у порога сидит Юрий Алексеевич в натуральную величину, в форме космонавта – точная копия. Родители рассказали, что после полета и встреч их пригласил в Кремль Хрущев и предложил место проживания в любой точке Советского Союза, но они отказались, заявив, что хотели остаться на старом месте. Хрущев сказал, что в их доме будет музей. Рядом с домом была низина. Договорились засыпать эту низину землей и построить на её месте дом, а вокруг него расположить сад. Все так и сделали. Получился красивый трехсекционный дом, вокруг которого высадили крупные садовые деревья. Садоводы в течение двух лет ухаживали за ними до полного их приживания.

Внутри музея расположены личные вещи Юрия, очень много писем со всего мира, рядом с домом под стеклянным колпаком подаренный Юрию автомобиль «Волга» черного цвета с приметными номерами: 78-78 МОД.

После выступлений Юрий Алексеевич стал подписывать автографы. Ему на стол положили много книг и открыток. На каждой из них он расписывался и ставил дату. У меня ничего с собой не оказалось, и я положил на стол свой аспирантский билет. Сажу на первом ряду и наблюдаю за процессом. Взяв в руки мой билет, он прочитал и отложил его в сторону. Я был огорчен.

Закончив ставить подписи Юрий Алексеевич достал из кармана записную книжку, вырвал из нее листочек, что-то написал на нем и положил в мой аспирантский билет. Я не ожидал, что получу такой великолепный автограф (его прилагаю). Произошедшее показывает благородство его души, истинное уважение к простым людям, ведь он мог и не ставить автограф. По окончании встречи многие, в том числе и я, окружили его, начались рукопожатия. И мне тоже удалось обменяться с ним счастливым рукопожатием.

После полета Юрия Гагарина в космос, в адрес Правительства СССР были присланы тысячи телеграмм. Самую короткую прислал писатель Шолохов. В ней было всего одно слово – «Здорово».

108 минут на околоземной орбите – и первому космонавту планеты Земля, Юрию Гагарину, обеспечена всемирная слава на века!

Валентин Павлович Чулков, ветеран Великой Отечественной войны, труженик тыла, с. Новая Шурма

Шелдышева Майя Васильевна

Я родилась в Москве 17 марта 1936 года в семье военного. Отец, в силу своей профессии, часто переезжал и, когда я подросла, забрал нас (маму, брата Аркашу и меня) с собой в г. Скопин Рязанской области в военный городок. В апреле 1941 года в нашей семье появилась сестренка Тамара. Война застала нас в г. Скопине. С первых же дней войны отец ушел на фронт. С этого времени началась другая жизнь, полная тревог

и ожидания. Через некоторое время началась эвакуация семей военных. Брали с собой только необходимое. Ехали в открытых грузовиках, забитых людьми и узлами. Остановились в подмосковном Троицке, где разместились в деревянном здании в комнате на четыре семьи. Жили дружно, помогали друг другу во всем и делились самым малым. Работали все до изнеможения, включая детей. Мы с братом помогали рыть окопы, таскали землю, рубили ломом кустарники в канавах и закрывали окопы. Вскоре нашу семью в товарном вагоне отправили еще дальше, на Урал. Ехали месяцами, жили в вагоне до самой зимы,

топились тем, что находили вдоль железной дороги. Было очень холодно и голодно, доставать продукты становилось все труднее. Выгрузили нас где-то под Челябинском в обледеневшую мечеть, а затем распределили по домам. Весной 1943 года нас перевезли в город Арзамас Горьковской области. Мама с сестрой стали работать в детском учреждении, а ночью всей семьей шили рукавицы и кисеты для фронта. Необходимо было выполнять норму, за это нам иногда давали кусок хозяйственного мыла. Мы с братом днем были предоставлены себе: ловили рыбу на мелководье, бегали к воротам фабрики, где нас подкармливали жмыхом (выжатые семечки подсолнечника с кожурой). Голод и холод не замедлили сказаться на нашем здоровье. Осенью брат заболел воспалением легких, перешедшим в туберкулез, и надолго попал в больницу. С 1944 года все дети г. Арзамаса были прикреплены к комсоставской столовой, питались по карточкам. С лета 1944 года стали организовывать детские площадки при школах. С нами занимались учителя и вожатые, разучивали песни, танцы, проводили спортивные соревнования. Мы стали выезжать с концертами для раненых в госпиталь. Зимой 1944 года я сломала ноги и пролежала 8 месяцев в госпитале, но как только смогла встать на костыли, сразу же стала ходить по палатам и петь для раненых. Лысая, худая, стоя на костылях, я сначала жалобно, а потом гордо пела «По диким степям Забайкалья». Меня слушали, подхватывали песню, аплодировали и просили петь еще. День Победы раздался ранним утром в окно громким стуком и криками: «Победа!». Ликующие жильцы дома обнимались, прыгали и плакали вместе с детьми. Это был самый главный, самый долгожданный праздник. К большому счастью, мой отец вернулся домой в 1946 году в звании майора, вся грудь его была в орденах и медалях. Я очень гордилась им. Как кадровый офицер, мой отец получил назначение в Германию, а затем в Польшу, куда перевез всю нашу семью. В Польше в нашей семье родился брат Юрий. Все годы пребывания за границей мы мечтали вернуться в Россию, а когда возвращались домой, то в Бресте целовали родную землю. В 1953 году в нашей семье родилась сестренка Лена, и нас, детей, стало пятеро. После окончания школы я поступила в московский институт, после окончания которого, работала в школе, а затем в государственной библиотеке имени Ленина. В 1965 году добровольцем поехала в колхоз на прополку свеклы в город Хотьково. Здесь и проживаю до настоящего времени. 30 лет отработала на заводе «Электроизолит», откуда ушла на пенсию. Имею троих детей и четырех внуков.

Шеренкова Мария Кузьминична

Родилась в 1934 году в деревне Паюсово. Когда началась Великая Отечественная война, мне было семь лет. В семье было восемь детей: три брата и пять сестёр.

Мать, Пудова Екатерина Михайловна, была в колхозе разнорабочей. Отец, Пудов Кузьма Герасимович, работал бригадиром, был коммунистом и часто рассказывал своим детям, какая в будущем будет хорошая жизнь. Он был бо-

лен и по этой причине на фронт его не взяли, а в колхозе приходилось много работать. В 1953 году отец умер в возрасте 56 лет. Мать осталась одна с семьей детьми. Старший брат 1920 года рождения ушёл на фронт и погиб.

Очень хотелось учиться. В школу ходили по очереди, на всех не было одежды и обуви. Не было света, писали на старых газетах. Братья и сёстры закончили семилетку, а младшая Мария – 4 класса. Нужно было как-то жить, зарабатывать.

Очень тяжёлые были послевоенные 1946-1947 годы. Голодали, ослабли, но выжили. В деревне остались одни женщины с детьми, все мужчины погибли, вернулся

только один.

Всех лошадей забрали на фронт, пахать землю было не на чем. Пахали женщины на быках, дети, что были постарше, им помогали. В 1950 году тяжело болели тифом.

В мае 1945 года в школе учитель объявил, что кончилась война, и всех отпустили домой. Радости не было конца. С тех пор самые любимые праздники: День Победы и Пасха.

С 15 лет работала техничкой в школе. Рассказывать о своём детстве и о тяжёлом времени без слёз невозможно.

Эльчиев Владимир Адильевич

Годы войны и мира

Своим рождением я обязан пресловутому «голодомору» 30-х годов, поразившему неурожайными годами цветущую Кубань и приведшему в этот благодатный южный край страшный голод, истребивший большую часть населения. Моя мама, Коваленко Пелагея Михайловна, (1917-2000) из семьи кубанских казаков, живших в станице Владимировской Краснодарского края, в 1933 году, самом страшном из голодных лет, потеряла родителей, умерших от голода. Ей тогда было шестнадцать лет, и вместе со старшими братом и сестрой они стали искать способ выжить.

От своего отца Михаила Ивановича Коваленко, который несколько лет ещё в царское время прослужил в казачьих войсках в Закавказье, они слышали о тёплом и богатом Азербайджане. Когда мне было лет тринадцать, я прочитал очень интересную и трогательную повесть А.С.Неверова «Ташкент – город хлебный», описывавшую такую же историю с парнишкой Мишкой Додоновым, уехавшим от кубанского голода за хлебом в Узбекистан. Я читал книгу со слезами на глазах.

Старшая мамаина сестра Анна с мужем уехали первыми в южную республику и поселились в городе Гяндже (после убийства в 1934 году С.М.Кирова го-

Фото семьи в июле 1941 г.

род стал называться Кировабадом). Поля вместе с братом Тимофеем приехали в Баку и здесь почему-то решили разделить, -- брат поплыл на пароходе через Каспийское море в туркменский Красноводск, а моя мама уехала поездом в Гянджу к сестре Нюре. Впоследствии Тимофей вернулся в Армавир к материнской родне.

Поля стала работать на ткацкой фабрике и через пару лет встретилась с моим будущим отцом. Азербайджанец Адиль Эльчиев (1911-1961) был на шесть лет старше, хорошо владел русским языком, окончил фабрично-заводское училище в Баку, поработал помощником машиниста на паровозе. Несколько лет он даже проучился в ленинградском Горном институте, но по семейным обстоятельствам вернулся в Кировабад, затем выучился на художника-графика.

Симпатичная пухленькая русская девушка ему очень понравилась, он долго за ней ухаживал, и в 1936 году они поженились гражданским браком, без регистрации. Жили очень бедно, снимали комнату. В 1937 году отец стал работать пионервожатым в элитном пионерлагере в пригороде Кировабада в селении Аджикенд. В его отряде был Фикрет Амиров, ставший впоследствии знаменитым азербайджанским композитором. Лагерь располагался на берегу красивейшего горного озера Гейгёль (по-русски Голубое озеро). Вот здесь-то на прекрасной природе где-то в сентябре 1937 года и суждено было мне быть зачатым (почти как в песне моего ровесника В.Высоцкого «час зачатия я помню неточно»).

Я родился 17 июня 1938 года там же в Аджикенде, а через год мои родители переехали в небольшой городок Евлах, который находится на железной дороге, связывающей Баку и Тбилиси, ровно посередине этого пути в центре Азербайджана. В этом городе я прожил до 1956 года. Кстати, не так давно я узнал, что именно на этой станции Евлах родился известный священник, учёный и философ П. А. Флоренский (1882-1937). Его отец, инженер-путеец, тогда строил эту железную дорогу в Закавказье.

Когда началась война, мне было три года, через месяц отца призвали в армию и направили в зенитное училище в Баку. Я смутно помню, как мы пошли в местную фотографию и сделали этот прощальный снимок. Как я понял впоследствии, мама моя тогда была беременна, и 17 января 1942 года у меня появилась сестричка Валя. Незадолго до родов мама решила съездить со мной к отцу в Баку. Мы нашли его где-то на полевой учёбе, и я хорошо помню, как отец посадил меня на сиденье зенитной пушки, оно было металлическое и очень холодное.

Когда сестре было полгода, мама снова пошла с нами в ту же фотографию и сделала фото на память, чтобы послать отцу. Это всё, что осталось у меня от сестрёнки, которая вскоре умерла от простуды.

Хороших лекарств тогда не было, а зима 1942-43 годов была очень холодной и есть было почти нечего. Это-то я запомнил на всю жизнь отчётливо. Ясно помню маленький гробик из деревянного ящика, личико сестры среди цветов олеандра. Мамин знакомый слесарь смастерил из обрезков водопроводных труб небольшой крест, приклепал к нему сверху звёздочку. Потом при каждом посещении могилки мать заставляла меня эту звёздочку целовать.

Несмотря на то, что мама почти круглосуточно работала в городской хлебопекарне, в доме часто не было ни крошки хлеба. Зарплату ей выдавали раз в неделю двумя буханками чёрного хлеба, а на рынке такая буханка тогда стоила сто рублей, это было очень дорого. Я часто находился рядом с матерью в пекарне, потому что устроить меня в детский сад она не смогла. Я спал на мешках с мукой, видел, как по ночам пекут хлеб в жестяных формах, смазываемых машинным маслом. Глухонемой пекарь Муса очень ловко деревянной лопатой укладывал десятки форм в большую пылающую печь на угли. Когда горячий хлеб выгружали, никто не смел отломить мне даже кусочек от буханки. «Оскрёбки» хлеба, наплывшие на края формы и обгоревшие в печи до черноты, бросали в бочку с водой, получался хлебный квас, который разрешалось пить всем и мне тоже.

Все продукты во время войны распределялись строго по карточкам, и уже с шести лет мне часто приходилось стоять в длинных очередях у хлебного магазина, чтобы получить наши полбуханки чёрного кислого хлеба на двоих. Карточки на хлеб были самым драгоценным, что нужно было беречь, как зеницу ока. Мама всегда меня строго предупреждала, чтобы я их не потерял и чтобы их у меня не украли. Отменили карточки только в 1947 году, тогда же выпустили новые деньги.

Я сейчас не могу вспомнить, что мы тогда ели на завтрак, на обед и на ужин. Кажется, таких понятий даже не было в помине. Просто когда голод становился нестерпимым, пили кипяток с кусочком хлеба и маленькими конфетками-подушечками с повидлом внутри. Это тоже был страшный дефицит, для чаепития мама варила из сахарного песка твёрдый коричневый сахар. Часто она делала из муки с водой невкусную густую кашу, называя её «мамалыгой». Хорошо помню наше детское лакомство – жмых, мы называли его макухой, которым кормили домашний скот, а мы умудрялись украсть кусочек. Это была просто прессованная кожура от семечек, после отжатия из них масла. Жмых бывал жёлтый подсолнечный (более вкусный) и хлопковый, жесткий и горький, темно – коричневый.

Иногда вместо обеда мама наливала мне в блюдечко немного постного масла, я макал в него кусочки чёрного хлеба и вроде бы был уже сыт, не болел живот. От такого питания рос я, можно сказать, дистрофиком, был очень

С сестрой Валей в 1942 г.

маленьким и худым. Врач фиксировал «малокровие» и рекомендовал матери покупать мне в аптеке ириски гематогена. Это уже было неслыханной роскошью, но есть их мама разрешала только по одной ириске в день. От друзей-мальчишек я узнал, что можно есть из, скажем так, «подножного» корма: всякие корешки, травки, стручки акации, ягоды шелковицы (тутового дерева), которыми была засажена центральная улица города. Очень часто я собирал на рынке с земли огрызки яблок, арбузных корок и тем утолял журчание в желудке. Иногда, правда, от такой пищи живот сильно болел. Помню, как очень редко по карточкам детям выдавали американский яичный порошок и мясные консервы-тушенку.

Однажды, когда мамы не было дома, а голод стал просто невыносимым, я нашёл в тумбочке единственное из съестного, кастрюльку с томатной пастой. И ещё там в мешочке лежали конфеты-подушечки. Я, не задумываясь, съел и то и другое сразу. Мне стало так плохо, что даже не помню, чем всё кончилось. Очнулся вечером, когда пришла мама и дала мне «хорошего ремня». Может быть, поэтому через много-много лет я иногда мучился гастритом. Теперь я понимаю, как рвал сердце своей маме своими тогдашними ежедневными вопросами: «Мама, а что мы завтра будем кушать?» Она, неизменно, спокойно отвечала: «До завтра надо ещё дожить».

Время от времени мама вместе с двумя-тремя подругами ходила в окрестные азербайджанские сёла выменивать кое-что из одежды на хоть какую-то пищу. Обычно ей удавалось принести домой лишь зачерствевшие и позеленевшие от плесени кусочки чуреков (лепёшек). Я хорошо запомнил вкус и запах заплесневшего хлеба, пришлось много его поест. Спустя годы я узнал, что из такой плесени научились делать ценное лекарство – пенициллин. Может быть, поэтому я в детстве мало болел? Кстати, несколько слов о пенициллине. 25 декабря 1947 года родилась моя сестра Валида и вновь, как и первая Валя, через полгода заболела воспалением лёгких. Её положили в больницу и сказали отцу, чтобы срочно, любыми путями, добыл только что появившийся и очень дорогой пенициллин для уколов. Сестрёнку тогда удалось спасти, сейчас ей 70 лет, она живёт в Москве.

В зиму было очень холодно, и мы с младшим братом Геной (он родился в 1944 году) сильно мёрзли, так как тёплой одежды и обуви у нас не было. Мама сама сшила мне простенькие рубашки и шаровары из тёмно-синего сатина, которые почему-то называла «фин-ки». Может, эти штаны пришли к нам после финской войны 1939 года?

Летом в жару мы бегали по улицам в одних трусах и босиком. Зной зашкаливал за сорок градусов, все пацаны были чёрные как тараканы. Играли в футбол тряпичным мячом, в чехарду, в «чижика», в прятки и в «войну». Из кучочка овечьей кожи с шерстью мастерили «ляngu» с лепёшкой свинца и ловко подкидывали её ногой вверх, кто выше, тот победил.

Свинец выплавляли в консервной баночке на костре из пластин брошенных автомобильных аккумуляторов. Собирали на улицах спичечные коробки, отрывали от них этикетки, хвастались, кто больше и красивее собрал. Вот такие были у нас забавы.

Чтобы спастись от холода зимой, мама сама соорудила небольшую кирпичную печку. До этого мы обогревали комнатку керосинкой, хорошо помню постоянный её запах. Освещение тоже было от керосиновой лампы. Упаса Боже нечаянно разбить её тонкую стеклянную колбу, лампа превращалась в коптилку. Дрова стоили очень дорого, и часто мы с мамой ходили в лес за рекой Курой (это несколько километров от города) за хворостом. Рубить деревья и даже толстые ветки строго запрещалось, за этим следили лесники, их очень боялись по военному времени, но мама всё-таки брала с собой топор, прятала его в вязанку валежника и туда же несколько срубленных веток толще, одним хворостом ведь печку не натопишь. Уже с четырёх лет я тоже носил за спиной маленькие вязаночки хвороста и, чувствуя своё «мужское» самолюбие, просил маму сделать вязанку больше.

В пути мы несколько раз садились на вязанки и отдыхали. Чтобы печь грела дольше, мама ходила на железнодорожные пути в места, где кочегары паровозов очищали топки, и выбирала из шлака кусочки несгоревшего каменного угля. Она с трудом притаскивала домой пару вёдер тяжелого угля, и нам его хватало на неделю. Хорошо, что зимы в Евлахе были короткие, снега было очень мало, когда он вдруг выпадал, я радовался и ел его с сахаром, как мороженое.

Отец мой до 1944 года служил зенитчиком в Тбилиси, у него даже была медаль «За оборону Кавказа». Я хорошо помню, как вдруг однажды под новый 1944 год он появился у нас среди ночи. То ли его тогда отпустили домой на побывку, то ли он был в самовольной отлучке, потому что прятался от соседей, не знаю. Мне он привёз в подарок деревянного коня на колёсиках. Ещё отец привёз свои поношенные гимнастёрки и чёрные солдатские обмотки, из них мама потом сделала мне страшно неудобные чулки, обрезав и подшив концы обмоток. Из кусков гимнастёрок она сшила мне военную форму, рубашку, галифе и пилотку, которую я гордо носил и в которой опять же был сфотографирован.

А через девять месяцев, в сентябре 1944 года родился мой брат Геннадий. Мне уже пришлось быть ему нянькой, мама работала, а нас оставляла одних дома. По-прежнему было голодно, помню, что были такие моменты, когда мать кормила маленького жёванным хлебом, завернутым в марлю, вместо бутылочки с соской, которой кормят младенцев сейчас. Вскоре после рождения брата ему делали какую-то прививку уколом в попку, и по вине недобросовестной медсестры возник абсцесс, маму с братом положили в больницу Кировабада, сделали операцию. А я несколько дней был дома совсем один под приглядом соседей. У брата на всю жизнь остался шрам на ягодице, сейчас ему 73 года, живёт в Севастополе.

Весной 1945 года отца из Тбилиси перебросили на фронт в Восточную Пруссию. Он участвовал во взятии Кенигсберга, награждён за это медалью, но провоевал недолго, был ранен и контужен, конец войны застал его в госпитале. А уже в августе он попал в войска, направленные против японцев, но повоевать там не успел, третьего сентября война кончилась, хотя медаль «За

Я в военной форме

победу над Японией» тоже получил. Всего у отца было пять медалей, я любил их рассматривать.

Окончание войны я помню отлично, мне было почти семь лет. Мама показывала мне газеты с фотографиями разгромленного Берлина, с нашим танком «Боевая подруга» на улице фашистской столицы, потом с солдатами, водружающими флаги над рейхстагом. По всему чувствовалось, что осталось «ещё чуть-чуть». И вот она, наконец, долгожданная Победа! Все вокруг смеялись, обнимались и поздравляли друг друга. Многие плакали, видно, у них кто-то погиб... Я спрашивал, когда приедет отец, но мать ничего не могла сказать. И я продолжал писать ему детскими каракулями письма, рисовал в них танки и самолёты с красными звёздами, сворачивал их треугольниками, а мама бросала их в почтовый ящик.

Летом 1945 года маме стало совсем тяжело с двумя детьми, и она решила отвезти меня в Армавир, где тогда жил её старший брат Тимофей, вернувшийся с войны инвалидом. Город сильно пострадал во время немецкой оккупации от бомбёжек и обстрелов. Особенно поразил меня разгромленный вокзал, я ведь до этого не видел следов войны. Впоследствии, вплоть до 60-70-х годов я часто бывал в Армавире проездом на Кубань к матери, поселившейся с 1956 года после развода с отцом в своей родной станице Владимировской (70 км от Армавира) вместе с моими братом и сестрой.

Прожил я у дяди до весны 1946 года, первого сентября 1945 года пошёл в армавирскую школу. Когда вернулся домой демобилизованный отец, он послал маму меня забирать обратно. Хорошо помню, что денег на обратный проезд у матери не было, и мы ехали с ней от Армавира до Баку в солдатской теплушке воинского эшелона, который часто подолгу стоял, и мама бегала в поле с котелком за снегом, чтобы меня напоить. Я страшно боялся, что она отстанет от поезда, если он вдруг тронется. Солдаты, которые её пустили в вагон, чтобы доехать домой, меня успокаивали: «Не бойся, малец, не пропадёт твоя мамка!»

В 80-х годах мама уехала с Кубани к дочери в Москву, где прожила до конца жизни, она умерла в декабре 2000 года.

С 1946 года я стал учиться в железнодорожной школе станции Евлах, в которой во время войны размещался военный госпиталь. В этом госпитале мне однажды делали операцию на лице, удалив золотушную опухоль, от которой остался шрам под глазом. Школа была очень бедная, писали мы грифелем на чёрных дощечках, на газетах между строчками, потом появилась очень тонкая рисовая бумага с японскими иероглифами. Классы отапливались высокими чёрными печами, вделанными в стену, отчего всегда пахло дымом.

Учиться мне нравилось, в каждом классе я получал похвальные грамоты, все десять штук у меня до сих пор сохранились.

В 1955 году я был кандидатом на золотую медаль, но получил серебряную из-за нелепой ссоры с учительницей литературы, которая отомстила мне, пропустив вперёд свою фаворитку, мою одноклассницу, при утверждении медалистов в вышестоящей инстанции. Мне сказали, что я слабо отразил роль партии в сочинении про «Молодую гвардию», за что поставили четвёрку. Интересно, что несколько месяцев спустя история повторилась в Москве, при моей попытке поступить

Похвальная грамота

в МАИ. Я не поставил единственную запятую в анкетных данных на бланке сочинения по литературе, за что получил четыре. С тех пор ставлю запятые даже в адресах на почтовых конвертах.

Из школьных лет осталось в памяти, как мы с четвёртого по десятый класс каждую осень два, а то и три месяца не учились, а работали на уборке хлопка. Ежедневно с раннего утра нас увозили на грузовиках далеко от города на хлопковые поля и поздно вечером привозили обратно. Это было и в палящий зной, и в дождь, и в слякоть. Каждый раз мама переживала, что мне дать поесть в поле. Обычно это были просто бутерброд и бутылка воды. В каждой южной и среднеазиатской республике дети были тогда «хлопкорабам». Мы работали даже на полях, подвергнутых химической обработке с самолёта ядовитыми растворами от вредителей и для удаления листьев хлопчатника. Посылали на уборку и студентов, проводили даже облавы на рынках и улицах города, всех праздно шатающихся везли на поля. Хлопок был сырьём стратегическим, из него делался порох. Все руководители республик знали горькое правило жизни по поводу хлопка: «Не посадишь, – тебя посадят, не уберёшь, – тебя уберут!»

В 1949 году нашей семье из пяти человек дали другое жильё, из крохотной комнатки мы перебрались в маленькую двухкомнатную квартиру в одноэтажном глинобитном домике на краю Евлаха. Здесь был небольшой дворик, и мама, будучи по натуре селянкой, решила улучшить наше полуголодное существование, сколотила из ящичных дощечек и фанеры небольшой сарайчик, стала держать в нём кроликов, затем поросёнка. Мне нужно было обеспечивать их кормом. Я собирал траву и ветки деревьев, ходил с ведром в столовую за помоями. Потом у нас появились куры, насест для них был в коридорчике дома.

Мама научила меня резать кур ножом, и как ни было их жалко, приходилось, скрепя сердце, это делать.

Отец мой А.Г. Эльчиев работал в редакции местной районной газеты, с 1952 года стал её редактором, мама была наборщицей в городской типографии. После школы я постоянно там находился, научился набирать в верстатке тексты из свинцовых литер, печатать двумя пальцами на пишущей машинке. Удивительно было то, что в типографии работали русские женщины, освоившие набор азербайджанского текста газеты. Очень интересно было смотреть, как печатала газеты большая американская машина с названием «Цинциннати»

Книга «ЛОЗА»

Редакция выписывала много газет и журналов, я с малых лет был окружён печатной продукцией, с удовольствием читал журналы «Огонёк» и «Крокодил». Отдельно отец выписывал детские издания – «Мурзилку», «Затейник», «Пионерскую правду», покупал нам книги. Когда он ездил в командировки в Баку и спрашивал, что привезти, я неизменно просил интересные книжки. Любовь к книгам сохранил на всю жизнь, у меня собралась богатейшая домашняя библиотека.

Отцовские гены, видимо, и привели меня самоучкой в журналистику. Более полувека я сотрудничаю с нашей районной газетой «Вперёд», регулярно печатался в нашей поселковой газете «Лозовские ВЕСТИ». Мои статьи были и в местных журналах «Кстати» и «Город», и в областных газетах, я участвовал в передачах местного телевидения и радио.

Благодаря инициативе и помощи генерального директора нашего предприятия ОАО «ОК ЛОЗА» В. Е. Кулешова я подготовил и осуществил два издания интересной краеведческой книги «ЛОЗА» о нашем предприятии и посёлке.

А от своей мамы я унаследовал любовь к музыке, к русским народным и советским песням. В раннем детстве у меня не было возможности слушать радио, но по вечерам во время шитья или вязания мама всегда пела народные казачьи песни и появившиеся во время войны замечательные песенные шедевры. Я заслушивался её пением и запоминал такие песни, как «Скакал казак через долину», «Хаз-Булат удалой», «По диким степям Забайкалья», «Катюша», «Тёмная ночь», «Огонёк», «В землянке» и многие другие. Особенно трогала мою душу, чуть не до слёз, песня «Степь да степь кругом» про замерзающего ямщика...

В новой квартире у нас уже была радиоточка, на стене висела чёрная бумажная тарелка репродуктора, и я пристрастился слушать музыкальные передачи, концерты известных певцов – Утёсова, Шульженко, Руслановой, Лемешева, Козловского, Рашида Бейбутова, Михаила Александровича и других. В 1952 году мама купила на «толкучке» патефон и стала регулярно покупать в культмаге грампластинки по три рубля за штуку. Это уже была для меня возможность слушать и петь самому, подражая красивым голосам, больше всего я полюбил сладкоголосых теноров, у меня ведь тоже голос лирического тенора.

С детства, ещё по радиоконцертам из Баку, мне понравилось изумительное пение замечательного артиста Михаила Давидовича Александровича (1914-2002), я люблю его вокальное искусство уже на протяжении семидесяти лет. Маме он тоже нравился, она покупала все его пластинки, которые появлялись даже в нашем крохотном культмаге, потому что тогда они выходили миллионными тиражами. Через десятки лет, уже в 90-х годах мне посчастливилось завязать переписку с этим

Фото М. Д. Александровича с автографом

выдающимся певцом, кумиром советской эстрады 40-60-х годов. В 1971 году он эмигрировал из Советского Союза и сразу стал запрещённым в нашей стране.

Благодаря своему увлечению я познакомился с известным московским коллекционером звукозаписей Валерием Сафошкиным (1945-2005), получил от него в подарок множество редких записей прекрасной музыки, вместе с ним мы осуществили выпуск нескольких дисков и кассет М. Александровича, тем самым вернули на родину забытого певца. Я часто писал о своём кумире в газетах и журналах, посылал статьи и диски в Мюнхен, где жил тогда певец, и стал для него самым любимым и преданным поклонником. Он тоже подарил мне свои мемуары, несколько дисков, отвечал на мои письма. Бережно храню его фотографию с ценным для меня автографом.

После кончины Михаила Давидовича 3 июля 2002 года я поддерживал тёплые контакты с его семьёй – вдовой Раисой Леопольдовной, дочерью Илоной и её мужем. В 2013 году зять певца Леонид Махлис выпустил в свет уникальную монографию «Шесть карьер Михаила Александровича. Жизнь тенора», в которой рассказано и обо мне. На презентации книги в Москве я встретился (уже не в первый раз) с Илоной и Леонидом.

Вот так детское увлечение превратилось в сердечную дружбу с интересными людьми и обогатило мою жизнь знакомством с великим искусством. Спасибо за всё это моей маме П. М. Коваленко.

Из других школьных впечатлений запомнилась смерть И. В. Сталина 5 марта 1953 года. Несколько дней я прислушивался с замиранием сердца, как и все вокруг, к репродуктору, голосом Юрия Левитана сообщавшему бюллетени о состоянии здоровья вождя. Было очень страшно, а последнее сообщение о кончине невольно вызвало у меня слёзы. Все вокруг ходили убитые горем,

не зная, что же будет теперь со страной. Я в числе других отличников учёбы несколько раз стоял в почётном карауле у бюста Сталина в нашей школе.

В день похорон 9 марта всех школьников собрали на траурный митинг, мы слушали выступления по радио Хрущёва, Маленкова и Берию.

С Илоной и Л. Махлисом

В 1954 году мы праздновали очень широко 300-летие воссоединения Украины с Россией. Тогда популярна была книга Натана Рыбака «Переяславская Рада» об освобождении Украины от турецкого ига и о знаменитом гетмане Богдане Хмельницком, памятник которому пока ещё стоит в Киеве. В ознаменование этой даты Н. С. Хрущёв подарил Украине Крым, что многими тогда было воспринято отрицательно, об этом нам рассказывал наш учитель истории. И вот только теперь мы стали свидетелями исторического возвращения Крыма в состав России, вплоть до строительства уникального моста между ними.

Я подробно рассказал о своём военном детстве и школьной послевоенной юности. Правда, решил умолчать о своих многих подростковых и юношеских влюблённостях, так как на всю жизнь остаюсь верным одной единственной, моей любимой жене Але, с которой мы прожили вместе уже 58 лет.

В 1955 году я поступал в Московский авиационный институт, но сдал все шесть экзаменов на четвёрки и не прошёл по конкурсу. Для поступления в МАИ надо было быть золотым медалистом либо сдать все экзамены на пятерки. Вернувшись домой, я проработал год в своей школе лаборантом химбиокабинета, был избран секретарём комитета комсомола. В 1956 году уже без экзаменов, как медалист, поступил в Политехнический институт в Баку, который окончил с отличием в 1961 году. В 1957 году влюбился в свою одногруппницу Алю Фарзалиеву, в 1960 году мы поженились и вместе приехали по распределению в Загорск, в посёлок Лоза, который стал нам второй родиной, работать на прославленном на весь Советский Союз производстве приборных шарикоподшипников.

У нас трое взрослых детей, пять внучек и один внук Артур.

С 1961 года и до конца 2017 года я проработал на одном и том же предприятии, сделал карьеру от инженера до начальника крупного исследовательского отдела. Последние годы работал ведущим инженером-исследователем по конструктору. Если читателям интересны подробности моей жизни, можно почитать в газете «Лозовские ВЕСТИ» (она есть на сайте

Лозовского поселения) мои воспоминания «Полвека в родной Лозе».

Горжусь своей причастностью к созданию и развитию производства высочайших гигроскопических подшипников, без которых не было бы наших успехов в ракетно-космической отрасли науки и техники, в авиационной и судостроительной промышленности, в приборостроении и во многих других отраслях. Как-то я написал такой стишок: «Без наших подшипников, как ни крути, корабль не найдёт в дальнем море пути, ракета не взмлет в бездонную высь, и зубы лечить не возьмётся дантист!»

Ярина Елизавета Сергеевна

Я, Ярина Елизавета Сергеевна, в девичестве Вершинина, родилась в 1932 году в деревне Тириброво Александровского района Владимирской области в семье служащего. Отец, Вершинин Сергей Александрович, 1901 года рождения, работал бухгалтером в лесничестве, мать, Елизавета Ивановна, 1901 года рождения, всю свою жизнь работала в колхозе.

Семья была большая, 9 человек: папа, мама, дядя Николай (брат папы) и нас, шесть человек детей (Лидия-1926 г.р., Нина-1929 г.р., Елизавета-1932 г.р., Людмила-1936 г.р., Маргарита-1938 г.р. и Тамара-1941 г.р.). Спать приходилось на полу, на матрасах, набитых соломой. Кроватей всем не хватало. Имели свой дом, огород, подсобное хозяйство. Огород был огромный, папа с мамой копали землю и сажали

овощи, а обрабатывали огород мы, дети. Воду для полива овощей брали в пруду, который был в нашем огороде.

Когда началась война, мне было 9 лет. Отца на фронт не взяли из-за близорукости. Всю войну он был на трудовом фронте. Несколько раз уезжал в Балакирево и отсутствовал месяца по три. Там рубили лес на заготовку для прикладов к автоматам.

В 1940 году был хороший урожай зерновых, в 1941 году хлеб ещё был, а уже в 1942-1943 г.г. запасов хлеба не осталось. Питались только картошкой, молоко и яйца из своего подсобного хозяйства отдавали государству. В колхозе работали одни женщины. Всех лошадей забрали на фронт. Пахали землю женщины, две впрягались в соху, а одна шла сзади. Мы, дети, всегда помогали колхозу: летом сушили сено, пололи овощи, поливали гряды с капустой, гряды были метров по триста длиной. 1 сентября ходили в школу – учились, потом школу закрывали, и мы работали в колхозе: сначала лен дергали, потом картошку выбирали, дальше начиналась молотья зерна. После уборки зерновых всей школой ходили собирать колоски в поле для сдачи государству.

Хорошо помню, как мимо нашей деревни гнали в эвакуацию гурты скота, красивых крупных коров. Помню, как отступали наши войска осенью 1941 года. Шли непрерывным потоком солдаты и техника. В нашем доме каждую ночь останавливались на ночлег и обогрев по 20 человек солдат, мама им стирала и штопала одежду. Младшей сестре Тамаре тогда было всего два месяца, она плакала, и один из солдат взял ее на руки и ходил с ней по комнате, укачивал, наверное, у него у самого дома остались такие же малыши.

Никогда не забыть 6 декабря 1941 года. Мы сидели дома одетые, ложиться спать боялись и все надеялись, чтобы только немец не прорвал нашу оборону. Все небо было в лучах прожекторов, над нами летали самолеты, стоял сильный гул: шёл сильный бой под Дмитровом. Наши войска сдержали оборону и пошли в наступление, погнали фашистов в обратном направлении и потянулись через нашу деревню колонны наших солдат в противоположном направлении. Вели пленных немцев, несколько человек оставили для помощи колхозу, поселили их в соседнем доме.

В школу я пошла в 1940 году, училась хорошо, а в 5 класс нужно было ходить в школу на Красное Пламя за 7 километров. Обуть и одеть было нечего. Мама сшила мне платье из занавесок. Осенью босиком ходили за клюквой, в болоте я застудила ноги и в школу ходить не стала.

Послевоенные годы были тоже очень голодными. Как-то утром мы проснулись, а наши руки, ноги и лица отекали от голода. Нас с сестрой Ниной отправили в ремесленное учили-

ще №22, которое располагалось на улице Кирова в Загорске. Мне было тогда 14 лет, сестре Нине – 17. В училище давали 700 граммов хлеба каждый день, 200 граммов утром и 500 – в обед. Кормили щами из крапивы, в которых попадались червяки. Жили мы в общежитии. В училище выдавали нижнее белье, одежду, обувь, но на меня обуви не было, таких маленьких размеров не шили. Ходили в гимнастерках и шинелях. Каждые 10 дней водили в баню. Вместе с нами учились мальчишки, которые в годы войны воевали в партизанских отрядах – боевые ребята. Щи с червяками они кушать не хотели, выливали все из тарелок на стол и строем уходили из столовой голодными. Потом им приходилось продавать на рынке свой паёк хлеба и покупать на эти деньги что-то покушать.

В училище день учились – день работали. В 1948 году, через два года учебы, мы с сестрой получили специальность оптик – универсал. После окончания училища работали на ЗОМЗе. Поселили нас в Лавре, жили в комнате по 28 человек. В 1956 году от завода ездила на целину, имею почетную грамоту за участие в уборке целинного урожая. В общем трудовом стаже 40 лет, которые я отдала ЗОМЗу. Всегда работу делала на совесть, план выполняла на 200%. Мой портрет всегда висел на доске почета. Имею медаль «За долголетний добросовестный труд».

Как бы хорошо сейчас не жили, но вспоминается самое лучшее время – детство, голодное, холодное, но самое счастливое. Жили трудно, но всегда дружно, с песней, помогая и поддерживая друг друга.

Воспоминания жителей г. Краснозаводск

Из личного архива
Самсонова Владимира Ильича

Антонов Николай Иванович

Моего отца, Антонова Ивана Федосеевича, 1889 г. рождения, в 1914 г. взяли на фронт. В Польше под Августовом его серьезно ранило. После ранения у него одна нога стала короче другой на 11 см. По профессии он был жестянщиком высшего класса. Работа его имела большой спрос. Жили они с матерью до того, как приехать на завод, в Сергиев-Посад. Отец его был токарем. У него стоял станок в мастерской. У деда было 14 детей. Когда отца ранило в Польше, немцы подобрали его и поместили в госпиталь. В госпитале он пробыл 9 месяцев. В 1915 г. был обмен военнопленными. В этот обмен попал и отец.

Мать моя из деревни Лискино, это рядом с Иудино. В Сергиевом-Посаде она работала в няньках. В 1918 г. мать с отцом на своей лошадке приехали на снаряжательный завод. Комнату им дали в даче №2 на Студянке. Сегодня в этой даче больница. В то время на поселке Студянка было восемь дач. В 1920 г. родители переехали на «Петухову» дачу. «Петухова» ее назвали потому, что на шпиле был петух, а под ним надпись «1916». В 1916 г. в ней проживал директор завода Рдултовский В.И. После его ареста жил Гедымин В.К. Поселили родителей в большую комнату на первом этаже. В этой комнате в 1920 г. я и родился. Печь в комнате была украшена кафелем. Она была большая. На кухне была своя печь.

Вокруг дачи росло много дубов. Спустишься к реке, а она протекала прямо около склона, бежишь к купальне. Купальня располагалась около «Черного бочага». В то время в реке было много рыбы.

Осенью 1930 г. я пошел в 4 класс. Школа располагалась на Нижнем поселке. Мы еще жили на Петуховой даче. В школу ходили целой ватагой оврагом. Однажды, возвращаемся с ребятами из школы, поднимаемся к Петуховой даче, видим сильный дым, а это мой младший брат поджег листву, а сам в кладовке спрятался. Приехали пожарные на лошадях и потушили горевшую листву. Телега и бочка пожарного обоза были выкрашены в красный цвет, в упряжке было две лошади, у пожарных были блестящие каски.

Нас у родителей было трое ребятишек. Жили бедновато. Мать работала в цехе № 5, отец работал. Сахар продавался кусковой, куски были с пол-литровую банку. Сахар запирали в верхнем ящичке комода. Булочка французская стоила 7 копеек, конфеты «подушечка» стоили 1 руб. В клубе на горе была библиотека, бильярдная, драматический кружок. Был великолепный духовой оркестр. В то время были духовые оркестры в клубе, воинской части и пожарной команды.

В клуб на горе приезжал Сладкопевцев – тенор. МХАТ ставил оперетту «Продавец птиц». Приезжал Тарханов. Однажды из Москвы приехало 200 артистов, говорили Большой театр. Спектакль был грандиозный, билет стоил 30 коп. Мы лазали через чердак.

После школы всегда заходили на конный двор, там рос крупный боярышник. Мякоть у него нежная и сладкая. Ели его с наслаждением.

В 1936 г. стадион был открыт, мы ходили играть в волейбол. Зимой всем классом ходили на каток.

У нас была пионерская организация. Нам выдали пионерскую форму: синяя блузка, красный галстук. Мы ходили в походы. Это было, когда я учился классе в 5 или 6-ом.

В 1939 г. я закончил 10 классов в школе №3 пос. Возрождения. Наш выпуск был вторым из этой школы.

В 1939 меня призвали в армию. На финскую войну я не попал, так как 13 марта 1939 г. было подписано перемирие. Наш эшелон двигался в Ленинград. Не доехав до пункта назначения, мы развернулись на Белоруссию. Нас 24 человека здоровых, крепких парней, от Загорского военкомата направили учиться в летную школу Мелитополя. Дело было к осени. В Мелитополе нас поселили в палатке на сто коек. Мы проходили медицинскую комиссию, медицинский отбор был тщательным и строгим. Я запомнил одно испытание. Поднимаешься по винтовой лестнице высоко вверх, выходишь на маленькую площадку, и тебе говорят: «Прыгай вниз». Посмотрел я вниз, сколько поднимался вверх, столько же лететь вниз в свободном падении. Вокруг все зашторено, полумрак. Страшно. А сам думаю: «Не может быть, что на смерть посылают». Прыгнул. А там всего полметра от площадки до места приземления. Это эффект зеркал создавал высоту. После прыжка сразу смотрят давление и пульс.

В первую мировую войну, мой отец был у немцев в плену. В конце тридцатых у нас с немцами отношения плохие были. И что получалось? Мандатная комиссия, пока мы проходили мед.осмотр дознавалась: «Кто? Что? Когда? Почему?» Из 24 человек призванных, прошли только 7. Кто не прошел по здоровью, у кого родич кулак, у кого помещик, кто просто неблагонадежный. Я сын пленного фронтовика. Такое время было, отец отвечал за сына, сын за отца. В тот набор с нашего завода в летную школу прошел Хохлов. Его в первый день войны под Харьковом сбили. Погиб.

Из нашего класса призвали на фронт 14 человек. Полный список есть в школе №7. С фронта пришло 7 человек. В настоящее время остались только Шахмистер А.Г., Калинин В.И., и я – Антонов Н.В. С войны я вернулся в июне 1946 г. Всю войну проехал за баранкой машины. Танкистом был. На второй день войны танк у меня погиб. Когда я вернулся с войны домой, мне от профкома завода дали талон на резиновые калоши. Есть фотография, я в шинели, а на ногах калоши.

Когда нас в октябре 1939 г., не прошедших комиссию, из летной школы вернули домой, меня сразу призвали в Красную Армию в танковые войска. Служил в Особом Белорусском округе – 4-я танковая дивизия, 8-й танковый полк.

В июне 1940 г. наш 8-й танковый полк перевели в Белосток. Это бывшая Польская территория. После договора с Германией Белосток отошел к СССР. Поляки нас ненавидели. Они боялись до смерти колхозов и Сибири. Отношение к нам было очень враждебное. Когда начались боевые действия с немцами, поляки стреляли нам в спину. Пока я там служил, ходили в патруль по городу по два человека. Из нашего дивизиона поляки зарезали троих патрульных. Был такой случай. Наш лейтенант зашел побриться в парикмахерскую и девушка-полячка, которая обслуживала его, перерезала лейтенанту горло.

Второй день войны. Наш танковый полк стоял под Гродно в пшеничном поле. С раннего утра немцы весь день бомбили наши позиции. К концу дня наш танковый полк был полностью уничтожен, мой танк в этой бомбежке сгорел. В первые дни войны все наши самолеты тоже были уничтожены. Нем-

цам в этот момент никто не противостоял. У нас приказ был: «Ни шагу назад, стоять до последнего». Целых два года войны мы не видали нашей авиации в небе. Хозяевами в небе были немецкие самолеты. Я говорю про то, что видел своими глазами. Они гонялись за каждой нашей машиной, за каждым человеком, только чтобы уничтожить. После такого разгрома нам, небольшой группе, пришлось отступить, выходили мы три с половиной месяца. Все дороги забиты горячей техникой, на обочинах убитые люди и лошади. Лето, температура 30 градусов жары. К концу дня трупы, как бочки, от разложения черные, вонь стоит от дыма и трупов. Паника была у населения и у солдат, которые отступали. Это сейчас говорят о быстрой дислокации. Я сам эту «быструю дислокацию» видел. Из окружения мы вышли под Смоленском, недалеко от Хатыни. Пока шли, питались, чем придется. В брошенных деревнях, что найдешь в огороде или в погребе, ягода уже пошла. Я был старшина, четыре треугольника в петличке, знаки различия сняли, только права оставил и пистолет. У каждого был котелок на ремне и ложка в сапоге. Все мы вышли с оружием. Нас отмыли, откормили, провели проверку, и всех – в пехоту. Техники не было. Штабу Западного фронта требовались шоферы. Права у меня были с собою, так я попал в шестой полк охраны штаба Западного фронта. Было 15 машин ГАЗ-2А, полуторка, и всегда все в разъезде по штабным вопросам.

К Вязьме немец подошел быстро, чтобы не попасть в окружение, штаб дислоцировался в Вязьму, станция Касня. Однажды немецкий самолет-разведчик кружил, кружил и нагнал на нас 125 самолетов. Штаб разбомбили в пух и прах. Меня в землянке засыпало, контузило, я был глухим месяца два. Наши машины стояли в лесу, моя осталась целой, она была в березнике замаскирована. А вот землянку, санчасть – в ключья. Там были раненные и две девушки санитарки, так и костей не нашли ни от кого. Вот такие мощные бомбы сбрасывались с немецких самолетов (250-500 кг). Утром командование отдало приказ: «Двигаться на Москву». Собрали все, что осталось от штаба – и в путь. Остановились в Перхушково в здании Политической Академии Красной Армии. Здесь мы окопались для защиты Москвы. Я подвозил снаряды, продукты и водку. Морозы стояли под -40°C. За шесть месяцев в боях под Москвой немцы потеряли 15 000 автомашин и другой техники, 23 000 орудий, 2 700 танков. И вот появились сибиряки и «Катюши». С 6 декабря 1941 г. немцев погнали от Москвы, это был разгром. С 566-ым автополком я прошел Смоленщину, Белоруссию, Литву, Польшу и Восточную Пруссию, был участником взятия Кенигсберга. За время войны потерял четыре автомашины.

Август 1942 г. Город Юхнов. Наши стояли на р.Ухра, мы на одной стороне, немцы на другой. Стреляли потихонечку друг в друга шесть месяцев. Когда немцы отступали, то все заминировали. Землянки у них были добротные, чистые, они из деревни привезли ковры на стены и половички на пол, на стенах картинки голых девиц из журналов. Все дороги были заминированы. Когда началось наступление, наши разминировали только середину дороги, больше не успевали. Саперы через р.Ухра стали строить мост, а берега этой реки очень крутые. На мою машину была погружена мука для хлебопекарни. Машина старенькая – ГАЗик. Когда проехал по понтонной переправе, дорога пошла в гор-

ку, машина заглохла и пошла неуправляемая вниз. Тормоза не держали. Солдаты видят такое дело, бревна под колёса машины стали бросать. Остановилась в двух метрах от воды. Меня на буксире вытащили на дорогу, поставили на обочину. Буксир тащат, а я стою на подножке и выруливаю на обочину. Выезжаю на обочину, только хотел остановить машину, вдруг сильнейший взрыв. Наехал на противотанковую мину. Я летел метров на восемь, все вокруг в муке, бело, как зимой после первого выпавшего снега. Меня контузило, оглох, пошевелил ногой, вроде жив. Если бы я сидел в кабине, то бы погиб.

Базлова Зинаида Алексеевна

Я уроженка села Выпуково. Отца звали Сергей Никифорович Базлов, а мать Мария Михайловна Корпустнова. Она из Троице – Нерли приехала сюда на работу, здесь познакомилась с отцом. Мать с 1904 года, а отец с 1900 года рождения.

Мать умерла в 1939 году. Лидка родилась в 1937, ей два годика было.

Мы жили с отцом. Потом ему присоветовали женщину. Но женщина такая не связывает семью, ни постирать, ни помыть, ни в доме прибрать. Пойду в школу, она печку топит. А отец скажет: «Поехал в рощу работать, уже колхоз был, а ты, Зинка, помоги матери». Я говорю: «Ладно, я приду в обед из школы и помогу». Надо постирать, а я до корыта не достаю. Две табуретки поставлю, на них корыто и начинаю стирать. Пойдём на колодец полоскать, руки забнут, плачу. Бывало с отцом пойду к колодцу: «Ты уж не отжимай, зима, руки застудишь». Потом я ему сказала: «Пап, я не могу больше так. Что это? Привёл себе нахлебницу». Я дерзкая была, до сих пор такая. Я в глаза люблю говорить, меня из-за этого не любят. Я говорю: «Привёз помощницу, должна в доме быть хозяйкой, постирать, зашить, что-то стоговить. Она ничего не делает, картошку в мундире сварит и всё, да хоть бы её почистила». И я заплакала: «Не хочешь, чтобы я жила с вами, я от вас уйду». А хватя и война началась, отца взяли на фронт в августе 1941года, а осенью мачеха от нас ушла. Мы остались вчетвером, мал- мала меньше, вся нагрузка житейская на меня легла. Я до четырёх классов училась в школе, которая находилась в поповском доме, потом выстроили кирпичную школу. Когда было мне учиться-то, Лидка маленькая, Вовка пошёл в школу и не знает часы. Ему надо с обеда идти в школу, а он не знает, когда идти. Витька учился тоже в новой школе. Я из школы бегу домой, с порога кричу: «Вовка собирайся, иди в школу».

А потом, какое уже ученье. Еды нет, а надо чем-то кормить. Я самая старшая. Нам на четверых 76 рублей платили за отца, как колхозной семье. Если бы была семья рабочая, как на заводе, больше бы получали. А что, деревенские дети кушать меньше хотят?

Пошла работать в колхоз доить коров и доила я буренок до 1948 года. Учеба моя закончилась на четырех классах.

Мы с братом начали работать в колхозе с раннего детства.

Работали за «палочки», а что они означали, я не знаю. Ходили в поле полоть, сколько соток выпалывали, столько и писали трудовой.

На трудовень получали очень мало. Узелочек принесу домой с тем, что дали

за год и всё. Когда я и брат работали, принесём мешка полтора зерна за год, это и есть заработок в колхозе. Давали корзину картошки. Считай, работали бесплатно, за «палочки». Выходных не было, всё как при барине.

Когда война началась, я стала хлопотать помощь. В школе был учитель русского языка Лавушкин Иван Николаевич, он из Можайска. Он мне и говорит: «Зина, есть в Загорске касса взаимопомощи. Семьям погибших на фронте должны выдавать материальную помощь. Я тебе напишу черновик. Что вам там дадут, я не знаю, но только меня не впутывай». Я доделистая была, переписала с его черновика заявление и поехала в Загорск.

Приехала на вокзал. До центра шла пешком. Как взошла в райисполком, на стене две огромные доски объявлений висят. Народ стоит и читает, какой номер кабинета тебе нужен, ты туда зайдёшь.

Прочитала, нашла кабинет, вошла, а нервы не в порядке, плачу, слезы не дают слова сказать. Одна из женщин, сидящих в этой комнате, говорит: «Что ты плачешь. Какое у тебя дело?» Дали мне выпить чего-то. Я успокоилась, думаю, что же плакать, дело надо решать.

Меня попросили сесть за стол и написать заявление. Заявление-то написала, а говорить не могу. За одним из столов сидел мужчина, наверное, начальник. Он спрашивает: «Как вы живёте? Что хорошего в деревне?» – «Вот так и живём». Я прямо, в открытую: «Украду дуранды, украду молока, приду домой и накормлю свою братию». Он и говорит: «Ну, а все же, как же вы утром, чем кормишь свою братию?» – «Как утром? С утра на дойке коров украду четыре литра и делю его на два раза. Утром сварю по две картошины и стакан молока на каждого. И на вечер так же. В обед дам по две картошины и щи пустые из капусты. А уж по честному-то говорить, капуста тоже ворованная». Теперь он и говорит: «Ну как же так жить?» – «Я не знаю как? Иногда, когда все ребяташки уснут, сяду около печки на лавку и плачу, чем кормить завтра? Встаю и иду на колхозное поле за капустой». Одна и говорит: «Как же так можно жить?» – «Живу тетенька. Не знаю, как сказать вам, как живу». Пока я была у них в комнате и рассказывала, как живем в деревне, никто не работал, слушали мой рассказ.

Дали мне талончик. За Лаврой было «Сельпо» – магазин. В магазине по талончику продали мне калоши. Они были большие, меньшего размера не было. Продали мне материал, тоненький красный и точки беленькие по всему полю.

После моего посещения мне стали к праздникам (к 7-му ноября и к 1-му Мая) талончики на товар давать. Помню, кремовый материал дали. Красивый, я ребяташкам по рубашке сшила. Ох! Они и рады были! В той комнате девчонки работали, чуть постарше меня. У них остаются талончики, кто даст на крупу, кто на песочек, кто на сахар. Всегда талончика два давали. Отоварю в сельмаге, ребяташки встречают, бегут навстречу. Я им отдам узелки с продуктами, они довольны, несут в дом.

Я стала хлопотать, чтобы отца вернули с фронта. Мне прислали из военкомата документ, что отец придёт в конце апреля или в начале мая. Из части, где он служил, начальник части прислал: «Отец ваш придёт в конце апреля». А в конце апреля была бомбёжка Смоленска. И всё, отца не стало. Так с того времени и до сих пор я в доме за хозяйку: нянька дай, нянька помощи, нянька

он дерется, нянька у меня штаны рваные». Сейчас все так и продолжается, где я могу взять, сама на пенсии, что я могу дать.

Как то на трудовни выдавали муку всем по 15кг, а нам с теткой Акулиной по 10 кг. Тетка Акулина старше моей матери была. Я пришла в правление: «Что-то всем по 15 кг, а нам с тетей Акулиной по 10 кг. Что это такое?» – заорала я и по столу стала стучать». Сейчас этими счётами все глаза повышибаю, счетоводы хреновые». – «Зинка ты что распсиховалась, дадут и тебе 15 кг». – «Вы дадите мне и Акулине. А не дадите, считайте, что вы попались с воровством».

От всего, что пережила, я стала наглая, стала требовать справедливости. Мне стали на праздники выдавать по 15 кг муки. Лавушкин – учитель говорил: «Зина-ида, поезжай в Загорск, я тебе напишу заявление, там тебе и детям чего-нибудь дадут». Я еду, мне хоть за деньги, но дадут. Однажды он сказал: «Зина, нынче правление будет. Ты приходи». Я приду, а мне из-за стола: «Зинка, ты зачем пришла?» – «Как зачем? Правление. Я что не могу прийти? Я колхозница, имею право присутствовать и знать, о чем говорите». Сижу, слушаю. Объявляют, этому дали столько, этому столько. Скажи им, что мне 10 кг, я не знаю, чтобы я сделала. В этом суровом и не справедливом обществе нужно только так. Отца нет, матери нет, кто за нас заступится. Спасибо учителю Лавушкину, если жив, то доброго здоровья ему. Он мне помогал. Напишет, всё расскажет, куда ехать и как говорить. «Если будут спрашивать, то ты говори так и так. Хорошо?».

Обидно, у всех родители, а я одна свою ораву кормлю и одеваю. Моя настырность, наверное, помогла выжить. В войну нам давали паёк 150 грамм ржи на день. Мы получали на каждого человека по 4,5 кг ржи на месяц. Хлеб нам не давали, мы получали зерном. Я подхвачу эти узелочки с зерном ржи и покачу на мельницу в Отраду.

Иногда сейчас вспоминаю, как я жила. Утром истоплю печку, две картошины и стакан молока на каждого без хлеба. В обед – щи пустые без картошки, просто капуста и вода, иногда подбелить молоком. Чай мы вообще не пили. Хлеб до осени не ели. Зерно по трудовням давали только после уборки урожая. В 1943 году всем семьям погибших стали давать коров, а мне нет. Пошла к учителю Ивану Николаевичу и плачу. Он говорит: «Не расстраивайся, сейчас составим с тобой заявление». Он мне быстро написал, а я переписала своей рукой. Поехала в Загорск, пришла в Райисполком и рассказываю: «У меня четверо в доме, мал мала меньше. Мать умерла, отец на фронте погиб, и нам нет коровы». «Когда же будут помогать таким, как мы, когда же появится совесть. Отец наш погиб, вот извещение». Меня выслушали и говорят: «Иди и не расстраивайся, корова в вашем доме будет».

Мне прислали бумагу из Загорска, что корова твоя. В 1943 году мне дали корову.

В колхозе была свиноферма. Я побегу туда, там котёл стоит, тётя Маня Фролова набрасает в котел дуранды, чтобы маленьких поросят вечером кормить. А я из котла вытащу, об котел стукну, отломлю кусок и принесу домой, разделю поровну, налью по 800 грамм молока, ребяташки мои и сытые. Вся жизнь такая. Воровать жизнь заставляла.

Когда нам дали корову, появились в доме деньги.

Я продам немного молока и куплю хлебушка. Если куплю кусочек, то разделю на четыре части. Молоко в войну стоило 50 рублей литр. Соль стоила 25 рублей стакан. Хлеб стоил 360 рублей буханка. А что я куплю на 76 рублей, которые мне давали за ребяташек. Я продам три литра молока на 150 рублей, это полбуханки, а мне надо еще соли купить, мыла, спичек.

Света у нас не было. Керосиновая лампа «пятилинейка». И до войны не было. Свет был только в д. Язвицы. Дали свет после войны. Черные тарелки-радио появились, мы уже с Леней жили, это муж мой Снагинов.

В войну фильмы не показывали. Девчонкой я с ребятами боевая была. Если ты со мной не говоришь, я сама к тебе подойду и познакомлюсь. Пятачок был, где раньше клуб стоял деревянный и сельсовет тут был. Сашка Родионов радиолу заведёт и пошли крутиться. Собирались по средам, субботам и воскресеньям, в 20-00 часов в клубе было кино, а после кино – танцы до 12 часов ночи.

Жарова тётя Груша в войну устроила брата работать. Однажды мне сказали: «Иди, она тебе хоть мальчишку сапожному мастерству научит». Он был ещё несовершеннолетним, ему 14 годов. Брат был способный на все работы. Его взяли. Он учился сапоги шить, производить ремонт обуви. Нам стало жить полегче. Он и деньги принесёт и 500 грамм хлеба. Сам не съест, в дом принесет. Всем поровну разделим. Прошло время, брат выучился. Он каждый день ходил на работу зимой и летом.

В 1948 году я пошла на завод работать. Справку попросила, чтобы мне дали, так не брали. Мне дали справку, как семья погибшего, жить нечем. Я пришла, а Никонова, паразитка, чтобы на ней черти воду возили, работала в отделе кадров — «Деревенская? Иди сюда, иди туда, иди снег кидать». Как зарплата, получить нечего, работай за копейки.

Дома кручусь возле печки, ужин готовлю, а сама думаю: «Как же так сделать, чтобы на более высокооплачиваемую работу послали». Я взяла в сельсовете справку о моём семейном положении, что на моём иждивении три человека, матери и отца нет. Отец на фронте погиб». Меня не стали посылать на работы в колхоз или другую, мало оплачиваемую работу.

В 1953 году я сошлась с будущим мужем. Он служил в Ленинграде, а сам Вологодский. В Вологду возвращаться не хотел, там было очень плохо. Он выучился на тракториста и его направили в колхоз в д. Жерлово, где мы и познакомились.

Бокова Вера Федоровна

За окном 1 октября 1987 года. Отмечаю свое семидесятилетие. Прошло столько лет, а все помнится и тянет посетить памятные места моего детства и юности.

У каждого человека есть свой календарный день рождения, день исповеди и день ухода.

Себя я помню с трехлетнего возраста. Родилась я 30 сентября 1917 года, в деревне Язвицы Рогачевской волости Александровского уезда Владимирской губернии. Мои предки проживают в этой деревне с середины XVII века. Отец рассказывал, что

они переехали из сожженной поляками деревни Архангела, которая располагалась под деревней Иудино.

На семейной фотографии, которая сделана в фотографии Платонова, запечатлены моя мама – Софья Алексеевна, отец – Федор Сергеевич, бабушка Пелагея – папина мама. На руках у бабушки Пелагеи завернутый в одеяльце брат Виктор, которому три месяца, рядом сестра Александра и старший брат Павел. Дед Сергей умер глубокой осенью 1914 года.

Отец окончил три класса церковно-приходской школы в селе Выпуково.

Семьей управляла мать. Мать редко жаловалась отцу на детей. Отец был горячим, порой жестоким человеком. Мать знала его характер и своим дипломатическим характером сохраняла мир в доме.

Родители сами трудились и нас с детства приучали к труду. В покосное летнее время приходилось уговаривать мать отпустить нас на 10 минут искупаться в пруду. Смыть жару с тела и пыль травяную, от которой оно чесалось.

Отец, кроме работы на земле, в теплое время, иногда летом, подрабатывал на строительстве завода. Нелегкий труд землепашца ложился на мать и детей.

Особенно досталось моей старшей сестре Шуре. Она второй ребенок в семье. Из-за больших физических нагрузок она в детстве болела чаще других детей. Она была самая красивая из нас и самая несчастливая в жизни. Когда я гуляла с ней по деревне, парни говорили: «Хороша Маша, да не наша».

Мама работала много, с утра до темного времени.

Я никогда не видела мать, чтобы она сидела около забора на лавочке и сплетничала с деревенскими бабами, как другие, когда к ним заходила соседка. Мать жаловалась: «Как трудно прокормить такую ораву детей».

Когда я ходила со старшим братом Павлом за грибами, то больше смотрела, куда он пошел, а не на землю. Я боялась, что он мог меня оставить в лесу. В моей детской голове слышались слова матери: «Как трудно прокормить такую ораву». Эти слова сопровождали меня все мое детство. На все свои детские невзгоды я никогда и никому не жаловалась.

Кому и могла я все рассказать, так это рябинке. Около колодца с журавлем стояла молодая кудрявая и всегда с ягодами рябинка. Когда на душе становилось невыносимо тоскливо, я шла к ней. Целовала ее, прижималась к гладкому прохладному стволу щекой и рассказывала все свои детские горести. Вокруг нее лежали яркие ягоды. Я собирала их и наслаждалась кисло-горьковато-

тым соком. Я была благодарна ей за приют. Эта любовь и внимание рябины ко мне прожили всю жизнь в теплых воспоминаниях.

Когда исполняют песню: «Ах рябина, рябинушка», я вспоминаю свою рябину из детства и плачу.

Большая заслуга нашей матери в том, что в присутствии детей они с отцом никогда не ругались, не сквернословили. Родители детей никогда матерно не обзывали, в жизнь детей вникали тогда, когда давали задание по домашнему хозяйству. Учебу в школе не считали серьезным делом. Когда папа ходил на школьное собрание, ему нравилось, что хвалят его детей. Эти хвалебные заслуги он присваивал, прежде всего, самому себе.

В пять лет я заболела брюшным тифом. У меня было все как в тумане, в котором я видела белое размытое пятно врача. В период моей болезни я впервые ощутила со стороны родителей и врача ко мне заботу. Меня положили на отдельную кровать. Давали мне пищу, не такую, какую я ела до болезни. Мама оказывала мне такое теплое материнское внимание, такую заботу, что мне хотелось как можно дольше болеть. Мама не хотела, чтобы я умерла, а ведь до этого, когда мы ее огорчали своим поведением, она говорила:

«Что бы ты подохла. Ведь у других дети умирают».

После этой страшной болезни и теплого отношения мамы ко мне во время болезни я стала себя больше жалеть.

В деревне к труду детей приучают с малолетства. У нас родители показывали, как выгонять скотину в стадо, после выпаса загонять на двор. Это делал ребенок с шестилетнего возраста. Приучали, как содержать дом в чистоте, как управляться у печи, как содержать огород без сорняков. Это все впоследствии ложилось на детей.

Помню, папа дал мне поводок и велел вести лошадь. Вначале я повела по деревне, свернула в прогон, который выходил к пруду. И здесь лошадь подложила мне свинью. Когда мы сравнялись с прудом, она потянула меня в воду. Стала пить. Напившись, вошла в воду и дошла до самой середины. Я была в длинном платье. Завернув подол, пошла за ней. Лошадь не думала возвращаться. Я изо всех сил потянула поводок на себя. Она только фыркала. Я находилась в затруднительном положении. Пруд располагался недалеко от нашего дома, я стала кричать отца. Он услышал мой крик и побежал через скошенную усадьбу к пруду. Быстро вошел в воду, грубо дернул у меня поводок и вывел лошадь из воды.

Когда я окончила четыре класса, мама сказала:

«Ты умная девочка, собранная, и я вижу, как ты играешь с детьми. Потому Верочка, я тебе уже подыскала место няньки. Не дуй губы, родителям перечить нельзя». Я стояла и молча смотрела в пол. Внутри кипело негодование. Вызрел план на дальнейшую жизнь. Особенно меня обидело решение матери послать меня в няньки к Анастасии Саватеевой, присматривать за ее дочерью Нюшкой.

Тетка была очень богомольная. Ежедневно ходила в церковь. Как -то раз с вечерней службы вернулась поздно. Я уже спала, закрыв комнату на крючок. Она не смогла до меня достучаться, сорвала крючок на комнатной двери, а утром попросила меня отправляться в деревню к родителям.

Я направилась к директору школы и рассказала о своей ситуации с жильем. Он определил меня в городской интернат. В интернате жили голодно и с нетерпением ждали ночи. Встаем на плечи друг к другу и добираемся до слухового окна. Один спускается вниз и подает нам хлеб. Счастливые мы укрываемся одеялом с головой и начинаем медленно его кушать.

Прожив какое-то время, в интернате потребовали от меня справку о нашем семейном положении. Я пешком 16 верст пошла в деревню. Отец сходил в сельсовет за этой справкой. Сельсовет был в нашей деревне. На следующий день я отправилась в обратную дорогу до города Сергиева. Предоставила справку, а в ней говорилось, что мои родители имеют хозяйство и они середняки. Меня сразу исключили из школьного интерната. Там оставались дети бедняков. В то время я многого не понимала. Но сделала вывод: «Отец жил неправильно, если меня исключили из интерната».

Сегодня я знаю: мы были середняками, потому что вся семья от мала до велика с рассвета и до заката работала. Работала и я, так, что болели руки, ноги и спина. Не всегда мама гулять отпускала. Так меня, ребенка, отблагодарили за труд на земле в частном отцовском секторе. Учеба – это личное дело каждого и середняка, и кулака, и бедняка.

Вскоре приехали ко мне родители и сняли мне квартиру за один рубль в месяц, у игрушечников-кустарей. Дом располагался на Верхней Кукуевской улице.

Родители приезжали навещать меня в выходной день. Привозили чистое белье. Питание родители мне выдавали натурой, на целую неделю.

Так смирились родители перед моим желанием учиться. Распределять харчи, привезенные родителями, в этом возрасте очень трудно. Бывало, съешь в три дня, в остальные дни зубы – на полку. Только кипяток на первое, второе и третье блюдо.

Учитель Друнов вызывает к доске: «Бокова, выходи решать задачу».

Выхожу. Беру мел, смотрю на пример, написанный на доске, в глазах круги черные, голова кружится. Отказаться от решения задачи я не имела права, я у него была примером для других учеников. До этого я не кушала три дня. Даже сухой корочки во рту не было. Смотрю на дробь, а думаю о хлебе, о доме, о сестре и брате, которые сидят за столом и кушают. Друнов видит, что я не намереваюсь решать эту задачу, с раздражением в голосе сказал:

«Садись. У тебя, что бельмо на глазу, ничего не видишь?»

Я взяла дневник и пошла на место. Мне было обидно. От голода и его слов в душе появилась травма. В интернате жизнь сладкой не была. На частной квартире она была еще горше.

Хозяева дома, где я жила на квартире, заставляли работать на них. Мы мыли полы в доме, делали заготовки для кустарной работы, которой они занимались. По ночам они привлекали нас к воровству, заставляли воровать дрова, солому.

Наши родители были гостеприимными людьми, любили хорошо угостить. Гостей в доме всегда было много. Мама готовила много, все были сыты. Папа брал гармонь и начинали петь «Ванюшку крючника», «По Муромской дорожке», «Из-за острова на стрежень», «Сад, ты мой сад», «Когда было время», «Ермак», «Эх пол-

на, полна моя коробочка». У каждой песни был свой запевала. Мама любила петь. Когда она пела, все молчали. Она не любила, чтобы кто-то подпевал ей.

«Не надо, – говорила она, – ты портишь весь строй песни».

Мои братья все пели и были музыкальными.

Следующей ступенью в своем образовании я избрала педтехникум, в котором учились мои братья Павел и Виктор. На лето я уехала к родителям в деревню. Наступала пора сенокоса, и работы в огороде было много.

Я подала заявление в техникум, но меня не приняли, так как 15 лет мне исполнялось только в октябре. Продолжительность учебы в Ленинграде три года. По окончании техникума студенту обязательно должно быть 18 лет. Это потому, что к судебной ответственности можно привлекать только совершеннолетнего человека.

Я взяла документы и пошла домой. На следующий день с этими документами поехала в Загорск к брату Павлу. В это время он работал директором школы в Хотькове. Переночевав у них в доме, утром мы с Павлом поехали в Москву. Он выбрал для меня школу ФЗУ – «Книгообуч». Я сдала все экзамены успешно и была зачислена в эту школу.

Проучившись в ФЗУ месяц, я получила койку в общежитии и переехала жить в Москву.

В нашей комнате на втором этаже жило семнадцать человек.

Жили мы дружно. Занятия проходили в дневное время, учились усердно. Много занимались общественной работой.

В день получения стипендии мы обязательно покупали по 200 граммов белого хлеба. В то время в столовых белого хлеба не давали.

Два года учебы в ФЗУ на курсе «Всеобуч» прошли быстро. Выпускной вечер проходил под лозунгом «Привет молодым специалистам – книжникам».

Меня определили массовиком при почтовом отделении «МТС». В мои обязанности входило продвигать книгу в массы сельского жителя. Одновременно заниматься агитационно-массовой работой. Надо было выезжать с кинопередвижкой и озвучивать немое кино своим голосом. Бытовых удобств, где показывали фильмы, не было. Ночевали, где придётся: на кухне, на широкой лавке, без каких-либо спальных принадлежностей. В лучшем случае валенок под головой, вместо подушки. Когда я проснулась, рука которая была сверху, вся была красной и рябой. Мне объяснили — «Не пугайся, дочка, это не болезнь, её объели тараканы».

Во времена культурной революции мы на такие неудобства внимания не обращали, жили светлым будущим победы революции – коммунизмом.

Я вспомнила стихотворение, написанное братом Витей, который был старше меня на 3 года, в 1929 году, в честь проведения электричества и первой заженной лампочки в деревне Язвицы.

*Чтобы эти провода
Всех в одно связали.
Чтоб сельчане никогда,
Лучин не зажигали.*

*Щелкнул и зажегся свет
Солнечным сиянием.
Чтоб писал стихи поэт
О революционном знамени.*

С осени я перешла учиться на дневное отделение рабфака. Работала после окончания двух вечерних курсов. Кто учился, на работе не задерживали, я уходила сразу по окончании рабочего времени. Нам был дан «зеленый свет».

Свою работу с книгами я любила. В свободное время я пропадала в библиотеке им. Н.В. Гоголя. Мне очень хотелось получить высшее образование, быть студенткой. Я стояла на распутье: «В какой институт поступать?»

Решила поступать в МГМИ с мыслями: «Если у меня есть склонности к журналистике, я смогу их реализовать в любое время своей жизни. Заявление я подала на «гидрологический факультет». Исключительно из-за того, что очень любила воду. Все детство прошло около речки Кунья, на которой стояла мельница. Я смотрела на бурлящую воду, устремленную на лопасти мельничного колеса. Это завораживало мой детский разум. Я захотела любовь к воде пронести на протяжении всей моей жизни. Я не добрала одного бала, чтобы быть гидрологом, и, не спросив моего желания, меня причислили на метеорологический курс, в 38 группу аэрологов.

«Тоже неплохо, – подумала я. Буду летать и любоваться землей с птичьего полета. А повезет, полечу на Северный полюс, как Папанинцы».

Мне это больше нравилось, чем синоптические и климатические службы. Спокойная студенческая жизнь продолжалась недолго. 22 июня 1941 года грянула война, которая собрала всех под одну крышу синоптиков.

Самым трудным для меня оказался третий курс. Вышло постановление правительства: «В связи с улучшением материального положения трудящихся, отменить стипендию студентам и ввести плату за обучение 200 руб. в год». После окончания семилетки в городе Загорске и переезда в Москву мне никто не помогал материально в получении образования. Только однажды брат Витя дал мне 8 рублей, провожая на станцию Баковка. Я поехала к отцу в деревню.

«Отец, вышел Указ Правительства по отмене стипендии и оплаты за учебу».

Он сказал: «Лучше куплю сена для овцы, чем дам тебе денег на такое пустое дело».

Ночевать я не осталась. Оделась и пошла на станцию «Кунья», глотая горькие слезы обиды. Паровозик уже стоял. Взяла билет и села около окна, не заметив, как собрался народ, и сесть было некуда. Всю дорогу мучила одна мысль: «Что делать? Где взять деньги на обучение и проживание?»

В решении этого вопроса помогла старшая сестра Шура. От родителей я заехала к ней в Хотьково.

«Сколько тебе надо? У меня есть небольшие сбережения».

Утром следующего дня, счастливая, что я буду учиться, поехала в Москву.

Пошла работать в студенческую бригаду по устранению загрязнения окружающей среды Краснопресненского района от близлежащего завода.

В нашей бригаде работал гидрофизик Саша Богорад. Он мне нравился, и я перед ним «рисовалась». Выполненные и обработанные данные мы сдавали не молодой и очень нервной, но внимательной женщине.

Работа начиналась с 9 часов утра и до 13 часов. Занятия в институте начинались с 16 часов. Времени хватало на обед и подготовку к занятиям. За работу я получала небольшие деньги. В дополнительном заработке помогал брат Виктор. Он окончил институт им. Горького и работал в журнале «Дружные ребята». Он меня устроил подрабатывать в этот журнал. В мою обязанность входило давать ответы на письма ребят, написавших в редакцию. Я по почте получала гонорары от 81 руб. до 85 руб. Эти гонорары доставляли мне большую радость. Я чувствовала свой рост, по сравнению с односельчанами деревни Язвицы.

В институте нашего потока на значок ГТО-II сдали только трое: два парня и я. На общем студенческом собрании нам вручили удостоверения и значки.

Я любила спорт с надеждой быть первой в соревнованиях.

Мой старший брат Павлик переживал за нас сестер, за что постыдил родителей: «Уважаемые мои родители, ваши дочери стали невестами, а ходят, как беспризорники из детского дома».

После этого разговора, о котором я не знала, в Москву приехали родители покупать мне зимнее пальто. У меня была одна большая мечта – лыжный костюм. Пришли в магазин, а я им говорю: «Купите мне лыжный костюм, и вам выгодно и мне будет приятно за ваш подарок».

Они пошли мне навстречу и купили отличный фланелевый лыжный костюм строго синего цвета за 112 руб. Я очень любила этот костюм, даже на фронт поехала в этом костюме.

В зимние каникулы началась Всесоюзная олимпиада студентов. По рекомендации, была записана в спортивное общество. На время тренировки я получила трехразовое бесплатное питание в доме отдыха «Сокольники». Ежедневно из общежития студенческого городка я отправлялась пешком в спортивном синем костюме на тренировки. К вечеру возвращалась обратно.

Вспоминается еще случай. На метеостанции я проживала в выделенном доме одна. По шоссе тянулись беженцы, кто пешком, кто на велосипеде. Ополченцы ехали на машинах. Один из водителей, он был старше меня, обратился ко мне с просьбой: «Устал я. Не могла бы ты сесть за руль, а я немного отдохну?» Я с удовольствием приняла его просьбу. Я вела машину, а он бежал рядом. И все просил меня: «Не так быстро, доченька, я всю задницу стер, пока сидел за рулем».

22 июля Москву сильно бомбили. Я всю ночь не находила себе места. Свет в комнате не горел. Я стояла около окна и смотрела на всполохи, что были на окраине Москвы. Я смотрела и думала: «А что происходит у нас в деревне, что с родителями и где сейчас мои братья и сестры?»

Я была очень рада, когда меня вызвали в институт. Нас собрали в актовом зале и объявили обстановку в Москве и в стране. Молодость всегда наполнена патриотизмом. Мы добровольно написали заявление: «Прошу принять меня в ряды Красной Армии. 1 августа 1941 год. Бокова В.Ф.»

Я стала слушателем Высшего Военного Гидрометеорологического Института Красной Армии. Так гласил приказ за №11 по вновь образованному институту на базе бывшего МГМИ. Институт приравнивали к военной академии. Некоторые слушатели носили на груди «академический» значок. Стать военными согласились не все студенты. Они перешли в другие ВУЗы.

Учеба в то время в Москве не была учебой. Днем и ночью звучали ревуны «воздушной тревоги». Ночи были бессонными, мы ходили по крышам и сбрасывали зажигательные бомбы вниз, или тушили в ведре с водой. На занятиях сидели, как сонные мухи.

Одна из ночей. Мы дежурили на крыше нашего института с Ривой Мельцерю. Бомбы падали у Никитских ворот. Рукой подать от нашего здания. Мы шустро бегали по крыше института и сбрасывали зажигалки вниз. Мы не обращали внимания на свистящие осколки снарядов, пролетающие мимо нас. Почему нас не убило? Ума не приложу. Мы не думали о смерти, главное для нас – институт спасти.

Уже светало. После отбоя воздушной тревоги мы с Ривой пришли во врачебную комнату врача Анны Петровны, повалились на топчан, обнялись и начали хохотать. Мы смеялись от радости, что остались в живых. Это было вроде нашей победы над свистевшими около нас осколками бомб. Мы выполнили свой долг и остались в живых.

Мы были военными, но жили разрозненно. Я жила в Алексеевском переулке около ВДНХ. В комнате я проживала одна. Прозвучала сирена тревоги. Я не пошла в убежище, а легла спать. Пробудилась от сильного шума. Накинула халат и выбежала в коридор. Струя воды из пожарного брандзбоя ударяла в открытое окно, поливая коридор и меня. Подошла к окну и кричу:

- Чего льешь? Здесь не горит.

– На ваш дом упала зажигательная бомба, – выключив воду, кричит пожарный.

Я бегу, вся мокрая, на чердак и начинаю принимать участие в тушении пожара и тушении зажигательных бомб. Я с успехом задушила одну бомбу песком, сбросив ее через слуховое окно вниз. Вся грязная от копоти и чердачной пыли я спустилась к себе в комнату.

До начала войны я проживала в комнате с Любой и Аней. Девочки были на курс моложе меня. Нас одели в военную форму и поселили в одном месте жительства. Началась серьезная военная подготовка – уставная военная дисциплина. Без увольнительной не имеешь права покидать место своего расположения.

Мы любили фотографироваться в военной форме. Ребята нас фотографировали, но фотографий мы не получали.

Не помню, по какому случаю, мы оказались на галерке Большого театра. После выступления официальных лиц на сцене появились летчики, и мы с галерки им строили глазки. Они так и рвались к нам своими взглядами. Молодость, молодость, нет для нее никаких преград.

Стояла осень 1941 года.

Враг стремительно наступал, занимая города и деревни. Он рвался к столице нашей Родины – Москве. 1 октября 1941 года военное командование приняло решение эвакуировать наш институт в Среднюю Азию.

Было раннее утро. Небо было молочно-голубым настолько, что звезды были невидимы. Накануне, нам объявили: «Завтра эвакуируемся. С собой брать из личных вещей, самое необходимое. Не забудьте взять книги и конспекты».

Мы грузились в товарные вагоны. То и дело неприятельские самолеты нудно и тревожно гудели на приличной высоте голубого небосвода. После этого

разведывательного полета прилетел бомбардировщик и сбросил бомбы.

Погрузились. Паровоз дал гудок. Состав дернулся и поехал. Наш путь лежал в далекий Ленинабад. Путь оказался окольным и долгим в 20 дней. Тысяча маленьких и больших тревог пережили мы за это время. Привести себя в порядок и боевую готовность, на это давалось три минуты независимо от времени суток.

Товарный вагон был оборудован нарами в два яруса. В вагоне размещались 41 девчонка и два старших по вагону – комиссар и командир, мужчины.

За всю дорогу произошло много событий. В середине вагона стояла печь – буржуйка, около которой сушили портянки и другие мокрые вещи после стирки.

Однажды во время очередной остановки поставили котелок с водой для чая. Перед движением поезд резко дернулся, и котелок с кипящей водой опрокинулся на Аню: «Соль давайте. Сыпьте на ожоговое место».

Насыпали мы и уложили Аню на нижний ярус нар. Поезд двигался на восток. Погода становилась все холоднее, а растительность печальнее.

Свердловск встретил нас со снежным покрывалом и морозцем. От этой картины и мы почувствовали в себе обновление. Особенно мы это почувствовали, когда нам с вокзала притащили бочку супа. Радость оказалась не долгой. Он оказался прокисшим. Из девчат никто к нему не притронулся, только старшина вагона ел его и похваливал. К вечеру прихватило живот. Да так прихватило, что с нар встать не мог, его эвакуировали. Меня назначили старшей по своему вагону.

У нас был такой порядок. Еду из общего котла раскладывали по кучкам. Чаще всего это приходилось делать мне. Потом кто-то из девушек отворачивался, показывая пальцем на кучку, я спрашивала: «Кому?»

Нареканий от девушек не было. Все понимали, кому как повезет.

Прошло 20 дней как мы отправились из Москвы в Ленинабад Таджикской Автономной области. Перед тем, как покинуть свой вагон, мы стали наводить красоту. Шутка ли – 20 дней в пути, в товарном вагоне, в коллективе 43 души. Мы все были деликатесом для вшей от скученности и отсутствия элементарной санитарии. Появились зеркала, в которые мы могли видеть себя с головы до пяток.

Город Ленинабад был маленьким. За полчаса можно обойти весь. Нас было около двух тысяч. Как саранча обрушились на город.

Первоначально нас разместили в домах общественного назначения. До нашего приезда в городе совершенно не чувствовалась война. Люди жили спокойной мирной жизнью. Вечерами трубач с большой длинной трубой созывал людей в театр и на другие увеселительные мероприятия. Некоторые ребята и девчонки, приехавшие из Москвы, поддались такому соблазну. Стали не появляться на вечернюю поверку. Пришел контроль от командования.

Вскоре всех девчат вселили в одно большое здание, расположенное в конце города. Ребят разместили еще дальше.

Внутри нашего здания тянулись нары в два этажа, как в вагоне, в котором мы приехали из Москвы.

В казарме выставляли дневального. Проходило соревнование между отделениями за образцовую заправку постелей. За это ежедневно выставлялись отметки каждому в своем отделении и по всему отделению в целом. Проверку производил старшина курса. Всего было три отделения по 25 человек. Отде-

ление, в котором я находилась, было под № 301. Командиром отделения была назначена отличница учебы Таня Демидина.

Вскоре, по какой-то причине, командиром отделения назначили меня. Боже мой, какое это трудное дело командовать девчонками. Большую часть недостатка в отделении приходилось брать на себя. Это приходилось делать так, чтобы свой авторитет командира не пострадал перед начальником курса Антоновым.

Особенно никакой дисциплины не хотела признавать Лида Козловская из Рязани. Это была «Кармен» в военной форме. У нее не было чувства ответственности перед коллективом. Я написала заявление командованию с просьбой освободить меня от занимаемой должности командира отделения. Мне было отказано. Я оставалась до конца учебы в ВВТМ и КА. Жизнь проходила строго по уставам дежурного по казарме, службе и столовой.

Проходила военно-политическая и спортивная проверка под девизом «Чье подразделение впереди». На мне была и общественная работа. Мне было поручено заниматься строевой подготовкой женского батальона таджичек. Когда впервые пришла на стадион города, где собрали девушек – таджичек, пришла в изумление от увиденного. Каждая из них имела не менее десятка косичек.

Трудность в подготовке состояла в незнании девушками русского языка. С моей стороны незнание таджикского языка. Со временем мы стали понимать друг друга. За мои занятия с девушками, за отличную подготовку женского батальона Таджикский ЦК комсомола наградил меня грамотой. Она была мне дорога, я всю войну возила эту грамоту с собой. Сегодня, вспоминая все, что я прошла, мне становится грустно. Страна, в которой я жила, которая дала мне образование, страна, которую я защищала, исчезла. На карте мира больше нет СССР. Как об этом будет говориться в новейшей истории? В 1978 году я переехала в кооперативную квартиру, в которой буду доживать свое оставшееся время.

Предмет военной практики у нас вел полковник Самойло. Он нам читал лекции «Теория войны», которые увязывал с жизнью. Полковник проводил занятия за стенами института нечасто. После поставленной перед нами задачи спрашивал: – Ваше решение?

Я не помню такого случая, чтобы он кого-то похвалил, чаще ругал за нерасторопность. За неправильность решения поставленной задачи орал: – Поздно. Нет вас больше. Враг вас уничтожил!

Когда проводились боевые учения, с полным боевым снаряжением, стояла жара +35 градусов. А мы были люди с севера. Из боевого снаряжения были скатка, лодка для переправы, винтовка Дегтярева. На ногах кирзовые сапоги. На голове – пилотка. Так требовал устав. Ты должен все выполнить. «Тяжело в учении, легко в бою». Некоторые девушки, особенно в теле, изнемогали, было плохо. Полковник Самойло все это прекрасно понимал. Поэтому все чаще давал команду: « Запевай!»

Когда со сцены сходил настоящий запеваля, тогда доходила очередь до командира отделения, умеешь, не умеешь, а запевай. Я начинала и все подхватывали эту песню. Таким образом, снималось напряжение от занятий и жары. Работу командира отделения определяли по его личным успехам и успеху отделения.

«Всё отделение я призывала сдать экзамены не ниже «хорошо».

Под Ленинабадом однажды вечером я вышла из общежития. Начиналась страшная гроза. Я шла по тротуару, как по маленькой речушке. Яркая вспышка грозы, страшный гул ветра. Что только он со мной не вытворял. Трепал волосы, сталкивал с дорожки и чуть ли не раздевал. Он рвался унести меня с собой. В этом единоборстве я потеряла все свои силы. А на вечернюю поверку своего отделения пришла, как будто со мной ничего не случилось. Я благодарила окружающий меня мир, говоря про себя: «Спасибо что ты существуешь». И потом я черпала из окружающей меня природы мужество, когда приходили времена изгнания «ангела» из общества. Я с детства несла свою боль к рябине, речке Кунье, просторным полям. И они мне дарили свою душевную радость и успокоение. Мой брат Виктор писал.

*Мне особенно мил этот бор.
К небу поднятая громада.
Я несу к нему старую боль
И меняю на новую радость!!!*

Около полгода кормили нас плохо, мы были на кооперативном снабжении – 700 граммов черного хлеба, затирка утром и вечером пожиже, в обед погуще. Ложек или вилок не было, затирку хлебали через край, как чай. Девчата приспособленнее, чем ребята. Весь хлеб не съедали. Потом на рынке его меняли на урюк. Таким образом, компенсировали жиры и углеводы, необходимые молодому организму.

Жесткие требования к слушателям и неполноценное питание привело к обморокам. Слушатели теряли сознание от истощения организма. Первоначально это коснулось ребят, а затем и девчат. Санчасть принимала обморочных на усиленное питание. Вскоре пришел приказ об отправке некоторого количества студентов на фронт. Мы их провожали сердечно, зная, что можем больше и не встретиться. Пели песню «Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону».

Около нашего общежития находилась печь для выпечки хлеба. Там работал таджик Абрагим. Он пек очень вкусные лепёшки и продавал их по 12 копеек. Его работа скрашивала нашу жизнь. На вырученные деньги мы могли купить белую лепешку. По -русски Абрагим говорил не бойко. Мы побывали у него в гостях.

Второй раз эту семью навести перед отъездом на фронт. Мать Абрагима встретила нас со слезами, вернее воплем горя. Мы ничего не могли у нее понять. Вошли соседи и рассказали: «Абрагима взяли на войну».

Мы обняли плачущую женщину, попрощались и ушли.

Наконец, нас перевели на снабжение от «ВОЕНТОРГА». Какой это был праздник. Столы накрыли белоснежными скатертями, появились ложки и вилки. Мы увидели сахар, сливочное масло. Все слушатели сразу подтянулись, повысилась дисциплина. Только по-прежнему стояла жара под +40 градусов в тени. В казарме спать было душно. Любители свежего воздуха забирали постели и отправлялись спать на плоскую земляную крышу.

Я очень любила покорять горные склоны. Однажды у нас было организовано коллективное восхождение на предгорье Тянь-Шаня. Кто взойдет на намечен-

ную точку горы, получит право оставить там памятную записку. Из сотни восходящих поднялись не более десяти человек. Совершенно не помню, что я написала в этой записке, но отлично помню, как надежно я ее укладывала в тайничок, как старательно подбирала камень, чтобы накрыть потаенное место с запиской. Я была твердо уверена, что она сохранится до моего прихода, и я прочту, что там писала в это лихое для родины время. Мечты, мечты, где ваша сладость? В жизни все иначе. Кому не надо, он едет, кому надо, ждет своей очереди.

Стояла осень 1942 года. Наступила пора подготовки к экзаменам. В Средней Азии осень – это «души очарование». Было желание слиться с этой красотой, быть с ней душой и телом. Но это невозможно, когда в тебе постоянно стучит набат войны. На каждом построении я напоминала своим курсанткам: «Ни одной тройки. Победа будет за нами».

Предмет «метеорологию» мы сдавали первым. Он был основным в нашей учебе. Многие получили оценку «отлично». Были и тройки, но двоек не было. Многие курсантки из моего отделения рвались в «пекло войны», под Сталинград.

Наши экзамены приближались к завершению. Можно и расслабиться. Совершенно случайно судьба свела меня с Сережей, глазами, как вечерний небосвод со звездочками. Он был старшиной курса. После занятий, когда наши расписания совпадали с курсом Сергея, каждый из нас строил свое отделение и давал команду идти в расположение части. Мы шли параллельно, с песней. Это были прекрасные минуты отдыха и каких-то надежд на личное счастье.

Закончились госэкзамены. Как гора с плеч свалилась. А с моих? Что и говорить. Словами это не расскажешь. Все занятия проходили под Суворовским девизом: «Тяжело в учебе, легко в бою». Госэкзамены я сдала на «хорошо». С первого класса любила отметку «хорошо», и она меня сопровождала в каждой моей учебе. Я не имела права предавать ее, она мой талисман. Отступать некуда, а наступать есть куда. Настроение было приподнятое. Впереди выпускной вечер. За ним последует команда: «По вагонам!»

Праздничный ужин был на славу. Настроение в учебном корпусе праздничное, оно перешло в актовый зал. Здесь начинался большой концерт.

В танцах было наше упоение, которому мы отдавались сполна. С молодежкой удалю. И здесь уместно привести строчки из стихотворения брата Вити «Шалапин»:

*... И мало мне сказать, что нравится
Его неповторимый бас.
Мне через голос открывается
Черта, существенная в нас.
Веселость, удаль, бесшабашность,
Большой распеv, больших широт
И одобрение: – Шагайте!
За горизонтом счастье ждет.*

И мы шагали и парадным, и строевым, и всяким другим шагом по тропам войны на Запад, где нас ждало счастье Победы. Я лично со своей войсковой

частью дошла до Берлина. Здесь и встретила этот великий День Победы.

Жаль только, не все встретили этот светлый день. Я помню всех своих товарищей, кто пал на полях войны.

На вечере выпускников я в основном танцевала с Сережей. Мне хотелось перед ним выглядеть смекалистым и грамотным командиром своего отделения. Принимала участие в викторине, за победу в которой я получила грампластинку «Любовь – это счастье». Участвуя в викторине, Сережа получил ночную женскую сорочку. От смущения, он сразу ее отдал мне, улыбаясь, я ему подарила грампластинку. У него прошло смущение, и мы пошли танцевать. Окружающая нас обстановка не позволяла много думать о личном. Когда мы уезжали, Сережа просил меня передать мешочек его родителям: «Заодно с ними и познакомишься».

В конце ноября 1942 года мы ждали приказа об отправке курсантов на фронт. Чтобы зря время не терять, нас направили в колхоз, расположенный в 15 км. от части, на уборку хлопка. Потом белые початки хлопка рябили в глазах.

Вскоре, к 7 часам утра, меня вызвали в строевую часть института. Я была на уборке хлопка, как хочешь, так и добирайся, явиться должна вовремя. Я боялась, как бы не проспать, а часов у меня не было. Спала тревожно, что не дало нормально выспаться. Проснулась рано. Стала собираться, не беспокоя остальных. Вышла в теплую темноту, местность была гористая. Дорога до города была хорошей, как асфальтовая. Я шла, не зная времени. Вдруг стало светло от взошедшей на небосвод луны. Она располагалась низко над землей, и казалась огромной. Небо мерцало очень яркими звездами. Природа просыпалась. Идти стало страшнее. То мимо ног прокатится камень со склона горы, то на обочине прошуршит и пискнет зверек. Все это заставляло держать себя как взведенную пружину. Внутри таился страх перед неведомым, да и время было военное. Идти надо, и я шла. Пот страха еще не пробил, и я решила опередить события: перебраться по канату на другой берег реки, где находился Ленинабад. Полезла по канату, который был расположен сравнительно высоко над рекой, поочередно перебирая его руками и ногами. К середине реки руки и ноги у меня так устали, что онемели. Я чувствовала, что руки хотят отпустить эту толстую грубую веревку. Бросить ее и дело с концом. Посмотрела на мутное стремительное течение Сырдарьи, на ее грязную воду, не имеющей глубины. Мне стало жаль отдавать ей свое девичье тело. Я его любила в противоположность своему лику. Эта любовь приближала меня к противоположному берегу. А потом и берег стал меня приближать к себе. С мыслями о жизни перебраться по канату было легче. Я не знаю, чтобы было со мной, если бы сорвалась с каната, могла бы и погибнуть. Что заставило меня встать на канат через реку Сырдарья – удаль или безрассудство молодости? Кто знает.

К старости, особенно этот порыв мыслей и дела, желание и выполнение ощутила моя тетя Марфа, мамина сестра. Она была самая мудрая из сестер рода Деминых. После войны девяностолетняя тетка говорила мне: «Вера, прихожу на усадьбу, беру грабли и хочется грести. Но, какое там грести, Вера, держать их трудно в уставших от крестьянских дел руках».

С этой думой о тетке и прибыла на берег. Спрыгнула с каната на землю. Ноги от напряжения гудели. Отдохнув, направилась к институту. В войсковую часть пришла намного раньше, чем следовало. От такой напряженной дороги хотелось есть. В строевой части получила задание: «Вам необходимо написать характеристики на слушателей вашего отделения. Думаю, у вас нет неблагонадежных курсантов? Характеристики должны быть положительными. Если есть недостатки, их тоже необходимо отметить. Можете идти».

Как возвращалась в колхоз, не помню, но очень хорошо помню плов, которым нас кормили. Его аромат кружил голову, предвещая о его изумительном вкусе. Плов готовили прямо на поле, в большом казане, стоящем на костре. Плова можно было кушать сколько душе угодно. За все свои прожитые годы я больше нигде не кушала такого изумительного плова.

Поля с хлопком были от горизонта до горизонта. Нескончаемые вереницы машин увозили его. Нам выделялась делянка, на которой мы и собирали хлопок. На уборку хлопка с выделенной делянки давалось время. После чего нам выделялась новая делянка. И здесь проходило соревнование на лучшую бригаду.

В декабре 1942 года я получила назначение в город Рыбинск, в формирующийся авиаотряд. Дорога моя проходила через Москву. Я уже не сержант, как в институте, а лейтенант со специальностью старшего – техника военно-инженерной метрологии.

Навестить родителей у меня возможности не было. Не позволяло время. Что я успела в Москве, так это передать урюк от моего парня – Сергея. Родители проживали в районе Таганки. В это время Москва жила напряженной жизнью. Зима стояла суровая. Несмотря на поздний вечер, Сережиных родителей дома не было. Дверь мне открыли его сестренки. Отдав мешочек с урюком, я направилась на вокзал.

В Рыбинск я прибыла поздно ночью. Найти часть, в которую я была направлена, оказалось не трудно. Пока ехали в поезде, все перезнакомились.

Еще в поезде мне рассказали, где формируется моя авиационная дивизия. Это в 8 км. от города.

Болонкин Павел Романович

Родился я на Нижнем поселке в декабре 1923 г. в старой бане. Отец мой, Болонкин Роман Петрович, мама, Болонкина Дарья Андреевна, приехали на завод в 1917 г. Первоначально мои родители жили в старой деревянной бане. В 1926 г. открыли новую баню, кирпичную. Мы переехали в нее. В новой бане было электричество.

Жили мы при бане в одной комнате: родители и мы – пять ребятишек. У нас стояла русская печь.

Родители держали поросят, кур, гусей и теленка. Хозяйство было большое. Родители идут на покос и нас с собою берут. Пока они косят, мы спим под телогрейкой. Косили за полигоном первого цеха. Проснемся, поедим, трава немного обсохнет, мы шевелить её начинаем.

Клуб на горе построили в 1923 г. Когда приезжали Московские артисты, привозили очень красивые декорации к спектаклям «Русалка», «Евгений Онегин», «Холопка», «Ярмарка невест», «Свадьба в Малиновке». Оркестр приезжал в составе более тридцати человек. При входе в фойе лежала шкура тигра с головою и страшно оскаленными клыками. К нам приезжала Русланова и Шульженко. Билеты были недорогие. Зал был заполнен до отказа.

В клубе было два буфета, читальня, библиотека, кружок кройки и шитья, бильярдная. Первые фильмы были немые, но зрителей всегда было много. В клубе в 1932 г. справляли новогоднюю елку. Елку ставили в фойе.

В духовой оркестр я пришел, когда учился в третьем классе. Руководителем был Миляшин Вася. Он был изумительный музыкант. После войны, в 1947 г., собрались, стали пробовать играть, ничего не получалось. А ведь до войны мы играли «Увертюру 1812 года». Миляшин жил с семьёй при клубе. Он слушает песню, наиграет ее на скрипке и тут же пишет ноты. Принимал он в оркестр так: настучит мелодию по столу, а ты повтори, не повторишь – не годишься. До войны в городе было четыре духовых оркестра, в клубе был оркестр взрослых, наш детский – в воинской части. Ещё был оркестр у пожарных. Когда не хватало в в/ч музыкантов, то наших взрослых одевали в военную форму и они играли у них. Были такие случаи: кино привезут, а зрителей нет. Мы выходили на балкон клуба и начинали играть. Народ приходил. Когда мы играли, слышно было очень далеко, даже на Возрождении. Весь музыкальный инвентарь был клубный. Занятия были бесплатными. Нас за то, что мы играли в духовом оркестре, в кино пускали бесплатно.

В школу я пошел в 1931 г. Урок труда в школе преподавала молодая, красивая учительница Мелиса Михайловна. Она сама очень хорошо владела инструментом.

На уроках труда делали табуреты, стулья. В праздник 8-го марта всех женщин с детьми водили в столовую и бесплатно кормили.

Когда началась Финская война, за речкой, на Тяпкиной горе, располагался военный гарнизон. У них был гараж, конюшня и кирпичное двухэтажное здание, клуб. А выше, к первому цеху, ставили на лето солдатские палатки, это был летний лагерь, там были и спортивные площадки. У них всегда горн трубил. Когда загорелась казарма около моста, приехали пожарные на лошадях и ручными насосами тушили пожар. Сгорел солдат, но знамя спас. Нас попросили играть на его похоронах. Хоронили его в Выпуково. Был не только наш оркестр.

Когда строили дома №1 и №2 в январе 1929 года, где сейчас дом №15. была поляна, чуть подалее стояло два барака, там была поставлена трибуна. С неё директор сказал: «Отсюда начнет возрождаться город». Так это место стали называть Возрождение. До 1929 г. его называли поселок Студянка.

На месте стадиона был лес и бугор. Когда начали, методом народной стройки, строить стадион, я учился в 6 классе. Строительство шло в нерабочее время. И мы ребята бегали помогать. Там пилили лес, жгли большие костры. Землю возили на тачках. Большие пни подрывали. Открытие проходило в майские праздники 1936 г. Было своя детская футбольная команда «АЗОТ».

Детство проходило весело. Играли в футбол и другие игры. Люди жили дружно и весело.

16 октября 1941 г. мне пришла повестка явиться в районный военкомат. В те дни было слышно, как шли бои под Дмитровом. Заводские полуторки, в сопровождении военных, возили снаряды на передовую. Я побежал в военно-учетный стол. Сказали, что к 16 часам должен быть в Загорске. Прибежал домой, взял кусок хлеба и на попутных машинах поехал в Загорск. Приехал в военкомат, народу столько, что встать негде. На ж/д станции, как в революцию, люди с гармонью, песнями, кто – то выступал с крыши вагона. Меня в этот день не отправили, вернулся домой поздно. Мать зарезала козленка, мешок сшила заплечный, собрала, что могла, и на следующий день, мы все, у кого были повестки, поехали в Загорск. С поселка ходила «Кукушка» с пятью вагонами. В военкомате нас переписали, паспорта отобрали и отправили в Птицеград. Там стали проходить медосмотр, формально конечно. Все были годны для военной службы. На другой день отправили в Гороховец, там располагались летние лагеря.

В Гороховце нас расселили по блиндажам. Топились они по-черному. Выйдешь из блиндажа и друг друга не узнаешь – все черные.

С фронта я возвратился в марте 1947 г. Приехал на Ярославский вокзал, сел на электричку, да не на ту, по дороге выпрыгнул. Приехал опять на Ярославский вокзал и поехал в Загорск. В Загорске сел на нашу «Кукушку», она всегда стояла в стороне. В то время ходило пять вагончиков, так же как перед войной. Народу битком, меня женщины спросили: «Чей будешь?» Я ответил: «Болонкин».

Они говорят: «Так твоя мать здесь, в поезде», – и побежали за ней. Ведут ее. Старушка маленькая, худенькая. Мы обнялись и заплакали, никого не стеснясь. Приехали на станцию, я взял мамин мешок, она ездил на рынок. Сумок раньше не было, все с мешками ходили. Взял ее под руку и пошли домой на Нижний поселок. Тротуары были дощатые. Вокруг свободного места не было, одни огороды под картошку. Что удивительно, как я приехал, мать три дня пожила, заболела и умерла. Как ждала меня.

После возвращения с фронта нам дали месяц отдыха. Я отметился в военкомате о своем прибытии. Потом поступил на работу в цех №24, так и проработал в нем до самой пенсии. Работал фрезеровщиком, строгальщиком, механиком.

Один брат у меня в Финскую погиб, второй – Николай артистом был. Мне всегда писал на фронт: «Читай классику». Какую классику, война. Мы считали, что он немного больной, а он артистом был в Московском театре.

После возвращения с фронта я года два не ходил в духовой оркестр.

Бывало, до войны, мы занимались до двух, до трех часов ночи. Очень любили это занятие. При клубе я организовал детский ансамбль духовиков. Мы играли на всех городских и заводских торжествах, на танцах, летом в парке перед фильмами. Жили интересно. И никто не требовал, чтобы ему за игру платили.

Булычев Николай Сазонович

Булычев Николай Сазонович родился 11 марта 1918 г. в д. Снятинке Загорского района Московской области в семье крестьянина. Подростком выполнял все основные сельскохозяйственные работы. В 1932 г. после окончания Федорцовской неполной средней школы (8 км от Снятинки), в 14-летнем возрасте,

работал бухгалтером колхоза д. Снятинки, насчитывающей тогда 29 дворов,

В начале 1934 г. семья Булычевых (отец, мать и четверо детей) переехала на жительство в поселок завода №11, ныне г. Краснозаводск, по месту работы отца, занимавшего в предвоенные годы должность управляющего делами конторы ЖКО завода. Здесь Николай оканчивает школу фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) по специальности термиста-инструментальщика и с 1934 по 1938 год до призыва в армию работает в четвертом цехе завода. Свою специальность он освоил успешно и на четвертом году работы получил 7-ой высший квалификационный разряд. Администрация завода нередко представляла его к различным поощрениям. В 1935-1938 годах он продолжал учиться в вечерней средней школе мастеров социалистического труда.

Четыре с половиной предвоенных года, прожитые в Краснозаводске, были важным периодом формирования личности Булычева Н. С. Он отличался трудолюбием, стремлением к знаниям, напористостью и необычайной коммуникабельностью. Его общественная жизнь в те годы стала его вторым «я», как впрочем, и в течение всей последующей жизни. На заводе он избирался комсоргом цеха. В клубе и летнем театре его знали как одного из лучших танцоров (партнерша А. Куницкая) и как хорошего гармониста. Он отлично пел и сохранил эту способность до глубокой старости.

1 сентября 1938 г. Булычев был призван в армию. Служба проходила в Тихоокеанском флоте на острове Аскольд, в 26-ой отдельной артиллерийской батарее, в электромеханическом подразделении в качестве трюмного машиниста, а затем в качестве командира отделения трюмных машинистов. За успешное выполнение служебных обязанностей Николай в 1939-40 г.г. удостоился одного из самых почетных тогда видов поощрения матросов - срочников направления командованием благодарственного письма на Родину по месту прежней работы военнослужащего. Письмо было подписано комиссаром части майором Довескибо К.

Тихоокеанская служба Николая заканчивалась, когда грянула Великая Отечественная война. Говорят, солдатами не рождаются, только бои и сражения делают из парней настоящих бойцов. И Николай Сазонович знает это не понаслышке. Воевал на Юго-Западном фронте, Первом и Третьем Белорусском, Первом и Четвертом Украинском фронтах. Весь военный период был командиром противотанкового орудия (на военном языке - орудие сопровождения пехоты) и, следовательно, все время, исключая лечение в госпиталях, провел на передовой.

В действующую армию из флота Николай попал после нескольких рапортов, написанных им командованию с просьбой отправить на фронт. Боевое крещение получил под Сталинградом. 88-ой Гвардейский стрелковый полк, в котором служил Николай, участвовал в окружении 330-ти тысячной группировки Манштейна. 21 февраля 1943 года, занимая позицию, ставшую острием прорыва крупных вражеских сил из Котельниковского района, пытавшихся прорваться к Сталинграду и освободить свои окруженные войска, гвардейцы встретили врага. Не думал и не предполагал Николай, что его первый бой будет таким неравным и жестоким. Вот выдержка из книги Г.И. Андреева «Сол-

датская слава» (МО СССР, 1981 г. стр. 45). «Булычев сделал первый выстрел, когда танки подошли совсем близко. В страшном грохоте он не услышал звука выстрела своей сорокопятаки. Тотчас Николай послал второй снаряд, третий, четвертый. Напряжение боя нарастало с каждой минутой. Снежное поле почернело от копоти горящих танков, а они все шли и шли. Справа и слева от огненных позиций артиллерии танки уже ворвались в расположение полка. Булычев понимал, что его участь тоже решена, с минуты на минуту его пушка погибнет под гусеницами вражеского танка. Он был готов к этому и с отчаянной яростью стрелял и стрелял, желая нанести врагу как можно больший урон. Он не замечал, что левый рукав его полушубка потемнел от крови, что лицо и руки тоже в крови. Он видел только вражеские танки и посылал в них снаряд за снарядом. Потом снаряды кончились, и как раз в этот момент он увидел почти над самой головой высоко поднявшиеся над бруствером гусеницы вражеского танка. Николай инстинктивно отскочил в сторону, упал на землю. Услышав скрежет, понял: пушки больше нет. Гвардейцы дрались до последнего снаряда, до последнего патрона. Но силы были далеко не равны... Оставшиеся в живых бойцы скатились в балку и поползли по ней на восток. Под утро выбрались к своим.»

Рана у Николая была не тяжелая, а лечиться пришлось долго, прибавился сыпной тиф. К лету 1943 г. Николай окончательно выздоровел и был направлен в 530-ый истребительный противотанковый артиллерийский полк (ИПТАП). Полк был сформирован по приказу Военного совета Московского военного округа главным образом из рабочих Московской области, имеющие достаточную общеобразовательную подготовку для того, чтобы за короткий период времени освоить материальную часть пушек. Это были легендарные 76-мм орудия, не имевшие конкурентов ни в одной армии. Старший сержант Булычев был назначен командиром орудия в 5-ую батарею, в которой и провёл до 30 апреля 1945 г.

В августе 1943 г. артполку пришлось вести упорные бои на Миусском рубеже и, преодолев его, освободить Донбасс. Много врагов и их боевой техники было уничтожено в этих боях артиллеристами полка. День за днем продолжалась война, и участие Николая в боях было почти непрерывным. Обратимся к хронике за октябрь-декабрь 1943 года: под деревней Октоберфельд в ночь на 12 октября 1943 г. батареи полка выдвинули по одному орудию вперед за противотанковый ров, приблизив их к позициям немцев. Отвага и смекалка помогли. Рассвет еще только начинался, когда внезапным огнем артиллеристы буквально расстреляли танки врага. В этом бою расчет Николая сжег «Тигра». Это был первый, считавшийся самым неуязвимым, немецкий танк, с которым расчету пришлось встретиться, а впереди было еще много таких встреч.

27 октября 1943 г. 5-я батарея, в которую входил расчет Булычева, ворвавшись в станицу Томашевская, с ходу развернулась в боевой порядок и открыла огонь прямой наводкой по гитлеровцам, сея среди них панику и смерть. Артиллеристы уничтожили орудие, четыре автомашины, до пятидесяти солдат и офицеров противника. В качестве трофеев захватили сорок танков, склад горючего и несколько сот свиней, которых гитлеровцы не успели уничтожить.

27 декабря на подступах к селу Большая Лепетиха расчет Булычева прямой наводкой подавил огонь минометной батареи, разбил пулемет, три подводы и уничтожил полтора десятка гитлеровцев. В ходе боя за само село Булычев уничтожил два пулемета, машину с боеприпасами и рассеял до взвода пехоты. За этот подвиг старший сержант Булычев приказом по 10-му гвардейскому стрелковому корпусу был удостоен ордена Славы 3-ей степени, который ему вручили сразу после учреждения этой высокой награды Верховным Советом СССР (08.11.1943 г.).

Потом было форсирование Днепра в его нижнем течении, освобождение Херсона, Николаева, штурм Перекопа, тяжелые бои в Крыму.

В конце апреля 1944 г. полк был выведен из боя и в составе 28-ой армии перебросен на запад для участия в Белорусской операции «Багратион».

Полк действовал на участке Корша – Гороховищи. Местность тут была лесистая, болотистая. Оборонительные рубежи противник укрепил необычайно сильно. Но ничто не могло устоять перед ударом наших войск. 24 июня в 4:55 шквал огня обрушился на передний край противника, а когда он перешел в глубину, поднялась в атаку пехота с танками и орудиями. Спустя сутки оборона была прорвана на всю глубину. Геройски действовал расчет Николая. Вот выписка из наградного листа: «Тов. Булычев Н. С. в боях при прорыве сильно укрепленной обороны 24 июня 1944г, поддерживая свою пехоту огнем и колесами, огнем своего орудия уничтожил тягач с орудием противника, подавил два пулемета с прислугой, один блиндаж и до двадцати солдат и офицеров. Удостоин награждением ордена Славы 2-ой степени. Командир 530 ИПТАП майор Данильченко».

Белорусская операция завершилась полным разгромом целой группы фашистской армии. Действия полка были высоко оценены. «09.07.44 г. в 17:00 полк был выстроен «под знамя», где был зачитан приказ Верховного Главнокомандующего товарища Сталина И. В. о вынесении благодарности отличившимся войскам за взятие города Барановичи, в частности отличились артиллеристы майора Данильченко, за что полку присвоено звание «Барановического»

Осенью и зимой 1944 г. передышек в боях у Николая почти не было. Участвовал в боевых действиях при освобождении Литвы, а с 13 января 1945 г. – в прорыве оборонительной линии и наступательных боях в Восточной Пруссии. Вот что написал 15 января оперативный дежурный в журнал боевых действий: «В период прорыва долговременной и глубоко эшелонированной обороны противника и начавшегося преследования его в полку, Н.С. Булычев отличился своим бесстрашием и исключительным мастерством. Батарея только за два дня уничтожила 1 дзот, 3 пулеметные точки, 1 блиндаж, подавила огонь минометной батареи». За успешные боевые действия в Восточной Пруссии Булычев Н. С. был награжден орденом Красной Звезды.

В боях на подступах к Кенигсбергу в ожесточенной ночной схватке за деревню Дидерсдорф значительная часть немцев была уничтожена. Н. Булычев в этом бою был ранен. Недолго пробыл Николай Сазонович в медсанбате, настоял на скорейшей выписке и в начале апреля – снова в родном полку в пятой батарее, но теперь на должности командира взвода. К этому времени полк перебросили

на 1-ый Украинский фронт, который готовился к удару на Берлин с юга.

В конце апреля был блокирован Берлин и одновременно в лесах, юго-восточнее его, окружена 200-тысячная, так называемая франкфуртско-губенская, группировка немецко-фашистских войск. Неожиданно поступил приказ: немедленно выдвинуться в район Куммерсдорфа и создать противотанковый заслон врагу, который прорвал кольцо окружения в районе населенного пункта Борут и пытается пробиться в осажденный Берлин. Задача была не из легких. Личному составу полка, около 500 человек (шесть батарей, насчитывающих 23 орудия), предстояло закрыть пятнадцатикилометровый участок фронта на стыке двух наших дивизий и не пропустить многотысячную, хорошо вооруженную группировку немцев, в состав которой входили танки, самоходные орудия, артиллерия. Но других сил, кроме 530-го ИПТАП в тот момент у нашего командования в резерве не было.

В ночь на 30 апреля 5-я батарея заняла огневой рубеж, перекрыв дорогу, ведущую из Куммерсдорфа в Шенефельд (около 40 км от Берлина). Утром из леса вытянулась вражеская моторизованная колонна. Николай, дежуривший на батарее, предложил немцам сложить оружие, однако те отказались, видимо, сознавая свое огромное преимущество в силе. Артиллеристы ударили по колонне прямой наводкой. Колонна тотчас же рассредоточилась. Артиллерия противника открыла шквальный огонь. Тем временем его пехота и танки приняли боевой порядок и пошли в атаку. Численно гитлеровцы раз в десять-пятнадцать превосходили артиллеристов. Они шли напролом, не считаясь с потерями. Первую атаку удалось отбить. После короткой передышки последовала вторая, затем третья, четвертая... На позиции уже рвались гранаты, трещали автоматные очереди. Началась рукопашная схватка. Погиб расчет орудия старшего сержанта Фалько, до последнего патрона отбивались артиллеристы расчета сержанта Милашкина. А сам Милашкин, когда гитлеровцы ворвались на огневую позицию, подорвал себя вместе с ними противотанковой гранатой. Вышел из строя и почти весь расчет Булычева. В том бою он принял командование остатками батареи на себя и свой последний бой провел, командуя уцелевшим у батареи орудием. Сам старший сержант был тяжело ранен, но продолжал отбиваться от наседавших врагов гранатами и из личного оружия. Между атаками, товарищи попытались эвакуировать раненых, но неожиданно столкнулись с гитлеровцами. В ходе завязавшейся перестрелки Булычева ранило еще раз... Это был самый кровопролитный бой в истории полка. Практически все орудия были разбиты. Вместе с тем поставленная перед полком задача была с честью выполнена. Вот что было записано в журнале боевых действий: «Противнику прорваться не удалось. Полк, неся большие потери, стоял насмерть. Значительная часть вражеских войск была уничтожена, и лишь незначительная часть прорвалась, но была разрознена и деморализована. В ожесточенных кровопролитных боях с 29.04 по 02.05.45 г. полком было уничтожено 13 танков и самоходных орудий, 16 БТР, 25 автомашин, 4 зенитные пушки, 8 пулеметов, 2615 солдат и офицеров противника, взято в плен 1009».

Солдаты и офицеры полка покрыли себя неувядаемой славой. «Мужество и героизм проявил весь личный состав 530-го ИПТАП», – отмечает Маршал Со-

ветского Союза И.С. Конев в своей книге «Сорок пятый». Герой Советского Союза, бывший начальник разведки 530-го полка, Ю. В. Садовский вспоминает:

«Я навсегда запомнил тот рейд после боя по позициям наших батарей. Разбитые, вдавленные в орудийные окопы пушки, раздробленные стволы старых сосен и трупы, трупы, трупы..., темные громады разбитых танков, обгоревших машин, тяжелый запах пороховой гари и горелой техники. Позицию за позицией внимательно осматривали мы с разведчиками. Искали, но не находили живых. В районе 5-ой батареи искали особенно тщательно, тут шел последний бой, тут фашисты делали последнюю отчаянную попытку прорваться... Мы долго искали, но ни Булычева, ни людей из его расчета так и не нашли. Оружие вмято в окоп, ствол вдавлен в землю, а станины как-то нелепо задраны кверху. По следам видно, что фашистский танк еще и повертелся на огневой, чтобы уничтожить все живое. Так и решили мы тогда, что погибли наши товарищи...».

За боевые действия под Берлином 12 артиллеристов получили звание Героев Советского Союза (шестеро из них посмертно), старший сержант Булычев Н.С. был награжден золотой Звездой Ордена Славы 1-ой степени, став полным кавалером этой почетной награды. В наградном листе командира полка, подполковника Данильченко, говорилось: «В бою 30.04.45 г. при ликвидации окруженной группировки немцев в районе села Шенефельд, что южнее г. Берлина 40 км., тов. Булычев сам стоял у орудия и огнем прямой наводкой сжег автомашину и 15 солдат противника. Будучи ранен, продолжал вести бой из личного орудия и гранатами. Лично убил еще шесть солдат противника. После вторичного ранения разрывной пулей в руку отправлен в госпиталь. Достоин награждения орденом Славы 1-ой степени».

Николай выжил. Тяжело раненый, собрав последние силы, чудом добрался до госпиталя. Выписан 24 августа 1945 г. Получил инвалидность 3-ей группы. Вспоминая боевые сражения, Булычев Н.С. отмечал, что самыми тяжелыми боями в его фронтовой биографии были первый бой под Сталинградом и последний – под Берлином.

День Победы, 9 мая, для Николая Сазоновича всегда был самым значимым праздником, но встречал он его со слезами на глазах. Слишком много погибло боевых товарищей. Унесла война и жизнь двух его родных братьев. Старший – Александр защищал Ленинград, командуя стрелковым полком. Осенью 1944 г. он был тяжело контужен вражеским снарядом и умер 26 мая 1946 г. Младший брат – Михаил защищал Москву. Погиб в ноябре 1942 г. и только самого младшего брата, Владимира, пощадила война. В 1944 г. он поступил и в 1946 г. окончил офицерское пехотное училище.

Первые послевоенные годы были крайне тяжелыми для Николая. В мирную жизнь он пришел инвалидом, не имея возможности вернуться к своей прежней профессии термиста, не имея полного школьного образования. В 27 лет надо было начинать жизнь сначала. Он начал работать на московском заводе «Компрессор» сначала комендантом, потом и. о. начальника АХО, экономистом. Окончил среднюю школу. На заводе много занимался общественной работой, среди товарищей пользовался заслуженным авторитетом. В 1948 г. его направляют на учебу в Высшую школу профдвижения, а в 1951 г. Николай успешно ее

оканчивает. С сентября 1951 г. по сентябрь 1952 г. работает инструктором в ЦК профсоюза рабочих машиностроения и приборостроения. За этот срок Николай Сазонович успешно выполнил ряд ответственных заданий руководства ЦК на периферии (завод «Уралхиммаш» г. Свердловск, машиностроительный завод в г. Углич, в Подольске, Лебедине и др.).

Спустя полвека, в 1999 г. на торжественном митинге, посвященном 80-летию ВШПД – ныне Академия труда и социальных отношений, Николай Сазонович в своем выступлении отметил: «Мы жили, вы сами понимаете, в другую эпоху, с другим нравственным и духовным настроем. Это было сложное послевоенное время. Кто постарше – те помнят хорошо: надо было работать за себя и за того парня... Поступившие в то время в ВШДД люди жаждали знаний. Они буквально вчитывались в каждую строчку учебника, вслушивались в каждое слово лектора, чтобы овладеть знаниями более объемно, быть полезными в том коллективе, на том участке, куда они будут направлены, потому что страна требовала этого.» Да, страна требовала. И вновь Булычева направляют на учебу.

С 1952 по 1955 г.г. он слушатель Высшей Дипломатической школы МИД СССР – ныне Дипломатическая Академия. И ровно через 10 лет после окончания войны Николай Сазонович на дипломатической работе. «В годы войны мне довелось с оружием в руках защищать мир на земле, – говорил он – Сейчас, по существу, я выполняю ту же задачу, но другими средствами».

Решение фронтовика-инвалида стать дипломатом казалось не осуществимым. Одножелания здесь было мало. И главное препятствие здесь не столько в трудностях учебы, ведь профессия требует огромного объема знаний, сколько в объективных трудностях пройти государственную медицинскую комиссию. У Николая после сквозного пулевого ранения в правую руку, кисть рук и пальцы остались почти недвижимыми. Казалось, даже бесполезно пытаться получить у медиков «добро». Но был такой дар у Булычева – умение убеждать людей. Комиссия сделала исключение. Вне всякого сомнения – это уникальный случай и вряд ли он имел повторение в послевоенной истории МИДа.

Дипломатическая карьера Булычева Н. С. началась с должности атташе консульского управления. С 1957 по 1960 г. – он 3-ий секретарь посольства СССР в Албании. Возвратившись в Москву, Булычев Н. С. в 1971 г. был назначен в отдел информации МИДа с присвоением очередного ранга – советника. Этот отдел выполнял роль, как сейчас принято говорить, мозгового центра. В состав отдела вошли опытные дипломаты высокого ранга в обязанности которых, в частности, входило изучение и обобщение деятельности советских посольств и оказание им помощи в решении конкретных внешнеполитических задач.

В марте 1978 г. Булычеву Н. С. присвоен высокий ранг Чрезвычайного Полномочного Посланника. В апреле 1978 г. он назначается Генеральным консулом СССР в г. Таиз, Йеменская Арабская республика, и работает в этой должности до закрытия генконсульства в октябре 1978 г. По возвращении в Москву – он снова в отделе информации. С июня 1981 по август 1984 г.г. – последняя командировка Булычева Н. С. Указом Президиума Верховного Совета он был назначен Генеральным консулом СССР в г. Пуэнт-Нуаре, Н.Р Конго.

С 1 января 1985 г. Булычев Н. С. ушел на заслуженный отдых. Память о нем хранится в книге Почета и музее МИДа.

С уходом в отставку активизировалась общественная работа Николая Сазоновича по линии Советского Комитета ветеранов войны, в котором он состоял постоянным членом комиссии по пропаганде.

Булычев Николай Сазонович награжден 6 орденами, в том числе, тремя орденами Славы и являлся полным кавалером ордена Славы, орденом Отечественной войны 1 степени, орденом Красной Зезды и орденом Дружбы народов.

Имеет 12 медалей. В том числе – «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенгсберга», «За взятие Берлина», «За победу над Германией»

Значительная часть биографических сведений о Булычеве Н.С. опубликована в ряде изданий:

1. П.Г. Остроухов, «Богатыри земли русской». Московский рабочий, 1977 г.,
2. Г.И. Андреев, «Солдатская слава», МО СССР, 1981 г.
3. Н. Варягов, «Батарейцы», ДОСААФ СССР, 1985 г.
4. Ю.В. Садовский, «Ни шагу назад!» Волго – Вятское кн. издательство, 1988 г.

Ватагин Сергей Михайлович

Я, Ватагин Сергей Михайлович, родился в 1925 году 2 октября в деревне Михалёво Константиновского района. Семья состояла: отец, Ватагин Михаил Петрович, родом из Михалёво, мать, Татьяна Андреевна, из села Богородско-Лапино, девичья фамилия Косорева, бабушка, Мария Ивановна, я даже не знаю по чьей она линии, два старших брата Василий с 1921 года, Николай с 1923 года, я и Виктор с 1929 года. Дом построили большой, пятиоконный, дед помог деньгами, двор большой. Главное то, что, когда мы уехали оттуда, в нем был сельсовет и до сих пор стоит. Отец был коммунистом, и его послали в 1931 году председателем колхоза в д. Язвицы. Он перевез нас из деревни Михалёво в деревню Шубино, сняли полдома. Прожили только одну зиму и переехали на завод № 11. Поселили нас недалеко от деревни, в бывший «ЛАБАЗ», это как раз где школа, магазин, столовая, свинарник, конюшня. Дали полдома, в другой половине другая семья жила.

Хочется вернуться в детство и рассказать, что я помню из него. Помню я себя с трёх лет, потому, что при нас ломали старый дедов дом и ставили новый дом. Деда звали Пётр. Дед выращивал телят и сдавал барышникам, поэтому у нас с мясом было неплохо. Молока было мало, им отпаивали телят. Братья уже подросли и занимались своими сельскими делами. Была корова, косили сено, помогали деду Петру. Соломы было много, спали на ней, на дерюжках и даже дед Пётр нам подарил несколько шкур телячьих, обработанных. Мы на них спали в длинных рубашках ситцевых. Трусов и маек в то время не было. Мы, маленькие накрывались лоскутным одеялом, а большие кто чем. Они нарабатываются, поедят, чугуна картошки съедят с огурцами. Корова была, мать молока нальёт нам, поставит крынку на стол, вот и ужин. Освещали избу лампами керосиновыми. Лампы были большие, хорошие. Мать наказывала, бабка ещё жива была: «Смотрите, если разобьёте стекло, его не достанешь». Поэтому, мы к лампам не подходили. Утро начиналось с того, что мать выгоняла скотину.

Мы тоже просыпались и шли за коровами, куда их пастух гнал. Они шли к пруду, деревня там кончалась. Пруд был большой, они идут пить. Мы с Виктором брали корзинку и ловили в пруду карасей. Коровы взмутят воду, а караси плавают и бьются о ноги, вот так карася 3-4 поймает. Потом домой, уху сварят или зажарят. На обед мать варила щи, осенью – из свежей, зимой – из кислой капусты. В печи они получались ароматными, очень любили все щи из печи, щи белили молоком. Первое ели все из одной большой тарелки деревянными ложками, которые вырезал дед Пётр. У маленьких были свои маленькие ложки, вилок не было. Готовили в больших чугунах, семейных, хлеб мать пекла сама. На праздник пекла булочки или ватрушки. Хлеб в основном шел ржаной, белый только по праздникам, это редкий случай. Мылись мы в печке. Когда печь протопится, вытаскивают оттуда угли, застилают соломой. Виктора сажали с одной стороны, меня с другой. Мать подавала такую шаечку с водой и сама залезает. Печка была большая. Она нас там и мыла, особенно Виктора. Сначала мыла голову, потом терла спинки нам, потом попу и до ног. До стенок старались не дотрагиваться, было горячо и перепачкаться сажей можно. Потом вылезали из печи на солому и окатывали чистой водой. Так мылись все по очереди. Старшие тихонечко венником махались. В печи жар особый.

Помню, сажали рожь, большая такая площадь, гектара три. Пахали лошадей, лошадь была не наша, в деревне было несколько лошадей, они для всей деревни, такие трудовые были лошади, сегодня у нас пашут, завтра у другого хозяина.

Гулять ходили около дома, потому что ездили цыгане. Я помню, мы с Виктором зимой вышли гулять, нам валенки сваяли, а через Михалёво идёт дорога на Константиново. Едут цыгане в телегах, закрытые шкурами всякими. Один цыганёнок вылетает из этой шубы, весь голый, пописал и опять под шубу, а уже снег лежал. Мы стоим удивлённые, а он выгибается и улыбается. Одежда зимняя у нас была, были санки, на которых мы катались. Около деревни речка протекала, был спуск к реке, как на Пикунихе. Там мы и катались на санках.

В школу я пошёл в 1934 году. В этом доме на первом, втором и третьем этажах была школа, а на четвёртом жили учителя. В среднем подъезде был клуб школьный, мы ходили смотреть фильмы, были школьные спектакли. Я учился в пятом классе, когда поставили в сквере памятник Ленину и Сталину, нас там в пионеры принимали в 1939 г. Сквер был огорожен, входные ворота были красивые, в ночное время сторож ходил. Памятники поставили на Октябрьские праздники в 1938 году.

В 1940 году вышло постановление создать ремесленные училища и произвести набор. Я пошел в ремесленное училище при заводе №11. Выдали нам форму, это было осенью, закончил семь классов. В то время ремесленное уже было, на его базе создали ФЗО №16. Занятия проходили в школе. Школа была новая, еще краской пахла, и мы старались учиться, как можно лучше, потому что знали, что нас обуло, одело, кормит и учит государство. Когда шли по городу строим и с песней, люди останавливались и смотрели на нас, молодые ребята смотрели с завистью. Многим хотелось учиться в училище. Учиться было почетно. Обучали специальностям – маляра, штукатура, токаря, слесаря, фрезеровщика, электрика. Преподаватели были из школы, были преподаватели

ли и из техникума. Педагогический коллектив был сильный. Подъем в 7 часов, зарядка, уборка постелей, утреннее построение и строем на завтрак. Местные ночевали дома, приезжие в общежитии. Общежитие располагалось на втором этаже. Местные ребята должны были приходиться на утреннюю зарядку и построение. Зарядка проходила под аккордеон. После зарядки, умывались, одевались, строились и строем шли на Возрождение в столовую. Шли бодро с боевым настроением, как солдаты, с песнями. Тротуары были деревянные, дорога была мощенная булыжником. Приходили в столовую, столы уже были накрыты, садились каждый на свое место, завтракали и шли на занятия в школу. Начало занятий зависело от преподавателей. Начинали в 10 часов, заканчивали в 14 часов. После уроков шли на обед, после обеда шли в мастерские. В мастерской занимались долго, пока не выгонят. Вечером в 20 часов шли на ужин. На завтрак чаще давали кашу, сладкий чай и хлеб. На обед суп рыбный, котлета с картошкой и компот или кисель. На ужин тоже, иногда давали котлету, на гарнир шла каша перловая. Деньги нам не платили, продукцию мы не производили, а делали заготовки. Их у нас принимали, ставили нам оценки и оценивали способности каждого, какому разряду мы принадлежим. Учеба была двухгодичная, было шесть групп, около 130 человек. Из этого количества 40 самых лучших учеников в 1941 году распределили в Загорск. Я был среди этих выпускников. Уже немцы бомбили Москву. Нас поселили в фабрику РККА, где потом была третья городская больница, на четвёртый этаж. Мы вылезали на крышу и смотрели, как сбивают немецкие самолёты.

Осенью 1941 г., по распределению, я попал на Скобянку. Меня направили в инструментальный цех, я был слесарь-лекальщик. На деньги, которые мы зарабатывали, завод нас кормил, на руки мы ничего не получали. Из Загорска домой мы добирались на Кукушке. Основная операция моей работы на Скобянке была подгонка затворов ППШ. За рабочую смену я делал иногда 25 штук, иногда 30. У меня было старание к металлу, чутьё какое-то к нему.

Когда немец подошёл к Москве и Клину, нас всех направили за разрешением к родителям на эвакуацию. Я приехал, мать не отпустила даже, чтобы доложить на Скобянке, я был единственный помощник матери. Братья все были на фронте, а она держала корову. Они ушли на фронт с самого начала. Николай с 1923 года, закончил аэроклуб и его сразу в училище летное и на фронт лётчиком-истребителем. Он под Москвой воевал. Погиб в воздушном бою. Отец в 1942 году, защищая Москву, погиб. С отцом вместе воевал Никулин с Возрождения, он нам и сказал, что в отца попал снаряд, и разорвало его так, что собирать было нечего. По документам пропал без вести, документов нет и его нет. Василий попал в танковое училище, закончил его – и на фронт. Николай был офицер, Василий – рядовой.

Меня призвали в армию весной 1943 года. Повестки не было, повезли в Гороховецкие лагеря, там обучили в течение двух недель. Научили стрелять по движущимся мишеням. Так как я стрелять уже умел, у нас ружьё было «Зауэр» 12 калибра, мне было легко. Нас уже одели в военную форму. И в конце июня 1943 года погрузили в вагоны и эшелон отправили на фронт под Орёл. В Дулёве Тульской области разгрузились. Нас сразу стали немецкие самолёты бомбить.

Было попадание в эшелон, несколько ребят погибло, пришлось тут задержаться. У меня сноровка какая-то уже была. Рядом разбитая водокачка, я сразу в эту башенку схоронился, офицер со мной нырнул. Обследуем из укрытия обстановку. Собрали 12 раненых, отправили в тыл, четырёх погибших похоронили. Собрали нас, построили и своим ходом отправили вперед. Шли вечером, днём идти невозможно, бомбили. На передовую пришли часам к четырём утра. С нами была полевая кухня. Пришли на передовую, нам выдали оружие и трёхдневный запас продуктов. В него входили концентрат пшенной каши, банка тушенки, буханка хлеба, восьмушка махорки (стакан) и коробок спичек. Так мы пришли на передовую, там уже шёл бой. Нас бросили на Белёв, там уже были выкопаны траншеи, линий 5 или 6 выкопано было, потому что здесь оборона была долгая, это Курско-Орловская дуга. С утра мы поднялись в атаку, пошли вперед, немцы рожь подожгли или наши минеры подожгли, не знаю. Сзади нас шли наши танки, и мы стали двигаться по этой горячей ржи. Проскочили огонь. Сориентировались, смотрю какой-то овражек, низинка. Все – в неё. Здесь мы освободили две деревни и село Майское. Во время атаки у каждой роты, у каждого взвода есть свои командиры. Три роты составляли батальон.

Мы расположились батальоном, и нас начали обстреливать из орудий и минометов. Авиация налетела. Кругом дым, огонь, трупы наших ребят. Танки немецкие тоже по нам били снарядами. Пришлось ползти по-пластунски, чтобы выбраться из этого кошмара. Когда мы подошли вплотную к городу Белёву, немцы открыли по нам такой огонь, что мы залегли в траншеи и не могли даже головы поднять. Прозвучала команда: «Окопаться». Быстренько выкопали себе укрытие. Каждый для себя окопчик. Во время атаки, со мной рядом шли два узбека, потом, когда все залегли, и они тоже залегли. Одного узбека убило, другой его потащил назад, по-своему позвал своих друзей. Собрались, сели вокруг убитого молиться, погиб земляк, хороший друг. В это время немцы из миномета обстреливали их, все восемь человек погибли. Эта трагедия произошла на моих глазах.

У нас была специальная рота, которая занималась похоронами. Хоронили в братских могилах. Во время атаки санитарок с нами не было, они шли потом, и подбирали раненых. Отбили деревню у немцев, а деревни нет, только одни трубы – всё сожжено. Честно говоря, тяжело было все это видеть. Мы только вперед: «За Родину, за Сталина». Пробежали по овражку, смотрю – заложен ветками вход, оказалось, там землянка. Мне в голову стукнуло: «Не немцы ли там спрятались?» Я туда с автоматом: «Хальт, хонде-хох». А оттуда: «Да это мы, свои, русские, прячемся от немцев». Там оказались наши русские с Белёва, женщины с детьми. Что удивительно, так получилось, что один мальчик, Виктор, запомнил этот случай. После войны мы с ним оказались в санатории Краенка. Стали вспоминать войну. Рассказываю этот случай, а Виктор, мой сосед по комнате, говорит: «А это ты про меня рассказываешь. Я был маленьким, но запомнил, как русский солдат кричал «хонд-хох».

После наша часть отправилась на Белёв, хорошо, что были выкопаны траншеи во весь рост с переходами. По ним велся огонь из минометов, но мы в земле и в касках. Пошли танки. Мы двигались по траншеям к этим танкам. Подобрались. У нас были бутылки с зажигательной жидкостью, были проти-

вотанковые гранаты. Выдали нам по две гранаты и по две бутылки с зажигательной смесью. Бутылки пахли бензином и, видно, там была какая-то жидкость, которая воспламенялась при разбитии бутылки, называлась «коктейль Молотова». Траншеи немцев были рядом, потому что оборона в этом месте была давно. У нас была команда: «Только вперед!» Перебежками подошли к вражеским траншеям, здесь началась схватка с пехотой. Нам была поставлена задача: «Бить по танкам, как можно точнее». Подошли ПТР, пушки 45 мм подкатали и начали бить по немецким танкам. Наша задача была бросить бутылку, гранату, чтобы уничтожить танк. Когда мы Белёв брали, здесь погибло много наших солдат. От нашей роты из 200 человек осталось половина, остальные выбыли, кто убит, кто ранен. В этом бою танков восемь подошла наша рота. Думы в моей, еще юной голове, всякие были. Приходилось соображать, как спастись, уберечься от пули, не попасть к немецким разведчикам в плен. Передовая. После взрыва бежали только вперед. Если немца увидишь, тут реакция нужна, кто быстрее. Поэтому хорошо, что дома было ружьё, и я стрелял хорошо. Я стрелял навскидку, и не единожды видел, как после моего выстрела немец кувыркался и не вставал. Я шел вперед. В рукопашную мы здесь не сходились, немцы стали отходить. По отступающим мы открыли сильный огонь. Наши танки, которые сзади шли, открыли настоящую дуэль с немецкими танками. Наши из ПТР стреляли, перебивали гусеницы, танкисты добивали подбитый танк. Немецкие – «Тигр», «Фердинанд», «Пантера», у них броня мощнее, чем у наших танков. Они успели на Курско-Орловскую дугу поставить новую технику. В лоб наши 76 мм пушки их броню не пробивали, 45 мм пушка только гусеницу рвала или заклинивала башню, а так рикошет. Такой свист, скрежет исходил, когда броневой снаряд попадал в бок. Снаряд взрывался с таким скрежетом... Танк загорался.

Кроме этого велась бомбёжка сверху: немецкие самолеты, наши истребители, наши бомбардировщики. В небе над нашими головами творилась такая каша. Невозможно понять, где и кто падает. Под Орлом, в основном, эти бои шли ночью. Здесь останавливаться нам не давали, только вперед. Это было в конце июля, начало августа. 5 августа мы освободили Орёл. В Орёл я вошел раненым. 3 августа мы освобождали город Карачев. Тоже такая же история там. Закопанные немецкие танки и самоходки, мы обошли с двух сторон. Началась сильная артиллерийская подготовка с их стороны и с нашей. Не знаю, как мы в этом аду остались живы. Мина разорвалась недалеко от меня, два осколка попали в ногу, чувствую, обожгло, нога горит. Осколки поверхностные, потом пришлось их вытаскивать, кость не затронуло. Тут же получил пулевое ранение, били из пулемётов. Даже подняться не давали. Пуля угодила в левую ногу, под коленкой перебило мякоть. Рубец так и остался. Пуля порвала кожу, не задела сухожилие, мне тут ногу завязали. Я стал хромать, на носилках перенесли в овраг, посадили на телегу и отправили в полковую медсанчасть. Четвертого августа меня ранило вторично, а пятого нас всех, раненых, повезли в Орёл.

Попал в санчасть. Это двухэтажное здание с большими подземными помещениями. По всей вероятности, в этом здании до войны был какой-то склад. Осколки из ноги не вытащили, хирурга хорошего не было. Медсестра говорит:

«Как колена? Главное, чтобы кровь не текла из пулевого ранения». Приехал меня навестить старшина, узнать, как дела. Получил боеприпасы, по пути и захватил наведать. Я попросил: «Старшина, возьми меня, чего я тут». Он меня посадил в машину и привез в часть, Никакой справки я не взял. Так с осколками и ходил до второго ранения 7 января 1944 года. Меня ранило зимой миной, каска меня спасла, контузило. Случилось это под Калининскими в Белоруссии.

Немного вернусь назад. Мы уехали со старшиной в часть. От нашей роты осталось 12 человек из 200. Остались все молодые с 1925 года рождения. Мне в то время 18 не исполнилось. Приехал командир дивизии, и нас, которые прошли с боями, раненных, направляет в разведку. Разведчиков не хватает. Я попал в армейскую разведку 61 Армии. С этой разведки всё и началось. Нас немного подучили: «Хайль, хенде хох», всякие немецкие выражения. Основное обучение в разведке – как взять «языка». Перед этим мы освободили город Чернигов. Нашей 76-й дивизии присвоили гвардейское звание, выдали всем гвардейские значки. Под Черниговом проходили ожесточенные бои с танками и авиацией, много погибло ребят.

Идешь в разведку без погон, сдаешь все документы и награды. Получаешь боеприпасы: гранаты, бутылки с зажигательной смесью, автомат с двумя дисками на случай, если придется отбиваться. Нас послали на первое задание после форсирования Днепра. В разведку идет группа из 12 человек: командир-лейтенант, четыре человека – захватгруппа, радист и прикрывающая группа. Идем на задание, смотрим по местности, изучаем, где удобней пройти и как отходить. Для форсирования Днепра мы разобрали недогоревший дом, сколотили плотик, уцепились за него и поплыли. Сами были в воде, на головах каски, вещмешки – на плоту. Течение на Днепре сильное, нас несло вниз по течению, но все-таки вышли к своим. Командир рассчитал, что если нас на километр снесет, то мы попадем, куда нам надо. Там как раз у немцев оборона была очень близко к Днепру, здесь мы и брали «языка». Я был в прикрывающей группе, в захватгруппе ребята покореннее, постарше. Немцы пускали ракеты осветительные, приходилось ложиться, всю дорогу ползли, если где овражек, то можно, согнувшись идти. Подползли к траншее, смотрим – пулемет бьет немножко в стороне. К пулемёту не подойдешь. Мы остались возле немецких окопов, а четверо наших прыгнули к немцам в траншею. В это время там шел солдат. Его сразу плащ-палаткой накрыли, в рот кляп сунули. Руки связали и несут. Захватгруппа уже тащит «языка». Мы наготове, на всякий случай, вдруг сейчас выскочат немцы из траншеи. Смотрим, наши уходят спокойно, мы за ними отходим. Ракету бросили, сразу падаем. Вот так мы первого языка притащили. Оказалось, рядовой ходил к своему товарищу. Немцы тоже брали «языков», но больше во время боя, раненых, которых не успели подобрать наши санитары. Они в разведку за «языком» шли целой ротой, как в наступление. Начинали с артиллерийской подготовки. Добегают до наших траншей, первого солдата, который спрятался, хватают и уходят. Наши ребята молодцы, открывают сильный пулеметный огонь, минометный огонь и отбивают вылаз за «языком».

После того, как немца с Днепра выбили, наступление пошло успешно, стали продвигаться быстрее. Тогда немцы бросили эсэсовские дивизии – «Викинг»,

«Мёртвая голова» и другие, они были подкреплены танками. Сражались они со страшной силой, вот здесь нам доставалось с ними повозиться.

Первая награда была – медаль «За отвагу», за взятие Орла, вторую получил за форсирование Днепра. У нас «За боевые заслуги» не давали, только «За отвагу». Одного языка взяли – всё, второго взяли – надо наградить захватгруппу, потом уж и до нас очередь доходит. Тут орден получить очень сложно. Я получил две медали «За отвагу», орден «Красной Звезды», орден «Отечественной войны».

Горшков Михаил Иванович

Родом я из деревни Ваулино. В то время в деревне было 36 дворов. Наш дом по переду был в три окна. Дом считался средним. До войны крыт был соломой, а потом его покрыли дранкой. Нас в семье было 9 человек детей. Сестра, 1919 года рождения, и брат, 1936 года, умерли маленькими. Остальные семь человек были живы. С родителями нас было девять душ. Спали мы на соломе, покрытой дерюгой. Все ложились в повал. Накрывались одеялом, тулупом, кто чем. Каждый день мать вносила эту солому и выносила утром. Зимой была печь-временка, железная. Натопят ее с вечера, часов 8-9, тепло было. Под утро все друг к другу прижимались, изба остывала. Изба освещалась керосиновой лампой, семилитровой. Такая лампа, особенно висючая, считалась очень светлой, а то были копилки. Готовили больше картофель, щи, кашу, капусту тушеную, парили брюкву. Макароны и других подобных продуктов не было. Было молоко свое, мясо, куры, овец держали с ягнятами по 24-25 голов. Был теленок, лошадь, телка молочная. Была своя земля, надел давали на мужиков. Говорили так: «Зачем девке земля? Она к мужу в дом пойдет. Мужчина – продолжатель дела отцовского». В 1930 году, в возрасте 8 лет я пошел в школу. Церковно-приходская школа, четыре класса, была в Шурме. В то время в Шурме было 45 дворов. Директор школы был из местных жителей. Напротив школы была церковь. В наше время священники уже не преподавали, а раньше были уроки, где преподавал батюшка.

После окончания школы работал счетоводом в колхозе «Красный путь», в своей деревне. В колхоз входила только одна наша деревня. Работал там до 1941 года, до начала войны.

В армию призвали в августе 1941 г. Мы строили аэродром за Константиновом. Собрали молодежь, допризывников, мы осушали болото, кругом делали площадки для аэродромов. Потом, в сентябре, призвали в армию, и пошли мы защищать Родину. Нас человек 70 собрали в Константинове, там был райвоенкомат. Мы шли колонной через Константиново, через Бобошино, Никульское, Зимняк, шли в гражданской одежде. С нами шел мл.лейтенант, он нас обучал, был за нас в ответе.

На станции Бужаниново нас погрузили в вагоны – телятники и повезли под Горький, в Подзолино.

Когда приехали, нам выдали военную одежду, все наши размеры были в документах написаны. Первое время нас организовали, начали обучать. Я имел свойство к станковому пулемету «Максим», потому что когда допризывником

был, шесть месяцев обучался по работе с «Максимом». Я хорошо знал пулемет «Максим», мне дали группу солдат. Я больше месяца готовил группу, как обращаться с пулеметом, его разборка и сборка на время. Потом меня поставили командиром отделения, присвоили звание сержанта и дали полный расчет из семи человек. Нас готовили для обороны Москвы, но, ввиду каких-то обстоятельств, 4 декабря 1941 года привезли в Алешинские казармы в Москве. 5 декабря 1941 г. началось общее наступление. Мы во втором эшелоне шли до Калуги, освобождая Подмоскovie. В то время были очень сильные морозы – минус 40 градусов, доходило до -47 градусов. Немцы все были обморожены. Мы их вытаскивали из блиндажей, и очередь из пулемета уничтожали. Кто убежал по заснеженному полю, пуля догоняла, и они оставались лежать там. Нам была поставлена задача: «Врага в плен не брать». Наша главная задача была захватить железнодорожный мост через р. Оку, где она сходит с р. Угра. Взяли мост, пошли на Сухиничи. Наш батальон оставили для строительства укрепрайона. Немцев с этих рубежей выбили полностью. В феврале мы не успели сделать укрепрайон на полотняном заводе, который стоял на реке Угра, нас отправили на охрану моста. Мы заняли мост, и нам приказали окопаться, были кирки и лопаты. Работали больше в вечернее время, днем не давали работать, шел обстрел с позиций противника. Ночевать ходили в деревню Чижовка. На постой нас разместили у женщины, в семье которой было 5 человек детей. Нас было целое отделение, 7 человек со мной. Мы сухой паёк отдавали хозяйке, она готовила еду на нас и своих детей.

В феврале 1942 года нас перебросили под Старую Руссу. Здесь в городе Демьянск была окружена 16 немецкая армия. Мы ее держали под прицелом, чтобы ни один немец не вышел из кольца. Постоянно работала разведка, чтобы не прорвались к ним силы на помощь со стороны Ленинградского фронта. Я находился в это время на северо-западном фронте в 34 Армии. Мы стояли, пока они не прорвали нашу оборону и не окружили нас. С техникой было тяжело, кругом болото, апрель месяц, все разжиделось. Нашу роту немцы окружили в деревне Александровка 29 апреля, это были немецкие войска, которые шли на помощь своим, находящимся в окружении. Послали разведку из 4 человек. Разведка доложила, что путь свободен, никого нет. Первый послали наш взвод, командиром был лейтенант Голубев, помкомвзвода был Литченко Иван Александрович с 1912 года рождения, я был командиром первого отделения. Мы шли в полной боевой готовности, то есть пулеметы были разобраны, кроме ручного пулемета, который был в сборе. Автоматов в то время не было, были винтовки. Наша разведка проглядела немцев, мы вышли прямо на них. Они открыли огонь, убили командира взвода Голубева. Мы вместе с помкомвзвода Литченко одновременно бросили две ручные гранаты РГ-5 по амбразуре. Сразу расчехлили пулемёты и заняли оборону. Мы закрывали отход своей роты, чтобы она вышла и перешла речку Присморжье. Пока вся рота не перешла реку, мое отделение отбивалось. Мы отходили последними.

Утопили одно «тело» станкового пулемета «Максим», но его потом достали.

Санинструктором у нас был старшина Шмакин, ростом выше двух метров. Вот он нащупал «тело» станкового пулемета весом в 23 кг, зацепил веревкой и

мы вытащили на склон берега. При выходе из боя потеряли командира и три человека были ранены. Тело командира взяли с собой, там не оставили, вынесли на руках, захоронили на берегу реки Ловать. Вырыли могилу и захоронили, поставили ему дощечку, написали кто, откуда. Раненых оставили в медсанбате. Пошли дальше. Метров 30 по берегу сухое место, а потом идет сквозное болото. Бывало, немец начнет обстреливать, снаряды разрывались в глубине болотной жижи, одни шлепки были, больше ничего, также и бомбы. Взрывы были, но ущерба никакого.

Дальше мы держали оборону. Немцы частично вышли из окружения. В сдерживании выхода немцев из окружения оставалось много частей – мы с севера, с юга и запада держали моряки. Немцам деваться некуда было, они шли напролом. Много их погибло. С питанием у них было плохо. Мы были в окружении и уже узнали по сигнальным ракетам, как немец сбрасывает с самолета продовольствие. Мы стали хитрить и сами стали пускать ракеты. Они начинали к нам сбрасывать мешки с продовольствием. Особенно хорошо, когда были мешки с сухарями и тушенкой. Так мы питались за счет немцев.

В 1942 году мне и Литченко присвоили звание мл. лейтенанта за операцию по выводу своих из окружения. Раньше не было плохих солдат, относились с большой ответственностью к порученному заданию. У всех была одна мысль при выполнении задания – Победа. Другой не было. Отступление было позором. В 1942 году мы начали наступать в районе Псковской области. Наш батальон послали в наступление, я был ранен в правую руку пулей. Начали наступать на станцию Сущево Псковской области. У меня была снайперская винтовка, я как-то неосторожно, по своей неосмотрительности, блеснул оптикой. Немецкий снайпер сразу воспользовался этим и я получил от него пулю в правое плечо. Ранение было в мягкие ткани, но с повреждением кости плеча. Я лечился в госпитале №1041, это в Верхнем Волочке. Пролежал месяц и 10 дней, пулю извлекли.

После госпиталя я попал в 143 Гвардейскую Латышско-стрелковую дивизию. Пока формировалась дивизия, в штабе узнали, что мне присвоено звание без аттестации, без прохождения учения. Я тут же был направлен в Вышний Волочок на курсы подготовки офицерского состава. В школе я пробыл два месяца. Теория мне давалась легко, за плечами хорошая практика.

Я был направлен в 8 Гвардейскую Панфиловскую дивизию. Мы наступали, брали реку Великую, Пустышские горы. У меня в подчинении был противотанковый взвод. Я попал в роту ПТР. Страшно вспомнить, что было в Псковской области во время боев. Все время шли пешком с боевым охранением. Боевое охранение – это впереди дозор шел, боковые дозоры и сзади. Рота передвигалась с одного рубежа на другой, не смотря на время дня и погодные условия. Дозоры были необходимы, чтобы противник не смог напасть внезапно. Таких нападений не было.

На фронте приходилось встречать продукцию нашего завода и не один раз. Я помню гранаты Ф-1. Однажды нам прислали боеприпасы в ящиках, как сейчас помню, это было под Белым Бором, станция Лычково. Начали вскрывать, поверх оберточной бумаг талончик укупорщицы с фамилией и штамп «завод

№11». Разворачиваем бумагу, там письмо от контролеров, укупорщиков: «Ребята! Бейте врага, не щадите, сколько в вас есть сил». Я стал рассказывать ребятам – это с нашего завода, у меня там сестра работает. Много нашей продукции встречал на боевом рубеже, каждый раз в душе появлялось какое-то тепло. Чувствовался маленький кусочек чего-то большого, плакать хотелось. Перед глазами вставал Нижний поселок с его дощатыми тротуарами.

Войну я закончил в госпитале дома. Я пришел в августе 1944 года, меня ранило под Опочкой Псковской области. Брали железнодорожную станцию. Немец всеми силами старался держать этот плацдарм. Мы недели три крутились на этом железнодорожном пятчке. Очень сильную оборону они держали. Место было стратегическое, железнодорожный узел, шоссейные дороги. Все дороги шли на Псков. Здесь 8 апреля 1944 года я был ранен в левую руку. Руку хирург оставил: «Я тебе руку ампутировать не буду, она тебе поможет хотя бы брюки поддержать и то будет помощь в жизни». Были перебиты локтевая и лучевая кости, осколок был в мускулатурной мышце груди, который не дошел полмиллиметра до сердца, только сердечную пленку ему осталось задеть. Тогда бы конец. Спасла поддевка, которую получил за часы, они у меня были «кировские», еще из деревни. Я поменялся с латышом: он мне отдал поддевку, я – часы. Поддевка была, как шубейка под шинель, вроде овчины. Она и спасла меня, осколки закрутились в меху. Надо мной разорвался снаряд. У нас такой снаряд называли шрапнель. При его разрыве летят круглые шарики, а у этого снаряда летели осколки. Мне попало в лоб, в руку, много осколков пришлось удалять из моего солдатского тела. Меня ударило, я упал и потерял сознание. Бризантный снаряд разрывался над землей 8-10 метров и как дождем сыпал осколки. Наша шрапнель разрывалась на высоте до ста метров, зона поражения была больше, чем у немецкого снаряда. Меня, раненого, нашла медицинская собака, она подошла ко мне и завывала. От этого воя я очнулся и открыл глаза, собака сидела рядом и выла. Подошли две девушки, и меня положили на волокушу и потащили в лощину за реку Великая. А отсюда на носилках выносили мужчины. Тут немец начал обстреливать из своих «Ванюш», это шестиствольные минометы типа «Катюш». Мы всегда шутили: «Полюбил бы Ванюша нашу Катюшу, и войне конец».

В эвакогоспитале меня привезли под Ржев. Хирург вытащил осколки. Один осколок был длиной во всю руку: «Все, я тебе руку сохранил. Что бы не говорили другие врачи, ампутировать руку не давай». Я в то время не знал, что такое ампутировать, он был лучше сказал: «Отнимать не давай руку».

Я руку разработал, только она не крутится. В эвакуационном поезде приехали в Москву, москвичей и Московскую область оставляли в Москве.

В мае 1944 года я лежал в госпитале, который располагался в 201 школе по Ленинградскому шоссе. Медсестра приходит: «Вам надо снимать гипс, пойдете в операционную». Она пришла, разрешила гипс, как дернула, аж с кровью все полетело, посмотрела на рану и говорит: «В операционную. Вам будут руку ампутировать». «Как ампутировать? А что такое ампутировать?» Встал и ушел из операционной, лечащий врач майором был, пришел и говорит: «Убрать его из госпиталя». Меня отправили из госпиталя в Уфу лечиться. Увозили на са-

нитарной машине. Ко мне отец ехал, я просил: «Оставьте на немного». А мне говорят: «Нет. Вам, как штрафникам, никаких поблажек». Штрафником я стал, потому что руку не дал ампутировать. В Уфе я был до 28 августа, мне дали инвалидность второй группы и отправили домой.

Я сошел в Загорске и сел на «Кукушку», она с семьёй вагонами ходила. Когда вошел в вагон, знакомых не было, а в душе так хотелось, что бы кто-то из знакомых был в этом поезде. Чем ближе подходил к родной деревне, тем сильнее начинало биться сердце. Запах двора и аромат русской печи ударили в ноздри, когда вошел в избу. Мать кинулась навстречу, обнялись и заплакали. Немного отдохнув и поправившись на домашних лепешках, пошел устраиваться работать на завод.

В конце 1944 года, устроился работать в Краснозаводске, в городской финансовый отдел «ГОРФО». Занимался сбором налогов с предприятий и частных лиц. Отдел находился в горсовете по ул. 1 Мая дом 2. Заведующим был Кириллов Сергей Андреевич из Бужаниново, я у него был заместителем.

В финансовом отделе я проработал до 1947 года. Отдел этот ликвидировали. Перевели нас в Загорский районный финотдел. Здесь я доработал до 1949 года. Раньше был налог от населения: военный, бездетный, за скотину, кто имел её, налог со зрелищ. Мы были, как контролирующие органы.

За боевые действия в войну я награжден двумя орденами Отечественной войны первой и второй степени. Последнюю награду получил за бой, в котором был трижды ранен. Вторую награду получил в общем списке, как все участники войны, некоторые не были на войне, но тоже получили.

Гущина Галина Николаевна

Холодной осенью 1938 года (я ещё не училась в школе) от короткого замыкания сгорел наш барак. Сгорело всё, в том числе ботинки, которые нам отец сшил (он работал сапожником). Удивительно, но керосинка, на которой готовили еду и грели воду для стирки, стоящая в коридоре, не сгорела.

Холодно было, когда сгорели. Все выбежали, в чем спали, полунагие. Барак сгорел дотла. Все сгорело, даже нам, ребятишкам все сгоревшее было жалко.

Перевозить в новый дом было нечего. Дома, в которые нас заселили, стояли нештукатуренные, серые, потолки не оббитые, просто доски были. Топили железную печку, на которой готовили пищу, трубу вытащили в окошко. Ни воды, ни туалета не было, бегали за водой на колонку.

Я рождена 30 сентября 1931 года. Пять лет ходила в первый класс. Есть нечего, часто пропускала уроки. Нас и не спрашивали, почему в школу не ходим.

Когда ввели продовольственные карточки, в школу стали ходить почаще. В школе давали по кусочку хлебушка и чай. Рады были, что хлебушка дадут, из-за хлеба бегали, а на уроках соображали плохо.

Ближе к весне 1939 г. стали дранку прибавать под штукатурку. В это время нас, жильцов, стали расселять, Лесниковым и нам дали по комнате. Так мы и жили в этих шлакоблочных, сырых домах. Привыкли, нам нравилось там жить.

На кухне четверо соседей и мы не ругались. Попроще люди были, покормят и мы ели с ними вместе.

Сначала были только кровати, потом стол и табуретки появились. Отец с самого начала работал в охране. Мать работала в пятом цеху, правда немного. Она каждый год рожала. Нас у матери было 10 человек.

В сентябре 1940 года открыли новую школу, Татьяна Николаевна Борисова нас учила. Синельщиков был директором.

В 1951 году я выходила замуж, в это время строили финские дома. Рядом со школой была фабрика, на которой делали вермишель, печенье и морс, мы ходили туда. Я говорила: «Дайте хоть попробовать, что это такое». Мы голодные были. Батуровых помню. Они там работали. Они вермишель с молоком ели. Мы всей ребятней бегали посмотреть. Прильнем к окнам, смотрим, слюнки глотаем. Так наглотаемся, что желудок начинает щемить, будто вермишели объелись.

Магазин №9 открыли весной 1939 года. Народу на Летнем стало много проживать, открыли магазин и школу. Целой гурьбой бегали в магазин посмотреть, что на прилавках. Около магазина открыли палатки продовольственные.

В день бомбежки в сентябре 1941 года летал самолет. Женщины на наших мужчин шумели: «Давайте-давайте, все на крышу лезьте, откидывать зажигалки придется».

На стадионе шли ученики из ФЗО с директором, бомба прямо в них попала. Директор погиб.

Осенью 1942 года в доме №11 по ул. Строителей открыли мужскую тюрьму. По ул. 1-е Мая в домах №22 и №24 открыли женскую тюрьму.

Тюрьмы были огорожены колючей проволокой. Мы бегали смотреть, что они там делают. Они есть у нас просят: «Дай хлебушка кусочек, картошину». А мы сами голодные. Картошку утащим где-нибудь. На поле ходили, гнилую собирали. Иной раз бросишь, охрана ходила, ругалась: «Не давайте им». Они стоят и плачут: «Мы есть хотим». Заключение все молодые, года два были, а куда девались потом, не знаю. Заключение по цехам водили работать.

Недалеко от нашего дома, где ж/дорога, в войну поставили крупно-дробилку. На эту мельницу бегали воровать крупу. Работала она от электричества, молола крупу. Привезли овес, она шелушит, а мы просим: «Дайте на кашку».

Вагоны разгружали заключенные, они нам кепку зацепят, дадут, а мы за пазуху высыпаяем и бегом домой. Отдадим матери, она каши наварит.

Мы стали домой крупу таскать, мать пошла в Константиново за своими жерновыми. 20 километров тащила наперевес эти жернова. Они тяжелые, деревянные, а внутри железки набиты. Принесла, стали муку молоть. В серединку сыпешь и крутишь, получалась мука. И зажили мы тогда. Мы бегаем и просим зерна, где чего соберем, а мать намелет муки, парафином сковороду смажет и блины печет.

В войну в школу ходили редко, обувать было нечего. Дома сидели со свечками. Мать купила лампу керосиновую, заправит керосином, скажет: «Давайте ложитесь спать, а то керосину не хватит». Я не окончила и трёх классов. Родители нами не занимались, потому что мы еду ходили добывать. Мать меня привела к Потапову Василию Дмитриевичу (золотой человек был) на работу, она в

охране полы мыла, карточки тогда были. Он как взглянул на меня, у него слёзы потекли. У меня на лице было написано: «Я есть хочу». Хлеб на карточки по 300 грамм давали на детей, а мы взяли уж за три дня вперёд – съели, мать чуть не ревёт. «Кормить надо, а у меня нечего варить», меня маленькую взяли на работу. Только он меня взял на работу, и карточки отменили. Это было в декабре 1947 года. Он меня в бюро пропусков послал. Я пропуска выписывала. Меня вызвали в отдел кадров и спросили: — Сколько тебе ставить классов? А я говорю: – Три класса, и те не окончила. – Что и трёх не окончила? – удивились они. – Пиши восемь классов – сказала женщина в отделе кадров. – Как писать восемь, если я не закончила? – возмутилась я. Все же написали 6 классов. Я выросла немного и меня перевели в охрану на обыск, а кого обыскивать, все свои. Они утром идут, кто хлеба кусок, кто сахару кусок суют в мой карман. Как не пропускать с бумагой, или марлей какой, я уже не обыскиваю. Поэтому я со всеми хорошо, люди помнят доброе. Другие задерживали, а потом начали говорить: «Почему ты не задерживаешь ни кого?». – «Все пустые идут». Зарплата у меня была 300 рублей, мать получит 200 рублей под расчёт и 150 рублей аванс. Отца не было, он погиб. Семья была большая и все не работающие. Славка и Женька не работали. Леонидка на портного училась, а потом ушел в армию.

Из одежды носила то, что дали в охране. На меня подобрали шинель маленькую, вот в этой шинели и ботинках охрановских ходила. На свидания ходить мне мать сама на руках сшила пальто и платье штапельное. Вскоре я замуж вышла.

Парк у нас закрыли, и мы танцевать ходили в клуб, где сейчас милиция, и кино здесь показывали. Мой муж служил здесь солдатом. Я не хотела за военного выходить. Перед этим приходил меня сватать другой, мать отказала. «Куда вы идёте сватать, когда нас в семье куча, куда я принимать буду вас?» А он сказал: «На полу будем спать, сена притащим и будем на полу спать, только разрешите пожениться. Я люблю её». А мать – ни в какую.

Я говорю матери: «Тогда за военного пойду», – а мать военных не любила. «Девки выходят за военных, а они их обманывают», – говорила она. «Я сказала, что пойду за военного, ты меня не отдала за этого, так я за другого выйду».

Перед этим одна девчонка в третьем цеху отравилась, её мать не отдавала за солдата. Моя мать думала, что это я. Бежит в проходную, влетает: «Где Галька Белянина? – спрашивает. – Где она?» – «Вон она сидит, что-то обедать не пошла». Она подходит, а мы все плачем. Я рассказываю, а они ревут из-за меня, что мать не отдаёт замуж. А Валька уже вышла за Сергея, которого я любила. Мать говорит: «Пойдём домой». – «А зачем я пойду домой?» Пришли и говорят: «Идите расписывайтесь, я думала, что ты отравилась». Мы тут же подали заявление и расписались. Вот так и жили. Он еще служил, жить было негде. К нам пришли, а у нас клопы. Клопы ко мне привыкли, не кусают, а он новенький лег, его всего искусали. А потом кухню открываем, а двери сломанные, окошки выбиты. «Знаешь что, Галя, я сейчас привезу материал, окна вставим. Давай жить на кухне, там не готовят, а у вас, как проходной двор». Он всё привез из воинской части, кухню отремонтировали. Побелили, помыли и поставили кровать, нашли на улице кровать железную с сеткой. Поставили, убралась, ле-

гли спать, она у нас и рухнула. Её и выбросили, что гнилое, а купить не на что.

Я говорю: «Давай я займу денег». У него были, он немного припрятывал. Пошли и купили кровать, а матраса нет, одни железки стоят. Он давай сам делать матрас. Привёз досок, пружины где-то нашёл и сделал матрас. Вот тут мы уж богатыми стали. Своя комната, своя кровать.

Мы, наверное, года четыре жили на кухне. За квартиру платили немного. Потом, когда он в ОКС пошел работать кладовщиком, ему дали комнату на Возрождении под милицией. Комнаты были сырые.

Прожили мы там 7 лет в сырых комнатах. В этих «казиматах» он заболел и в 32 года умер.

Я была в декабре третьим ребенком беременна. Дали мне декрет, он в этот день и умер. Генку я родила, а он и отца не знает. Памятник и ограду отцу он заказывал после первой получки в 60 рублей, как пошел в 24 цех работать. Ему было лет 14. Не забудешь всего, что было в жизни. Вот так и прожили. Такой жизнью все наверное жили.

Дементьева Мария Егоровна

В 1936 году я приехала на рабочий посёлок завода №11 к брату Медведеву Александру Егоровичу, который жил здесь в бараке около школы №7 с 1934 года.

Когда война началась, брат с женой уехали на родину жены, я не поехала, осталась жить в их комнате. Паспорта у меня не было, брат по справке устроил работать на фабрику кухню, она располагалась на Возрождении. Я мыла посуду, убирала все помещения.

Росточка я была не большого, чтобы мыть посуду в ванной, мне смастерили табурет. Через полгода меня перевели работать официанткой в обеденный зал.

В войну я работала в 5-ой столовой. Во время бомбежки, в сентябре 1941 года, Тоне Захаровой ногу повредило, а другой девушке пальцы на ногу оторвало.

Сегодня Захарова Антонина Ивановна живет на Новостройке. Года два назад ей ногу ампутировали. После войны она в 5-ой столовой работала бухгалтером. Проработала она в ней 40 лет.

Бомбежка была 28 сентября 1941 года, в обеденное время. Когда ухнуло около 512 мастерской, посуда в столовой подпрыгнула и зазвенела. Я от страха под котел залезла. Все попрятались кто куда. Бомба попала в угол 512 мастерской. Рядом к дереву была привязана лошадь, её осколком убило.

Мастерские работать перестали. Рабочие побежали к проходной. Охрана двери закрыла, ни кого не стали выпускать. Тогда рабочие пошли к воротам, открыли их и хотели выходить. Путь преградил комендант завода Романов. В руках был пистолет, он выстрелил в толпу и убил одного рабочего. Такой шум поднялся среди рабочих. Комендант ушел. Рабочие полезли через колючую проволоку.

Женщины кричат: «Нам домой, к детям надо». А солдаты кричали: «Стойте, будем стрелять». Оружие направили на рабочих. Вот комендант и застрелил того, кто ворота открыл. Рабочие пошли назад. Кроме бомб самолет листовки сбросил.

В 1943 г. меня послали учиться в Москву на повара 6-го разряда.

Полы в столовой были кафельные. На работу приходишь, ботиночки снимаешь, заворачиваешь в чистую тряпочку и босая работаешь в посудомойке, убираешь полы. Так мы берегли обувь. Бывало, снег выпадет, а мы босые бежим на улицу по деревянным мосткам выплеснуть помой. Бегали по снегу босые и не болели.

С осени 1942 года на заводе стали работать заключенные.

В войну на заводе открыли гауптвахту. Воронцова Наташа работала поваром в столовой цеха №2. В этой столовой ребят из ФЗО кормили. Директор пришел на кухню и увидел на столе грязное полотенце. За это он ей дал 10 дней гауптвахты. Мы ей из столовой на гауптвахту носили кушать.

За хорошую работу, в знак благодарности, от завода мне дали бостоновое новое пальто.

Денисова Мария Ивановна

Родилась я в д. Выпуково. Мать звали Александра, а отца Ильюшин Тимофей. Бабушка уроженка д. Власово, была замужем за Тимофеем. У них были дети Василий, Иван, Татьяна, Варвара, Анна, самый младший Александр.

Мой отец и Василий в деревне Выпукове свои дома построили. Потом Александр построил свой дом.

Александр, самый младший из моих дядей, остался сиротой, мать с отцом умерли. На воспитание его взял мой отец. Братья оказывали друг другу сильную помощь.

Девичья фамилия моей мамы Митрофанова Евлампия Лаврентьевна. Она работала в семье священника при доме, не при церкви.

У матери была очень большая семья. Отец умер рано, мать (моя бабушка) семилетних ребятишек брала за руку и отводила в прислуги по домам. Кто возьмет, там и оставляла. Один раз маму взяли в няньки, а потом привели обратно. Девчончке, с которой мать сидела, было четыре года, а матери семь. Девчонка заколотила её. Её привели обратно. Мама робкая была и хозяйка сказала: «Нет. Она не сможет сидеть с моим ребенком. Мала она еще и слабенькая». Через год маму отдали в няньки в Струнино. Таких маленьких отдавали в люди, чтобы прокормиться.

У моей бабушки по матери осталось девять детей. Что она могла сделать. И не только одна она была в таком положении. В Струнино маме очень понравилось быть в няньках. Ребеночек, с которым она сидела, вскоре умер. Но хозяйка её оставила при доме, обратно не отправила. Хозяйка была беременна. Она её задержала на какое-то время, когда родится ребенок, чтобы сидеть с ним.

Раньше и дети были трудолюбивые. Когда мама подросла, пошла в домработницы в своей же деревне. Работала у более богатых людей. Богатыми были не от того, что воровали, а от того, что работали много.

В 1932 году мы пошли в школу. Сумок не было, тетрадку в платок завернешь, и чернил не было, карандашом писали. Что не так напишешь, пальцем трешь, иногда до дыр стирали. Бумаги не было, у нас мальчишки ходили на за-

водской полигон. Там собирали обрезки бумаги пергаментной, когда удавалось набрать, из этой бумаги мы делали блокноты. Они принесут ленты какие-то и на них писали. А потом уже, когда мы учились, нам давали грифельные доски с карандашами, на которых мы писали. Потом стирали всё, вновь писали.

В школе нас не кормили, только дома кушали.

В учебных классах и в домах были керосиновые лампы. Учились только в дневное время.

В школе отопление было печное. Электричество нам дали после войны.

Утром кушали картошку, если мать корову подоит, то каши сварит, и идёшь в школу. В обед были щи постные, только осенью, когда забивали скотину, иногда было мясо. А так все было просто. Ужин тоже был простой. Чай пили из самовара. Хлеб был, мама пекла в русской печи.

Спали на полу, кроватей не было. У нас была одна деревянная кровать, на ней спали родители. Были матрасы, набитые соломой, их каждый раз вносили в дом и раскладывали на полу. Одевались лоскутными одеялами, а то своей одеждой.

В 1932 году при пожаре сгорел наш домик, из которого когда то все наши тетки вышли замуж и дяди поженились.

В то время все жили очень дружно. Помогать приходили и из других деревень.

Только-только прилично стали жить в колхозе, на работу – с песнями, с работы – с песнями, в деревне случился пожар. Это было в 1936 году. Не тронутый огнём остался только один дом.

Я перед войной устроилась на работу. Однажды зашла в клуб и посмотрела фильм «Свинарка и пастух». Иду домой и мечтаю о такой любви, которой хотелось всем девчонкам. Мы завидовали артистам.

Я венчалась в 1946 году в Ильинской церкви, а в 1947 году родился ребёнок. Свадьба была в д. Выпуково в старом доме. На стол поставили картошку, селедку, купленную по карточкам, всё было по карточкам. Я сожалела, что отменила эту свадьбу, прямо пир во время чумы. Тяжело было родителям стол собрать. После такого стола на завтра им голодными оставаться. На столе была также капуста квашенная, винегрет. Колбасы не было, откуда ей быть. Мы запаха её не знали.

Диденко Иван Павлович

Я, Диденко Иван Павлович, родился 3 июня 1922 года, в Воронежской области, Петропавловского района село Старая Криуша. Родители у меня – отец плотник, столяр и печник, но в основном занимался пошивом одежды. Звали его Павел Иосифович Диденко, а мама – домохозяйка, Марина Савельевна Диденко. В 1934 году мы переехали жить в Верхнедонской район, Ростовской области, станция Шумилинская. Там жили до начала войны. Я закончил 9 классов, когда началась война. До войны в школе, в среде ребят, был такой духовный подъем: «Мы победители, мы побежденными не будем никогда». Хотя среди взрослых о войне шел разговор – будет, дескать, война скоро. И на самом деле, неожиданно, в воскресенье объявили, что началась война. Радио у нас не

было, поэтому войсковой на лошади проскакал и оповестил о начале войны с Германией. Было воскресенье, все занимались домашним хозяйством. В колхозе работали, день был солнечный, теплый. После такой новости все загрустили. Начали людей брать в армию, призывной возраст. Через два месяца и мне сообщение – повестка из Верхнедонского военкомата, Ростовской области. У меня еще было два брата и сестра. Но они старше намного, жили отдельно в это время. Так я был призван в ряды Советской Армии. Военкомат был в станице Шумилинская. Нас собрали, колонна большая получилась, и пешим ходом над Доном повели на Сталинград. Когда получил повестку, мать загрустила, но потом говорит: «Ну что же, Ванюша, такой возраст, все должны служить. Отдать свой долг мужской». Настраивала слушать командиров, выполнять их приказы и тогда будет не трудно. Утром встала раньше обычного, приготовила на дорогу булочки. В каждую булочку запекла яичко. Собрала рюкзачок. Было летнее время, тепло, мы не беспокоились о теплой одежде, а мама положила и теплую одежду, которая впоследствии очень помогла. Собрались мы в центре станицы, человек 30 было. Были подводы, наши вещи положили, сумки и 30 км пешим ходом пошли. Мама подошла ко мне благословила, поцеловала и дала материнский наказ.

Призвали нас в конце августа 1941 г. В Сталинград мы пришли в сентябре.

Кушали, кто что найдет. Дома были заброшены. Военные нас не кормили. Спать из города выводили на молочно-товарные фермы. Стояли для скота сараи огромные. Тогда же колхозы были богатые, скота было много и укрытий для скота было много.

Так как дисциплина резко упала, тогда объединенный военкомат Сталинграда, решил нам показать, как нужно себя вести в дальнейшем. «Так невозможно ребята работать, это не армия это сброд, сборище какое-то непонятное. Завтра же выходите все на площадь, будет митинг для призывников и вам там скажут настоящее слово».

Утром рано собрались все на площади, построили нас, как могли. Потом зачитали приказ о расстреле дезертиров, зато, что они не пошли по призыву, а спрятались. Дезертир, это предатель в то время. Их было 10 человек, такого же возраста, как и мы. Они в нижнее белье были одеты. Построили перед нами к стенке. Вышли строем военные и их расстреляли перед нами. Дескать, вот смотрите, что ожидает дезертиров, если вы побежите домой.

И действительно, после этого расстрела сразу все притихли. Все сразу стали послушными, изменили свое поведение.

Вывели нас за город. В Сталинграде оставаться нельзя было. Мы пошли вверх по Волге.

Прошел месяц, как мы в дороге.

Плыли целую неделю до Куйбышева. Действительно, приехали мы в Куйбышев как раз на праздничные октябрьские дни, 7 Ноября.

Праздничные дни, а в городе мертвая тишина, никаких торжеств.

Нас снова на корабль посадили, мы пошли на Ульяновск. Из Ульяновска мы поехали до Челябинска. Когда приехали в Челябинск, подняли шум, вши заели всех. Всех повели в городскую баню, перед Новым годом, конец декабря 1941 года.

С зимы 1941-го и по лето 1942-го года мы обучались, а в сентябре 1942 г. начали отправлять на фронт в Степной запасной артиллерийский разведывательный полк, он находился в Саранске Мордовской ССР. И мы поехали в этот запасной полк. Собрали нас со всех учебных заведений. Комплектуют и на фронт, офицеров и солдат. Война заканчивалась, конец 1943-го. Скоро война закончится, а мы не в одном бою не участвовали. Я попал на третий прибалтийский фронт осенью 1943 года. Здесь я пробыл до декабря 1944 года. До этого времени награждений у меня не было. Звание оставалось - младший лейтенант.

23 мая 1944 года был тяжело ранен под Псковом. Приехал из госпиталя в 1945 году. К новому году приехал домой, откуда призывался, здесь прошел в военкомате комиссию. Дали вторую группу инвалидности на шесть месяцев, потом – еще на шесть месяцев. Награжден Орденом Красной Звезды.

Закончил в Ростове на Дону институт машиностроения и направлен на работу в Краснозаводск в 1952 году.

Умер в декабре 2010 г.

Дмитриева Анна Александровна

Отец жил на рабочем посёлке завода №11, у него жена умерла, он овдовел в 23 года. На это время у него было три сына. Какая-то сваха сосватала отца с другой женщиной. Она жила в деревне.

А был голод. Поженились и тут же переехали на завод.

Папа работал в пожарной части и ещё подрабатывал; он брил и подстригал мужиков на дому. Ему за это платили, кто муки принесёт, кто деньгами, кто как. Так мы и жили. Держали корову и кур. Потом он перешел работать в первый цех вахтером на полигон. Однажды он поджег привезенные отходы из мастерских, произошла большая вспышка, ему обожгло лицо. Он потерял зрение.

У нас одна работница ходила домой ребёнка кормить в обед. Приходит и говорит: «Девчонки, война началась». - «Какая война, что ты придумала» – зашумели мы. Мы всю войну работали, не выходя из цеха. В четвёртом цеху мы прессовали замедлители к ручным гранатам.

Хлеб был плохой, горький какой-то, колючий, не поймаешь, из чего сделан. А дома есть нечего было, вот только что в столовой пообедает. Мать пойдет, нарост картошки мороженной, добавит в неё отруби и напечет синюшные оладьи. Для нас, голодных, они были деликатесом.

Заклученных много было, мужиков и женщин. Ходили в ботинках деревянных. Одеты они были плохо. Их приводили под конвоем. Женщины работали на снаряжении, мужики – на погрузках продукции.

В войну свет в дома не давали. У нас была керосиновая лампа.

Гауптвахта была, но у нас в цеху не было нарушителей. Вот военных сажали, говорят, а нас нет. После бомбежки завод и город опустели. Сказали: – Кто хочет, эвакуируйтесь в Челябинск. Мы не поехали. Через два месяца завод снова заработал. Нас всех нашли и позвали в цеха приступить к работе.

За хорошую работу имею много наград. У меня Орден «Красного Знамени», «За трудовые заслуги», «За доблестный труд», «Ветеран труда».

В 1972 году, когда у нас мать умерла, я взяла расчёт. Перед этим я 16 лет работала в техникуме, убиралась. А когда мне стали пенсию начислять, взяли заработок не заводской, а из техникума. А что я там зарабатывала?

Но раньше мы жили лучше. Сейчас жизнь никуда не годится, тяжелая. Мы раньше пенсию получали небольшую, но мы были сыты и одеты. Главное – на душе было спокойствие. Прошли девяностые, с Ельциным, это года беспредела, когда нам месяцами не выплачивали пенсию, рабочим зарплату. Хуже чем в войну.

Еремин Николай Алексеевич

Закончив Константиновскую среднюю школу рабочей молодежи, я пришел пешком на завод учиться. В это время на заводе открылось училище, «ФЗО №11». Шел часа полтора. Пришел я в отдел найма, мне сказали: – «Мы открываем ФЗО, идите туда поучитесь года два, тебе как раз исполняется года. По окончании школы мы вас всех пошлем работать в цеха».

Учиться я пошел на химика. В группе было 30 человек, из всей группы 6 девушек. Преподавали в основном химию, и то, что предстояло нам делать на заводе. Весь упор был на предметы по пиротехнике и технике безопасности.

Специальной учебной формы нам не давали. Каждый ходил в своей одежде.

В первый день войны, вся администрация и руководители цехов и отделов собрались в парткоме. Совещание было коротким.

В день бомбежки, 28 сентября 1941 года, я в это время работал в цехе №1. Самолет летел от д. Язвицы. Шел низко. Я вышел из мастерской и направился на первый полигон, для отстрела изделия из винтовки. Гляжу самолет летит. Смотрю низко, низко. Летит со стороны д. Язвицы, в сторону цеха №5. Сразу завывала тревога. Когда я увидел крест на крыльях, подумал: – «Почему санитарный так низко летит?» Я даже летчика видал, он рукой махал. Если бы я знал, что это немецкий самолет, я бы смог его сбить из винтовки, так низко он летел. Когда он мне хвост показал, я увидел свастику. Самолет сбросил четыре бомбы. Были разрушения и погибли люди.

После бомбежки, завод стал готовиться к эвакуации. Наша задача, прямо с конвейера продукцию грузить на машины, и вместе с грузом отправляться на передовую. По месту прибытия сдать продукцию и с машиной возвратиться на завод. На заводе я почти и не был. Всегда в разъездах по передовым линиям фронтов.

Я возил продукцию нашего завода и на Киевский фронт. С передовой приедешь, на следующий день собираюсь в новую дорогу.

Машины были заказчиков, не заводские. Под Яхрому возил заводскими машинами. Шоферами были, в основном наши заводские девушки. Они закончили ускоренные курсы водителей и их посадили за баранку. Все ребята на фронте, а кто остался были на производстве.

Зарплата, перед войной, была у меня 800 руб. Я старший браковщик был.

За свет мы не платили, а за комнату платили, но очень мало. Радио у нас было, «чёрные бумажные тарелки». Радио узел был в клубе па горе.

В войну, в больнице был военный госпиталь.

Заклученные на заводе появились с осени 1942 года по осень 1944 год. Они располагались в доме №11(9) по ул. Строителей и в доме №18 и №20 по ул. 1-е Мая.

В середине октября 1941 г. завод эвакуировался в Челябинск и Чебоксары. Нас в приемке осталось пять человек. Из управления пришел приказ: – «Всем переехать на завод №569, в г. Загорск, и наладить там выпуск противотанковых гранат Ф-1». Военные нам дали машину и мы переехали на «Звездочку». Пришлось полностью восстанавливать производство этого изделия.

Как только немцев отогнали от Москвы, на «Звездочке» прекратили выпуск гранат Ф-1, и мы переехали на наш завод №11. Это было в январе 1942 г. Осенью 1942 г. меня вызывает директор завода к себе, директором был полковник Агафин, и говорит: – «Мы ходатайствуем перед ГАУ, чтобы тебя передали заводу, как специалиста по пиротехнике». На заводе пиротехников не было, все эвакуированы в Челябинск, в Чебоксары. Я в приемке был на должности техника. На запрос завода, о моем переводе с военной приемки на завод, ГАУ дало согласие.

Я разговаривал со многими заключенными, в основном все сидели за пустяк. Они – это устрашение для других. Государству была нужна бесплатная рабочая сила. У меня в мастерской работали женщины. Одеты были в телогрейки, сапоги, на голове вязёнка. Обедали они в заводской столовой, а утром и вечером кормили по месту пребывания. Там были свои повара.

План по выпуску Ф-1 у меня был 10 000 штук. Утром прихожу и говорю: – «Сделайте 12 000 шт. я вас покормлю в столовой, на свои талоны». А мне на мастерскую давали талоны по вредности. Талоны были трех категорий 1, 2, и 3. Я договорился со столовой в «Мадриде», дал заведующему талоны 3-й категории. Он говорит: – «Хлеба я не могу им дать». Я говорю: – «Ну и ладно». Он их покормил, после всех рабочих, что бы никто не видал. Они покушали, и я их отпустил с работы по казармам. Охрана отвела их где они жили. Охраняли их женщины.

После этого, вызывает меня Агафин к себе в кабинет: – Ты что безобразничаешь? Почему отпускаешь заключенных с работы раньше? Да еще кормишь. А рядом была мастерская, где начальником был Токин. Я говорю: – «Товарищ полковник, если я их не буду поощрять, они не только 10 000, и 5 000 не сделают. А они каждый день по 12 000 шт. делают. Женщины на себе жд вагон с корпусами изделий прикатывают к мастерской. Паровоза нет, а вагон с корпусами на станции. Нужно снаряжать? Фронту нужны гранаты? Так они сами тащат этот вагон». Он меня не наказал.

Я продолжал так работать. Норму выполнил, тебе дополнительно 400 г. хлеба и похлебка. Им давали дополнительный паек в зоне, за хорошую работу. Я каждый день, с охраной, посылал список выполнивших план. В основном все заключенные были добросовестными, я на них не обижался.

Заклученные появились в ноябре 1942 г., а убрали их с завода в конце лета 1944 г. Были они па заводе всего два года.

Где они жили, дома были за колючей проволокой. Свободного доступа к ним не было. Завтракали и ужинали они в казарме, обедали в столовой, которая находилась в 327 корп.

Когда заключенных убрали, эти казармы отдали под жилье рабочим. Правда заселять эти дома стали только весной 1945 года.

Осенью 1940 г. 7 октября, рабочему поселку завода №11, дали статус города Краснозаводск. В мастерских собрали собрание, объявили: -« Рабочий поселок нашего завода теперь имеет своё имя – Краснозаводск». Не каких торжеств не было. Всё прошло обыденно.

В 1943 г. мне было поручено производство новых гранат, противотанковых кумулятивных. Чапаевский завод должен был поставить начинку.

Меня вызывает директор к себе в кабинет: – «Вам необходимо ехать в Чапаевск для ознакомления с продукцией». А телеграмма на завод пришла от Сталина, о направлении нашего представителя на 309 завод. Туда я доехал хорошо. Немец ещё до Сталинграда не дошел. По дороге наш поезд не бомбили. Приехал я с чертежами, они стали прессовать согласно этих чертежей. По изготовлению партии, мы загрузили два вагона. Я дал телеграмму на завод. «Огурцы поспели, высылаю вам два вагона». Надо было и самому уезжать.

Прихожу на ж\д станцию. Поезда не ходят. Показываю нач. станции телеграмму Сталина. Я ее с собою прихватил. Начальник вокзала прочитал, «Сейчас придумаем, как тебя отправить». «Скоро подойдет эшелон с летчиками из Ирана. Наши летчики возвращались с боевых действий в этой стране, тебя и посадим на этот поезд». Поезд подошел, постоял минут 10, меня впустили в тамбур и поехали. Под Сталинградом уже шли бои. Ехали через Сибирь, окольными путями.

В следующей телеграмме, за подписью Сталина, говорилось. «Вышлите своего представителя для обучения по применению данного изделия в бою». Агафин вызывает меня: – «Вам необходимо, с этими изделиями ехать на фронт».

Я поехал на Белорусский фронт. В это время из Белоруссии пришло 12 машин. Их загрузили противотанковыми изделиями. Я сел в машину с шофером. Ехали мы двое суток. Выехали под Витебском. Встречал нас нач. артиллерии фронта. Он нас поприветствовал лично.

Мы собрали офицеров для инструктажа по пользованию данного изделия. Показал, как они действуют в бою. В окопах я был около двух месяцев. Был и на передовой.

Обратно на завод, я добирался на попутных машинах. Пересадок было много. Конец 1942, начало 1943 г.г. на заводе стали начальникам и мастерам цехов присваивать военные звания. Мне присвоили звание лейтенант.

Вызывает меня Агафин. Вхожу в кабинет, ещё не успел присесть, он говорит: – «Я тебя назначаю начальником цеха №4. Ты грамотный, способный, хороший организатор. Своим отношением к работе, ты доказал, что справишься». Это было в начале 1943 г. При переходе в начальники цеха, мне присвоили звание «лейтенант-младший техник». Я пишу рапорт, на каком основании мне понижено воинское звание?» Написал на имя Агафина. Он посмотрел воинский билет, взял его и положил к себе в стол. «Иди и не кому не говори, что

ты лейтенант, а то тебя заберут от нас. А ты нам очень нужен. Принимай цех и работай начальником 4-го цеха. Успехов».

В начале 1943 г. ввели гауптвахту для провинившихся. Располагалась она в Мадриде на первом этаже. В камере была металлическая кровать и умывальник. Я сам отсидел пять суток.

Меня перевели в цех №-5. В мастерской поставили новый конвейер, нужно было его осваивать. Запустили конвейер, и в честь этого я позволил себе это «отметить», да крепенько. Новиков встречает меня в цехе и начинает меня как пацана учить. Я его и послал на три буквы. Он пошел к директору и написал на меня докладную. Директор издает приказ по заводу: – «За нарушение трудовой дисциплины, посадить Еремина Н.А. на пять суток, с исполнением своих обязанностей».

Пришел в «Мадрид» на гауптвахту, сидит вахтер, старичок. Дал ему бумажку о моем наказании. Он открыл камеру, я вошел в шею. Камера была на одного человека. В семь утра ухожу в цех на работу. После работы прихожу в камеру ночевать. Ходил домой, позавтракать поужинать, обедал в столовой. Только ночевать ходил на гауптвахту. А некоторым давали срок без выхода на работу и посещения дома. Сидели круглые сутки под замком.

После войны меня перевели в цех №2, нач. смены. Там заболел и ушел с завода по болезни. Жил я в это время на Среднем поселке в белых домах.

До войны котельные топилась углем. Были большие горы шлака. В конце войны стали строить шлакоблочный цех.

Отдохнув после болезни, меня направили работать на шлакоблочный. На шлакоблочном делали и бетонные элементы для строительства домов. Первую продукцию он дал в 1945 г.

После Агафина директором стал Поляков Алексей Васильевич. Я работал на шлакоблочном заводе. Однажды он меня увидал там и говорит: – «А ты, что здесь делаешь?» Я рассказал, что болел. Несколько месяцев не работал. Сегодня здесь тружусь». А мы уже начинали делать кольца для канализационных колодцев. Я был технолог. На шлакоблочном проработал год. После разговора с директором, вызывает меня Новиков Яков Степанович к себе в отдел кадров. Предлагает работать нач. ЖКО. Это 1963 г. А на шлакоблочном я проработал семь лет. В ЖКО я проработал 15 лет, по 1978 г.

Озеленением города начали заниматься при Полякове А. В. В 1940 г., поселку дали статус города стали продумывать названия улиц. В основном названия давал партком. Они в узком кругу, с Горсоветом, придумают и на партсобрании обсуждали и принимали. Протокол решения направляли в Загорск. Приходил положительный ответ и улица приобрела своё имя.

Ефимов Юрий Иванович

Отец мой, Ефимов Иван Иванович, родился в Юрьев-Польском уезде, деревне Сеняково, в 1911 год. В 1933 г. работал вместе с поэтом Виктором Бокковым, в одной смене. Отец рассказывал, что Боков был озорной, выйдет за угол 9 цеха, начнет играть на балалайке и поет частушки. Они как-то встречались у

Демина, вспоминали работу в цехе. Тогда токаря были все молодые, объединены в несколько бригад. Наряд у них был один на всю бригаду, общий.

В школу я пошел в 1938 году. В 1940 году я пошел в третий класс уже в новую школу. Отопление в школе было печное. В каждом классе была печь. Печи топились с коридора, этим занимались технички. Дрова привозили из колхозов, а пилили и кололи старшекласники.

Отец проработал токарем в РМЦ до 1936 года. После окончания курсов мастеров его поставили мастером токарного участка в инструментальном цехе.

В годы войны он был начальником смены. Начальниками смены были Демин Дмитрий Максимович и Гробов Владимир Иванович, старший брат Леонида Ивановича.

Когда началась война, перешли работать на 12 часовой рабочий день.

Бомбили город и завод 28 сентября 1941 г. Было сброшено четыре бомбы. Одна бомба упала на стадион. Тогда ранило учениц ФЗО и убило директора ФЗО. Мы в это время играли в казаки разбойники. Мы вылезли из колодца, что на территории детского садика и убежали. В это время бомба упала именно в этот колодец, но не взорвалась. Так мы случайно живы остались.

В мае 1967 г. на Зеленом поселке снимался фильм «Сергей Лазо». В этот фильм завлек отца Левченко г.М. Отец играл белого офицера. Из окопа выскочил и бежал, как заяц по полю. Отец был низкого роста и кругленький.

Инструментальный цех, в войну, после эвакуации завода в Челябинск и Чебоксары, в октябре 1941 г., был переведен в корпус цеха №22, где располагалось ремесленное училище. До этого он назывался инструментальный цех № 7. В виду того, что перевели 22 училище, цех получил название 22 цеха. А так он был 7. И в Челябинске этот эвакуированный цех имеет номер №7.

Когда, после войны, начали восстанавливать завод, инструментальный цех перевели в этот корпус №22.

В комнате было радио – черная тарелка. Питались в основном картошкой и луком. В обед суп или щи, которые были с мясом, потому что держали телёнка в доме, двух поросят и куры были. Занимались огородом. Был огород под картошку.

В войну, в седьмой школе, был госпиталь. Мы туда не ходили. В начале войны Возрожденскую школу закрыли и тут же открыли.

Дед мой Ефимов Иван Федорович 1898 года рождения. Он был офицером царской армии в звании штабс-капитан гвардейского Семёновского полка. Работал он на заводе, начальником АХО.

Когда был митинг Победы или когда заводу вручали знамя, Агафин выступал с этой трибуны. Все праздники проходили очень торжественно. Все собирались на Возрождении, а Нижний поселок около моста и все шли на площадь к ЗУ со своими оркестрами. Выступали с трибуны, с балкона не выступали. Митинги проходили часто, по всем праздникам.

Мы скрывали, что дед был офицером, и в анкетах всегда писали, что мы из крестьян, середняки. А три дядьки были репрессированы. Они были офицерами Красной Армии. Старший, его сын, был член партии до Революции. Он был в первом пулеметном полку, как раз они брали «Зимний». А второй сын, в 17 лет, ушел добровольцем в Красную Армию.

Жиляева Людмила Петровна

Мой дед и бабушка, по материнской линии, семья Ивановых. Родители рано начали работать, с 16-17 лет. Евдокия Андреевна – моя мама. Она с 1934 года по 1940 год работала в клубе на горе, заведующей библиотекой.

После того, как 28 сентября, немецкий самолёт прорвался и бомбил завод, стали срочно эвакуировать. Первый эшелон с завода вышел в октябре 1941 г. Ехали до Челябинска больше двух месяцев. Прибыли 30 декабря 1941 года.

Отца с семьёй эвакуировался в Челябинск, на 254 завод. С 3 января 1942 года, он приступил к работе, на заводе №254, в должности мастера отдела связи и сигнализации.

В 1947 году, 16 апреля он уволился с завода №254 году и они вернулись в Краснозаводск.

11 мая 1947 года приступил к работе, на заводе № 11, в должности мастера связи энергоотдела.

5 ноября 1945 года он был награждён медалью «За доблестный труд в ВОВ». Мама тоже была награждена такой же медалью.

Мама после эвакуации, когда мы приехали в Краснозаводск, с 1948 года работала в Химико-технологическом техникуме, заведующей библиотекой. Там она и проработала с 1948 по 1964 год.

В 1946 году существовали личные трудовые книжки по благоустройству города Краснозаводска. Выдавалась такая книжка всем жителям, которые должны были отработать 25 часов на благоустройства города. Воодушевленные призывом тов. Сталина: – «Восстановить народное хозяйство, достигнуть довоенного уровня и значительно превзойти его». Мы рабочие и служащие ИТР, трудящиеся города все, как один, отработаем 25 рабочих часов на благоустройство нашего города Краснозаводска.

Себя я помню с начала 1943. В Челябинске жили в бараке.

Ходила в детский сад с Игорем, мама говорит: «Игорь тепличный, поскольку он до войны родился. В шерсти и хорошем уходе». «Ты же росла в кислых щах и на черняжке». Когда оставляли нас одних, уходили они на работу оба, мама рассказывала: – «Прихожу, уже в комнате всё выстынет, холодина. Игорь сидит весь синий, а ты сидишь, щёки красные, руки красенные. Все в дерьме перемажетесь». В обед она наверное забегала всё-таки, может часов через 4-5. срочно ставит воду греть. Мама нагрела воды, вымыла, а отец по трое суток не приходил домой. Он уходил на работу, через трое суток он придёт, но это уже я помнила. Это со слов мамы. Высыпается и опять уходит на работу. Вот так работали наши родители. Кушать мы ходили в столовую. Мама рассказывала, что мы с судками в столовую ходили. Мы были очень дружные с братом. Игорь меня за ручку возьмёт и мы с судочками идём в столовую. Вставали в очередь, комсостав знали, люди нас, что мы Виктор Николаевича дети. Они от своего обеда нам по ложечке в наши кастрюльки нальют. И мы уходили домой. Конечно, то что положено получим и вот добавочки от знакомых тоже.

Наш барак стоял в степи, выйдешь из барака – степь. Суслики прямо рядышком, встают на лапки задние, ушки поднимают. Прелесть.

Рядом с баракком был большой карьер, и вот каким-то образом мальчишка один, застрелился в карьере. Он сделал себе самопал, набил туда серы от спичек. Игоря, брата моего, он часто брал с собой в этот карьер. Хорошо что он не выстрелил вперёд. Он отвернулся выстрелить, а самопал дал обратный ход и попал в голову. Эта картина была ужасная, когда его выносили к скорой помощи на носилках. Эта струйка крови стоит у меня в глазах. Мне было тогда три ну четыре года, мама удивлялась что я всё помню в подробностях.

Через какое-то время, немцев стало много, мы уже жили в этом доме, и строили вот эти каменные сараи, а в них копали ямы под погреба. Ещё стен не было. С начало копали яму, потом, как бы, фундамент, а потом уже достраивали стены.

Мы, ребяташки, все сбегались и на немцев кидали комками земли. Норовили попасть по голове. Чтобы знал фриц, что мы победили. Они с начало грозили пальцем, что «найн, найн». А потом, так ругались по-русски матом, что все было понятно. Когда немец заругается, тогда только убегали. А так вот стоим, все окружим, норовим всё в голову попасть. Комок выбирали потяжелее, потому что фашисты, их было много.

Уезжали, помню, что отца не отпускали с завода, был хороший работник. В этот год был голод, мама теряла сознание даже. Мама рассказывала, что её увезут на скорой помощи, крови вольют и на какое-то время ей хватало сил. Это было в 1946-47 году. Отец пух с голода, потому что буханку хлеба давали нам на четверых, это всё детям. Мама говорит:– «Разрежу хлеб и оставляю ему четвертушку, а вы там корочки общиплите-общиплите. Отец, когда приходит после суток, ну кусочек мякиши там лежит». Отец у нас никогда не съест. Он всё отдавал нам. А уезжали, ему рабочие устроили такие торжественные проводы. Кузовенков, главный энергетик 254 завода. У мамы все время были кружевные платочки. Мама очень плакала при расставании, а он очень юморной был. Он все время брал мамины платочки и вешал на крючок. Потом, когда в поезде ехали, помню что нас с братом, отец привязывал на верхней полке широкими ремнями, чтобы мы не упали.

После приезда, поселились мы на Нижнем посёлке в гостинице.

О клубе мама рассказывала, что в молодости они были очень активные. Отец ходил в духовой оркестр. И мама тоже ходила и играла на «альтушке». Вообще семья у меня была музыкальная, мама играла на гитаре, с отцом даже ходила в духовой оркестр. Отец играл на всех струнных: на гитаре, на балалайке, на мандолине. Мама рассказывала, что в пасху ходили по деревням и по городу в красных косынках. Страстная неделя, красные косынки на голову, на машину и выступать. Они на этой машине разъезжали и давали концерты и плясали. Так они делали по всем церковным и революционным праздникам.

Все были спортивные и на лыжах катались, и на коньках катались.

В 1947 году я пошла в начальную школу на Нижнем посёлке. Первая учительница с 1 по 4 класс была Палагина Анастасия Васильевна. Учеников в классе было 25 человек. Я не помню, что кормили нас или нет, но мама давала 1 рубль и на этот рубль можно было купить три булочки. Они стоили около 30 копеек. Ещё хочу сказать про учительницу, у кого из ребят денег не было, потому что плохо жили после войны, бедно. Так вот эта учительница Анастасия

Васильевна, она им сама покупала по булочке. В перемену, она купит таким детям многодетных семей и чай купит. Все любили ее. Зима эти дети ходят в ситцевых платящих. Ещё где-то с коротким рукавчиком, вот таким детям она сама покупала по булочке.

Выборы. Когда проходили выборы, в школе был участок. Мы показывали художественную самодеятельность. В начале и в конце холла устанавливали урны для бюллетеней. Нас, пионеров, ставили в почётном карауле по бокам этой урны. Стояли, до самого вечера.

Буфет работал, гармошка играла, люди танцевали. Класс освобождали от парт, в нем располагался буфет и устраивался концерт и были танцы. Люди на выборы шли исключительно как на праздник.

Отец мой, как ранняя пташка, чуть ни свет ни заря, тут же бежит голосовать. На нем лежала ответственность за приемник и проигрыватель. Что бы все было в исправности и люди могли танцевать.

Около бани дома после капитального ремонта сделали на одну семью. До ремонта в них жило несколько семей. Где гостиница, было девять семей, была кухня большая и туалет. После войны, поскольку не хватало жилья, кухню и туалет переоборудовали под жилые комнаты.

Дед мой, мы ещё девочками были говорил: – «Руки даны богом для работы, а потом только для всего остального». Молотком тук, тук, он был очень хороший сапожник. Мой дед Андрей Васильевич. Всё время этим подрабатывал, потому что бабушка на инвалидности была и не работала. Он один работал, у них было трое детей. Что хочу сказать, он шил обувь и у него её покупали. Может быть купить негде было. Заказов было много.

Мы после войны тоже имели поросёнка. За гостиницей у нас был сарай и огород картофельный, там и зелень сажали. Всё это было ещё дедушкино и бабушкино. Они держали до войны корову, после войны двух коз. Когда мы вернулись из эвакуации, они отдали нам одну козу. Эта коза нас кормила молоком. Кур отец покупал, сотня цыплят таких малюсеньких. Привезёт, вольер им сделает, потом петушков привезет. К лету они подрастают, такие хорошенькие.

Начальную школу закончила в 1951 на Нижнем поселке. Осенью пошла в среднюю школу на Летний поселок. Директором был Синельщиков. Из учителей помню только одну Нину Григорьевну, по немецкому языку.

Я закончила 8 классов и поступила в техникум. По окончании техникума пошла работать на Новостройку, сегодня это г. Пересвет.

Я по направлению от техникума туда пошла работать. Подруга меня агитировала в Новосибирск: – «Поедем в Новосибирск». Мама меня очень просила, чтобы я не оставляла её одну.

Жизнь прекрасна, но очень коротка.

Зубарев Анатолий Петрович

Родился я, на Нижнем поселке, в гостинице №-18. Ее в то время называли первая. Потому, что она была построена в 1916 г, а вторая, №-20, была построена году в 1921 году.

Родители приехали на завод в 1926 г. Сельсовет был в д. Язвицы. В тридцатые годы была карточная система, начиная с 1931 г.

В то время на детские карточки продуктов давали больше, чем на взрослые. Продукты развозили прямо по домам. Но это только для детей. Я помню хорошо, муки привезут, печенье, песок. Это на месяц отоваривали. Даже какао в брикетах привозили

В школу я пошел в 1936 г. Располагалась она в жилом доме, по ул. Горького, в доме № 25, в первом подъезде.

Учился я в этой школе до 4-го класса. В этом классе меня на второй год оставили, по русскому языку. В 1937 г. пустили новую школу.

Нас перевели в новую школу в 1938 г.

Когда мы с родителями жили в 18 гостинице, на первом этаже, вход был в середине дома. Когдаходишь, был коридор направо и налево. По коридору были комнаты. Комнаты небольшие, но потолки высокие. Была общая кухня, на 16 семей. Всего в доме было четыре кухни. Это на 64 семьи, которые проживали в гостинице. На кухне была дровяная печь. Ее топили, когда что-либо надо было испечь. А так готовили на керосинке или керогазе. Было водяное отопление.

Дошчатые тротуары были еще до войны, и пролежали они до середины пятидесятых.

Война. Мы ребяташки не предали этому значения. В школу перестали ходить. На улице стало безлюдно. Работать я пошел 1 декабря 1942 г. в цех №-5. Нас временно, пять человек, срочно перевели в котельную. Зима. Людей не хватало. Нас и послали туда работать. Меня, Громова Ивана Владимировича, Гаврилюхина Петра, Сысоева Петра, Васильева Николая.

Свет нам давали не круглосуточно, а по определенным часам. Свет давали от дизеля. Их было два маленьких и три больших дизеля.

Когда готовили площадку под планер, взрывали пеньки. И вот Ватагин Николай, а гранаты с ручкой, нашел гранату. Зажег ее и бежит, кричит: – « Ура» И она у него в руке бабахнула. Поранила его, он вовремя ее бросил, но не сильно. Он всю войну прошел и до полковника, дослужился. Это было его первое боевое крещение.

Тут машина взорвалась. Она шла из цеха. Машина была газогенераторная, на дровах. Наверное искра.

В войну у нас в цехе работали заключенные. На работу и с работы их водили под конвоем и обязательно собаки одна или три. Одеты они были все в телогрейки, ботинки-колодки.

Подошва деревянная. Вся одежда была черного цвета. Кормили их в столовой. Мыться водили в Нижний в баню.

В 1941 г. я поступил в ФЗО №-11. Оно располагалось по ул. 1-е Мая в доме №-1. В доме, №-3 и №-6 были общежития, а в доме №-7. среднем подъезде, была у нас библиотека. Учебные мастерские были в цехе №22. Обедать ходили на Возрождение, в фабрику кухню. Школа ФЗО и наши общежития были окружены густым ельником. Он шел до самого Семенково.

В сентябре залетел немецкий самолет и сбросил четыре бомбы. В октябре стали эвакуировать завод, а нам только что выдали парадное обмундирование:

фуражку, шинельку. В петлички вставили эмблему «ФЗУ-11». Нам предлагали тоже ехать в Челябинск или Чебоксары. Я не поехал.

В сентябре 1941 г, нашу группу послали в село Титовское, убирать картошку. У нас хлеб кончался, мастер ушел, чтобы получить его. Когда он пришел, то рассказал. «Ребята собирайтесь, у нас ЧП, директора убило бомбой, а мастера ранило. Они шли с фабрики кухни за стадионом. Их там и накрыло. А около техникума ранило в ногу Захарову Антонину Ивановну. Было сброшено четыре бомбы: около стадиона, д/сада, около техникума, в цех №5.»

Вернулись. Я зашел в общежитие, там полный погром, как после бомбежки. Я пришел к завхозу получить бушлат. Он говорит: – Выбирай. А они валяются кучей. От него пошел в библиотеку. У нас была очень хорошая и большая библиотека. Я вошел и удивился, книги валялись кучами. Юрка Беззубов оторвал от знамени кисти и подпоясался ими. Я присел и посмотрел книги, и выбрал себе две с картинками. Я любил книги с картинками. В библиотеке читать книги без картинок не брал.

Этот бардак кончился в январе 1942 г. Все восстановилось, завод стал работать, а мы учиться. Правда, школы не работали. В первой был госпиталь.

Племяннице Василия Федоровича отсекло два пальца на ноге, а Тоню Гардюшину ранило в ногу. Ей сростили неправильно и она ходит с кривой ногою.

Иждивенческая карточка была 300 гр. а детская 400гр. хлеба. Это очень мало. В 1942 г. я стал проситься на работу, мне было 13 лет. Не берут. Я тогда намочил метрику и приписал себе год. А оформляла меня на работу Жлобина Катя. Она смотрела, смотрела: – « Ну ладно ,что с тобою делать Ты уже надоел ходивши сюда». И 13 июня 1942 г. меня оформили на работу.

В 1943 г. в здании техникума обустроились военные. На первом этаже у них была конюшня, а на втором штаб и казарма. Они сами остеклили здание, можно сказать обжили его.

За время работы с 1941 по 1945 год я был награжден медалью «За доблестный Труд» медалями 30 лет Победы, 40 лет Победы и по настоящее время я работаю там электросварщиком.

Зюзина Тамара Ивановна

Я, Зюзина Тамара Ивановна, девичья фамилия Лаврентьева, родилась в 1936 году, во Владимирской области, Александровского района в деревне Булково. Деревня была большая, со временем совсем выродилась. Её сейчас нет.

Папа мой, Лаврентьев Иван Васильевич родился в 1912 году, мама Лаврентьева Анна Николаевна, в молодости Савельева, родилась в 1914 году.

Отец был мельником, переезжали с мельницы на мельницу. Жили мы на мельнице в д. Зубарево. Там у мамы родилось несколько детей. И вновь переезжали с мельницы на мельницу. Последняя мельница стояла возле Игнатьева, на реке Кунья, это место называли Самодуриха. Мне это слово очень не нравилось.

У нас был родственник, он жил на Зелёном посёлке, приходил и фотографировал нас, потом делал любительские фотографии.

У меня есть, 1942 года такая фотография, с тёткой я сижу.

Свет у нас был от керосиновой лампы.

Отца забрали на фронт, ближе к осени, в 1941 году. Маме было 27 лет, у неё осталось четверо детей. Сестра у меня была с 1934 года, ей было 7 лет, мне было 5 лет, брат с 1938 года, а второму брату Славе было 6 месяцев. Он сейчас живет на Новостройке, он и родился на мельнице.

Паводок, 1942 г., был сильным. Весной эти запруды смыло. Лёд раньше не раскалывали и льдины снесли запруду. Когда прорвало плотину, она нас от туда забрала. Жить стало плохо, впроголодь. Мама корову подоит, снесёт молоко по частникам на Возрождение и купит хлеба. Трудно ей было жить с четырьмя ребятами без мужа. Отец ничего не оставил, никаких заготовок у него не было.

Однажды мать ушла и закрыла нас, а мы стали играть лучинками, зажигать их. На нарах были ватники, один загорелся. Хорошо мать через некоторое время пришла. Мы чуть не задохнулись от дыма. Выбраться не можем, дверь закрыта. Была зима, если выбить стекло, то кто нам вставит. Мать пришла, выбросила дымящийся ватник и открыла всё настезь.

В доме была только одна железная кровать для родителей, мы спали на нарах. Накрывались стеганым одеялом.

Однажды мать чуть не попала под поезд. Она поехала в Загорск, что-то продавать, при посадке на «Кукушку», её смяли и она чуть не попала под колеса поезда. Когда мама рассказала, мы были все в испуге, что могли остаться без матери. Окружили, вцепились в подол и стали плакать. Потом она пошла к знакомой женщине Ореховой и поселилась на квартире, в дом №25 на Возрождении.

Она пошла работать уборщицей, хоть бы на хлеб заработать нам. Ей стало очень трудно и бабушка забрала нас двоих Юру и меня, в деревню Булково. Осталась мама с двумя ребятами, старшей сестрой и братом Славой.

Получилось так, что мы пробыли у бабушке в Булково всю войну. Училась я в селе Горки, там была школа. Писать было совершенно не на чем. Выручала моя тётка. Она работала бригадиром в колхозе. У неё были такие чистые бланки, она их сошьёт, получалась тетрадь. Я писала на них сажей. Сажу соскабливали у бабушки в печке, разведем водой и писали ей. Ручка была, нам выдали, а чернил не было.

В школе было две комнаты, в одной учился первый класс и второй, а в другой третий класс и четвертый. В школе не кормили. Бабушка пекла хлеб из гороховой муки, кушали его.

До войны мы питались хорошо. У нас было своё хозяйство. Когда папа был на фронте, у нас ещё оставалось небольшое хозяйство, но нам «помогали» убирать урожай чужие люди, они воровали у нас в огороде и в сарае. Мы видели, как мужики гусям отрывали головы и забирали в мешки. Что могла мать сделать, мы дверь привязывали верёвкой, чтобы нас не убили. Боялись жаловаться, дом сожгут. Корову мать забрала в Краснозаводск. У Ореховой был сарай, она разрешила её поставить. Мать делилась с ней молоком. Огородишко какой-то был, это где детский садик, около дома №14, картошку сажали.

С фронта папа вернулся очень интересно. Мама, что-то решила везти меня в Александров. Она собрала сумки, мы оделись и хотели выходить из дома. Стук в дверь.

– Входи, чего стучать.

Мать открывает дверь, продолжая ругаться, что, дескать, она спешит, а тут кто то идет. Дверь отворилась, на пороге стоит отец.

Мы жили на другой квартире, у Патрикеевой в доме №23. Он проходит в комнату.

– Ой! Ньюра.

Они обнялись, мать заплакала. Я отца не помнила, какой он. Я всё время представляла, как начали приходиться с фронта, как придет наш отец. А он пришел просто, мать открыла дверь, он и вошёл. Он нам рассказывал, что они попали в окружение, был сильный бой. Многие погибли, Бог его миловал. В окружение попали, по причине предательства своего офицера. Они целую ночь в болоте просидели, через трубочку дышали и всё-таки отца взяли в плен. Из плена их освободили американцы. Нам прислали извещение, «пропал без вести». Мама и мы плакали, что отец без вести пропал. Мама его не ждала и тут такая встреча, мы все заплакали. Рады были до безумия. Эта минута встречи, запомнилась навсегда.

Он тут же сказал:

– Семью свою забираю, и на квартире вы жить не будете.

Он ушёл в «Игнатьевский» колхоз. Его сразу взяли на ту же мельницу, на Самодуриху.

Приехали на мельницу, там всё разбито, ничего нет. Домик стоял, а плотина вся разбита. Летом 1946 г., после половодья, отец с помощью колхоза и колхозников д. Игнатьево, восстановил мельницу. Когда дадут помощников, когда нет, в колхозе тоже людей не хватало. То на лошади, то на тачках сооружали эту плотину. Хочу отдать должное отцу, у него в руках всё горело и всё получалось. Восстановление плотины шло очень тяжело. Восстановили полностью в 1946 году.

Пришел голодный 1947 год. Летом цвели огурцы, а на них лежал снег. Из под снега выглядывали желтые цветочки. Эта страшная картина в глазах стояла даже сейчас. Всё замерзло, урожая не было. Всё пропало. Молоть нечего, хорошо, что нам помогали отцов брат дядя Федор. Он, молодой ещё, в армии не был. 18 декабря 1947 года были отменены продовольственные карточки.

Игнатьев Виктор Васильевич

Вся моя школа – летом коровы, зимой вечеринки под наигрыш гармони. Так я ни одного класса не кончил, только пишу, что закончил четыре. Некогда учиться было. В школу не ходил. Похожу неделю и больше не хожу.

Детство. С утра встаёшь, мать скажет: – «За водой иди, курей покорми, травы наруби курам или гусям». Спали на соломе. Соломы приносят охапку, по всей передней на пол расстелют и какую-нибудь дерюжку от мух укрыться дадут. Мать с отцом спали то на печке, то на лежанке, деревянная лавка вдоль окна была.

С утра, если есть картошка, то сварит, а если нет, то ничего не варили. Мы плохо питались. С утра начинали промышлять по чужим огородам. Такая трава растёт, осока, вот эту осочку вытаскиваешь, она сладкая и съедается.

Весь день на траве. А нечего было дома есть, совершенно готовить нечего.

Хлеба мы вообще не видели, а ели мать на обед сварит суп, так из лебеды. Бросит лебеды в чугунок и туда ложки две пшенки пустит. Она пшенку пускала для привкуса. Вот это и был обед и довольны были. Больше не видели ничего. Не видали ни лепёшек, ни чёрного хлеба. Денег в доме не было. Керосин надо для лампы, купить не на что. Пролетарии были.

На столе стояла сахарница старинная, вот в этой сахарнице бывало другой раз 15 копеек лежали, мелкими. Мать берегла на спички. Другой раз отец возьмёт у неё, а на нас соврёт: – Детки взяли, костры разжигать. Вот такая политика у отца была. А мы, что бы костер разжечь, камень искали, железку. Били друг о друга, искорку даст, паклю раздували. Когда огонь разгорится, кто картошки достанет, стащит с печки, или рыбку пойманную в речке.

Отец не работал. Он только, охотой и пьянкой занимался. Пьёт и на охоту. Денег у него никогда не было, значить и в семье не было.

Когда Крупская выпустила закон, что будут платить две тысячи за седьмого ребёнка, начала мать получать эти деньги. Для нашей семьи это большие деньги. Мать получит деньги за ребенка, от отца и прятала их в иконы, куда только не прятала. Всё равно найдёт, пойдет в Соснинскую чайную пропьёт или уйдёт к Склеповым в карты играть, и проиграет все деньги. Наверное мать плакала, но мы не видели.

Мы были чаще голодны, чем сыты. Вот такая жизнь была в нашем доме. Вспоминать не хочется эти дни. Дикари. Я не знаю, как мы пережили это всё. Как скотина. Хотя, скотина у нас сытая была, мы нет.

В октябре 1944 г. пришла повестка в армию. Принесли на дом. Когда домой пришёл, мать говорит: «Сынок, повестка на фронт тебе пришла».

Я встал утром и сразу поехал в колхоз. Председателю повестку предъявил. Он дал команду, за мою работу в колхозе пять подвод нагрузили зерна. И колхозники повезли его в Горошково, я с ними поехал. Разгрузили в дом отца и они уехали. А я в Загорский райвоенкомат. Нас пол деревни молодёжи поехало в военкомат. Со мной призвали Симку Бобкова, вместе мы с ним служили до мая 1945 года. Потом нас разъединили. Из Горошково мы были только вдвоём. Были Загорские, Соснинские ребята.

В военкомате всех собрали в красном уголке, который размещался в бараке за военкоматом. Офицер объяснил обстановку, нас построили, всех на электричку и в Балашиху. В Балашихе, на приемном пункте, помыли и прямо от этой бани, может быть с километр от станции стоял эшелон военный. Погрузили нас в «телячьи» вагоны. Старших офицеров поставили в каждом вагоне. Внутри вагонов были нары трёхъярусные, по центру «буржуйка».

Нас не кормили, все на своих сухарях. Я с собой взял картошки варёной да хлеба печёного, мать с вечера все подготовила. Хлеб сама напекла. Приехали на станцию Пустошка, она сейчас в Калининской области сохранилась. Эта Пустошка вся была разбита, пустошь. Пол водокачки на станции осталось живой и всё. А город весь разбит от бомбёжки, от войны. Она два или три раза переходила из рук в руки. Самый красивый город был в мирное время. Выгрузили нас в Пустошке, стали одевать, обувать в военную форму.

Холодно. Старые шинели дали, кому телогрейку, кому ботинки заменили.

Некоторые босые приехали, в поезде проигрались. А с кого сняли и морду набили. Прицепили к нашему эшелону Калининский вагон. Нас 7000 человек ехало. На мне были ботинки типа бутс рабочих, обыкновенные брюки, телогрейка. Хороший пиджак, который я заработал, он остался дома. Ноги были обмотаны тряпками. Из землянки вытащили большую кучу ботинок, портянок, обмундирования. Четыре части в данный момент одевались, обувались. Прежде чем дать обувь или одежду, обмеряли. Дадут две шинели. Рукава нет, от одной отрезаешь и к другой пришиваешь. Прямо как у Чаплина в кино.

В этой Пустошке никого не было, только наши командиры и мы новобранцы – голодранцы. Здесь нас не кормили, на своих сухарях выживали. Даже дома не так было голодно, как здесь.

Кое как одели и в поход, без оружия, пешком. Только что фронт отодвинулся. Идем, страшная картина, вокруг всё горит. Пошли в сторону города Опочки, 100 км от Пустошки.

Под Невелем меня шарахнуло, ранило. Реку Великую мы форсировали. Не подготовленных кинули в бой. От всех кто пошел, 17 человек осталось в живых.

Оружие нам дали в городе Опочка. Город был разбит. Загнали нас в подвалы, ни свету, ничего. Привезли обмундирование, на площади нас одевали, обували. Ни мостов, ничего, а река Великая, быстроходная. На ту сторону кто переплыл, а кто утонул. Она быстроходная и глубокая, а переплывали вплавь, без подручных средств. И никто не спрашивал: – «Умеешь плавать или нет? Вперед».

На ту сторону перебрались все мокрые. Ни каких костров разводять было нельзя. Одна команда: – Вперед, шагом марш!

Это было в конце ноября. Так было на всех фронтах. В телогрейках, в шинелях, в сапогах в воду, форсировать, а сколько утонуло в этой речке. Первым плыл командир, а за ним все остальные. Кто не умел плавать ушел на дно. Даже не сказав: – «Прощайте братцы».

Собрали вышедших на берегу. Выплыли на ту сторону, все мокрые, уже говорил, ни каких костров. На дым, на огонь костра, немцы сразу открывали минометный огонь. Это неминуемая гибель. «Вперед. Шагом марш!» Мы в обмотках были, вода не заходит в ботинки. Отряхнулись, как гуси после купания, пошли. Два командира впереди. Майор был впереди и старшина, а по бокам были солдаты с оружием. Нас вели под конвоем, как пленных, но без собак. Там флажки были натканы красные, кругом всё заминировано. Вот так нас вели 100 км. Одежда не замёрзла, погода была сырая, нулевая. Ночью был мороз, а днём отпускало. Вот сто километров мы прошагали, кормежки не было. Там нам ботинки дали новые американские, желтого цвета с кожаной подошвой. Оказалось потом, кожа эта – была прессованная бумага. А у меня нога большая. Они длинные, а в подъеме не лезут. Большие возьмёшь, спотыкаешься, поменьше в подъеме не лезут. У них подъёмы маленькие, а голенище высокое. Ботинки были без шнурков. Шинели нам дали польские. Отечественную рвань с нас сняли. Польские шинели были длинноваты и с пуговицами. Наши шинели на крючках, а эти на пуговицах и сзади разрез до самого хлястика. В скатку не закутишь.

В холодное время и крутить не будешь, это потом крутили. После марш-броска в сто километров, на десятые сутки пошли в бой.

Перед боем нас покормили. Это первый раз за то время, как я уехал из дома. Все это время жили на домашних сухарях.

Всё кругом было сожжено, только головешки и обгоревшее железо. И воинских частей рядом нет, одни мы в этом мертвом и безлюдном месте.

Призвали меня в октябре и весь месяц ели только то, что взяли из дома, у кого что есть. Из дома уходили с вещмешком, не было у нас таких, как сейчас ранцев. В мешке, две картошины, сухари. У некоторых было побольше, у некоторых мало, у кого и ничего не было. Бывали и голодные обмороки.

Земляк мой, Торбецкий Васька слабеньким был. Я не знаю, как он воевал, но когда я приехал в отпуск, его мать, аж ко мне в Горошково прибежала с Торбева. «Витя, сынок, как Васька?» «Васька в Калининской области остался. Твой Васька жив». Она посмотрела на меня, улыбнулась, вытирая слезы подолом фартука.

Нас одели, обули и шагом марш. Впереди старшина идёт. Дошли. «Все, готовятся к бою, берите оружие» – громко, перед строем скомандовал старшина.

Винтовки выдавали с двумя обоймами и всё. Кончились патроны. Чем стрелять? Соплями? В обойме тогда было пять патронов. Одну обойму сразу в магазин загоняешь, а другую в патронаж. И в бой. Там жаловаться, со слезами на глазах, было некому. А бой штука беспощадная. Или пан или пропал. Раз свистнула мимо, второй раз... И ты лежишь. Пять минут и нет нас в списках на паек питания. Пал в бою за Родину. А мы еще и девок не poznали. Не poznали аромата и хмели ее губ. Война.

Боевые действия были такими. Вот здесь мы, а там немцы. Они с минометами и ящиками патрон, а мы с десятью патронами, пять в магазине и пять в кармане.

Когда нас разъединили по окопам, всего 7500 человек, плацдарм большой, километров на пять взяли оборону. А местность мы не знаем, она болотистая. Болото страшнее речки. В речке тебя шлёпнуло, ты утонул, ранило, ты выплыл. На болоте тебя ранит, помощи не жди. Ни кто не подойдёт за тобой в болото. Так и умираешь раненым в этом тухлом болоте. Кто ляжет тот и оставались лежать, кто без ног, без рук, кто без головы, кто с легким ранением, но идти не может. Лежат на кочке и видишь глаза этих раненых ребят, а помочь не можешь. Он смотрит на тебя, помощи просит.

Страшно все это было видеть. Идешь и думаешь: «А ведь через секунду, две сам будешь просить о помощи». Я дал себе слово, если так, застрелюсь, не дам себе мучиться. Вот такая наша оборона была.

Руководителей мы не видели, только видели старшину, майора и ещё сержантов, наверное человек пять из конвоя с винтовками. Конвой из подразделения СМЕРШ. Кому жаловаться, когда всех перебили. Бой кончился, нас собрали человек 17, калек. В тыл отправили. Прибыли, ни связи нет, ни санчасти, никого и ничего нет. Чтобы перевязать раненых, чтобы спасти уцелевших солдатиков, ничего нет. Нечем. Хоть портянками грязными бинтуй. Бинтовали, и люди всё равно выживали. Сейчас и мажут, и лечат, чего только не делают, а люди умирают.

Нас у матери, было восемь человек: Вера, Сонька, я – Виктор, Борис, Даша, Люба, Надя, Дуся. Трое детей умерли.

Почему жители деревень были крепкими? Рождалось детей много, а выживало мало. Только сильные дети выживали. С детства они бегали босые. Закалялось здоровье. Раны, полученные во время баловства, как звери, зализывали. Иммуниет был большой. Не могли такие люди умирать от ран. Поэтому раненому солдату грязной портянкой замотали рану, ни руку не отняли, ничего. И жив остался.

После боя, я с Тимкой встретился, со своим Горошковским другом. Сейчас он в Хотьково живёт, не знаю, жив или нет.

Маслобойщиком, это по дедушке. У него дедушка Яков был, отцов отец, ко-солапый, ступни во внутрь ходил. У них маслобойня в Горошково была. Они самые богатые были. А фамилия его Бобков. Маслобойщиков это прозвище от рода их деятельности.

Яков, в 1945 году умер. Тимке прислали письмо, что дедушка умер. Весь род их жил за счет деда. Дед был сапожником и всей округе ремонтировал обувь, и маслобойней занимался. Трудолюбивый человек. У него всё же капитал был. Когда он умер, всё – каюк. Ни кто из них работать не хотел. Тимка в армии, остальные все здесь в деревне, даже коровы, чтобы себя прокормить, держать не хотели.

Сейчас, на том месте, где дом «маслобойщиков» стоял, монахи капусту сажают, морковь.

После боя, кто был ранен, но вышел из болота, отвезли в госпиталь. Мы идти не могли, нас везли в тыл, в медсанбат.

Позиции противника мы не взяли, а с кого спрашивать. Мы глупые были, дети еще, как бараны. Нами командир командовал. До немцев мы не дошли. В этом бою немцев я видел. На прицел брал, звучит выстрел и видел, как он падает на колени, потом носом в землю. Значит попадал. Ты не попадешь в тебя, уж точно он попадет. Секунда и ты у Христа за пазухой. Всё это моментально.

Нас привезли на эту бойню, специально на уничтожение. Некоторые даже не выстрели, и не увидели, что такое патрон. Они все там легли. Там людей было навалено, вот так в два ряда. Мы уцелевшие их складывали. Конечно, встречались и знакомые лица. Страшно было, что и тебя так же за ноги за руки бросят на сырую холодную землю.

В этом бою около шести тысяч погибло. Только их не считали, это сейчас докапываются до истины. Какая истина, какая правда. Никто ее не знал и узнать не сможет. Выкопывают кости, ищут бумажки в патроне, кто он. Все они герои. Только неизвестно за что они, молодые ребята, которые еще девок не шупали, погибли.

Второй раз в санчасть я попал с контузией. Страшный бой шел. Немцы, они не шишками кидались, это мы с винтовочками шли и десять патрон с собой. У них и пушки, и танки, и минометы. А патроны, они наверное не считали. Как из пожарного рукава на нас поливали. Момент контузии я не помню, только когда вытаскивали, помню человека над собой. Мы вступили в бой и рядом взрыв мины. Это всё секунда, ты вот живёшь и сразу всё, сознание потерял. Какое то

мгновение пролетела Пустошка, Опочка, река Великая, как форсировали увидал.

Память всю вышибло. Мне документы сейчас прислали военные, а то их у меня не было.

После контузии, наверное месяц, я был в госпитале. Не очень серьёзная была контузия. Я быстро отошёл. Ранения были осколочные, как у отца в голове. Во мне было восемь осколков. Часть в плече и здесь с правой стороны. Там осколочки вот такие, царапина. Промыли их и всё, замазали и не бинтуют.

В госпитале, утром кормили каша, чай. В обед первое дадут. Ши сварят из мороженой капусты, не из чего было готовить. На ужин дадут пюре картофельное. Пюре из сухой картошки. А то сухари. Разрежут буханочку, вот так, располовинят. Один сухарик одному, другой мне и соседу. В госпитале с продуктами было тяжело. На этой пище встать с постели после ранения и выиграть войну, было тяжело. Солдаты молодцы, они герои. Каждому надо поклониться.

Попал я в Апукляки, там были наши военнопленные с Норвегии. Война началась на западе, в первые дни войны всю погранзаставу немцы в плен взяли. Это ребята 1916 года, 1918 года рождения, кадровые солдаты наши. Все они попали в плен и были отправлены в Норвежские концлагеря. В этих лагерях были и офицеры и рядовые.

После освобождения Норвегии нашими войсками, стали вывозить военнопленных на родину. Мы были конвоирующими. С Норвегии пленных вывозили пароходами.

Прибыли в Россию, у нас было семь лагерей, их направили в эти лагеря. Это было летом 1945 года. Лагеря окружал сосновый лес, деревья метров 50 высотой. Эти лагеря были первоначально формировочные.

Солдат формировали отдельно от офицеров, обучали неделю и в бой.

Землянки уже длинные были и окутаны колючей проволокой, сплошь и в два ряда.

Предзонник внутри и снаружи. Этих военнопленных направили в эти лагеря. Там их сортировали, офицеров отдельно, рядовых и сержантов и старшин в другой лагерь.

В эти лагеря, из Норвежских концлагерей, мы завезли тысяч сто. Там была такая большая очередь. Проверка была очень строгая, всех, каждого, через особый отдел пропускали. Чтобы каждый, после особого отдела, сошёлся лицом к лицу со своими товарищами военнопленными. Удостоверили личность каждого. Ведь их там взяли не в одном месте, а собрали со всей Норвегии. Это была очная ставка.

Некоторые, уже работали на немцев. Те, кто работал на немцев, ребята выдавали, ему в глаза говорили: «Вспомни, как ты, там в лагере над нами издевался». Конечно, они не выдерживали. Раз ты попал к своим, ты свободно говоришь, этот занимался тем то и тем то. Его сразу в особый отдел. После особого отдела, их ещё раз проверяли, и они сами себя выдавали. Например, он есть полковник. Его одевают в одежду полковника, обувают и в первый лагерь. Всё, эту прошел проверку, значит чист. И так каждого офицера. Если за тобой нет греха, то тебе присваивают звание на одно звание ниже. Если он был капитан,

стал старшим лейтенантом. Формируют и сразу во Владивосток, на фронт отправляли. В это время была война с Японией.

Из сортировочных лагерей я попал в Смоленск. Приехали «скупщики» из Смоленска. Солдат много, со всей страны согнаны. Объявили победу, и пошли они назад. Их надо формировать, определять им направление движения. Кого во Владивосток, я же был направлен в Загорск. Здесь мы стояли на Каляевке.

Горошково было близко, пошел навестить своих. В доме как было так все и осталось – разруха и голодуха.

Погостил дня два, прихожу на Каляевку, где стояли наши, ни одного солдата. Всех расформировали и направили на Дальний Восток. Я походил, походил. На матрасах полежал, на нарах полежал. Приходит офицер. «Ты чего здесь делаешь?» «А где все наши люди?» «Всех расформировали и отправили. А ты как остался?» Я был, в командировке от Голодовского. Я ему подчинялся, а Чудаев был прикомандирован на Каляевку, в Загорске. Довыдовский, сержант, польская фамилия, он ко мне, в Загорск приедет, в военкомат, продлит документы на продукты, а на лошадей мы в Каляевке получали. Три лошади у нас было. Я говорю: «Елки-палки, а тогда самоволка получается». За два часа самоволки, в то время, под военный трибунал отдавали и в дисциплинарный батальон отправляли. Я же ни кому не подчинялся, а только хозяину своему. Перед ним должен отчитываться, перед Голодовским. Ещё один офицер приходит. Нас, таких как я, набралось 15 человек. Нас отправили всех в 73 комендантский батальон, в Москву. Кремль охранять.

Мы охраняли вокзалы, рынки. Майор Хайлов командовал, а стояли мы на Хорошовке, рядом со стадионом Динамо. На Ваганьковском кладбище занятия проходили, тактикой занимались. Вот такая жизнь была.

Бывало так. За хорошую службу солдату отпуск дали на 10 суток, а он через Москву едет, пуговочку не застегнул. Планшетку не так подстегнул. Клинья вшил в галифе, это касается моряков, в брюки. Нарушение устава, в комендатуру его. А из комендатуры он уже в отпуск не поедет, прямо в часть. Отсидит в комендатуре, выйдет через 10 суток и в обратную дорогу. Приедет генерал, а их там солдатиков, задержанных человек 60 за ночь. Построит и зычным голосом: «Первая колонна 5 суток, задний замыкающий слышит?» В ответ: «Слышит».

В Алёшинских казармах, там и офицеры и солдаты. Это не говорится где они. У нас всё закрыто. Это кто служил там, тот и знает. Жалко мне ребят было. Другой раз просят: «В часть поеду, только отпусти».

То, что генерал сказал, это всему строю, один срок назначили.

На рынке случай помню, мы одного задержали офицера, с Рязани приехал. Его отпустили за хорошую службу, в отпуск. Приехал. Он один сын у родителей, они в Рязани. Видать отец пчел держал, вот они мёду накачали и он приехал на Преображенку торговать. Мы у него удостоверении забрали. Я говорю: «Отдай, он офицер», а со мной старший. Они в комендатуре на деньгах были, купались в них, как сейчас милиция над нами командует. Хочу, отпущу, хочу посажу. Когда продал всё, он деньги у него все забрал. «Езжай». Вот такая жизнь была в то время, это 1947 год, год был голодный. Продовольственные карточки отменили только в декабре.

Я у них в комендатуре послужил, тошно стало.

Последний бой я принял в Волокше. Тут стройбат стоял, и здесь у солдат завязалась драка. Нас по тревоге на машины, вооружили и в Волокшу. Мы усмиряли эту драку.

Офицеры в комендатуре кичились тем, что воевали, этим и начали спекулировать. Из себя героев строить. Какие они герои, им деньги надо собирать. Грабить, поборами заниматься. Человеку за заслуги дали отпуск, он у него отобрал. Солдатик деньгами откупился. Солдат поехал в отпуск, а этот в карман денег набил. Я рапорт написал майору Хайлову. «В вашей части больше служить не могу, да и не хочу». Знаешь, как он меня уговаривал. «Ты что? Ты что?» А я: – «Да, не хочу. Я пойду в дезбат, но в наряд я больше, у вас, не пойду. Я не могу своих солдат арестовывать. За что? За то, что он пуговицу не застегнул. За то, что офицер идёт, и не знает порядков в Москве, планшетку под ремень не пристегнул. За это лишают отпуска человека. Его дома ждут, а вы его здесь держите. Я не могу больше, что хотите делайте. Я больше в наряд не пойду, и не записывайте, не пойду. Я знаю, если не пойду, это преступление и судите меня. Военный трибунал пусть судит. Я во всём признаюсь, судите. Я эти вещи больше совершать не хочу». Ох, он меня упрашивал. Два дня подержали, ни куда не пускал. Вызывают в штаб и говорят: «Виктор Игнатьев, вы?» «Так точно, я». «Мы собрали команду 17 человек». Я говорю: «Ну и что? Мое участие, какое?» «Поедете в город Брянск с ними».

Погрузили нас на Киевском вокзале в пассажирский поезд. Это конец 1947 года. Приехали в Брянск. Там река Десна проходит. Расположились на берегу, покушали, что было выдано на дорожку, как сухой паек, и в часть пошли.

Вдоль Десны, по городу идём. Там город такой же, как Смоленск, два брата с сестрой. Что там, город Днепр режет, а здесь Десна Брянск режет, так же всё.

Идем вдоль забора кверху, по шоссе, там наша дивизия стояла. В эту дивизию пришли пешком. От станции до КПП дивизии километра полтора.

Поселили нас в барак из досок деревянных, на полу солома раскидана. Здесь видать у них формировочный пункт был. Мы ночь поспали, на нас вши напали. В этой соломе вшей было, миллионы наверное. Нас 17 человек, в этот вшивый барак и поселили.

На соломе ночь отоспали, утром приходит дежурный по части. «Подъём, умываться и на завтрак». Мы ничего не говорим, лежим. Я ребятам говорю: «Только один сыграет против, что я говорю, пускай пеняет на себя. Мы не пойдём до тех пор, пока нас не обуют, не оденут, не вымоют, никакого строя не будет. Если кто струсит, я сразу встаю и бью по морде». Всё, лежим. Приезжает командир дивизии, как сейчас помню на белом коне. Один и второй на белом коне, ухоженные жеребцы. Один из офицеров с перевязанным глазом. Я понял, фронтовик. Человек заслуживает уважение. Заходят, мы лежим. Посмотрели друг на дружку, команду подают: «Встать». Мы все приподнялись и сели на пятую точку. «Я приказываю вам встать» – со злостью прокричал офицер. Мы опять молчим. Обстановка накалялась. Я решаюсь и говорю: «Мы встанем тогда, когда вы нас помоете, когда вы нас обуеете, когда вы нас оденете. И мы будем исполнять всё, что прикажут наши командиры. А сейчас мы будем сидеть».

Накормите, напоите, нас немного – 17 человек, но с такими вшами, которые вы здесь развели, мы дружить не станем». Он смотрит на меня изумленно. Я продолжаю говорить: «Я войну прошёл и таких вшей не видел не на передовой ни в тылу». Он зыкнул на меня: «Ты только себя, наверное, защищаешь?» Мы с ним чуть не подрались. Они ушли и больше не приходили. Приходит младший лейтенант. «Вы ребятки встанете что ли? Идемте обедать, уже все пообедали». Я спрашиваю: «Далеко ваша столовая?» «Нет, в одной из палаток». Они в палатках жили. Мы пошли, пообедали. В три часа нас вызывают. В баню отправили, постригли. Обмундирование дали.

Хочу вернуться к 1947 году, службе в Брянске. Что у нас там получилось с начальником штаба. Когда они стали нажимать на нас, под военный трибунал подводить. Вызвал он меня к себе в штабную палатку и начал, он по национальности еврей был. Начал оскорблять, что дескать мы русские горбатились на них и будим горбатиться. Вот тогда я не выдержал, нервы сдали, выхватил из кобуры пистолет и выстрелил в него. Выстрел пришелся ему в голову. В палатке были и другие офицеры. Вот тогда и приговорили меня на 15 лет.

Расстрел не дали, были свидетели, за что я в него выстрелил. Мне присудили 15 лет. Подали кассацию на Калинина Михаил Ивановича. Я сидел в Матросской тишины. Тюрьму мне заменили на два года штрафника.

Из этих двух лет штрафника я отбыл всего год. Штрафной батальон был в Калуге, на добыче камня в карьере.

Я тоже прошел политическую школу отца, школу голодного и холодного детства.

Ильюшкин Павел Яковлевич

В 1941 г. я пошел в 9 класс. Мы отучились месяц и школу закрыли, сделали общежитие. С весны 1942 г. в школе разместили госпиталь.

На работу я пошел в начале войны, осенью 1941 г. Мне шел 17 год. Рабочих после эвакуации не хватало, пригнали заключенных. Одеды они были кто в казенной одежде, кто в своей. Водили их под конвоем. Бывало идешь с заключенными девушками, а девушки конвоиры смеются: – Вот тебя не отпустим, красавчик.

Питались они в столовой, а утром и вечером кормили в казарме, у них там была кухня. В третьем подъезде на первом этаже, где потом жили Ермаковы, в казарме был клуб.

Работал я в цехе №4, на противотанковых гранатах по 16 часов, без выходов. Обедал по талонам, карточка была килограммовая. Первоначально обеды были хорошие, а потом стали не очень качественные. В основном первые блюда, суп и щи. На второе всегда, чтонибудь мясное. Бывало отец скажет: «Дома картошки нет. Ты, Пашка, сегодня в столовой поешь». Утром дома чай с хлебом попьешь, а на ужин, что придется. На карточки давали и обувь и одежду. Талон на рубашку, талон на штаны, туфли.

В войну, молодежь, также ходили по улице, играли в гармошку. Взрослые тоже выходили посмотреть и себя показать.

В тридцатые годы, до Загорска, ходило вагонов шесть, а войну три вагона.

Когда война началась, в Мадриде еще жили, оно было как общежитие. На втором этаже у них была столовая, еще столовая была около цеха №9.

Город бомбили всего один раз за всю войну. Это было 28 сентября 1941. Нас послали в д. Душищево убирать картошку. Я за эту работу получил пол мешка картошки. Мы слышали взрывы, и видали сам самолет. После этих взрывов мы бегом припустились в город. Нам дома рассказали, что прилетал самолет с крестами на крыльях и сбросил четыре бомбы.

Молодежь занималась спортом. Готовились на фронт. В 1944 г. у нас была сильная команда допризывников. Наши допризывники в московском округе заняли первое место в спортивных соревнованиях.

Веселев Владимир, Антонов Анатолий. Калинин из д. Душищево, Илюшкин Павел, и два двоюродных брат. Конечно это не все, были и другие ребята. Всего было около 20 человек.

Из нас отобрали команду, и мы были на всеобуче. Мы обучали тех допризывников которые должны были идти в армию.

В 1943 г. мне пришла повестка идти в армию. Я собрал рюкзак и пришел к Потапову, он был нач. отдела найма и увольнения. Мужик был, будь здоров.

Он посмотрел на часы и говорит: «Ты что, сегодня на работу не пошел?» Я говорю: «Нет». «Так вот, если через пятнадцать минут, я позвоню и тебя на рабочем месте не будет, получишь пять лет тюрьмы». Я вылетел из кабинета пулей и бежать. Новую проходную цеха №4, только что построили, пробежал, и к механику. Механик сидит и разговаривает по телефону. Потом глянул на меня, кивнул. «Да вот он, передо мной стоит».

В 1944 г. когда вышла медаль «За оборону Москвы», за хороший труд в изготовлении противотанковых гранат, меня наградили этой медалью.

Когда война кончилась я был вызван в военкомат. «Учиться пойдешь?» «Да». Сказал я. Они написали мне характеристику от военкомата, и направили в техникум физкультуры, в Малаховку. После окончания техникума в 1948 г., был направлен в школу №1 г. Краснозаводск, преподавателем физкультуры. Директором был Синельщиков Иван Илларионович. Офицер. Фронтвик. Он встретил меня хорошо.

Спортивная площадка была перед школой, стадиона школьного еще не было. Начнем заниматься, вся школа встает на дыбы и смотрит в окна. Он говорит мне: – «Выгоню. Иди ищи другое место где заниматься». Так стали вместо уроков физкультуры строить за школой стадион. Завод выделил бульдозер, выравнивали площадку, дорожки засыпали шлаком.

Я хотел построить стадион сбоку школы мне не разрешили, сказали: – «Это место под школьный сад». Это было в 1950 г.

Я считаю, что тот ребенок кто не озорничал, это не ребенок. Те, кто озоруют, быстрее познают окружающий мир и жизнь. И в то время они всегда были ответственные за себя.

Козлов Владимир Сергеевич

Я, Козлов Владимир Сергеевич, родился в 1933 году с селе Думино, Дмитровского района Московской области.

Война началась, отец ушел на фронт, мать осталась, одна с пятью детьми. Самому старшему Юрию было тогда 10 лет. Мама работала в Костинском колхозе. Помню, как все колхозники жали серпом, как мы ходили работать в поле. Дом наш был рубленный, четырёхстенный, три окна по переду и с боку одно окно. Было у нас две комнаты. Как и у всех, у нас была русская печь. На ней большую часть времени и проводили. Что я должен сказать, мама одна, а нас пятеро. Работала в колхозе, жалко ее было.

Хорошо запомнился один эпизод. Во время войны, у нас, у каждого был приусадебный участок. На этом участке мы должны обязательно посадить картофель. Не посадим, то жить не на что. Пайка продовольственного, как в городе, не давали. В школе по 50 грамм хлеба и все. Мне как бедному крестьянину из большой семьи, учительница Антонина Ивановна, стремилась немножко дать побольше. Это было в 1941 году, уже отец ушёл на фронт. Все знали, что у нас семья большая, как-то нас стремились поддержать.

Весной, мама и вся малышня, обрабатывали свой участок. Мать в колхозе работала, это уже 1942 год, приходит домой, берет лопаты и на свой огород работать. В то время в колхозе никто хорошо и не питался. Ели в основном картошку. В 1941 году брат пошёл пасти коров. За что получал 8 пудов ржи. Вот так мы жили. Мать вставала рано, ухватом чугуна с картошкой в мундире поставит в печь. Мы встанем, она его вынимает. Он всегда горячий. А хлеба давала понемножку. Не было его. Чай – вода кипяченая. Жили плохо.

Копаем мы участок, обрабатываем. Мать ругается, что мы мало вскопали. Через некоторое время, все мы вышли, четыре человека. Кто как копает, Нина с Велей солдатской лопаточкой, мы постарше, большими лопатами. Копаем у самих слезы. Тяжело. Вдруг идут женщины по селу и к нашему дому. Пятеро их было. С собой плуг тащат. Четыре женщины вместо лошади встают в упряжку. Две женщины с одной стороны, две с другой. Стали опаживать наш участок. Мать вышла на крыльцо, узнать в чем дело. Они махнули рукой, дескать помогаем. Она таки села на крыльцо. Уткнулась в подол и заплакала. Мы к ней подбежали, прижались, и не знаем плакать нам или радоваться. Эти женщины тоже заплакали. Подошли к матери обняли ее, Матрена Алексеевна Чистова, как запела песню, все встали за плуг, продолжая песню и пошли. Мать пошла в дом готовить чай. После работы все собрались за самоваром, пили чай пустой и продолжали петь песни, иногда утирая слезы полкой фартука. Мы сидели на печке и были очень рады такой помощи этих женщин.

Это были наши деревенские, которые работали с мамой и папой в своё время в колхозе. Нас знали, и уважали наших родителей, вот и оказывали помощь.

В декабре 1941 года немцы подошли к Яхромле. Там шли бои. Помнится такое положение, что пришли к нам солдаты, хорошо одетые, молодые. Чувствуется сильные, лыжи и у них были, автоматы ППШ. Днём их ни одного в селе не было, ночью все приходят и на повал ложатся спать. Потому, что немцы

свели за всеми передвижениями и бомбили. Мою маму они называли «мамашей». «Мамаша ты не беспокойся, мы немцев погоним до самого Берлина». Давали слово, такие боевые, сильные они были. Я завидовал им, что они погонят немцев, а я маленький и не смогу им помочь. Развитые такие чувствовались ребята. Мать им не готовила пищу, наоборот, они приносили продукты с собой. Протягивая маме продукты они говорили: «Мамаша, давай своей ораве. Пускай быстрее растут». Они со своим пайком, их кормили хорошо. У нас не было соли, совсем не было соли. Раз зимой, подъезжает повозка, а мы рядом с шоссе жили. Повозка подъезжает и возле нас останавливается. «Хозяйка, пусти нас переночевать». В то время двери у нас не закрывались. Пришли, а мать говорит: «Да вот, чем я вас угощу. У нас даже соли нет». «Идите и возьмите соль у нас в саях». Один из мужиков вышел с братом на двор, топором нарубал и принес домой. Вот так и жили.

Я ходил в первый класс, и с нами учились из четвёртого класса. Была одна учительница. Сначала писали мы на каких-то бумагах, потом бумаг не стало. Грифельные доски делали и мелом писали. Паёк давали 50 грамм хлеба и всё, это в школе. А.И. Куликова всегда была приветлива, они жили более менее, отец у них был заведующий конюшней. Она очень добродушная, умная.

В 1942 году у меня заболела мать, опухла от голода, опухла Нина и Валя, и брат младший. И получается такое положение, что к нам приходит председатель сельского совета и председатель колхоза. С ними приходит Антонина Ивановна. Посмотрели, как мы живём, а когда бомбили у нас стёкла вылетели, перевод развалился. Посмотрели и оказали нам помощь. Я помню хорошо, 8 кг гороха, 3 кг ржи и еще что то принесли. На жерновах мололи дома, сами. Брат Сережка хватал муку и в рот. Я не даю, чтобы не самовольничал. Потом братишка этим годом умер, так и не поднялся после голода. Был 1939 г. – досок для гробика нет. Мы поехали, а раньше на железную дорогу щиты ставили деревянные, чтобы метель не заметала. Мы там оторвали досок, привезли и вот сделали гробик. Похоронили, мать не хоронила. Она болела.

В 1943 году мама говорит: «Давай Володя, сходим к Юрке, узнаем, что-то от него весточки нет». А он пас в селе, ближе к Хотьково. Мы пошли пешком, босиком. Вышли рано утром, роса. Иду, чувствую ноги мёрзнут. Пришли в село. Юрку старший пастух очень хвалил. Из него пастух очень замечательный, исполнительный. Потом нас начали кормить. Дали первое, я миску всю съел. Миска была здоровая. Теперь они наложили кашу с молоком. Я ем, а этот и говорит: «Ты смотри Нюша, у тебя сын не объелся бы». Я как услышал эти слова и ложку бросил, неудобно стало.

В 1943 году моя сестра Нина ушла собирать милостыню по деревням. Принесла картошки и несколько кусочков хлеба. Мать расплакалась, что собираем, жились мол. После этого мы пошли отдельно я, Валя и Нина. Пошли собирать, а я левша был, подхожу и говорю – «Подайте милостыню, ради Бога». «А от куда Вы?» – «Из Костино». – «Ой, ой, ой. А в Башлаве были?» – «А как ваша фамилия?» Нам мать говорила, чтобы не говорили свою фамилию. Мы говорим «Демьяновы». – «А у вас здесь тётка живёт. А потом, что ты молишься левой рукой». Я думаю, где же у меня левая, где правая. Насбирали, дали нам картош-

ки, хлеба. Идём-идём, а есть то хочется, а прошли 8 км. Я бригадир, старший: – «Давайте делить по дольке». Раз... поели, отдохнули и пошли дальше. Опять голод мучает нас. Мы старались прийти домой до ночи, засветло. Пришли, ещё поели. Потом ночью приходим, тётка приехала с Москвы, мамина сестра. Мать нам: – «Ни в коем случае не говорите, что вы собирать ходили по деревням». Тетка с собой привезла продуктов и мать начала готовить на стол.

В то время ранней весной мы жили только конским щавелем. Крапива была намного вкусней, чем конский щавель. Потом, коза у нас была. Мать сварит щи из щавеля, а картошки там уже нет и гоняем зеленые листья мо миске. Потом рожь начинает колоситься. Вот только начинает маленькое зёрнышко появляться, ты уже колосок сорвёшь, потрешь и в рот. Даже пальцы рук болели от шелушения колосков.

Ели из общего блюда. Комнату освещала коптилка. Была банка, туда фитилек и всё, горит и коптит.

Радио было, когда началась война. Дома была «чёрная тарелка», там два рычажка для регулировки громкости. Я повзрослел. Стали грибы собирать. Летом мы оживали, семья наша оживала. Бывало, пойдём, наберём грибов, и я в Дмитров пешком на рынок. Бывало на поезд и вперёд на Москву, на Бутырский рынок. Бутырский рынок – уже тогда был с гармошками. Кто песни поёт, кто матом ругается, кто торгует, кто по карманам лазает. Это 1943-44 год, даже и 1945 год это застал. Поезд ходил от Дмитрова на Москву. Чтобы билет не брать, с корзиной и на крышу. Ещё туда, когда загружен грибами, хочется билет взять, а с Москвы, уже ни в коем случае. Только на крышу. А на крыше – Лобня или Икша, есть мост. Милиция начала нас гонять, а пацаны побежали и как-то получилось, что они не видели мост. И тогда 8 человек снесло. С того времени запретили нас пацанов, гонять, потому что погибло столько детей.

У нас, в семье, был такой порядок, кто больше соберет грибов, тот и поедет в Москву торговать. Где Каланчёвский мост там и продавал. Три вокзала, людей побольше. Деньги привозил домой, цены не помню.

В 1946 году ездил в Москву, мать болела. «Ну, Вовка, привези селедочку». До самой смерти она это помнила, как я ей селедочку из Москвы привозил.

В Дмитрове около центрального вокзала, был привокзальный базар, маленький. Однажды купил селедку на этом базаре. Она такая маленькая была – хвост да голова. Мать просила. Дорого было, всё сэкономили, чтобы купить хлеб.

Помню хорошо, когда отменили карточки, в декабре 1947 г., мы поехали с отцом в Москву за хлебом и нигде хлеба не купили. Едем в Дмитров, приехали с Москвы, хлеба нет. И говорят: «Сейчас будут давать хлеб». А уже без карточек. Уже темнело, что-то поздновато было. Давали тогда по буханке хлеба в одни руки. Мы раз в мешок, ещё раз, ещё раз и так заходили несколько раз. Купили хлеба буханок 10. Нас – в милицию. Дежурным был белобрысый, молодой лейтенант. Отец объясняет: – У меня пять человек детей. Я только что с фронта вернулся, был ранен. Поехал в Москву, хлеба нет. Я сейчас работаю в колхозе. Начал ему объяснять, я в это время стою и хлеб ем и плачу, размазал слёзы и сопли по всей щеке. Он посмотрел, сверился, что действительно мы с Костино, махнул рукой: – Идите, чтоб я не видел вас. В таком духе, отпустил нас домой с нашим мешком хлеба.

Когда привезли хлеб, мы поели, но не досыта. Был магазинчик в деревне, но хлеба не было. Все большинство покупали рожь и сами через жернова мололи и пекли. Мать всегда пекла хлеб сама, а потом уже с хлебом наладилось более менее.

Когда приехали в Краснозаводск, папа пошёл грузчиком, а старший брат пошёл в ФЗО. У нас барак был очень холодный. Дважды в день я на санках возил дрова. Печка дымила, надо было только сухие дрова возить. За водой ходили на колонку, она была где сейчас аптека.

Кондратьев Алексей Васильевич

Закончил Ивановскую школу. Я окончил 7 классов и поступил в Загорское педагогическое училище. Оно располагалось в Лавре. Учеба у меня шла легко, и учился я в школе и в техникуме хорошо. Училище закончил в 1939 г. с отличием. Переведен был в педагогический институт здесь же в Загорске без экзаменов, это был филиал Московского педагогического института. В 1939 г. началась война с финнами. Обстановка была напряженная. Нас всех юношей с курса призвали в армию. Был приказ правительства, кому исполнилось 18 лет и имеет образование техническое или среднее, должны быть призваны в армию. В этом 1939 г. были призваны все ребята из институтов, техникумов. В то время в армии было мало бронетанковых частей, можно сказать отсутствовал передвижной автотранспорт для пехоты.

Первое время я служил в Минске, в местечке Лапич. Это воинский городок за Минском. Нас там готовили водить бронемашину, это такие маленькие броневики. Они делались на базе машины ГАЗ. В войну они сыграли малую роль, потому что были сильно уязвимы, на то орудие, которое было у противника. В 1939 г. мы перешли границу Польши. В это время с запада пошли немецкие войска, а с востока Советские войска. И, по существу, государства Польши не существовало, оно было оккупировано. Наши войска вышли к Бресту и г. Стамбу, это в 40 км от Варшавы. Наше государство стало строить новую границу, это было в 20 км от г. Минска.

Вместе со мною служил мой земляк, Еремин Виктор Алексеевич. Мы были призваны вместе и всю войну прошли вместе. Служил я второй год, у нас в батарее был политрук, потом его комиссаром назначили, он для нас был как ротный отец. В то время призывников с образованием было очень мало. Раньше в армию призывали, кому исполнилось 21 год. Мы были моложе, у нас было среднее образование. Мы служили последний год, когда началась война. Служили при штабах, писарями. Я был замполит, а Виктор Еремин преподавал солдатам химию по боеприпасам. Он окончил техникум в Дзержинске.

22 июня 1941 г. началась война. Нашу часть очень сильно бомбили. Бомбить начали раньше 4 часов утра, это было воскресенье. В этот день у нас должна была быть показательная подготовка. Ждали представителей высшего коман-

дования, из штаба Павлова, он был командующий Белорусским особым округом. Должен был приехать Ворошилов, Тимошенко. Тимошенко был министром обороны СССР. Но вместо этого в 3 часа утра нас подняли по тревоге. Шла сильная бомбежка. Наша казарма и штаб были разбиты полностью. Кругом трупы ребят, которые были друзьями. Кровь стояла лужицами. Раненые ребята лежат на земле и просят помощи, кто остался без руки, без ноги, осколками вспороты животы. Крики, стоны. В этой неразберихе всех охватила паника. Так я увидел ужас первой минуты войны на рассвете в 3 часа утра 22 июня 1941 г. Орудия и техника были разбиты. Мы остались без материальной части. К вечеру бомбежка немного утихла. Мы собрали солдат, кто остался в части, и на машинах и технике, которая уцелела, выехали на дорогу, соединяющую Кобринск с Брестом. Погибших тут же захоронили. В течение двух недель мы неоднократно участвовали в тяжёлых боях с немцами. Особенно были частые стычки с немецкими мотоциклистами. Я был водителем у командира полка. Впереди, на кабине машины, был установлен станковый пулемет, сзади два пулемета и бойцы с оружием в кузове. Однажды лоб в лоб встретились с немецкими мотоциклистами. Мы ехали на трёх машинах, моя первая. Я быстро развернулся, а немцы в сторону и в лес. В этот раз без боя обошлось, а значит, и без человеческих потерь.

Брест начали бомбить на полчаса раньше, чем нас. Связи у нас не было ни с дивизией, ни с полком, поэтому части в 4-й Армии, которые относились к ней, и приняли первый удар на себя. Мы были отрезаны от информации. У нас комполка только что окончил Академию, молодой парень. Наше войсковое продвижение в течение двух недель происходило с боями. Мы были окружены, это произошло, не доходя до Барановичей. Офицеров много погибло. Мы взорвали в лесу оставшуюся технику. Оружие, которое можно было снять, мы сняли. Командир полка всех оставшихся вывел из окружения, в плен никто не попал. От полка осталось меньше 30 % от общего состава, от начала первой бомбежки утром 22 июня 1941 года.

Со стороны немцев была сильная агитация, чтобы сдавались в плен. Передвигались ночами, а днем прятались в лесу. На дорогах видели повсюду немецкие указатели: «На Москву». Питались мы подножным кормом: ягоды, колоски незрелого хлеба. Мы вышли на Пинское болото, его надо было перейти. Нашли егеря, он жил рядом с этим болотом. Когда пошли через него, он предупредил, что если кто оступится, помощи не ждите. Помогать было опасно, сам погибнешь. Болото непроходимое. Перешли половина от тех, кто пошел. Из болота мы вышли грязные, оборванные, многие без оружия. Болото мы прошли благодаря егерю за день. Мы вышли к Минску с командиром, это облегчило наше положение при проверке. В часть мы попали 22 июля. Здесь войны еще не было. Сюда выходили и другие части из окружения. Нас готовили к бою под Смоленском.

Последний наш марш-бросок отступления – это Калуга. В Калуге было полностью наше формирование. В основном, это был офицерский состав. Знамя полка, во время бомбежки штаба, было потеряно. Это означало, что полка нет. Командиров взяли органы НКВД, я больше со своими офицерами не встречался, а личный состав перевезли в Москву. Это было в конце июля 1941

г.

Привезли нас на Киевский вокзал в Москву. Приехали с оружием, но патронов не было. Мы были небоеспособными. Вышли на перрон из вагонов разутые, грязные, оборванные. Народу собралось на нас поглядеть много. Плачут. Было стыдно нам, солдатам, защитникам Родины, стоять такими перед народом.

22 июля первая бомба упала на Москву в районе Кузьминок. Там формировали воинские части. В том числе и артиллерийский полк. Ночевали мы в лесу. К нам пришел капитан и сказал, что ему нужны артиллеристы по таким то специальностям. Так мы попали в 21 артиллерийский полк. В нем были 152 мм пушки, гаубицы. По тому времени самые сильные орудия.

В начале октября пришел приказ нам выезжать на передовую. Погрузились вместе с тяжелой техникой и артиллерией на ж/д платформы, личный состав – в товарные вагоны. Чтобы таскать пушки, погрузили мощные трактора Кировского завода. Эшелон наш шёл через Загорск без остановки. Так мы пошли на Волжский фронт. Командующий фронта стал Мережков.

Немцы подошли к Ладозскому озеру с юга, с севера подошли финны. Вокруг Ленинграда кольцо было замкнуто. Мы оказались с другой стороны кольца. Севернее Ладозского озера были сильные бои под г. Тихвином. В этих боях мы участвовали. Мы взяли город Волховстрой. Ладозская дорога сделала много для спасения как города, так и его жителей. Особенно дорога помогла при эвакуации детей на Большую землю.

Первую награду я получил за оборону Ленинграда в 1943 году. Награды нам вручались в лесу руководством города Ленинграда. Прорыв Ленинградской блокады был хорошо подготовлен. До каждого воина был доведён приказ Сталина: «Отважные воины Волжско-Ленинградского фронта! Перед вами Ленинград – колыбель пролетарской революции... Прорвите блокаду Ленинграда». У нас в это время было очень много снарядов 152 мм, появились «Катюши».

Впервые было наступление, до этого все отступали. Мы раньше не видели убитых немцев. У них были отряды, которые очень быстро убивали и убитых, и раненых. Если не могли убить, они обливали их бензином и сжигали.

Меня вызвали в политотдел в Ленинград, освободили от должности замполита и направили распределять продукты в своей части, чтобы до солдата все дошло – и хлеб, и водка. Мы давали подписку, а подписка была очень строгая, если нарушил – расстрел. Я два месяца занимался этой работой, это труднее, чем быть на передовой. Когда мы пустили первый продовольственный поезд в Ленинград, немцы его разбили. Это было в апреле 1943 г. Он вез растительное масло. Рядом проходило болото, масло плавало поверх воды, солдаты собирали его ложками в котелки. Во время наступления давали 50 гр. спирта или 100 гр. водки, зимой ежедневно для поддержания жизненного тонуса.

Летом 1943 г. под Ленинградом было тихо. В 1944 г. по всему фронту началось наступление по освобождению Ленинградской области. Под городом Лугой, когда поднимались в гору с орудиями, был обстрел. Снаряд попал в водителя, и тележка с пушкой пошла назад. Несколько бойцов раздавило. Моя нога попала под тележку, и в это время падает снаряд, осколком рассекает мне ногу.

Ногу ранило, сломало и вывернуло. Меня отправили в полевой госпиталь, наложили шину. Рана зажила очень быстро, а ногу на место ставили очень долго. Много раз ломали, неправильно срасталась. Я стал небоеспособным, меня отправили в тыл. Целый месяц добирался до г. Шуя. На станциях все заполнено военными эшелонами. В г. Шуя я лежал до июня 1944 г., был 7 месяцев на вытяжке, нога стала короче на 4 сантиметра.

Война еще не кончилась, когда меня демобилизовали. В июле 1944 г. я поехал домой, в Муханово. Приехал я на костылях. Дома стал тренироваться, разрабатывать ногу. На палку перешел, на велосипеде стал кататься. Я хотел пойти учиться, но дома мать одна, отец на фронте. Мать в колхозе бригадиром работала. Карточка у меня была первой категории и пенсия военного. В это время у меня положение было лучше, чем сейчас в мирное время. В августе ко мне пришел директор Мухановской школы и стал просить, чтобы я пошел к ним в школу преподавателем. От нашего дома до школы 3 км. Посоветовался с матерью, получил от неё «добро». Так и втянулся в работу, сразу поступил учиться на заочное отделение пединститута. Преподавал математику. Когда закончил институт, меня поставили завучем. Летом 1941 г. школу отдали под заводское общежитие. Потом в школе были курсы военных телефонисток, курсы санитарок. С весны 1942 г. открыли военный госпиталь, он просуществовал мало. Вновь школа стала функционировать с 1944 г. Первый выпуск был в 1947 г. С 1954 г. началось движение «Дать образование без отрыва от производства». С 22 августа 1952 г. меня назначили директором Краснозаводской школы.

Учеников было 2 500 человек и 44 учителя. Занятия были в три смены. Коллектив был хороший. Первоначально учебники были платные, а позже стали бесплатными. Учеба в старших классах была платная, это 8, 9, 10 классы. Плата небольшая – 150 руб. за учебный год, малоимущие не платили. Так было до 1958 года, тогда и учебники стали бесплатными, и учеба. Старших классов было по шесть в параллели: «А», «Б», «В», «Г», «Д», «Е». Возраст в классе был разный от 16 лет до 18 лет, даже демобилизованные были из армии. Было шесть 10-х классов. Военную подготовку ввели в школах с 1941 г., изучали матчасть оружия, устав, строевую подготовку. В 1949 г. был организован Дом пионеров, директором которого был П.М. Червоненко. Там занимались в различных кружках: авиамоделизм, судостроение, радио, фото и др.

Задача средней школы была не только дать образование, но дать еще и производственную специальность.

Конева Ираида Степановна

На войну я пошла по призыву, в 1942 году. С первого дня службы была в г. Бологое Калининской области. В этом городе располагался госпиталь №2350. С первой минуты я приступила к медицинской службе. Если бы вы видели, сколько было раненых, они лежали на каждом свободном пятчке. Наш военный госпиталь обслуживал самую передовую линию, потому так много было

раненых. Все бомбежки на передовой ощущались у нас в госпитале. Было такое время, что мы не выходили из операционной по трое суток, спали на ходу. Сейчас я не представляю, как нам удавалось так работать. Когда уставали, главврач скажет: «Устала, голубушка? Пойди в палату к раненым, посмотри, что у них?» С этим госпиталем я прошла всю войну. Когда мы остановились в Латвии в городе Виндаге, госпиталь сделали морским. В основном, весь персонал был с Украины, нас, русских было только трое. Украинки-девчонки народ веселый, готовили самодеятельность, и мы давали раненым концерты. Мы даже выезжали по другим госпиталям и на передовую. Это был Северо-Западный фронт, нашим командующим был Говоров. Госпиталь наш был хорошо снабжен техникой, медикаментами, питанием. Девочки наши ходили, как игрушечки, даже шинель каждая делала под свою фигуру.

Мы стояли в лесу. У нашего главного врача было радио, это было запрещено, но у него тайно хранилось. Однажды утром он нам объявляет, что Германия подписала капитуляцию. Война закончилась. Я не смогу передать ту радость, которая нас переполняла. Даже те, кто был в ссоре, в эту минуту мирились, обнимая, и целуя друг друга, просили прощения, плакали. У меня была медсестра Оля Гавриленко, чудесная девица, прекрасный человек. Она получила письмо от отца перед тем, как ехать домой, что ее родина освобождена, бабушка скучает. Он писал, – когда шли солдаты, бабушка стояла у дороги и спрашивала у них:

- Дорогие мои солдатики, не бачили вы нашу Ольгу?
- Бабушка, а какая твоя Ольга?
- Да такая беленька, кучерява.
- О, бабушка, не бачили.

В отделении у меня работала медсестра Вера Дьянченко. До войны она жила в Казахстане у брата, там и окончила школу. Однажды к нам поступили раненые и больные из окружения, многие отекшие, как стеклянные. Был приказ, чтобы из вещевых мешков, прибывших в госпиталь, изъять всю соль. Больные, в основном, были узбеки. Вера забрала у них всю соль. Как они стали ругать ее на своем языке. Раненые располагались в землянках, каждая землянка была на 150 мест. Она вначале молчала, потом стала с ними разговаривать на казахском языке. Это надо было видеть, что с ними случилось, наступила гробовая тишина. Кто смог, встал перед ней на колени, некоторые расплакались и стали просить прощение.

Демобилизовали меня 6 февраля 1946 года. Пошла я на свою гражданскую работу акушеркой. В 1954 г. мы с мужем приехали в Краснозаводск. В городской Краснозаводской больнице, в родильном отделении, я проработала до своей пенсии. После войны рождаемость была высокая. Работа сложная и ответственная. Рождался человек. Те, кого я принимала на свет, теперь сами мамы, некоторые стали бабушками.

Я выражаю глубокую благодарность жителям Краснозаводска за их теплое и человеческое отношение ко мне. Это значит, что жизнь мною прожита не зря.

Круглов Евгений Григорьевич

Мой отец Круглов Григорий Иванович, мать Мария Михайловна, приехали на завод из деревни Арсаки, Александровского района. Детей в то время у мамы было шесть человек. Три брата и три сестры. Последняя сестра родилась в 1937 году.

Себя я помню хорошо лет с пяти. До войны у нас дома радио не было.

Отец работал в пожарной, потом с 1937 года, он был начальником отдела найма и увольнения. В 1941 году им оружие выдали, всем. В ноябре 1941 г. отцу выдали винтовку и маленький пистолетик. В ладошке умещался.

Когда солдаты и останавливались в школе, то это было скорее в 1941-42 году. Мы мешками собирали и сдавали в школу крапиву, для столовой. Я набирал картофельный мешок крапивы, и сдавал. Как не трудно, но старались все. За это не платили.

Война началась, я учился на Возрождении. В 1942 году 1 сентября пошел в Нижненскую школу.

В 1943-44 году мы с самодеятельностью ездили в Загорск, в госпиталь. Госпиталь был в Лавре, где был учительский институт, там в больших палатах лежали раненые. Мы пели песню вдвоем с Вовкой Ларионовым – «Раскинулось море широко». Мы военным дарили по морковке.

Учились мы в шестом классе. В седьмом классе, в Жучки ездили тоже с выступлением. Книжки дарили, то, что дома было, собирали и отвозили в госпиталь. Ездили с классным руководителем Тарасовой Натальей Тимофеевной.

В школе на Нижнем, нас не кормили. А на Возрождении, если буханку разрезать вдоль, четвертую часть, кусочек в 50 грамм, и чай, разносили по партам, каждому ученику. Поднос в класс приносила техничка.

Я считаю, что мы хорошо делали, иногда мы не брали хлеб и буханку или половину, отдавали учителям.

Примерно 1943 год, за Петуховой дачей, учителям дали земельные участки под картофель. Мы все классом, 30 человек, за 30 минут вскапывали несколько соток. Это было удовольствие, видеть такое, как мы ребяташки сделали эту работу. До сих пор это вспоминаю и горжусь этим за себя и одноклассников.

Директором была Анна Васильевна Сахарова. Она встала на скамейку, когда пришло благодарственные письма от Сталина, за то, что мы собирали деньги, кисеты шили, носовые платки, носки и отправляли на фронт. Кто что мог приносил и отдавал.

Отопление в школе, на Нижнем, было печное. В классе, лежали бревна и техничка с утра ее топила. В школе на Возрождении отопление было тоже печное, но печи топились с коридора.

День был абсолютно безоблачный, около двух часов дня. Мы были около дома №64, на Нижнем поселке. Стояли и вдруг увидели самолет, гул услышали. Самолет был такой маленький-маленький и где то над Возрождением от него полетело что-то в низ и блещит. Мы решили, что это на солнце листовки блестят. Закричали: – «Листовки», и побежали к гаражу. Не добежали, раздались глухие звуки от взрыва бомб.

До отмены карточной системы, ходили в Смятьево, Жерлово, Язвицы менять вещи на продукты. Соль и сахар на картошку.

Ходили по домам, стучались и предлагали что либо на обмен. Видимо мама эти продукты экономила, что бы потом поменять.

На Нижнем, уже коровы не было. В войну, надо сказать, на всю большую семью из 9 человек, мне пришлось готовить одному. Мать шила, все работали, учились и я один приходил из школы в два часа. Ничего не покушав начинал. Я варил по ведру мелкой картошки, а если щи, готовил крапивные. Весной за щавелем ходил, где сейчас ГАЭС построена и готовил обед. Крапивные щи и картошечки немножко, и белили молоком, масла никакого не было.

Однажды такие щи сготовил и через порог споткнулся и ведро со щами по всему полу растеклось. Обидно было. Каждый в семье съедал по две миски, и через два часа опять хотелось есть.

Брат Славка, в 17 лет ушел добровольцем на фронт. В 1944 году попал в Корсунь-Шевченковскую битву и в первом бою его контузило. Он был на самоходке. После госпиталя домой вернулся.

Отец после отдела кадров, в войну, был начальником типографии. Помогал и мне и ученикам своим, из обыкновенной бумаги темно серой, делал нам блокнотики, тетрадочки, для себя и ребятам давал. Бумаги не было, писать не на чем было.

В войну на Нижнем поселке, в огородах, почему-то хорошо все росло. Репу сажали. Вырастала репа с блюдечко или верх чашки. Осенью ходил на базар за девятый магазин, где сейчас телефонная станция, продавал эту репу.

Я думал: – «Не будут брать, понесу в обеденный перерыв». И рабочие очень здорово её брали, репа была сочная. В день 25 репок продавал, это буханка хлеба. Она 250 рублей стоила, а репку я продавал по 10 рублей. Люди брали.

Потом, когда я учился в Загорске ездил бесплатно. Денег не было, приезжал домой за картошкой, за капустой, стипендия маленькая. На первом курсе 190 рублей, мать мне давала в месяц 30 рублей. Все! Завтракал, 50 грамм творогу, чай, хлеб с маргарином посыпанный солью. Масло мы не ели, когда учились. Из дома картошку привозил, щи варил.

В моей памяти отложилось, что с 1942 года газета стала называться «За Победу», до этого она называлась «На страже». Задача учителя – всегда быть на страже от плохих поступков своих подопечных.

Ксенофонтов Николай Иванович

Мне было 17 лет, как и все, я все лето ходил босой. Стыдно было. Володя Веселов, 1926 г. рождения, с девушкой идет, а я им на встречу босой иду. Это не от того, что нравилось босым ходить, от нищеты. Зато, за лето такие подошвы ног были, стекло не страшно. В лес за грибами босыми ходили. Сейчас подумать страшно. В сентябре выходишь за грибами рано, иной раз морозец, трава от инея шуршит, холодно. К обеду разогреется, вроде и тепло.

Всё лето питались подножным кормом. Что только мы не ели. Разные дудки. За грибами ходили ко 2-у цеху.

Мне кажется, постоянное чувство голода меня преследовало до самого 14 декабря. 1947 г. когда карточки хлебные отменили.

Долгие годы в очередь за хлебом была перепись. На руке хим. карандашом пишут номер. В течение дня она несколько раз перепроверяется. Ты должен придти и перепроверяться. Если не придешь, тебя выкинут из очереди. Приходилось стоять целую ночь. Иной раз привезут хлеб, а всем и не хватило. Снова стоишь.

Ребятишки сами рвались в магазин за хлебом. А для чего? Думаешь, что довесочек дадут. Конечно он твой.

Дома ничего не убиралось, но был закон, никто ничего не трогает. Если я съем, значить я у кого-то, у своего украл. Вот довесок, это другое дело. Он твой.

Этот случай произошел в войну. Мать послала в магазин за хлебом, дала карточки на хлеб. Я взял карточки и пошел в восьмой магазин. Хлеба не было, и я вернулся домой.

– Мам хлеб не привезли, я карточки на стол положил. Я убежал гулять.

А через час привезли хлеб, я прибежал домой. С порога кричу:

– Мам, давай карточки, хлеб привезли.

Мать туда, сюда нет карточек. Всё, без хлеба остались. Мать села на табурет, стала мать вспоминать, кто к ней приходил: «Вот Матрена была, да нет, она не должна». Это жена Когтева. Нет и нет. Тот нет, этот нет. Карточки пропали.

Вечером сели за стол ужинать. А только декада началась. Был первый день десятидневки. На всю декаду, на пять человек, карточек нет. Значит, и хлеба нет. А карточки были напечатаны на плотной патронной бумаге и скреплены скрепкой канцелярской. Придешь в магазин, и продавец вырезал дневную норму.

Ужинаем, а хлеба ни крошки нет. Карточки не возобновляли. Потерял, твои проблемы. Мать на ужин капусту нагушила. Принесла чугунок, поставила на стол. Вывалила в большое блюдо. Все молча, убитые горем, едят капусту тушеную. Я беру большой кусок капусты, он у меня с вилки свалился на стол. Отец строго поглядел на меня, продолжая кушать. Я вилкой приподнял упавший кусок, гляжу, а это хлебные карточки.

– Пап, смотри, карточки.

Передал отцу. Он снял скрепку, думали что все, они пропали, а им ничего не сделалось, даже в чугунок с капустой. Вот такая была краска и бумага. У всех настроение стало другое. И капусту ели, как будто с хлебом. Потом, по этим карточкам, хлеб получали все 10 дней.

Самый любимый фильм для ребят, был «ЧАПАЕВ». Считали сколько десятков раз кто смотрел. Знали наизусть весь фильм. Билет до войны, стоил 25 коп. С военных лет запомнился фильм «Радуга». Нарodu было очень много. Он рассказывал о зверствах фашистов. Это было зимой 1943 г.

У меня задачки не получались, и я ходил к дяде Василию Сергеевичу Ксенофонтову. Он с 1921 г. рождения. Я приходил к нему в 1939 г. Для меня комната, где он жил, казалась казармой. В центре комнаты стол, а по стенам, под окнами, 15 кроватей. Он работал мастером. В 1940 г. дядя Сережа был призван в армию. До 1941 г. служил на Дальнем Востоке. Просился на фронт и был направлен на ускоренные курсы подготовки офицерского состава. По окончании учебы, в январе 1945 г. был направлен под Кёнигсберг г. В апреле 1945 г. он погиб. Похо-

ронка нам пришла после 9 мая 1945 г. Провоевал он всего три месяца и погиб.

В бараке «метро» жил другой мой дядька, Ксенофонтов Петр Сергеевич. Он воевал в Монголии. Призван был в 1938 г. Мы в то время были все политически подкованными. Читали газеты, слушали радио. Интересовались, где, что происходит.

Однажды читаю «ИЗВЕСТИЯ», а там был список награжденных и вижу нашу фамилию, имя и отчество моего дяди «Ксенофонтов Петр Сергеевич».

В 1941 году, 1 сентября мы пошли в 5 класс, в школу на Летнем поселке. Директором был Синельщиков. Он пришел в класс и говорит:

– Ребята идет война. Все взрослые на фронте, на производстве, а урожай необходимо убрать. Поэтому, до 1 октября занятий не будет, всей школой отправляемся по колхозам, на уборку корнеплодов. Каждый класс идет со своим классным руководителем.

Отработав в поле, на уборке картофеля, нас пригласили на ужин. Вошли в большое помещение, по центру стоял огромный стол. В воздухе витал незабываемый аромат от приготовленного ужина. Нас усадили за стол и стали разливать щи с мясом. Каждому в свою тарелку. Дома мы ели из общей миски. Я склонился над тарелкой со щами, и ноздрями вдохнул весь аромат порхающий над тарелкой. Она была заполнена до краев. Я зачерпнул ложкой, и мне в нее попало большое баранье сердце. Эти щи с бараньем сердцем, стоят и сегодня перед моими глазами. На ночлег нас разместили на сеновале. Что-то дали на второе и чай.

В колхозе мы проработали дней десять. События стали осложняться и нас вернули домой. В школу пришли 1 октября, учительница, еще при входе в школу объявляет:

– Ребята занятий не будет. Вам объявят, когда приходиться в школу.

Занятия начались в конце января 1942 года, я не знал этого и в школу не ходил.

В 1942 году, я пошел в школу на Возрождение, в 5 класс. Нас просили собирать подарки для фронтовиков. Мы мастерили кисеты для табака, родители, кто умел вязать, приносили носки, перчатки. В эти подарки каждый должен был вложить свое письмо. Я отправил три письма. На два письма я получил ответ. Последнее письмо прислал политрук. «Пишет вам политрук, сейчас я нахожусь на излечении в белорусском госпитале. Спасибо за внимание к нам фронтовикам и подарки от вас. Вы станете настоящими патриотами своей Родины».

В войну, нам ученикам, давали норму на заготовку дров для школы, это 6 кубов. Пилили в районе карьера, в районе клубной горы. На валку леса с нами ходили родители.

В 1944 году я пошел в школу №1, в седьмой класс.

Дома отапливались буржуйками. Центральное отопление было отключено. Идешь, а из окон трубы торчат и дымят.

В войну, ученикам в школе, давали 50 гр. хлеба, стакан чая и кусочек сахара. В каждом классе была печка, топилась с коридора и все равно было холодно, в чернильнице чернила замерзали. Свет был, но часто отключали. Дома пользовались керосиновыми лампами.

В сентября, 28 числа 1941 года, день был по осеннему пригожим. Мы с матерью шли в 8 магазин. Когда подходили к дороге, то со стороны Богородского летел самолет. Мы, пацаны, распознавали их по работе мотора, чей самолет. Немецкие самолеты гудели с надрывом, у наших самолетов был ровный гул. Самолет был очень темный, крестов видно не было. Он пролетел в сторону Возрождения.

В магазине мы пробыли недолго. На подходе к дому, видим самолет летит обратно. Он наверное там сделал разворот. Вижу, от него какие то черные точки отделяются. Потом слышим бом, бом. Было такое впечатление, что он бомбы сбросил в овраг. Мать говорит:

– Нет, сынок, дальше оврага. На Возрождение.

Мы с матерью пришли домой. Спустя полчаса, где мы жили, началась паника. Женщины между собой стали судачить, в пол голоса:

– Разведчик прилетал. Сейчас прилетят самолеты и будут бомбить завод и город.

Люди стали собираться уходить в деревни. Где-то через час, с сумками и котомками на перевес, по дороге проходившей мимо нас, потянулись вереницы людей в свои деревни. Народ шел потоком. Это был страх.

Когда самолет отбомбился, минут через пятнадцать, прилетели наши два истребителя. Как начали по ним стрелять наши зенитки. Мы видим белые и черные хлопья в небе. Наши самолеты стали махать крыльями, показывая звезды. Наши зенитчики кончили стрелять. Сделав два круга, самолеты улетели.

Взрослые говорили, что Бужаниново бомбили часто. Это узловая станция. Бывало, разбомбят эшелон, а там продукты везли. Для фронта делали концентраты, каша в банках, перловая, гречневая. Были и брикеты, которые заваривались в горячей воде, как сейчас «дашерак». После такой бомбежки жители наберут этих брикетов и продают. Вкусные они были.

Эвакуация завода началась в середине октября 1941 г. В то время немцы были под Яхромой. По поселку дошел слух, что чуть ли не завтра немцы будут у нас в городе.

Наше спасение было в том, что у нас не было дорог, а были бы дороги немец пришел бы к нам быстро. Где ГАЭС стали валить лес, оставляя стволы на 1,5 м от земли, как ежи. А спиленные стволы ладили крест на крест. После войны мы туда за малиной ходили. Крупная была малина, но чтобы пробраться до неё, приходилось не одну ссадину заработать.

В октябре 1941 года, с завода отправили два состава, в Челябинск и Чебоксары. В такой ситуации, отец решил нас отправить в деревню Хребтово, к своим родителям. Он взял на конном дворе двое саней. Снега уже лежало много. Разместились на эти сани две семьи – материна сестра, у нее два малолетних ребенка. Они на одних санях, а нас, трое ребятишек и наша мать, на других санях. Мы выехали в деревню в ночь на 16 октября 1941 г., снега было по колено. Он выпал еще раньше. Ехали на санях, как зимой. К 7-у ноября снег этот растаял. После праздника мы вернулись домой.

Мы всю ночь ехали до Хребтово. В стороне, где Дмитров, видны всполохи от взрывов и слышно глухое уханье. Приехали в деревню по темному. Конечно дедушка и бабушка «обрадовались», в кавычках. Мать потом рассказывала, дед и говорит:

– Вот ехали бы к сватям, у них хотя бы хлеб есть, а я вас чем кормить буду? Теткиных ребятишек, правда, через неделю отвезли в Селково. Это недалеко от Хребтово. Мы остались у деда.

Отец вернулся на завод, он был задействован в группе эвакуации и подрыва завода. Кузин Андрей тоже остался, он работал вахтером.

Я помню, проходил отряд военных через деревню, их было человек 40, офицеров человек пять было с ними. Офицеры у деда в доме расположились, а солдат распределили по другим домам. Офицеры были в военной форме, а остальные в гражданской. Они пришли со стороны Селково, через Барово, потом пошли в сторону Шурмы, и на Александров. Ночевать, то ночевать, а надо перед сном чего-то перекусить. Они к деду с эти вопросом:

– Ну, отец, давайте гуся.

Они дали деду за гуся деньги. Один из офицеров вышел во двор. Я слышу, «бом». Я спрашиваю деда:

– А чего это?

– Да вот Коленька, гуся он застрелил.

Мы были до того все осторожны, в каждом чужом человеке видели шпиона, диверсанта. Это в нас еще с довоенных времен. Я подумал, сидя на скамейке около теплой печки:

– Немцы, диверсанты какие-нибудь.

Они сидят, едят гуся, а мы сидим, смотрим на них, ждем, может косточку дадут. А рано утром они ушли. Утром я пошел в местный магазин, там был парфюмерный отдел, до них было много одеколona и духов. Так вот, когда я пришел, там после их ухода ни одного пузырька не было, все скупили. Больше никаких войсковых проходов через деревню не было.

Мне запомнилось, что пролетала эскадрилья самолетов «ОБ» скоростных бомбардировщиков. Мы, мальчишки, разбирались в самолетах. Они летели со стороны Ярославля, в сторону Москвы. Их было пять. Шли они очень низко, метров сто над крышами домов.

Летом 1941 г. я отдыхал у деда в деревне и видал, как с первых чисел июля, погнали скот. Одна из трасс, бала через Хребтово. Гнали в сторону Переславля. В каждом таком стаде было не менее 100 коров. А погонщики все были на лошадях. Они пригонят рано утром, сами шли на отдых, а мы их лошадей на пруд мыть гоним, потом в лес, на выпас. От поездки на лошадях задница всегда стерта была. Сесть было больно. Коровы были белые с коричневыми пятнами Симментальской породы.

Это летом, а ближе к осени гнали черно-белых. И так все лето 1941 года, пока я, в сентябре не уехал домой. За два с небольшим месяца, не знаю почему, я считал, прогнали 90 табунов коров.

В марте месяце 1945 года, мы с матерью везли сено с Фёдоровского луга. У нас там стояли копны сена, которые накосили летом. Как раз на выезде из Выпуково. Видим, в стороне заводоуправления поднимается, как после ядерного взрыва, грибом, столб белого дыма. А потом до нас дошел глухой звук взрыва. Мы подумали, что в цехе №5 случился взрыв. Когда приехали домой, то оказалось, произошел трагический случай – при перевозке пороха со складов в

цех №5 взорвалась машина, на которой его везли. Машины были газогенераторные. Погибло шесть человек, два человека были в кабине и четыре в кузове. Это произошло около трех берез. Рядом была продовольственная палатка №-10 и книжный киоск. Строения были дощатые. Этим взрывом палатки снесло. В ста метрах находилось заводоуправление.

Во время взрыва, в нескольких метрах, проходила женщина, ее прошило доской от борта машины. Миронова Клавдия работала в цехе №4, шла домой, только перешла железную дорогу около злу, произошел взрыв. Взрывной волной ее отбросило в кювет. Те, кто находился в машине, погибли. Их части тела раскидало на десятки метров. Долго висели лохмотья от их одежды на проводах.

Послевоенная жизнь, это другой рассказ.

Кунцевич Мария Григорьевна

Началась война. В понедельник мне сказали срочно явиться в штаб МПВО ул. 1 Мая дом № 2. Я пошла туда, через проходную меня пропустили. Я туда прибежала бегом, молодая была, всего 19 лет было. Пришло много девушек. Нам объявили: – С сегодняшнего дня вы будете на казарменном положении. Сейчас будем формировать санитарную команду, начальником будет Глызина». Собрали нас 25 человек и сразу организовали курсы оказания медицинской помощи. Вскоре, мы окончили курсы. На курсах мы день и ночь учились оказывать медицинскую помощь, учились светомаскировке. Спали всего по два – три часа. Так как мы были на казарменном положении на завтрак, обед и ужин нас, строем водили на фабрику кухню, на Возрождение. Мы были полностью оторваны от дома.

Выдали нам военную форму. Первое время нас обучали стрелять из оружия, потому что немец рвался к Москве. Закончили курсы. Начальником местной ПВО и начальником штаба был Кунцевич.

В январе 1942 г. был случай, в Бужаниново разбомбили эшелон с живой силой и техникой. Нас посадили на дрезину, мороз был 30 градусов это зима 1942 года, и отправили в Бужаниново. До поездки в Бужаниново, нас обучали, организовывали аварийно-спасательные команды, медико-санитарные команды. Что делать, какое оборудование надо, преподавали все. Для дегазации выдали сапоги, перчатки и т.д. Прибыли на станцию Бужаниново в 1 час ночи. Подъехали, одеты мы были не очень хорошо, телогрейки. Приезжаем и видим весь эшелон в огне, все в пламени сплошном. Нам сказали: – «Девчонки, вот вам 5 вагонов. Смотрите под вагоны, пол уже провалился». Гляжу, лежат солдаты под вагонами. Мы давай вытаскивать их. Они были живые. Для транспортировки раненых, нам дали две лошади.

Что мне запомнилось. На солдатах уже горела одежда, мы их вытаскивали, горящую одежду тушили снегом, раненых клали на сани по 13 человек и отвозили в деревню. Из деревни, все люди убежали. Бомбежка была сильной, дома все открыты. Мы втаскивали раненых солдат в брошенные дома, клали их на пол. В избах было тепло. Снова уезжали к разбомбленному эшелону. Мы

спасли 32 человека. Потом гляжу, под вагоном еще лежит один. Над ним висит горящий пол от вагон. Вот, вот горящие доски упадут на него. Не могла я его оставить, он смотрел прямо в мои глаза и молчал. Я все поняла. Когда его тащила из под вагона, рухнул весь вагон, обдавая нас искрами. Я была в ужасе. Когда я его тащила, его ноги крутились, были перебиты колени. Сознание то приходило, то покидало его. Он был офицер. Я брала в руки снег и обтирала его лицо, приговаривая: – «Ничего миленький, ничего все будет хорошо». Этими словами я успокаивала больше себя, чем раненого. А он. «Доченька спасибо. Доченька, доченька...» Я ему: – «Не волнуйся товарищ командир, все сейчас будет хорошо». Мы его положили на сани. Лошадка тронулась. «Девчонки, – говорю я, ноги держите ровнее».

Было двое саней раненых. Которые не тяжело ранены, их клали друг на дружку, потому что мороз был. Когда привезли на поселок, жители никто не выбегает из дома нам на встречу. Все убежали в лес, никого нет. Мы начали оказывать помощь, кому руки перевязать, кому ноги. Этому раненому, у которого были перебиты колени, я ничего не могла сделать. Даже не представляла, как я смогу ему помочь. Я склонилась над ним и погладила мокрые от снега волосы. «Все будет хорошо сынок». Он говорит: – «Доченька ну еще мы станцуем. Ноги – то у меня есть, не оторвало». Я не знала, как мне их утешить, помочь. Я начала петь песню. Сразу стало тихо.

Прибыли санитары из Загорска. Раненых погрузили на машины и увезли. Первую помощь мы им уже оказали.

Загорская санчасть была переполнена и часть раненых с легкими ранениями и ожогами были в нашем госпитале, на Возрождении.

Мы были военнообязанными и находились на казарменном положении при штабе, по ул. 1 Мая в доме №2. Здесь нам поставили кровати и отвели комнату.

На домах были наблюдательные пункты, мы дежурили по 4 часа. В случае появления в небе неприятеля, мы сообщали в штаб, объявлялась тревога.

На Возрождении, в доме №14, была вышка, а также на 10 рубленном по ул. Красной Армии и еще где проходная, вышки наблюдательные были установлены.

В конце сентября 1941 года фашист бомбил завод, наш город. В это время я была в штабе МПВО, дежурила у телефона. Телефон был неотъемлемая часть нашей жизни. По телефону были сообщения из района, и мы должны все докладывать командиру.

Появление немецкого самолета было внезапное. Он город не разбомбил, просто шли из столовой девушки из ФЗО. Были жертвы конечно. Туда была послана санитарная команда, для оказания помощи. Раненых было немного, но все-таки были. Было двое убитых.

Как военнообязанные, зарплату мы не получали. Ходили мы в военной форме, в званиях я не очень разбираюсь, я была лейтенант.

Вскоре, осенью 1942 года, Николай Семенович Кунцевич был направлен в коменданты над заключенными, которые были у нас в городе. Меня направили учиться в Москву, на курсы начальников штабов гражданской обороны. Курсы находились на Красной Пресне. Там я закончила трехмесячные курсы. Когда учились, в Москве происходили бомбежки, мы учились руководить работой

по ликвидации последствий. Курсами руководил генерал– полковник Чубилин, который принимал у нас экзамены. Я все сдала на хорошо. Он нам доказывал, что мужчин могут забрать на фронт, вы должны будете командовать в своем городе, районе, самостоятельно.

У меня немного навыки были, я медицинские курсы кончила и когда я приехала, этот документ привезла, об окончании медицинских курсов. Мне присвоили звание, и я стала военнообязанной.

Скоро стали призывать всех мужчин на защиту Родины. Кунцевича тоже могли призвать на фронт. Это было в 1942 году, летом. Рабочей силы не хватало в наш город прислали заключенных..

Заключенных привезли около 1200 человек мужчин и женщин.

Их разместили по ул. Строителей в доме №11 мужчин, женщины были по ул. 1 Мая в домах №24 и №25. Дома, где размещались заключенные, были за колючей проволокой и охранялись. У них была проходная.

Попасть к ним было трудно. Но я однажды пошла к Кунцевич и увидела одну женщину, которая стряпала, она была повариха. У них была своя столовая одна на всех. Я поговорила с этой женщиной, она была москвичка. Она сказала, за что была осуждена: – «Я работала в столовой и сделала большую глупость. Масло давали там по 3-5 грамм, я вставила в маленькую мерку, которой масло наливала, картонную прокладку чтобы поменьше раздать масла, сэкономить. У меня дома осталось двое детей». Я спросила: – «А с кем остались дети?» Она говорит: – «Старшей дочке 12 лет, а вторая еще маленькая. Как они без меня? Не знаю. Мужа у меня нет, он меня бросил и моллю бога чтобы, Николай Селиверстович походатайствовал через управление и меня освободили. Я же очень мало попользовалась этим методом и меня так наказали, дали 3 года. Кунцевич Н.С. хотел поехать в Москву и походатайствовать о моем освобождении. Он очень добрый человек, все заключенные его уважают».

Заключенные одеты были в свою одежду, но когда они выходили на работу, им выдавалась спецодежда. На ноги были одеты грубые ботинки, телогрейки, а на головах свои шали, шапки. Спереди на телогрейках стоял номер, написанный белой масляной краской, простое число.

Столовая женская находилась в 24 доме. У них были постели все заправленные, подушки у них были ватные, надеты были наволочки белые.

Пододеяльников не было. Одежда была байковые и простынь заправленная. У них была такая инструкция, чтобы простынь не заправлять наверх. Туалет находился на улице. Вот то что я видела.

На работу заключенных водили строем по 4 человека в ряд, так же и обратно. Обедали они у себя в казармах. У них был свой лазарет, который находился не в самих домах, а где то отдельно. Точно не помню, но где-то в мужском доме. Лазарет был отдельно и вход в него был отдельный.

Женщин было больше чем мужчин, и потому в доме №11 сделали лазарет. Врач был Захаров Иван Петрович, он был пожилого возраста, где-то лет за 60.

Консультации он давал точные. Были лекарства и он вылечивал. Ни кто из заключенных при нем не умер.

Завтракали и ужинали заключенные в казармах, а обедать водили в столовую. В баню их тоже водили строем, но куда не могу сказать. Когда заключенного освобождали, ему давали небольшой подарок, буханку хлеба. Чаще всего они делили ее с друзьями. Документ давали, что он свободный и проезд бесплатный. Освобожденные заключенные плакали от радости, а кто оставался завидовали им. Мне Николай Селиверстович рассказывал, что многие завидовали и падали на колени, просили меня: – «Похлопочите». Они думали, что кого-то отпускают, то и его могут отпустить. Придет он в казарму, его окружают и начинают унижаться, просить. Срок заключения не превышал 10 лет, а самое маленькое 1,5 года. В основном были со сроком от 2 лет до 6 лет. Возраст заключенных был в основном от 16 до 40 лет. Были и старше. В конце октября, в начале ноября 1944 года тюрьму ликвидировали, не стало надобности ее содержать. Прислали две закрытые машины, их погрузили и под охраной увезли.

О всем не расскажешь. У каждого из нас своя судьба, свой календарь жизни.

Лаладзе Надежда Александровна

Началась война. В войну с солью было плохо, и мы ходили на Скоропусковский завод, за солью. И вот только стали подходить к Возрождению, видим летит самолет, низко. Потом сильный грохот. Говорили, что убило директора ФЗО.

Город после бомбежки опустел. Все деревенские ушли к себе в деревню. Бомбежка была в конце сентября 1941 г. Учиться в школу мы не ходили. Школы не работали. В октябре и завод куда-то уехал. В городе стало совсем пусто. Ребята, с кем я училась в школе, с родителями уехали на другой завод.

Бывало вечером, а спали мы все ребяташки в сараях до самых холодов, услышим гул самолетов, зароемся в сено и молчим. А то страшилки начнем рассказывать. Больше город не бомбили.

Я помню такой случай, в войну ребяташки пошли собирать на колхозное поле, после того как всю картошку убрали, гнилую картошку. Язвический сторож этого поля погнался за ними и выстрелил в мальчишку. Убил насмерть. Взрослые все возмущались по поводу этого убийства. У него отец на войне, дома мать и еще ребяташки были. А что сделаешь. Поле государственное. Взрослых за гнилую картошку в тюрьму сажали.

У нас на заводе заключенные, в войну, работали в цехах. Заключенные жили на Летнем. Заключенные были мужчины и женщины. Над ними Кунцевич был комендантом.

В войну я пошла в детский сад воспитательницей. Садик был рядом с 53 бараком.

Некоторых детей не брали домой, и они были на круглых сутках. Мужья на фронте, мамы круглые сутки работают в цехах. Кому дома с детьми сидеть, да и кормить нечем. А какой-то маме и погулять хочется. Разные мамы были и в войну и после войны.

Бывало, дежуришь ночью в садике, вдруг воздушная тревога. Сирена завывает. А напротив, через дорогу было бомбоубежище. Начинаешь собирать детей. Ночь, они спать хотят, никак не поймут, что случилось. Начинают плакать. Что

из себя представляло это убежище? Простая яма накрыта бревнами, они засыпаны землей в пол метра. Я всегда думала, какая разница – там или здесь тебя завалит. Потом мы перестали мучить детей. Сирена заверещит, а они у нас спят спокойно, посмотришь на них, а они улыбаются. Бог миловал. Тревоги были, бомбежек больше не было.

В войну улицы города были пустынные. Мужчины на фронте, а женщины и подростки работали по 24 часа. Им отдохнуть было некогда.

В 1941 г. школы не работали, завод эвакуировали. В городе стало пусто. Немец был уже под Дмитровом. Подростков 1925-26 г., забрали на фронт. Отправили наших ребят на электричке из Загорска в Орехово-Зуево. Она попала под бомбежку. Ребята из нашего города все погибли. Сережки Погодину обе ноги оторвало. Его в госпиталь забрали. Тетя Лиза, его мать, узнала только после войны, что он жив. Он не разрешал сообщать о себе родным, что он жив. Он письма им не писал, что бы родные не знали о его беде. Но потом тете Лизе кто-то сообщил, что он в госпитале. Она съездила и забрала его из госпиталя. Он пожил немного дома и умер. Они жили в нашем бараке, до того как он сгорел.

Папа был на Ладожском озере и письма домой писал.

В конце войны я перешла работать в цех №5. Деревянные тротуары начали убирать в пятидесятые годы.

Левченко Георгий Михайлович

Родился в 1922 году в городе Умань Киевской области. Родители мои отец – Левченко Михаил Григорьевич работал в районном отделе НКВД. Мама работала врачом в районной больнице. Окончил десятилетку до призыва в армию.

В армию призывался сразу после окончания школы. В 1940 году в июне месяце был направлен в город Волыньск, на старую польскую границу, в 11 легкотанковую бригаду. Здесь же, в этом городе, 22 июня 1941 года нас застала война.

В 4 часа утра немецкая авиация нанесла мощный бомбовой удар по нашему городку, что привело нашу часть в абсолютную неорганизованную и бездействующую организацию. Техника, которая стояла у нас в ангарах, вся была уничтожена. Нам пришлось отступить от старой границы до города Старокопонинов. Из этого города все бывшие танкисты были направлены в Армянскую республику, для обучения на новые танки, которые назывались тогда Т-34. После четырех месяцев в г. Шаумян, нас погрузили в эшелон и отправили в Свердловск. По дороге мы шли через Сталинград, видели этот город, он жил своей нормальной жизнью. Было это где-то в сентябре месяце. Так благополучно добрались до станции Поворино, под Воронежем.

Здесь мы попали под бомбежку. Эшелоны были уничтожены полностью, всё сгорело. Мы остались в поле, на улице, опять – таки без одежды, без шинелей, без ничего. Через двое суток нас посадили в эшелоны и отправили в Свердловск.

Мы прибыли в город Свердловск, но уже не два, а только полтора эшелона. Пол эшелона не было, погибли без боя.

В предместье Гореловский кордон. Там были землянки, нас разместили и началась усиленная учеба. Учили водить Т-34, отстреливать оружие привыкать к танку. Так мы проучились четыре месяца. В январе 1942 года эшелон прибыл под Тулу в третью танковую армию, потом она стала Гвардейской. Командовал армией генерал-лейтенант Рыбалко, впоследствии ставший маршалом бронетанковых войск. Я попал в 317-й танковый батальон 113-й танковой бригады, которой командовал полковник Свиридов. Начались тактические учения.

Начались первые боевые действия летом 1942 г. Пока я обучался, наш батальон в боях не участвовал. Мы попали в подчинение к Жукову, на Западный фронт и вели боевые действия под Колосовским районом Брянской области. Вот здесь впервые я ходил в атаку и видел, как бьет немецкая противотанковая артиллерия по нашей технике. Здесь же я получил первую медаль «За боевые заслуги». Это было в октябре 1942 года.

Затем нас отправили в Воронежскую область. Наша армия потеряла там почти всю технику, остались только мотострелковые части. И нашу армию тут же переформировали и мы вошли в состав Брянского фронта начали готовиться к Курской битве. Это уже был июль 44 года. Мы принимали участие в освобождении Орла. На Курской дуге было два танковых боя, один под Прохоровкой, а второй был недалеко от Орла станция Поньри. Там участвовало 5 танковых армий с нашей стороны. Мы шли на Орел, основная битва произошла у города Поньри Курской области. И вот 5 августа 44 года мы вошли в Орел. А 7 ноября 1944 года освободили Киев. За освобождение Орла я получил медаль «За отвагу», а за Киев – орден «Отечественной войны» 1 степени. За бои в Польше я получил медаль «За боевые заслуги». С боями дошли до Берлина. А в Чехословакии еще стояла миллионная армия Шернера немецкая, там до 11 мая шли бои. Весь Украинский фронт повернулся по приказу Сталина на Чехословакию, на Прагу, там отпраздновал победу. Я был в звании старший лейтенант. Затем нас перебросили в Истенбург, в Австрию. В Истенбурге мы стояли до августа месяца, там же нас начали расформировывать. Я попал в Брест, в резерв. Расформировали и привезли нас в Брест. Потом из 287 полка нас перевели в Вильнюс. Я попал в 22-й моторизованный полк КГБ. И был там командиром бронетранспортерной роты. Я попал служить в город Пильск, был просто командиром стрелковой роты. В Краснозаводск я приехал в феврале месяце 1958 года и служил в войсковой части 3422 в должности командира роты до августа месяца 1961 года. В 1961 году я уволился в звании капитана и поступил на работу на Краснозаводский химический завод, в августе 1962 года – в автобазу. Проработал там до 1995 года, то есть 34 года. Я пришел в автобазу, когда начальником был Иван Иванович Ефимов, я стал его заместителем по эксплуатации. Один раз ездил на уборочную от военкомата, была сборная команда со всего района. За что мне потом присвоили звание майора. Это уже от военкомата, нужно было командовать батальоном. Военком позвонил в Москву, все сделали как полагается. Записали в военный билет. Получилось, что на боевом фронте был капитаном, а на трудовом стал майором. Построили диспетчерскую, построили бензоколонку, построили другие боксы, которые и сейчас стоят и используются. Мы принимали активное участие в строительстве водоема на Возрождении, водоема на Зеленом поселке, мы принимали активнейшее участие в строительстве ДК.

Миронов Валентин Николаевич

2 августа 1938 года, было тихое летнее утро. В семье Николая Миронова ждали рождение ребенка. Солнце уже довольно высоко стояло на чистом небе. Со стороны конюшни слышалось фырканье лошадей, от реки тянуло прохладной свежестью. В лесу, расположенном за ручьем, еще сыром и не шумном, весело распевали ранние птахи. Так начинался «Ильин день» – престольный праздник в деревне Григорово, откуда родом мой отец, – Миронов Николай Иванович, рожденный в 1913 году.

У бабушки было четыре ребенка – Мария Михайловна, за ней моя мама – Клавдия Михайловна, Александра Михайловна, Алексей Михайлович который погиб на Ленинградском фронте.

На заводе № 11 мои родители встретились в 1936 году, отцу было 23 года, маме 21 год.

В 1940 году родилась сестра Нина. Семья стала четыре человека, родителям дали комнату в доме №38, на втором этаже. В этой комнате мы прожили до 1945 года. На это время папы не стало, он погиб на фронте.

Краснозаводск – моя малая родина, Нижний поселок – гнездо моего детства и отрочества, город Загорск – школа жизни и становления руководителя.

Сегодня у меня праздник – Юбилей. «Мои года – мое богатство».

1 сентября 1945 года пошел в школу на Нижнем поселке. В этой школе учился Виктор Боков. Он уроженец деревни Язвицы. Это в полутора километрах от Григорова. Во время моей работы в Загорске, у меня с Виктором Боковым были интересные встречи. В мой юбилей он подарил одну из своих книг. Эта книга дорога для меня, она с автографом поэта.

В мае 1946 года в школу пришел фотограф Обезев и сфотографировал весь класс.

Смотришь на свой класс и вспоминаешь каждого. В основном класс был однороден – дети работников завода №11.

В 1945 году вместе с нами пришли в школу учиться переростки, те ребята, кто не смог получить начальное образование в военные годы.

Они были взрослее и выше, на нас смотрели как на котят. Во время перемены, пытаясь порезвиться, побегать по веранде, мы пробирались через них, как в лесу через кустарник. В это время они пытались провести с нами воспитательную работу. Получив порцию подзатыльников, мы втягивали голову в туловище и бежали дальше.

В школе нас кормили. Давали винегрет, стакан чая, кусочек хлеба, посыпанный сахарным песком и конфету «подушечка». Этот прекрасный паек давали на большой перемене. Для нас была большая радость. Чай с хлебом я съедал, а «подушечку» нес домой. Бабушка ставила самовар, «подушечку» делили на три части и мы пили чай.

Последние предвоенные годы были для людей самыми счастливыми. Это не только заслуга правительственной пропаганды, но и в самом деле жить стали лучше и веселее. Исчезла безработица, росло число рабочих мест. Самые необходимые продукты на прилавках магазинов имелись в изобилии, люди стали лучше одеваться. Отец, работавший в те годы мастером на заводе, потом

начальником цеха, мог позволить себе в отпуск отдохнуть в Сухуми. Жизнь налаживалась, была уверенность в завтрашнем дне и, естественно, произошел – всплеск рождаемости. А потом началась война ...

В 1944 году недалеко от заводоуправления взорвался грузовик, перевозивший со склада порох. Эта трагедия произошла в послеобеденное время. Мама работала в группе цехов, её рабочий день был до 14 часов.

Около заводоуправления она перешла железную дорогу, хотела зайти в продуктовую палатку, стоявшую недалеко от трех берез. Впереди шла женщина. Им навстречу по шоссе дороге со складов шла «полуторка», груженная порохом. Вдруг машину окутало яркое пламя.

От сильнейшего взрыва машину разнесло в разные стороны. Маму откинуло на землю. Она не пострадала. Женщину, шедшую впереди, пронзило доской от борта, она лежала в кювете.

Мы жили бедно, но были очень гостеприимными. Кто – бы не пришел в гости, бабушка накрывала стол, угощала своими прелестными пирожками. Сама она страдала ревматизмом и месить тесто не могла. Звала меня:

– Ну-ка Валя, давай!..

И я начинаю месить – месить...

– Бабушка, посмотри, хватит?

Бабушка пощупает тесто:

– Еще меси.

Потом я кричу:

– Я уже весь мокрый.

– Если мокрый, тогда хватит, – говорила бабушка.

– Хлеб требует, чтобы человека прошиб пот...

И я до сих пор, замешивая тесто для пирогов, приговариваю:

– Чтобы пироги достигли вкуса бабушкиных, надо месить тесто, пока «не взмокнешь».

Мне было десять лет. Захотелось с Петриными ребятами пойти пасти коз.

– Ребята возьмите меня завтра утром с собой. Я поучусь у вас, как пасти коз.

Пришел домой, свою идею рассказал бабушке, и попросил:

– Бабушка разбуди меня пораньше, я с Петриными пойду пасти коз.

– Что ты от них наберешься?

– Ба. Разбуди.

– Хорошо Валя, разбужу. В жизни многое необходимо уметь делать.

Она разбудила меня в 4 часа утра. Утро было прохладное. Вышел босой. Ноги обожгла холодная утренняя роса. Стадо начинали собирать от самого Среднего поселка. Идем мимо дома, я еще издали увидел знакомый силуэт бабушки. Когда мы поравнялись с ней, она с улыбкой произнесла:

– Ну что сынок? Хватит наверное.

Я бы конечно убежал от них, но я дал слово. Прошли стадион и погнали стадо в сторону Жерлово, Геронтьево. В полдень пастухам принесли обед. Я с ними перекусил.

В войну продукты стали продавать по карточкам. Продовольственные карточки отменили 14 декабря 1947 года. До этого дня свободной продажи про-

дуктов не было. Карточки были разного цвета, чтобы не перепутать. Одни талончики были сиреневые, другие желтые, синие, красные. Одни были для хлеба другие для крупы, для жиров. Если продавали раз в декаду, карточек было меньше. Когда приходишь в магазин, даешь талон, и тебе отвешивают столько, сколько положено по карточке.

Карточки были рабочие, иждивенческие и детские. По иждивенческой и детской карточке отпускали 200 гр. хлеба, по рабочей карточке 600 гр. Были карточки для руководящего состава, их называли «ИТРовские». Они были в виде квадратика, на каждый день один талончик. На нем отпечатано, что можно купить и сколько данного продукта. Самое страшное – это потерять продуктовые карточки. Это трагедия для всей семьи.

Всё лето мы, ребятишки, питались подножным кормом. Что только мы не ели. Разные дудки. За грибами ходили ко 2-у цеху. Постоянное чувство голода меня преследовало до самого 1947 года, когда хлебные карточки отменили.

Всю войну в очереди за хлебом была перепись. На руке химическим карандашом писали номер. В течение дня очередь несколько раз перепроверялась. Если не придешь на проверку, тебя вычеркивают из списка. Бабушке приходилось стоять целую ночь.

Иной раз привезут хлеб, а всем и не хватает. Снова стоишь. Ребятишки сами рвались в магазин за хлебом. А для чего? Думаешь, что довесочек дадут. Конечно он твой.

Дома из продуктов ничего не убиралось, был закон, никто ничего не трогает. Если я съем, значит у кого то своих украл. Вот довесок – это другое дело.

За столом ели из общего блюда. По тарелкам не разливали. Готовила мать всю еду в чугунах. Ложки деревянные, металлических ложек еще не было, вилки были. Хлеб был черный и двух сортов белый. Это ситный 2р.80коп. и 1р.70 коп. хлеб похуже. Буханки были килограммовые. Были булочки, тоже двух сортов, булочка 72 коп. на 200 гр. и сдоба 70 коп. Белый хлеб в основном брали за 1 руб. 70 коп.

До войны, когда был папа, колбасу покупали только по праздникам. Колбасный аромат с чесночком остался до сегодняшнего дня в памяти. Сахар до 1939 года стоил 4 руб.10 коп. После 1939 года – 5руб. 70коп. Соответственно подорожали и продукты, куда входил сахар. Это было первое повышение цен.

Смотрю на фотографию отца, снимок сделан перед уходом на фронт в феврале 1942 года, на ней он в зимнем заснеженном пальто.

Когда я учился на третьем курсе техникума, мы с бабушкой отнесли отцовское пальто в ателье, где из него сшили пальто на меня. Оно было из тёмно-рыжеватого сукна и очень теплое. Этому пальто износу не было. До самого поступления на работу в НИИХИММАШ оно согревало меня. Бабушки не стало, а пальто, как память об отце и бабушке долго напоминало о родных мне людях.

Еще мальчишкой я доставал отцовский костюм и примерял, думая:

– Когда же я вырасту и надену отцовский костюм и брюки.

Папа покупал одежду пятого роста. Он был под метр девяносто ростом.

Детство было знаменательно тем, что дед мой, по маме, был конюхом. Поскольку он был конюхом, то я был приближенным человеком деда.

Я был вхож в конюшню к лошадям. Подходил к ним, они фыркали, приветствуя меня. Я обнимал лошадку за голову и щекой прикасался к ней. От нее шел аромат овса и сена. Мне дед давал щетку, и я чистил их.

Перед войной лошадей было сотни полторы. Были рабочие лошади тяжело-возы, рысаки для руководства. Машин в это время было три. По рассказам деда первая машина на заводе появилась в 1930 году, это была полуторка. Стояла она на конном дворе.

Комплекующие детали со складов и готовую продукцию, производимую в цехах, перевозили гужевым транспортом, летом на телегах, зимой на санях. Утром по разнарядке, которая составлялась с вечера, все лошади распределялись по цехам. После войны на заводе было, примерно, шестьдесят лошадок и три автомашины.

Утром, когда я собирался в школу, бабушка давала мне овсяный кисель и кусочек хлеба. На обед она варила первое, чаще щи, подбеленные козым молоком и картошку в мундире. Заварки не было, потому и чай подбеливали козым молоком.

По весне, как в полях и огородах сойдет снег, шли ковыряться в холодной сырой земле в поисках оставшейся картошки после осенней уборки урожая. Наковыряем этой мороженой картошки, принесем домой, бабушка из нее лепешки напечет. Мы их «тошнотиками» называли. Для нас это было, как сегодня жвачка, только намного вкуснее. Наверное, эта «жвачка» помогла нам сохранить зубы и не познать, что такое кариес.

В то время народ был неприхотливым. Что у нас было перед войной? Кровать деревянная самодельная, на ней родители спали, на раскладушке, которую смастерил отец, спал я до юношеского возраста. Сундук под платя, постельное белье и нижнее белье. Сундуки были очень распространены в то время. Кто-то и спал на сундуке. Из мебели были – табуретки да стол самодельный.

Для меня жизнь начиналась тяжело, в восемь – десять лет, когда начал что-то понимать, как мужичок стал помогать семье.

1946-1947 годы были самыми тяжелыми для страны и нашей семьи. Государство все средства вкладывало в атомный проект, к тому же – неурожай, голод, миллионы демобилизованных... Чтобы прокормиться все занимались огородничеством.

У многих были огороды, козы. Это спасало семьи от голода.

Несмотря на плохое питание, мы были здоровее, закаленнее сегодняшних ребят. И при всей скудности жизни того времени мы, пацаны, были счастливы. Жили своим коллективизмом, своей дружбой.

Как только по весне появлялась трава, собирали «дудки», обгрызали их снизу, потом наступал черед «заячьей капустки» – кислицы. Очищали ивовые прутики, смазывали слюной и протыкали ими муравейник, потом облизывали. Муравьиная кислота была очень вкусной. А когда созревала черемуха, мы ели её. И конечно, собирали малину, землянику, лесные орехи, грибы. Летом все бегали босиком. Цыпки, нарывы, трещины на пятках, постоянные порезы – это было нормально. Так мы познавали мир.

Мне было всего три года, когда началась война. В конце лета 1941 года

немцы подходили к Дмитрову, стараясь пробиться к Москве. Город Дмитров от нас – чуть больше 30 км. До сих пор помню артиллерийскую канонаду. От сильных взрывов в доме все дрожало и ходило ходуном. В сентябре завод и город подвергся бомбардировке. Погибли мирные люди. Мы прятались в укрытие из бревен и земли. В городе начиналась паника. Я видел, как жители города и рабочие стали покидать его. Люди шли с мешками и котомками наперевес, держа детей за руку. Дети тоже несли узелки с вещами.

В городе и на поселке появилось много свободного жилья.

Отец с работы приходил поздно и всегда опечаленный происходящим, говорил маме:

– Готовятся железнодорожные составы для эвакуации рабочих и завода в город Челябинск и город Чебоксары. Первый эшелон пойдет 17 октября. Может вас отправить? –

Завод был готов к подрыву. Мой отец участвовал в минировании завода. На это время мы жили в доме № 38.

Через несколько дней после бомбежки города, мой дядя Алексей Михайлович отвез меня на велосипеде в деревню Богородское к родственнице бабушки по линии отца. Там я и прожил несколько опасных месяцев. Алексей Михайлович погиб под Ленинградом.

У бабушки на столе в Богородске под клеенкой долго хранился военный треугольник. «Пал смертью героя, захоронен..» И указано место захоронения. Завод не взорвали. Немцев от Яхромы отбили. С января 1942 года завод возобновил свою трудовую деятельность. Отца призвали на фронт в начале 1942 года. В 1943 году во время Сталинградской битвы он был ранен, оказался в медсанбате. Медсанбат немцы разбомбили. Отец погиб.

Мысли об отце не оставляют меня на протяжении всей жизни. Но особенно тяжело я переживал безотцовщину в детские годы. Мальчишке, растущему без отца, очень не хватает в семье мужского начала. Я часто задумывался, что отец сказал бы по такому случаю, а что сделал бы в этой ситуации...

В 1945 году возвращались с фронта раненые, потом уже мобилизованные. Те, кто помнил моего отца по довоенной работе, каждый старался сказать о нем добрые слова. Это меня очень поддерживало. Даже в шестидесятые годы, когда моя жена Тамара начинала работать в 22-м цехе, и там узнали, что она вышла замуж за Миронова Валентина, все очень хорошо отзывались об отце... Он и в самом деле, был порядочный, ответственный руководитель и хороший человек.

В конце 1943 года в районе началась эпидемия дифтерии. Смертность от болезни была очень высокая. Заболела и умерла моя четырехлетняя сестра Нина. Я тоже заболел и меня отвезли в первую больницу города Загорска, расположенную на улице Кирова. Сделали операцию. Остался жив. В тот год Краснозаводский химический завод был награжден переходящим Красным знаменем ГКО и ЦК ВКП.

За годы войны наш завод одиннадцать раз отмечался в приказах Верховного главнокомандующего.

Потом была весна 1945 года. Весь Нижний поселок шумел – ПОБЕДА!!!

В августе мне исполнялось семь лет. Праздничные колонны собирались около пятого магазина и шли к заводууправлению. Я не понимал и не чувствовал эти праздники. Но особенно запомнились фронтовики, которые вернулись домой. Я видел их праздник – Праздник возвращения домой – на Нижний поселок. Выносились столы на улицу, ставились в длинный ряд. Каждый приносил продукты, что мог позволить себе. В основном была квашеная капуста, вареный картофель в «мундире», самогон и спирт. Все начиналось мирно. Вернувшиеся с фронта рассказывали интересные события из военной жизни. Вина становилось меньше, азарта с матерными выражениями больше. Начиналась потасовка. Их разнимали. Снова садились за стол, пели песни, плясали «елецкого» с матерными частушками. Передать это словами невозможно. Я своим детским умом не все понимал. Смотрел на этих фронтовиков, и так хотелось, что бы среди них был мой отец, прижимавший к себе маму за плечи. Пускай сегодня пьяный, но живой.

Так протекала послевоенная жизнь. Вся она была на нервах. Люди потеряли на войне своих родных и близких. Жили бедно, голодно и холодно. Однако детей и стариков не обижали. Дети были немалой подмогой в семьях, особенно, в неполных. Все жили огородами, на которых надо было вскапывать землю, таскать и разбрасывать навоз, носить воду и поливать грядки. Приходилось много работать физически. С десяти лет я уже пилил и колол дрова. Мы держали козу, за которой требовался немалый уход. Летом заготовливали для нее веники на зимний прокорм, траву жали серпом.

В сентябре начинали убирать с огорода картошку. Помню, положила мне бабушка в тачку мешок картошки. Тропинка шла мимо болотины, тачка перевернулась, и мешок упал в топь. Я мешок тачу-тачу, а он – никак. Вокруг никого, помочь некому. Сколько я там промучился? Наконец, вытащил, пристроил мешок на тачку, отвез домой. От усталости был весь мокрый. Измученным, заплаканным возвращаюсь на поле. Бабушка спрашивает:

– Что случилось, сынок?

Объясняю.

– Что ж Валентин, привыкай к труду и познавай жизнь. Будешь трудиться, станешь человеком. А не будешь трудиться, окажешься лодырем и ненужным человеком. Я тебе поменьше буду в мешок накладывать. Но возить-то надо, иначе с голоду помрем.

Будучи пацанами мы ночевали в сараях. Мода такая была. Допоздна сидим на лавке около 42 дома, балагурим.

Потом расхаживаем, каждый в свой сарай. В нашем сарае было пять курей, которые не давали спать. Над ними был деревянный настил с сеном, мною накопленным. Сено было накрыто какой-то одежиной, были ещё одеяло и подушка.

В четырнадцать лет, когда закончил седьмой класс, бабушка купила мне велосипед – мечту любого мальчишки. По тем временам – конца сороковых, начала пятидесятых – это была невиданная роскошь для мальчишки.

Время становления было тяжелым. Спасибо людям, которые помогли мне в этом становлении. В детские годы мама болела, моим воспитанием занималась бабушка – Дарья Ивановна. Она учила меня Жизни с большой буквы и моя пер-

вая учительница Евсева Елизавета Ивановна. Первым наставником, который распахнул дверь во взрослую жизнь, в мир музыки и ее пониманию был Болонкин Павел Романович. Паша Болонкин с 13 лет стал заниматься в духовом оркестре. В тот вечер, когда познакомились мои родители, он был в оркестре.

Павел Романович, уроженец нашего Нижинского поселка, был старше меня на 15 лет.

В 1953 году встал вопрос «куда пойти?» Сомнений не было – только в духовой оркестр. Мы 15 летние пацаны с Нижнего поселка направились записываться в духовой оркестр. В оркестре были наши ребята с Нижнего поселка – Шишов, Смирнов, Седов, Денисов, Сережа Боков, Болонкин Павел Романович. Они отслужили в армии, участники войны. Мы их очень уважали.

В оркестр нас принимал Петр Васильевич, он преподавал математику в училище №22, которое находилось на улице Кирова в Загорске.

В клубе было два оркестра – оркестр взрослых и юношеский оркестр, которым и руководил Павел Романович Болонкин. Вернувшись с фронта в 1945 году, он пошел работать на завод.

К музыке он вернулся в 1947 году. Оркестр для него был вторым домом, в котором он жил всем своим сердцем с 13 лет. Павел Романович много помог нам, в нашем становлении, как музыкантов. Он говорил:

– Вы теперь не пацаны, вы ребята музыкального оркестра.

Павел Романович не пропускал ни одного занятия, что воспитывало и в нас эту ответственность. Он уважал нас – ребят. Он собрал нас, в основном «безотцовщину» Нижнего поселка, в фойе клуба провел воспитательную беседу:

– Ребята, к следующему занятию все должны быть пострижены, в беленьких рубашечках.

Он прошел мимо нас, сидящих в один ряд, смотря на наши руки.

– Руки у музыкантов должны быть без ногтей и «цыпок». Оркестр – это музыканты, и вы всегда на виду у публики. У людей, общающихся с вами должно рождаться чувство уважения. Потому вы и должны быть опрятными. Будем учиться сидеть, учиться держать правильно тело и руки.

На следующем занятии нас было не узнать – брюки поглажены, белые тапочки начищены зубным порошком, белые рубашечки и аккуратно стриженные волосы, что придавало элегантность.

История духовых оркестров в городе, начинается с января 1919 года, прародителем которых был инженер-пиротехник Оболенский. Каждый вечер приносил нам, мальчишкам безграничную радость. Бабушка всегда встречала меня, наливая горячего чая, я ужинал, ложился на раскладушку и засыпал.

Духовой оркестр был цементирующей основой нашей дружбы. Мы могли спорить, но не более. Стали другими. Другим ребятам, за своего друга могли дать урок хорошей манеры. Мы были Нижинские ребята – музыканты. Для нас это много значило.

Когда начинал дружить с Тamarой, ребята это знали, они шли на Нижний поселок, я шел на Возрождение.

– Ребята, до завтра.

– Иди, иди. Ладно.

Однажды перед музыкальными занятиями директор клуба Неополетанский пригласил нас к себе в кабинет.

– Ребята, вы уже настоящие музыканты, можете показывать свое мастерство в соседних клубах.

Ранней весной мы поехали играть в Константиново. Дали крытую брезентовую машину. Ехали через Загорск. С нами был наш директор клуба.

В Константиново клуб располагался в церкви. На то время это был Константиновский район. В клубе проходило торжественное мероприятие. По его окончании танцы. Акустика была изумительной. Играть было легко и приятно. По окончании этого мероприятия нас покормили и дали выпить. Водитель в кабине дремлет.

Играть закончили. На улице стало темно и прохладно. Тронулись к дому. Всю дорогу веселились и отпускали шутки друг другу. Попросили водителя остановиться в деревне Рогачево, где остановка автобуса, на самой маковке деревни.

Время было три часа ночи. Заиграли «Славянку». Тишина, над озером дремал туман, и в этой тишине зазвучала музыка, проснулись и замычали коровы, в окнах стал зажигаться свет, на крыльцо вышли хозяева. Никто не ругался. Едем дальше. Душа юности у всех нарастает. Въезжаем в деревню Семеново. Просим водителя притормозить. Зазвучала мелодичная «Славянка». Это было не хулиганство, душа просилась на волю. С этим предутренним концертом мы переходили из детства в юность. Взрослели.

Дома бабушка не спит, ждет.

– Ты где шлялся до такого позднего времени? Скоро светать начнет.

Она приготовила чай. Воспоминания о сегодняшнем вечере были свежи, как утренний весенний воздух за окном. Начинаю рассказывать. Глаза начинают слипаться, я желаю бабушке спокойной ночи и засыпаю.

Ездили на «гастроли» в Константиново, Хотьково, Муханово. Мороз был градусов пятнадцать, и одеты все были, кто во что горазд, очень бедно.

В 1956 году проходил конкурс духовых оркестров Загорского района, и наш оркестр занял второе место. Мы гордились этим.

В 1957 году на Международном фестивале молодежи в Москве мы выступили в Колонном зале Дома Союзов. Чувствовали большую ответственность.

Выражая слова благодарности, мне хотелось сказать: «Сила Россиян в духовности и духовном богатстве, в общении и добром отношении с друзьями. Я произнесу тост за великое счастье – быть Человеком, за укрепление связи между временами и поколениями. Я провозглашаю тост за Человека с большой буквы, и день который приносит нам добрые вести от наших друзей. За Вас мои дорогие и близкие мне люди».

Миронова (Попченко) Тамара Александровна

Мой папа, Попченко Александр Павлович, родился в августе 1908 года. Родина папы – Украина, город Новгород–Северск.

Папа закончил Шосткинский институт. В 1933 году по распределению приехал на завод №11. В 1935 году приехала мама, Куликова Мария Александровна.

Мама родилась в городе Шостка. В шесть лет умирает её мать (моя бабушка). У нее были старшая сестра Антонина и брат Владимир. Её Отец (мой дедушка) женился. Время было голодное, мачеха сказала:

– Я не обязана вас кормить, давайте определяйте свою жизнь сами.

В 12 лет мама из семьи ушла. Поступила учиться при капсюльном заводе в школу ФЗО.

По окончании училища поступает на РАБФАК. Мама была очень активная. Ее посылали в Москву на всероссийский съезд комсомола. В Шостке закрывают институт и переводят в город Казань, она поехала доучиваться в Казань.

В войну мои родители были на заводе, папа работал механиком, мама взяла расчет и была домохозяйкой. Работать на завод мама вернулась в 1947 году. В 1945 году вышел Указ правительства, «Кто работал на вредном производстве, может пойти на пенсию в 45 лет». Мама сразу ушла на пенсию.

В 60 лет папа ушел из начальников 2-го отдела, стал работать старшим инженером 2-го отдела. Работал до 70 лет. Папа умер в 1992 году. Мама умерла в 1986 году.

В 1944 году мы с концертной группой ездили в Абрамцевский госпиталь.

Я участвовала в художественной самодеятельности, пела, танцевала.

Была активная. Наш концерт проходил на сцене, в большом актовом зале. Потом пошли по палатам, где лежали тяжелораненые солдаты. В каждой палате я спела, рассказала стихотворение. По окончании всех выступлений нас угостили обедом. Была такая вкусная пшенная каша, густо политая сверху сливочным маслом. На двоих дали целый солдатский котелок. Мы всю кашу съели. В своей жизни я больше не ела такой вкусной каши. Ее вкус и сегодня сохранился во рту.

Год 1944, питание в пионерлагере было хорошее. Блины давали. С блином произошел забавный случай. На завтрак дали блин. Кушать я его не стала, хотя аромат от него исходил изумительно вкусный. Я его взяла, приложила на грудь и побежала домой на Возрождение угостить этим блином родителей. Дома родителей не было, я побежала в огород, продолжая прижимать блин к груди. Желание угостить родителей блином было огромное.

– Мама, папа я вам блин принесла, – еще от калитки закричала я.

– Принесла горяченький.

А блин настолько прилип к сарафану, что оторвать его было невозможно. Я его отдираю кусочками, смотрю на них и не пойму, почему они плачут и смеются. Я никак не могу их понять, я так старалась, бежала, хотела накормить их, а они плачут.

На первое часто давали щи из свежей капусты, каши разные молочные с маслом, хлеб давали по кусочку. Во время раздачи хлеба все старались получить горбушку. У нас было среди ребят такое поверие: «Если тебе досталась горбушка, значит к тебе кто то придет».

Ходили в лес за грибами и ягодами. Из ягод варили компот, грибы с картошкой жарили. В 1946 году было очень плохо с питанием. Хлеб состоял в основном из опилок и немного муки. От куска давали четвертушку. Питаться перешли на «подножный корм». Идем в лес и собираем все, из чего можно

что– либо приготовить. Это щавель, кисличка, дудки и все остальное. Мыться нас водили в городскую баню на Нижнем поселке. Лестница была длинная и уже полуразрушенная, одна москвичка споткнулась и кубарем покатила до самого молокозавода.

В пионерский лагерь приходили со своей подушкой и своей простыней.

Первая смена была дождливая, на вторую смену я не хотела идти в пионерлагерь. Отец сказал:

- Пойдешь.
- Не пойду.
- Пойдешь.

Он взял прут и гнал меня до самого лагеря, как мальчик уточку. Я иду с подушкой и сумкой, опустив голову, вытирая мокрый от слез нос.

Там и увидела Валентина, как кентавра, сидящего на лошади. Он казался мужественным и добрым. Было в нем, что-то, от Робена Гуда.

Сегодня я вижу, из меня получилась хорошая мама, бабушка и домохозяйка.

Когда Валентин перешел на работу в Горком партии, я редко видала его. Валентин работал сутками. Дети маленькие. Подумала и решила:

- Займусь я домом и хозяйством.

Весь дом с его вопросами и проблемами взяла на себя.

Мы с Валентином в школе на Летнем поселке учились в параллельных классах, я в седьмом он в восьмом.

Поэтому я Валентина видела, но внимания не обращала. Когда пришла в техникум, я себе сказала:

- Во! Знакомый парень.

Этот мальчишка казался прекрасным персонажем из фильма. Этим мальчишкой был Валентин. Вот так. Кем-то написана наша судьба. Еще тогда, девчонкой я его заприметила, заприметила свою страничку будущей судьбы.

Много курьезов происходило за семь лет нашей дружбы. Сегодня я хочу поблагодарить судьбу за подаренного мне Валентина. Он дал мне все – дал счастье как женщине, дал счастье материнства. Помог воспитать хороших детей. Он был для них примером.

Я говорила детям, что у них есть папа, он замечательный человек. Мы его редко видим, это временно. Из моих рассказов ребята его очень любили. Когда они его увидели, он им понравился, он соответствовал тому, что я говорила.

С такими людьми, как Валентин мы всегда победим все невзгоды.

Валентин Николаевич Миронов был первым секретарем Загорского горкома партии, в обкоме занимал должность заведующего отделом административных органов, работал в Совете министров РФ, в администрации Президента, был управделами Конституционного суда, замначальника отдела по управлению дипломатическим корпусом. Имеет дипломатический ранг Советник первого класса.

Уйдя на заслуженный отдых, Валентин Николаевич, свой огромный опыт применил для блага жителей Сергиево-Посадского района, возглавив Совет Старейшин.

Моисеев Вячеслав Андреевич

В конце сентября 1941 года была бомбежка города. Погибло несколько человек. После этой бомбежки завод стали минировать и готовить к эвакуации. В середине октября 1941 года ушли первые эшелоны с оборудованием и людьми на восток.

Взрослые ребята ушли на фронт. С первых чисел января 1942 года завод стали восстанавливать. В январе 1942 года завод вновь начал давать продукцию, необходимую фронту.

Школы не работали. Мы, пацаны, пошли работать на завод. Мне было 13 лет. Нас таких было много и девчонок, и мальчишек. Первоначально нас поставили разбивать пустые ящики на дрова. Начальником цеха был Ломакин С.В. Мы на улице колотим ящики, он остановился и говорит: «Ребята, ничего если я у вас этих двух ребят заберу?»

Он привел нас в мастерскую. Работали мы первоначально по 6 часов. Работу делали, на какую мастер поставит.

Мы приходили на работу раньше, на обед не ходили и получалось, что мы тоже работали по 8 час.

Нормы были большие, работали с азартом, нам хотелось больше заработать денег. Так стали мы стахановцами. Я даже стал знатным стахановцем. Меня в Москву возили. Мы план делали по 400%. Таких нас было мало. Мы делали разшорощку запалов. Зарплата была у меня от 800 руб. до 900 руб. Иногда была и 1 300 руб. Зарабатывал хорошо.

Хлебная карточка была килограммовая. Хлеб то был, как медовый пряник. Семьи у всех большие, а взрослые на фронте. Вот такие как мы и были кормильцы семей. Поэтому плохо работать мы не имели право.

С работы бежишь сразу домой. Матери надо помогать. Дел в доме много.

Отец еще до сорокового года говорил, сядет за стол на кухне, закурит: «Мать, скоро война будет. Нас всех заберут на фронт. Половину ушедших на фронт убьют, часть калеками придут». Взрослые чувствовали, что война будет. Отец посмотрит на меня: «Славка, смотри об этом никому не говори. Отца заберут, и ты больше меня не увидишь».

Нас в семье было пять человек, отец один работал. У нас всего было в достатке.

Перед войной жизнь начинала налаживаться. И одежда у нас была, и обувь, а все же пять ребятшек. В теперешнее время один человек сам себя не прокормит. Что она пенсия 1 000 руб. Половину отдал за квартиру, за свет, за газ, за коммунальные услуги и остается на три пачки папирос. Обокрали нас молодые реформаторы – рыжие, лыдые и пьющие.

Когда эвакуировали завод, эвакуировали и ремесленное училище, я не поехал.

Отца взяли на фронт, я в семье остался самым старшим. Мать попросила директора ФЗО меня отпустить, и меня отпустили. Говорили, что школа эвакуируется в г. Молотов.

В комсомол я вступил в войну.

Я сам из–под Переславля. Поехал туда в гости, а мой учитель, Василий Ива-

нович и показывает мне эту газету. «Молодец Славка. Ты настоящий человек», – похлопывая по плечу сказал он.

У меня значков «Ударник пятилетки» много. За все пятилетки меня награждали. Конечно, к значку и премию давали.

За хорошую работу комнату дали. Когда пошел просить квартиру, тоже не отказали, правда на первом этаже, но дали. Это из-за того, что я за неё не отработывал. Но меня и не отпустили из цеха отработывать. Это не моя вина.

Я был награжден медалью за «Трудовую доблесть», за «Оборону Москвы». Только в то время к медалям относились наплевательски, как к значкам, и военные, пришедшие с фронта, и мы гражданские. Они не ценились. Их никто и не носил, медали лежали в комодах. Не было такой моды. Даже по праздникам не одевали. Это стали при Брежневке их носить с 1975 года. «День Победы» стал праздником.

Мы работали не ради наград, больше работаешь – больше получаешь денег. А сейчас смотрю и страшно, что за молодежь. Работать никто не хочет. Да и зарплата на заводе 1 500 – 2000 руб. На эти деньги от зарплаты до зарплаты не прожить. Да и эту выдают не всегда. Задержки по три четыре месяца. А как жить?

Раньше на один день задержат и то шум. А сейчас месяцами не дают. Плохо стало. Что будет впереди? Только время и бог знает.

Моисеев Виктор Павлович

Родился я в 1939 году 17 мая. Отец мой, Моисеев Павел Дмитриевич и мама, Моисеева Мария Михайловна – уроженцы деревни Суходол Тульской области Богородицкого района. В 1929 году родители сошлись и жили в Суходоле. Жизнь моих родителей была долгая и трудная. Отец работал шахтёром. У нас был разработан Подмосковский угольный бассейн. В основном все мужчины Суходола работали в шахте. Мама работала в колхозе им. Калинина.

Деревня в то время, даже по моей памяти, после войны была огромна. Чтобы пройти с одного края Суходола на другой, уходило 40-45 мин. Дворов было очень много.

Когда началась война, многих мужчин призвали на фронт. Некоторым шахтёрам давали «бронь», в том числе и моему отцу.

В 1941 году, в начале декабря, немец захватил область. Суходол оказался в оккупации. В оккупации мы были месяц.

Перед Новым Годом, 30 декабря 1941 года, наши войска освободили Тульский район от немецкой оккупации.

Мне было в то время два годика, но, куда бы я позднее не поступал учиться, всегда писал, «был в оккупации».

Жили мы тяжело. Света, радио, водопровода не было. За водой ходили на колодец. Свет и радио у нас появились в 1955 году, а так мы и понятия не имели, что это такое. Шахтёрская отцовская лампа была на керосине. Сидишь, пишешь, лист перевернул, лампа потухла, опять зажигаешь.

Школа была начальная. В деревне снимали большой дом, ставили столы, крест на крест доски положат, они и были парты. Учились до четвертого класса.

Наше детство до школы проходило по деревенски. Родители работали, дети были предоставлены сами себе и улице. Детских садов у нас никогда не было. Мы понятия не имели, что такое детский сад или пионерский лагерь. С утра и до вечера по деревне бегали. Летом пыль поднимали, зимой дома сидели. Бабушка с дедушкой недалеко жили, они тоже уроженцы Суходола, к ним забежишь, перекусишь, чего дадут – хлеба чёрного без соли или с подсолнечным маслом.

Окончив начальную школу, четырёхлетку, перешёл учиться в школу на шахтёрском посёлке. В ней учились до десятого класса.

С пятого класса я уже начинал делать зарисовки окружающего меня Мира. Карандаши и тетрадь для зарисовок всегда были со мной.

Выбрал Семёновское художественное училище в Горьковской области. От города Горького оно располагалось за 70 км. Я поступил учиться в училище знаменитой Хохломской росписи. Проучившись месяц, мы втроем перевелись на художественную резьбу по дереву. Среди нас – Алёхин Анатолий Иванович, сейчас он живёт и работает в Тольятти, доцент Государственного института, преподаёт резьбу по дереву.

Синицын Пётр Андреевич, но его уже в живых нет и я Моисеев Виктор Павлович.

В Семёновском училище мы проучились два курса, с третьего курса нас призвали в армию.

В августе 1942 года, приказом Сталина с фронта были отозваны Зинин, Левин, Максимов, им было поручено восстановить в училище курсы по народному промыслу – резьба по дереву. С 1 сентября 1942 года были набраны группы, начались занятия.

В войну на фабрике изготавливали грабли и другую домашнюю утварь.

Из нас троих первым из Богородска уехал Алёхин. Второй друг уехал в Сергиев Посад. Я продолжал работать на фабрике и преподавать в училище. Здесь познакомился с будущей женой, Ниной Ивановной.

Это был 1968 год. Я перешел работать на Краснозаводский химический завод.

Детские увлечения становятся профессией. И сегодня бумага и карандаши всегда под рукой.

Мне, как художнику, приятно видеть, что молодежь духовно богата. По другому нельзя сказать, смотря на работы, сделанные молодым поколением будущих художников по работе с «живым» деревом.

Монетов Николай Александрович

Газета «Вперёд» 13 июля 1995 года

В довоенное время жил в городе Краснозаводске способный, симпатичный паренёк Коля Монетов, уроженец деревни Козино, что в восьми верстах от Краснозаводска. Увлекался рыбалкой, гонял в футбол, играл на мандолине.

Вместе со всей молодёжью города ходил строить парк, в котором вскоре «ключом» забила жизнь. Коля был парнем дисциплинированным и правдивым. И хотя принимал самое активное участие в делах молодёжи, однако по характеру был скромным и даже застенчивым, но не лишенным самолюбия. В то далекое время такими было большинство молодых людей. В 1939 году закончил парень 7 классов и поступил на завод. Семья была большая, нужно было помогать отцу. Способности Николая в математике хорошо помогли в работе и, вскоре, он приносил зарплату даже большую, чем отец. Жизнь складывалась весьма удачно, но властно позвало небо. Откликнувшись на призыв комсомольцев на самолеты, Николай вместе с несколькими Краснозаводскими пареньками уехал в Москву учиться в аэроклубе Метростроя. А с апреля 1941 года – он уже курсант Черниговской авиационной школы пилотов. Здесь его и застала Великая Отечественная. Последовало ускоренное завершение лётной школы и первые бои на северокавказском фронте. Дальше – воронежский фронт. Изнурительные без отдыха кровавые бои в Белгородской операции, гибель товарищей, еще час-два назад бывших рядом, живых, полных сил и надежд, мечтавших, строивших планы. В непрекращающихся боях, на пределе человеческих возможностей, мужался характер скромного Краснозаводского паренька. Совершенствовались мастерство и опыт юного летчика. Не раз и не два выходил он живым и невредимым из, казалось бы, безвыходных ситуаций. За все годы войны, летчик-истребитель Монетов не только не был ранен, но всегда возвращался на свой аэродром, а иногда в машине, которая по всем законам физики, должна была развалиться в воздухе или спикировать в землю. Во время Висло-Одерской операции, уже перед самым концом войны, над Бреслау снаряд зенитки попал в правое крыло самолета. Крыла как не бывало, а до аэродрома 40 километров. Тогда была популярна английская песенка про летчиков: «И машина скользит на честном слове и на одном крыле». Вот так на честном слове и на одном крыле дотянул до аэродрома Николай Монетов. Горячая молитва матери, которая говорят, со дна моря достанет, всегда спасала нашего земляка. И действительно, горячо и неустанно молилась тётя Наташа за своего Колюшку. За годы войны, летчик-истребитель Николай Монетов совершил 295 боевых вылетов. Участвовал в боях за Харьков, за Тернополь, излетал вдоль и поперек всю Украину. Участвовал в Львовско-Сандомирской, в Висло-Одерской операциях. Только по официально данным сбил лично 15 самолетов противника и 10 самолетов в группах. И вот настал великий день Победы. За героический подвиг командование полка представило нашего земляка, гвардии старшего лейтенанта Монетова Н.А., к высокому званию Героя Советского Союза. А затем был парад Победы. В парадном строю по Красной площади шел и Николай Монетов. Только где-то на бюрократической лестнице у очередного чиновника застряло представление на нашего земляка. Шли годы, а Указа о присвоении звания героя все не появлялось. Наступил июль 1959 года, когда гвардии полковника Н. Монетова аттестованного на должность командира истребительного полка по болезни уволили в запас. Жизнь еще раз сделала крутой вираж, выражаясь языком лётчиков. С годами боль незаслуженной обиды становилась все ощутимей. Может быть это и заставило летчика ветерана взяться за

перо. И начала складываться книга воспоминаний. Но в самый разгар работы над книгой и хлопот по присвоению звания героя, смерть оборвала жизнь Николая Александровича. Вечная ему Память и Слава!

За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне полковнику в запасе Монетову Н.А. 11 октября 1995 года присвоено звание Героя Российской Федерации.

Из воспоминаний Монетова Н.А.

Шестёркой летим вдоль линии фронта на встречу поднимающемуся на горизонте солнцу. Мы уже слетались, вместе прошли большой кусок войны. За нашими плечами ПВО города Баку, северный Кавказ, Кубань и Степной фронт, сейчас Воронежский. Мы понимаем друг друга с полуслова, стоим друг за друга в любой воздушной ситуации. У летчика-истребителя в полете много забот. У него нет летного экипажа, штурмана, стрелка-радиста, борт техника. Он в одном лице все эти обязанности выполняет сам. Голова в полете крутится чуть ли не на 180 градусов, без этого нельзя. Ты должен увидеть врага первым, это залог твоего успеха в бою. Прозевал, противник навяжет тебе свою волю. «Осмотрительность и еще раз осмотрительность», – так постоянно напоминали командиры. В длинные июльские дни мы делали по 4-6 вылетов в день, со многими боями в одном полете. Воздушные схватки не прекращались с раннего утра до позднего вечера. Обстановка в небе на передовой была такова, чтобы когда наши группы не прилетали прикрывать свои наземные войска, в воздухе находились десятки, сотни самолетов с той и другой стороны, они висели над передовой, бомбили, штурмовали наземные войска противника. В небе рвались зенитные снаряды и снаряды, выпущенные из самолетов. В небе взрывались и горели самолеты, в самолетах летчики. Летчики покидали горящие самолеты, спускались на парашютах на свою и чужую территорию. Их расстреливали в воздухе зенитная артиллерия и самолеты неприятеля. Некоторым удавалось приземлиться, другие погибали, не долетев до земли. Моторы настолько нагревались за день, что не успевали охлаждаться. В кабине было так жарко, что гимнастерка в течение дня, не успевая просохнуть от пота, становилась мокрой. Ноги в кирзовых сапогах от высокой температуры в кабине буквально горели. Шлемофон от пота из черного становился белым. Похудевшие и осунувшиеся, с запавшими глазами, заострившимися скулами, со спутанными влажными волосами после полетов летчики шли к командному пункту полка. Там мы докладывали о выполнении задания, там получали его на следующий вылет. Там, в холодке деревьев отдыхали, там же, под деревьями, заботливой рукой батальона аэродромного обслуживания, были закопаны бочки с холодной водой, квасом, кислым молоком и компотом. После полетов летчики по выбору этим утоляли жажду. От усталости, от нервного напряжения еда не лезла в горло. В ужин, чтобы снять напряжение целого дня, летчикам предлагались по выбору спиртные напитки – водка, коньяк, вино, но никто даже не мог прикоснуться к этому. Было одно желание – спать. Хотелось отдохнуть от изнурительных боев, от неизмеримых перегрузок, от грохота и трескотни пушек, от смертельных разноцветных трасс снарядов врага, от удушливого смрада и гари над полем

боя. Хотелось отдохнуть от жестокости и драматизма воздушных сражений, от неизбежной гибели товарищей. Хотелось придти в себя, забыть о злой, страшной работе смерти, работы убивать. Так уставали наши мальчишеские души, ведь нам было тогда только по 20-22 года и нас становилось все меньше и меньше. Победа в воздушных сражениях собиралась по крохам. Она достигалась невероятными усилиями, на грани потери силы и энергии, но инициатива постепенно переходила в наши руки. Завоевание безраздельного господства в воздухе мы шли долгие 1941, 1942 и 1943 годы.

Из краткого изложения личного, боевого подвига и заслуг:

«За период участия на фронте Великой Отечественной войны с 9 декабря 1942 года, гвардии майор Монетов Н.А. произвел 295 вылетов. Провел 68 воздушных боев, в которых лично сбил 15 и в группе 10 самолетов противника.

Из них по наименованию Ю-88 – один, Ю-87 – два, М-199 – девять, ФВ-190 – два, ФВ-189 – один. В группе Ю-88 – один, Ю-87 – один, ФВ-109 – один, Х-111 – шесть, за что награжден четырьмя Орденами боевого Красного Знамени и медалью «За Отвагу».

В повседневной боевой работе является дисциплинированным отличным летчиком-истребителем. В воздушных боях проявляет высокое мастерство и искусство, отвагу и героизм. Боевой путь майора Монетова Н.А. украшен многими победами, невзирая на численное превосходство противника.

9 июня 1943 года гвардии Монетов с группой, в составе 10 самолетов ЛА-5, поддерживая свои наземные войска, на высоте 2 500 метров заметил две группы Ю-88 и Ю-87 под прикрытием МЕ-109. Находясь в ударной группе, взаимодействуя в воздушном бою, было сбито 5 самолетов противника. Видя гибель своих самолетов, немецкие самолеты стали поспешно сбрасывать бомбы на свои войска. За первой атакой большой группы бомбардировщиков, проследовала вторая волна бомбардировщиков. При поддержке группы, товарищ Монетов был атакован четырьмя Ме-109. Товарищ Монетов атакуя со своим ведомым группу немецких бомбардировщиков, сбил один Ю-87. За этот день в результате двух воздушных боев им лично было сбито два Ю-87.

22 октября 1945 года товарищ Монетов Н.А. был в составе 10 самолетов ЛА-5, прикрывал свои наземные войска. Находясь в паре прикрытия ударной группы на высоте 5 500 метров, заметил 60 Ю-87 под прикрытием 12 Ме-109. Умелым и внезапным ударом тов. Монетова группа бомбардировщиков была рассеяна на отдельные группы. Имея преимущество в высоте, тов. Монетов атаковал звено Ю-87 и с дистанции 150 метров, 5-6 очередями, сбил ведущего звена. Видя гибель своего ведущего, остальные два Ю-87 побросали бомбы на свои боевые порядки. Выходя из атаки, заметил грозившую опасность одному из ЛА-5 и имея преимущество в высоте отбил атаку МЕ-109 и с дистанции 75 метров поджег МЕ-109, который упал на землю.

04 апреля 1944 группой в качестве ЛА-5 ведя разведку войск противника, встретился с группой из четырех МЕ-109. Завязался воздушный бой. Во время боя ведущий атаковал один МЕ-109, имея преимущество внезапности сбил, атакуя противника. Сблизившись с ним на дистанцию 100 метров, четырьмя очередями расстрелял самолет противника, который упал на землю. Видя ги-

бель двух самолетов, другая пара не приняв боя ушла на свою территорию. В этом воздушном бою тов. Монетовым было сбито два самолета противника, без потерь со своей стороны.

Подобных героических подвигов, можно привести много из боевой жизни тов. Монетова. Штурмовые действия по живой силе и технике противника: уничтожил автомашин – 15 с войсками и грузами, паровозов – 5, железнодорожных вагонов – 18, подорвал один мост, поджег 6 складов, уничтожил до 170 солдат и офицеров противника.

За период командования звеном с 01.1944 года по 8.05.1945 года летный состав звена провел 311 боевых вылетов. Провел 51 групповой воздушный бой, в котором сбито 11 самолетов противника.

В плену и окружении не был, контузий и ранений не имеет. Находится в строю. За образцовое выполнение боевых заданий на фронте, борьбы с немецкими захватчиками, и проявленную при этом отвагу и героизм, за лично сбитые 15 и в группе 10 самолетов противника, достоин высокой правительственной награды – присвоения звания Героя СССР».

88 Гвардейский истребительный авиаполк 13 июля 1945 года.

Командующий 88 авиаистребительным полком – подпись.

17.03.1965 года. Статья «Летите соколы, летите»

«Март идет по земле, сосульки падают с сухим треском, проваливаются в рыхлые сугробы. В синем небе вдруг слышится громогласный рёв моторов, это реактивные куда-то пошли на север. Поднял голову человек в рыжих меховых унтах и долго-долго смотрел вслед исчезающим точкам. Вот так с рокотом моторов, в жизнь бывшего летчика врывается прошлое часто-часто. Родом он из Подмосковья, зимой 1941 года по комсомольскому набору пошел в Черниговское летное училище. Там и застала 18-летнего паренька война. Закончил училище в сжатые сроки, вместо трёх лет – за год. И вот фронт. Дали Коле Монетову выдавший виды истребитель «Лавочкин». На нем участвовал в первых воздушных боях. В 1943 году за бои у Днепра и на Курской дуге был награжден двумя орденами Красного Знамени. Затем Прикарпатье, сражение за Тернополь и Львов. Перед командиром стоял ладный паренек с твердым взглядом невозмутимых серых глаз: «Есть слетать на разведку!», взревел мотор «Лавочкина». Николай Монетов пошел на запад. Стелились белой ватой под крылом самолета, а в синеве над головой ослепительно ярким шаром горело солнце. За два месяца полетов Николай хорошо изучил дороги Тернопольщины. А тут странное дело, словно в другие места попал, какие-то рощи появились, там где их никогда не было. И все у шоссе. Идет на бредущем «Лавочкин», зорко вглядывается в землю пилот. Вдруг танки, только замаскированные зеленью. Вот и разгадан хитрый маневр гитлеровцев. Тут же Монетов передал по радио командованию наземным войскам. В районе Подгайцы, Зложцы, Козлов большое скопление танков. Как оказалось, на прорыв к окруженному Тернополю были переброшены два гитлеровских танковых корпуса из Франции и Африки.

За время войны Николай Александрович Монетов совершил 307 боевых вылетов, провел 69 воздушных боев, в которых сбил 25 самолетов противника.

Вы идете Тернополем и видите на улицах города броские рекламные щиты. От Тернополя до Борщева самолетом 35 минут. С 15 октября по 15 июля билеты для студентов и школьников продаются по льготному тарифу. Эти щиты выполнены по заказу начальника городского агентства ГВФ Николая Александровича Монетова. Вот уже несколько лет, после увольнения в запас, проживающего в городе, который он освобождал в дни войны от гитлеровских захватчиков. Николай Александрович парторг коллектива Тернопольского аэропорта, депутат горсовета. Когда пронесится над головой стремительная серебристая птица, долго-долго смотрит ей в след опытный летчик, кавалер многих боевых орденов подполковник запаса Н.А. Монетов».

Л. Жукова

Газета «Крылья Украины» № 1920 от 9 мая 1975 года

Статья «Признание заслуг»

На счету бывшего летчика-истребителя Николая Александровича Монетова, в огненном небе Отечественной войны, свыше 300 боевых вылетов. 15 вражеских самолетов было сбито им лично и 10 в групповых боях. В ожесточенных воздушных схватках с врагом, закалялись мужество и отвага истребителя, росло его боевое мастерство. А летчиком комсомолец Николай Монетов стал в апреле 1942 года. Потом был Закавказский, Воронежский и 1 Украинский фронты. Битва за освобождение от немецко-фашистских захватчиков Советской Украины, бои в небе Польши, Чехословакии и завершающая над Берлином. Весной 1944 года сбивал Николай Монетов вражеские самолеты над территорией Тернопольской области, где теперь он несет службу в гражданской авиации. Здесь же ему удалось разведать крупное скопление вражеских сил и боевой техники, готовящихся к деблокированию окруженному Советскими войсками Тернополя. Это позволило нашему командованию своевременно раскрыть замысел гитлеровцев и нанести им сокрушительный удар. О мужестве и отваге крылатого защитника Родины свидетельствуют боевые награды: 5 Орденов Красного Знамени, Орден Красной Звезды, медали «За Отвагу», «За боевые Заслуги» и много других.

Есть у Николая Александровича Монетова и награды правительств Братских социалистических стран: Польши, Чехословакии и Румынии. Это признание его личных заслуг в великой освободительной миссии Советских вооруженных сил в годы второй мировой войны.

После войны летчик-истребитель 14 лет служил в военно-воздушных силах Родины. И вот уже почти на протяжении 13 лет, ветеран войны работает в Тернопольском аэропорту. Сейчас возглавляет службу перевозок и коммерческой эксплуатации. Хорошо работает коллектив перевозчиков. План четвертого определяющего года и первого квартала 9 пятилетки завершены. Коллектив перевозчиков Тернопольского аэропорта, вдохновленных обращением ЦК КПСС партии Советского народа, несет вахту победы.

И на вахте победы ветеран войны, бывший летчик-истребитель, коммунист, ударник Коммунистического труда, Николай Александрович Монетов.

Н. Барабаш, старший инженер, внештатный корреспондент

Морозова Зинаида Ивановна

Когда война закончилась, в 1947 году голод был. Трудодней нет, денег нет. У нас из семьи на заводе никто не работал. Была корова, так молоко надо было сдавать на молокозавод. Каждый день я носила дневной надой на молокозавод, который располагался на Нижнем поселке. Утренний надой продавали, чтобы хлеба кусок купить. А кусок хлеба стоил 120 руб. Целую буханку купить было невозможно, дорого. Вот ее и продавали кусками. Это было в 1947 году.

Налоги были на все: на куриные яйца, яблони, кусты смородины, крыжовника. В деревнях все стали вырубать кусты, яблони. Платить налог за них было нечем.

Папа с войны вернулся в 1945 году. Стал работать в колхозе. Председателем колхоза был Павлов. Но на трудодни не проживешь. Чумичкин взял его на завод в котельную по «липовой» справке. Котельная работала на подмосковном угле. Папа очень уставал.

В 1953 году я заканчивала 10 классов. Мы с девчонками поехали на похороны Сталина. Но не смогли доехать даже до Москвы. Везде были проверки и всё было перекрыто. Мы вернулись домой.

В первый класс я пошла в 1943 году в школу на Нижнем поселке. Директором была Палагина, учителями – Ермошина Клавдия Сергеевна, Вера Павловна, Тенюкова Лидия Ивановна. В военное время нам в школе давали чай и хлеб, намазанный повидлом.

В войну света в деревне не было. В деревне Язвицы свет был. В войну уроки делали при керосиновой лампе. Бумагу для письма покупали, она была простая оберточная с завода, резали и делали тетради. Бумагу покупали у Боковых. Мама покупала у них и мед, Федор Сергеевич держал пасеку.

Школа была и в Григорово. Директор был Гендаш Василий Иванович, он был и завуч, и преподаватель физики. Он сейчас в пос. Шеметово живет.

В тридцатые годы был тиф. Больница была на Нижнем поселке, у нас там умерли две сестры. Им было 14 и 18 лет.

В 1947 году я перешла учиться в школу №1 на Летний поселок. Директором был Синельщиков Иван Михайлович.

Каждый день в любую погоду я ходила из деревни в школу. Шла через мост, мимо дома №7, через овраг, мимо столовой №2, мимо техникума, через овраг, вот и школа.

В классах было по 36 человек. Учились в две смены. Классов было много «А», «Б», «В», «Г», «Д», «Е», «Ж», «З». Вот так было много параллельных классов. Все родители хотели, чтобы их дети учились.

Контроля со стороны родителей было мало. Когда им было за нами смотреть. После окончания института получила направление под Волоколамск, в Ново-Петровском р-не, где отработала три положенных года.

Когда освободилось место учителя в Краснозаводской школе №1, я переехала сюда и стала работать учителем физики.

Интеллект от рождения разный, разная и прилежность, но образование получить хотят. Труженик может получить диплом только благодаря своим знаниям. Вот такой специалист будет в жизни иметь успех и перспективу.

Мотченкова (Палагина) Людмила Ефимовна

Довоенные игрушки: пограничник с собакой, дирижабль, стрекозы. Игрушки бумажные и ватные. Были стеклянные, но мало, в основном бусы.

Отопление в школе было печное.

Когда родители приехали на завод №11, маме в школе работы не было и она работала в яслях, которые находились в деревне Язвицы.

Папу на фронт взяли в 1942 году, мама заменила его как директора.

Случай такой был, когда мама работала в яслях. Она гуляла с детьми, было лето. Когда стали собирать детей на обед, одного ребенка нет. Они и искали, и кричали, а он уснул в траве. Потом где-то, где-то его нашли. Это было ей уроком на всю жизнь. С того времени, если она куда ходила с детьми, то обязательно их пересчитывала.

В войну отоваривались карточками. Я ходила в магазин №5 около пожарной части. Раза три теряла карточки, маленькая еще была. Но вспомню, где садилась отдыхать, вернусь на это место, а они лежат. Возьму, сожму в кулачек и бегом в магазин. Карточки потеряешь, всё, их не восстанавливали, остаешься без хлеба.

Хлеба мало давали, мама была служащая. Помню, что хлеб был горький и колючий. Не вкусный, но все равно были рады и такому хлебу.

Во время войны был пионерский лагерь, я каждый год там отдыхала.

С фронта отец пришел в 1946 году. До войны, кроме картошки, родители ничего не сажали. У нас был свой огородик и сарай.

Во время войны был такой случай. Мама уехала в Загорск. С улицы какой то мужчина разбил у нас стекло на кухне. Мы смотрим, как он бродит вокруг школы. Он стал стучать в окно. Я со страху спряталась под стол. Это было зимой. Мама приехала, вызвала милицию, его забрали. Оказывается, он сбежал из психбольницы. Он был здоровый, ничего не говорил, только мычал.

Папа вернулся с фронта. Вместе с ребятами около школы посадил яблоневый сад.

Я помню, до войны придут с завода, всё проверят, что надо сделать к новому учебному году. Потом пришлют рабочих и всё сделают. И весь учебный год ни каких вопросов. Дрова привезут, наколют. После войны все изменилось. Отцу приходилось ходить по начальству и кланчить, чтобы что-нибудь сделали для школы. За дровами ездил сам. Работать стало тяжело. Никто не хотел ничего делать. Отношение к школе сильно изменилось в худшую сторону. Может от того, что появились еще две школы.

Я помню, как в войну, по дороге шли войска. В то время в школе не учились. Там поставили железные кровати, на них постелили военные серые одеяла. Такое одеяло у нас в саду долго было, толстое серое. Солдаты побыли в школе какое то время, потом ушли и всё оставили.

Муратова Анна Васильевна

В 1941 году война началась, школа не работала. Начали посылать на трудовой фронт. Посылали кого куда. Говорили, что детей не будут далеко посылать. А потом нет, посылали. И тогда отец меня устраивает на работу в библиотеку. Я была

еще несовершеннолетняя. Библиотека была, где горсовет, по ул. 1-е Мая дом №2 на первом этаже. А до этого библиотека располагалась в клубе на горе. Там работали Блинова Валентина Андреевна, заведующим клубом был Иван Васильевич. Книги отпускала Иванова Дина, она сейчас в колледже работает.

В войну отец иногда возил и директора завода Агафина.

По рассказам отца, он был педантичный. Вот куда-то с ним едешь, подходит время обедать, останавливаемся. Он достает бутерброд и начинает обедать.

Ветеринаром перед войной был Когтев.

В сентябре 1941 года прогудела сирена, объявили тревогу. Мы с мамой жили в доме №38. Я вижу, как самолет летит над цехом №5. Потом от него что-то стало отделяться и вдруг как ухнет. А в город он летел со стороны пионерского лагеря. Я говорю: – Тихон Сергеевич, – сама заплакала, – отпустите меня домой к мамке. А то я тут одна останусь, коли мы погибнем». – Иди, – сказал он, – и скорее возвращайся. Я бегом домой. На улице мне попадались люди, все бежали кто куда. Дома было все нормально. Я довольная вернулась, тоже бегом, на работу.

В ту бомбежку Тоню Захарову ранило. Она училась в РУ. Они шли с обеда из 5-ой столовой. Директора ФЗУ убило. Это за стадионом. Одна бомба попала в цех №5, пострадала мастерская № 512.

В клубе на горе Иван Васильевич был директором. Глаша Белухина была кассиршей. Жена Ивана Васильевича Барнаковская Лиза была кладовщица.

Время было тяжелое. На первом курсе техникума мы получали стипендию 150 руб., а на четвертом курсе она была уже 250 руб.

Помню, какое-то время нам давали талоны на обед, и мы ходили обедать в 5-ю столовую. Для нас это была поддержка. Мы жили дома, а приезжие из Мурома, Челябинска, Чебоксар, Загорска жили в общежитии. Для них это было очень хорошим подспорьем.

Преподавательский состав в техникуме был очень сильный. Многие студенты потом поступили в институты, став высококлассными специалистами, руководителями цехов и заводов.

Пастухов Геннадий Моисеевич

Отец был сержантом, а мама работала во вредных цехах: в первом, во втором, закончила пятым цехом.

В белые дома родители переехали, когда я родился, в 1938 году. Это был второй дом от гаража. К нам приходила нянька с нами сидеть.

Началась война. Отца сразу забрали в армию, направили в пехотное училище, а затем – на курсы младших офицеров. Нас малышей с мамой эвакуировали в деревню к его родителям в Саратовскую область.

Мы уехали в 1941 году. Прожили мы до зимы 1949 года. Отец вернулся с фронта раненый, без ноги, инвалид, поехал в Краснозаводск.

В 1949 году он пошел работать на завод. Работал в 24-ом цехе контролёром.

Взятие Смоленска было 25 сентября. Этот день он записал в дату своего рождения, так как даты рождения у него не было. Однажды за столом я спросил отца: «Ты был командиром батальона. Ты командовал людьми, шёл в атаку, страх

присущ человеку, назад бегут, ты стрелял в своих-то?» – «Я стрелял, но не в людей, вверх, иначе меня подстрелили бы свои же, это закон жизни на войне».

Отец воевал на западном, третьем Белорусском фронте, в стрелковой роте. Потом поставили командиром стрелкового батальона, а это пехота. Первый раз его ранило, когда к Москве подошли. Снаряд, выпущенный танком «Тигр», попал прямо в окоп, где они располагались. Всех разметало, он один только живой остался. Его оглушило и засыпало землей.

Орден «Александра Невского» он получил в Кенигсберге, там его сильно «хряпнуло». Битва была ожесточенней, чем под Москвой. Его стрелковый батальон не успевали пополнять. Люди гибли каждую минуту. Я его спрашивал: «Батя, ты что, в штрафном батальоне был?» А он отвечал: «Мы все были в штрафной роте. После каждой битвы раненые, контуженные, а засыпанные землей, под ней и оставались, их не находили. Очень много погибало солдат».

Под Смоленском было наступление, переправа через реку. Люди не спали сутками. Отца привязали за хлястик, чтобы он не упал с плота. Он все же дремал и свалился в воду, его сразу вытащили.

Под Смоленском его батальон взял важный рубеж. Генерал специально на боевой рубеж прибыл ему руку пожать. Здесь казус такой произошел. Оказывается, у генерала была привычка по лицу хлопнуть и целовать. А он был небольшого роста, а отец высокий. И тут получилось так, что после первого хлопка отца по щеке, а отец был измученным, он подсознательно, как в рукопашном бою с противником, ударил генерала выше бляшки ремня в живот. Адъютант при генерале укоризненно посмотрел на отца. Отца представили к Герою СССР, а потом эта канитель пошла. Майор, его ординарец, написал петицию о случившемся и всё затормозилось. В одном из боев при освобождении Смоленска отец попал в госпиталь. После госпиталя направили под Кенигсберг.

Батальон пехоты, которым командовал отец, находился под командованием Черняховского на границе с Польшей. В один из боев отцу оторвало ногу, он попал в госпиталь.

Однажды в госпиталь приезжает зам. Черняховского: «Покажите мне этого комбата, который ни чего не ест, не пьет, а просит только огольцов». В госпитале никто не знает, что такое огольцы. А у нас в реке Кунье водилась такая рыбка – оголец. Так он дал команду, а была зима, лёд взорвать, наловить рыбы. Не огольцов, а какой-то рыбы наловили и сделали «жарёху». Отец это поел и пошёл на поправку. Подняли документы к награждению Звездой Героя, но докладная майора испортила все дело. Вышло постановление: «Пастухов Моисей Александрович награжден Орденом Александра Невского за № 2523». Пастухов Моисей Александрович награжден орденом «Отечественной войны» второй и первой степени. За номером 906590.

В городе «Орденом Александра Невского» награждены три человека: Пастухов Моисей, Лавров Павел, Рудаков Василий.

Все, кто был на фронте – Герои. Вечная им память.

Поляков Иван Васильевич

Мы жили на Возрождении. На Рябино ходили через ручей Студянка. Самого Рябино уже не было. Вокруг были колхозные поля. На них росла капуста, морковь. Мы всегда лакомились этими овощами.

Помню, мы в войну пошли на Самодуриху собирать малину. И в овраге нашли листовки, много. Там про Василия Сталина было. Портрет его был. Эта листовка, как пропуск был для тех, кто захочет сдать немцам в плен. Мы их собрали и отнесли в милицию. Там их было очень много, а в городе их не было.

Был конец сентября, мы ребяташки стояли около магазина напротив заводоуправления, его звали «Сокольники». Только что провели железную дорогу к цеху №5. До войны ее не было. Был книжный магазин, продовольственная палатка. Овсянников с женой торговали. Мы стояли, ждали, когда хлеб привезут. Со стороны деревень летел самолет. По гулу мы определили – немецкий. У них гул с перерывами. Потом видим, от него срываются черные точки и начало бухать. Народ сразу забегал. Из цеха №5 толпа рабочих бежит. Все шумят. Говорят, что Чернова, директора ФЗУ убило, мастерскую разбомбили и девушек из ФЗУ ранило и кого то убило. А во время паники у ворот цеха №5 комендант завода застрелил мужчину в воротах, когда он их открывал.

К вечеру была по городу паника, стали собираться и уходить в деревни, у кого есть возможность. Завод сразу закрыли.

В октябре завод стали готовить к эвакуации. Мы тоже хотели выехать на родину в Орловщину. Но там уже был немец. Мы ходили смотреть, как грузили на железнодорожные платформы станки. Даже дизеля с электростанции вывезли. После эвакуации город опустел. Помню, как жгли документы из заводоуправления в лесочке напротив магазина «Сокольники». Около костра стояли военные с винтовками. Документы в мешках приносили. Нас не подпускали, а нам интересно – большой костер. Школа не работала. Прошло немного времени и вновь стали набирать на завод рабочих.

Я не помню, чтобы до войны ходили на митинги. По праздникам в гости ходили друг к другу по очереди.

Готовили щи, картошку. Пили из одного стакана, почему не знаю, стопок не было. Заключение было на заводе с конца лета 1942 года по осень 1944 года.

Школа №-7 первый свой набор сделала 1 сентября 1940 года. Я туда пошел в 4 класс. В войну несколько месяцев в ней был госпиталь. В начале войны мы не учились. Потом пошли в школу на Возрождение. Она не отапливалась. Предметы вел один учитель. Тетрадей не было, писали на том, что родители смогли достать на заводе. Чернила с собой таскали. К книгам относились очень бережно. Раньше профессию учителя передавали из поколения в поколение.

Из армии я пришел в 1951 г.

В 1965 г. заводу исполнилось 50 лет. Завод был награжден Орденом Трудового Красного Знамени. Фуршеты в то время проходили скромно. Более широко и помпезно стали отмечать с 1976 года, когда директором стал Урманов Л.А.. С его приходом завод ожил, стали получать переходящее Красное Знамя министерства и главка. Стали часто получать квартальные премии. Появились военные заказы. Стало интенсивное строительство производственных корпусов.

В настоящее время жилищное строительство в городе не ведется. Такая вот перестройка в государстве и умах народа. Дальше будет не лучше. Строим капитализм. С чем мы боролись, на то и напорились.

Пустохин Михаил Семенович

Родился я в сентябре 1930 года в Курской области Новоскольского района селе Беломестное.

Приехал с родителями в Краснозаводск в 1935 году. Перед этим отец служил в Арсаках. После службы он был завербован на завод № 11.

Питались в основном так: черный хлеб, вобла, чай. Отцу давали талоны на обед, он их отоваривал, приносил домой продукты, вместо сливочного масла был маргарин.

Свет мы получали от электростанции, которая работала на дизеле, час работала, час нет. У нас окна выходили как раз на электростанцию. Если свет появился на станции, значит и у нас будет.

Вся мостовая в то время была булыжной до самого 1 цеха.

Как только весна подходит, дорожники начинали ремонтировать.

В 1938 году я пошел в школу на Нижнем поселке. Учителем была Евсева Людмила, жила на Возрождении.

Изучали предметы: русский, арифметика, география. Учебники выдавали в школе бесплатно, а при переходе в другой класс передавали учебники другим ученикам.

Покупали сами только ручки, чернила и карандаши. Чернила мы сами делали, были фиолетовые таблетки толщиной 18-20 мм. Пока разводишь таблетку в воде, сам измажешься и комнату всю перемажешь, поэтому разводили на улице.

В школе были завтраки, булочка с чаем и больше ничего, некоторые принесли что-нибудь своё.

Помню, как первые выборы были в 1937 году. Это был великий городской праздник – со знаменами. Было уже прохладно, где-то по осени. Играл военный оркестр, потому что воинская часть находилась недалеко. В городе было три духовых оркестра.

Билеты в кино стоили: детский -10 копеек, взрослый – 20 копеек. На любое кино народу собиралось много. Первый раз я пошел в кино в 1937 году. На фильм «Они защищали Родину», это первые годы войны, мы убежали из школы с занятий.

Фильмы того времени: «Гаврош», «Чапаев», «Когда б имел золотые горы»-про шахтёров. Во время войны я видел немецкий самолет, летящие бомбы и взрыв. Зенитки стояли в Язвицах и около 731 корпуса в окопе.

В 1942 году в этом корпусе стали формировать воинские части.

Однажды в марте месяце 1944 года взорвалась машина. На ней перевозили порох со склада. В кузове сидели грузчики и охранник с винтовкой. Она ехала мимо трех берез. Это была машина нашего соседа дяди Коли Ефимова, с которым я здоровался несколько минут назад, везя санки с дровами мимо заводоуправления.

Узнав о случившемся, я побежал туда, к трем березам. Подхожу, смотрю, пожарная машина стоит, сучки кругом валяются. Дальше иду, на противоположной стороне от белого дома стояла палатка, которая обслуживала продовольствием заводскую элиту, её как ветром сдуло, подчистую снесло. Магазин, который стоял по этой же стороне, дальше от палатки метров на 60, тоже весь подчистую снесён. Трибуны около заводоуправления тоже не стало. Мы начали бегать вокруг, где рука валяется, где нога. Подошёл я к магазину, здесь кан-

цтовары валяются. Ребятишки кое-что набирают себе. Гляжу, что -то в снегу торчит. Подхожу, а это женская оторванная нога.

Начали искать трупы, на машине было человек 7 или 8. Солдата начали искать, никак его не найдут. Напротив ЦЗЛ был забор, к нему нанесло очень много снега. Солдат попал между забором и снегом. Его обнаружили на третий или четвертый день. Солдаты ходят по периметру, что такое дымок и дымок, а он обуглился, шинель горит потихоньку. Так нашли этого солдата.

В 1947 году я учился в ФЗО на плотника, потом, при моих способностях к этому ремеслу, меня перевели в столярную группу. А перед этим я хотел поступить с товарищем в железнодорожное училище. Мы поехали в Александров, но там набор уже произвели на машиниста и на помощника машиниста. Нам предложили дорожных обходчиков. Мы подумали и решили не поступать.

Кончил ФЗО в октябре 1947 года. Нас, восемь ребят, распределили в СМУ-3 (строительно-монтажное управление №3).

Еще помню, первое время я в седьмую школу ходил, брат там учился и к Октябрьской им давали подарки. В подарках были: виноград, печенье и что-то из конфет. Как сейчас помню, первый раз виноград в рот положил. Вторую ягоду я не кусал, а долго держал во рту, чувствуя вкус еще от первой ягоды.

Репин Михаил Петрович

Я родился в 1926 году в деревне Воскресеновке Садоновского района Воронежской области.

Летом 1941 года в воскресенье мы с братом Васей, 1928 года рождения, пасли лошадей. В нашем колхозе было 70 лошадей. Был прекрасный, светлый солнечный день. Мой отец, Пётр Тихонович Репин, вместе с матерью ушел к деду: «Праздник сегодня, наверное, уже все гулять собрались». Деда звали Тихон Максимович.

Мы пасли лошадей до обеда. Идём домой и видим – по деревне скачут двое верховых. Один из них спрыгнул с лошади и говорит: «Загоняйте быстро лошадей в конюшню». Оказывается, приехали с района лошадей отбирать, началась война. Я бегом к конторе. Тут уже приехали представители военкомата и стали переписывать людей. Новости узнавали все быстро, хотя радио и не было. Света тоже не было. Были лампы керосиновые 5-ти, 7-ми, и 10 линейки. От такой новости в деревне поднялся переполох. Война. Женщины плачут. Дети уткнулись в подола и тоже режут, сами не понимая, почему плачут их матери. Начинают выть и коровы, неизвестно что делается.

Я пошел в дом. На душе беспокойно. Мать собирает отцу вещи, печет блины, заворачивает их в чистую тряпочку. Посмотрев на меня: «Сказали, чтобы на два дня пропитания брали, сынок». Денег не было, в деревне только трудодни. Мать плачет, и дед с бабкой сидят с мокрыми глазами. Они уже проводили на фронт троих детей, которые жили с ними. Дом деда стоял рядом с нашим.

Пока мать готовила его в дорогу, отец запряг лошадь. Все вместе посидели за столом, есть не хотелось. Вышли на крыльцо, мать обняла отца, мы, босые, прижались к нему, простились. Отец сел на подводку, там уже было четыре че-

ловека – наши родственники, и подвода двинулась. Остальные уже пешком ушли. Мы босиком бежали за лошадью.

Отец спрыгнул с подводы, присел, обнял нас, поцеловал и сказал: «Идите домой и ждите нас с победой, я скоро вернусь». Мы постояли, пока они не скрылись и побежали домой. Было очень грустно и мы с Васькой молчали.

Когда отца забрали в армию, мне было 14 лет. Он работал трактористом. Я носил ему в поле обед. Принесу, он трактор заглушит, чтобы тоже отдохнул. После обеда я с отцом лезу в кабину. «Сынок, давай садись за руль, почувствуй силу машины». Его рука ложилась на мою, и мне казалось, что это я пашу землю. Так он меня учил своему мастерству. Потом, сидя со мной рядом, давал порулить самостоятельно, моему счастью не было конца. Как я радовался, что на тракторе еду. Так хотелось, чтобы ребята это видели.

Сегодня отец ушел на фронт. Вечером вся ребятня собралась на лежавших стопой бревнах. Разговор был один, «война». Мужиков в деревне не осталось, женщины стали на трактора садиться. Я и Мамонов, мой друг с одного года рождения (мы с ним и службу в армии проходили вместе), стали работать трактористами. Днём не работали, немецкие самолёты стали доставать до нашей деревни. Разворачивались крылом, шли над полем, трассирующими пулями секли, и хлеба как свеча загорались. Мы прятались. Пахать стали ночью без света. Едешь, ничего не видно. Так мы «с тыквой» стали ездить. Тыкву выгребали изнутри, окошко прорубали, туда кузовок ставили с керосином, фитиль делали, а в окошко стеклышко ставили. Впереди идёт плугочист и борозду освещает. Ты сидишь и смотришь в эту борозду, а с неба не видно. Вот мы так и пахали. Когда слышали звук самолёта, он тоже летал без света, мы останавливали работу и прятались под трактор. Если он стрелять начнёт, может не убить. По трактору пусть стреляет, он железный, и нас никого не ранило, копна только вот горели.

Ближе к осени стали скот эвакуировать. Стада гнали с Украины через нашу деревню, останавливались, хромых коров, которые не могли идти, резали и питались сами этим мясом. У нас была ручная мельница во дворе, два жернова, мололи пшеницу. Варили кашу из пшеницы. А в печиво из муки добавляли и картошку. У нас не заведено было пить чай, самовара у нас не было, воду кипятили в печке, в чугуне. На обед (свиной мы держали) было вареное сало.

Когда я работал трактористом, сёстры мне приносили обед в поле, как я раньше отцу. У меня было восемь сестёр. Работая на тракторе, я сильно уставал. Однажды уснул за рулём и заехал в пруд. День и ночь работали и спали в тракторе.

Мать у нас рукодельная была. Сестренки стали подрастать, одевать было совершенно нечего. Она сошьёт один воротник, к нему пришьет впереди и сзади два клина, вроде получилась какая-то одежда, одеваешь, а под ней – голое тело. Костюмов не было. Мать всё шила руками из старья.

Отец с фронта два раза приходил. Один раз ему оторвало кисть руки. Тогда кисть не могли пришить, а сегодня это возможно. Раненый, а дома не сидел, ходил на поле помогать женщинам. Он всё же тракторист, хорошо в технике разбирался. Где словом подскажет, а где и физически поможет. Работал сторожем.

Потом его обратно забрали на фронт, причем в Польшу. Он был в хозяйственном обозе. При одном из перемещений продовольственного обоза напали немецкие самолёты и расстреляли обоз. Многие погибли, отца ранило. Отле-

жался в госпитале, пришёл домой весь израненный. У него удалили лёгкое. Вторая рука была дугой, так срослась и не выпрямить. Стал инвалидом войны. В колхозе уже не работал.

В 1943 году мне пришла повестка в армию. В колхозе работать было совершенно некому. Трактора надо было угонять. Немцы уже весь Воронеж разбили. Мы трактора ветками накрыли. Нас, рождённых в 1926 году, призвали сразу всех. Приехали в район, там призывников уже много было. В скотные вагоны погрузили, в ночь отправили. Отца на фронт отсюда тоже отправляли.

В основном наш эшелон ночью передвигался. С собой, что взяли из продуктов, мы съели. После этого нас стали кормить сухим пайком. В основном давали сухари из черного хлеба. На станциях, во время остановки, командиры искали кипятка. В чем могли, приносили, чтобы запить сухой паек.

Были мы в гражданской одежде. Привезли нас на завод имени Сталина в Москве, они выпускали машины «ЗИС». Мы помылись, дали нам форму и, когда вышли одетые, мы не узнавали друг друга. Нас построили и повели в столовую, впервые после дома нормально пообедали. А дальше – на станцию, по вагонам – и в Белоруссию. Там и принимали присягу. Все было разрушено. Отсюда началась война. Высадили нас в Бресте. От крепости остались одни разрушенные стены. За ними располагались склады. Оставили нас троих, мы держались вместе, с одной деревни охранять эти склады. В них хранили бомбы. Через два месяца нас отправили в пограничный город Белосток, расположенный в 40 километров от Польши.

Здесь мы тоже были поставлены охранять склады. Часто были тревоги, ночные броски за обнаруженным противником. Придем в роту – уже подъем. Днём спать было не положено.

У нас винтовки были разного производства, отечественных не было. Дадут три, иногда пять патронов, я ни разу не стрелял, не в кого стрелять. Кормили плохо, утром какую-то пареную морковку давали. Мы её поедим немножечко и курум, курили все. Хлеба давали 200 грамм на весь день. Накуришься, голова кружится и скорей к стенке, чтобы не упасть. Кружилась голова, голодные были совсем. В обед суп давали непонятно из чего. Крапиву мы сами собирали, засыпали в кипятка и ели, на второе давали две ложки каши.

В Белоруссии в деревне баня была. Нас туда загнали, мы – в парилку, все завшивили страшно, сняли с себя обмундирование и – в печку на прожарку.

Там мы находились до 1945 года. Война закончилась, и нас отправили в Краснозаводск. В Белоруссии наша часть была расформирована. Приехали в Краснозаводск 1 января 1946 года. Всего было 70 человек. В часть пришел приказ о награждении нас «За Победу над Германией» и «30 лет Советской Армии и Флота». Эти две медали нам вручили в воинской части №3422 г. Краснозаводска.

Нам дали трактор колесный, он стоял в 160 полку, за Загорском. Полгода там жил, занимался его восстановлением. Где стоял 160 полк, глушь была. Волки по ночам выли. Идешь, а он на тропинке сидит. Дорога была в стороне, по которой ездили, ходили из части на ремонтную базу по тропинке. Сидит на дороге один, головой вертит. Симпатичный такой волк. Ну что делать? Стою, потом развернулся и пошёл в обратную сторону. Шёл, шёл, решил вернуться – посмотреть, сидит ли он. Прихожу, а он сидит. И я присел, взяв в руки толстую палку. До тех пор ждал, пока он не ушёл. Надоело ему на меня смотреть, под-

нялся и пошел. Я не подходил к нему близко. В этом месте лес стоял без макушки, все макушки у деревьев были срублены. Одни стволы стоят, а потом топь располагалась. В этой топи танки стояли. Когда пришёл на ремонтную базу, у ребят спрашиваю; «Что же там за танки такие, в болотине?». Они говорят: «Эти танки немецкие, наши их разбили. По ним стрелять учились, как на полигоне».

Начальник ремонтной базы был военный. Мне предоставили жильё. Запчастей не было, их доставали с трудом, но всё-таки трактор был восстановлен.

Поехали домой на тракторе, своим ходом. Ехали лесом, дороги нет, не выйдешь. Мы с Барановым, как на танке. Он старший. От бездорожья нас кидает, как на корабле в шторм. У меня руки совсем онемели. Он не садится за руль – старший.

Ехали через Загорск. Приехали в деревню Лаптево, уже дело к вечеру. Очень хотелось есть. В деревне не было света, пользовались керосиновыми лампами. Керосин был в дефиците, а у нас была целая фляга. Одному жителю деревни мы отлили керосин, за что он нас сытно накормил горячей картошкой.

Трактор пригнали, ночь, меня послали отдыхать в четвертый гарнизон. Уставший, я сразу уснул. Спросонья чувствую, меня толкают: «Вставай». Я встал, не понимая в чем дело. Мне говорят: «Иди на пост». Я отказываюсь: «Мне сказали отдохнуть, я только заснул, а вы поднимаете. Трактор рассыпался пока я его гнал. У меня руки совсем не работают, устал здорово». За неповиновение я был наказан на десять суток ареста. Вели меня, как преступника, под конвоем. Привели сначала в штаб, где командир части Дмитриев быстро разобрался в ситуации, отменил наказание и назначил меня трактористом, разрешив выбрать помощника на своё усмотрение. Я выбрал своего земляка, Васю Перегудова. Мы с ним вдвоём стали ухаживать за железным конем.

В одном колхозе вспашем, нас в другой перекидывают. Так Мы с Васей Перегудовым по всем деревням пахали. Там нас кормили, а в части давали сухой паёк. В сухом паёке была колбаса, тушенка, рыба, огурцов дадут, хлеба. Мы приносим, а хозяйка нам готовили.

Относились к нам с душой, приветливо. Где пахали, в деревне, молока вскипятят и несут в поле. Нам было неудобно, а в душе приятно: «Бабушка, не надо, не ходите, мы сами придём. Что вы в такую даль идете по пахоте». «Вы у нас добросовестно работаете, поэтому заслуживаете уважения», – поклоняясь говорит она.

Рисунов Борис Иванович

Родился я в 1938 г. в доме №-24 по ул. Красной Армии, в так называемых «белых домах». Они сделаны из прессованных стружек с раствором гипса.

В белом доме на кухне было три семьи. Печь топилась дровами, вода и канализация в доме.

Что у нас было: стол большой самодельный, тумбочка, табуреты. На стене репродуктор черный, бумажный. Свет давали не постоянно. Лампочка два раза моргнет, на третий гаснет. Для того, чтобы было в комнате светло, мы открывали топку у печки. Огонь освещал комнату. Мать всегда сидела и вязала, или вышивала возле печи.

Уроки делал с лучинкой. Писали на какой то серой бумаге и еще на какой то черной дощечке. Чернильницу с собой носили в тряпочном мешочке.

Помню, гулял, и над домом низко пролетал самолет и начал стрелять. Мать кричит: «Бориска, домой». Я вбежал в чужой подъезд. Спрятался под лестницей на втором этаже. У нас было свое бомбоубежище, отец сделал. Я помню, туда бежал, упал, коленки разбил. Потом мать мне в убежище на коленках кровь промокала тряпчочкой.

Между домом №20 и №18 стояла сирена, мы как начнем на ней крутиться, она ревет. Люди думают тревога. Конечно нам за это попадало.

В детстве, в основном, играли в салки, прятки, лапту, чижик. Иногда вечером садились на завалинку и все хором пели песни. Песен знали много.

Напротив гаража стояли бараки. Там жили хохлы, мордва, татары. Они тоже собирались и пели свои национальные песни.

В войну, на доме №-10 стояла зенитка. Мы шли с отцом, а она, как выстрелит. Я испугался и спрятался за отца. Еще зенитки стояли на ЦРП на Летнем, около 731 корпуса. Блиндаж и сейчас сохранился.

Ходили на Святки. Святки – это когда ряженые ходили. Котяков дядя Гриша чудил много, веселый был человек, заядлый охотник.

Около дома стоял стол. Мужики играли в карты, домино. Всем домом играли в лото. Все это было летом и после работы. За одним столом в карты, за другим в лото.

В игру «очко» заядлым был Зайцев дядя Гриша. Всегда сигарета в зубах. Губы жжет, а он все держит. Эти игры продолжались до темноты.

Жили дружно, и я не помню, чтобы были драки среди мужиков. Мы, ребята, конечно дрались, девчонки – нет.

В войну мать работала в столовой в «Мадриде» на втором этаже. Здесь было до войны общежитие. Забора не было. Мать приносила на патронке гречневую кашу. Она была разваристая, душистая, с подливкой.

На своем огороде сажали картошку, а также ходили на поля собирали мороженную картошку. Из этой картошки мать пекла лепешки. Мы их называли «тошнотики».

Хлеб в войну был такой, что его и не проглотишь, серый, колючий. В нем больше было польни и опилок, чем муки. Хлеб кусаешь, а он колючий.

Суп варили из лебеды, крапивы. Сковороду, если что нужно было поджарить, мазали парафином, чтобы не подгорало.

У нас в комнате на стене висела большая черная тарелка-радио. Когда было какое либо сообщение, сядем и слушаем. Радио все очень любили.

В клубе на горе смотрел фильм «Зоя Космодемьянская». Была зима, я пошел с младшей сестрой на фильм. От клуба вниз шла деревянная лестница. Ступеньки занесло, и я летел по этой лестнице от самого верха до молокозавода.

В школу я пошел в 1945 году на Нижний поселок. Директором был Палагин Ефим Тимофеевич. У него были кролики, сарай рядом со школой стоял. В классе нас было два класса – это 1-й и 3-й. Писали на серой бумаге. Кормили нас в школе, давали виноград, селедку, чай с булочкой. Это было в большую перемену. Помню, как концерт делали, выступал Толя Авчухов. Он пел:

*Один паренек был Калужский,
Другой паренек Костромской.
Они вместе сражались,
Делили и хлеб и табак.
И рядом ленточки вились....*

В свободное время все ребята были предоставлены сами себе. Хочешь учись, хочешь, «шалай-валяй». Из школы меня за «хорошее» поведение выгнали. Короче, до армии у меня было четыре класса образования. После армии пошел в вечернюю школу рабочей молодежи. В школе учиться на работе заставляли, да и у самого желание к учебе появилось.

Один случай вспомнился. Когда я служил в Прибалтике в Двинске, мне нужно было приехать на станцию Марцино, там была наша часть. Я проголосовал, чтобы меня подвезли. Остановилась грузовая машина. Водитель был гражданский. По дороге разговорились. Он меня спросил, откуда я родом. Я сказал, что с Московской области. «Московская область велика, конкретно, из какого города?» Я сказал: «Из Краснозаводска». Он как то оживился. «Это он сейчас Краснозаводск. Я у вас на заводе деревянные мастерские в ракетном цеху строил. Мы около речки в бараке жили. Строили военнопленные, и я был заключенный». Я тоже как-то оживился, земляк все же. «Клуб на горе и сейчас стоит. На Нижнем поселке уже много построено. А где офицерские дачи стояли, построили кирпичные дома. Это теперь Возрождение

После армии я хотел пойти работать на телефонку, но в штате все было занято и мне предложили идти плотником. До армии я работал и плотником и телефонистом.

Романовская Валентина Ефимовна

Летом 1941 г. в каждый дом ворвалось страшное слово «война». Моя судьба привела меня в белорусские леса в 4-ю партизанскую бригаду Витебского района. Многие девушки гордились, когда одевали, уходя на фронт, шинели. Нам, партизанкам, приходилось уходить на фронт в своей гражданской одежде с карабином и вещмешком на плече.

В отряде я помогала врачу. У нас был свой госпиталь. Вспоминаю время, когда у нас в госпитале оказалось 15 человек тифозных, в том числе и я.

В это время немцы уже отступали. Были слышны раскаты нашей наступающей артиллерии. По решению командира отряда всех больных положили на пять подвод, каждому дали по две гранаты. Мы знали, что немцы никогда не оставляют тифозных больных в живых. С нами был врач Конетеев Василий Трифонович. В отряде он был с женой и маленьким сыном. В сопровождении врача и партизан нас, больных, отвезли в такую чащобу с колючим валежником, что со стороны ничего не было видно. Распрягли лошадей, по круговой обороне поставили телеги. Что греха таить, ждали смертельной схватки с немцами. Решили, что каждый взорвет свою гранату, когда немец приблизится, чтобы и его подорвать.

Перед самой ночью врач попросил разрешения уйти в партизанский отряд, на что мы согласились. Конечно, всю ночь никто не спал, слушали каждый шо-

рох. Стало светать. В той стороне, откуда мы слышали немецкую речь, стало тихо. Часов в пять утра возвращается Василий Трифонович с женой и ребенком. Он сообщил нам радостную весть: немцы обошли нас стороной, и наши войска заняли соседнюю деревню. Он уже был в госпитале, который разместился в той деревне, и договорился, чтобы приняли больных нашего партизанского отряда. Нашей радости не было конца, мы поняли, что останемся живыми, нас будут лечить, что нас накроют. После излечения (из наших больных никто не умер) мы были направлены на фронт.

Из партизанского отряда я ходила в город и добывала необходимые сведения. Мы выполняли все приказы командира с большим патриотизмом. Удачно выполненное задание вдохновляло нас на новое.

Главкомандующий издал приказ о «Рельсовой войне». Железная дорога Полоцк – Витебск была очень интенсивной магистралью для перевозки немецкой техники, живой силы. Мы часто видели проходящие поезда с немецкой свастикой. Каждый из партизанского отряда взял на себя обязательство, – «взорвать два метра вражеских путей». С «большой земли» нам прислали взрывчатку, бикфордов шнур. По десять – двенадцать человек из отряда уходили за железную дорогу, чтобы до прихода вражеского поезда заложить взрывчатку.

Наша группа располагалась по обе стороны путей. Подрыв производили ночью. Тишина. Мы все прижимались к земле и слушали приближение вражеского эшелона. Подрыв производили тогда, когда он не смог затормозить. Выхав на подорванные рельсы, паровоз и вагоны падали набок, катились под откос. Посмотрев на свой результат и получив удовлетворение, мы уходили в отряд. Такие вылазки мы делали каждый день.

Подрыв железнодорожных путей для фронта была огромной помощью.

Но немцы не прощали такого. Они прочесывали леса для поимки и уничтожения партизан. Выстраивалась цепь. Они шли друг от друга на расстоянии 10 метров с собаками. Куда деваться нам, партизанам. В деревню идти нельзя. Если немцы узнавали, что жители деревни помогали партизанам, деревню сжигали вместе с жителями, несмотря на возраст. В таких ситуациях мы делали окопы, в них входило несколько человек. Окоп заваливали валежником. Другие старались хитростью обойти врага и попасть туда, где карательный отряд уже прошел. Так мы спасали наш отряд, но, конечно, многие и погибали.

В начале зимы в одну из таких облав я попала с двадцатью мужчинами. Немцы нас гнали к лесному озеру, которое было впереди. Когда нас прижали к самому берегу, немцы кричали, чтобы мы сдавались. Один из партизан, не выдержав, стал сдаваться в плен. Были слышны крики: «Хэнде хох». Мы видели, как немцы обходили его полукольцом.

У меня молниеносно мелькнула мысль. «В плен? Ни в коем случае. О пленницах – партизанках я знала не понаслышке. Я решила принять смерть».

На озере был легкий ледок, но я решила бежать по нему. Лед трещал, но не рушился. Впереди я видела только один островок, поросший валежником и яркое солнце на чисто голубом небе. Я бежала и каждую секунду думала, что меня сейчас убьют. Я знала, что немцы на такой лед не пойдут. В какое-то мгновение я услышала топот мужчин, которые бежали за мною по тонкому льду.

Слышу команду. «Все на бугорок. В валежник».

Какая – то неведомая сила несла нас по тонкому льду озера к этому спасаю-

щему бугорку. Достигнув его, мы бросались на талую землю, прижимались так к ней, что сливались воедино. Немцы опомнились только тогда, когда последние ребята достигли этого бугорка, который спускался на другой берег. Немцы открыли огонь. Погибли трое, которые пошли позже нас, и тот, который хотел сдаться в плен. Этот случай я никогда не забуду.

Я часто рассказываю ребятам в школе, как надо любить свою землю, как надо относиться к товарищам, которые тебя выручают. Ребята всегда внимательно слушают.

Вспоминаю слова своей матери, куда бы она меня не отправляла, всегда говорила: «Господи, огради ее от ненастья и помоги». Когда я бросилась на лед озера, бежала и повторяла слова матери. «Господи, помоги».

Ко Дню Победы я была уже дома. Работала в школе учителем русского языка и литературы. Я всегда стремилась привить детям любовь к своей земле и друзьям. Преподавателем я проработала почти 50 лет.

Семенов Леонид Алексеевич

Весь род Семеновых исходит из села Хребтово Константиновского уезда. Мой папа, Семенов Алексей Герасимович, 1896 г. рождения, уроженец этой деревни. Мать моя Ольга Метрофановна родилась 1887 г. в этой же деревне.

В Хребтове была своя школа, был клуб. Когда мы жили в деревне, на Октябрьский праздник с завода №11 приезжал духовой оркестр. У меня остались в памяти блестящие трубы. В этом оркестре на трубе играл Гробов Владимир Иванович, на второй трубе играл Гробов Леонид Иванович. В нашем деревенском клубе часто проходили торжественные мероприятия. Народу всегда было много. Показывали фильмы. Фильмы были немые. Света в деревне не было.

Спали на самодельных деревянных кроватках, на которых лежала солома. Мылись в печке. Это было так: печь протапливалась, угли из нее убиралося, застилали соломой и залезали внутрь. Брали туда тазик с водой. Пропотеешь и начинаешь мыться. Потом выползаешь на шесток, конечно, все перемажемся сажей. Начинаем обмываться около печки в корыте.

Света в деревне не было, поэтому спать ложились рано.

Зимой гулять не ходил, одежды не было. Хотя помню, ребята доску загибали, как лыжу, делали сидение. Снизу смазывали навозом и обливали водой. На таких санях они катались с горы около молокозавода. Взрослые ребята вырезали из дерева, типа колодочки. Снизу прикрепляли проволоку – получались коньки.

Жена директора завода собрала нас всех ребятшек и организовала сбор макулатуры. Вместе с ней ходили сдавать.

С ней изучали мелкокалиберную винтовку и вместе ходили в овраг стрелять по мишеням. Она наварит квасу. Постреляем, потом квас пьем.

В пятый класс я пошел в новую школу, которая только что открылась. Это было в 1937 г. Параллельно строили детские ясли. Прорабом на стройке был Лизов.

В школе было печное отопление. Одна печка на два класса.

Перед войной в городе было три школы, на Нижнем, Возрождении, на Летнем поселке. На Летнем поселке была полная средняя школа. В то время в районе их было всего три.

После седьмого класса, в 1938 г., я пошел в школу ФЗУ-№11, которая нахо-

дилась на Нижнем поселке. В 1940 г. я закончил его и пошел работать. В училище готовили токарей, слесарей и химиков. Мы изучали все операции цехов №5, №2, №4. На практику ходили по цехам.

Директором был Иванов. Потом он стал директором ФЗО на Летнем. Когда была бомбежка в сентябре 1941 года, он погиб. Преподавателями в ФЗО были инженеры, которые работали на заводе, – Бойко Иван Васильевич, Ульяна Марковна, его жена, Фомин.

В конце июня 1941 г. к нам из деревни пришла мама сестра тетя Аня. Сели, чайку попили. Я стал собираться с ней в деревню. А это 17 км. Я, когда учился в первом классе, ходил в деревню пешком. Мне нравилось в деревне. Спишь подольше, молочка вдоволь. А главное – не подконтролен. Я пошел проводить тетку. На столбе около гаража висел большой радиорупор, по которому мы слышали слова Молотова: «Немцы без предупреждения напали на Советский Союз. Война». Стало как-то не по себе. Мурашки по телу пошли. Тетка говорит: «Ну, Лёнюшка, я пойду. Ты иди домой». У нас дома тоже «черная тарелка» была.

Я работал в цехе №4. Нас всех в отряд ополчения зачислили. Мы на учебный пункт ходили. Изучали винтовку. Потом ходили на дежурство по окрестностям завода и города. Винтовка была – деревянный муляж.

Был конец сентября 1941 г., обеденный перерыв. Смотрим, самолет летит. Кружит над заводом и городом. Сбросил он четыре бомбы. Одна в цех №5 попала, другая упала около 731 корпуса. Там ранило и убило девчонок из ФЗО. Это училище было на Летнем поселке. За стадион другой бомбой убило директора ФЗО. Иванова. Ему осколком череп вместе с картузом несло. Раньше было ФЗУ – фабрично заводское ученичество. Потом ФЗО – фабрично заводское обучение, потом РУ – ремесленное училище.

Завод стали эвакуировать в октябре 1941 года в г. Челябинск на 254 завод. Нам сказали, что нас эвакуируют месяца на четыре. Война закончится быстро. В то время все работали, и старшие классы. А мы из ФЗУ считались основными рабочими.

Утром приходим на работу, а все оборудование снято. За ночь все сняли. Первый эшелон ушел в середине октября 1941 г. Готовился к отправке второй эшелон в Чебоксары. Были выданы эвакуационные листы. Отец приходит и говорит: «Ленька, завтра отправляться надо, мать остается на заводе». Я говорю: – «Никуда я не поеду». Расплакался, как я могу уехать, а ребята остаются. – «Знаешь, это не игрушки, сказано ехать, значит ехать», – строго посмотрев на меня буркнул отец. В этот день ребята из дома меня пошли провожать на железнодорожную станцию. Было три вагона с людьми и три платформы с оборудованием. Это станки и материалы. Нас погрузили, питания никакого не дали. Старшим был Бельский. Он был главным механиком нашего завода. Тронулись в 10 час. утра. Пока я с ребятами прощался, на эшелон опоздал. Отец думал, что я удрал.

Эшелон дошел до Бужаниново. Я пошел пешком в Бужаниново. Наш эшелон стоял всю ночь, там разбомбили состав. Пока растаскивали его, и я пришел. От отца взбучку получил. После обеда сирены завывали.

Самолет немецкий стал заходить на станцию. Все в лес побежали. Один был в валенках с калошами. Потерял одну, побежал искать. В это время по самолету

стали стрелять зенитки, самолет ушел. А ночью нас отправили в путь.

В вагоне были трехэтажные нары. На них была постелена солома и дерюги. Первую остановку сделали в Ярославле. Здесь постоянно шли бои. Немцы пытались разбить мост через Волгу. Этот мост соединял восток с европейской частью страны.

Бой шел всю ночь и весь день второго дня, потом еще до половины ночи. Мы все из вагонов ушли. Станция была разбита полностью. Стоял эшелон с ранеными, было много прямых попаданий в него. На проводах кишки, глеющая одежда. Кругом валяются части человеческих тел. Вагоны горят. Раненые ползают, стонут. Им помогают погрузиться в телеги. Мертвых грузили на другие подводы. Жуть, что творилось. Картина страшная. У многих на глазах были слезы.

Каждому старшему эшелона были выданы эвакуационные листы. Мы пошли со старшим к председателю Ярославского горкома партии, он нас определил к какой-то пекарне, нам выдали хлеб. Мы взяли вереньки, это большая плетеная корзина с двумя ручками. В эти вереньки в деревнях набивали сена и давали лошадям.

Мы принесли две вереньки хлеба. Хлеб был теплый, ароматный, а мы такие голодные. Принесли хлеб, разделили, наелись. К вечеру нас отправили дальше. Пересекли Волгу. До Челябинска ехали три месяца. Питались в дороге, кто как сумеет. Бомбёжек нашего эшелона не было.

Во время движения в туалет ходили, кто как приспособится. Вагон отапливался буржуйкой. От опорожнения вонь в вагоне стояла страшная. Но это не беда. Замучили вши. Вши были кругом и в одежде, и соломе. По всему телу бегали и кусались. Даже в бровях, у кого усы или борода, так и там. Под мышками и ниже. Тело чесалось страшно.

Наши платформы и вагончики были прицеплены к общему эшелону. Он длинный был. Обычно нас цепляли к проходящему. От Ярославля мы доехали до Дружинина, это под Свердловском. Дальше подцепили к эшелону, который шел из Медвежегорска. Это на севере. У них трупов в эшелоне было очень много. Умирали с голоду.

У кого из наших были деньги, на остановках, если есть рынок, бегали купить молока или ряженки. В это время объявляли: – «Будет выгрузка трупов, подготовить». Приехал обоз лошадей. Трупы складывали на сани, как дрова. Накладывали, веревками затягивали и увозили. У нас не было случая с покойником. Все доехали живыми.

От Дружинина повернули на Чебоксары. В дороге нас нагнал старший эшелона Беленький. Стал шуметь, кто команду дал без него уехать, трибуналом грозил. Все-таки приехали в Чебоксары на завод №253.

С завода №253 за нами прислали транспорт, чтобы мы ехали к ним на завод. Все взрослые ни в какую: «Только в Челябинск на завод №254». Мы попросили, чтобы нас свозили в баню.

Так мы впервые помылись. В чистом белье и то вши были. В вагоне снимаешь с себя одежду и трясеешь над буржуйкой. Они падают на раскаленную печку, аж треск идет. Вши были везде, просто ужас. Помылись. Рядом был магазин, водка продавалась. С трудом, но купили. После бани в своем вагоне взрослые устроили выпивон. Нам ребятам сразу вспомнился завод, город, друзья. Тоска

защемила грудь. Начинаешь вспоминать все до мелочей. Не верилось, что это когда то было. Мы все стали взрослей. Наш эшелон держал путь на Челябинск. Кормились тем, что могли достать на полустанках.

Я работал слесарем в гильзовом цеху. Работа тяжелая. Нужно принести листы железа на себе. Устанавливали оборудование. Работали день и ночь. Откуда сила бралась, я не знаю. Патриотизм «Мы победим» был в каждом, нытиков не было.

Спирт «добывали», идёшь к кладовщице, она нальет. Вот к ней по очереди и ходили. Ее звали Анна Константиновна. Она всё понимала – душа человек.

В обед привезут болтушку, (тарелки были штампованные железные, луженые) пока стоишь в очереди, от хлеба понемногу отламываешь и ешь. Потом болтушку так выпьешь, без хлеба. Вечером давали опять болтушку, но столько народу было, что я никогда не стоял.

Сначала мы за такой обед ничего не платили. Зарплаты у нас не было года два. Работали официально по 12 час. с 8-00 до 20-00 час, ещё авралы каждый день. Так получалось, что по трое суток из цеха не выходили. Работа была очень тяжелая.

Был взрыв в цехе №5, там погибло 14 человек. Мы ящики с изделиями вытаскивали. Все горело. Если б эти ящики сработали, там все разнесло бы.

Соколов Юрий Дмитриевич

Я, Соколов Юрий Дмитриевич, 1938 года рождения, мои предки носили фамилию Зарилковы. Мать Агрипина Георгиевна 1908 года рождения, отец Соколов Дмитрий Алексеевич. Бабушка Зарилова Александра Павловна приехала работать на Троицкий снарядательный завод в 1924 году, из деревни Лискина, Сергиевского уезда. Поселили их в механическом бараке, который находился на Нижнем поселке, за речкой около бани. Дали одну комнатку. Она приехала с двумя дочками, без мужа. Муж оставался в деревне. Вторую дочь звали Марией. Бабушка устроилась работать на завод уборщицей. Из рассказов моей матери, это был тяжелый ручной труд. Бабушка работала в цехе №2, гранатном. Рабочий день был 8 часов. Приходила с работы, кормила детей, спать ложились на полу. Вместе с ними, на пол ложился не вырастающий поросёнок, который кусался, как собака. Мать рассказывала, что повернешься на бок, он сразу начинает кусать. Вши были, и блохи были, всё было. Условия были очень тяжёлые для жизни.

Детство было трудное. Питались очень плохо, самой главной пищей был чёрный хлеб. За хлебом приходилось ходить в магазин № 8, который находился через реку в полукилометре от дома. Обязательно надо было идти с утра, потому что в магазине собиралось очень много народу. Это жители нашего заводского посёлка и жители соседних деревень: Язвицы, Семенцево, Сметьёво, Гороньково.

Наши родственники жили в Сметьёво, они постоянно приезжали за хлебом. Хлеб привозили раз в сутки, с утра. Если его не достанешь, то не достанешь вообще, а есть было больше нечего.

Приусадебный участок был, огород так называемый. Огород, нас детей, летом полностью изматывал. Приходилось самим землю копать, сажать, полоть, а главное поливать. Сажали картошку, капусту, огурцы, помидоры, свёклу –

все, что необходимо было для питания семье. Всё это мы получали только с огорода, нигде ничего не покупали. Урожаи были, накапывали картофеля, но ни когда ничего не продавали.

Что кушал? Бабушка к тому времени уже не работала, когда началось моё детство, она была старая.

Мать работала до войны, в войну и после войны. Во время войны все работали по 12 часов. До войны мне было 3 годика, после войны я был уже большой и ходил за хлебом. Один раз в 8 магазине меня так прижали к перилам, что не вздохнуть, не выдохнуть, не отодвинуться. Все продукты были по карточкам. На семью мы получали одну ковригу хлеба, около килограмма. Пока идёшь до дома, все вкусные краешки общиплешь, домой приносишь без корочек, один мякиш.

В основном варили картошку. У соседей, Афониных, была корова, мы у них покупали молоко. Мяса мы не видели, картошка, молоко, хлеб, когда были куры, были яички. Еду бабушка готовила, измельчала картошку, лук в миске колотушкой разбивала до мягкого состояния. Заливали водой, крошили яйцо, хлеб черныш, получалась мурцовка, это и ели. Пили очень много чая. Чай очень бабушка любила пить, самовар у нас постоянно стоял под парами. Сахар был, но не всегда, пили с сушеной свёклой, ее употребляли вместо сахара. С одеждой было бедно, материал был простой. Никогда не был чистым и глаженным, брюки носились постоянно. Бегали гулять, в школу ходили, все в одной одежде. Не было у нас и в помине велосипедов. Тачку делаем, колёсики катали проволочной клюшкой. Повзрослей строили самокаты, зимой рулетки на коньках, два конька были управляемые через верёвку. Тащили этот самокат до дома №7, что около пожарной, все садились в этот ящик на коньках и летели до самого моста, до гарнизонного дома.

Соколова Надежда Семеновна

Особенно мне запомнилось, когда моего старшего брата, провожали в армию. Это был конец 1940 года, он с 1920 года. Помню его друзей, Волкова Алексея Васильевича и Макарова Николая. Мария Ивановна Кузнецова-Макарова, была техническим секретарём. Началась война, мама очень плакала, потому что брата сразу взяли на фронт.

Отец на заводе работал, был больной и его не взяли на фронт. В 1942 году мы получили повестку о том, что брат Виктор Семёнович пропал без вести под Сталинградом. И с той поры ничего неизвестно.

В 1944 году я пошла в школу на Возрождение. Здание долго стояло не рабочим. Провели ремонт и мы пришли в первый класс. Моя первая учительница была Евдокимова Полина Дмитриевна. Она была и за директора. Когда приехал Павликов, он стал возглавлять школу, а она так и осталась у нас руководителем. Отопление было печное.

Когда были очень сильные холода, нас отпускали из школы домой. Мы не учились, из-за холодов, бывало неделю. В школе нас кормили, булочки продавали, винегрет давали бесплатно. Тетрадей не было, что я помню, мой отец принёс бумагу патронку, а поскольку мы были дети самостоятельные, я взяла иголку с ниткой суровой, прошила эти листочки и сделала себе тетрадь. Писать было нечем. В этой тетради я писала красным карандашом, было очень

некрасиво, но что делать. Училась во вторую смену, в первую смену только в первом классе училась. Утром учёба начиналась в 8 ч.30 мин., а во вторую в 14 ч. Но поскольку школа рядом была, одежда была в основном осенняя, зимней не было, в школу бегали бегом из школы тоже бегом, уже не постоишь в одежке не по сезону.

Во время войны мы отоваривались по талонам, хлеб получали. У меня работала сестра, не старшая, а вторая – Антонина Семеновна. Она была во время войны, от завода, направлена на лесозаготовку, как комсомолка. Работали они где речка Студянка. Там отоваривала карточки хлебные. Я помню, как мы туда ходили за карточками, потеряли хлеб, потом нашли. С братом ходили за хлебом, не всегда мы в очереди стояли.

Дома был радиорепродуктор, мы его слушали всегда. Отопление печное было. Вода была, канализация была на улице, потом провели в дом. У нас была одна комната 28 кв. метров. Спали в основном на кроватях с металлическими дугами. Нас было шесть человек детей, старшего взяли в армию, на фронт. Потом сестру, от завода, отправили в Москву на разборку разрушенных домов.

Жили мы все в одной комнате, с печным отоплением. Пищу готовили дома. Свет был, но когда началась война, периодически отключали и мы сидели при свечах или около печки. Уроки старались сделать днём.

Объявили, что закончилась война. Собралась целая демонстрация у сквера где стояли скульптуры Ленина и Сталина. Большая колонна начала шествие от сквера к заводууправлению. Фонтан работал, цветы сажали.

Солертовский Борис Валерьянович

Родился я в Переславле-Залесском. Родители были служащие, отец работал в лесхозе счетоводом, мать – учительницей в средней школе №-1.

В 1937 г., окончив среднюю школу, я поступил в Московский медицинский институт.

В 1940 г. перешел учиться на военный факультет этого же института. Шла война. Нас выпустили досрочно в сентябре 1941 г.

После выпуска присвоили звание военного врача третьего ранга – одна шпала на петлице. Был направлен в воздушно – десантные войска, которые формировались на Поволжье в городе Энгельсе.

В 1942 г. был направлен в 214 бригаду, она воевала под Сухиничами.

Нас обучали десантному мастерству, прыжкам с самолета.

Из нашего института со мной в бригаде было пять человек. Руководил нами наш врач Смирнов.

В январе 1942 г. был дан приказ нашей 214 бригаде (входила в состав 4-го воздушно-десантного корпуса численностью 12 000 человек) двигаться на Москву. В основном, она состояла из солдат из Горьковской и Костромской областей.

В январе 1942 г. мы пошли своим ходом до Москвы. Москву прошли, не останавливаясь, пошли дальше на Калугу. Калуга была взята немцами в декабре 1941 г. Командование корпуса решило перебраться в Раменское, где был аэродром.

В начале февраля 1942 г. мы были в Раменском. Но часть нашей бригады была десантирована под Вязьму Звенигородского района.

18 февраля в составе 2-го батальона воздушно – десантной 214 бригады я был десантирован на самолете «Дуглас» в Смоленскую область, в район Знаменки. Обслуживать батальон одному приходилось очень тяжело.

В 1943 г. мы стояли в г. Кейково под Ивановом. Здесь наш корпус переименовали в «Первую Воздушно– десантную Гвардейскую дивизию». Наша дивизия участвовала в освобождении Европы.

Конец войны я застал в Чехословакии. Медицинский санитарный батальон, в котором я работал хирургом, размещался в хороших помещениях.

Утром в 4 часа мы все проснулись от страшной стрельбы из стрелкового оружия, думали, что попали в немецкую засаду. Оказалось, что объявили конец войны, но не конец нашему пребыванию на фронте.

После капитуляции Германии нас отправили на восток, там шла война с Японией. В июне 1945 г. на открытых платформах мы поехали на дальний Восток через всю Европу.

Мы думали, что нас повезут в «классных» вагонах как победителей фашизма.

В товарных вагонах нас привезли в Монголию в г. Улан-Батор. Мы участвовали в боях с Японией до сентября 1945 г. Наша дивизия получила за этот поход звание «Краснознаменная».

Здесь я переболел сыпным тифом. В одном из боев меня контузило. Подал рапорт, был демобилизован по болезни 15 декабря 1945 г.

После демобилизации приехал к родственникам в Москву, стал устраиваться на работу. В горздравотделе я познакомился с Сушкиным из Краснозаводской больницы, где он работал главным врачом и пригласил меня работать в свою больницу.

Я приехал в Краснозаводск в марте 1946 года. Сушкин встретил меня очень приветливо. Он был, как и я, фронтовик. Всё удивлялся, как я смог пройти всю войну на передовой врачом и остаться в живых. Он сам был ранен в ногу и ходил на протезе. Здесь я проработал более до самой пенсии.

Больница мне понравилась. Она была чистая, все было аккуратно, больные лежали в хороших, просторных и светлых палатах. Они были в больничной одежде: мужчины в пижамах, женщины в халатах и тапочках. На первом этаже были приемные кабинеты.

С марта 1946 г. я начал свою работу в больнице хирургом и невропатологом. В этом же году перевез в Краснозаводск свою семью: Нину Ивановну – жену и сына Сашку.

Центральная дорога была мощная булыжником, мостки были деревянные, они просуществовали до 1957 г.

Отношение к врачам было очень хорошее. Все старались помочь.

Питание в больнице было хорошее. Продуктов было в достаточном количестве. Хлеб был с городского хлебозавода. Привозили его еще горячим.

По вызову к больному на дом в 1946 г. врачи ходили пешком.

На пенсию я ушел в 1987 г. Здравоохранению в нашем городе я отдал 41 год. Пенсия в 1987 г. у меня была 146 руб. По тем временам это были большие деньги. Теперь моя пенсия стала в 7 раз меньше. Так живет вся Россия. Все сбережения со сберкнижек ликвидировали. Обворовали народ такие, как Чубайс, Гайдар, Абрамович, Березовский. Всех миллиардеров и не перечислишь. Бог им судья.

В послевоенное время здравоохранение улучшалось прогрессивно. И так

было, пока в стране не наступила перестройка. До Горбачева все улучшалось, а с ним пошло поехало. Даже американцы к нам приезжали и интересовались развитием нашего здравоохранения. Они говорили, что медицинская служба у нас на очень высоком уровне. У нас было чему поучиться.

Трофимова Эмма Дмитриевна

Перед войной нашему отцу дали направление в Киров, потом в Ирску, потом в Луцк. В Луцке нас застаёт война. Мы уехали с завода №11 в 1938 году. Бабушка работала поваром в 1 цеху, Татьяна Сергеевна Балашова. А дедушка работал маляром -строителем Балашов Константин Сергеевич. Мама была не замужем, ходила к ней котлеты кушать. В столовой работал молодой человек – мой отец, Ковалёв Дмитрий Александрович. В 1933 году мама вышла замуж за него. Он служил тут солдатом, потом окончил школу Томилина. Он был младшим лейтенантом, его взяли на повышение звания в Киев. 26 числа он должен был приехать. Он так и не вернулся с Киева. Мы были в Луцке, в западной Украине. С гарнизона нас сразу вывезли на хутор и там мы скрывались. В Луцке немцы были, а на хутор они редко приходили. Под Ровно шла Красная Армия, они у нас были. Ещё были партизаны, а немцы сюда не доходили. Всё кругом горело, нас переселили в отдельный дом. Людей было целый дом, мы не сгорели, нас не убили. Маме показываться нельзя было в городе.

Украинцы сами не пускали никого к себе в дом, а посылали к нам. Мы не знаем, почему так. Вообще все у нас тут были: кто из плена бежал, бойцы Красной Армии, конница здесь стояла, как начались бои.

Луцк дважды переходил от немцев к русским. Когда немцы отходили, всё палили. Когда вступили наши, тогда мама начала работать в военно-подсобном хозяйстве и мы стали хлопотать, чтобы нам помогли выехать на Родину, завод №11. Она везде ходила и ей дали вагон. Нас отправили оттуда, помог нам начальник этого хозяйства. Хотя маме говорили: – Ты останься здесь. Будешь жить. Она работала учётчиком. Всё тебе будет здесь. Мама решила уехать на Родину. Выхлопотали вагон, собрали муку, картошки немного, всего собрали и нас подцепили к военному эшелону. Четверо нас было, потом приехала сестра мамина Лена. Ещё два профессора из Москвы были из Темерязевской академии. Они попросились к маме в вагон. Мы ехали с военным эшелонном. Военные просят у нас, если вы доедете, мы с вами вагонами обменяемся. У нас был вагон с теплушкой. Мама согласилась. Им на Урал ехать за боеприпасами. Мы приехали в Москву, стояли сначала долго. Потом нас пропустили. Приехали в Бужаниново. Нас разгружали солдаты из нашей воинской части. Кропова была здесь в отделе кадров. Это мамина была подруга. Нас разгрузили, мама говорит: «Ну должна же я уплатить за вагон». А они сказали – Не надо. Спасибо вам, что вы привезли нам товарняк, потому что, нет порожняка отправлять боеприпасы. Солдаты подъехали на машинах и нас перевезли на завод. Сколько ехали, не помню.

Мы приехали на Нижний посёлок к бабушке в гостиницу. Приехали все стриженные. Брату было 10 лет, пошли они учиться на Нижний посёлок к учительнице Марии Ивановне. В 10 лет он пошёл в первый класс. На Украине он не

учился. Комната, которую нам дали, была 12 кв. метров, нас шестеро приехало и их трое. Потом нам дали в 11 доме комнату. Мы там прожили немного, потому что нас всё же четверо, надо приглядывать за нами и мы уехали в гостиницу на Нижний. Мы жили на втором этаже.

Когда мы приехали, я сначала работала в 21 цехе курьером. Потом пошла в заводоуправление курьером. 18 лет мне исполняется, я иду в цех №5. Так всю жизнь там и проработала. Начинала я работать в 510 мастерской, Зоя Ивановна Быкова была. А мастер была Надежда Дмитриевна. Начальником был Калугин В.И. Разводили саженцы яблонь под руководством Василия Ивановича. Воды не было, шлангов тоже не было, носили всё на руках. Сажали, порядок наводили, убирались до чистоты. Всё было в цветах. Это были шестидесятые годы. Точно при мне, потому что мы сажали и под каждую яблоню по шесть ведер воды выливали. Мы отработаем, норму сделаем и нас всех на полив. Потому и было красиво, цвело всё. Цветов много было. Это 1959-60 года. Заводской план благоустройства города был на плечах рабочих, в нерабочее время. Нам молодым рабочим хотелось наслаждаться красотой, которую мы создавали своими руками. Сегодня этого нет.

На встрече с учениками школы № 10 п. Березняки

Обращение к детям войны!

Мы, пятиклассники школы №10, посёлка Березняки, обращаемся к вам из мирного 2019 года.

Война – самое ужасное испытание, которое пережил наш народ. Дети и война – несовместимые понятия. Вы натерпелись от нее не меньше, чем бойцы на фронте. Страдания, голод, смерть родных рано сделали вас взрослыми, воспитав смелость, стойкость, силу духа. До войны Вы были самыми обыкновенными мальчишками и девочками: играли, учились, помогали старшим. Но пришел час тяжелых испытаний и Вы доказали, что любовь к Родине, боль за судьбу своего народа и ненависть к врагам могут победить.

Мы благодарны вам

**за возможность радоваться яркому солнцу и новому дню!!
Обещаем быть настоящими патриотами своей Родины.**

*Карпова Катя Кашов Антон
Романова Елизавета Табеев Дарья Раваев
Похомов Антон Кирилов Кирилл Жеткербек
Мухомов Александр Бурданов Кирилл Мухомов Артемий
Тихон Мухомов Бурданов Артемий Смазков Витя
Першин Федор Шурманов Сергей Мухомов Дарья
Смазков Витя Шурманов Витя Шурманов
Смазков Витя Шурманов Витя Шурманов
Смазков Витя Шурманов Витя Шурманов
Смазков Витя Шурманов Витя Шурманов*

Содержание

Вступительное слово Кругликова В.С.	5
Рыбаков Иван Алексеевич. Стихи о войне	6
Дети войны - дети Победы. Память на века.....	9
Акользина Валентина Александровна	10
Алёшина Александра Михайловна	10
Алленова Галина Сергеевна	12
Архипова Людмила Федоровна	13
Бабахов Сергей Михайлович	15
Бажанова Марьяна Николаевна	16
Базаева Наталья Яковлевна	17
Бакулина Любовь Герасимовна	21
Балуга Виктор Иванович	23
Баринов Владимир Николаевич	29
Барченкова (Хмельёва) Ольга Александровна	30
Баукова Мария Степановна	33
Бахирев Михаил Гаврилович	35
Безрукова Зоя Павловна	40
Благинина Любовь Алексеевна	41
Боброва Эмма Михайловна	41
Бородулина (Антонова) Александра Егоровна	43
Братишко Николай Максимович	44
Бурова Людмила Петровна	47
Васильева Татьяна Дмитриевна	48
Веденева (Зайцева) Лидия Сергеевна	49
Водолазов Александр Федорович	51
Вознесенская (Шугаева) Галина Алексеевна	53
Гинсбург (Соколова) Татьяна Анатольевна	56
Глазер Вениамин Евгеньевич	57
Гончарова Роза Витальевна	64
Горлова Лидия Дмитриевна	65
Горячев Алексей Юрьевич	66
Горячева Татьяна Петровна	67
Гришина Людмила Брониславовна	69
Гуральник Зинаида Петровна	71
Гусаров Анатолий Петрович	72
Гущин Станислав Федорович	74
Денисов Сергей Вячеславович	75
Дорожинский Александр Леонидович	76
Евдокимова Вера Ананьевна	77
Егоров Анатолий Алексеевич	77
Емельяненко Николай Иванович	80
Ерёмины Александр Феоктистович и Мария Дмитриевна	81

Жильцова Клавдия Сергеевна	83
Завьялова Елизавета Георгиевна	85
Звягина Галина Николаевна	87
Земляная Таисия Петровна	87
Зубова (Авдюшина) Маргарита Александровна	89
Ивахнова Нина Дмитриевна	90
Исаев Павел Александрович	91
Каган Михаил Леонидович	92
Камышников Александр Андреевич	94
Кириллов Николай Васильевич	95
Кириллова Елена Сергеевна	99
Кириллова Наталья Анатольевна	101
Клеймёнова Пелагея Андреевна	104
Ключникова Галина Николаевна	105
Козлова Нина Пантелеевна	110
Коробкина Альбина Филипповна	115
Корниенко Анатолий Степанович	120
Коршунов Борис Александрович	122
Котов Иван Павлович	124
Кривошея Надежда Владимировна	125
Крякин Владимир Григорьевич	130
Кулешова Людмила Александровна	130
Курлянчик Людмила Матвеевна	132
Кутловская Екатерина Сергеевна	134
Лапченко (Андрианова) Валентина Ивановна	134
Лебедева Лариса Ивановна	136
Левченко Евгений Иванович	137
Лешкова Нина Борисовна	138
Лопатина (Малых) Татьяна Александровна	141
Мазаева Татьяна Алексеевна	143
Майорова Алевтина Михайловна	143
Мальшева Галина Ивановна	145
Маслова Валентина Викторовна	146
Матьяш Светлана Александровна	148
Мелешкова Светлана Николаевна	149
Мерзлякова (Лугинина) Мария Кузминична	151
Муравьев Иван Федорович	153
Николаенко Нина Алексеевна	156
Новикова Людмила Николаевна	157
Носкова Мария Александровна	158
Орехова Татьяна Борисовна	161
Островский Валерий Семенович	161
Паршина Ирина Филипповна	162
Петрашев Василий Семенович	163
Петрук Элла Анатольевна	166

Пикалева (Платонова) Нина Ивановна	167
Попова Зоя Ивановна	170
Пролетарская Людмила Сергеевна	172
Протоиерей Борис Можаяв	174
Пупкова Валентина Петровна	178
Рольщикова Надежда Алексеевна	180
Романова Людмила Николаевна	181
Русаков Анатолий Васильевич	182
Ручнова (Кривоногова) Любовь Петровна	184
Самигуллин Наумир Абдуллович	186
Самсонов Владимир Ильич	188
Седов Евгений Николаевич	190
Симан Валентина Константиновна	191
Смердынская (Парамонова) Татьяна Сергеевна	192
Сокова Вера Васильевна	193
Сорокин Рудольф Федорович	194
Степанкина (Соколова) Людмила Александровна	196
Строгалин Александр Васильевич	200
Сысоева (Грибцова) Галина Акимовна	202
Танченко Нина Анатольевна	203
Тараканов Николай Николаевич	204
Тарарина Татьяна Петровна	206
Трифоновна Оксана Олеговна	213
Украинцева Любовь Алексеевна	214
Часов Юрий Петрович	217
Чернухина Галина Ефимовна	227
Чулков Валентин Павлович	228
Шелдышева Майя Васильевна	237
Шеренкова Мария Кузьминична	238
Эльчиев Владимир Адильевич	239
Ярина Елизавета Сергеевна	248
Воспоминания жителей г. Краснозаводск.	
Из личного архива Самсонова Владимира Ильича	251
Антонов Николай Иванович	252
Базлова Зинаида Алексеевна	255
Бокова Вера Федоровна	258
Болонкин Павел Романович	271
Булычев Николай Сазонович	273
Ватагин Сергей Михайлович	280
Горшков Михаил Иванович	286
Гущина Галина Николаевна	290
Дементьева Мария Егоровна	293
Денисова Мария Ивановна	294
Диденко Иван Павлович	295

Дмитриева Анна Александровна	297
Еремин Николай Алексеевич	298
Ефимов Юрий Иванович	301
Жиляева Людмила Петровна	303
Зубарев Анатолий Петрович	305
Зюзина Тамара Ивановна	307
Игнатъев Виктор Васильевич	309
Ильющкин Павел Яковлевич	317
Козлов Владимир Сергеевич	319
Кондратьев Алексей Васильевич	322
Конева Ираида Степановна	325
Круглов Евгений Григорьевич	327
Ксенофонтов Николай Иванович	328
Кунцевич Мария Григорьевна	333
Лаладзе Надежда Александровна	336
Левченко Георгий Михайлович	337
Миронов Валентин Николаевич	339
Миронова (Попченко) Тамара Александровна	346
Моисеев Вячеслав Андреевич	349
Моисеев Виктор Павлович	350
Монетов Николай Александрович	351
Морозова Зинаида Ивановна	357
Мотченкова (Палагина) Людмила Ефимовна	358
Муратова Анна Васильевна	358
Пастухов Геннадий Моисеевич	359
Поляков Иван Васильевич	361
Пустохин Михаил Семенович	362
Репин Михаил Петрович	363
Рисунов Борис Иванович	366
Романовская Валентина Ефимовна	368
Семенов Леонид Алексеевич	370
Соколов Юрий Дмитриевич	373
Соколова Надежда Семеновна	374
Солертовский Борис Валерьянович	375
Трофимова Эмма Дмитриевна	377
Обращение школьников п. Березняки	379

ББК 84 (2Рос=Рус)6

С62

Администрация
Сергиево-Посадского городского округа Московской области
Совет ветеранов
Сергиево-Посадского городского округа Московской области

ДЕТИ ВОЙНЫ - ДЕТИ ПОБЕДЫ

ПАМЯТЬ НА ВЕКА

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ ЧАСТЬ IV

Руководитель проекта
председатель Сергиево-Посадского городского округа
Московской области,
заместитель председателя Московского областного Совета ветеранов
Кругликов Валерий Сергеевич

Составители
Лукьянова Р. Г., Кириллова Н.А., Силакова С.Б.
Технический корректор Силаков Г.М.

Воспоминания публикуются в авторской редакции

Издательство «РЕМАРКО»
Директор Васильев С.Ю. Верстка Морозов К.Н.
г. Сергиев Посад, Новоугличское ш. 44а
8-916-813-12-45
e-mail: remarkoprint@gmail.com
Тираж 500 экз.

АО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13
Заказ № К-9662

г. Сергиев Посад – 2020

ISBN 978-5-6043954-2-4

9 785604 395424

Сборник воспоминаний «Дети войны – дети Победы», изданный в 2013 году, получил широкий отклик среди ветеранов Сергиево-Посадского района. Только за один 2014 год в Совет ветеранов района поступило в три раза больше рукописных воспоминаний, чем было опубликовано.

В 2015 году в канун 70-годовщины Великой Победы вышел второй сборник «Дети войны – дети Победы», который включил рассказы 191 автора.

Поток воспоминаний в Совет ветеранов не прекращался и вскоре к печати подготовили третью часть. 99 авторов рассказали о трагическом времени, труде, жизни в тылу, о героизме матерей в годы Великой Отечественной войны и в 2016 г. третья книга увидела свет.

Новую, четвертую, книгу написали 162 автора и посвятили её 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Совет ветеранов выражает огромную благодарность всем авторам и участникам проекта.

СЕРГИЕВ ПОСАД 2020